

**Уполномоченный по правам человека
в Российской Федерации**

**Государственный архив
Российской Федерации**

**Фонд Первого Президента России
Б.Н. Ельцина**

**Издательство
«Российская политическая энциклопедия»**

**Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал»**

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН**

NICOIAS WERT

**LA TERREUR
ET LE DÉSARROI
STALINE ET SON SYSTÈME**

PARIS
PERRIN
2007

НИКОЛЯ ВЕРТ

**СТОРНА
СТАЛИНИЗМА**
**ТЕРРОР
И БЕСПОРЯДОК
СТАЛИНИЗМ КАК СИСТЕМА**

Москва
2010

УДК 94(082.1)
ББК 63.3(2)6-4
В26

Издание осуществлено при поддержке
Национального центра книги Министерства культуры Франции
Ouvrage publié avec le soutien du Centre national du livre – ministère
français chargé de la culture

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*), Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*), А. А. Дроздов,
Э. Каррер д'Анкосс (*Hélène Carrère d'Encausse*),
В. П. Лукин, С. В. Мироненко, Ю. С. Пивоваров,
А. Б. Рогинский, Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*), А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*), О. В. Хлевнюк

Верг Н.

В26 **Террор и беспорядок. Сталинизм как система** / Н. Верг;
[пер. с фр. А. И. Пигалева]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента Б. Н. Ельцина, 2010. — 447 с. — (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1299-7

Автор книги — известный французский историк Николя Верг, посвятивший более двадцати пяти лет жизни изучению советской истории. В предлагаемой вниманию читателя книге собрано около двадцати его статей, непосредственно касающихся проблем государственного насилия в СССР. Кроме статей, посвященных ключевым моментам политики сталинизма, в сборник включены работы, в которых анализируется практика государственного насилия (массовые депортации, введение системы принудительного труда), а также социальные явления (в частности, бандитизм), которые развивались на протяжении всего рассматриваемого периода.

УДК 94(082.1)
ББК 63.3(2)6-4

ISBN 978-5-8243-1299-7

© Perrin, 2007
© Российская политическая
энциклопедия, 2010

ВВЕДЕНИЕ

Путь интеллектуального поиска редко пролегает с самого начала заданным курсом, особенно, когда речь идет об историке новейшего времени. Он следует сложной логике, в которой события современности, отклики на ту или иную работу автора играют значительную роль. Это тем более верно для историка бывшего Советского Союза, которым я пытаюсь быть вот уже четверть века. Прошло уже больше десяти лет с тех пор, как мою жизнь ученого, чьи работы были известны лишь относительно ограниченному кругу тех, кого интересовала политическая и социальная история эпохи сталинизма, перевернули дискуссии и споры, вызванные выходом имевшей невероятный резонанс «Черной книги коммунизма», коллективной монографии, где мне выпало освещать политику репрессий и террора, проводившуюся в Советском Союзе. В моем труде объемом примерно в триста страниц подводились — в свете новых источников, только начавших открываться спустя несколько лет после краха советской системы, — предварительные итоги репрессивной политики и практики государственного насилия в СССР. Я хотел показать, в какой степени политическое насилие в этой стране было результатом инициируемых Центром, но редко контролируемых им до конца, четких последовательных решений, которые порождали неслыханную жестокость в политических и социальных взаимоотношениях. Я подчеркивал также, что знание правды о терроре как явлении центральном в социально-политической истории СССР вынуждает историков отвечать на все более сложные вопросы, а современные исследования, по крайней мере, частично, разрушают как «тоталитаристские», так и «ревизионистские» концепции, бывшие с 70-х годов 20-го века водоразделами в советологии¹. На фоне крайней ангажированности «Черной книги коммунизма», «обрамленной» воинственными введением и заключением, где идет речь о «преступной сущности» коммунизма, раскрываются причины «академического» молчания о преступлениях партийной верхушки СССР, сравниваются нацистский и советский преступные режимы, предпринимается попытка квалифицировать последний, как подлежащий осуждению, аналогично

Нюрнбергскому процессу, целый ряд поставленных мной вопросов остались незамеченными. Среди них такие как вписанность большевистского, а затем сталинского политического насилия в долгосрочную перспективу российской истории; взаимоотношения между социальным насилием «снизу» и политическим насилием «сверху» (особенно в ходе первого, ленинского, периода репрессий); соотношение планирования, импровизации и «искусственной эскалации» в политике террора; явления хаоса и беспорядка; «степень насыщенности насилием» советского общества; уровень профессионализации и секретности репрессий; общество как жертва, но и одновременно участник насилия и т. д.

Выход «Черной книги коммунизма», которая была переведена на более чем тридцать языков, вызвал бесконечные споры, круглые столы, конференции и коллоквиумы — как во Франции, так и за границей, особенно в бывших коммунистических странах Центральной и Восточной Европы, а также дискуссии и даже глубинные разногласия в авторском коллективе. Все это стало для меня поводом уточнить мои позиции, отмежеваться от некоторых идей, глубже задуматься над проблемой сравнения нацизма и сталинизма, темой, которая настойчиво всплывала в дебатах, последовавших вслед за публикацией «Черной книги коммунизма». В 1998 году в рамках коллективного проекта Института истории современности совместно с Филиппом Бюрреном я опубликовал ряд очерков, увидевших свет в следующем году в труде под редакцией Анри Руссо «Сталинизм и нацизм. История и память в сравнении» (Henry Rouso, «Stalinisme et nazisme. Histoire et mémoire comparées»). В этих очерках мы анализировали три наиболее существенных аспекта проблемы, лучше всего демонстрирующих, что может быть схожего — не идентичного — в этих исключительных режимах: характер и место диктатора в каждой из двух систем²; свойства и логика политического насилия — от создания образа «врага» до мобилизации субъектов насилия; «реакция общества» на господство над ним, то есть степень одобрения, безразличия, автономии или сопротивления общества власти.

В ходе поисков ответа на последний вопрос мне удалось «протестировать» на советском примере некоторые теории и концепции (*Widerstand*, *Resistenz*, *Eigen-sinn*)³, разработанные в рамках *Alltagsgeschichte* («история повседневности») историками нацизма, собрать материал по различным формам автономии общества в сталинскую эпоху в СССР и выявить одно из основных слабых мест теории тоталитаризма, которая не учитывает эволюцию самого социума зажатого в тоталитарные клещи, предполагая, что господство идеологии

уничтожает в обществе даже намеки на инертность, инакомыслие, и сопротивление.

Одновременно мне выпал шанс поучаствовать в двух крупных проектах по публикации архивных документов, инициированных российскими историками.

Первый, возглавлявшийся выдающимся специалистом по истории советского крестьянства Виктором Петровичем Даниловым, касался круга источников, являющихся ключевыми для понимания взаимоотношения советского режима с крестьянством — начиная с революции 1917 года до Второй мировой войны: сообщений органов госбезопасности о положении в деревне. Работа над этими, недавно рассекреченными архивными документами, дала мне возможность одновременно проверить некоторые гипотезы, в частности, об автономности, причем значительной, крестьянского мира по отношению к режиму, которые были изложены в 1984 году в моей книге «Повседневная жизнь советских крестьян от революции до коллективизации» («*Vie quotidienne des paysans soviétiques de la Revolution à la collectivization*»), и углубить знакомство с источником, который я частично использовал в сборнике документов «Советские секретные сообщения. Российское общество в конфиденциальных документах, 1921–1991» («*Rapports secrets soviétiques. La société russe dans les documents confidentiels, 1921–1991*»), опубликованном в 1994 году⁴. Вряд ли можно в нескольких строчках описать тот огромный вклад, который внесли архивы органов безопасности в наше понимание того центрального «узла противоречий» трех первых десятилетий советского периода, каковым являлся конфликт режима, ставшего следствием Октябрьской Революции 1917 г., и крестьянства⁵. В этих документах освещается, во-первых, масштабное социально-политическое насилие, вызванное попытками большевиков установить власть на огромных, плохо контролируемых пространствах непокорного сельского мира; в этот период новая власть накопила значительный опыт репрессий, в ходе которых были выработаны многие приемы режима. Эти архивы позволяют также проанализировать бесконечную гамму форм сопротивления, оппозиции, протеста крестьянства против новых «социалистических» ценностей, стратегий ухода или выживания, избранных многими крестьянами с началом коллективизации. Они несут, наконец, бесценную информацию о механизмах принятия решений, об этапах и особенностях осуществления на местах политики режима в отношении значительной части крестьянства («раскулачивание», «заготовительные кампании»), акций, жестоких и беспощадных, ставших причиной

последнего большого голода в Европе 1932–1933 гг., унесшего шесть миллионов жизней.

Вторым проектом по публикации архивных документов, в котором меня пригласили принять участие в конце 1990-х, была «История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 томах», инициатором которого был Сергей Мироненко, директор Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). В этом всеобъемлющем исследовании истории советской лагерной системы⁶, мне поручили работу над первым в серии томом «Массовые репрессии в СССР». Необходимо было определить общие рамки, ввести в контекст историю Гулага, проанализировать политику «верхов». Какая политическая логика привела к появлению, а затем к расширению различных подразделений Гулага (Гулаг исправительно-трудовых лагерей и Гулаг «спецпоселений»? Как проходили — с момента принятия политического решения на самом высоком уровне до воплощения в жизнь судьями, прокурорами, должностными лицами органов безопасности или милиции — различные репрессивные кампании, питавшие Гулаг «человеческим материалом» в течение четверти века? Какой была динамика внесудебных репрессий и «законных репрессий», осуществлявшихся судебными органами? Чем определялась политэкономическая логика лагерной системы? Такими были некоторые из тех вопросов, на которые я попытался ответить, основываясь на массиве документов, на этот раз гораздо более значительном, нежели тот, которым я располагал прежде.

Для начала я представил и проанализировал основные «нормативные» документы, исходящие от высших политических инстанций (зачастую от самого Сталина): секретные постановления Политбюро или Совета народных комиссаров, секретные оперативные приказы ОГПУ/НКВД/МВД — органов, инициировавших большинство масштабных «репрессивных кампаний» («раскулачивание», «Большой террор» 1937–1938 гг., депортации «подозрительных элементов» и «наказанных народов»). Ограничение только нормативными документами, тем не менее, значительно сузило бы рамки моего проекта и вошло бы в противоречие с целями, которые я ставил себе при выборе документов: попытаться показать ход «репрессивных кампаний» с момента принятия решения до их реализации; сопоставлять, насколько это возможно, источники, исходящие из разных органов власти, зачастую конкурирующих и даже конфликтующих, в обязанности которых входило проведение репрессивно-карательной политики и исполнение наказаний. Все это для того, чтобы воссоздать процесс

в его целостности, проследить за действиями различных социальных групп, одним словом, чтобы понять, как эти последовательные «репрессивные кампании» развивались, сменяли и накладывались друг на друга, затем смягчались в зависимости от весьма специфической «пульсации» сталинского режима.

Таковы были, вкратце, некоторые вехи того пути, который привел меня к решению, опубликовать книгу, где собрано около двадцати статей, написанных с конца 1990-х⁷ годов и непосредственно касающихся — как с точки зрения методологической, так и тематической — проблем, которые я только что упомянул, а также вопросов, возникших в ходе дебатов вокруг «Черной книги коммунизма».

Выбранное заглавие «Террор и смятение» (второй термин употребляется не только в нынешнем значении, но также исходя из этимологии *«desareer»* или *«desarroyer»*, «привести в смятение») может удивить*. Тем не менее, оно, как мне кажется, наиболее адекватно отражает суть этих статей и придает книге необходимую целостность.

В моих исследованиях, находящихся на пересечении политической и социальной истории, я исхожу из методологической установки, считающей устаревшим водораздел между «тоталитарной» и «ревизионистской» школами⁸. Я намерен показать, что в основе государственного насилия, активно применявшегося советским режимом до начала 1950-х годов, наряду с идеологией лежало также ясное понимание руководством хрупкости системы перед лицом плохо управляемых общественных групп и сложностей кадровой политики. Реальные трудности в установлении контроля над этим «обществом зыбучих песков», которое представляло собой при сталинизме глубоко деструктурированное, находящееся в напряжении и подвергающееся крайним формам насилия советское общество, породили в руководстве настоящий комплекс беспокойства⁹. Огромный объем новой документации о советском обществе сталинской эпохи, обществе, «находящемся в подчинении», но, тем не менее, не под полным контролем, свидетельствует о высоком уровне социального беспорядка, существовании множества разнообразных форм общест-

* Используемый автором термин (*«désarroi»*) в его историческом, более широком смысле позволяет указать не только на глобальный характер «смятения» (которым может быть охвачен отдельный индивид — «душевное смятение», и общество в целом — «идейный разброд»), но и на внешние причины такого состояния. Ср. также эволюцию древнерусского «вести в *изумление»*, где *«изумление»* — «сумасшествие». Парадоксальность заглавия в том, что террор традиционно — понятие, исключаящее хаос (*прим. пер.*).

венного сопротивления¹⁰, сохранении на протяжении всего периода правления Сталина серьезных трений между режимом, пытавшимся распространить свой контроль на все сферы общественной жизни, и обществом, противопоставлявшим режиму бесконечную гамму форм сопротивления, чаще всего пассивных, экспериментировавшим с различными стратегиями ухода или выживания. Трудности, которые испытывал режим при усмирении непокорного общества, постоянно подпитывали государственное насилие. Единственной реакцией на возникающие препятствия были последовательные репрессивные кампании, которые чаще всего не приводили к желаемому «порядку», провоцировали неконтролируемые общественные движения, непредвиденные цепные реакции, вели к неожиданным последствиям, которые раскручивали маховик насилия. Анализ конфликтов, вызванных этой цепной реакцией — общественное сопротивление власти, агрессивная политика, направленная на восстановление контроля и изменение социально-экономических параметров путем социальной инженерии, ответная реакция общества, новый цикл репрессий, в ходе которых общественные действия объявляются преступлением или отклонением от нормы, — позволяет лучше понять подоплеку крайних форм насилия при сталинизме. Эта динамика ставит под сомнение статическое видение общества, подчиненного тоталитарному порядку, торжествующего «идеократического режима», преуспевшего в деле контроля и подчинения.

Этот сборник, само собой, не претендует на всестороннее исследование всех аспектов сталинизма. Тема консенсуса и приверженности плану ускоренной трансформации страны (сюжет моей первой книги «Быть коммунистом в СССР при Сталине» («Être communiste en URSS sous Staline»))¹¹ здесь не рассматривается. «Рабочий класс» представлен мало, «новая народная интеллигенция» и «выдвиженцы» системы (а их было множество) — еще меньше. Отсутствие какого-либо отдельного исследования, посвященного проводникам насилия, исполнителям, объясняется другой причиной: закрытостью архивов госбезопасности и других органов власти — в том, что касается личных дел их сотрудников¹². Напротив, сельский мир, где в течение исследуемого периода проживало абсолютное большинство советских граждан, и в котором сосредоточились конфликты между властью и различными слоями общества, представлен в полной мере. Большое внимание уделено также формам проявления общественной маргинальности, таким, как бандитизм на окраинных территориях, особенно в Сибири, в районах, плохо контролируемых центральной властью, где кон-

центрировались все изгои (заключенные Гулага, ссыльные, дезертиры, маргинальные элементы)¹³.

На временной оси выделим пять основных этапов — и за их специфичность, и за их преемственность: «матрица» сталинизма, каковой являлся период Первой мировой войны, революций 1917 г. и *взятых в совокупности* гражданских войн; 1930–1933 гг., отмеченные великим противостоянием режима и крестьянства и эскалацией политики массовых репрессий, приведших к последнему великому голоду в Европе; годы «Большого террора» (1937–1938), апогей политики социальной инженерии, с которой экспериментировали с начала 1930-х годов; годы «выхода» из Второй мировой, когда, вопреки ожиданиям, режим взялся за проведение очень жесткой политики по отношению к обществу после относительного ослабления контроля периода Великой Отечественной войны; наконец, 1953–1956 гг., годы «выхода из сталинизма». Остановимся вкратце на некоторых из этих ключевых моментов.

1914–1922 годы в России характеризовались такой крайней ожесточенностью, аналогов которой не знали западные общества. Это было следствием сочетания множества факторов: послевоенного озлобления, проанализированного Джорджем Моссе; глубокого раскола между «двумя Россиями»: «господствующей» Россией городов и «подчиненной» Россией деревни; роста «классовых антагонизмов»; мгновенного краха всех государственных учреждений, стирания границ между гражданской и военной сферами, между войной и политикой, между «внешним» и «внутренним» врагом, между насилием военным, социальным и политическим. Носители идеологии, которая делала массовое насилие движущей силой истории, сторонники политического проекта, основанного на терроре как на примитивном, но эффективном инструменте строительства государства, большевики сумели лучше своих оппонентов направить это насилие в русло восстановления «государственности». Обострение до крайности социальных противоречий в бывшей Российской империи в ходе войны и революции, в свою очередь, оказало решающее влияние на сам большевизм. Подтверждались ленинские постулаты о том, что насилие — «правда политики», что способствовало отождествлению политики и войны, поскольку политика, проводимая действующими лицами, вышедшими на авансцену с 1917 года, все более соответствовала подвергнутому инверсии знаменитому положению Клаузевица: «продолжение войны другими средствами»¹⁴.

Второй ключевой момент: начало тридцатых годов, насильственная коллективизация деревни и «раскулачивание», настоящая

антикрестьянская война. Это был решающий этап в моделировании сталинизма как репрессивной системы. В четырех статьях анализируется этот центральный «узел противоречий». В первых трех рассматриваются различные формы сопротивления крестьянства. Последние представлены сначала в общем плане, затем в виде двух более специфических явлений, раскрывающих характер восприятия крестьянским миром происходящих событий: «письма во власть» и слухи. И в тех, и в других воспроизводится, в каждом по-своему, смятение сельского мира перед наступлением властей, которое воспринимается, как введение «второго крепостного права»¹⁵. В четвертой статье этого цикла реконструируются политические механизмы, стоявшие у истоков великого голода на Украине в 1932–1933 годах, особое внимание уделено восприятию Сталиным и его самыми близкими соратниками крестьянина (в данном случае, украинского) как «врага советской власти»¹⁶. Апогей политики массовых репрессий, обернувшейся геноцидом, голод 1932–1933 годов на Украине — это также поворотное событие, открывшее путь к другому преступному пароксизму сталинизма, к «Большому террору» 1937–1938 годов. Голод, крайнее проявление насилия и регресса, отодвинул границы возможного, произвел своего рода естественный отбор сотрудников властных и силовых структур, которые обеспечат радикализацию «Большого террора».

Этот «узел радикализации с кумулятивным эффектом» стал предметом трех исследований. В первом¹⁷ предлагается глобальная интерпретация «Большого террора» как слияния — в условиях роста напряженности на международной арене, возвещавшей о неизбежности европейской войны, — двух логик репрессий: политической, направленной против элит, и социальной — против «социально-вредных элементов» и «подозрительных по национальной принадлежности»; но также и как апогея полицейской политики, принесшей неисчислимые беды обществу, в котором на протяжении многих лет росло число лишенцев и маргиналов. Меня здесь особенно интересует «скрытая личина» «Большого террора», «группы-жертвы», проведение «репрессивных операций», а главное — динамика роста заявок на предоставление дополнительных «лимитов на аресты и расстрелы», распределявшихся по регионам руководством политических и силовых структур страны, динамика, которая наглядно показывает степень инициативности различных участников репрессивной цепочки.

Во второй статье¹⁸ на основе анализа подготовки и проведения сотен «маленьких показательных процессов» над местными ком-

мунистами в райцентрах «советской глубинки» в 1937–1938 годах исследуется «фасад» террора. Наконец, третья работа¹⁹ посвящена волнующей проблеме признаний представителей партруководства в свете недавно открытых источников, таких как последние письма Бухарина Сталину — еще одна, специфическая, форма смятения...

Опыт Великой Отечественной войны глубоко трансформировал советское общество. В 1945 году режим пользовался гораздо большей народной поддержкой, нежели в 1930-е годы. Но было ли готово общество принять возвращение к *status quo ante bellum*? Такова была ставка послевоенных лет, которые представляют собой особенно интересный период для проверки правильности моих гипотез о взаимоотношениях между властью и обществом, о наличии у властей постоянного сильного «комплекса беспокойства» перед лицом различных форм «социального беспорядка», вызванных огромными потрясениями четырех военных лет, массовой эвакуацией в восточные районы страны десятков миллионов человек, продолжительным отсутствием советской власти на огромных оккупированных территориях, открытием миллионами советских людей, военных и гражданских, внешнего мира. Представлявшиеся обычно как период, когда контроль сталинского государства над обществом был наиболее мощным, наиболее эффективным, наиболее близким к наконец реализованной тоталитарной модели, послевоенные годы, напротив, являют собой пример диалектического единства восхищения генералиссимусом Сталиным и «синдрома украденной победы», возникновения, особенно в среде фронтовиков, благоприятной почвы для протеста, основанного на требовании признания и оценки их «боевого опыта», роста массовых форм социального неподчинения, отдельные проявления которого давали о себе знать еще до войны²⁰. Можно констатировать, что в послевоенные годы произошли значительные изменения в репрессивно-карательной политике, которая отныне была направлена не столько на уничтожение «врагов», сколько на дисциплинирование масс. Основанная на «законных репрессиях», осуществлявшаяся обычными судами путем беспрецедентной криминализации стратегий выживания больших групп населения, испытывавшего огромные экономические трудности, масштабная репрессивная кампания началась летом 1947 года с введения самого сурового в Европе с начала XIX века законодательства о хищениях и кражах, закончилась, тем не менее, тем, что споткнулась о нежелание сотрудничать именно тех, кому вменялось в обязанность обуздывать непослушное население²¹. Это явление, наблюдавшееся в последние годы сталинизма, свидетельствовало о непринятии ре-

прессивных методов как преимущественного средства управления обществом; оно говорило также о стремлении местного руководства к компромиссу с реальностью, который позволял обществу перенести нажим, а режиму — избежать постоянной конфронтации.

Кроме статей, посвященных ключевым моментам сталинизма, в сборник включены работы, где анализируется практика государственного насилия (массовые депортации, введение системы принудительного труда), а также социальные явления (бандитизм), которые развивались на протяжении всего рассматриваемого периода (1914/1917 — 1953/1956)²².

С Первой мировой войны до начала 1950-х годов депортации «подозрительного населения», элементов, считавшихся «чуждыми» обществу, коснулись около семи миллионов человек. Можно констатировать следующее: когда речь идет об изучении этой формы массового насилия на советском пространстве, между мирным и военным временем не существовало принципиального различия; более того, прослеживается серьезная эволюция критериев дискриминации: от классового, доминировавшего в середине 1930-х годов, до этнической дискриминации, которая трансформировалась в послевоенные годы в «этно-историческое *«изъятие»**»; массовые депортации стали при сталинизме официальной практикой, способом надолго избавиться от заклеянных групп населения, главной формой социально-этнической инженерии.

Основная цель статьи о «феномене советских лагерей», представленной в данном сборнике, — прояснить определенные моменты, вокруг которых долгое время шли дебаты: масштабы такого явления как принудительный труд, количество заключенных в лагерях, категории и группы репрессированных, уровень смертности, преемственность между концлагерями 1918–1921 годов и системой исправительно-трудовых лагерей, распространявшейся с 1929 года. В этой работе, кроме того, указывается на многочисленные противоречия мира лагерей: массовые поступления заключенных способствовали скорее дезорганизации системы производства, чем росту его эффективности; быстрый рост ГУЛАГа в послевоенные годы привел к глубокому кризису системы принудительного труда; вопрос демонтажа, по крайней мере, частичного, ГУЛАГа ставился еще при жизни Сталина. Остается один существенный вопрос: каким, в долгосрочной перспективе, был эффект «гулагизации» советского общества, общества, где примерно двадцать четыре миллиона человек (или каждый шестой взрослый)

* См. прим. пер. к главе 11.

за одно поколение (начало 1930-х — середина 1950-х годов) прошли через лагерь или ссылку?

Я считал, что тестирование модели «примитивного бунта», разработанной Эриком Хобсбаумом в другом контексте, поможет проанализировать одно из самых показательных (наряду с многими другими, в числе которых три великих голода 1921–1922, 1931–1933 и 1946–1947 годов) и в то же время наименее известных теневых явлений советского строя: феномен социального бандитизма, важного индикатора взаимоотношений государства и крестьянского мира и настоящего вызова режиму. Практически исчезнувший в начале XX века социальный бандитизм вновь заявил о себе с 1918 года на фоне крестьянских войн, обострения социальных противоречий, неурожаев, голода, плодивших апокалиптические ожидания. На рубеже 1930-х годов 20 века насильственная коллективизация деревни сопровождалась вспышкой этой особой формы крестьянского сопротивления, основанного на традиционном подсознательном стремлении к бегству от государства, стремящегося ко все большему контролю над обществом и территориями, к охране границ, к уничтожению всех форм маргинальности. Пятнадцатью годами позже участники последних «примитивных бунтов» пытались заставить прислушаться к себе в хаосе долгого и мучительного выхода из войны...

В двух последних статьях сборника²³ рассматриваются некоторые ключевые моменты периода «выхода из сталинизма», «оттепели», которую долго анализировали — в основном с идеологической и культурной точки зрения. Как и почему после смерти Сталина частично демонтировали огромную, сложную систему лагерей ГУЛАГа? Особые условия, когда сочетались спешка и произвол, освобождение миллионов заключенных и депортированных — причем при этом не ставился вопрос об их личной или коллективной реабилитации — вызвали цепную реакцию, противоречивую и неожиданную: «Большой страх» лета 1953 года, массовые мятежи заключенных, не подлежавших амнистии; лавина ходатайств и просьб о пересмотре дела застала врасплох судебные власти и бюрократический аппарат. Возвращение заключенных и депортированных возродило противоречия, которые в сталинскую эпоху были загнаны вглубь. В этом смысле оно является ключевым для понимания социально-политического положения страны в середине 1950-х годов.

Что сказать советскому народу о массовых репрессиях, жертвой которых он был четверть века? Именно этот вопрос находился в центре дискуссий «наследников Сталина» накануне XX съезда КПСС. КГБ, министерства внутренних дел и юстиции, Генеральная прокуратура,

Верховный суд, Президиум Верховного Совета подготовили впечатляющее количество докладов о политике исполнения наказаний и «внесудебных» репрессиях, осуществлявшихся в сталинскую эпоху. Многие из них без обиняков признавали «чрезмерную суровость» приговоров, неэффективность криминализации тех незначительных правонарушений, на которые шел, чтобы выжить, «простой народ». Еще более впечатляют таблицы, подготовленные экспертами высшей политической инстанции советского государства, в которых сравнивался общий уровень репрессий в царской России начала XX века и при Сталине. Цифры говорят сами за себя: между 1900–1913 и 1940–1953 годами число приговоренных к тюремному заключению только обычными судами выросло в 15 раз. Что касается документов относительно числа «внесудебных» приговоров, представленных КГБ вниманию высшего руководства страны, они оставляют еще более тягостное впечатление. По всем этим вопросам «наследники Сталина» во главе с Никитой Хрущевым решили хранить молчание. «Секретный доклад», зачитанный за закрытыми дверями одним из исполнителей «Большого террора», вводил в заблуждение, открыто упоминая среди жертв Сталина только партийное руководство. Родственникам «простых» жертв оставалось ждать еще тридцать пять лет, чтобы узнать правду о судьбе казненных. А историкам — чтобы получить, наконец, доступ к архивам, позволяющим лучше понять основное измерение сталинизма.

Примечания

1. Эти размышления об эволюции историографии СССР уже приводились мною задолго до выхода «Черной книги коммунизма», в первую очередь в номере 35 (1996) «Cahiers de L'ИНТР» «К новой историографии СССР» («Pour une nouvelle historiographie de l'URSS»), который я редактировал, а также в двух статьях: «О советологии в целом и российских архивах в частности» (De la soviétologie en general et des archives russes en particulier // Le Débat. 1993. № 77. P. 127–144) и «Тоталитаризм или ревизионизм? Советская история — строящаяся история» (Totalitarisme ou révisionnisme? L'histoire soviétique, une histoire en chantier // Communisme. 1996. № 47–48. P. 57–70).

2. Вопрос преодоления увлечения внешним сходством абсолютной власти, одинаково сильной в обоих обществах, путем анализа механизмов, свойственных каждому типу доминирования, является предметом статьи «Сталин и его система в 30-е годы», опубликованной в данном сборнике.

3. Для знакомства с понятиями *Widerstand* (радикальное и решительное сопротивление режиму) и *Resistenz* (любое поведение, выявляющее иммунитет к воздействию режима) см.: *Kershaw I. Qu'est-ce que le nazisme? Problèmes*

et perspectives d'interprétation. Paris: Gallimard, 1997. P. 284–333. Понятие *Eigensinn* (дословно «упрямство», используется в значении «забронированная область», «личное пространство», в котором ежедневно проявляются различные формы неподчинения, протеста, эскапизма, но также перенимания определенных ценностей режима) было предложено историком Альфом Людтке.

4. *Werth N., Moullec G. Rapports secrets soviétiques. La société russe dans les documents confidentiels, 1921–1991.* Paris: Gallimard, 1994.

5. На сегодняшний день (2007 г. — Прим. ред.) опубликованы четыре тома, касающиеся 1918–1934 гг. См.: В. П. Данилов, А. Берелович (ред.). Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД: документы и материалы. М.: РОССПЭН, 1998 (том 1, 1918–1922), 2000 (том 2, 1923–1929), 2003 (том 3/1, 1930–1931), 2006 (том 3/2, 1932–1934). Чтобы дать нерусскоязычным историкам возможность ознакомиться с этими исключительными по важности источниками, я перевел часть документов. См.: *Le pouvoir soviétique et la paysannerie dans les rapports de la police politique (1918–1929)* // Bulletin de l'ИНТР. 2001. № 78; *Le pouvoir soviétique et la paysannerie dans les rapports de la police politique (1930–1934)* // Bulletin de l'ИНТР. 2003. № 81–82.

6. Семь томов (включая справочный том с аннотированным описанием дел архивных фондов Гулага) были опубликованы к 2005 году московским издательством «РОССПЭН» под заглавием «История сталинского Гулага». В каждом томе анализируется один из аспектов истории Гулага. Том 1: *Верт Н., Мироненко С. В.* Массовые репрессии в СССР. 730 с.; том 2: *Петров Н.* Карательная система. Структура и кадры. 700 с.; том 3: *Хлевнюк О.* Экономика Гулага. 625 с.; том 4: *Безбородов А., Хрусталева В.* Население Гулага. 625 с.; том 5: *Царевская-Дьякина Т.* Спецпереселенцы в СССР. 730 с.; том 6: *Козлов В.* Восстания, бунты и забастовки заключенных. 725 с.; том 7: *Козлов В., Мироненко С. В.* Советская репрессивно-карательная политика и пенитенциарная система в материалах Государственного архива Российской Федерации. 710 с.

7. За исключением статьи, написанной в 1995 году («Дорогой Калинушка...» Письма крестьян Калинин, 1930». («Cher Kalinouchka...» Lettres paysannes à Kalinine, 1930»)).

8. Напомним, что первая постулирует неизбежность характера советской системы и утверждает ее преемственность от Ленина до Горбачева, объясняя сталинский террор «идеократическим» характером СССР. Вторая отдает предпочтение социальному подходу, пытается объяснить крутые повороты советской истории в большей степени внутренними противоречиями общества, нежели идеологическим выбором правящей группы.

9. Этот синдром беспокойства, усугублявшийся информацией о состоянии страны, которую советское руководство получало от органов безопасности, всегда следившими за социальными, политическими и идеологическими отклонениями, и достигший апогея в 1930-х годах, тем не менее, свойственен не только сталинскому времени. Он уходит глубоко корнями в большевистскую политическую культуру. Захватившие власть большевики остро чувствовали хрупкость инструментов государственного контроля, находившихся

в их распоряжении. С этой точки зрения, как и с других (в особенности, практики государственного насилия по отношению к крупным социальным группам) преемственность между ленинским и сталинским большевизмом очевидна.

10. Понимаемое здесь в функционалистском значении и соотносимое с *resistenz*, если воспользоваться формулировкой Мартина Бросата применительно к германскому обществу при нацизме.

11. Être communiste en URSS sous Staline. Paris: Archives-Gallimard, 1981. 290 p.

12. Имея ограниченный доступ к редким архивам по теме, я изучал сотрудников и структуры ЧК и ОГПУ в два определенных момента: в 1918 году (*Qui étaient les premiers tchékistes? // Cahiers du monde russe. XXXII (4), octobre-décembre 1991. P. 501–512*), и в 1924 году (*L'OGPU en 1924: radiographie d'une institution à son niveau d'étiage // Cahiers du monde russe. № 42, 2/3/4, avril-décembre 2001. P. 397–422*). Эти две статьи, посвященные специфическим аспектам комплектования и организации советских органов госбезопасности в начале ее существования, не нашли места в данном сборнике.

13. Именно в Сибири разворачиваются события, являющиеся сюжетом моего последнего исследования. См.: *L'île aux cannibales. 1933, une déportation-abandon en Sibérie*. Paris: Perrin, 2006.

14. Эта проблематика — предмет первых трех статей сборника: «Насилие сверху, насилие снизу в русских революциях 1917 года», «Дезертиры в России: военное, революционное, крестьянское насилие», «Большевики и ретравмация государственности».

15. «Сопротивление крестьян насильственной коллективизации в СССР», «Дорогой Калинушка...» Письма крестьян Калинин, 1930», «Пораженческие и апокалиптические слухи в СССР 1920-х — 1930-х годов».

16. Великий голод 1932–1933 гг. на Украине.

17. Переосмысление «Большого террора».

18. Провинциальные показательные процессы в СССР во время «Большого террора» 1937–1938 гг.

19. Признание в больших сталинских процессах.

20. Сопротивление общества в сталинском СССР.

21. Указы об ответственности за хищения и кражи от 4 июня 1947 года: апогей сталинских «законных репрессий».

22. Депортации «подозрительного населения» на российском и советском пространстве (1914 — конец 40-х годов): военное насилие, социальная инженерия, этно-историческое «изъятие»; Феномен советских лагерей XX века: «Примитивные бунты» в СССР.

23. Массовые освобождения заключенных Гулага и конец «спецпоселений»: социально-политические ставки «оттепели» (1953–1957); История «проекта секретного доклада»: о чем кричала и о чем молчала комиссия Поспелова, январь–февраль 1956 года.

ГЛАВА 1

Насилие сверху, насилие снизу в русских революциях 1917 года*

Вот некоторые размышления, последовавшие за публикацией «Черной книги коммунизма», в которой я был редактором раздела, посвященного «насилию, репрессиям и террору в СССР», формам политического и социального насилия в русских революциях 1917 года.

В числе критических замечаний, наиболее для меня важных, было слишком беглое рассмотрение проблемы социального насилия в русском обществе в 1917 году, что я сделал «намеренно» с целью уделить наибольшее внимание единственному источнику большевистского политического насилия, прямого следствия террористической идеологии, ленинизма. А ведь при глубоком анализе проблемы насилия необходимо было учитывать взаимодействие политики насилия «сверху» (каким оно выглядит в документах и политической практике большевиков) и социального насилия «снизу».

Я бы хотел, таким образом, остановиться на взаимовлиянии репрессивной политики ленинской большевистской партии и социального насилия, распространенного в русском обществе в ходе войны и революции, напомнив для начала несколько основных моментов моих разделов «Черной книги коммунизма».

В первых ее главах я попытался показать, как уже в первые месяцы существования большевистского режима устанавливалась специфическая политическая культура гражданской войны, с присущим ей отказом от любого компромисса, любых переговоров. Эта культура не была навязана большевикам ни военными обстоятельствами лета 1918 года, когда было поставлено под сомнение выживание режима, ни действительным нарастанием конфликта между двумя лагерями, революционным и контрреволюционным. Она была взята на воору-

* *Violences d'en haut, violences d'en bas dans les révolutions russes de 1917 // J. Vigneux, S. Wolikow (dir.). Cultures communistes au XXe siècle. Entre guerre et modernité. Paris: La Dispute, 2003. P. 31–50.*

жение большевистским руководством изначально. Гражданская война рассматривалась на протяжении многих лет не просто как продолжение империалистической войны, но как неизбежный итог естественного обострения классовых борьбы. Для большевистских теоретиков (Ленин, Троцкий, Бухарин) насилие было двигателем истории, критерием соотношения сил, «правдой политики», короче говоря, по прекрасному определению Доминика Кола, «материалистической ордалией»¹. Это насилие было «очищающим», «отряхающим с ног прах старого мира». Таким образом, необходимо было поощрять насилие масс, с тем, чтобы сделать его орудием разрушения, организовать и контролировать его, «подчинить его интересам и нуждам рабочего движения и революционной борьбы»². В этом пункте позиция Ленина была однозначной. «К сожалению, — писал Ленин в январе 1917 г. в своем Докладе о революции 1905 года, — крестьяне уничтожили тогда только пятнадцатую долю общего количества дворянских усадеб, только пятнадцатую часть того, что они должны были уничтожить, чтобы до конца стереть с лица русской земли позор феодального крупного земледелия»³.

В мою задачу входило также показать, что, поощряя «насилие масс», используя в своих интересах латентные социальные конфликты, большевистское руководство организовало специфическое политическое принуждение задолго до начала гражданской войны. Их целью был радикальный разрыв с царской политической культурой, а равно и с политической практикой временных правительств, сменявших друг друга с февраля по октябрь 1917 года. Для этого новая власть предприняла ряд беспрецедентных мер. Наиболее значительными из них было введение с конца ноября 1917 года в официальный лексикон определения «враг народа»⁴; создание 7 декабря 1917 года политической полиции, ЧК, многофункционального органа (полицейского, политического, внесудебного, экономического) с полномочиями, не шедшими ни в какое сравнение с полномочиями царской охраны и вызывавшими споры в рядах самого большевистского руководства; распространение практики захвата заложников, «принадлежащих к имущим классам»⁵, введение системы концлагерей, куда интернировались в административном порядке в качестве заложников десятки тысяч человек только на основании их принадлежности к «социально чуждому» или «социально опасному» классу⁶; разработанная в высших партийных эшелонах практика депортации целых социальных или этнических групп, считавшихся «врагами советско-

* Ордалия, «божий суд» (*fr. ordalie*). — *Прим. ред.*

го строя» (самой примечательной была операция по рассказыванию, предпринятая по решению Политбюро от 24 января 1919 года).

Третья идея, которую я развивал в первых главах моей части «Черной книги коммунизма», такова: большевистское политическое насилие было направлено не только на «классовых врагов» (буржуазия, помещики, «кулаки», царские чиновники, офицерство, духовенство и т. д.), но и в значительной мере на рабочие и крестьянские массы, если они высказывали недовольство новым режимом. За линиями фронтов, разделявших две армии, белую и красную, разворачивалась другая война, которую я назвал «грязной войной», война, которую вели политические силы обоих лагерей, чтобы восстановить авторитет государства, «государственность», потерпевшую крах в 1917 году, мобилизовать людей и средства, необходимые для продолжения борьбы. Именно в антикрестьянских войнах, в этой «битве за хлеб», отличавшейся крайней жестокостью и достигшей апогея в 1921–1922 годах после разгрома белых на Украине, в Тамбовской губернии, в Западной Сибири, на Северном Кавказе, были выработаны антинародные стратегии нового режима, выкристаллизовалась настоящая политическая культура «заговора» и лжи (как понять и оправдать подавление вооруженными силами выступлений крестьянства, совершенно не вписывающегося в узкий круг «кулаков-кровопийцев»?)⁷.

Четвертый сюжет, несомненно, слишком бегло изложенный в «Черной книге коммунизма», это вопрос о проводниках большевистского насилия, осуществлявшегося теми, кого я назвал «плебеями-практиками, обуянными чувством социальной мести». Какую роль в осуществлении этой политики играл центр, а какую — местные власти, их часто плохо контролируемая инициатива, приводившая к «перегибам», «чрезмерному усердию» или «головокружению от успехов»? Как призывы большевиков к террору воспринимались на местах? Какой отклик принцип насилия встречал у тех, кто за ними следовал? На каких струнах играли в своей террористической практике большевики?⁸

Безусловно, успех большевиков в гражданской войне, в конечном итоге, — следствие их невероятного умения «строить государство», умения, которого не хватало их противникам. Политика государственного строительства большевиков покоилась на двух столпах: террор как примитивный, но эффективный инструмент; огромные возможности интеграции и продвижения всех тех, кто готов был к ним присоединиться, политика, основанная на умелой инструментализации большевиками многочисленных внутренних конфликтов и социального насилия, определявших лицо крайне поляризованно-

го общества («разобщенного», по меткому определению Леопольда Хаимсона⁹).

После этих напоминаний попытаемся понять взаимодействие между большевистским политическим насилием и социальным насилием в России времен войны и революции. Наиболее важными мне представляются два вопроса: во-первых, потенциал и развитие социального насилия в ходе 1917 года с тех пор, как появился постоянно меняющийся, многоликий образ врага; во-вторых, проблема насилия, ставшего результатом слияния великой Жакерии осени 1917 года и «брутализации» социума¹⁰, вызванной Первой мировой войной — насилия, основными проводниками которого были миллионы дезертиров из разлагающейся российской армии.

В узких рамках этой статьи будет рассмотрен только первый вопрос. Что касается второго, позволю себе отослать читателя ко второй главе («Дезертиры в России: военное, революционное и крестьянское насилие») данного сборника.

Один из самых устойчивых мифов о 1917 году — это то, что Февральская революция была мирной революцией («христианнейший акт в мировой истории», как писал Мережковский), и что насилие началось только осенью 1917 года, читай после большевистского переворота. Этот «либеральный миф» (поддерживающийся всей современной историографией, в которой доминирует представление о царском режиме, будто бы семимильными шагами идущем к модели европейских демократий; убежденность в затухании конфликтов в русском обществе, в решенности аграрного вопроса благодаря столыпинским реформам) выражался в восприятии «русского народа» как «ангела» политическим руководством либеральных или социалистических партий (за исключением большевиков) в первые месяцы революции. Типичными для такого восприятия были, например, высказывания князя Львова, главы первого Временного правительства, в одной из его первых речей: «Дух русского народа оказался, по самой своей природе, всемирно демократическим духом. Он готов не только раствориться во всемирной демократии, но и возглавить ее на пути прогресса, отмеченного великими принципами Французской революции: Свобода, Равенство, Братство»¹¹. Эта «вера в самый мирный в мире народ» сочеталась со стремлением предоставить максимум инициативы органам самоуправления, установить «минимальное государство» в противоположность тому, чем являлось для этих либеральных противников самодержавия «угнетающее царское государство», все атрибуты которого должны были быть уничтожены, начиная со всемогущего министерства внутренних дел. Охранка

была упразднена, так же, как и отряды конной полиции; смертная казнь отменена, провозглашена широчайшая амнистия: из 180 тысяч заключенных, в том числе нескольких тысяч «политических», содержащихся в царских тюрьмах, более 80 % были освобождены в первые недели правления Временного правительства, что не могло не повлечь за собой резкий рост насилия и преступности в городах, рост тем более значительный, поскольку все репрессивные и правоохранительные структуры были демонтированы. Вернемся к революционным событиям февраля 1917 года. Они, как мы знаем, были во многом стихийными. Революционеры и оппозиционеры всех мастей (эсеры, социал-демократы, либералы) внезапно оказались втянутыми в рабочие манифестации, к которым присоединились бунтующие солдаты, а также преступные элементы, освобожденным из тюрем (около десяти тысяч в Петрограде) и принявшие участие в карнавале свободы, иконоборничества и насилия.

Физическое насилие: в Петрограде за несколько дней было убито 1500 человек. Помимо манифестантов, погибших в первых перестрелках, множество жертв насчитывалось среди наиболее ненавидимых представителей царского режима. Их, объятых всеобщим презрением, особенно со времен подавления революционных событий 1905–1917 годов, убивали, линчевали толпой: полицейских охранки, казаков и конную полицию, обвиненных в подавлении рабочих демонстраций и стачек, охранников, ночных сторожей и других сотрудников крупных российских заводов. Особой жестокостью, тем не менее, отличались кронштадтские моряки, покалечившие и убившие сотни офицеров (флот славился жестокостью устава и наказаний)¹².

Символическое и иконоборческое насилие: толпы громили и поджигали полицейские участки, суды и тюрьмы, из которых освобождались почти все заключенные; систематически срывали двуглавых орлов, украшавших все общественные здания; памятники царям (за исключением, что примечательно, Александра II Освободителя) разбирались. Огромный памятник Александру III на одной из центральных площадей Петрограда был обезглавлен, портреты Николая II рвались и сжигались¹³. Арсеналы брали штурмом: в одной только столице в руки толпы попали десятки тысяч единиц оружия. Росло число вооруженных людей (будь то дезертиры — впрочем, достаточно расплывчатое определение, объединявшее как собственно дезертиров, которых до лета 1917 года было еще немного, так и уволенных в отпуск и резервистов, слоняющихся по гарнизонным городам, — члены рабочей милиции, охранники, ополченцы или просто крими-

нальные элементы, выпущенные из тюрем), что вело к расширению масштабов насилия в городах.

Дестабилизировали ситуацию и растущие трудности в снабжении, беспокоившие «городских обывателей», вызывавшие ненависть к коммерсантам, скупщикам, «спекулянтам», тут же окрещенным «буржуями». Очереди стали средоточием слухов, вращавшихся чаще всего вокруг темы «саботаж» и поиска козлов отпущения. Снабжение не налаживалось, общественный порядок не восстанавливался, в очередях за продуктами все чаще происходили конфликты, а стычки перерастали в грабежи и линчевания «спекулянтов»¹⁴.

Помимо насилия, которое большей частью, по крайней мере в том, что касалось конкретных фигур врага «рабочих» (полицейский, шпик, казак, охранник предприятия), вписывалось в канву революционного городского насилия в том виде, в каком оно уже выражалось в 1905–1906 гг., Февральская революция вынесла на поверхность скрытую вражду, которая должна была вспыхнуть в течение ближайших месяцев одновременно с серьезной эволюцией образа врага.

Заслугой последних исследований периода февраля–октября 1917 года¹⁵ стало изучение коллективных представлений об общественном порядке, которые, как подчеркивал первопроходец в этой области Леопольд Хаймсон, «сыграли ключевую роль в моделировании политических подходов и общественного поведения [...], особенно в эти судьбоносные периоды, когда люди должны были определиться со своим социальным статусом»¹⁶. Изучая бесчисленные прошения, постановления и резолюции, принятые низовыми организациями (советами, районными, фабрично-заводскими комитетами, подборки которых анализировал более двадцати лет назад Марк Ферро¹⁷), а также письма граждан в советы («Все сегодня должны писать, излагать планы построения идеального общества, все считают себя социалистами», — замечал в июне 1917 года великий историк Александр Кизеветтер¹⁸), мы лучше понимаем устремления и представления русского общества, обьятого революцией.

На первый план выходит утопия, укоренившаяся в крестьянско-общинных представлениях о «справедливости», то есть прежде всего о равенстве. Революция должна была в первую очередь покончить с «капиталистической эксплуатацией», ликвидировать неравенство между богатыми и бедными, облегчить тяготы труда, дать гарантии полной занятости и сделать более дешевой жизнь, обеспечить достоинство «трудящегося и эксплуатируемого народа». Последнее было очень популярной темой (никаких досмотров на проходной, отказ от тыканья, «вежливое обращение» с рабочими и т. д.).

На смену универсалистскому дискурсу о «правах человека и гражданина» пришел классовый, в котором в «большой семье трудящегося и эксплуатируемого народа» (выражение неоднократно повторяется в преамбуле к первой советской Конституции 1918 года) не находится места широкой категории врагов — «буржуазии», «богачам», «эксплуататорам». Развивается «антибуржуазная» риторика, ширится и становится все более выраженной поляризация между «трудящимся и эксплуатируемым народом», объединенным чувством несправедливости и отчуждения, и «буржуями». Это унижительное определение у всех на устах, отмечал автор одной из бесчисленных брошюр, изданных в 1917 году на тему «Что такое буржуи?». «Люди не представляют себе абстрактную “буржуазию”, общественный класс, они отождествляют с ней конкретных личностей, которых называют “буржуи”, “баржуи” или “биржуи” и на которых направлены их недовольство и ненависть»¹⁹.

Согласно Борису Колоницкому, первые упоминания «врагов народа» восходят к концу марта 1917 года и появляются в резолюциях совета, где тогда ведущую роль играли эсеры, клеймившие «кроважидных капиталистов, буржуев, сосущих у народа кровь — врагов трудового народа»²⁰.

Эта риторика о врагах подпитывалась всей социалистической литературой, необязательно большевистской. В первых рядах наиболее популярных, переиздававшихся до двадцати раз в феврале–октябре 1917 года и разошедшихся миллионами экземпляров, фигурирует памфлет Вильгельма Либкнехта (которого часто путают с Карлом Либкнехтом), «Пауки и мухи»²¹. Эта «классика» «революционного самиздата», написанная в начале войны, широко распространялась в течение 1917 года в большевистской, меньшевистской и эсеровской прессе. Отметим, что образ паука-вампира, сосущего кровь из «мух» — народа — был широко представлен с начала 1900-х годов в крайне правой антисемитской литературе (где паук-вампир представлял собой еврея, в особенности «еврея-капиталиста»)²².

«Пауки, — можно прочитать в памфлете В. Либкнехта, — это господа, эксплуататоры, богатеи, попы, буржуи-паразиты... Мухи — это несчастные труженики... Пауки — это фабриканты, которые каждый день зарабатывают пять-шесть рублей на каждом из своих рабочих». Другой успешный памфлет, переиздававшийся одиннадцать раз в 1917 году, опубликованный всей социалистической прессой, «Кто чем живет?» эсера Сергея Дикштейна. Буржуа здесь определяется не только в классовом, но и моральном измерении: «Буржуи — тот, кто

думает только о том, как набить себе брюхо, кто готов взять любого за горло, как только речь заходит о деньгах или еде»²³.

Еда — животрепещущая тема — основной сюжет третьего политического бестселлера 1917 года — брошюры Емельяна Ярославского, известного большевика (и будущего руководителя Союза безбожников). Текст ее очень широко распространялся социалистической прессой всех направлений под все объясняющим заголовком «Отчего нет товаров в деревне, хлеба в городах?». В этой брошюре популярная тема вредительства, спекуляции политически заостряется и получает классовую окраску. Тематика «саботажа» позволяет установить связь между двумя врагами — «контрреволюционерами» и «спекулянтами» (единым субъектом они стали спустя несколько месяцев после прихода к власти большевиков в названии ВЧК — «Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем»). В брошюре Ярославского читаем: «Ответственные за несчастье — господа капиталисты, фабриканты, банкиры, буржуа. Если цены поднялись, продуктов мало, хлеба нет — это не случайно: все намеренно организовано, чтобы костлявая рука страданий и голода схватила трудящийся народ за горло»²⁴. Эта метафора стала одной из самых известных в русской революции, одной из наиболее часто используемых в большевистской пропаганде²⁵.

Детальный анализ некоторых резолюций, предложений, петиций, исходящих от низовых организаций — и не обязательно большевистских — показывает, как расширялось понятие «буржуазии». «Все наши общественные и продовольственные проблемы приводят к единственному решению, единственному исходу, — писал в сентябре 1917 года философ Николай Бердяев, — сбросить буржуа, источник всех зол. Несколько месяцев назад Врагом были Николаша, Александра и Гришка Распутник²⁶, которые устраивали заговор с немцем. Сегодня внутренний враг — «буржуй». В очередях «буржуй» стал синонимом «спекулянта» или «еврея». Для голодных, безработных, уставших от войны масс «буржуй» — это без различия любой, кто более-менее хорошо одет, интеллигент, торговец, студент, интендант, еврей»²⁷.

Требуют «свободы прессы», «демократии», но одновременно объявляют о запрете буржуазных газет, «враждебных народу и демократии» (так, профсоюз почтовых служащих, где доминировали меньшевики, проголосовал в сентябре 1917 года за резолюцию, призывавшую их сторонников не распространять «буржуазную прессу», которой «слишком много»²⁸). В сентябре 1917 года требуют реквизиции квартир «буржуев», куда «во имя справедливости» переселяют-

ся «эксплуатируемые трудящиеся» — эту меру большевики проведут в жизнь с начала 1918 года. 10 октября 1917 года исполнительный комитет совета Выборгского района, в котором большинство имели большевики, но немалую роль играли эсеры, единодушно голосует за следующую меру: «Все домохозяева, сдающие внаем более четырех комнат, должны предстать перед советом, чтобы получить назначение на уборку улиц и общественных уборных». Общие черты с данным предписанием можно обнаружить в тексте Троцкого, появившемся три месяца спустя: на протяжении веков наши отцы и деды убирали грязь и нечистоты за правящими классами. Сейчас мы их заставим убирать за нами. Мы устроим им такую жизнь, что они навсегда потеряют желание быть буржуями²⁹.

Эта дискриминация была, безусловно, только первым этапом. Я ограничусь цитированием двух писем из огромного количества писем того же типа, посланных в Петроградский Совет, вскоре после захвата власти большевиками. Их авторы оправдывают насилие во имя «справедливости». Подписавшие уточняют свои политические симпатии: «беспартийные социалисты»; они объясняют, как, по их мнению, может, наконец, осуществиться вековая мечта русского народа о справедливости и свободе: «Свободные 20 миллионов русских буржуа делают остальные 160 миллионов такими рабами, какими они никогда и не были. Свобода должна существовать только для 160 миллионов, остальные 20 миллионов должны подчиняться большинству (...) Свобода должна быть только для угнетаемых. Для угнетателей нужна только палка. Только палкою введем справедливость на нашей земле»³⁰.

«Мое предложение: сослать всех дворян и помещиков, у которых более 100 десятин земли³¹, а также всех чинов охранного отделения и тайной полиции в Соловецкий монастырь³², убрав из последнего всех монахов и попов (...) Будь на то моя воля я бы отправил прямым сообщением по адресу: Ленинград. Петропавловская крепость. Трубецкой бастион, камера Шульца-Бенковского и казнил. Давно пора прибрать в безопасное местечко эту погань, чтобы не отравляли своим проклятым дыханием рабоче-крестьянскую Россию»³³.

Осенью 1917 года лозунг, появившийся несколько месяцев спустя на застенках ЧК «Смерть буржуазии», разделяли уже очень многие...

В то время как большевики оказывались неспособными улучшить материальное положение «масс» и удовлетворить утопические ожидания тех, кто за ними следовал в 1917 году³⁴, «плебейская война против привилегий» (Максим Горький) оставалась одним из самых мощных орудий пропаганды и мобилизации большевиков³⁵. Если беднякам не удалось подняться со дна, то по крайней мере бо-

гачи были уничтожены — таким был смысл передовицы «Правды» от 1 января 1919 года: «Куда делись богачи, щеголи, шикарные рестораны, частные гостиницы, выезды и вся эта развратная “золотая жизнь”? Все было сметено. Вы больше не увидите на улице богатого барина в меховой шубе, читающего “Русские ведомости”. Нет больше “Русских ведомостей”. Нет больше меховых шуб. Барин сбежал куда-нибудь на Украину или на Кубань и, должно быть, сильно сегодня исхудал, будучи вынужденным питаться пайком третьего класса. Он даже на барина уже не похож!».

Инструментализация конфликтов и ненависти, будораживших общество, имела, тем не менее, свои пределы. Как только новая власть, дав на время насилию «снизу» возможность довершить разрушение институтов и общественного порядка, унаследованного от старого режима, попыталась восстановить авторитет государства и реквизировать сельскохозяйственную продукцию (что пытались — и безуспешно — сделать различные буржуазные «временные» правительства, сменявшие друг друга в течение 1917 года), она столкнулась с вековыми утопическими ожиданиями крестьянских масс, основанными на мечте о «черном переделе» всех земель, о «свободе», то есть о полном самоуправлении и отказе от государства.

Навязывание государства часто будет приводить к столкновениям, отмеченным крайним насилием. Этот опыт породил множество антинародных стратегий нового режима, а также привел к появлению в высших эшелонах власти чувства незащищенности перед лицом недисциплинированных «масс» и насилия «снизу», того самого, которое большевики одно время поощряли, чтобы смести старый мир.

Примечания

1. *Dominique C.* Le Leninisme. PUF, collection «Quadrige». Paris, 1998. P. 62.
2. *Ленин В. И.* ПСС. М., 1965. Том 11. С. 176.
3. *Ленин В. И.* ПСС. М., 1965. Том 33. С. 322.
4. 28 ноября 1917 года был принят Декрет СНК СССР «Об аресте виднейших членов ЦК партии врагов народа (кадетов — ред.) и предании их суду Революционного трибунала».
5. В качестве примера такой практики с декабря 1917 г. см.: Владимира Антонова-Овсеенко и Ленина в книге «Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927 гг.». Москва, РОССПЭН, 1996. С. 30–33. В январе 1918 года большевистское руководство Нижнего Новгорода заключило под стражу 105 «заложников», взятых из числа городской буржуазии, чтобы «гарантировать» выплату «революционной контрибуции», навязанной имущим классам (ГА РФ. 393/2/59/35–38).

6. Примечательно, что эти концлагеря приняли эстафету у лагерей для интернированных австро-венгерских и немецких военнопленных, постепенно освобождавшихся с апреля 1918 года по мере того, как осуществлялся процесс репатриации, предусмотренный Брест-Литовским договором. Мы имеем здесь замечательный пример того, как в тех же местах внутренний враг сменял врага внешнего.

7. См. статью «Большевики и реставрация “государственности”» в данном сборнике.

8. По этим вопросам позволю себе отослать читателя к своей статье «Кто были первые чекисты?» (*Qui étaient les premiers tchekistes? // Cahiers du monde russe. XXXII (4), octobre–décembre 1991. P. 501–512.*)

9. *Leopold H.* Civil War Century Russia // D. Koenker, W. Rosenberg, R. Suny (eds.). Party State and Society in the Russian Civil War. Bloomington: Indiana University Press. P. 24.

10. В смысле, в котором употреблял этот термин Джордж Моссе в своем труде «*De La Grande Guerre au totalitarisme. La brutalization des sociétés européennes.*» Paris: Hachette, 1999.

11. Цит. по: *Orlando F.* A People's Tragedy. The Russian Revolution, 1891–1924. London, Jonathan Cape, 1996. P. 335.

12. *Mawdsley E.* The Russian Revolution and the Baltic Fleet: War and Politics, February 1917 – April 1918. London: MacMillan. 1978. P. 25–28. *Френкин М.* Русская армия и революция, 1917–1918. Мюнхен: «Логос». 1978. С. 45–47.

13. *Hasegawa T.* The February Revolution: Petrograd, 1917, Seattle, 1981. P. 81–82, 220–224; *Figes O.* A People's Tragedy... Op. cit. P. 321 sq.

14. *Lih L.* Bread and Authority in Russia: 1914–1922. Berkeley: University of California Press. 1990 P. 75–76. Как писал Н. Долинский, один из руководителей министерства продовольствия, «городские обыватели убеждены, что продукты есть, но торговцы в погоне за прибылью, спекулянты и скупщики их прячут. Обыски множатся, не принося результата» («Известия по продовольственному делу». 1917. № 3. С. 1).

15. *Lih L.* Bread and Authority... op. cit.; *Acton E.* Rethinking the Russian Revolution. London, Arnold, 1990; E. Acton, V. Cherniaev, W. Rosenberg (eds). Critical Companion to the Russian Revolution, 1914–1921. London: Arnold, 1997; *Figes O.* The Russian Revolution and its language in the village // The Russian Review. Vol. 56 (1997). P. 323–345; *Kolonitskii B.* Anti-bourgeois propaganda and Anti-burzhui Consciousness in 1917 // The Russian Review. Vol. 53. (1994). P. 183–196.

16. *Haimson L.* Civil War..., Art. cit. P. 30.

17. *Ferro M.* La Revolution de 1917. Vol. I. Paris: Aubier, 1967.

18. Кизеветтер А. Мода на социализм // Русские ведомости. 25 июня 1917. С. 1.

19. *Добров Н.* Что такое буржуазия?, Петроград, 1917. С. 5. Цит. по *Kolonitskii B.* Anti-bourgeois propaganda..., Art. cit. P. 190. Наряду с правильным термином «*буржуи*», употреблялся неологизм «*баржуи*» («владелец баржи») или «*биржуи*» (те, кто связан с биржей). В числе подобного рода брошюр см.: *Кабанов Н.* Что такое буржуи? Петроград, 1917.

20. *Kolonitskii B.* Anti-bourgeois propaganda..., Art. cit. P. 194.
21. *Либкнехт В.* Пауки и мухи. Петроград, 1917. Эту брошюру также печатали на станках организации самарских эсеров.
22. Ленин сам часто использует образ «кулака, пьющего кровь у бедных крестьян», см.: *Colas D.*, Le Leninisme. Op. cit. P. 204–205.
23. *Дикштейн С.* Кто чем живет? Петроград, 1917.
24. *Ярославский Е.* Отчего нет товаров в деревне, хлеба в городах? Москва, 1917.
25. См.: многочисленные резолюции городских комитетов Петрограда, где фигурирует эта метафора, цит. по *Smith S.* Red Petrograd. Cambridge: University Press. 1983. P. 180 sq.
26. Речь идет о царе Николае II, царице Александре и Григории Распутине.
27. *Бердяев Н.* Торжество и крушение народничества // Русская свобода. 1917. № 14. Этот текст был переиздан в: *Бердяев Н.* Сочинения. Москва: Наука, 1991. С. 78.
28. Голос солдата. 27 сентября 1917 года.
29. Цит. по: *Figes Or.* A People's Tragedy... Op. cit. P. 529.
30. ГА РФ. 1235/53/67/201. Цит. по: *Лившин А., Орлов Ю.* Революция и справедливость. Послеоктябрьские письма во власть // Октябрьская революция. От новых источников к новому осмыслению. С. Тютюкин (ред.). М., РАН. 1998. С. 254.
31. Примерно 100 га.
32. Соловецкий монастырь, расположенный на одноименном архипелаге в Белом море, примерно в 200 километрах к северу от Архангельска, был при царском режиме знаменитой тюрьмой. При большевиках он стал одним из первых крупных трудовых лагерей, отправной точкой Гулага.
33. ГА РФ. 1235/61/195/78. Цит. по: *Лившин А., Орлов Ю.* Революция и справедливость... Цит. соч. С. 255. Ср. также, что писал в январе 1918 года рабочий-делегат Петроградского заводского комитета: «Мы должны истребить всех буржуев. Так честные трудящиеся России, наконец, заживут лучше». Цит. по: *Figes O.* A People's Tragedy... Op. cit. P. 524.
34. Прочитируем среди прочих схожих письмо, отправленное в декабре 1917 года в Центральный исполнительный комитет Советов: «Когда мы вырвали власть из беспощадной буржуазной лапы, я ни минуты не сомневался в том, что первым законом будет работа или минимальная плата, т. е. в каждом городе будет осуществлена контора, которая должна давать безработным работу или минимальную плату. Тогда измученная масса сразу увидела бы не лозунг, а творчество» (аноним, Муром, 22 декабря 1917 года. Цит. по: *Лившин А., Орлов Ю.* Революция и справедливость... Цит. соч. С. 258).
35. Среди наиболее откровенных работ Ленина по этой проблеме см.: «Как организовать соревнование?» (декабрь 1917 года), где Ленин развивает идею «очистки земли российской от всяких вредных насекомых, от блох-жуликов и клопов-богатых». Это очищение должно осуществляться, объясняет Ленин, путем «организации соревнования рабочих и крестьян». Анализ этого текста в кн.: *Colas D.* Le Leninisme. Op. cit. P. 201–203.

ГЛАВА 2

Дезертиры в России: военное, революционное, крестьянское насилие (1916–1921)

Историки уделяли больше внимания большевистской политической практике, насилию, «введенному декретом сверху» после октября 1917 года, нежели «насилию снизу», источником которого было общество, объятые войной и революцией, особенно солдаты-крестьяне, эта огромная масса, состоящая из десяти миллионов вооруженных людей, которые уже три года переживали травмирующий психику опыт войны нового типа. А ведь если рассмотреть вопрос насилия в 1917 году в целом, мы увидим, что главное, на что обращали внимание современники, был его выход за пределы территории военных действий, перенос в тыл, где его проводниками выступали солдаты-дезертиры — по мере того, как армия в качестве института распалась, а доля покинувших ее солдат росла, а также явления выхода на поверхность скрытых социальных конфликтов. Границы между фронтом и тылом, гражданской и военной сферами, стирались; насилие распространялось повсюду по мере того, как рушились властные институты, как распалось само государство. Этот процесс, начавшийся в 1917 году, достиг апогея в следующие годы, на фронтах гражданской войны, отмеченной беспрецедентным ожесточением политического и социального поведения, ростом «классовых антагонизмов», а сверх того — углублением раскола между «двумя Россиями», о котором говорил в середине XIX века Александр Герцен: Россией городской и «господствующей» и Россией сельской, политически подчиненной, изолированной и замкнутой в местных и общинных структурах¹.

Все это оказало решающее влияние на эволюцию самого большевизма, на взаимоотношения общества и новой власти, на генезис того, что в 30-е годы станет сталинизмом². Я не буду здесь задерживаться на связи политического насилия «сверху» и социального насилия «снизу», на инструментализации — усилиями исключительно большевиков — социального насилия и национальных и этнических конфликтов, то есть на вопросах, на которых я останавливался в дру-

гих работах³. Я попытаюсь здесь проверить два основных понятия, разработанных историком Джоржем Моссе: «банализация» военного опыта и «брутализация» фронтовиков⁴ на примере дезертиров в ходе «самодемобилизации» и распада русской армии в 1917 году и позднее, во время гражданской войны, конфликта в котором дезертиров в обоих лагерях (белом и красном) было намного больше, чем кадровых солдат. Каким образом соединились насилие как следствие «ожесточения» после трех лет войны и насилие крестьянского бунта, вписанное в длинную историю, отмеченную не только ненавистью русского крестьянина (освобожденного от крепостной зависимости лишь два поколения назад) к помещику, но и глубоким недоверием сельского мира к городу, внешнему миру, любой форме государственного вмешательства? Как насилие, «революционное» в 1917 году, поскольку способствовало слому институтов, установленных Временным правительством, стало несколько месяцев спустя «кулацким и контрреволюционным» — с того момента, как оно поставило под сомнение авторитет нового «революционного» государства? Крестьянская революция и распад царской армии — самой многочисленной армии в истории, состоявшей на 95 % из крестьян — являлись двумя наиболее важными социальными явлениями русских революций 1917 года. Временное слияние осенью 1917 года масштабной Жакерии — завершения цикла крестьянских бунтов, начавшегося в девятисотых годах, и распада русской армии способствовало невиданной революционной динамике. «Крестьянско-солдатская революция» развивалась по своей логике, в своих временных рамках, со своими особенностями и требованиями, несовместимыми с программами политических партий. Главными проводниками насилия «снизу» были те, кого свидетельства и документы называли «дезертиры»: очень расплывчатое определение, объединявшее в действительности как собственно дезертиров, так и солдат, получивших увольнительную, и резервистов, бродящих по гарнизонным городам, принимающих участие в постоянных митингах, бывших повседневным событием в политической жизни «революционной» России с марта 1917 года. Не считая десятков тысяч военных — участников бесчисленных солдатских комитетов, которыми кишмя кишели все воинские соединения и на фронте, и в тылу, с принятия 1 марта 1917 года знаменитого Приказа № 1, которым устанавливалась «солдатская власть» (или «демократия серых шинелей», как ее называл генерал Брусилев) в российской армии⁵. В работах Аллана Уайлдмена о русской армии в 1917 году показано, что вплоть до последнего русского наступления 18 июня 1917 года нельзя говорить о «самодемобилизации» армии

на фронте. В армии, ведущей боевые действия, на начало июня число собственно дезертиров колебалось между 100 000 и 200 000 (или 1,5–3 % личного состава)⁶. Совершенно иной было положение в тылу, в казармах и гарнизонах, где находилось около 3 миллионов человек. Здесь в апреле–мае 1917 года значительная часть военнослужащих — 400 000–700 000 человек, по разным оценкам — уже испарилась, с разрешения или без него⁷.

Распад армии ускорился после провала наступления 18 июня и немецкого контр наступления и особенно после путча, предпринятого генералом Корниловым, означавшего окончательную потерю офицерами авторитета перед солдатами — к этому делу шло уже долгое время. Все больше солдат видело в своих командирах ненавидимых представителей верхов, которые не только навязывали им унизительные дисциплинарные правила, но и толкали на «мировую бойню» империалистической войны, ни в грош не ставя рядовых, умышленно обрекая солдат на кровопролитие, чтобы «истребить всех мужиков, избавиться от них раз и навсегда, чтобы они больше никогда не покушались на помещичьи имения» — эта тема, как отмечала военная цензура с конца 1916 года, была очень популярной среди низших чинов⁸. «Между нами и ими, — писал один офицер вскоре после Февральской революции 1917 года, — пропасть, которую нельзя перешагнуть. Как бы они ни относились лично к отдельным офицерам, мы остаемся в их глазах барамы. Когда мы говорим о народе, мы разумеем нацию, когда они говорят о нем, то разумеют демократические низы. В их глазах — произошла не политическая, а социальная революция, от которой мы, по их мнению, проиграли, а они выиграли.

При новом строе им будет легче, а нам хуже, чем было раньше — в этом они убеждены (...) Раньше правили мы — теперь они хотят править сами. В них говорят не вымещенные обиды веков. Общего языка нам не найти — вот проклятое наследие старого порядка»⁹. Этот социальный реванш изначально был облечен в крайние формы: в достаточно мирном контексте «февральских дней» особой жестокостью отличалось насилие, творимое моряками-кронштадтцами, которые покалечили и убили сотни офицеров¹⁰. В течение всего года отношения между солдатами и офицерами продолжали ухудшаться. Солдаты подозревали офицеров в утаивании информации, поступающей из революционного тыла, в сокрытии «настоящих приказов», офицеры были «внутренними» врагами, такими же опасными — если не больше, — чем «внешний враг», Германия. «Мы с Тамбовщины, немцы заплутают по дороге, прежде чем до нас доберутся, а барина нужно терпеть все время», — говорили солдаты¹¹. Что до офицеров, они так

и не приняли крах прежних представлений о дисциплине, об авторитете, изменений, оформленных положениями знаменитого Приказа № 1, учреждавшего солдатские комитеты¹². Через посредство этих комитетов солдаты могли участвовать в политической жизни: они представляли собой канал, по которому политические дебаты, которые велись в тылу, достигали фронта. Примечательно, что тыловые соединения политизировались быстрее всего через солдатские советы гарнизонных городов, начиная с Петрограда. Эта политизация необязательно шла теми же темпами и по таким же принципам, что и радикализация войск на фронте. В течение нескольких месяцев, вплоть до последней попытки командования установить контроль над солдатами (после поражения попытки революционного переворота 3–4 июля 1917 года)¹³, читай — до корниловского путча, солдатские комитеты оставались последней авторитетной структурой в армии, структурой, которая предполагала компромисс, минимальный диалог с офицерами. «Измена» генерала Корнилова спровоцировала рост масштабов насилия над офицерами: сотни из них были убиты в первые дни после провала мятежа (особенно с 29 августа по 4 сентября). Эти убийства часто сопровождалась неслыханной жестокостью: офицеров пытали, калечили перед смертью (вырывали глаза и язык, отрезали уши, забивали гвоздями эполеты), вешали вниз головой, сажали на кол. По свидетельству генерала Брусилова, многие молодые офицеры кончали самоубийством, чтобы избежать ужасной смерти¹⁴. Эсеровский историк Сергей Мельгунов, автор первого крупного труда о Красном терроре¹⁵, видел в истреблении морских офицеров и юнкеров, совершенных моряками в Евпатории, Ялте, Севастополе в январе 1918 года, первые проявления ленинского террора. На самом деле, эти убийства продолжали длинный ряд схожих актов, которые задолго до октября 1917 года имели место в армии и на флоте¹⁶. В последние месяцы 1917 года около двух миллионов солдат, чаще всего вооруженных (в атмосфере всеобщего хаоса получившие увольнительную, как правило, не сдавали оружие), возвращались домой, по пути совершая разнообразные акты насилия, о которых в подробностях сообщают бесконечные отчеты, направляемые местными гражданскими и военными властями по инстанции: разграбления магазинов (особенно винных лавок и складов), групповые грабежи, вооруженные разбои, погромы в местечках, уничтожение помещичьих усадеб и их обитателей, не успевших убежать. Осенью 1917 года крестьянский бунт слился с насилием, ставшим следствием ожесточения после трех лет войны. Лишь с конца августа волнения в деревне, до тех пор относительно умеренные и ограниченные, трансформи-

ровались во многих районах в настоящую Жакерию: тысячи усадеб были уничтожены — как в традиционно беспокойных регионах, где нехватка земли ощущалась наиболее остро (Казанская, Рязанская, Пензенская, Тамбовская, Саратовская, Курская, Воронежская, Самарская, Харьковская губернии), так и в прифронтовых районах (Белоруссия, Смоленская, Могилевская, Витебская губернии)¹⁷. И хотя в разграблении поместий участие принимали сами жители села, в качестве подстрекателей чаще всего выступали солдаты — как правило, вооруженные — вернувшиеся с фронта. Примечательно, что сигналы о первых грабежах, сопровождавшихся убийствами помещиков, поступили на Пасху, когда получивших увольнительную было особенно много¹⁸. Уничтожение жилищ помещиков поражало современников системным подходом: крестьяне пользовались всем, что могло им пригодиться в повседневной жизни; а все то, что свидетельствовало об ином образе жизни барина, уничтожалось, «чтобы птичка больше не возвращалась в свое гнездышко». Книги и мебель сжигали, пианино разбивали, двери разносили топором, деревья в парках вырубали, лужайки бороновали, оранжереи уничтожали, пруды осушали¹⁹. Большая Жакерия 1917 года во многих отношениях напоминала Жакерию 1905–1906 годов, в ходе которой было уничтожено 3000–4000 поместий (6–8 % от общего числа). Впрочем, в 1917 году физическое насилие — крайне редкое за 12 лет до того — против помещиков, которых уже не могла защитить никакая армия²⁰, стало более распространенным: ненависть солдат-крестьян к помещикам, которых они часто отождествляли со своими офицерами, неоднократно давала о себе знать. Вот что произошло, например, с князем Борисом Вяземским, одним из крупных землевладельцев Тамбовской губернии 24 августа 1917 года. С весны крестьяне безуспешно требовали от князя вернуть тысячи гектаров пастбищ, которые он конфисковал у общин «в наказание» за то, что те принимали участие в крестьянских бунтах 1905 года. 24 августа 1917 года многотысячная толпа крестьян, которым придавало отваги присутствие многочисленных вооруженных дезертиров, вернувшихся в деревню, ворвалась во владение князя. Арестованный князь был тотчас «судим» импровизированным крестьянским трибуналом, который приговорил «отправить его на фронт, чтобы он научился проливать кровь, как простой мужик». По дороге на вокзал князя, которого переодели в солдатскую форму, линчевала толпа²¹. Помимо разрушения помещичьих домов, одной из самых впечатляющих форм демонстрации силы дезертирами, сбивавшимися в банды из сотен, а то и тысяч человек, были погромы в местечках. Они часто принимали антисемитскую окраску: погромы

белорусских городов Бобруйск, Несвиж, Смоленск и особенно Гомель (18–20 сентября 1917 года), разграбленного бандой из приблизительно 10 000 дезертиров, оставили после себя сотни жертв²². Эти погромы, по сути, стали продолжением жестокой практики депортации еврейского населения, систематически осуществлявшейся русской армией на западной окраине империи в еврейской «черте оседлости», ставшей зоной военных действий²³. Повсюду (только за последнюю неделю сентября 1917 года были разграблены Тамбов, Брянск, Ржев, Торжок, Сызрань, Казань, Винница) насилие в отношении торговцев и всех, кто «походил на образованных и явно не пострадавших от войны»²⁴, творилось под крики «Смерть буржуйам!». Этот термин недавно вошел в политический лексикон мятежников и дезертиров, если судить по многочисленным вариантам его произнесения²⁵. Массовый приток демобилизованных — без денежного пособия, не имеющих возможности вернуться домой, поскольку транспортная сеть была полностью парализована, — привел к резкому всплеску бытового насилия: вооруженным нападениям, кражам, дракам, грабежам магазинов в городах, где не был обеспечен общественный порядок²⁶.

Отодвинувшее на второй план «классовую борьбу» в городской среде социальное ожесточение, распад армии, сопровождавшийся многообразными формами насилия — среди которых «реакционные» было сложно отличить от «революционных» — все это застало врасплох большинство действующих лиц политической арены революционной России. Вот три заключения, к которым пришли современники процесса эскалации насилия, порожденного распадом русской армии. Анализируя после поражения, в эмиграции, феномен большевизма, руководитель меньшевиков Юрий Мартов пришел к выводу, что большевизм можно характеризовать прежде всего как политическое выражение культуры войны и насилия, носителями которого были в 1917 году крестьяне-солдаты. Русский пролетариат качественно уступал бушующему морю «серых шинелей», и традиции русской социал-демократии, по его мнению, воплощающиеся в меньшевизме, были уничтожены. Крестьянская и солдатская *стихия* (анархическая неконтролируемая сила) все сметала на своем пути, радикально видоизменяя политический пейзаж. Большевизм одержал победу, поскольку он порвал — в социологическом смысле — с социалистической семьей, с рабочими корнями. «Война, — писал Юрий Мартов в июне 1920 года, — это перегной большевизма, который питает большевистский террор, делает большевизм как чудовищной экономической системой, так и чудовищной системой азиатского способа правления»²⁷. Со своей стороны, Максим Горький видел

в «насилии солдатни», которую он не переставал осуждать в «Новой жизни», «взрыв зоологических инстинктов, русский бунт, в котором никак не участвует социалистическая психология», одним словом, анархический крестьянский бунт, выросший из азиатчины. Военное насилие, общее ожесточение, которое оно за собой повлекло, вызвали к жизни естественное насилие, глубоко укоренившееся в сознании крестьянства, русского народа. Поощрение низменных инстинктов крестьян-солдат, которым занимались «большевистские комиссары», неизбежно вело к вырождению, а затем и разгрому революции. Горький не без задней мысли цитирует Троцкого, писавшего по поводу революции 1905 года: «Война, бесспорно, сыграла огромную роль в развитии нашей революции. Война материально дезорганизовала абсолютизм, внесла разложение в армию, привила дерзость массовому обывателю. Но, к счастью для нас, война не создала революции, к счастью, потому что революция, созданная войною, есть бессильная революция. Она возникает на почве исключительных условий, опирается на внешнюю силу — и в конце концов, оказывается неспособной удержать захваченные позиции». Эти умные и даже пророческие слова сказаны в 1905 г. Троцким, я взял их из его книги «Наша революция» (...) А, между тем, эти слова не потеряли своего смысла и правды, — текущие события всею силою своею всем своим ходом подтверждают правду этих слов (...).

«Необходимо помнить, — предупреждал Горький, — что революция, начатая солдатом Петроградского гарнизона и что когда эти солдаты, сняв шинели, разойдутся по деревням — пролетариат останется в одиночестве, не очень удобным для него. Было бы наивно и смешно требовать от солдата вновь преобразившегося в крестьянина, чтоб он принял как религию для себя идеализм пролетариата и чтоб он внедрял в своем деревенском быту пролетарский социализм»²⁸. Отметим, что сближение Горького с большевиками началось с того момента, когда последние, по его мнению, перестали поощрять массовое насилие и принялись за подавление «азиатчины русского крестьянства», восстановление порядка и государственности.

Что касается генерала Брусилова — наблюдателя с другой точки политического горизонта, он осуществил достаточно тонкий анализ того, что он назвал «большевизмом траншей», временную форму, переходный этап в феномене большевизма. Брусиллов так определял этот «большевизм траншей», эту «солдатскую власть», основанную на трех требованиях: мира, земли, но также и воли — абсолютной свободы, которая отрицала любую форму государственного принуждения, любые институты, кроме тех, что являются порождением

самой крестьянской общины: «Вот тут-то проповедь большевиков пришлась по вкусу и понятиям солдат. Их совершенно не интересовал Интернационал, коммунизм и т. п. вопросы, они только усвоили себе следующие начала будущей свободной жизни: немедленно мир во что бы то ни стало, отобрание от всего имущественного класса, к какому бы он сословию не принадлежал, всего имущества, уничтожение помещика и вообще барина. Дальнейшие их надежды состояли в том, что начальства не будет никакого и никакого налога вносить никому не следует. Живи каждый, как хочет — вот и все. Как видите, программа ясная и краткая»²⁹.

Как и большинство их современников, ни один из трех процитированных авторов не заметил в первые дни нового режима, установленного в результате государственного переворота 25 октября 1917 года, скрытый конфликт, который вскоре возник между «большевизмом траншей» солдат-крестьян и «патентованным большевизмом», большевизмом партийной верхушки, сформированной из марксистской революционной интеллигенции, к которой в течение 1917 года присоединилось определенное количество «практиков», вышедших из низов, малообразованных в политическом отношении, но готовых на любые действия, чтобы разрушить до основания «старый мир» и построить новый. Конфликт между «местническими», глубоко антигосударственными устремлениями демобилизованных крестьянских масс и централизаторскими, государственническими проектами находящейся у власти большевистской партии. Конфликт между большевистской утопией, основанной на немедленном переходе к коммунизму, и утопией крестьянской, основанной на старой народной мечте о «Земле и Воле» — «черном переделе» всех земель и самоуправлении в том виде, в каком оно выражалось в самой двусмысленности термина *воля*, обозначавшего одновременно и свободу и желание. В течение шести месяцев, с осени 1917 года до весны 1918 года, деревня переживала небывалые события: крестьянская утопия, казалось, наконец, осуществлялась: все земли, частные и общинные, были перераспределены согласно представлениям крестьян о справедливости³⁰. Будучи не в состоянии контролировать крестьянскую революцию, создать за неимением кадров собственные властные структуры в деревне, большевики не препятствовали самоорганизации крестьян, позволив им завершить разрушение старого порядка. В ходе этой интермедии между падением старого государства и созданием нового, деревня пользовалась большой самостоятельностью. Это были шесть месяцев настоящей «крестьянской власти», в ходе которых ветераны Первой мировой, часто высту-

павшие инициаторами нападений на «дворянские гнезда», а затем ставшие самыми активными участниками «черного передела», играли первые роли. Как только новый режим попытался восстановить авторитет государства — армии, централизованного управления, полиции — и осуществить, как это безуспешно пыталось сделать свергнутое временное правительство, реквизицию сельскохозяйственных товаров, ибо рыночные механизмы не функционировали уже несколько лет, он, этот режим, столкнулся с тем же мощным движением, которое в 1917 году проявилось в форме «самодемобилизации» возвращавшихся в родные деревни солдат. В 1918, 1919, 1920 годах крестьяне-солдаты, которые до этого в течение трех лет воевали на фронтах мировой, больше не хотели идти ни в какую армию, будь то Красная или Белая. В 1917 году они значительно поспособствовали победе нового политического и общественного устройства; они добились, чего хотели: мира, земли, свободы. Вновь поглощенные крестьянской общиной эти ветераны отказывались идти на смерть во имя высших государственных, общественных или национальных интересов, участвовать в гражданской войне, которую они осуждали как «братоубийство»³¹. Дезертирство приняло еще больший масштаб, чем в 1917 году: из 5 миллионов солдат, мобилизованных в Красную армию с лета 1918 года по начало 1921, по оценкам комиссии по борьбе с дезертирством, дезертировало в тот или иной момент около 4 миллионов. В рядах Красной армии никогда не сражалось более 500 тысяч солдат³². Это, разумеется, больше, чем в Белой армии, командование которой, мечтавшее восстановить старый порядок, испытывало гораздо большие трудности в массовой мобилизации крестьян, чем красные. В тылах движущихся фронтов гражданской войны миллионы дезертиров из Красной и Белой армий формировали ядро «зеленых», крестьян-партизан, ведущих в родных местах партизанскую войну против обоих лагерей, каждый из которых стремился мобилизовать их в свою армию, отнять плоды их труда и даже (в случае с белыми) отнять землю, которую крестьяне только что разделили³³. «Зеленые» часто играли решающую роль в победах или неудачах того или иного лагеря³⁴. Организованные в маленькие партизанские отряды, действующие на знакомой территории, опираясь на помощь местного населения, «зеленые» перерезали пути сообщения регулярных армий, оказывали сопротивление продотрядам, громили общественные учреждения, нападали на представителей власти на местах, будь то красные или белые. После разгрома белых (конец 1919 года)³⁵, когда была окончательно устранена угроза восстановления старого порядка, дезертиры из Красной армии, те самые, что несколько лет до

этого дезертировали из царской армии, образовали ядро больших крестьянских повстанческих армий. В 1920–1921 годах на Тамбовщине, на Украине, в Западной Сибири эти армии на протяжении нескольких месяцев удерживали территорию, с которой была полностью изгнана советская власть³⁶. По примеру дезертиров 650-го пехотного полка VI армии, которые под руководством некоего Филиппова основали в июне 1917 года в Бессарабии «Свободную республику дезертиров» (где «граждане-дезертиры» предавались насилию, воплощая на практике лозунг «Грабь награбленное»)³⁷, «зеленые» создавали эфемерные «крестьянские республики». Они защищали то, что считали, если взять программу восставших крестьян сибирской Тобольщины, «настоящим» социализмом (то есть свободу торговли, прекращение реквизиций и уничтожение всех видов эксплуатации), «настоящими» советами (избранными самими крестьянами, без иерархической структуры и без коммунистов), «настоящую» свободу (без «давления Москвы»). Они были убеждены, что в Москве ответственные за реквизиции, навязывание колхозов и за гражданскую войну в целом «коммунисты», руководимые Троцким и евреями, отняли власть у большевиков, возглавляемых Лениным, который принес мир, землю и выступал за свободу торговли³⁸. Столкновения между «зелеными» и красными носили неслыханно жестокий характер. Возглавляемые зачастую офицерами, обучавшимися в царских военных училищах и перешедшими на сторону большевиков³⁹, карательные отряды Красной армии использовали для уничтожения «внутреннего врага» самую современную военную технику, опробованную на полях сражений Первой мировой: бронепоезда, расстреливавшие крестьян из пулеметов⁴⁰, бомбардировки деревень силами артиллерии и авиации, отравляющие вещества для «очистки» лесов, в которых прятались дезертиры и повстанцы⁴¹. Это военное насилие осуществлялось наряду с массовыми депортациями гражданского населения и казнями заложников в районах, где действовали «зеленые»; оно сопровождалось также возвращением к прежним методам насилия, к которым на протяжении веков прибегали власти, дабы усмирить взбунтовавшихся крепостных, например, наказание палками. Столкнувшись с таким насилием, крестьянские повстанцы и дезертиры прибегали к методам, которые должны были устрашить противника: пытки (в военных отчетах их называли «азиатскими»), распятие и увечие трупов (вырезание глаз, языка, ушей, половых органов), потрошение трупов (при этом желудок казенного, особенно если речь шла о члене «продотряда», набивали зерном), особо жестокие виды казней⁴². В этих столкновениях, достигших

кульминации в 1921 году, выковывалась антинародная практика нового режима, и одновременно во властных сферах росло чувство уязвимости перед крестьянским варварством, тем самым, которое большевики поощряли несколькими годами ранее, чтобы уничтожить старый порядок. С точки зрения насилия, Россия в 1914–1921 годы, период, который можно охарактеризовать, как второе смутное время⁴³, была настоящей экспериментальной площадкой, на которой опробовались разнообразные формы жестокости — от самых «современных» до самых «архаичных». Из-за военизации и общего ожесточения политических и социальных отношений, были стерты границы между гражданской и военной сферой, между войной и политикой, между «внешним» и «внутренним» врагом, между насилием военным, социальным и политическим. Изучение форм насилия, начиная с примера с дезертирами, показало сложность идущих процессов: возобновление и видоизменение социальных и культурных антагонизмов, изменение образа врага, слияние — или взаимоусиление — видов насилия, обусловленных разными причинами, политическая переквалификация той или иной практики, «революционной» или «контрреволюционной». Эти многообразные формы насилия, разумеется, заслуживают того, чтобы их не воспринимали исключительно исходя только из этапа политической истории, начавшегося 25 октября 1917 года.

Примечания

1. О русском обществе как об обществе дуалистичном см.: *Shanin T.* The Awkward Class. Oxford: Oxford University Press, 1972. P. 25–40.

2. По этим проблемам см.: *Pethybridge R.* The Social Prelude to Stalinism. London, MacMillan, 1974, особенно очерк «The impact of War». P. 73–131; *Acton E.* Rethinking the Russian Revolution. London: Arnold, 1990.

3. *Werth N.* Un Etat contre son peuple. Violences, repressions, terreur en URSS. // *Courtois S., Werth N. et al.* Le livre noir du communisme. Paris: Laffont, 1997, особенно главы I–IV.

4. *Mosse G. L.* De la Grande Guerre au totalitarisme. La brutalization des sociétés europeennes. Paris: Hachette, 1999. В предисловии к этому труду Стефан Одуэн-Рузо уточняет, что понятия «банализации» и «брутализации» «почти невозможно точно перевести» (Op. cit. P. XIV).

5. *Ferro M.* The Russian Soldier in 1917: Undisciplined, Patriotic and Revolutionary // *Slavic Review.* №30. 1971. P. 36–56; *Френкин М.* Русская армия и революция, 1917–1918. Мюнхен: Логос, 1978. С. 69–125.

6. *Wildman A.* The End of the Russian Imperial Army. Princeton: Princeton University Press. Vol. 1, 1980. P. 363 sq.

7. В апреле 1917 года Временное правительство, будучи не в силах остановить массовое дезертирство, последовавшее за слухами о грядущем переделе земли, разрешило лицам старше 40-ка явиться домой на 6 недель для полевых работ. Большинство так и не вернулось в свои части. См.: *Wildman A. The End of the Russian Imperial Army*. Op. cit. P. 366–372.

8. В октябре 1916 года военная цензура XII армии уничтожила за две недели более 10 000 писем. Лейтмотивом этих писем, отмечал глава цензурного ведомства, было следующее: «После войны нужно будет свести счеты с внутренними врагами, то есть с помещиками, которые отождествляются с высшим командным составом, пытающимся убить как можно больше простых солдат-крестьян» // См.: Революционное движение в армии и на флоте. Сборник документов. Август 1914 — февраль 1917 гг. Москва, 1967. С. 221–226, 291–296.

9. Из офицерских писем с фронта 1917 г. // Красный архив. №№ 50–51.1932. С. 200.

10. *Mawdsley E. The Russian Revolution and the Baltic Fleet: War and Politics, February 1917 — April 1918*. London: MacMillan, 1978. P. 25 sq.

11. *Wildman A. The End of the Russian Imperial Army*. Op. cit. Vol. 1. P. 93.

12. Принятый 1 марта 1917 года этот фундаментальный документ, настоящая «хартия солдатских прав», упразднял наиболее одиозные военно-дисциплинарные правила старого режима и позволял гражданам солдатам организовываться в «солдатские комитеты». Последние сразу же начали превышать свои полномочия, обсуждать военную стратегию, в то время как офицеры всеми силами пытались ограничить влияние этих комитетов. См.: *Ferro M. La Revolution de 1917*. Paris, 1967. Vol. 1. P. 196–204.

13. Смертная казнь, отмененная в марте 1917 года, была восстановлена на фронте 12 июля 1917 года. Компетенция солдатских комитетов была значительно ограничена. Об этой «офицерской контрреволюции» см.: *Ferro M. La Revolution de 1917*. Op. cit. Vol. 2. P. 133–140; *Wildman A. The End of the Russian Imperial Army*. Op. cit. Vol. 3. P. 112–146.

14. Примеры см. в: ЦГВИА (Центральный Государственный Военно-Исторический Архив), 2054/1/23, 2100/1/276, 2421/1/20, 2031/1/155; General Brussilov A Soldier's Notebook. 1914–1918. London, 1930. P. 144 sq.

15. Вышел на русском языке в Берлине в 1923 году. Переведен на французский в 1924 г. под заголовком «La Terreur Rouge». Paris, 1924.

16. О влиянии большевистской пропаганды на солдат, осуществлявших акты крайнего насилия против офицеров после провала корниловского мятежа, авторы двух наиболее полных трудов по русской армии в 1917 году (Аллан Уайлдмэн и Михаил Френкин, цит. соч.) не сходятся во мнениях. В то время как Уайлдмэн настаивает на стихийном характере насилия, идущего снизу, Френкин придает большое значение большевистской пропаганде, клеймящей «офицера — врага солдата», так же, как помещика и буржуа. По этому поводу он напоминает, что Ленин рекомендовал (письма от 30 августа 1917 года ЦК): «поощрять солдатские массы к личному генералов и офицеров, поддержавших Корнилова» (см.: *Френкин М. Русская армия и революция*. Цит. соч. С. 437).

17. Доля помещичьих домов, разрушенных в сентябре–октябре 1917 года, достигала в некоторых губерниях от одной пятой до одной четвертой всей собственности знати. Так, в Пензенской губернии 267 из 1280 помещичьих домов, насчитывавшихся в губернии, были разрушены; в Казанской губернии — 271 из 1125. См.: *Keep J. The Russian Revolution. A Study in Mass Mobilization*. New-York: Norton, 1976. P. 212 sq.

18. Первый документально зафиксированный грабеж крупного помещичьего имения, 16 марта 1917 года в Курской губернии, был организован группой дезертиров. См.: Крестьянское движение в 1917 г. Москва–Ленинград, 1927. С. 3; *Игрицкий И. В. 1917 год в деревне*. Воспоминания крестьян. Москва — Ленинград, 1929. С. 134.

19. Примеры см. в: Крестьянское движение. Цит. соч. С. 212, 242, 300; *Игрицкий И. В. 1917 год в деревне...* Цит. соч. С. 102 и далее; а также сборник документов, опубликованных в 1957 году в Москве, «Революционное движение в России в 1917 году» в 6 томах, особенно том, посвященный сентябрю–октябрю 1917 г.

20. С 1 сентября по 20 октября 1917 года, по подсчетам П. Н. Першина (Аграрная революция в России. М., 1966. Том 1. С. 345 сл.), было зафиксировано 5140 «массовых беспорядков» в деревнях, цифра, по всей очевидности, далекая от реальности, которая от властей ускользала все больше, и противостоять которой сил оставалось все меньше. Действительно на эти 5140 «беспорядков» приходится лишь 200 вмешательств армии, пытавшейся восстановить порядок, и из этих 200 более сорока завершилось отказом выполнять приказ.

21. Крестьянское движение... Цит. соч. С. 212; *Figes O. A People's Tragedy. The Russian Revolution, 1891–1924*. London: Jonathan Cape, 1996. P. 462–463.

22. Л. Гапоненко (ред.). Революционное движение в русской армии в 1917 г. Москва, 1925. С. 418 сл.; *Wildman A. The End of the Russian Imperial Army*. Op. cit. P. 233 sq.

23. Об этой практике см.: *Gatrell P. A Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I*. Bloomington: Indiana University Press, 1999. P. 17–23, 31–32, 148–149.

24. См.: Доклад о беспорядках, устроенных бандами дезертиров в Тамбове 29 и 30 сентября 1917 года // ЦГВИА, 2003/4/26/65–66.

25. Термин «буржуи» использовался в различных вариантах, особенно «баржуи» (от «баржа», что могло означать «владелец баржи»), «биржуи» (от «биржи»). О распространении в простом народе понятия «буржуй» см. новаторскую статью: Kolonitskii B. Anti-bourgeois propaganda and Anti-burzhuï Consciousness in 1917 // *The Russian Review*, Vol. 53. 1994. P. 183–196.

26. Об атмосфере городского насилия, в создание которой огромный вклад внесли дезертиры и демобилизованные, см. статьи Максима Горького в «Новой жизни», вошедшие в сборник «Несвоевременные мысли», опубликованный на французском языке под заглавием «Pensées intempestives, 1917–1918». Lausanne: L'Age d'Homme, 1975.

27. *Мартов Ю.* Мировой большевизм. Берлин, 1923. С. 24.
28. «Новая жизнь», № 9 (223). 13 января 1918.
29. *Брусиллов А. А.* Солдатский дневник. Цит. соч. С. 67.
30. Земли распределялись согласно сложным правилам; принималось во внимание одновременно и количество едоков, и взрослых работников, способных обрабатывать семейный надел. Среди недавних работ по крестьянской революции 1917–1921 гг. см.: *Figes O.* Civil War, Peasant Russia. The Volga Countryside in Revolution. Oxford: University Press, 1989.
31. *Figes O.* The Red Army and Mass Mobilization during the Russian Civil War. Past and Present. № 129. 1990. P. 206 sq.
32. *Figes O.* The Red Army... Art.cit. P. 184 sq.
33. *Osipova T.* Peasant Rebellions // V. Brovkin (dir.) The Bolsheviks in Russian Society. New Haven: Yale University Press, 1997. P. 154–176; *Brovkin V.* Behind the Front Lines of the Civil War. Princeton University Press, 1994, особенно главы V и VI; *Werth N.* Un État contre son peuple. Violences, repressions, terreurs en Union soviétique. — в: *Courtois S., Werth N. et al.* Le Livre noir du communisme. Op.cit., особенно глава IV.
34. Так, летом 1919 года мощные крестьянские восстания против советской власти в Поволжье и на Украине позволили белым армиям адмирала Колчака и генерала Деникина прорвать оборонительные рубежи Красной Армии на сотни километров. Впрочем, несколько месяцев спустя бегство колчаковцев было ускорено восстанием сибирских крестьян-дезертиров, возмущенных восстановлением прав помещиков на землю.
35. Белая армия под командованием барона Врангеля продолжила сопротивление и была разгромлена лишь вследствие завоевания Красной армией Крыма, последнего бастиона белых в ноябре 1920 года. Впрочем, исход гражданской войны был ясен уже к концу 1919 года, после поражения белых армий генерала Деникина и адмирала Кочака.
36. Среди последних работ о крестьянском восстании на Тамбовщине см. собрание документов под редакцией В. П. Данилова и Т. Шанина «Крестьянское восстание в Тамбовской губернии, Антоновщина», Тамбов, 1994. Часть этих документов была переведена на французский язык Жан-Луи Ван Регемортером. См.: *Regemorter van J.-L.* L'Insurrection paysanne de la région de Tambov. Luttés agraires et ordre bolchevik, 1919–1921. Paris: Éd. Ressources, 2000.
37. Об этом эпизоде см.: *Wildman A.* The End of the Russian Imperial Army. Op. cit. Vol. 2. P. 77–79.
38. Отчет Народного Комиссариата по Военным Делах за 1921 год. М., 1922. С. 170 сл.; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Документы и материалы. Т. I. 1918–1922. М.: РОССПЭН, 1998. С. 363–379.
39. В их числе Михаил Тухачевский, который «отличился» в безжалостном разгроме восстания крестьян на Тамбовщине (лето 1921 года), до этого подавив Кронштадтский мятеж. Среди других видных красноармейских военачальников, обучавшихся в императорской военной академии, проявивших себя в борьбе с «кулацкими бандитами» в 1920–1922 годах, мож-

но назвать Николая Какурина, Сергея Каменева, Бориса Шапошникова и многих других.

40. *Яров С. В.* Крестьянские волнения на северо-западе Советской России в 1918–1919 гг. // В. П. Данилов, Т. Шанин (ред.). «Крестьяноведение». М., 1996. С. 45 сл.

41. Там же. С. 226–227.

42. «Представителей советской власти», попавших в руки к «зеленым», чаще всего топили, зарывали живьем в землю по шею и оставляли так на съедение животным или распинали после долгих пыток. См.: *Figes O.* Peasant Armies // E. Acton, V. Cherniaev et W. Rosenberg (dir.). Critical Companion to the Russian Revolution, 1914–1921. London: Arnold, 1997. P. 377.

43. Генерал Деникин в своих мемуарах («Очерки русской смуты», вышли в Париже в 1921–1926 годах) первым охарактеризовал 1917–1922 годы как второе «Смутное время», отсылая к первому «Смутному времени» в России начала XVII века. Позже американский историк Ларс Ли воспользовался этим определением, чтобы охарактеризовать 1914–1921 годы в своей работе «Хлеб и власть в России, 1914–1921» (Bread and Authority in Russia, 1914–1921. Berkeley: California U.P., 1990). Данный подход к рассматриваемому периоду направлен на то, чтобы привлечь внимание к элементам преемственности между Первой мировой войной и гражданскими войнами в России, используя такие понятия как «культура войны» или «брутализация».

ГЛАВА 3

Большевики и реставрация «государственности» (1917–1922)*

Сегодня крестьянин, наконец, понял, что такое государственность и признал моральную законность разверстки. Мы можем с гордостью утверждать: за три года психология наших крестьян изменилась больше, чем за весь предыдущий век.

М. Калинин. Речь, произнесенная в трехлетнюю годовщину Октябрьской революции, 7 ноября 1920 года

I

«Нам нужен хлеб, будь то добровольно или принудительно (...) Перед нами стояла дилемма: или пытаться получить хлеб добровольно, путем удвоения цен, или же непосредственно перейти к репрессивным мерам (...) Теперь же я прошу вас, граждане и товарищи, совершенно определенно сказать стране: да — этот переход к принуждению является, безусловно, сейчас необходимым»¹.

Эти сильные слова не принадлежат ни Ленину, ни какому-либо другому руководителю большевиков. Их произнес 16 октября 1917 года, за неделю до большевистского переворота, Сергей Прокопович, министр продовольствия последнего Временного правительства, известный либеральный экономист, один из руководителей массового кооперативного движения в России, горячий сторонник децентрализации и рыночной экономики.

Они свидетельствуют о резкой перемене в 1917 году взглядов либеральных и технократических элит, которые в марте 1917 года выражали глубокое неприятие государства, рассчитывая на минимизацию

* Les bolcheviks et la restauration du «principe de l'État» (1917–1922) // S. Courtois (dir.). Origines et émergence des régimes totalitaires en Europe. Paris: L'Âge d'Homme, 2001. P. 112–127, 371–375.

его роли, на реальную децентрализацию власти, на создание форм местного самоуправления по образцу земств после демонтажа того, что они считали «репрессивными институтами царского государства» и победы в войне².

Полгода спустя, перед лицом падения авторитета власти на всех уровнях экономические, технократические, военные элиты — от кадетов до меньшевиков, — шокированные растущей волной жакерии в тылу и дезертирством с фронта, не видели иного выхода, кроме возвращения к порядку, к «государственности». В условиях хаоса осени 1917 года это возвращение представлялось возможным в условиях военной диктатуры «сильного человека» — Корнилова или Керенского, одним словом, раз уж речь зашла об аналогиях между русской и Французской революциями, нового Бонапарта.

В действительности, Бонапартом стал Ленин с большевиками, которым за несколько лет удалось, к всеобщему удивлению, не только удержаться у власти больше семидесяти двух дней Парижской коммуны (еще один образец для подражания для Ленина), но и создать в разгар хаоса, этого нового «смутного времени»³, каким стала для бывшей царской империи гражданская война, новый тип «сверхгосударства», одновременно примитивного и жестокого⁴. С 1918 года видные либералы, такие как В. Маклаков или П. Милюков, которых никак нельзя заподозрить в пробольшевистских симпатиях, не сомневались в способности новых властей «восстановить государство». «Новое правительство, — писал В. Маклаков, — начало восстанавливать государственный аппарат, возвращать порядок, бороться с хаосом. В этой области, большевики проявляют энергию, скажу больше: несомненный талант»⁵.

1918–1922 годы долгое время рассматривали только под углом противостояния революционных («красные») и контрреволюционных («белые») сил. В действительности, эти годы гражданской войны, отмеченные многообразием конфликтов («красные» против «белых», «зеленые» — крестьяне-дезертиры, уклоняющиеся от призыва и сопротивляющиеся продразверстке, — против «красных» и «белых», украинцы против русских, горожане против селян, молодые крестьяне, отвергшие узы патриархальной семьи, против «бородастых»⁶ и т. д.), были прежде всего временем растущего напряжения между общественными силами: крестьянством, центробежными национальными, желавшими продолжить начатую в 1917 году антигосударственную — или антицентрализаторскую и антирусскую — революцию с местническим содержанием⁷ и политическими («красные», но также и «белые»), которые стремились восстановить

государство, ослабленное в ходе событий 1917 года, противопоставить *государственность стихии* (неконтролируемой силе бушующих социальных сил), вернуть временно утерянный контроль города над деревней, мобилизовать необходимые людские и материальные ресурсы на борьбу с врагом.

В этом предприятии большевики преуспели лучше своих оппонентов, поскольку имели политический проект, основанный на культе государства, на терроре как на примитивном, но эффективном орудии государственного строительства, на централизации, государственном регулировании экономики, умелой политике инструментализации социальных конфликтов и поощрении тех, которые их устраивали, на радикальной идеологии, оправдывавшей использование силы и предлагавшей ряд логичных «решений».

А у их монархических противников не было иного проекта, кроме иллюзорного возвращения к легендарному героическому прошлому⁸. Что же до социалистов-революционеров, идеи которых когда-то разделялись очень многими⁹, они оставались приверженцами децентрализации власти, что лишало их возможности разработки конкретных перспектив организации и строительства государства¹⁰.

Анализ большевистской практики восстановления государства требует учитывать два аспекта:

– с одной стороны, европейский контекст, контекст первой мировой войны, фундаментального события, которое повсюду сопровождалось усилением роли государства в регулировании экономики, ростом контроля над гражданами, мобилизацией ресурсов, брутализацией¹¹ поведения людей и социальных слоев;

– с другой стороны, контекст бывшей Российской империи. Специфика большевистской практики тем более очевидна, если сравнить ее с практикой их политических оппонентов. Новой была не столько практика реквизиций, применявшаяся всеми сторонами конфликта, новацией стала «классовая природа» реквизиций, проводимых большевиками, для которых в дефиците хлеба были виноваты «кулаки», утаивающие зерно и тем самым льющие воду на мельницу классовый борьбы.

Поскольку этот аспект уже был тщательно проанализирован, я не буду распространяться по поводу ленинской теории государства¹². Ограничусь тем, что напомним его формулу: «Государство — это мы»¹³ — краткая форма другого уравнения, выведенного Лениным в 1920 году: «Пролетариат = Российская коммунистическая партия = Советская власть»¹⁴. Это определение и представления о государстве в том виде, в котором они формулировались в речах большевистско-

го руководства в первые месяцы нового режима, отличает расплывчатость. Единственный пункт, в котором сходятся все: государство будет диктаторским, или его не будет вообще. «Только государство, представленное центральной властью, может решить нашу гигантскую задачу государственного регулирования экономики» (Воззвание Совета народных комиссаров от 29 мая 1918 года)¹⁵; трудармии есть «строители нового государства, государства труда» (Ленин, 22 мая 1918 года)¹⁶; «сила государственного принуждения — основная мера нашей деятельности. Все должно подчиняться восстановлению государственности» (А. Цюрупа, народный комиссар продовольствия, 4 июня 1918 года)¹⁷.

В фокусе моего внимания — прежде всего большевистская практика восстановления государства, которая заключалась в утверждении примитивной, жестокой формы власти и политического контроля над обществом и экономикой по военному образцу, имеющей две жизненно важные цели: мобилизовать людей на борьбу, обеспечить продовольствием и сырьем армию и города, бастион новой власти.

Восстановление того, что большевики называли государственностью, как мне кажется, не следует исключительно из ленинской теории, это результат политического прагматизма, импровизации и оппортунизма, проявившегося, например, в заимствовании большевиками в октябре 1917 года аграрной программы социалистов-революционеров; в решении ввести в состав Красной армии офицеров бывшей царской армии; в умелой инструментализации национальных и социальных конфликтов: создание с 1918 года армянских отрядов, которым было поручено подавлять мусульманские восстания в Туркестане¹⁸; латышских отрядов и частей, сформированных из австро-венгерских военнопленных, для подавления в мае–июне 1918 года первых крупных крестьянских антибольшевистских выступлений¹⁹; отрядов продармии, состоявших из безработных и городского люмпен-пролетариата, для насильного изъятия хлеба, «захваченного кулаками»²⁰.

Восстанавливая государство, большевики продемонстрировали несомненный талант. Они действовали в трех направлениях:

– подчинение, бюрократизация и огосударствление автономных учреждений, родившихся в ходе революционных событий 1917 года (советы, заводские комитеты, красногвардейцы, профсоюзы)²¹;

– поглощение технократических учреждений, возникших в ходе войны (бывшие военно-промышленные комитеты были поглощены новым Высшим советом народного хозяйства, структурой, рожденной большевистским режимом, практически с той же организацией и тем же персоналом)²²;

– создание новых институтов, которым были приданы диктаторские и чрезвычайные полномочия: ЧК; продармии – государства в государстве, каковым являлся Народный комиссариат продовольствия; Красная армия – центр военно-экономического механизма мобилизации и управления всеми человеческими и сырьевыми ресурсами.

Одна из самых сложных проблем исследования большевистской практики строительства государства – общественное измерение политики, ее действующих лиц и исполнителей. Моше Левин так характеризует процесс: «Отчаянное предприятие по строительству государства на основе широкой социальной базы, в которую входят и элиты, и плебейские элементы»²³. В отличие от своих оппонентов, большевикам действительно удалось «прочесать редкой гребенкой». Они «соорудили» аппарат из чиновников и гражданских и военных кадров старого режима, перешедших на их сторону (но оставшихся на подозрении), и плебейских элементов, которые компенсировали слабость своего политического образования несомненной активностью, преданностью новому большевистскому порядку. Большевики обеспечили благожелательный нейтралитет и даже поддержку некоторых военных и гражданских специалистов (спецов), которые увидели в большевистском предприятии по восстановлению государственности (и нации, поставленной под угрозу иностранной интервенцией, поддержанной белыми) оплот против анархии, против «азиатчины» «темных крестьянских масс»²⁴. Одновременно большевики вербовали сторонников из среды городских плебейских элементов, из крестьян-солдат, особенно самых молодых, для которых годы войны и революции означали также разрыв с традиционной патриархальной семьей, а также из того слоя, который один проницательный наблюдатель назвал «полуинтеллектуалы»²⁵. Всех объединяло желание реванша или продвижения по социальной лестнице, стремление интегрироваться в новый режим. Многие из них «вошли в политику» до октября 1917 года в одном из бесчисленных учреждений, родившихся в ходе революционных событий²⁶, и были готовы на все, чтобы не вернуться «к прежней рутине завода, казармы или сохи»²⁷. Уже имеющиеся работы о комитетах крестьянской бедноты, партийных активистах в деревне и городе, продовольственных отрядах позволяют нам сегодня подойти к этому социальному измерению политики, которым долго пренебрегали, более четко определить природу явления «плебейзации» новой власти²⁸, понять то, как новой власти удалось инструментализировать потенциал насилия в крайне поляризованном обществе. Разумеется, при анализе насилия, осуществ-

влявшегося большевистским режимом в эти годы, должно учитывать взаимодействие между политическим насилием «сверху» (как оно раскрывается в трудах большевистского руководства, которые нельзя квалифицировать иначе, как призывы к убийству и уничтожению²⁹) и социальным насилием «снизу», ставшим следствием взаимоусиления двух явлений – традиционного крестьянского насилия, частично перенесенного на городскую почву (особенно вызванного массовыми перемещениями населения в ходе войны), и общей брутализацией социальных отношений как следствия Первой мировой войны.

II

«Широкое движение христианского возмущения против государства», – так Пьер Паскаль характеризовал в октябре 1917 года то, что происходило в России. Проницательное замечание (вне зависимости от того, согласны вы или нет с определением «христианское»), которое постоянно подтверждали со времен выхода труда Марка Ферро все работы о 1917 году, фокусировавшиеся не только на политической истории «на высшем уровне», но и принимавшие во внимание «масштаб общественного»³⁰. Крах всех ветвей власти, разрушение гражданских и военных институтов были в центре революционных процессов 1917 года. С марта по октябрь 1917 года трем сменявшим друг друга временным правительствам так и не удалось создать действенные государственные структуры³¹, способные противостоять ширящемуся влиянию альтернативных институтов, возникших в революционном обществе: советы, заводские и солдатские комитеты, красногвардейцы, профсоюзы. Все эти институты, несмотря на безуспешные попытки их огосударствления, имели ярко выраженный местнический характер и даже претендовали на самоуправление.

Дальше всего процесс самоуправления зашел в деревне (жители которой составляли более 80 % населения страны). В нем воплощалось глубокое недоверие крестьянства к государству³². В течение 1917 года центральные власти были неспособны остановить процесс создания крестьянских комитетов, возникавших «снизу». Осенью 1917 года осуществились вековые чаяния русского крестьянства, которые заключались в требовании аграрной реформы и «воли» – воли без границ, основанной на отрицании любой внешней власти над деревней и устранении «чиновников, вредных для трудового народа»³³. В этом вакууме власти крестьяне захватывали земли крупных помещиков и тех, кто вследствие реформ Столыпина оставил общину и стал частным собственником земли. Крестьяне положили начало са-

моуправлению посредством традиционных институтов, среди которых ведущую роль играла деревенская община, обреченная было на смерть, но воскресшая благодаря крестьянской революции. Община зимой 1917–1918 годов успешно осуществляла аграрную реформу — согласно представлениям о справедливости, соответствовавшим эгалитаристским идеалам крестьян³⁴. До весны 1918 года никакой «советской власти» в деревне не существовало; были, конечно, какие-то советы на уровне уезда, где ведущую роль играли эсеры, но реальная власть по-прежнему принадлежала общинам. Таким образом, деревня приобрела небывалый опыт «крестьянской власти», основанный на двух вековых требованиях: «земли и воли». Это был триумф крестьянской утопии, жизни «без государства», вдали от городов, этих центров власти, практически утративших функции торговых центров, поскольку с 1915 года, после введения режима военной экономики и последовавшей за этим прогрессирующей дезорганизации, все экономические связи были разорваны³⁵.

Второй основной фактор, помимо отрицания и распада государства — новый социальный раскол, возобновление конфликтов и рост насилия, обнажившего факт крайней поляризации расколотого общества: *низы* против *верхов*, солдаты против офицеров, голодные горожане против «сытых крестьян», рабочие против хозяев. «Революция — не что иное, как погром, основанный на чувстве мести, ненависти и разочарования», — писал Максим Горький, который не переставал обличать в «Новой жизни» «насилие солдатчины», «вспышку зоологических инстинктов», «русский бунт»³⁶, в котором социалистическая психология не играет никакой роли, а проявляется азиатчина»³⁷. Одно из самых точных наблюдений этого климата «войны плебеев против привилегированных классов» (Максим Горький), «реванша крепостных» (князь Львов), было сделано генералом Деникиным, будущим командующим белыми силами, который в конце октября 1917 года был вынужден инкогнито, в вагоне третьего класса отправиться на юг России, где он надеялся создать армию, состоящую в основном из офицеров, которая поведет борьбу против большевистской власти³⁸. В ходе путешествия генерал Деникин сделал два важных открытия: масштаб ненависти «маленьких людей» к *буржуям* (этот термин, недавно вошедший в лексикон «масс»³⁹, обозначал интеллигенцию, студентов, коммерсантов, офицеров, «богачей» в целом) вырос. Деникин пришел к очень грустным выводам относительно потенциала большевиков, если им удастся ввести в нужное русло «жажду социального реванша» и перевести на язык классовой борьбы эту враждебность. Второе открытие, по важности не уступав-

шее первому: появилось бесчисленное множество «маленьких людей», вошедших в политику, членов различных комитетов, советов, полных решимости извлечь пользу из того кусочка власти, который давал им тот или иной мандат, и не возвращаться в прежнее состояние. В действительности, генерал Деникин открыл для себя контуры функционирования и социологию новой власти...

III

В этом контексте политика большевиков развивалась в двух направлениях. Конец 1917 — весна 1918 годов: поощрение и инструментализация социального насилия с целью довершения разрушения «старого мира». С весны 1918 года: восстановление порядка и строительство нового государства. Ленин, как и большинство других большевистских лидеров, непоколебимо верил во всемогущество нового государства «диктатуры пролетариата», способного осуществить настоящую социальную инженерию, содействовать развитию производительных сил, изменить ход Истории, вывести Россию из вековой отсталости. Наша революция, — писал Троцкий, — положила конец нашей «оригинальности», она продемонстрировала, что история не создала для нас особых законов. Каменев, со своей стороны, объяснял, что «Мы не буржуазия, а социалистическая республика, и можем производить опыты, которых не в силах производить ни одно государство»⁴⁰. Приведу еще одну цитату из Ленина, восхищавшегося моделью капитализма немецкого государства: «Наша задача, — писал он в мае 1918 года, — учиться государственному капитализму немцев, *всеми силами* перенимать его, не жалеть *диктаторских* приемов для того, чтобы ускорить это перенимание еще больше, чем Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»⁴¹. «Варварство», о котором здесь идет речь, это прежде всего крестьянское варварство, «азиатчина» сельских масс, которую клеймил Ленин, будучи одновременно и русским интеллигентом, и марксистом, для которого именно поведение консервативного крестьянства стало решающим в судьбе Парижской Коммуны, на которую так любили ссылаться в первые месяцы своей власти большевики.

«Битва за хлеб», начатая большевистским руководством в мае 1918 года, когда все полномочия были переданы Народному комиссариату продовольствия, настоящему государству в государстве, представляет собой, разумеется, специфический ответ на конкретную ситуацию: кризис торговых взаимоотношений города и деревни

(начавшийся задолго до октябрьского переворота), который в начале весны 1918 года привел к серьезным трудностям в снабжении оплотов новой власти — городов. Но эта «битва» была не только экономической. Большевики решили при помощи «продовольственной диктатуры» навязать «государственность» «мелким собственникам, которые страшатся организации, дисциплины»⁴². Пришло время, объяснял Ленин 29 апреля 1918 года, «повести беспощадную и террористическую борьбу и войну против крестьянской и иной буржуазии»⁴³. Несколькими годами позднее Карл Радек излагал принципы политики, которую вели большевики весной 1918 года: «Крестьянин только что получил землю, он только что вернулся с войны в деревню, у него было оружие и отношение к государству, весьма близкое к мнению, что такая дьявольская вещь как государство вообще не нужно крестьянину (...) Нужно было сначала разъяснить ему весьма грубыми средствами, что государство не только имеет право на часть продуктов граждан для своих потребностей, но оно обладает и силой для осуществления этого права»⁴⁴.

«Сила государства» проявляется и развивается через:

– отряды «продовольственной армии» (продармии), ответственные за реквизицию сельскохозяйственной продукции. Эта «продовольственная армия», которая в момент расцвета (конец 1920 года) насчитывает около 270 тысяч человек, являет собой в действительности разнородную совокупность вооруженных ополченцев, иногда соперничающих друг с другом, зачастую не поддающихся контролю, подчинявшихся в основном Народному комиссариату продовольствия, ЧК, Народному комиссариату путей сообщения и даже профсоюзам и заводским комитетам⁴⁵;

– военные комиссариаты (военкоматы), в обязанности которых с лета 1918 года входил призыв на воинскую службу в районах, находящихся под контролем большевиков⁴⁶;

– уездные комитеты ЧК. Интересный факт: в августе 1918 года в губерниях, находящихся под контролем большевиков, было 365 уездных комитетов ЧК, то есть в два раза больше, чем партийных комитетов⁴⁷! За три года (конец 1918 — конец 1921 годов) ряды ЧК росли очень быстрыми темпами — с 37 тысяч до 260 тысяч гражданских и военных сотрудников⁴⁸;

– комитеты крестьянской бедноты (комбеды) — осенью 1918 года в них входило около 170 тысяч «активистов», — обязанные конфисковывать у «кулаков» «укрытые излишки» и брать под свой контроль местные комитеты и советы, в которых до сих пор ведущую роль играли эсеры. Уточним, что выражение «крестьянская беднота» не со-

всем соответствует действительности. На самом деле большая часть комбедов состояла не из местных бедных крестьян — членов деревенской общины; в них набирали в основном тех, кто порвал с деревней: чаще всего это бывшие крестьяне, которые еще до войны ушли на заработки в город, или молодежь, мобилизованная в годы «империалистической войны». Многие из них «вошли в политику», участвуя в солдатских комитетах, возникших в ходе февральской революции 1917 года, а затем вступили в большевистскую партию. Вернувшись из окопов травмированными, ожесточенными, часто вооруженными, они были полны решимости покончить, в том числе насильственными методами, с властью главы семьи и «начать все с чистого листа». Для них большевизм был одновременно восстанием против традиционного порядка и обещанием освободительных перемен.

Учитывая задачи, которые они были призваны выполнять: силой отнимать плоды труда других и мотивацию, которой они руководствовались: власть, чувство ненависти к «богачам», перспектива участия в дележе добычи — можно вообразить, какими были эти первые представители большевистской власти в деревне, настоящие местные тираны, которых крестьяне называли новыми *опричниками*⁴⁹.

Процесс «восстановления государства», который историк Михаил Френкин справедливо охарактеризовал как первую крупную «контрреволюционную операцию», успешно осуществленную в русской деревне со времен подавления царским государством жакерий 1906–1907 годов⁵⁰, разворачивался в климате небывалого насилия и абсолютного произвола. Он часто выливался в «грязную войну», в ходе которой новый режим вырабатывал многочисленные силовые методы⁵¹. В этой спирали насилия смешивались «архаичная» жестокость, к которой на протяжении веков прибегали власти для усмирения восставших крепостных (например, публичное наказание палками или плетью), и «современные» виды насилия, направленные на уничтожение «внутреннего врага» (депортация или заключение в концлагеря населения целых деревень, массовые расстрелы заложников, выбранных из членов семей мятежников или дезертиров). Возглавляемые зачастую офицерами, обучавшимися в царских военных училищах и перешедшими на сторону большевиков, как только те продемонстрировали намерение подавить крестьянский бунт⁵², карательные отряды ЧК использовали самую современную военную технику, опробованную на полях сражений Первой мировой. Помимо этого насилия (к которому прибегали и белые, также занимавшиеся беспощадными реквизициями, насильственными мобилизациями, прибегавшие к террору против «зеленых бандитов», но которым так

и не удалось создать устойчивый административный аппарат, способный объединить военное и государственное начала), большевики организовали систему контроля над кадровой политикой и открыли широкие возможности карьерного роста для тех, кто к ним присоединялся. В государстве, которое поставило себе задачу контролировать все экономические и финансовые сферы, количество вакантных мест в «аппарате» было значительным: в 1921 году гражданских чиновников насчитывалось в 5 раз больше, чем в 1917, и это в стране, уровень производства в которой упал в 8 раз! Постепенно режим пускал корни в деревне. Расширялась, пусть еще не слишком частая, сеть местных партийных ячеек. В течение 1918 года уездные и губернские советы, «большевизированные» после жестокого изгнания эсеров, потеряли всю политическую самостоятельность и трансформировались в простые административные органы, подчинявшиеся Народному комиссариату внутренних дел. Шел также процесс укрепления новой власти в городах, где с весны 1918 года большевики взяли под свой контроль местные советы, заводские комитеты, профсоюзы, организации, в которых эсеры и меньшевики с конца 1917 года усиливали свои позиции. Захват контроля, который сопровождался террористическими актами, осуществлявшимися ЧК, и политическими маневрами, проходил в несколько этапов. В 1918 году он ограничивался созданием организаций со смутными прерогативами и неопределенной иерархией, нередко конкурирующих между собой: ЧК, исполнительные комитеты советов, местные ячейки РКП(б) (часто враждующие с коммунистическими ячейками исполкомов советов), комитеты по снабжению, подчинявшиеся трем-четырем властным структурам, комитеты крестьянской бедноты, революционно-военные комитеты (ревкомы). Между этими различными структурами часто возникали конфликты о разграничении полномочий, которые отражались на самой Коммунистической партии. Процесс централизации власти еще не был завершен: в августе 1918 года секретариат Центрального комитета поддерживал связь лишь с третью уездных комитетов партии; в марте 1919 года во время VIII съезда ЦК РКП(б) последний поддерживал контакт с 219 местными организациями, но 113 по-прежнему практически не получали инструкций из Москвы⁵³. VIII съезд, создание Оргбюро и Политбюро ЦК РКП(б) знаменовали собой важный этап на пути к централизации. В течение 1919 года централизация все в большей степени одерживала верх над местничеством и центробежными тенденциями, заложенными в 1917 году; второй съезд исполкомов Советов (июнь 1919 года) более четко разграничил права, обязанности и взаимоотношения различных аппа-

ратов и институтов. Тем не менее, при чтении внутренних отчетов партии или ЧК, переписки руководства⁵⁴ за эти годы мы видим, как сложно было центральным властям получить достоверную информацию о происходящем на местах, насколько слабо они контролировали действия местных представителей «советской власти». Привыкшие действовать в условиях произвола и несправедливости, знакомые только с языком силы, эти «государственные деятели» часто не поддавались контролю, на что регулярно сетовали центральные власти⁵⁵. Чтобы исправить положение вещей, Центр направлял своих «уполномоченных», которые «дублировали» местные власти, контролировали их, наказывали тамошних чиновников, виновных в «злоупотреблениях», «излишествах», «уклонах от генеральной линии», «преступных действиях». Но каким было представление этих «государственных уполномоченных» о «правильном функционировании» учреждений? Вскоре руководство поняло политическую выгоду, которую можно было извлечь из инструментализации так называемых «злоупотреблений» на местах: Сталин очень умело эксплуатировал тему *перегибов*⁵⁶, ставших одним из центральных понятий риторики и практики сталинизма.

В контексте трудностей централизации, неопределенности границ полномочий, общей недисциплинированности местных представителей государства, военная модель организации выглядела, безусловно, наиболее эффективной. Я не буду здесь настаивать на том, что эта модель занимала центральное место в теории ленинизма⁵⁷. Подчеркну только, что Красная армия в 1918–1921 годах представляла собой настоящую «экспериментальную лабораторию», модель большевистских методов управления, модель большевистского государства в его первоначальном виде («Создать армию, значит создать государство», — писал Троцкий⁵⁸), которую Владимир Бровкин справедливо охарактеризовал как «орган по военно-экономической мобилизации»⁵⁹. Красная армия действительно поначалу была огромным военно-экономическим конгломератом, который ставил себе на службу наиболее производительные — или наименее разрушенные — сектора национальной экономики. В 1919–1920 годах 70 % промышленных рабочих страны, которые сами по себе подчинялись военной дисциплине в рамках «всеобщей трудовой мобилизации», работали на нужды армии. Будучи военным институтом, Красная армия отличалась противоречивыми чертами. Мобилизация пяти миллионов солдат с лета 1918 по конец 1920 годов, безусловно, свидетельствовала о росте сети военных комиссариатов. Но из этих пяти миллионов, по данным Центральной комиссии по борьбе с дезертирством, дезер-

тировало более 3 миллионов 700 тысяч человек⁶⁰! В рядах Красной армии никогда не сражалось одновременно более 500 тысяч человек. В ней было больше дезертиров, чем в любой другой армии; но в то же время ее бойцы чаще всего вступали в большевистскую партию: из полутора миллионов человек, вступивших в партию с октября 1917 по март 1921 года более половины, в основном крестьяне, пополнили армейские ряды РКП(б)⁶¹. Именно в армии ускоренными темпами осуществлялись ликвидация безграмотности, велась активная пропагандистская работа. Служба в армии обеспечивала вхождение в новые советские учреждения и карьерный рост. В 1922 году младшие офицеры Красной армии составляли более 80 % советских чиновников в деревне и маленьких городах, применяя свой «командный стиль» в руководстве местной администрацией, настоящей ассоциацией «бывших фронтовиков»⁶².

Красная армия была также местом, где опробовалось привлечение «военных специалистов» старого режима, десятки тысяч которых работали в военно-экономическом аппарате. Среди наиболее значительных (или получивших наибольшую известность) случаев такого подтягивания резервов, назовем генерала Брусилова и 14 000 офицеров бывшей царской армии, присоединившихся к Красной армии во время советско-польской кампании во имя «русского национал-большевизма»⁶³.

Военная модель, будучи синонимом «эффективности» и успеха, послужила после победы над белыми примером для экспериментов, которые должны были стать «кратчайшим путем к коммунизму». Одним из наиболее ярких была «милитаризация труда», которую особенно яростно отстаивал Троцкий. В своем письме Ленину от 27 февраля 1920 года Троцкий так объяснял свое видение военной модели, примененной ко всей совокупности социальных отношений: Наши армии будут перестроены для решения экономических задач, специалисты по производству заменят военных специалистов... Штабы будут отправлять инструкции на трудовой фронт: по заготовке леса, сбору урожая, ремонту паровозов. Мобилизационная директория приготовит списки всех опытных и компетентных специалистов, и каждый вечер тысячи телефонов будут звонить в штабах, передавая отчеты о наших завоеваниях на трудовом фронте. Несколькими неделями позже, на IX съезде РКП(б) Троцкий развил свою концепцию милитаризации труда в социалистическом государстве, основанную на праве диктатуры пролетариата направлять каждого трудящегося туда, куда сочтет нужным государство. Согласно этой концепции рабочие были лишь рабсилой, а крестьяне — мужицким сырьем⁶⁴.

Введенный поначалу на железных дорогах, затем распространявшийся на тысячи предприятий режим «милитаризации труда», который означал запрет забастовок, навязывание строжайшей дисциплины⁶⁵, полное подчинение профсоюзов и фабрично-заводских комитетов интересам производства, вскоре стал применяться в отношении демобилизованных солдат, вынужденных вступать в ряды «трудовых армий»⁶⁶. Наиболее крайней формой этой всеобщей вербовки стал проект «государственного регулирования крестьянского хозяйства», разработанный Н. Осинским, одним из руководителей Народного комиссариата земледелия, в сентябре 1920 года. Настоящий «теоретический апофеоз военного коммунизма»⁶⁷, этот проект⁶⁸, основанный на идее, согласно которой «государственная милитаризация экономики и введение всеобщей трудовой повинности должны распространяться прежде всего на сельское хозяйство», предусматривал создание во всех деревнях посевных комитетов, которые, пользуясь исключительной монополией на семенной фонд, воплощали бы в жизнь план по обработке земли, разработанный на самом высоком политическом уровне. Согласно Осинскому, «государственное регулирование частного крестьянского хозяйства» (которое на этом этапе еще не подразумевало коллективизацию), являлось третьей фазой процесса, начатого в мае 1918 года с введения «продовольственной диктатуры» и продолжившегося в начале 1920 года «милитаризацией труда». Крестьянство, доказывал Осинский, было уже «политически зрелым», чтобы перейти к этой «новой фазе»: его «мировоззрение» за три года глубоко изменилось. Оно восприняло принцип государства, социалистического государства, заменившего буржуазные стимулы производства здоровым стремлением к труду, поощряющимся и организованным методами государственного принуждения⁶⁹. Осинский призывал к великому крестовому походу [...] под руководством армии инструкторов, пропагандистов, организаторов и крестьян, охваченных порывом энтузиазма, воодушевленных идеей трудиться на благо государства⁷⁰. Этот проект остался мертворожденным. Спустя несколько недель после публикации брошюры Осинского мощные крестьянские восстания охватили сельскохозяйственные районы, наиболее затронутые реквизициями последних лет: Тамбовскую губернию, все Среднее Поволжье, Западную Сибирь. В начале марта 1921 года Кронштадтский мятеж и крестьянские восстания вынудили режим сдать позиции и провозгласить НЭП. Ленин признал, что «мы сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению. Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество

хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам, — и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение»⁷¹.

Воспитанные на «силовых методах» гражданской войны многие «активисты», которые сотнями тысяч наводнили нарождающийся государственный аппарат, были глубоко дезориентированы поворотом к НЭПу, отказом от «военного коммунизма», который должен был привести к собственно коммунизму. Привычки, приобретенные в ходе предыдущих лет, стали их второй натурой. Как сообщал один из представителей большевистского руководства в ходе поездки на периферию в мае 1921 года, местные чиновники были убеждены, что продразверстка, отмененная на X съезде РКП(б) и замененная натуральным налогом, будет восстановлена осенью. «Местные власти, — писал он, — не могли рассматривать крестьян иначе как природного саботажника по отношению к советской власти»⁷². Двумя годами позже высокопоставленный сотрудник ОГПУ рапортовал Феликсу Дзержинскому: У наших чекистов ностальгия по годам, когда сажать, грабить, налагать огромные контрибуции на буржуазию было хлебом насущным. Они переживают свое положение мелких чиновников как опалу... В настоящий момент мы присутствуем при прогрессирующем вырождении наших людей. Если ничего не будет сделано, государство рискует оказаться без аппарата⁷³. Замечательное признание, выражающее саму суть функционирования системы: постоянная необходимость прибегать к практике насилия, которая в 1917–1922 годах, с точки зрения большевиков, дала замечательные результаты. Эта динамика насилия в центре тоталитарной динамики, динамики, основанной на отождествлении политики и войны или, если быть более точным, как писал Пьер Асснер: «На инверсии формулы Клаузевица формулировкой, общей для Ленина и Людендорфа, согласно которой «политика есть продолжение войны другими средствами»⁷⁴. Перемирие — это, в краткосрочной перспективе, «вырождение». Вырождение активистов, утонувших в «крестьянском океане», вырождение партии, в которую проникают «социально чуждые элементы», вырождение государства, которое разлагают «буржуазные специалисты».

Придать новый импульс революционной динамике, заранее положить конец социально-политическим процессам, которые рискуют полностью выйти из-под контроля, — таким был смысл жестокого коренного перелома, осуществленного сталинскими соратниками в конце двадцатых годов. Для этой второй революции опыт 1918–1922 годов был одновременно и образцом для подражания и «героическим», но уже преодоленным этапом.

Примечания

1. Прокопович С. Н. Народное хозяйство в дни революции. М., 1918. С. 62–63.
2. Эти чаяния либералов во многом основывались на представлениях об «ангельском» характере русского народа, выразившихся, например, в выступлении главы Временного правительства князя Львова 20 марта 1917 года: Здесь проявляется дух русского народа, по самой природе своей дух общедемократический. Он готов не просто раствориться во всемирной демократии, но и возглавить ее на пути к прогрессу, отмеченному великими принципами Французской революции: Свобода, Равенство, Братство. // См.: Figes O. A People's Tragedy. The Russian Revolution 1891–1924. London: Pimlico, 1997. P. 355).
3. См. прим. 43 к гл. 2.
4. Термин «сверхгосударство» принадлежит Борису Пастернаку. См. его «Доктор Живаго».
5. Цит. по Brovkin V. (ed.) The Bolsheviks in Russian Society. The Revolution and the Civil Wars. New Haven: Yale U.P., 1997. P. 275.
6. Так называли глав семейств в крестьянской общине.
7. Крестьянская революция, таким образом, основывалась на двух вековых требованиях: *земля и воля*. Под термином *воля* крестьяне понимали минимальное присутствие государства в деревне, самоуправляющейся крестьянскими общинами.
8. Об идеологии белых и их неспособности «осмыслить» новую форму государства см.: Heretz I. The Psychology of the White Movement // V. Brovkin (ed.). Op. cit. P. 105–121.
9. Как об этом свидетельствуют результаты выборов в Учредительное собрание, состоявшихся в конце 1917 года, в которых эсеры набрали наибольшее количество голосов.
10. Smith S. The Socialists-Revolutionaries and the Dilemma of Civil War // V. Brovkin (ed.). Op. cit. P. 83–104.
11. В том значении, которое придавал этому термину Джордж Моссе (Mosse G. L. De la Grande Guerre au totalitarisme. La brutalisation des sociétés européennes. Paris: Hachette, 1999).
12. По этому вопросу сошлемся прежде всего на работу Д. Кола (Colas D. Le Léninisme, Paris: PUF, collection «Quadrige», 1998).
13. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. XXXIII. С. 317.
14. Ленин В. И. Цит. соч. Т. XLIV. С. 456. Цит. по: Кола Д. Цит. соч. С. 81.
15. Декреты советской власти. М., 1967. Т. II С. 348.
16. Ленин В. И. Цит. Соч. Т. XXXVI. С. 36
17. Продовольственная политика. М., 1920. С. 196.
18. Buttino M. Ethnicité et politique dans la guerre civile: à propos du Basmacest-vo au Fergana // Cahiers du monde russe. Vol. 38 (1–2), janvier–juin 1997. P. 200.

19. Советская деревня глазами ВЧК, ОГПУ, НКВД. Т. I. 1918–1922. В. П. Данилов (ред.). М.: РОССПЭН, 1998. С. 72–75.
20. Многочисленные примеры см.: Там же.
21. Эти процессы анализировал Марк Ферро: *Ferro M. Des Soviets au communisme bureaucratique*. Paris: Gallimard, collection «Archives», 1980.
22. См.: *Malle S. The Economic Organization of War Communism*. Cambridge: U.P., 1985. P. 202–218.
23. *Lewin M. More than One Piece is Missing in the Puzzle // Slavic Review*. 1985. № 44/2. P. 242.
24. Среди наиболее показательных объединений «примкнувших» — выходцев из самых разных лагерей назовем кружок генерала Брусилова, меньшевистско-эсеровских экономистов Громана, Кондратьева, Чайнова, Пешехонова, писателя Максима Горького.
25. Эти полуинтеллектуалы (приказчики, секретари, мелкие чиновники и т. д.), которые даже не задумывались о какой-либо «карьере» при старом режиме, сегодня решили «стать всем» благодаря Октябрьской революции, вызвавшей огромный спрос на всякого рода специалистов. // *Sorin K. À propos du pouvoir soviétique // Communist*. 4 juin 1918. P. 7, (В кн.: *Ferro M. Op. cit.* P. 131).
26. См.: *Werth N. Qui étaient les premiers tchékistes? // Cahiers du monde russe*. Vol. 32.1991. P. 501–512.
27. *Ferro M. Op. cit.* P. 157.
28. Это явление М. Ферро описывал в конце 1970-х во втором томе своего труда: *La Révolution de 1917. Naissance d'une société*. Paris: Aubier-Montaigne, 1977, особенно гл. VII.
29. Для ознакомления с выборкой этих документов см.: *Werth N. Un État contre son peuple: violences, repressions, terreur en Union soviétique // Courtois A., Werth N. et al. Le Livre noir du communisme*. Paris: R. Laffont, 1997. P. 82, 84, 86–88.
30. Среди последних работ о 1917 году см.: *Acton E. Rethinking the Russian Revolution*. London: Arnold, 1990; E. Acton, V. Cherniaev, W. Rosenberg (eds.). *Critical Companion to the Russian Revolution. 1914–1921*. London: Arnold, 1997.
31. Как писал министр Временного правительства лидер трудовиков А. Пешехонов: «Временное Правительство не было государственной властью в подлинном смысле слова. В лучшем случае оно было символом власти, носителем идеи власти» (Почему я не эмигрировал. М., 1922. С. 12).
32. Это недоверие, это нежелание крестьян участвовать в политической жизни было основной составляющей глубокого раскола между «двумя Россиями», о котором упоминал, например, Александр Герцен — России городской, промышленной и «доминирующей» и Россией сельской, находящейся в подчинении, изолированной и живущей общинами. О вековом недоверии русского крестьянства к государству см.: *Confino M. Traditions, Old and New: Aspects of Protest and Dissent in Modern Russia // S.N. Eisenstadt (ed.). Pattern of Modernity*. Vol. 2. Beyond the West. London: Arnold, 1987. P. 121–136. Отметим, тем не менее, что вопреки распространенным взглядам, присутствие

государства в русской деревне времен царизма было не таким значительным: царская бюрократия решала вопросы только на волостном и уездном уровнях. «Урядники» и «исправники» (в среднем один полицейский чин на 50 тысяч жителей) обеспечивали присутствие, чаще всего символическое, государства в деревне, где до отмены крепостного права порядок обеспечивали помещики, несшие ответственность за своих крепостных.

33. Эта формулировка встречалась в многочисленных крестьянских петициях как в 1905, так и в 1917 году. См.: *Шанин Т. Революция как момент истины*. М.: «Весь мир», 1997. С. 204 сл.

34. Земля распределялась с учетом количества «едоков» в семье и количества работников, способных обрабатывать надел, выделяемый каждому домохозяйству.

35. Вот как крестьяне Гомельщины (Белоруссия) выражали свое представление об этой «крестьянской утопии»: неважно, чья власть — красных или белых, все, что мы просим, чтобы у нас были хлеб, соль, керосин, плуг, чтобы кончили воевать и оставили крестьян в покое (из спецсообщения ЧК о положении в Гомельской губернии, июль 1920 // См.: Советская деревня... Ред. В. П. Данилов и др. Цит. соч. С. 277.

36. *Бунт* — форма выражения массового недовольства.

37. Новая жизнь. № 195. 20 декабря 1917; № 223. 13(26) января 1918. Статьи Горького переведены и собраны в сборнике «Несвоевременные мысли».

38. *Деникин А. И. Очерки русской смуты*. Париж, 1923. Т. II. С. 147–149.

39. *Kolonitskii B. Antiburgeois Propaganda and Anti-Burzhuï Consciousness in 1917 // The Russian Review*. Vol. 53, april 1994. P. 183–196.

40. Цит. по: *Павлюченко С. А. Военный коммунизм в России*. М.: «РКТ-История», 1997. С. 240.

41. *Ленин В. И.* Цит. соч. Т. XXXVI. С. 301. По Ленину, между «государственно-монополистическим капитализмом» и социализмом нет никакого переходного периода. Германия и Россия воплощают в себе соответственно экономические и политические условия возникновения социализма. Они «две разрозненные половинки социализма, друг подле друга, точно два будущих цыпленка под одной скорлупой международного империализма» (*Ленин В. И.* Цит. соч. Т. XXXIV. С. 193–194).

42. *Ленин В. И.* Цит. соч. Т. XXXVI. С. 265.

43. Там же.

44. *Радек К.* Пути русской революции // Красная новь. 1921, № 4. С. 188.

45. См.: *Stanziani A. La gestion des Approvisionnements et la restauration de la gosoudarstvennost, 1918–1921 // Cahiers du monde russe*. Vol. 38 (1–2), janvier–juin 1997. P. 83–116.

46. Первые частичные мобилизации затронули в мае–июне 1917 года Москву и Петроград, а также некоторые поволжские, уральские и западно-сибирские губернии. К июлю 1918 года лишь 40 тысяч из 270 тысяч призванных (1893–1897 годов рождения) в сельской местности явились в военные комиссариаты, остававшиеся еще очень немногочисленными. Рост количества военкоматов в сельской местности в 1919–1920 гг. явился при-

знаком усиления новой власти. См.: *Figes O.* The Red Army and Mass Mobilization during the Russian Civil War, 1918–1920 // Past and Present. № 129 (1990). P. 168–211.

47. *Софинов П. Г.* Очерки истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917–1922). М., 1960. С. 40.

48. *Leggett G.* The Cheka: Lenin's Political Police. Oxford: Clarendon Press, 1981. P. 232–233.

49. *Опричники* были членами личной стражи Ивана Грозного, состоявшей из плебса, в обязанности которой вменялось в первую очередь преследование дворян, находившихся в оппозиции к царю.

50. *Френкин М.* Трагедия крестьянских восстаний в России. 1918–1921. Иерусалим, 1987.

51. О различных аспектах этой «грязной войны» см.: *Werth N.* Un État contre son peuple... Op. cit. P. 94–122.

52. Как, например, Михаил Тухачевский, проявивший себя в беспощадном подавлении крестьянского восстания на Тамбовщине (лето 1921) после подавления Кронштадтского мятежа (март 1921). Среди других военачальников Красной Армии, получивших образование в Военной академии Российской империи и отличившихся в борьбе с «бандитами» и «кулаками» в 1921–1922 гг., можно назвать Н. Какурина, С. Каменева, Б. Шапошникова и многих других.

53. VIII-й Съезд ВКП(б). М., 1919. С. 115.

54. Советская деревня... Ред. В. П. Данилов и др. Цит. соч.; *Хлевнюк О.* Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927. М.: РОССПЭН, 1996.

55. О примерах неподчинения и «перегибов» представителей власти см.: *Werth N.* Un État contre son peuple... Op. cit. P. 117–119.

56. Отклонение от политической линии, злоупотребление властью и т. д.

57. Этот аспект проанализирован в работе. *Colas D.* Op. cit. P. 98–102.

58. *Троцкий Л. Д.* Как вооружалась революция. М., 1923. Т. 3. С. 34.

59. *Brovkin V.* Behind the Front lines of the Civil War. Princeton: U.P., 1994. P. 414.

60. *Figes O.* Art. cit. P. 200–201. Дезертирства росли по мере приближения сроков страды и значительно уменьшались в регионах, находившихся до этого под контролем «белых», и где была отменена аграрная реформа.

61. *Rigby T. H.* Political Elites in the USSR: Central leaders and Local Cadres from Lenin to Gorbachev. Alderchot, 1990. P. 49.

62. *Pethybridge R.* The Social Prelude to Stalinism. London: MacMillan, 1974. P. 117–118, 287–288; *Figes O.* Peasant Russia, Civil War. The Volga Countryside in Revolution, 1917–1921. Oxford: U.P., 1989. P. 218–221.

63. The Trotsky Papers. La Haye, 1971. Vol. 2. P. 482.

64. IX Съезд ВКП(б). М., 1920. С. 94.

65. «Самовольный уход с предприятия» приравнивался к «дезертирству»; прогул без уважительной причины — к «вредительству». Смена места работы и прогулы подлежали судебному наказанию (тюремное заключение или пребывание в лагерях).

66. После разгрома Колчака Третья Уральская армия в феврале 1920 года была преобразована в Первую революционную трудовую армию. В апреле 1920 года в Казани была создана Вторая революционная трудовая армия. В экономическом смысле эти эксперименты обернулись катастрофой, поскольку производительность труда крестьян-солдат близилась к нулю.

67. *Brovkin V.* Op. cit. P. 308.

68. *Осинский Н.* Государственное регулирование крестьянского хозяйства. М., 1920.

69. Там же. С. 18.

70. Там же. С. 28–29. Теории Осинского подвергались жесткой критике многими большевистскими руководителями и теоретиками (особенно Н. Богдановым).

71. *Ленин В. И.*, ПСС. Т. XLIV. С. 151.

72. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории), 5/2/244/1.

73. РГАСПИ. 76/2/306/224.

74. *Hassner P.* Par-delà l'histoire et la mémoire // H. Rousso (dir.). Stalinisme et nazisme. Histoire et mémoire comparées. Bruxelles-Paris: Éd. Complex-INTP, 1999. P. 368.

ГЛАВА 4

Сопrotивление крестьян насильственной коллективизации в СССР*

Крестьянское сопротивление насильственной коллективизации долгое время было одним из многочисленных белых пятен советской истории. Коллективизация, утверждала советская историография, сталкивалась лишь с отдельными эпизодами «кулацкого терроризма» — крайнего проявления отчаянной борьбы, которую вела кучка «крестьян-эксплуататоров», принадлежавших к «отмирающим классам». В литературе Михаил Шолохов в своем классическом произведении привел другое, хотя тоже одностороннее видение крестьянского сопротивления: бесплодная, бессмысленная и беспощадная ярость, обнажающая вековую отсталость мужика. «Резали быков, овец, свиней, даже коров, резали то, что оставалось на завод... «Режь, теперь оно не наше! Режьте, все одно заберут на мясозаготовку! Режь, а то в колхозе мяса не придется кусануть» — полз черный слушок. И резали. Ели невпроворот. Животами болели все, от мала до велика. В обеденное время столы в курнях ломились от вареного и жареного мяса. В обеденное время у каждого масляный рот, всяк отрыгивает, как на поминках, и от пьяной сытости у всех посоловелые глаза»¹.

Основной источник — ежедневные спецсообщения секретно-политического отдела ОГПУ о ходе коллективизации и раскулачивания — позволяет сегодня оценить размах крестьянского сопротивления. Своим масштабом — более 14 тысяч волнений, беспорядков, массовых манифестаций, бунтов и мятежей в течение одного только 1930 года, в которых приняли участие по меньшей мере 3 миллиона крестьян (и крестьянок, сыгравших, как мы увидим, особую и существенную роль) — крестьянское сопротивление вынудило (факт невиданный за все время сталинского правления) правящие круги отступить и объявить в начале марта 1930 года паузу в бешеной гонке коллективизации,

* Les resistances paysannes à la collectivisation forcée en URSS // L'Histoire. № 296. P. 77–85.

стартовавшей с конца 1929 года. Возложив на местное коммунистическое руководство ответственность за «перегибы», допущенные в предыдущие месяцы, Сталин в длинной статье, опубликованной 2 марта 1930 года во всех советских газетах, обвинил местные власти в «головокружении от успехов». Он критиковал «злоупотребления» раскулачивания признавая, что оно затронуло множество «средняков», и осудил «многочисленные нарушения принципа добровольного вступления крестьян в колхозы». Но он избежал самокритики и ни в коей мере не ставил под сомнение сам принцип коллективизации. Открытые сегодня архивы подтверждают, что это тактическое отступление было напрямую обусловлено опасением, что массовые выступления крестьян, которых только в январе–феврале 1930 года было больше, чем за предыдущие три года, примут неконтролируемые масштабы. Как признавалось в начале апреля 1930 года в закрытом письме ЦК ВКП(б): «Если бы не были немедленно приняты меры против искривлений партлинии, мы бы имели теперь волну повстанческих крестьянских выступлений, добрая половина наших “низовых” работников была бы перебита крестьянами, был бы сорван сев, было бы подорвано колхозное строительство, и было бы поставлено под угрозу наше внутреннее и внешнее положение»². Разумеется, тактическое отступление после публикации статьи Сталина «Головокружение от успехов», не положило сразу же конец крестьянским мятежам. Они достигли апогея как раз в марте 1930 года, когда ОГПУ зарегистрировало более 6500 массовых выступлений и беспорядков. Какими бы ни были эти выступления, их цель и характер все же изменились: осудив «перегибы коллективизации» и временно разрешив крестьянам выходить из колхозов, Сталин сумел направить крестьянский гнев на местных работников, что позволило выпустить пар недовольства, накопившийся в бурлящем котле деревни.

Крестьянское сопротивление соответствовало уровню давления. Колхозы должны были обеспечить государству бесперебойную и практически бесплатную поставку зерновых, сельскохозяйственной продукции и скота, чтобы кормить города и финансировать за счет экспорта индустриализацию страны. Коллективизация также должна была облегчить установление административного и политического контроля над крестьянством с тем, чтобы заставить его принять спустя двенадцать лет после установления режима, ставшего следствием Октября 1917 года, «новые социалистические ценности». Но насильственная коллективизация деревни — это нечто большее, чем экспроприация крестьян и сгон в колхозы. В стране, где сохранялся глубокий раскол между господствующим миром городов и подчинен-

ным миром деревень³, ее воспринимали как настоящую войну, объявленную коммунистическим государством, которое представляли на местах чиновники и члены партии, бригады рабочих и «активистов», приехавшие из городов, против традиционного образа жизни и культуры крестьян. Отказ вступать в колхоз был главной причиной крестьянских волнений, но часто их провоцировали рвение, с которым закрывали церкви и конфисковывали церковное имущество, воинствующий атеизм молодых коммунистов, распространение апокалиптических слухов и угроза «второго крепостного права». Инициировав одновременно с коллективизацией широкую кампанию «ликвидации кулаков как класса» (в ходе которой за два года было арестовано сотни тысяч крестьян и депортировано два миллиона), власти надеялись усилить латентные конфликты между бедными и зажиточными крестьянами. Им это удалось, поскольку раскулачивание иногда выливалось в сведение счетов и разграблению имущества зажиточных крестьян. Тем не менее, чаще крестьяне сплывали ряды, объединялись и вели себя, как совершенно справедливо подчеркивал крупный специалист по истории советского крестьянства Теодор Шанин, «как социальная единица, имеющая общие экономические интересы и собственную индивидуальность, выражавшиеся в специфических знаниях, образе действия и формах политического сознания, обуславливавших коллективное действие»⁴.

Тем не менее, в отличие от того, что происходило во время Гражданской войны, крестьянские возмущения не выливались в масштабные повстанческие движения вроде тех, которые в 1920–1921 годах превратили целые губернии (Тамбовская, Тюменская, Тобольская и другие) в крестьянские бастионы, откуда полностью была изгнана советская власть⁵. В отличие от крестьян, бунтовавших в начале двадцатых годов, которые почти все были вооружены (большинство из них дезертировало из Красной армии или из белого движения) и которыми руководили политически грамотные эсеры, анархисты и даже большевики, порвавшие с партией, у крестьян, бунтовавших в 1930 году, не было ни оружия, ни вождей⁶. Оружие, имевшееся в деревне, поэтапно изымалось властями в двадцатые годы. В месяцы, предшествовавшие коллективизации, ОГПУ инициировало масштабную полицейскую операцию, направленную на нейтрализацию как можно большего числа потенциальных «вожаков» крестьян, называвшихся на полицейском жаргоне «контрреволюционным активом»: зажиточные крестьяне, бывшие помещики, духовенство, бывшие видные эсеры и т. д. Около ста тысяч из них подверглось в 1929 году превентивному аресту. С января по середину апреля 1930 года было аресто-

вано еще 140 тысяч человек, подпавших под определение «кулаков первой категории», «активно участвующих в контрреволюционной деятельности», и примерно столько же подверглось аресту во второй половине 1930 года.

Детальный анализ сообщений ОГПУ показывает, что собственно мятежи, то есть вооруженные выступления с целью насильственного свержения местной советской власти, и направленные на расширение территории, занятой повстанцами, оставались относительно немногочисленными: 176 выступлений за весь 1930 год, из которых 37 произошли в феврале, 80 — в марте и 24 — в апреле из общего числа в 13 754 крестьянских выступлений, ограниченных во времени (несколько недель) и в пространстве (в масштабе районов, а не целых губерний)⁷.

Волнения достигли кульминации в феврале–марте 1930 года. Самые серьезные прокатились по Западной Украине. В течение месяца (с середины февраля по середину марта) 110 округов (стратегически важная территория, граничащая с Польшей и Румынией, площадью примерно в 50 тысяч кв. км) вышли из-под контроля советской власти⁸. В этих регионах, которые в 1921–1922 годах были последним бастионом украинского национального сопротивления советизации, крестьянские мятежи часто принимали яркую антисоветскую, антимосковскую и националистическую окраску. Восставшие крестьяне, выбиравшие из своей среды советы, требовали не только роспуска колхозов, немедленного прекращения раскулачивания, открытия церквей, свободы торговли, но и призывали к независимости Украины, скандируя популярный лозунг «Ще не вмерла Україна!» («Украина еще не умерла!»). Среди других регионов, объятых настоящими повстанческими движениями, фигурировали населенные казаками области Дона и Северного Кавказа, которые так же отчаянно сопротивлялись за 10 лет до этого политике «расказачивания» (массовые убийства и депортации казаков, считавшихся враждебными большевистскому режиму). В январе–феврале 1930 года десятки казачьих станиц, крупных поселков с многотысячным населением стали ареной вооруженных столкновений. Одно из самых масштабных в начале февраля имело место в Сальском округе. Толпы крестьян, вооруженных косами, вилами и топорами, громили сельские советы, в которых находились ожидавшие высылки арестованные кулаки. В течение нескольких дней были сожжены десятки сельсоветов, а их работников, не успевших скрыться бегством, убивали на месте. Восставшие избирали «крестьянские комиссии», в обязанности которых вменялось координирование действий станиц, возвращение кулакам

конфискованного у них имущества и составление программы требований. В их числе особо стоит выделить требование «настоящей советской власти, без коммунистов, без колхозов, с восстановлением церкви»⁹. Крупные восстания с участием нескольких тысяч человек, наконец, имели место на периферии, где позиции советской власти оставались непрочными: в Казахстане (Иргизский район Актюбинского округа, Кустанайский район, Кзыл-Ордынский округ), в Дагестане, Чечне, Азербайджане (Закатальский и Нухинский округа). Столкновения многотысячных отрядов повстанцев и подразделений ОГПУ, опиравшихся на поддержку частей Красной армии, превращались в настоящие военные операции, приводившие к сотням жертв в рядах восставших¹⁰. Как во времена Гражданской войны, как только поступало сообщение о выступлении крупных конных частей, многие райцентры осаждались отрядами вооруженных крестьян, которые избирали своей целью государственные учреждения и отрезанных от внешнего мира советских чиновников.

Если не считать этих ярких, но все же ограниченных в пространстве и времени событий, в большинстве случаев крестьянское сопротивление заключалась в тысячах манифестаций, маршей протеста, волнений, импровизированных митингов, сборищах перед государственными учреждениями, в которых каждый раз участвовали от нескольких сотен до нескольких тысяч человек. Вопреки распространенному задолго до советского периода представлению о крестьянском «бунте, бессмысленном и беспощадном» (Пушкин), эти акции редко заканчивались актами насилия. Так, в 1930, особенно беспокойном году, согласно милицейским сводкам из 13 754 массовых выступлений 1 616 были отмечены «физическим насилием со стороны выступавших»¹¹.

Внешняя ограниченность этих действий, в которых крестьяне часто играли ведущие роли, не может скрыть масштаба социального травматизма, которым для массы сельского населения являлась лобовая атака режима и его представителей на культуру, образ жизни и вековые традиции. Атака, воспринимавшаяся, и это без обиняков признается в сводках ОГПУ, как второе издание крепостного права.

В 1930 году после «мартовской лихорадки»¹² (более 6 500 зарегистрированных бунтов, волнений и других коллективных выступлений, 2 000 «террористических актов») активность крестьян сохранялась на высоком уровне в апреле и мае (около 2 000 выступлений в апреле и 1 400 в мае) и резко снизилась в летние месяцы, в сезон полевых работ (250 выступлений в августе, чуть более 150 в сентябре). Отказ вступать в колхоз был в 1930 году основной при-

чиной крестьянских волнений (более половины выступлений, 7 400 из 13 700). Солидарность сельских жителей с преследуемыми «кулаками» и другими «антисоветскими элементами» являлась второй причиной крестьянских волнений в 1930 году (более 2 300 фактов). Около 1 500 случаев возмущения крестьян были вызваны закрытием церквей и конфискацией церковного имущества и антирелигиозным вандализмом комсомольских «активистов», одним из любимых развлечением которых была стрельба по иконам. Наконец, проблемы со снабжением, вызванные, несмотря на прекрасный урожай, обязательством, навязанным как тем, кто вступил в колхозы, так и тем, кто продолжал вести единоличное хозяйство, сдавать на государственные заготпункты значительные объемы зерновых и мяса, стояли у истоков более чем 2 200 инцидентов. Помимо этих проявлений коллективного протеста, документы ОГПУ упоминают 1 400 «террористических актов», совершенных в 1930 году, — как индивидуальных, так и групповых. Речь шла в основном о поджогах госучреждений или домов, принадлежавших советским работникам (известно, что поджог дома соседа, с которым имелись разногласия, во все времена представлял собой форму сведения счетов, особенно часто встречающуюся в русских деревнях с ее деревянными домами), покушениях на убийство, избиениях, убийствах. По данным ОГПУ, около 10 тысяч «представителей советской власти», «активистов» и крестьян, вступивших в колхоз, стали в 1930 году жертвами «террористического акта», около 1 200 были убиты¹³. Это насилие, хотя и носившее ограниченный характер по сравнению с крупными крестьянскими восстаниями 1919–1921 годов, в ходе которых «представители советской власти» убивались тысячами и зачастую со зверской жестокостью¹⁴, систематически эксплуатировалось властями для оправдания постоянной необходимости «новых ударов» по «кулакам» и другим «контрреволюционным элементам». Статистика четко фиксирует диспропорцию между крестьянским насилием: 1 200 убитых «представителей советской власти» и «активистов», 1 100 раненых и более 7 000 подвергшихся оскорблениям и угрозам, и насилием, жертвой которого было крестьянство в ходе одного только 1930 года: полтора миллиона крестьян экспроприировано, 600 тысяч депортировано, 280 тысяч арестовано и приговорено к лагерям, 20 тысяч расстреляно по приговору трибуналов ОГПУ, многие тысячи восставших крестьян убиты в ходе столкновений с частями ОГПУ и Красной армии.

Сводки ОГПУ обрисовывают географию ареалов самого ожесточенного крестьянского сопротивления: Украина (30 % всех крестьянских волнений, зафиксированных в СССР¹⁵), Централь-

но-черноземный район, Средняя и Нижняя Волга, Северный Кавказ — все это были богатые сельскохозяйственные районы, в которых крестьянство, испытывавшее нехватку земли, часто восставало не только против помещиков, но и против центральной власти. Изучение наиболее подверженных волнениям регионов показывает преемственность как в долгосрочной (XVIII–XIX века), так и краткосрочной перспективе (революции 1905 и 1917 годов, Гражданская война). Преемственность заключалась в сохранении определенных методов ведения повстанческой борьбы: «заградительные отряды», «связные» между восставшими деревнями, выявление «шпионов», организация деревенского ополчения, занятие стратегических пунктов.

1930 год — год «Великого перелома» — знаменует собой апогей крестьянского сопротивления. Впрочем, и следующие два года были довольно беспокойными: зафиксировано еще около 2 000 «массовых выступлений» и приблизительно 7 500 «террористических актов» в год. На Украине и Северном Кавказе, то есть в регионах, являвшихся главными производителями зерновых и с этой точки зрения представлявших стратегическую важность для режима, в 1931–1932 годах было зафиксировано 60 % от общего количества волнений¹⁶. Причины этих волнений по мере укоренения колхозной системы серьезно видоизменялись: кампании по хлебо- и мясозаготовке, перебои с продовольствием являлись в 1931–1932 годах основными мотивами крестьянских выступлений. «Фокус борьбы» сместился: реже восставали против вступления в колхозы, которые считали временным явлением, против закрытия церквей (в этой области после массированного антиклерикального выступления весной 1930 года власти пошли на попятную¹⁷), или для защиты «раскулаченного» соседа. Отныне крестьяне борются против конфискации государственными заготпунктами остатков урожая или последней коровы, выступают с требованием хлеба, пытаются завладеть зерном, хранящимся в колхозных хранилищах и элеваторах, устраивают, зачастую в сговоре с колхозной администрацией (состоящей в основном из «выдвинувшихся» крестьян), систематические расхищения «коллективного» урожая при все более ухудшающейся экономической конъюнктуре, отмеченной неурожаями, ставшими провозвестниками голода в некоторых регионах. Для власти открытое противостояние с «врагом»-кулаком, постепенно трансформируется в «тихую войну»¹⁸, которую ведет крестьянское общество.

Спецсводки секретно-политического отдела ОГПУ содержат глобальную информацию, необходимую для оценки масштабов крестьянского сопротивления, но только рапорты с мест, телеграммы,

записки, детальные отчеты о том или ином происшествии позволяют историку — несмотря на очевидную ограниченность этих документов, обусловленную их бюрократическим форматом, — пойти дальше в более тщательном изучении эволюции крестьянского сопротивления, в определении и анализе самых различных форм протеста и неподчинения, хитростей, этого «оружия слабых», которое так замечательно описал, пусть и по другому поводу, Джеймс Скотт¹⁹. В этих документах — особенно когда в приложениях воспроизводятся листовки, найденные на местах (там вели тщательный их учет), и прошениях — зафиксированы наиболее часто выдвигаемые крестьянами требования: роспуск колхозов, возвращение всего, что было конфисковано «воровской властью», возвращение «раскулаченных» из ссылки, отказ «делить крестьян на классы, потому что кулаков давно уже нет», а также (особенно в период наиболее активного сопротивления в начале 1930 года) свободные выборы в сельские советы, легализация «крестьянских союзов»²⁰, свобода вероисповедания и торговли, открытие церквей²¹. Со временем, как мы уже подчеркивали, говоря о крестьянских выступлениях, наблюдались изменения в требованиях, все чаще приобретавших экономическую окраску, поскольку на кону стояло само выживание крестьянина: отказ выполнять планы по заготовкам, обрекавший крестьян на голод. Что касается угроз в адрес представителей власти, они не стали менее свирепыми, и эта свирепость только росла на фоне ощущения собственной беспомощности.

Еще один пункт, на который в сообщениях ОГПУ обращалось особое внимание, — исключительно важное место женщин в крестьянских выступлениях и волнениях²². Власти объясняли это явление тем, что крестьянками, этой «темной» и «отсталой» массой, умело манипулировали «кулаки». Внимательное чтение описаний происшествий, о которых рапортовали агенты ОГПУ, показывает, что крестьянки действительно часто извлекали выгоду из официальной точки зрения, согласно которой они были лишь безответственными игрушками в руках кулаков, для того, чтобы участвовать в выступлениях — зачастую с детьми — будучи убежденными в относительной безнаказанности, которую им обеспечивала их якобы «политическая несознательность». Столь значительное участие женщин в крестьянских выступлениях и «хлебных бунтах» в самые разные периоды истории страны, безусловно, объясняется и другими причинами, общими для всего крестьянства, но особенно высокой была ответственность матерей семейств перед домочадцами, которые после коллективизации единственной дойной коровы и конфискации последних запасов зерна находились на грани выживания. С 1932 года хищение «колхоз-

ного» урожая становится не только одной из главных форм социального неподчинения в деревне, но и стратегией выживания, поскольку колхозники за труд на общественных полях получали смехотворную оплату. В это время женщины, дети и старики были в первом ряду «парикмахеров»: так в народе не без сарказма называли этих «воров» новой формации, которые стригли колосья и прятали их в карманах одежды. Как показывает судебная статистика, по лицам, «осужденным» согласно закону от 7 августа 1932 года, предусматривавшему десять лет лагерей, а в некоторых случаях смертную казнь, за «хищение колхозного и общественного имущества», женщины, вопреки ожиданиям «простого народа», не пользовались никакими поблажками со стороны *троек* ОГПУ²³.

Еще одна форма неподчинения и сопротивления — отказ части руководства колхозов, сельхозработников низового звена и даже членов партии в деревнях от сотрудничества с властями. Близкие к своим подчиненным, зачастую вышедшие из той же среды, руководящие кадры колхозов чаще других представителей новой советской бюрократии проявляли строптивость. Когда давление на колхозы превышало определенный порог, росли отказы сотрудничать. В целом эти отказы интерпретировать нелегко: какую роль играли недисциплинированность, некомпетентность, незнание того, что именно власти ожидали от «низов», действительная солидарность с «простым народом», намеренное сопротивление предписаниям «сверху»? Положение низшего руководящего звена было более тем двойственным: их то клеймили как виновников «перегибов» и «отклонений», то обвиняли в том, что они «плетутся в хвосте» и «заражены оппортунизмом, хвостизмом и кулацким духом»²⁴. Вынужденные после первого этапа «раскулачивания» (февраль–май 1930 года) заниматься поиском еще не разоблаченных «кулаков», местные руководители разделяли господствовавшее в деревне настроение: «кулак ликвидирован как класс, его больше нет, у нас больше нет кулаков!» Меры «индивидуального воздействия», которые должны были ударить по не вступившим в колхозы крестьянам-«единоличникам», наталкивались на пассивность и даже сопротивление местного руководства. Ситуация оставалась сложной в 1931 и еще более — в 1932 годах, когда многие районные партийные комитеты (не говоря уж о низовых партиячках, сельских советах и колхозно-совхозной администрации), особенно на Украине и на Северном Кавказе, отказывались выполнять становившиеся все более нереальными планы по поставке государству зерновых и другой сельскохозяйственной и животноводческой продукции, обрекавшие десятки миллионов крестьян на голод. В 1932 году бо-

лее трети директоров колхозов было сняты с должностей (и часто осуждены) за «срыв государственных поставок»²⁵. Тяжелый кризис лета 1932 года на «фронте заготовок» и то, как с ним боролся Сталин, еще одна самая драматическая глава в истории противостояния сталинской власти и значительной части крестьянства, особенно украинского. Это неотъемлемая часть истории голода в Советском Союзе в начале 30-х годов, последнего великого голода в Европе, от которого погибли по меньшей мере 6 миллионов крестьян. Погибли вследствие хищнического отношения советской власти к сельскохозяйственному производству, вследствие политики, которая в случае с Украиной и Северным Кавказом сознательно ужесточалась, чтобы наказать крестьян, обвиненных Сталиным в ведении «тихой» войны с Советской властью!»²⁶

Примечания

1. См.: *Шолохов М. А.* Поднятая целина. Кн. 1. С. 146.
2. Цит. По: *Зеленин И. Е.* Осуществление политики ликвидации кулачества как класса // *История СССР*. 1990. № 6. С. 47.
3. Об актуальности этой тематики в 1920-х годах, изученной через призму писем крестьян «во власть» (индивидуальные, реже коллективные письма), см.: *Орлов А., Лившин А.* Власть и общество: диалог в письмах. М.: РОССПЭН, 2002. С. 175–181.
4. *Shanin T.* Peasants and the peasant Society. Oxford, 1987. P. 329.
5. См.: *Данилов В. П.* Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. Антоновщина. Документы и материалы. Тамбов, 1994.
6. О незначительном количестве оружия, изъятого у крестьян-повстанцев в 1930 году, см.: доклад контрразведывательного отдела ОГПУ от 29 апреля 1930 года в: *Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД*. Ред. В. П. Данилов и др. М.: РОССПЭН, 2003. Т. III/1. С. 312–327. У 140 724 арестованных «к/р активистов» на 15 апреля 1930 года было изъято всего 5533 единицы огнестрельного оружия и 2250 единиц холодного оружия.
7. *Danilov V. P., Berelowitch A.* Les Documents de la VCK–OGPU–NKVD sur la campagne soviétique, 1918–1937 // *Cahiers du monde russe*. Vol. XXXV (3), juillet–septembre 1994. P. 674.
8. Об этим массовых выступлениях см. подборку документов из фонда Орджоникидзе в РГАСПИ (Российский Государственный Архив Социально-политической истории) с комментариями Андреа Грациози: *Graziosi A.* Collectivisation, révoltes paysannes et politiques gouvernementales à travers les rapports du GPU d'Ukraine de février–mars 1930 // *Cahiers du monde russe*. Vol. XXXV (3), juillet–septembre 1994. P. 437–632.

9. См.: Трагедия советской деревни. Ред. В. П. Данилов и др. Т. II (1929–1930). М.: РОССПЭН, 2000. С. 237–241; *Viola L. Peasant Rebels under Stalin*. Oxford: University Press, 1996. P. 165.

10. Советская деревня... Ред. В. П. Данилов и др. Цит. соч. Т. III/1. С. 519–527.

11. В результате этого «насилия», согласно справке ОГПУ о «формах и размахе классовой борьбы в деревне в 1930 году», пострадали 3155 работников совпартактива, из которых 147 было убито, 212 ранено и 2796 «избито».

12. Выражение Линн Виолы, посвятившей этому судьбоносному месяцу одну из глав своей книги. См.: *Viola L. Op.cit.* P. 132–180.

13. *Danilov V. P., Berelowitch A.* Art. cit. P. 675–676.

14. *Osipova T.* Peasant Rebellions: Origins, Scope, Dynamics and Consequences // V. Brovkin (ed.) *The Bolsheviks in Russian Society. The Revolution and the Civil War*. New-Haven/London: Yale University Press, 1997. P. 140–160.

15. И около 50 % крестьянских выступлений в марте 1930 года.

16. Для ознакомления с данными по первому кварталу 1932 года см. донесение секретно-политического отдела ОГПУ в: Трагедия... Ред. В. П. Данилов и др. Цит. соч. Т. III. С. 420–427.

17. См.: *Werth N.* Le pouvoir soviétique et l'Eglise orthodoxe dans les années 1930 // *Revue des études comparatives Est-Ouest*. Vol. 24. № 3–4. 1993. P. 9–28.

18. Любимое выражение Сталина. Об этом см. многочисленные публичные выступления Сталина, особенно на Пленуме ЦК, состоявшемся в январе 1933 г., а также его ответ (6 мая 1933 года) на письмо писателя Михаила Шолохова (для знакомства с этой примечательной перепиской см.: *Courtois S., Werth N. et al.* *Le Livre noir du communisme*. Paris: R. Laffont, 1997. P. 236–237).

19. *Scott J.* Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven: Yale University Press. 1985.

20. «Крестьянские союзы», занимавшие промежуточное положение между профсоюзом и политической партией, пережили период расцвета в годы революции 1905–1906 гг. Требования воссоздать и признать эти «союзы», которые должны были в условиях однопартийной политической системы защищать интересы крестьянства, возобновились с новой силой в 20-е годы.

21. *Советская деревня...* Ред. В. П. Данилов и др. Цит. соч. С. 209–211, 234–236, 420–422, 544–550.

22. В 1930 году, согласно данным ОГПУ, женщины преобладали примерно в 30 % «массовых выступлений». В 1931 году их доля достигла почти 50 %. (Трагедия советской деревни. Цит. соч. Т. III. С. 345). Об этих «бабьих бунтах» см.: *Viola L.* *Babyi bunt* // *The Russian Review*. 1986. № 45 P. 23–42.

23. ГА РФ. 1235/141/1005/67–91.

24. Советская деревня... Ред. В. П. Данилов и др. Цит. соч. Т. III/1. С. 495–504.

25. *Ивницкий Н.* Коллективизация и раскулачивание. М., 1994. С. 199–200.

26. Письмо Сталина Шолохову от 6 мая 1933 года. См. прим. 18.

ГЛАВА 5

«Дорогой Калинушка...» Письма крестьян Калинину, 1930 год*

В первые месяцы 1930 года Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет получал адресованные на имя Михаила Ивановича Калинина десятки тысяч писем, настоящих «наказов» крестьянства, подвергнувшегося коллективизации и раскулачиванию.

«Право на петицию», если вспомнить выражение Мерля Файнзода, действовало как до, так и после революции 1917 года, и руководители страны — в особенности Калинин, номинальный глава советского государства и личность, которую считали до некоторой степени находящейся над партией — получали обильную корреспонденцию от простых граждан, которые жаловались на всевозможные притеснения со стороны местной администрации.

В решающие месяцы «Великого перелома» (январь–апрель 1930 года) волна жалоб достигла рекордных отметок: в среднем 2500 писем в день в первой декаде марта, 1500 — во второй декаде апреля. В фонде ВЦИК Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) и в фонде Калинина Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) сохранилась часть этих писем. Столкнувшийся с необъятностью «массива» писем, зачастую с трудом поддающихся расшифровке — многие тексты написаны карандашом на бумаге низкого качества — исследователь может познакомиться с этими документами с помощью сводок, регулярно (каждые 2–3 дня) составлявшихся информационным подотделом Орготдела ВЦИК. Эти сводки — строго для внутреннего пользования и под грифом «секретно» — представляют собой компиляцию (напечатанную на пишущей машинке) писем, которые сочли «наибо-

---

* «Cher Kalinouchka...» Lettres paysannes à Kalinine, 1930 // *Mélanges Marc Ferro. De Russie et d'Ailleurs*. Paris: Institut d'Études Slaves, 1995. P. 233–243. Синтаксис и пунктуация авторов писем максимально приближены к современным нормам.

лее показательными» с «шапкой», где характеризуются основные их темы. Эти сводки — составившиеся в лучшем случае в нескольких десятках экземпляров — затем рассылались «для ознакомления» руководству, а также в прокуратуру, в различные наркоматы (внутренних дел, юстиции, земледелия) и в другие инстанции. Столкнувшись с заметным ростом сообщений о «перегибах» — особенно после публикации знаменитой статьи Сталина «Головокружение от успехов» (2 марта 1930 года) — ВЦИК предложил (15 марта) рассылать сводки не только для ознакомления, но и для «изучения и принятия решений» в различные судебные инстанции; затем (16 апреля) — осуществлять проверку силами собственных специальных комиссий.

Отбор писем, содержащихся в сводках информационного подотдела Орготдела ВЦИК, был — как и любая выборка — достаточно произвольным. Можно ли из этого сделать вывод, что таким образом сглаживались острые углы? Сводки не приукрашивали картину: об этом свидетельствуют отчаянный тон и откровенность большинства писем. К тому же составители сами прямо признают, что почти все письма «касаются только теневых сторон происходящих в стране процессов... Подавляющее количество писем в главной своей части касается только перегибов... В части писем, очень небольшой... содержатся моменты демагогического, а порой и прямо контрреволюционного порядка. Они исходят как от явных врагов советского строя, так и от менее сознательной, отсталой части основного крестьянского населения...», но подлинность фактов не вызывает сомнений¹. Как и ежедневные сводки местных органов ОГПУ, недавно увидевшие свет, письма сельских жителей во ВЦИК позволяют лучше понять, чем в основе своей была коллективизация.

Эти документы являются источником информации о различных аспектах коллективизации. Первый касается собственно сути этих писем: описание изложенных фактов позволяет в деталях восстановить процесс коллективизации и раскулачивания на местах. В этом смысле материалы, содержащиеся в этих жалобах, ходатайствах, просьбах о помощи, перечнях перегибов, в угрозах и доносах скорее подтверждают общеизвестные факты и не становятся откровением². Тем не менее, даже в этом приближении всплывают малоизвестные аспекты. С мая 1930 года, например, в значительной (до трети) доле писем описывалось, по словам самих составителей сводки, «ужасное положение выселенцев и особенно их детей», среди которых «свиристуют эпидемии заразных болезней», приводящие к тому, что «дети мрут десятками, сотнями и даже тысячами». По этим фактам данные до последнего времени были крайне отрывочными.

Во-вторых, эти документы позволяют составить представление об их авторах. Часть писем анонимна, но большинство посланий не просто подписано, они представляют собой краткие автобиографии, в которых авторы пытаются с самого начала подчеркнуть — дабы внушить к себе доверие — «правильное» социальное происхождение, «правильные» политические взгляды. Стиль писем, их синтаксис, сама конструкция позволяет создать типологию авторов, в которой выделяются «образованные» и остальные, находившиеся в контакте с большевистской политической культурой (выделяющиеся в первую очередь благодаря умению пользоваться определенными риторическими формулами и ориентироваться в социально-политических референциях) — бывшие красноармейцы или низовые работники, до сих пор не утратившие связь с крестьянством, и др.

Таким образом, выделяется множество «массивов» документов, в которых категория авторов часто связана с комплексом затронутых проблем: в первой половине марта 1930 года, например, шел вал писем от местных сельхозработников, полностью дезориентированных статьей Сталина от 2 марта и отказывавшихся служить «козлами отпущения» за «перегибы» коллективизации. В свою очередь, в течение всего рассматриваемого периода (январь—июнь 1930 года) закрытие церквей и преследование попов, как правило, осуждали крестьянки или сельские учительницы.

Узкие рамки статьи заставили избрать иной, ограниченный, угол анализа данных документов: как авторы этих писем интерпретировали с политической точки зрения то, что происходило в эти драматические месяцы, имевшие решающее значение для будущего советской деревни? Такой подход сокращает имеющуюся выборку: действительно, собственно политические вопросы затронуты в достаточно небольшом количестве писем. В жалобах сетуют на судьбу, описывают, зачастую подробно, свои трудности, но не анализируют ситуацию, будучи в состоянии шока от происходящих катаклизмов. Тем не менее, есть возможность, проведя филигранную работу, выделить достаточно широкий спектр более-менее четко сформулированных интерпретаций проблемы: от наивных (деланно наивных?) попыток видеть в ней лишь «перегибы» местных властей до апокалиптических видений запрограммированного уничтожения крестьянства. Видений, возвещавших о бунте, об этих четырнадцати тысячах мятежей, волнений, манифестаций, прокатившихся по советской деревне в 1930 году³.

В рамках укоренившейся традиции — обращаться на самый верх, к царю, губернатору, Калинин, чтобы «обличить местные власти» — многие письма предстают «носителями информации» о фактах, «ко-

торые скрывают от нашего дорогого всесоюзного старосты». Вот два типичных примера этой, первой «интерпретации» событий*:

«Здравствуй дорогой хозяин т. Калинин во первых строках моего письма я хочу поставить вас в известность поскольку может наши низовые работники коммунисты и беспартийные может самливаются вам писать о своей работе и мнение крестьян и также настроение после таких перегибов 1930 года, раскулачивание кулаков как класса и при организации колхозов, но я т. Калинин как беспартийный прослуживший в Красной Армии должен интересаваться этим вопросом. Я вам пишу от всей души правду ничуть нескрываю поскольку идут такие слухи (...)

У массы создается такое мнение что мол Сов-власть хочет сделать так высилить всех крестьян чтобы все с/х перешло рабочим и Сов-власть хочет только зажать в коллектив крестьян (...) Так пусть лучше будет война тогда мы будим с оружием иначе говорить потому что иначе говорят жить нельзя очень многие говорят хотьбы скоро война и так и так пропадать, раз Сов-власть задумала не так мучить. Некоторые говорят, что Сов-власть не причем а делают все эти коммунисты которые против Сов-власть вся работа проводит на месте а не из Центра, коммунисты некоторые наделали а в Центре никто ничего не знает об этом (...)

Я вам еще раз пишу чтобы вы узнали что делается и какое настроение у массы.

Мой адрес С. Феодосия, Коктебель, Тричеву Петру Пантелеевичу. Прослуживший 1 год и 3 мес. Пред с/совет. Уволился по болезни, сам бедняк, состою членом колхоза и член правление колхоза.

До свиданя т. Калинин шлю вам письмо секретно и если вам нужно на что ответить с удовольствием всегда отвечу.

29/IV/30 Тричев»⁴.

Описав, как ударный полк утопил в крови «наш митинг, собравший около 8000 чел.», продолжавшийся 2 дня и «состоящий в большинстве из женщин, которые были разогнаны 2-мя автомобилями, вооруженными пулеметами, и кавалерией», как «толпу митингующих душили лошадьми, побоями плетей и, наконец, винтовочными выстрелами», «коллектив угнетенных и обиженных» пишет Калинин:

«...Уважаемый наш хозяин России т. Калинин, пришли своего представителя из центра, пусть соберет общий митинг и узнает, как

на местах угнетается народ и исправит непорядки вовремя, пока еще не поздно, так как здесь, видимо, руководители далеки от советской власти.

Коллектив угнетенных, обиженных.

Да здравствует Власть Советов и его лучшее будущее. Только побольше женщин, они всю подноготную правду расскажут, потому что мужики уже настолько запуганы, что боятся говорить и на собрания ходить, т.к. кто пожелает высказаться, его берут.

Так и говорят, что ты не своим языком говоришь, а кулацким»⁵.

Помимо традиционного обращения к Центру, письма подобного характера отличает постоянное противопоставление «власти Советов» «власти коммунистов», уходящее корнями, без сомнения, в крестьянские войны 1919–1921 годов. Это противопоставление, которое некоторые проецировали на самый верх в виде предполагаемого противостояния Калинина и Сталина, всплывает на поверхность в 1930 году, который многим казался возвращением, в еще более жестокой форме, времен гражданской войны, продотрядов и «военного коммунизма».

Вопрос: «Кто несет ответственность за перегибы?» — коммунисты на местах или Центр, — разумеется, основной во многих письмах, особенно после выхода 2 марта 1930 года статьи Сталина.

«Товарищ Калинин, в последнее время в газетах пишут всякого рода постановления, указы, приказы, статьи Сталина и других организаций, но никто больше не верит тому, что пишут. Старики говорят, что все это очень похоже на то, что было в 1905 году. Когда Николая Кровавого приперли к стене, он издал Манифест о свободе, а дальше пришел Столыпин, повесил свободу за свой галстук, затянул петлю и задушил ее... Вот и сегодня говорят, что виноваты низовые работники. Конечно, легче всего взвалить на стрелочника! А остальные, районные, окружные — они не виноваты? Может, это мы сами коллективизировали на сто процентов? А что тогда делали райисполкомы и окрисполкомы? Строчили в стенгазетах и напивались! Или вы думаете, что это низовые работники придумали такие распоряжения: с каждого, кто откажется вступить в колхоз, вимали 5 пудов шерсти, 15 пудов льна, 100 пудов хлеба? Нет, это те, кто повыше сельсовета кричали: “Обложите, обыщите, конфискуйте!” И кто же раскулачивал? Когда осмеливались сказать: “У нас кулаков нет — Как нет кулаков? Значит, подкулачник. С работы выгоню” и т. д. ... Власть больно много у нас: сов. власть, партия, союз безбожников — тоже власть, избач — власть. Плюнуть некуда — все власть. Если ратуют за едино-

* Сохранена орфография оригинала. — Авт.

начале на фабриках, так надо и здесь, чтобы хозяин был один, а не сто. Ответственны с/с, а тут с боку-припеку — семь капралов, один рядовой, и тот кривой.

Власти надо меньше. Общему собранию власть, оно хозяин, а не какой-нибудь шлында — комсомолец, пионер, активист и т.п.

Черноусов Петр Семенович, Чернушинский район, Сарапульский округ⁶.

В то время как низовые работники пытаются снять с себя ответственность за «перегибы» коллективизации и раскулачивания, критикуя тех, «кто спекулирует статьей т. Сталина», крестьянская масса осознает, что то, что ей пытаются навязать, не что иное как второе крепостное право. Соответствующая лексика (*кабала, закабалить, барщина, оброк*) присутствует почти во всех письмах. Ее разбавляют «советские реалии», такие как пайковая система распределения, вновь введенная в городах с осени 1929 года, с чем связано появление и широкое распространение выражения, резюмирующего две беды — старую и новую, — одновременно обрушившиеся на крестьян: *закабалить и посадить на паек*.

Как объяснить это возвращение к крепостному праву, кому оно выгодно, что происходит за кулисами большой политики? В некоторых письмах, пусть неумело, пытаются ставить эти вопросы:

«ГОЛОС СНИЗУ»

«Этим письмом я обращаюсь не к одной личности, а в целом к президиуму ЦИКа, который прошу и требую, чтобы данное письмо не постигла та участь, которая постигла тысячи ранее присланных Вам писем. Зачтите его на Президиуме ЦИКа и продумайте подобно тем вопросы, которые так бессвязно и беспонятно, но прямо изложены в данном письме.

РЕКОМЕНДАЦИЯ. Данное письмо пишет боец РККА, красноармеец Корнеев Иван Михайлович. Просьба данное письмо со всеми перечисленными вопросами опубликовать в центральной газете, добавив к таковым свои правдоподобные ответы. Не сделав этого, вы будете жалкие обманщики трудового народа.

ВОПРОСЫ: 1) Как понять, чья в данный момент проводится диктатура? Пролетариата или партии? Если пролетариата, то зачем партия проводит такой позорный зажим крестьянства, не останавливаясь ни перед чем, лишь бы добиться того, что нужно для партии?

2) Из кого, главным образом, состоит коммунистическая партия, из людей с чистой совестью, сознательностью, добротой и трудолюбием, или из разгильдяев, хулиганов, несознательных и лодырей?

Какой процент коммунистов хотел бы в данный момент вернуть для своего удовольствия военный коммунизм? [...]

3) Верит ли партия в существование колхозов, созданных из-под бича партии? Если да, то зачем она смеется над ними, выслав 25000 рабочих-руководителей колхозов? Равносильно, нужно столько же крестьян послать на заводы руководителями цехов.

Что, собственно, для партии больше важно: помочь крестьянину-колхознику в коллективе или путем объединения хозяйств выжать из них как можно больше соку, которым питается партия?

Какая разница между крестьянином-колхозником в наше время и крестьянином-рабом помещика до освобождения крестьян? Мне кажется, только та, что раньше работали на помещика два дня, а третий себе, а теперь круглый год на партию. И голодали раньше меньше, а сейчас больше [...]

Не подумайте, что данное письмо пишу Вам лишь потому, что мне кем-либо сделана неприятность. Нет, ни от партии, ни от власти я плохого не получил, а просто мне больно смотреть на угнетенных крестьян. В их положение я вхожу и вполне сочувствую, потому что сам такой же и в такой же нужде живу.

Не подумайте, что среди бойцов РККА я один с таким мнением. Нет, таких, как я 90 %, а остальные ваши, так что от души советую на армию не рассчитывать, ибо она интересы партии защищать не станет.

Если у вас есть хоть одна сотая правды и сожаления к народу, то Вы на данные вопросы дадите ответы в газете «Правда» на 1/VI с. г.

Повторяю, что написанное мною — это слова миллионного народа, но не мои.

Красноармеец Корнеев И. М.»⁷

В общем хаосе люди пытаются понять, кто захватил центральную власть: «буржуи», «бюрократы», «белоручки» или даже «контрреволюционеры»? Осуждают «диктатуру двадцатипяти тысячников» и диктатуру «городских рабочих и совслужащих, решивших покончить с крестьянством». Впрочем, стоит оговориться: в своих письмах сельские жители проводят четкую грань между «бедными пролетариями, посаженными на паек» и «25000 командиров, присланных нас организовывать». В свою очередь, не дают себя одурачить и многие горожане, такие как «коллектив рабочих и служащих» из Вологды, «возмущенный такими неправильными действиями Правительства» по отношению к 35000 ссыльных и требующий «нормальных условий жизни для всех ссыльных и особенно для их детей»⁸.

Прочитываем одно письмо — из очень многих на ту же тему, — раскрывающее часто используемый в таких случаях механизм попыток объяснить необъяснимое:

«Дорогой товарищ. Когда вы перестанете дурманить народ? Ведь вам видать, что система колхозов массе не подходит, а вы опять начинаете прижимать народ.

Вам же не секрет, что все белоручки пошли в партию. Вам не секрет, что у Николая II-го стоял позади Фредерикс, а у вас позади буржуй, а вы его не видите. Свалили вину на крестьян-бедняков и середняков — все оказались кулаки [...] Вы, сколько ни крутите, а правый уклон признаете, и время признать его, потому что, что дали колхозы? Они дали обострение крестьян к власти...»⁹

Проще говоря, Великий перелом поначалу казался неким дворцовым переворотом, победой «людоеда», «монарха» или «узурпатора» Сталина. Об этом свидетельствуют — каждое по-своему — эти два письма, написанные соответственно беспартийным крестьянином и сельским коммунистом.

«Дорогой Калинушка... Вижу, уроки прошлого тебе не впрок. Тебя сожрал людоед Сталин, который все загребает в свои грязные лапы и ведет страну к гибели. Открой глаза и пошли своих людей, чтобы они посмотрели, что творится в деревне. [...]

Ты должен знать, что советская власть нам по душе, но ты должен не забывать басни о Демьяновой ухе, где говорится, что даже самые вкусные и приятные кушанья, если их пихать насильно — становятся противными, а отсюда следствия выводы сам.

Бывший *середняк*, а теперь *бедняк*, а на будущий год, если не повесят, собираюсь перейти в рабочие.

И. Климов»¹⁰.

В свою очередь, Иван Слинко пишет:

«Товарищ Калинин, ответьте на мое письмо через газету. Чтобы замаскировать свои ошибки и перегибы Центральный Комитет большевистской бюрократии пытается найти выход, идя на незначительные уступки. [...] В то время, как правительство действует, совершенно не задумываясь о желаниях монарха Сталина. [...] Наша задача организовать крупное коллективные хозяйства, чтобы извлечь из них максимум выгоды для прибыли для государства и продукции для государства. Коллективы сталинского типа могут быть только убыточными в отличие от коллективов ленинского типа, построенных на

прочной технической базе и на добровольной основе. Разве Ленин говорил о коллективизации лошадей и кнутов? Нет. Он говорил, что коллективы можно построить только с помощью тракторов, электричества, шаг за шагом, по мере того, как культурный уровень русского крестьянина поднимется хотя бы до уровня крестьянина немецкого, и что все это должно произойти только по инициативе самого крестьянства, под нашим руководством. [...]

Кто же был в эту зиму виновным в насильном коллективизме, как не узурпатор Сталин, а вину припаяли нам, рядовым партийцам. Это было подло и стыдно со стороны головотяпов из ЦК, которые бессознательно исполняют волю монарха Сталина.

Разве можно построить сплошную коллективизацию в 4 года в стране, где имеется 5 укладов народного хозяйства, где еще имеются дикие народности, которые нужно просветить, на что потребуется не один десяток лет. Нет — этого нельзя сделать.

Разве можно сквозь пальцы смотреть на массовые аресты крестьян, уже бедняков и середняков, даже красных партизан. Еще ни при одном правительстве так не были переполнены тюрьмы, как теперь. Тюрьма, построенная в Лубнах на 100 чел., а сидит сейчас 1350 чел., в Ромнах — на 180 чел., а сидит 2000 чел.

Как вы думаете, т. Калинин, это хорошо? Подумайте и ответьте. Ленин говорил: «крепость власти — доверие масс», а сейчас это есть? Конечно, нет никакого доверия. В связи с этой неверной политикой партии, я выбываю из таковой и вступаю в народную революционную, с которой вместе построим социализм в нашей стране и победим диктатуру бюрократии.

До свидания, с социалистическим приветом — верный идее социализма — Слинко Иван Г.

УКР — г. Миргород

Да здравствует свободный труд на свободной земле.

Смерть тем, кто запрещает свободу трудящемуся народу»¹¹.

Тем не менее, для этих писем характерны не такого рода неумелые попытки «найти объяснение». Чаще всего они исполнены ненавистью, бессильной ненавистью — провозвестницей спорадических вспышек насилия и безуспешного сопротивления. Спустя 12 лет после революции 1917 года крестьянство, сломленное Гражданской войной, уже не в состоянии ни организовать политическое сопротивление, ни сформулировать программу, ни увидеть перспективу. Два последних письма, цитаты из которых здесь приводятся, каждое по-своему свидетельствуют об этом безвыходном положении в условиях

того, что большинство считало наступлением эры нового государственного терроризма, терроризма *револьверной партии*:

«Михаил Иванович Калинин, как возрадовалось крестьянство, когда Вы были избраны ПредВЦИК, так теперь оно настолько недовольно Вашим Сталиным. Вы привели страну к явной гибели [...]

По Вашему распоряжению, декретам получили крестьяне землю. Труженики взяли за работу, как вша за тело, начали работать, а тут еще начали устраивать выставки сельскохозяйственные, которыми развили аппетиты в любителях сельского хозяйства до невероятности. Каждый труженик старался довести свое хозяйство до тех экспонатов, какие ему нравились на выставке [...]

...Те, которые покляли свои силы на сельское хозяйство, стали у вас врагами. Своими постановлениями, секретными партийными заседаниями вы их на сегодняшний день считаете врагами, что якобы они опасны для Вас и страны. Так как с вашими постановлениями твердого, положительного, обманного ничего нет, и декреты вы так часто меняете, что мы, крестьяне, говорим: “советские декреты как дышло, куда повернул, туда и вышло”. Вы задумали: “все это стереть с лица земли”. Конечно, стереть очень легко, в особенности, для тех, кто стирает — кому это нравится и смотрит на все это с хроническим смехом, но для патриотов страны русской, истинных детей России — это сильная боль. Сжечь, убить очень легко и минутное дело, но построить, вырастить — это нужно годы.

В смысле уничтожения у Вас дело обстоит очень организованно и энергично. Зачислил человека в партию, дал ему под бок РЕВОЛЬВЕР, и во имя презренного этого оружия он для вас все сделает. Если вы ему револьвер повесили под бок утром, то к вечеру он наделает столько контрреволюционеров, что прокуратуре за полгода с ними не разобраться [...] Безусловно, большим доверием пользуются эти люди, а человек, пользуясь большим доверием, начинает всевозможными способами выводить ложные клеветы из-за личных счетов. Это сколько угодно есть, и вы в центре все это знаете и даете поощрение лжеклеветникам, т. к. ни один клеветник за свои проделки не ответил, как следует, а все принимается во внимание. Над мозолистым же крестьянином в этом году вы сыграли, как кот с мышкой. [...]

...У вас в центре, наверное, мнение такое: довести до того, чтобы никто и ввек не подумал про советскую власть.

Видно по всему, что у вас там буржуйчиков немало сидит. Но имейте в виду, что до царизма и помещиков вам России не довести. Еще прольется кровь, но царя с помещиками не БУДЕТ.

У кулаков все забрали по указам револьверподбочников, и их сослали, а приведено ли все в порядок? Об этом и думать никто не хо-

чет. Нет скота ни у кулака — как револьвероносы называют, но нет и у того, кому он достался.

Приросту скота нет. Посев яровой упал в этом году на 70–80 %. Как вы в газетах ни расписывайте, но в этом отношении вам никто не поверит. Вам в центре хорошо только резолюциями сеять, а поле, где должно быть засеяно 3 недели тому назад, до сего времени не сеяно ни колхозом, ни одиночками. Последние боятся сеять потому, что осенью, говорит, револьверная партия (коммунистическую так называют) заберет, и мне все равно в ссылке придется пропадать [...]

Не подумайте, что вам пишет кулак или нэпман. Нет, я простой русский труженик и говорю вам то, что все думают и говорят. Я не люблю ни льстить, ни лгать, ни обманывать людей резолюциями, которые хороши только на бумаге.

Бедный крестьянин»¹².

«Теперь пусть ответит нам Сталин на наше письмо — кто прав, оппортунист Рыков или он сам — правоуклонник, потому что издавал декреты и своей дурной головой не обдумал. Россию растрепал за пять месяцев, а наладить не может.

Теперь крестьян не обдуришь. Они не доедали, не допивали, ходили голые и босые, а старались, чтобы развести скотинку и больше посеять. Теперь как вы ни уговаривайте, больше не обманете.

А на тракторах вам один *пуд* будет стоить 8 рублей. Это выгодно будет купить только пролетариям, которые сидят во власти и получают по 300 рублей в месяц [...]

А какие середняки — вы бы посмотрели? Имеет 1 лошадь, 1 корову, дом, бурей поваленный, 5 детей да их двое. Вот такой середняк [...]

А который сидит у власти, бывшего кулака сын — получает 200 рублей в месяц. И это пролетариат? Сидите здесь в ЦИКе до черта, а порядка нет.

Если не верите, приезжайте в Балашевский округ, в Самойловский район, вы увидите.

Давай только войну — первая пуля Вам всем, чертям.

Просим, чтобы прочли все, весь Центральный Комитет»¹³.

Примечания

1. ГА РФ. 393/2/1875/ 59, 176.

2. По этим аспектам см. замечательные работы Мерля Файнзода: *Fain-sod M. Smolensk à l'heure de Staline*. Paris: Fayard, 1967. Chap. XII и Моше Левина: *Lewin M. La formation du système soviétique*. Paris: Gallimard, 1987. Chap. V–VI.

3. См. статью «Сопротивление крестьян насильственной коллективизации в СССР» в данном сборнике.
4. РГАСПИ. 78/1/377/60–61.
5. ГА РФ. 393/2/1875/67.
6. Там же. 393/2/1875/182–183.
7. Там же. 393/2/1875/203–204.
8. Там же. 393/2/1875/193–194.
9. Там же. 393/2/1875/185–186.
10. Там же. 393/2/1875/178–179.
11. Там же. 393/2/1875/184–185.
12. Там же. 393/2/1875/179–182.
13. Там же. 393/2/1875/199–200.

ГЛАВА 6

Пораженческие слухи и настроения в СССР в 1920–1930 годы*

Ложная информация всегда рождается из коллективных представлений, существовавших до ее появления. Она случайна только внешне, или, точнее, все, что в ней случайного, — это первоначальный повод, неважно какой, заставляющий работать воображение; но этот процесс имеет место только потому, что воображение уже подготовлено.

Ложная информация — это зеркало, в котором «коллективное сознание» видит собственные черты.

Марк Блок¹

Важная рубрика, озаглавленная «Пораженческие слухи и настроения», неизменно фигурирует в обзорах «положения в стране», которые информационный отдел ОГПУ в 1920–1930-е годы направляет высшему руководству СССР под грифом «совершенно секретно». В этой рубрике информаторы ГПУ и НКВД сообщали обо все, что они считали «пораженческими настроениями», проявлявшимися в частных разговорах, анекдотах, частушках, листовках и даже в надписях на стенах.

Наряду с другими источниками, также ставшими сегодня доступными (сводки информационных отделов местных партийных организаций, отчеты инструкторов ЦК и ЦИК, сводка писем, перехваченных почтовой и военной цензурой), эти документы повествуют историку о продолжительности, масштабах, значении пораженческих настроений в СССР в 1920–1930-е годы — как выражения недовольства, протеста, идейного разброда и даже, как предлагает Шейла Фитцпатрик, «стратегии сопротивления»² режиму, который устранил все политические альтернативы, уничтожил свободу слова и сделал *конспирацию*³ настоящим способом правления.

* Rumeurs défaitistes et apocalyptiques dans l'URSS des années 1920 et 1930 // Vingtième Siècle. Revue d'Histoire. Juillet–septembre 2001. № 71. P. 25–35.

Мы не будем здесь поднимать многочисленные проблемы интерпретации, которые возникают при работе с документами советских органов безопасности, посвященными «настроениям в народе». Сводки ОГПУ/НКВД о положении в городе и деревне представляют собой бесценный, но очень деликатный источник. Без критического анализа эти документы не могут рассматриваться даже в качестве примитивного «барометра общественного мнения»⁴.

При нынешнем уровне знакомства с этим огромным корпусом документов, лишь малая часть которого подверглась изучению, трудно даже приблизительно количественно оценить пораженческий и апокалиптический дискурс (а апокалиптический дискурс для меня является радикальным «вариантом» пораженческого дискурса, наиболее ярко выраженным в деревне в моменты максимального противостояния режима и общества). Для начала необходимо выделить три момента.

В 1920–1930-е годы по различным причинам большая часть советского общества жила с мыслью о том, что война может разразиться в любой момент. В первое десятилетие еще были живы воспоминания о сменявших друг друга «империалистической» войне, революции и Гражданской войне, породившей режим; во второе — официальная пропаганда постоянно убеждала население страны в «опасности войны», «капиталистического окружения», эта тема педалировалась Сталиным и его окружением как основное оправдание жестокости политики насильственной трансформации общества и экономики.

Эта война должна была закончиться поражением, которое повлекло бы за собой падение режима. Поражением, рассматривавшимся частью населения, особенно в деревнях, — после опыта насильственной коллективизации — как освобождение, как единственный выход из настолько невыносимого положения, что оно сохраняться больше не могло.

Пораженческие слухи, выразившиеся самыми разнообразными способами, показывают необычайную живучесть того, что историк Томас Ригби назвал «*теневая культура*», а также высокую степень самостоятельности альтернативных источников информации (о которой в особенности свидетельствует сила слухов), с успехом сопротивлявшихся «государственной пропаганде»⁵. Углубленное изучение пораженческой и апокалиптической тематики должно равным образом позволить лучше понять сложные процессы, с помощью которых общество на свой лад интерпретировало ключевые элементы официального дискурса («уязвимость России» или «угроза капиталистического окружения»).

Пораженческая риторика, какой она предстает в сообщениях о настроениях населения, отличается крайним разнообразием. Адекватная интерпретация этой риторики предполагает ее анализ в соответствующем временном, пространственном, политическом и социологическом контексте. Три примера проиллюстрируют нашу идею. Летом 1927 года, когда сталинское окружение нагнетало «военный психоз», чтобы избавиться от «объединенной оппозиции»⁶, организуя посредством пропаганды по всей стране «неделю обороны», донесения военной разведки сообщали о многочисленных проявлениях «пораженческих настроений», особенно в отдельных регионах, в частности, на Украине: «Не пойдем погибать за москальско-жидовскую власть»⁷! Скоро будет война, нам дадут оружие, и будем сражаться с ними за Украину для украинцев!» — типичный отрывок из письма призывника из Одесского округа, перехваченного военной цензурой⁸.

А так выглядели «апокалиптические слухи», циркулировавшие в Смоленской области зимой 1929–1930 годов во время насильственной коллективизации: «Те, кто вступит в колхоз, будут отмечены печатью Антихриста. Белые всадники уже перешли границу. Там, где они побывали, вешают всех коммунистов. Большевицкая власть рухнет повсюду!»⁹

Третий пример — другая среда, другой «носитель информации», другая тематика: летом 1940 года информационный отдел Московского обкома ВКП(б) сообщает о наличии надписей на стенах заводских туалетов следующего содержания: «Да здравствует война, которая уничтожит жидов, начальство и коммунистов, отдающих под суд рабочего за двадцатиминутное опоздание!»¹⁰

Прежде чем кратко анализировать основные моменты пораженческой тематики, напомним некоторые очевидные факты. Эти темы поднимались в обществе, глубоко травмированном годами Первой мировой, революции и Гражданской войны, на исходе которых возникло новое большевицкое государство, государство, которое большая часть населения достаточно долго воспринимала как временную и уязвимую конструкцию. 1920-е годы — это период неуверенности, нестабильности, беспокойства. Опыт 1914–1922 годов укрепил в коллективной памяти историческую константу: в России война и особенно поражение — единственный катализатор социально-политических изменений. Поражение в Крымской войне в 1855 году повлекло за собой упразднение крепостничества (1861), за поражением в войне с Японией (1904) последовали революционные потрясения 1905–1907 годов; Первая мировая война привела к революциям 1917 года;

поэтому только проигранная война может повлечь за собой социальные потрясения, которые сметут коммунистический режим.

С конца 1920-х годов тема «военной угрозы», «капиталистического окружения», становится одним из лейтмотивов сталинской политической пропаганды. Поднятие боевого духа, милитаризация повседневной жизни и экономики — неизбежность войны чувствуется во всем. В попытках мобилизовать общество на «строительство социализма в отдельно взятой стране» Сталин, не колеблясь, использует карту «синдрома битой России». В своей знаменитой речи от 4 февраля 1931 года он заявляет: «Нет, нельзя, товарищи! Нельзя снижать темпы!.. Задерживать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют... История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость... Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»¹¹.

Часть общества интерпретировала этот «синдром битой России» в смысле, несколько ином, который хотел придать ему Сталин.

Можно ли выделить «пики» пораженческих настроений для 1920–1930 годов? Существовали ли социальные группы или регионы, подверженные им в наибольшей степени? Представляется возможным обозначить три таких момента: 1927 год и «военный психоз», организованный Сталиным; далее 1929–1932 годы, в ходе которых деревня подверглась коллективизации, раскулачиванию, что привело в самых богатых регионах, — а значит, и наиболее пострадавших от насильственного изъятия урожая, — к ужасному голоду; в это же годы шло насильственное искоренение христианства. Гибель старого мира привела к активному распространению апокалиптических слухов. Наконец, в 1936–1941 годы, отмеченные ростом международной напряженности и сознательным его использованием в политических целях («Большой террор», поиски «пятой колонны», шпиономания, преследование «саботажников»). Одновременный рост напряженности на внешнем и внутреннем фронтах (неурожай 1936 года, всеобщая перепись населения в январе 1937 года, принятие беспрецедентно суровых антирабочих законов в конце 1938 года и летом 1940 года) вызвал «подъем пораженческих настроений», о котором сообщали цитировавшиеся выше источники силовых структур.

При нынешнем уровне знаний можно лишь приблизительно набросать «географию» — пространственную и социальную — пораженческих настроений.

Что касается 1920-х годов, отметим, что сводки сообщают о «пораженческих настроениях» преимущественно в тех регионах, которые активно сопротивлялись большевизации в ходе Гражданской войны и были «усмирены» лишь в 1921–1922 годах (и даже позднее, в 1923–1925 годах): западные окраины Украины и Белоруссии, Крым, казачьи области Дона и Кубани, где сопротивление красным и жестокие репрессии оставили глубокий след; Поволжье, которое в 1921–1922 годах поразил жестокий голод, провозвестник конца света¹²; Сибирь, огромные пространства которой оставались вне контроля Москвы во время Гражданской войны; советский Дальний Восток, на который сильное влияние оказали русско-японская война 1904–1905 годов, иностранная интервенция в годы Гражданской войны, близость русской эмигрантской колонии — Харбина.

Во всех этих регионах, часто окраинных, приграничных или особенно пострадавших от Гражданской войны, слухи о войне, которая должна была закончиться разгромом большевиков коалицией, объединяющей «монархистов» и — в зависимости от места — поляков (на Украине и в Белоруссии), англичан или французов (Крым, казачьи области), американцев или японцев (Сибирь, Дальний Восток) — представляют собой отголоски Гражданской войны и иностранной интервенции. Эти слухи вспыхивали с новой силой по поводу того или иного события (болезнь, затем смерть Ленина¹³ в январе 1924 года, неурожай, убийство в Варшаве советского посла, разрыв дипломатических отношений между СССР и Великобританией в 1927 году и т. д.), свидетельствующего о росте международной напряженности или о потенциальном ослаблении советского режима.

В 1930-е годы география «пораженческих настроений» становится более «размытой». Эти настроения распространяются все шире в ходе того катаклизма, которым стала для деревни насильственная коллективизация, события, масштабы которого, как это показано в работах Линн Виолы¹⁴, выходят за рамки простого изменения формы земельной собственности, события, которое перевернуло традиционный образ жизни и всю крестьянскую цивилизацию. В это контексте «пораженческие настроения» предыдущих лет часто трансформируются в апокалиптические предсказания, в которых война и поражение — лишь элементы общей картины. Апокалиптические и пораженческие настроения присутствуют в той или иной форме почти во всех регионах. Достигнув апогея в 1929–1930 годах, они сохраняются на протяжении всего десятилетия. «Самый частый слух в советских деревнях 30-х годов, — пишет Шейла Фитцпатрик, — слух о грядущей войне, за которой последует вторжение иностранных войск и отмена колхозной системы»¹⁵.

С конца 1930-х годов ныне доступные нам сводки сообщали о «пораженческих настроениях» в городской среде, особенно среди рабочих, недовольных антирабочей политикой 1938–1940 годов, снижением уровня жизни, дефицитом продуктов питания и бытовыми трудностями, дезориентированных кампаниями по повышению бдительности, доносами, атмосферой подозрительности и страха эпохи «большого террора». Эти настроения, о которых доносили информанты, тем не менее, не всегда позволяют ясно отличить то, что является следствием «военного психоза», вызванного ощущением неизбежности «сползания в пропасть», от хаоса в умах населения перед лицом серьезных конфликтов, — зачастую противоречивых и непонятных — в собственной стране и на международной арене. Надо было дождаться лета 1941 года, поражений Красной Армии, чтобы лучше оценить масштаб пораженчества. Эти настроения в советском обществе в начале войны, несмотря на то, что они часто упоминаются в документах, которые нам удалось изучить, и в редких работах, посвященных состоянию общественного мнения в первые недели войны¹⁶, остаются, тем не менее, малоизученными, и их масштаб нам до сих пор не ясен.

Вкратце остановимся на трех пиках «пораженческих настроений», которые я упоминал выше, и на их специфике.

7 июня 1927 года в Варшаве был убит советский посол П. Л. Войков. Это убийство произошло через несколько недель после разрыва советско-британских дипломатических отношений. Сталин, находившийся тогда в Сочи, решил воспользоваться возможностью, чтобы «укрепить тыл, ...обуздать оппозицию». «Курс на террор, взятый агентами Лондона, — пишет он Молотову 17 июня, — меняет обстановку в корне»¹⁷. Пока по всей стране проходят масштабные операции по аресту «антисоветских элементов»¹⁸, сталинские сподвижники устраивают настоящий «военный психоз», организуя в национальном масштабе «неделю обороны», за которой последовала многомесячная политическая кампания, посвященная военной угрозе и неминуемому нападению «империалистических держав» на СССР. В ходе этой кампании информационному отделу ОГПУ поручили следить за «пораженческими настроениями» в «глубинке»¹⁹. Эти настроения, квалифицировавшиеся в основном как «кулацкие слухи», были широко распространены в самых разных социальных группах, особенно среди солдат, за которыми следила военная цензура. Многие, особенно на Украине, Северном Кавказе, Сибири, писали: «Не пойдем воевать за коммунистов! Нам нечего защищать. Пусть коммунисты идут на войну защищать свои привилегии!» В информсводках содержатся

указания и на более враждебные высказывания: Как только начнется война, отомстим коммунистам! (Пермский округ, 25 июля 1927 года); Скоро война, а значит, смена власти. Будем отрезать уши коммунистам, как в 1922-м! (Восточная Сибирь, начало августа 1922 года); Ждем мобилизации, чтобы получить оружие, и тогда посчитаемся с коммунистами. Вырежем им ремни со спины! (Казахстан, 10 августа 1927 года). На казачьих территориях (Дон, Кубань, начало августа 1927 года) ходили упорные слухи о смене власти в Москве. С помощью англичан Великий князь Михаил Романов пришел к власти... Всех коммунистов повесили. В Новониколаевске (Сибирь) агентурная сеть ОГПУ сообщала о появлении на стенах надписей следующего содержания: Да здравствует война! Долой коммунистические советы! Да здравствует мировой капитализм! Будем готовы ответить на призыв Чемберлена раздавить коммунизм! Прочитируем еще одно высказывание, о котором донесли в начале сентября 1927 года, ставшем отправной точкой распространения пораженческих слухов в одном из уездов Тамбовской губернии: «Скоро должна быть обязательно война, и она необходима. Вспомните слова Ленина, который говорил, что мы только тогда придем к социализму, когда соввласть будет во всех странах, и вот теперь наши вожди сделают так, что война будет. Какое им дело до крестьян, которые подохнут во время войны? Они сами на фронт не пойдут, а лишь только издали будут наблюдать, как рабоче-крестьянская кровь польется рекой. Не нужно идти на войну, или же надо организовать всем солдатам и сдать, не хуже будет под властью какого-нибудь польского или английского правительства»²⁰.

Использование «военного психоза» сталинской группой осуждали Бухарин, Рыков, Томский, которые подчеркивали опасность «игры с огнем» и «разжигания противоречий». Им удалось провести через Политбюро постановление, предлагавшее прессе «освещать факты без крикливости»²¹. Тем не менее, опыт лета 1927 года позволил Сталину и его окружению оценить масштаб неприятия режима частью общества. Этот урок не был забыт.

По своему масштабу волна «пораженческих» настроений, захлестнувшая общество во время коллективизации, не имеет прецедента. Она соответствовала уровню политического, социального и культурного шока, которым для крестьянства стала эта «третья революция». В советских деревнях 20-х годов, часто отрезанных от путей сообщений, лишенных газет и других источников информации, оживились эсхатологические и миллениаристские слухи²².

Именно на этой почве с 1929 года начали усиливаться апокалиптические настроения, сопровождавшие насильственную коллективиза-

цию. Этот катаклизм позволил милленаристским и эсхатологическим ожиданиям, представленным в крестьянском обществе, трансформироваться в социальные мифы в ходе процесса, «который включал в себя не только выраженные материальные конфликты, но и события, разрушавшие категории, позволяющие понять и организовать реальное»²³. В своей работе «Крестьянский кошмар» историк Линн Виола выделяет три основные тематики «апокалиптических и пораженческих» слухов в ходе коллективизации: тематика собственно эсхатологическая, тематика пораженческая и тематика, относящаяся к «мерзости новой колхозной жизни»²⁴. Специфика этого апокалипсиса — в его негативном, оборонительном и реакционном характере без реального ожидания Второго пришествия. Часто цитируются высказывания о том, что «советская власть — власть Антихриста», «тракторы — дьявольские орудия, отравляющие почву», «колхозы — проклятые места, где каждый будет отмечен печатью Антихриста». В наиболее распространенных слухах упоминалось об освободительной войне (которую — по обстоятельствам — объявит Польша, Великобритания, Франция, Япония, Китай, Соединенные Штаты и даже Папа): только поражение — неизбежное — режима приведет к восстановлению доколхозного порядка, освобождению крестьянства от «второго крепостного права», которое навязали ему коммунисты. В этом видении освободительного поражения, которое отсылает «к альтернативной символической вселенной» (Джеймс Скотт), смешано место и время, стерты границы между духовным и материальным. В Белорусском пограничье, где проживало католическое меньшинство, в январе 1930 года распространился слух о том, что «Папа Римский уже организовал крестовый поход, поэтому скоро выйдете из колхозов. Всем колхозникам будет скоро Варфоломеевская ночь»²⁵. В Смоленском округе в феврале 1930 года рассказывали, что корабли английского флота заблокировали Ленинград, город вот-вот сдастся. На английском военном корабле тысячи кулаков, сосланных на Соловки²⁶. Весной 1931 года власти сообщали о циркулировавшем в Ленинградской области слухе, согласно которому «колхозы создали, чтобы восстановить поместья дворян, которые вернутся из эмиграции и придут к власти»²⁷. Достигшие в 1929–1930 годах апогея слухи о войне и поражении сохранялись в деревнях на протяжении 30-х годов, оживая каждый раз, когда население узнавало о трудностях, с которыми сталкивается режим. Голод 1932–1933 годов, весть о котором дошла до самых отдаленных регионов, а главное, тот факт, что власти о нем умалчивали, интерпретировался как предвестник падения режима, вплоть до того, что грядет вторжение великих дер-

жав²⁸. Убийство Сергея Кирова, первого секретаря ленинградской партийной организации (1 декабря 1934 года), также вызвало — как в деревнях, так и в городах — волну «пораженческих слухов» и рассуждений о хрупкости системы, о чем свидетельствуют многочисленные частушки, предсказывающие неминуемый конец Сталину, «убитому врагом в будущей войне», частушки, которые так тщательно записывали агенты НКВД²⁹.

С 1936 года рост напряженности, как внутренней так и внешней, игра режима на «угрозе войны» для ужесточения репрессий против широких слоев общества, способствовали распространению «пораженческих настроений»: становившаяся все более вероятной война оставалась единственным катализатором ожидаемых перемен. Неурожай 1936 года привел к трудностям в снабжении городов и голоду в деревнях зимой 1936–1937 годов, что способствовало появлению «слухов о войне». В Саратовской области, особенно затронутой голодом, весной 1937 года циркулировал упорный слух, который в сводках НКВД упоминается под кодовым названием «Легенда о мешке с зерном, ведре с кровью и старце». Колхозники были убеждены в неизбежности войны, которая освободит их от колхозной системы: рассказывали, что крестьяне находили в разных местах мешок с зерном, такой тяжелый, что никто не мог его поднять. Рядом с этим мешком стояло ведро полное крови, а поодаль старец, который так «расшифровывал» загадку: скоро будет война, а после войны крестьяне снова станут свободными и смогут завладеть мешком с зерном, то есть плодами своего труда³⁰.

Всеобщая перепись населения, проведенная в январе 1937 года (в особенности вопрос о вероисповедании) повлекла за собой в некоторых регионах, особенно в приграничных областях, бурные дебаты о будущем поражении СССР: не лучше ли объявить себя верующими, говорили колхозники из Смоленщины, раз уж поляки и немцы, которые неизбежно овладеют областью, подвергнут репрессиям тех, кто объявит себя атеистом? Напротив, считали жители Владивостока, предвидя будущее японское вторжение, лучше объявить себя атеистом, ибо «японцы казнят всех, кто записался православным»³¹. Доклад от 3 февраля 1937 года, направленный всем ответственным за проведение переписи, сообщал о многочисленных «пораженческих и апокалиптических слухах», ходивших в Белоруссии в предыдущие месяцы: «Все должны записаться верующими, и тогда откроют церковь, потому что та перепись пойдет на рассмотрение Лиги наций, а Лига наций спросит у тов. Литвинова, почему закрыли церковь, когда у нас много верующих»³². Эту перепись проводят, чтобы сослать всех

верующих, как это сделали с кулаками. Потом будет война, советскую власть сбросят, сосланные останутся в живых, а коммунистов повесят³³. Несмотря на гущающуюся атмосферу страха, на организуемых партийными инструкторами собраниях, посвященных «международному положению, угрозе войны и капиталистическому окружению», если верить донесениям органов безопасности, постоянно звучали «пораженческие идеи»: от убежденности в неизбежности поражения СССР в войне до «выражений симпатии к гитлеровскому режиму»³⁴. После принятия производственных законов от 28 декабря 1938 года и от 26 июня 1940 года, информаторы отмечали рост «нездоровых пораженческих настроений», характеризовавшихся «неуместным сравнением положения рабочих в СССР и рабочих в Германии в пользу последних»³⁵. Распространившиеся в простом народе представления, согласно которым «Гитлера не устраивают только коммунисты и евреи» — в первые недели нацистского вторжения летом 1941 года эта тема поднималась повсюду — сильно беспокоили органы агитации и пропаганды.

Поражения Красной армии летом 1941 года представляли собой настоящий «момент истины», позволяющий попытаться оценить масштаб «пораженческих настроений» в советском обществе, о которых более двух десятилетий сообщали отчеты ОГПУ/НКВД. К сожалению, до сего дня на эту тему не было проведено ни одного серьезного исследования. Доклады о «военно-патриотическом духе» войск не изучались. Редкие работы о настроении общества в тылу — особенно сборник документов «Москва военная»³⁶ — подтверждают существование пораженческих настроений, преимущественно в первые два-три месяца войны. Согласно Михаилу Горинову, москвичи тогда делились на три группы: «патриоты до гроба», «болото», восприимчивое ко всем слухам (большинство), и «пораженцы», для которых победа нацистов представляла собой возможность избавиться от позорного режима³⁷. Но с октября 1941 года реальность нацистской угрозы, присутствие войск вермахта на подступах к Москве, осознание того, что нацистское варварство не направлено исключительно против «евреев и коммунистов», нанесли смертельный удар пораженчеству, сплотили нацию в борьбе за выживание и защиту универсальных ценностей. Хотя, конечно, оставались негативные чувства по отношению к привилегированным и осуждение трусости некоторых коммунистических номенклатурщиков, бежавших из Москвы во время «большой паники» 13–16 октября 1941 года³⁸.

Что произошло в первые месяцы войны в коллективизированных украинских деревнях, где крестьянство больше всех страдало и со-

противлялось насильственной коллективизации, ставшей причиной великого голода 1932–1933 годов? До сих пор не было проведено ни одного серьезного исследования, посвященного масштабам пораженчества и «коллорационизма» в областях, оккупированных нацистами. Одно точно: освободительный апокалипсис, ожидавшийся некоторыми, не пришел с войсками вермахта. Немецкие танки, сжигавшие деревни, нисколько не походили на «белых рыцарей», о которых говорили старики. Апокалиптические слухи — форма символического протеста, когда не была возможна ни одна другая политическая агитация — казались отныне устаревшими. Однако едва закончилась война и была добыта столь дорогой ценой победа, с новой силой возобновились слухи о будущем роспуске колхозов, «благодаря вмешательству американцев и англичан», которые «надавят на Сталина и Молотова»³⁹. Режим выиграл войну. Столь долго ожидавшиеся изменения уже не могли отныне быть следствием поражения и краха системы. Они должны были стать следствием победы.

Примечания

1. Bloch M. *Réflexions d'un historien sur les fausses nouvelles de la guerre* // *Mélanges historiques*. T. I. Paris: EHESS, 1983. P. 54.

2. Fitzpatrick S. *Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village After Collectivization*. Oxford: University Press, 1994. P. 6. Об обсуждении концепции «сопротивления» общества применительно к сталинскому СССР см.: Werth N. *Les formes d'autonomie de la «société socialiste»* // Rouso H. (dir.) *Stalinisme et nazisme. Histoire et mémoire comparées*. Bruxelles-Paris: Éd. Complexe-INTP, 1999. P. 145–185.

3. Определяя во времена подполья «конспиративные методы», которыми должны были руководствоваться все революционеры, практика *конституции* пропитывала собой все методы управления большевиков, пришедших к власти. Она подразумевала — на всех уровнях принятия решений и их приведения в исполнение — самое широкое использование секретности и конфиденциальности.

4. Для критического анализа этих источников см.: Werth N., Moullec G. *Rapports secrets soviétiques. La société russe dans les documents confidentiels, 1921–1991*. Paris: Gallimard, 1995. P. 11–19; Werth N. *Les svodki de la Tcheka/OGPU: une source inédite* // *Revue des études slaves*. 1994. № 64/1. P. 17–29.

5. По выражению Питера Кенеза. См.: Kenez P. *The Birth of the Propaganda State. Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929*. Cambridge: University Press, 1985.

6. Эта оппозиция объединяла с 1926 года весьма разнородных представителей большевистского руководства, в первую очередь Троцкого, Зиновьева и Каменева.

7. Презрительная кличка, которую давали на Украине «людям из Москвы», то есть представителям центральной власти.

8. РГВА (Российский государственный военный архив), 3356/2/43/16.

9. «Смоленский архив», WKP, 261/65.

10. Московский областной партийный архив, 3/51/39/144.

11. *Сталин И. В.* ПСС. М., 1952. Т. XI. С. 113.

12. За хорошо известным голодом 1921–1922 годов, от которого погибло около 5 миллионов человек, в 1923–1924 годах последовали аналогичные бедствия местного масштаба, унесшие тысячи жизней и повлекшие за собой в поволжских деревнях ощущение крайней уязвимости, провозвестницы неисчислимых бедствий, которые очень часто связывались со слухами о войне и поражении.

13. Смерть Ленина породила волну слухов. Вот несколько примеров наиболее распространенных: «Т. Ленин умер уже 6 месяцев тому назад, и все время находился замороженным и только благодаря требованиям съезда советов, чтобы т. Ленин был им показан живым или мертвым, пришлось заявить о его смерти» (...); «После смерти тов. Ленина следует ожидать раскола в партии, на большевиков под руководством Бухарина и коммунистов, которых возглавят Троцкий и евреи (...); «Ленина, который был за НЭП и за крестьян, отравили евреи, которые захватили власть и хотят восстановить военный коммунизм» и т. д. В большей части слухов упоминалась будущая война, которая положит конец режиму, надломленному смертью вождя и расколом между его различными «наследниками». Об этих слухах в первую очередь см.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. В. П. Данилов и др. (ред.). Т. II. 1923–1929. М.: РОССПЭН, 2000, особенно С. 174 сл.

14. *Viola L. Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance.* Oxford: Oxford University Press, 1996; Id., *The Peasant Nightmare: Visions of Apocalypse in the Soviet Countryside // Journal of Modern History.* № 62, december, 1990. P. 747–770. О коллективизации, как «конце образа жизни предков» также см.: *Fitzpatrick S. Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village After Collectivization.* Oxford: University Press, 1994.

15. *Fitzpatrick S.* Op. cit. P. 6.

16. *Barber J. Popular Reactions in Moscow to the German Invasion of 22th June 1941; Hagen von, M. Soviet Soldiers and Officers on the Eve of the German Invasion: Towards a Description of Social Psychology and Political Attitudes // Soviet Union.* 1991. № 18. P. 4–16, 17–31; Москва военная: мемуары и архивные документы, 1941–1945. К. Буков, М. Горинов (ред.). М., 1995.

17. АПРФ. 45/1/71/8. Цит. По: Трагедия советской деревни. Документы и материалы. Данилов В. П., Маннинг Р. (ред.). Т. I. М., 1999. С. 25.

18. Начало этой кампании положило письмо И. В. Сталина главе ОГПУ В. Р. Менжинскому от 26 июня 1927 г., где, в частности, говорилось, «1) агенты Лондона сидят у нас глубже, чем кажется и явки у них все же останутся, 2) повальные аресты следует использовать для разрушения английских шпионских связей, для [внедрения] новых сотрудников из арестованных... и для развития системы добровольчества среди молодежи в пользу ОГПУ и его органов, 3) хорошо бы дать один-два показательных процесса по суду

по линии английского шпионажа...». В июле–августе 1927 года ОГПУ провело самую масштабную репрессивную акцию с конца гражданской войны (около 9000 арестов), которая за полгода до проведения мероприятий зимы 1927–1928 гг., положивших конец НЭПу, знаменовала собой резкую смену политического курса, по достоинству не оцененную до сих пор. Об этих событиях см. В. П. Данилов, Р. Маннинг. Цит. соч. С. 21–30, 72–88.

19. Мощный всплеск «пораженческих настроений» во второй половине 1927 года отсылает к одной из основных — в интерпретации сообщений органов госбезопасности — проблем: в какой степени резкий приток информации о поражечестве отражает собственно рост масштабов этого явления в условиях «военного психоза»? Не отвечает ли он также специфическим запросам власти, желающей именно по этому вопросу иметь точные данные о состоянии общественных настроений? Только за июль–август 1927 года в документах ГПУ приводятся «неполные данные, относящиеся только к части территории СССР» о 7269 случаях «пораженческих слухов и настроений», о которых сообщили осведомители органов госбезопасности. Советская деревня... В. П. Данилов и др. (ред.). С. 628).

20. Там же. С. 580. По более ранним примерам см.: Там же. С. 559–570, 572–576; В. П. Данилов, Р. Маннинг (ред.). Цит. соч. С. 85–86. Другие многочисленные примеры см.: ЦА ФСБ (Центральный Архив Федеральной службы безопасности). 2/5/388, 389, 392, 394.

21. В. П. Данилов, Р. Маннинг (ред.). Цит. соч. С. 26.

22. В большинстве свидетельств и этносоциологических работ, посвященных жизни советской деревни 1920-х годов, сообщается об этих эсхатологических слухах. Последние вписываются в сложный процесс «регресса» и «архаизации» русской деревни по отношению к дореволюционному периоду. Для ознакомления с богатой литературой 1920-х годов и дискуссией вокруг концепции «архаизации» см.: *Werth N. La vie quotidienne des paysans russes de la Révolution à la collectivization.* Paris: Hachette, 1984. Особенно гл. VIII.

23. *Scott J. Hegemony and the Peasantry // Politics and Society.* 1977. № 3. P. 288.

24. *Viola L.* Art. cit. P. 760. Среди наиболее важных слухов на эту тему можно назвать такие как: возвращение крепостного права; обобществление женщин; стрижка женщин для продажи их волос в Китай; общие кровати и одеяла длиной в несколько сотен метров; детские городки для обобществленных детей. Слух, который ходил в Майкопском районе в конце 1929 года, подобрал в себя большую часть элементов этой тематики: «в колхозах всех пометят особой печатью, закроют все церкви, запретят молитвы, мертвых будут сжигать, детей не будут крестить, стариков и инвалидов будут убивать, не будет больше ни мужа, ни жены, всех заставят спать под одним стометровым одеялом, детей отделят от родителей, брат будет жить с сестрой, сын с матерью, отец с дочерью. Колхоз — это когда весь скот под одним навесом, а люди в одном бараке» (цит. по: *Viola L. Peasant Rebels...* P. 59).

25. Тема «избиения» всех коммунистов в различных вариантах (в том числе с явно библейскими мотивами, упоминающими «отряды белых всадников», предающих мечу коммунистов и колхозников) встречается в очень

многих регионах См.: *Ивницкий Н.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972. С. 106 сл., а также многочисленные сборники документов по коллективизации, опубликованные в различных регионах в 60–70-х годах XX века, напр.: Коллективизация сельского хозяйства в Северо-западном районе. Л., 1970; Коллективизация сельского хозяйства Центрального промышленного района. Горький, 1973; Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе. Смоленск, 1968; Коллективизация сельского хозяйства Урала. Пермь, 1983 и др.

26. *Fitzpatrick S.* Op. cit. P. 67–68.

27. *Ibid.* P. 46.

28. ГА РФ. 1235/2/1348.

29. *Fitzpatrick S.* Op. cit. P. 291–294; *Davies S.* Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941. Cambridge: University Press, 1997. P. 94, 116–117, 176–177.

30. Согласно сводкам НКВД, существовало по крайней мере пять вариантов этой легенды, ходившей во многих районах Саратовщины, зачастую отстоявших друг от друга на сотни километров, см.: *Осокина Е.* За фасадом «Сталинского изобилия». М.: РОССПЭН, 1998. С. 205–206.

31. *Поляков Ю., Жиромская В., Киселев И.* Полвека молчания: Всесоюзная перепись населения 1937 г. // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 68.

32. Речь идет о Максиме Литвинове (1876–1951), народном комиссаре иностранных дел СССР в 1930 – мае 1939 г.

33. ГА РФ. 1562/329/143/51–68.

34. См. напр.: «Смоленский архив», ВКР, 362/240 (сообщение НКВД об инцидентах, имевших место на собраниях, посвященных международной обстановке в Бельском районе, 16 июля 1937 г.).

35. Сообщение о настроениях населения информотдела Ленинградского обкома партии приводило в марте 1939 года этот, считавшийся «пораженческим», анекдот, ходящий по городу: «В Германии у каждого рабочего своя машина. А у нас их целых две: “воронок” и “скорая помощь”». См.: *Davies S.* Op. cit. P. 97.

36. См. прим. 17.

37. *Горинев М.* Динамика настроений москвичей: 22 июня 1941 г. – май 1942. Рабочий документ, представленный на V Съезде ICEES, Варшава, 6–11 августа 1995. См. также: *Werth N., Moulecc G.* Op. cit. P. 228–230. (Доклад организационно-инструкторского отдела Московского обкома партии о некоторых нездоровых настроениях среди рабочих и служащих Москвы, 6 сентября 1941 года).

38. Аналогичные явления, зачастую включающие в себя проявления насилия со стороны рабочих по отношению к руководству предприятий, упоминаются в некоторых тыловых городах при демонтаже и эвакуации заводов. О событиях в Иванове в октябре 1941 года см.: *Werth N., Moulecc G.* Op. cit. P. 230–238.

39. *Зубкова Е.* Мир мнений советского человека, 1945–1948 // Отечественная история. 1998. № 4. С. 29–30.

ГЛАВА 7

Великий голод 1932–1933 гг. на Украине*

По случаю семидесятой годовщины великого украинского голода, которая нас сегодня собрала, я бы хотел подчеркнуть, насколько вырос в последние годы уровень знаний об этой трагедии, которую так долго замалчивали. Доступ к долгое время закрытым источникам, таким как секретные постановления Политбюро или Центрального комитета Коммунистической партии Украины, переписка Сталина с его самыми близкими соратниками Молотовым и Кагановичем, донесения органов безопасности о положении в деревнях и особенно на имеющих стратегическое значение «фронтах заготовок» (Украина, Кубань, Поволжье), позволил проанализировать и лучше понять политические механизмы и степень ответственности высшего советского руководства за появление и распространение такого явления как голод на Украине и на Кубани¹. А также лучше оценить последствия украинского голода по сравнению с теми, которые в 1931–1933 годах имели место в ряде других регионов СССР: в Казахстане (1,1–1,4 миллиона погибших, или почти треть автохтонного казахского населения!), в Западной Сибири, в Поволжье (несколько сотен тысяч погибших)².

Прежде чем отметить значение недавних работ, посвященных голоду на Украине, отдадим дань пионерским трудам, которые пытались снять завесу молчания, окружавшую это чудовищное событие: нельзя не выделить роль, которую сыграла вышедшая в 1986 году книга «Урожай скорби» Роберта Конквеста, подчеркивавшего важность связи голода с национальным вопросом. Последний был всесторонне освещен на основании новых документов усилиями американского историка Терри Мартина³. Напомним также работы Джеймса Мейса, опубликованные до открытия советских архивов⁴, такие как свиде-

* La grande famine ukrainienne de 1932–1933., Communication présentée au colloque «La famine ukrainienne: 70 ans après», tenu en Sorbonne (texte non publié). Текст выступления автора на конференции в Сорбонне в 2003 г.

тельства жертв голода, собиравшиеся с пятидесятих годов Украинской ассоциацией жертв террора⁵.

В свете последних исследований, сегодня мы можем проследить процесс принятия политических решений, последовательность развития событий, приведших к голоду 1932–1933 годов на Украине. Именно эти процессы я попытаюсь резюмировать здесь, прежде чем упомянуть новый источник по истории голода — сообщения органов безопасности о положении в деревне и в качестве заключения поделью размышлениями о специфике украинского случая как примера массового преступления.

В 1931 году государственными заготпунктам удалось с весьма низкого урожая (69 миллионов тонн) собрать рекордный объем зерна в 23 миллиона тонн, из которых более 5 миллионов пошло на экспорт. Из-за неурожая в Западной Сибири и Казахстане, основной удар был нанесен по Украине, Северному Кавказу и Центрально-Черноземному району. Так, на Украине было изъято 42 % урожая, что привело к дезорганизации производственного цикла, уже серьезно нарушенного насильственной коллективизацией и раскулачиванием. Для выполнения плана 1931 года многие колхозы были вынуждены сдать государству часть семенного фонда, необходимого для посевов, тем самым, ставя под угрозу свое будущее. С февраля–марта 1932 года в сообщениях секретно-политического отдела ОГПУ советскому руководству, упоминалось об «отдельных случаях продзатруднений»⁶, что подтверждал и первый секретарь ЦК украинской компартии С. Косиор в письме, отправленном 26 апреля 1932 года Сталину. По мнению Косиора, эти «отдельные случаи и даже отдельные села голодающие (...) результат местного головоутияства, перегибов, особенно в отношении колхозов. Всякие разговоры о “голоде” на Украине нужно категорически отбросить»⁷. В течение следующих недель, совпадавших с традиционным перерывом между урожаями, ситуация со снабжением значительно ухудшилась, причем до такой степени, что Г. Петровский, председатель ЦИК Украины, и В. Чубарь, глава украинского правительства решили 10 июня 1932 года адресовать, каждый со своей стороны, длинное письмо Сталину и Молотову, в котором описывали ставшую критической ситуацию в украинских деревнях. «Сейчас уже можно считать минимум 100 районов (вместо 61, считавшихся к началу мая), нуждающихся в продовольственной помощи, — писал Чубарь. — Я был во многих селах и везде видел, что порядочная часть села охвачена голодом (...) Бабы плачут, а бывает и мужики. Иногда критика создавшегося положения заходит очень глубоко и широко — зачем создали искусственный голод, ведь у нас был урожай; зачем

посевматериал забирали — этого не было даже при старом режиме»⁸. Чубарь, как и Петровский, объяснял ситуацию «перегибами», «головокружением от успехов» местных чиновников, забывая о том, что те повиновались четкому указанию — выполнить план любой ценой. Украинские руководители указывали на опасность проводимой в отношении деревни политики: если мужик ослабеет настолько, что не сможет работать, урожай 1932 года будет катастрофическим. Чубарь требовал срочной помощи. Впрочем, достаточно скромной: в миллион пудов (16 тысяч тонн) зерна. Петровский осмелился просить чуть больше: полтора-два миллиона пудов (24–32 тысячи тонн)⁹.

Эти просьбы остались без ответа. Неделями позже (18 июня 1932 года) Сталин делится Кагановичем своими впечатлениями: по его мнению, положение на Украине — результат «механистического отношения к последнему заготовительному плану... В расчет не приняли реальное положение каждого колхоза»¹⁰. Впрочем, речи о том, чтобы скорректировать план на 1932 год, объяснял он, не шло. 21 июня Сталин и Молотов посылают руководству Украинской компартии очень жесткую телеграмму, напоминающую, что не может быть речи о снижении плана поставок колхозами и совхозами, и им не будет предоставляться никакая дополнительная отсрочка¹¹.

На III конференции украинской компартии, собравшейся вскоре в Харькове (6–10 июля), подавляющее большинство выступавших (секретари райкомов и обкомов) назвали «нереальным» план заготовок, навязанный Москвой. Тем не менее, под давлением Молотова и Кагановича, поспешивших в Харьков и грубо вмешивавшихся в дискуссию, заявляя, что «любая попытка снизить план есть антипартийный и антибольшевистский поступок», делегаты конференции утвердили план Москвы на 1932 год: Украина должна поставить 356 миллионов пудов зерна (или приблизительно 6 миллионов тонн)¹².

Открытое противодействие со стороны украинского руководства, очевидно, не осталось незамеченным Сталиным, что подтверждает недавно опубликованная переписка генерального секретаря с Кагановичем. В июле 1932 года, в первый месяц заготовок по новому плану, «хлеб не пошел»: к концу июля было поставлено всего 48 тысяч тонн, то есть в семь раз меньше, чем в июле 1931 года¹³! 11 августа Сталин направил Кагановичу длинное письмо, имеющее первостепенное значение для понимания истории украинского голода, в котором он, в частности, писал: «Самое главное сейчас Украина. Дела на Украине из рук вон плохи. Плохо по партийной линии. Говорят, что в двух областях Украины (кажется, в Киевской и Днепропетровской) около 5-ти райкомов высказались против плана хлебазаготовок, признав

его нереальным. В других райкомах обстоит дело, как утверждают, не лучше. На что это похоже? Это не партия, а парламент, карикатура на парламент. Вместо того, чтобы руководить районами, Косиор все время лавировал между директивами ЦК ВКП и требованиями райкомов и вот — долавировался до ручки... Плохо по линии советской. Чубарь — не руководитель. Плохо по линии ГПУ. Реденсу не по плечу руководить борьбой с контрреволюцией в такой большой и своеобразной республике как Украина. Если не возьмемся теперь же за выправление положения на Украине, Украину можем потерять. Имейте в виду, что Пилсудский не дремлет, и его агентура на Украине во много раз сильнее, чем думает Реденс или Косиор. Имейте также в виду, что в Украинской компартии (500 тысяч членов, хе-хе) обретаются немало (да, немало!) гнилых элементов, сознательных и бессознательных петлюровцев, наконец — прямых агентов Пилсудского. Как только дела станут хуже, эти элементы не замедлят открыть фронт внутри (и вне) партии, против партии. Самое плохое это то, что украинская верхушка не видит этих опасностей»¹⁴. Далее Сталин предлагал Кагановичу возглавить украинскую партию, заменить на посту главы ГПУ Украины Реденса Балицким, уволить Чубаря.

Письмо Сталина завершалось следующим образом: «Поставить себе целью превратить Украину в кратчайший срок в настоящую крепость СССР, в действительно образцовую республику. Денег на это не жалеть. Без этих и подобных им мероприятий (хозяйственное и политическое укрепление Украины, в первую очередь — ее приграничных районов и т. п.), повторяю — мы можем потерять Украину».

Для Сталина Украина уязвима, но не из-за неминуемого голода, который угрожает смертью миллионам украинцев, она уязвима политически. Она выглядит слабым звеном системы. Сталин не забыл, что за два года до того советский режим на несколько недель потерял контроль над сотней граничащих с Польшей округов, в которых проходили наиболее массовые выступления против насильственной коллективизации деревни; что на одной только Украине имело место более 6500 массовых выступлений и беспорядков, зарегистрированных ОГПУ в марте 1930 года; что восставшие украинские крестьяне шли с откровенными лозунгами «Ще не вмерла Украина!». Требовалось вмешательство из центра, которое заключалось бы в подчинении украинского крестьянства целям общего развития СССР, то есть, в обозримом будущем, в выполнении в четкие сроки первого пятилетнего плана. А ведь тот основывался на программе экспорта сельскохозяйственной продукции; в этом контексте ежегодная кампания по заготовкам, по выражению С. Кирова, одного из самых близких

соратников Сталина, выглядела «пробным камнем нашей силы или слабости, силы или слабости наших врагов»¹⁵.

На «фронте заготовок» сентябрь и октябрь 1932 года стали катастрофой. В сентябре месячные планы были выполнены на Украине лишь на 32 %, на Северном Кавказе на 28 %. В октябре темпы поставок снизились еще более: 25 октября на Украине было собрано лишь 22 % от месячного плана, на Северном Кавказе меньше 18 %¹⁶. В донесениях секретно-политического отдела (СПО) ОГПУ описывались многочисленные уловки, к которым прибегали крестьяне, зачастую в стоворе с колхозной администрацией, чтобы утаить часть урожая от государственных заготпунктов: только что собранное зерно зарывали в яму, прятали в «черных амбарах» (подпольные хранилища, рассеянные за деревенской околицей), мололи на «ручных мельницах», расхищали во время транспортировки к элеваторам или в момент взвешивания; детей, женщин и стариков, к которым, как крестьяне считали, закон будет более снисходителен, посылали ночью стричь колоски (таких на селе не без юмора называли «парикмахеры»). Именно с этим сопротивлением, с этим «кулацким вредительством» собиралось покончить Политбюро, решившее 22 октября направить на Украину и на Северный Кавказ две «чрезвычайные комиссии», одну из которых возглавлял Вячеслав Молотов, другую Лазарь Каганович. В течение трех решающих месяцев (конец октября 1932 — конец января 1933 годов) эти комиссии, в которые входило высшее руководство ОГПУ, сыграли ключевую роль в увеличении масштабов голода. Исключительно важные, ныне доступные нам источники, — телеграммы, посылавшиеся обоими «уполномоченными» Сталину; телеграммы, которыми они обменивались с руководством украинской компартии; речи, которые Молотов и Каганович произносили перед местными партийными и колхозными руководителями; путевой дневник Лазаря Кагановича¹⁷ — позволяют подробно рассмотреть политические, и идеологические аргументы посланников Сталина, эскалацию репрессивных мер, все более широкое использование голода для подавления сопротивления украинского крестьянства.

29 октября, перед отъездом в Ростов-на-Дону, Каганович представил Политбюро «Проект постановления», определяющий цели его миссии на Северный Кавказ. Эта цель — «усилить заготовки», то есть «принять все меры по слову саботажа сева и хлебозаготовок, организованного контрреволюционными кулацкими элементами»¹⁸. Прибыв в Ростов 1 ноября, Каганович объявил, выступая на заседании бюро крайкома, что «мы не можем пойти на скрупулезные расчеты баланса хлеба. Нас обманут в том случае, это будет означать

отказ от заготовок. Проблему хлебозаготовок надо решать в борьбе с контрреволюционными кулацкими элементами»¹⁹. Из Краснодара Каганович 5 ноября писал Сталину: «Контрреволюционеры сидят спокойно. Да и обстановка, и наша негодная работа, т. е. работа местных организаций, либерализм, бездействие и оппортунизм благоприятствуют созданию антисоветских организаций... Во всяком случае, главная задача здесь сейчас — это сломить саботаж, несомненно, организованный и руководимый из единого центра... Сейчас еду из Краснодара в станицы. Думаю направиться в самую злостную, Полтавскую, где имеется 400 человек учителей, врачей и техников + полковники, есаулы и т. п.»²⁰ Миссия Кагановича и Молотова (который выступал с аналогичными заявлениями, едва прибыв в Харьков, а затем во время поездки в Одесскую и Днепропетровскую области) походила на настоящую военную кампанию против восставших. Сотни отрядов «активистов» и «уполномоченных» с неясными компетенциями при поддержке агентов ОГПУ были направлены в деревни, «изымать хлеб».

Среди первых мер, принятых Молотовым и Кагановичем, фигурирует приостановка снабжения промтоварами районов, не выполнивших план. Самые «злостные» станицы заносились на «черную доску». Занесение в черный список влекло за собой прекращение поставок продовольственных и промышленных товаров, закрытие магазинов, полную остановку торговли, прекращение всякого рода кредитования и досрочное взыскание кредитов и других финансовых обязательств, исключительно высокое обложение (а конкретнее полная конфискация последних крестьянских припасов), массовые аресты всех «саботажников плана по заготовкам». Количество арестов на Украине и Северном Кавказе росло лавинообразно: 20 000 — в ноябре только за «саботаж хлебозаготовок», более 30 000 — за «хищение колхозного и общественного имущества» (каравшееся согласно закону, принятому 7 августа 1932 года, десятью годами лагерей и даже смертной казнью); 72 000 — по этим двум пунктам обвинения в декабре²¹. В ходе арестов, проводимых «заготовительными отрядами», были открыты тысячи тайников с зерном. Тем не менее, согласно данным самого Всеволода Балицкого, нового шефа ГПУ Украины, результаты «охоты» были удручающими: едва десяток тысяч тонн зерновых — или 0,2 % плана заготовок²²! С осени 1932 года стало очевидно, что украинские деревни лишены своих последних запасов. Из деревенских магазинов исчезли последние продукты. Последний этап эскалации репрессий: коллективная депортация всех жителей «злостных» деревень, «вступивших в войну с советской властью», как заявил 6 ноября

1932 года Каганович, выступая перед жителями станицы Медведовская. Несколькими неделями позже за невыполнение навязанного им нереального «плана заготовок» все жители трех крупных кубанских станиц (Медведовская, Урупская, Полтавская), более 45 000 человек были коллективно высланы в Сибирь, на Урал и в Казахстан²³.

Целью этих принудительных мер было также подавить сопротивление со стороны некоторых руководителей украинской компартии и заставить их выполнить любой ценой план по заготовкам. Особенно показательна в этом смысле переписка Молотова и Хатаевича, первого секретаря Днепропетровского обкома. Последний в письме, направленном Молотову 23 ноября 1932 года, пытался объяснить, что экономически нецелесообразно лишать колхозы последних запасов: «для того чтобы производство хлеба увеличивалось соответственно нуждам и потребностям пролетарского государства, мы должны заботиться о том, чтобы основные производственные и потребительские нужды колхозов и колхозников были удовлетворены, иначе они сеять и расширять производство не будут». «Ваша позиция, — отвечал Молотов в тот же день, — в корне неправильна, небольшевистская. Нельзя большевику отодвигать удовлетворение нужд — *минимальных* нужд, по строго и неоднократно проверенному партией решению — нужд государства на десятое и даже на второе место, на удовлетворение этих нужд из колхозных и других «озадков». Большевик, продумав и проверив их размер и обстановку в целом, должен поставить удовлетворение нужд пролетарского государства во первоочередном порядке»²⁴.

Роковые меры, обрекшие десятки миллионов украинских крестьян на голод, были приняты во второй половине декабря 1932 года. 19 декабря Политбюро потребовало «усиления заготовок». Каганович в сопровождении десятка руководителей партии и ОГПУ отправился в качестве «уполномоченного» на Украину с задачей «занять стратегические области» и принять все меры к выполнению плана заготовок до 15 января 1933 года²⁵. Несколько дней спустя Каганович в письме Сталину из Одессы предложил отменить постановление украинской компартии, которым предусматривалось, что только облисполком может в исключительных случаях дать указание о конфискации «семенного фонда» колхозов и его включении в обязательные поставки государству²⁶. Заручившись согласием Сталина, Каганович 29 декабря навязал эту меру руководству КП(б) Украины. Последняя уступила в еще одном важном пункте: колхозы, не выполнившие «план по заготовкам», обязаны в пятидневный срок отдать свои семенные фонды, последние запасы, позволяющие обеспечить будущий

урожай, пусть даже минимальный, или оказать помощь голодающим колхозникам²⁷. Тремя днями позже, 1 января 1933 года руководство украинской компартии приняло резолюцию, в которой оговаривалось, что все колхозники и единоличники, у которых найдут «укрытые запасы», будут приравнены к «расхитителям социалистической собственности» и осуждены «по всей строгости закона от 7 августа 1932 года». Репрессии вышли на новый уровень.

7–12 января 1933 года в Москве состоялся пленум Центрального комитета, важное ежегодное событие, собиравшее руководство партии. В своем выступлении Сталин признал, что, несмотря на то, что в 1932 году урожай был в целом лучше, чем годом ранее, заготовительная кампания прошла с немалыми трудностями. Последние явились следствием «подрывной работы», проводимой «враждебными элементами, проникшими в колхозы», «потери боеспособности сельскими коммунистами», их «немарксистским отношением к коллективному сельскому хозяйству»²⁸. Как и все выступавшие, руководители украинской компартии, в том числе и те, кто пытался сопротивляться давлению Москвы, воспевали «триумф социализма» и «грандиозный успех первого пятилетнего плана, выполненного за 4 года и 3 месяца», обходя молчанием реальное положение дел на Украине.

В то же самое время, когда проходил пленум, исход крестьян из голодающих районов принял массовый характер. Для руководства ОГПУ этот исход был «сознательно организован контрреволюционными организациями». «Мы арестовали за неделю 500 подстрекателей, подговаривавших крестьян к уходу», писал Всеволод Балицкий Генриху Ягоде, главе ОГПУ²⁹. 22 января 1933 года Сталин лично составил секретную директиву «о предотвращении массового выезда голодающих крестьян», в которой предписывалось немедленно положить конец массовому исходу крестьян, бежавших с Украины и Кубани «за хлебом». «ЦК ВКП и Совнарком СССР», — писал Сталин, — не сомневаются, что этот выезд крестьян, как и выезд из Украины в прошлом году, организован врагами Советской власти, эсерами и агентами Польши с целью агитации “через крестьян” в северных районах СССР против колхозов и вообще против Советской власти»³⁰. В тот же день Генрих Ягода направил областным руководителям ОГПУ циркуляр, в котором предписывалось ставить, особенно на вокзалах и железных дорогах, специальные заслоны или опергруппы, которые должны были задерживать «беглецов» с Украины и Северного Кавказа. После «фильтрации» арестованные «кулацкие и контрреволюционные элементы», «лица, распространяющие к/р слухи о так называемых продовольственных трудностях», а также все те, кто от-

казывался вернуться домой, должны были быть арестованы и депортированы в «спецпоселения» (или, «самые злостные», отправлены в лагерь). Других беглецов предписывалось возвращать на место, что обрекало их на неминуемую смерть в деревнях, охваченных голодом и полностью предоставленных своей судьбе без продовольственной помощи извне³¹.

На следующий день, 23 января, распоряжение, направленное на воспрепятствование бегству голодающих (и распространению новостей о голоде, существование которого отрицалось властями), было дополнено директивами о приостановлении продажи железнодорожных билетов крестьянам³². В последнюю неделю января 1933 года арестовали около 25 000 беглецов. Спустя два месяца после начала операции было задержано более 225 000 человек, из которых 85 % отправили домой³³. Ежедневные донесения ОГПУ «О мероприятиях по прекращению массового выезда крестьян», направлявшиеся напрямую Сталину и Молотову, разумеется, умалчивают о физическом состоянии задержанных.

Редкие, очень интересные документы относительно того, что происходило в голодающих украинских деревнях, составленные руководством ГПУ Украины, относятся к периоду с февраля по июль 1933 года, когда голод достиг апогея. Уточним сразу относительную скудость этих источников. В этом отношении показательны инструкции, данные Всеволодом Балицким своим подчиненным: «Информировать о вопросах, связанных с прод. затруднениями, только первых секретарей обкомов и только устно, после тщательной проверки передаваемых сведений для того, чтобы наши записки не “бродили” по аппаратам и в свою очередь не стали источниками различных слухов (...) а также не составлять специальных докладных записок для ГПУ Украины, а информировать только меня своими личными письмами»³⁴. Документы, открытые в Центральном архиве ФСБ³⁵ (интересно сравнить их с другими внутренними донесениями по данному сюжету, написанными чиновниками различных уровней, более красноречивыми, демонстрирующими, что «тайна» голода была секретом Полишинеля³⁶), отражают полицейское представление о «продовольственных трудностях», которые приписывались саботажу, устроенному в сельском хозяйстве Украины кулацкими и контрреволюционными элементами, внедрившимися в колхозы, совхозы³⁷. Особенно показательными в этом смысле являются свидетельства главы днепропетровского ГПУ С. Крауклиса, касающиеся вскрытий, проводимых его службой для определения «точных причин смерти» голодающих (Действительно ли они умерли от голода? Не имела ли

место «вражеская провокация») или случаев каннибализма и поедания трупов, о которых рассказывается с равнодушием этнолога, описывающего «дикие нравы примитивного народа»³⁸.

Призрак восстания голодных крестьянских масс, об «антисоветских» настроениях которых систематически сообщали информаторы и агенты ОГПУ, ясно проявляется в донесениях руководства ОГПУ в Москву. Особенно пугающе ситуация в деревне выглядела в сводках выдержек из писем, написанных крестьянами и перехваченных бдительной цензурой³⁹. В разгар голода продолжались депортации десятков тысяч голодных крестьян, разрабатывались «грандиозные» планы депортации миллионов «кулацких, контрреволюционных и социально опасных элементов»⁴⁰ при одновременном усилении силового давления из страха перед крестьянскими восстаниями⁴¹.

Из донесений ОГПУ видно также, насколько условна бухгалтерия жертв голода: зачастую сотрудники сельских советов, сами голодающие из-за настоящей блокады целых районов за невыполнение «священных обязательств перед государством», не вели записи актов гражданского состояния; нередко были случаи, когда мертвецов не хоронили, даже в общих могилах⁴².

Среди других важных вопросов, поднятых этими новыми источниками, и вопрос о продовольственной помощи, предоставляемой некоторым регионам, затронутым голодом. Как показали недавние исследования⁴³, в период с января по июнь 1933 года, когда голод достиг наибольших масштабов, центральные власти приняли не менее 35 постановлений о помощи регионам, испытывающим «продовольственные трудности». Реально оказанная помощь составляла приблизительно 320 000 тонн, что в пересчете на 30 миллионов голодающих составляло лишь 10 килограммов зерна на человека, или едва 3 % общего среднегодового потребления крестьянина! В 1932 году СССР экспортировал 1 730 тысяч тонн зерновых; в 1933 — 1680 тысяч тонн. Кроме того, государственные запасы на начало 1933 года превышали 1 800 тысяч тонн⁴⁴. Какая часть этой смехотворной продовольственной помощи дошла до деревень? Без сомнения, минимальная, поскольку ее большая часть была направлена в города Украины и Северного Кавказа, также страдавшие от голода (Харьков за год потерял более 120 000 жителей, средние города, такие как Краснодар и Ставрополь, соответственно 40 000 и 20 000)⁴⁵. Инструкции Всеволода Балицкого «О мерах в связи с продовольственными трудностями» от 19 марта 1933 года уточняли, что срочная продовольственная помощь, предоставляемая «на классовой основе», предназначалась исключительно тем, «кто ее заслуживает, и в первую очередь колхоз-

никам с большим количеством трудодней, бригадирам, трактористам, семьям красноармейцев, колхозникам и единоличникам». По сути, в циркуляре Балицкого перечислялись репрессивные меры, которые должны были быть приняты против «к/р, антисоветских, кулацких и другие враждебных элементов, которые, как уже установлено в ряде случаев, пытаются использовать продтрудности в своих к/р целях, для сего они умышленно распространяют слухи о голоде, вымышляют различные нужды, подолгу не хоронят умерших»⁴⁶.

Весной 1933 года в донесениях ГПУ Украины чувствуется беспокойство по еще одному поводу: как добиться проведения посевной кампании в голодающих регионах? Вспоминается предупреждение, адресованное в ноябре 1932 года вторым секретарем украинской компартии Хатаевичем Молотову: «Скоро они сеять и расширять производство не будут». Несколько месяцев спустя это стало реальностью. Ослабшие колхозники, пережившие голод, с трудом, как не без цинизма признают авторы донесений, возвращались к работе: «те немногие, кто еще работает, не способны выполнять нормы, вследствие этого они получают недостаточно хлеба и начинают пухнуть»⁴⁷. Чтобы справиться с острой нехваткой рабочей силы на селе, власти мобилизовали часть городского населения, отправленного на поля⁴⁸, а затем приступили к массовым переселениям «колонистов» из других регионов СССР: в 1933–1934 годах в опустошенные голодом края было перемещено более 200 000 крестьян, причем в основном это были уволенные в долгосрочный отпуск красноармейцы.

Последний, упоминаемый в донесениях ОГПУ пункт касающийся положения в украинских и северо-кавказских деревнях в 1932–1933 годах — необычайное ожесточение, сопровождавшее голод. Оно выражалось всплеском сельского бандитизма и ростом насилия в повседневной жизни в мире, травмированном постоянным голодом: линчевания воров, в том числе детей, пойманных при попытке стащить несколько овощей с грядки; самосуды, устраиваемые самими крестьянами; пытки; вымогательства, брошенные дети; каннибализм и поедание трупов... Исключительное по своим масштабам насилие, которое режим и его представители осуществляли по отношению к населению, привел к тому, что его жертвы сами стали его проводниками.

В мае 2003 года парламент Республики Украина официально признал голод 1932–1933 годов геноцидом сталинского режима против украинского народа. Термин, которым сегодня на Украине пользуются для обозначения голода, *голодомор*, недвусмысленен: это результат слияния двух слов, голод и *морить* («убивать лише-

нием пищи, истощать»): таким образом, ясно акцентируется искусственный характер явления.

Не все историки, как русские и украинские, так и западные, занимавшиеся данным вопросом, единодушны в определении голода 1932–1933 годов как геноцида. Схематично можно выделить два основных течения. С одной стороны, историки, которые видят в голоде явление, искусственно организованное сталинским режимом для подавления сопротивления украинских крестьян колхозной системе и уничтожения украинской нации, которая представляла собой серьезное препятствие на пути трансформации СССР в империю нового типа с преобладающим влиянием России. Эти историки поддерживают тезис о геноциде. С другой стороны, есть историки, которые, признавая преступный характер сталинской политики, считают необходимым изучение всех случаев массового голода 1931–1933 годов (казахского, украинского, западносибирского и поволжского) как сложного явления, в котором помимо «имперских устремлений» Сталина сыграли важную роль многочисленные факторы — от геополитической ситуации до необходимости ускорения индустриализации и модернизации⁴⁹. Для этих историков термин «геноцид» к голоду 1932–1933 годов на Украине и Кубани неприменим. До последнего времени я сам был склонен разделять эту точку зрения⁵⁰. Недавние работы Терри Мартина, особенно его воспроизведение «национальной интерпретации» голода Сталиным, недавно рассекреченная переписка Сталина с Кагановичем, опубликованные Юрием Шаповалом и Валерием Васильевым документы, которые я здесь в изобилии цитировал, убедили меня в специфичности украинского голода по отношению к другим явлениям такого порядка 1931–1933 годов. Те являются прямыми, но непредвиденными, незапрограммированными последствиями политики, проводимой с конца 1929 года: насильственной коллективизации, раскулачивания, введения колхозной системы, конфискации урожая и скота. До лета 1932 года украинский голод имеет те же причины, но с лета 1932 года, как только Сталин решает намеренно увеличить его масштабы, чтобы наказать украинских крестьян, сопротивлявшихся «новому крепостному праву» его характер меняется. Крестьян наказали тяжелее всех — голодом и мучительной смертью миллионов человек. Другому виду репрессий, на этот раз полицейских, одновременно подверглись местные чиновники, интеллигенция, которых арестовывали и сажали в тюрьмы. В декабре 1932 года двумя тайными постановлениями Политбюро на Украине — и только на Украине — был положен конец политике «коренизации» кадров,

проводимой с 1923 года во всех федеративных республиках; украинский «национализм» перестал существовать⁵¹.

Ныне, основываясь на новых данных, мне кажется справедливым квалифицировать как геноцид действия сталинского режима, направленные на наказание голодом и террором украинского крестьянства, действия, следствием которых стала гибель более 4 миллионов человек на Украине и Северном Кавказе.

Тем не менее, *голодомор* сильно отличался от холокоста. Речь не шла о полном уничтожении украинского народа. Он не основывался на прямом убийстве своих жертв. Он разрабатывался, исходя из политических, а не этнических или расовых соображений. Тем не менее, по количеству жертв голодомор, рассматриваемый в историческом контексте, единственное событие XX века в Европе, которое можно было бы сравнить с двумя другими геноцидами: геноцидом армян и Холокостом.

Примечания

1. Среди наиболее значимых из последних работ, вышедших в последнее время, и использующих в том числе эти источники, упомянем: третий том (1930–1933 гг.) монументального труда «Трагедия советской деревни» под ред. В. П. Данилова, опубликованный в 2001 году издательством РОССПЭН; переписку Сталина и Кагановича (под ред. Олега Хлевнюка, опубликованную в 2001 году издательством РОССПЭН), а также четыре сборника документов под редакцией С. В. Кульчицкого: Голод 1932–1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. Киев, 1990; он же. Голодомор 1932–1933 рр. в Україні: причини і наслідки. Киев, 1993; он же. Колективізація і голод на Україні, 1929–1933. Киев, 1993; он же. Україна між двома війнами (1921–1939). Киев, 1999; *Шаповал И., Васильев В.* Командіры Великого голоду: поїздки В. Молотова і Л. Кагановича в Україну та на Північний Кавказ, 1932–1933. Киев, 2001. Вспомним также имеющий важное значение сборник переписки итальянских дипломатов, опубликованный Андреа Грациози: *Graziosi A.* Lettres de Kharkov: la famine en Ukraine et dans le Caucase du Nord à travers les rapports des diplomates italiens, 1932–1934 // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 30 (1–2), janvier–juin 1989 (на ит.: Lettere da Kharkov, La carestia in Ucraina e nel Caucaso del Nord nei rapporti dei diplomatici italiani, 1932–1933. Turin, 1991).

2. О голоде в Казахстане см.: *Абылхожин З. Б., Алдазуганов К. С., Козыбаев М. К.* Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства. Алма-Ата, 1992; *Ohayon I.* Du nomadisme au socialisme. Sédentarisation, collectivization et acculturation des Kazakhs en URSS, 1928–1945. Paris: Maisonneuve, 2006; *Мальшева М. К., Познанский В. С.* Казаки-беженцы от голода в Западной Си-

бири, 1931–1934. Алматы, 1999; *Иваницкий Н. А.* Репрессивная политика советской власти в деревне. 1928–1933. М., 2000.

3. *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2001.

4. *Mace J.* Communism and the Dilemmas of National Liberation: National Communism in Soviet Ukraine, 1918–1933. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

5. The Black Deeds of the Kremlin. A White Book, vol. 2: The Great Famine in Ukraine in 1932–1933. Detroit, 1955.

6. ЦА ФСБ 2/10/53/42–50.

7. Голод 1932–1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. Кульчицкий С. В. (ред.). Киев, 1990. С. 147–148.

8. РГАСПИ. 82/2/139/162–165.

9. Письма Чубаря и Петровского входят в сборник Ю. Шаповала и В. Васильева, Командіры... Цит. соч. (прим. 1). С. 206–215

10. РГАСПИ. 81/3/99/67–68.

11. Шаповал Ю., Васильев В. Цит. соч. С. 93.

12. О III Партконференции КП(б)У см. статью, которую посвятил этому «прологу к трагедии голода» Юрий Шаповал в работе, цитировавшей в прим. 1 (Командіры...), сс. 152–178.

13. Шаповал Ю., Васильев В. Цит. соч. С. 98.

14. Сталин — Каганович. Переписка. О. В. Хлевнюк (ред.). М.: РОССПЭН, 2001. С. 273–274.

15. На фронте сельскохозяйственных заготовок. 1932. № 11. С. 1.

16. Шаповал Ю., Васильев В. Цит. соч. С. 104.

17. См. документы, собранные Ю. Шаповалом, В. Васильевым. Цит. соч. С. 204–367.

18. РГАСПИ. 81/3/214/214.

19. РГАСПИ. 81/3/214/8.

20. РГАСПИ. 558/11/740/180.

21. Шаповал Ю., Васильев В. Цит. соч. С. 125 (об арестах за саботаж заготовок). Количество осужденных за «хищение общественного имущества» рассчитывается по данным докладной записки председателя Верховного Суда СССР А. Н. Винокурова о практике применения закона от 7 августа 1932 года (ГА РФ. 1235/141/1005/67–91).

22. См. оперативное сообщение о конфискации хлеба, украденного и украденного на Кубани от 10 ноября 1932 г. в: Bulletin de l'ИНТР. № 81–82. 2003. P. 203–205.

23. *Осколков Е. Н.* Голод 1932–1933 в зерновых районах Северо-Кавказского края // Голодомор 1932–1933 гг. в Украине: причины и наследки. Международная конференция. Киев, 1995. С. 120–121.

24. РГАСПИ. 82/2/141/7476.

25. РГАСПИ. 17/3/912/54.

26. РГАСПИ. 81/3/232/62.

27. РГАСПИ. 81/3/215/25–33.

28. РГАСПИ. 17/2/514, вып. 1, 6–9.

29. АПРФ. 3/30/189/3–10.

30. РГАСПИ. 558/11/45/109.

31. Директива ОГПУ № 50031 от 22 января 1933 г. ЦА ФСБ. 2/11/6/51–52.

32. РГАСПИ. 17/42/80/9.

33. Докладная записка ОГПУ № 50145 «О мероприятиях по прекращению массового выезда крестьян» от 25 марта 1933 г. // Bulletin de l'ИНТР. № 81–82. 2003. P. 246.

34. Телеграмма В. Балицкого Г. Ягоде от 22 марта 1933 г. ЦА ФСБ. 2/11/3/12–14.

35. Публикуются в сборнике документов под редакцией В. П. Данилова «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД». Т. III/2 (1932–1934). Подборку этих документов в переводе на французский язык с комментариями Н. Верта можно найти в «Bulletin de l'ИНТР». № 81–82. 2003. P. 340.

36. См., напр., донесения работников ЦИК с мест, охваченных голодом в: *Werth N., Moullec G.* Rapport secrets soviétiques. La société russe dans les documents confidentiels, 1921–1991. Paris: Gallimard, 1995. P. 152–159.

37. См. письмо В. Балицкого руководителям местных отделений ГПУ от 19 марта 1933 г. ЦА ФСБ 2/11/971/145–147.

38. Письмо С. Крауклиса В. Балицкому от 5 марта 1933 года (ЦА ФСБ 2/11/56/207/209); письмо руководителя киевского ГПУ В. Балицкому от 12 марта 1933 года (ЦА ФСБ 2/11/971/131–133). Он пишет в том числе: «В ряде случаев, людоедство переходит даже “в привычку”. Имеются факты, когда отдельные лица, замеченные в людоедстве в прошлом году, употребляют в пищу человеческое мясо и сейчас, для чего совершают убийство детей, знакомых и просто случайных людей. В пораженных людоедством селах с каждым днем укрепляется мнение, что возможно употреблять в пищу человеческое мясо. Это мнение распространяется особенно среди голодных и опухших детей» (В. П. Данилов, А. Берелович (ред.). Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ. НКВД 1918–1939. М.: РОССПЭН. Т. 3. Книга 2. 2005. С. 332).

39. См., напр., сводку (от 1 марта 1933 года) выдержек из писем, отправленных молодым красноармейцам, проходящим службу в Северо-Кавказском военном округе, перехваченных военной цензурой. ЦА ФСБ. 2/11/56/51–64.

40. См., напр., план депортации в Сибирь и Казахстан 2 миллионов человек, предложенный в начале февраля 1933 года Сталину руководителем ОГПУ Генрихом Ягодой и шефом Гулага Матвеем Берманом. Что касается этого проекта и его частичного осуществления, позволило себе отослать читателя к моей последней работе: *L'ile aux cannibales. 1933, une deportation-abandon en Sibirie.* Paris: Perrin, 2006.

41. См. протокол заседания Политбюро ЦК от 12 марта 1933 года, в ходе которого было решено расширить полномочия украинского ГПУ в области «борьбы с массовыми волнениями» и «расширения применения высшей меры социальной защиты» (смертной казни // РГАСПИ. 17/162/14/89–96.

42. См.: ЦА ФСБ. 2/11/880/1–3; там же, 2/11/971/112–118.

43. *Davies R. W., Tauger M. B., Wheatcroft S.* Stalin, Grain Stocks and the Famine of 1932–1933 // *Slavic Review*. 1995/3. P. 642–657; *Гинзберг Л. И.* Массовый голод в сочетании с экспортом хлеба в начале 1930 годов. По материалам особых папок Политбюро // *Вопросы истории*. 1999. № 10. С. 36–52.

44. См. предисловие Зеленина И. Е. к третьему тому сборника документов под ред. В. П. Данилова «Трагедия русской деревни». Цит. соч. (прим. 1). С. 7–47.

45. Васильев В., Шаповал Ю. Цит. соч. С. 104–105. О том, что лишь незначительная часть выделенной помощи действительно достигала пунктов, охваченных голодом, сошлемся на примере Казахстана на письмо видного казахского политического деятеля Турара Рыскулова Сталину от 9 марта 1933 года. Перевод и комментарии см. в: *Werth N.* Une famine méconnue: la famine kazakh de 1931–1933 // *Communisme*. № 74–75. 203. P. 8–42.

46. Письмо В. Балицкого от 19 марта 1933 года, см. прим. 37.

47. Доклад полномочного представителя Северо-Кавказского ГПУ о продовольственных затруднениях в Ейском округе от 21 апреля 1933 года. ЦА ФСБ. 2/11/56/95–98.

48. Вот что писал по этому поводу (20 июля 1933 года) консул Италии в Харькове: «Мобилизация городских сил приняла неслыханные масштабы. [...] На этой неделе в село направили по меньшей мере 20 тысяч человек. [...] Позавчера окружили рынок, взяли всех трудоспособных людей, мужчин, женщин, подростков обоего пола отвели на вокзал под охраной ГПУ и отправили на поля» (*Graziosi A.* *Lettres de Kharkov...* Art. cit. P. 77).

49. По развитию историографии голода на Украине см. увлекательную статью Андреа Грациози: *Graziosi A.* Les famines soviétiques de 1931–1933 et le *Holodomor* ukrainien. Une nouvelle interprétation est-elle possible et quelles en seraient les conséquences? // *Cahiers du monde russe*. Vol. 46/3, juillet–septembre 2005. P. 453–472.

50. Позволю себе отослать читателя к своей статье «Comment Staline a-t-il affamé l'Ukraine?» // *L'Histoire*. № 188. P. 78–86 и к главе «La grande famine» в: *Livre noire du communisme*. Paris: R. Laffont, 1997. P. 43–295.

51. См.: *Martin T.* Op. cit. Chap. VII. P. 273–308.

ГЛАВА 8

«Примитивные бунты» в СССР*

В сентябре 1947 года Сталин получал от министра внутренних дел Сергея Круглова тревожные сообщения о росте сельского бандитизма в некоторых областях Центральной России (Тамбовской, Воронежской, Орловской) и Украины. Банды вооруженных людей нападали на ссыпные пункты, в которых хранился колхозный урожай, собранный в рамках «обязательных поставок государству», на грузовики, перевозившие зерно, на сельские кооперативные магазины. Эти акции, отмечалось в донесениях МВД, отличал ряд особенностей: награбленное часто распределялось бандитами, которые называли себя «мстителями», между колхозниками. Многие нападения в действительности симулировались; у грабителей, очевидно, были сообщники среди шоферов грузовиков, трактористов, сторожей и даже колхозного правления.

В то же время бандиты проявляли необычайную жестокость по отношению к работникам, которые пытались выполнить «колхозные обязательства перед государством»: их не только убивали, но и сам способ убийства отличался особой демонстративностью: труп уродовали до неузнаваемости, а рядом с жертвой подчеркнуто клали официальные документы, касающиеся планов по поставкам.

Ликвидация этих банд, которые, как правило, насчитывали не более десяти человек, была особенно трудной, поскольку они пользовались поддержкой местного населения. Многие из них попадали в руки милиции только тогда, когда покидали свою территорию и нападали на магазины и зернохранилища в райцентрах или даже на окраинах крупных городов¹.

Это явление послевоенного сельского бандитизма интересно во многих отношениях. В качестве индикатора настроений в советской деревне в контексте неурожая (и местами голода), слухов о буду-

* Les «rebelles primitives» en URSS // *Communisme*. 2002. № 71–72 (numéro special: Histoire soviétique. Nouvelles archives et renouveau historiographique). P. 57–87.

шем роспуске колхозов и ожесточения, вызванного четырьмя годами войны. В качестве последней волны крестьянского сопротивления, дважды достигавшего апогея: в ходе гражданской войны и в первой половине 30-х годов вследствие насильственной коллективизации деревни и раскулачивания. В качестве замечательного примера «примитивного бунта», как его определил историк Эрик Хобсбаум в своем фундаментальном труде «Примитивные бунтари»².

В послесловии к последнему изданию работы «Бандиты»³ Эрик Хобсбаум остановился на дискуссии вокруг его труда, высказывая сожаление о «вульгаризации» концепции «социального бандитизма», согласно которой любая форма бандитизма является проявлением «примитивного бунта». Приведем здесь предложенное Эриком Хобсбаумом разграничение между «социальными бандитами», единственными аутентичными проводниками «примитивного бунта» — преступившими закон крестьянами, принадлежащими сельской общине, которая считает «мстителей», нападающих на представителей власти, навязывающей деревне свой контроль, борцами за права угнетенных, и «обыкновенными бандитами», оторванными от корней, действующими вне своей среды, действия которых осуждаются обществом. Понятно, что линия водораздела между этими двумя типами бандитизма — именно это стало основной мишенью для критики модели «примитивных бунтов» Хобсбаума — часто размыта. В смутное время — а данное явление достигало наибольших масштабов в момент социальных и политических потрясений, революций, войн, таких кризисов в сельском мире как голод — значительная масса маргиналов деструктурированного традиционного общества, среди которых дезертиры зачастую играли ключевую роль, образовывала связь между «социальным бандитизмом» и «обычным бандитизмом».

История бандитизма — или, точнее, бандитизмов — как социальная история, подчеркивает Эрик Хобсбаум, имеет смысл только в контексте истории власти, отмеченной стремлением современного государства осуществлять все более полный контроль над обществами и территориями, ограничивать и даже устранять все формы маргинальности, следить за границами. Это история, таким образом, и социальная и политическая. Хобсбаум черпал материалы и примеры для своего очерка в истории многих стран — от Южной Италии до Китая, от Бразилии до Мексики (уделив особое внимание крестьянской революции Сапаты и Панчо Вильи, в ходе которой традиционный сельский бандитизм сыграл важную роль в революционной динамике). Единственная глава, посвященная России, касается особой формы бандитизма — бандитизме в политических целях: речь

идет о «революционных экспроприациях», осуществлявшихся в 1906–1907 годах на Кавказе, самой известной из которых было вооруженное ограбление Тифлисского банка, совершенное знаменитым большевистским деятелем Камо (Тер-Петросяном).

Что касается советской истории, ее в очерке Хобсбаума нет. Поскольку речь идет о марксистском историке, писавшем в конце 60-х годов, удивляться нечему. Помимо проблем с источниками, тогдашнее видение истории СССР, которое сводилось к неукротимому движению «первой в мире социалистической страны» к модернизации, ни в коей мере не способствовало изучению таких, на первый взгляд периферических, явлений советской истории как сельский бандитизм — признак архаизма и социального регресса⁴. На протяжении последнего десятка лет социальная история, возродившаяся благодаря доступу к ставшим доступными источникам, занимается как раз определенными аспектами регресса в советское время, особенно в ходе трех десятилетий между революциями 1917 года и концом 40-х годов. Так, история Гражданской войны, более не ограничивается военно-политической составляющей противостояния «красных» и «белых»; историки обращаются к тому, что происходило «за линиями фронта»⁵, показывают важную роль крестьянских войн в исходе конфликта. В этой новой истории Гражданской войны, в том числе, освещены конфликт города и деревни, процесс распространения социального насилия из зон насилия военного, формы регресса, «брутализации» (в том смысле, который вкладывал в этот термин Джордж Моссе), «архаизация» городов и деревень. В эти сюжетные рамки вписывается и всплеск сельского бандитизма в 1918–1922 годах. Исследователи советской истории 1930-х годов, долгое время зависевшие от схем и тем для изучения, выведившие на первый план, несмотря на «трудности, связанные со строительством социализма в отдельно взятой стране», модернизаторские достижения сталинского проекта, начали анализировать активные и пассивные формы сопротивления крестьянского мира, интересоваться маргиналами, деклассированными элементами, оставшимися на обочине сталинской революции, изучать политику социального исключения. «Большой террор», например, сейчас рассматривается уже не только как чистка политической, военной, экономической и интеллектуальной элиты страны, сколько как радикальное завершение масштабной кампании, направленной на окончательную ликвидацию отклонений, «беспорядков», «социально опасных элементов» и маргиналов, которым не было больше места в новом социалистическом обществе⁶. В этом отношении особое значение имеет изучение бандитизма, расцветшего

в тех регионах СССР (Сибирь, Урал, Казахстан), куда депортировались ссыльные (особенно «кулаки» и «социально опасные элементы» из крупных городов, регулярно «очищавшихся» от маргиналов). Наконец, история послевоенных лет включает также анализ аспектов до сих пор плохо изученного процесса «выхода из войны»: таких как ожесточение социальных отношений вследствие военного опыта, упадок деревень, вновь охваченных неурожаем и даже голодом, и формы сопротивления советизации (особенно на западных окраинах СССР), организованного прибалтийскими и украинскими партизанами-националистами, которые советская власть квалифицировала как бандитов.

Приняв во внимание эти новые векторы исследования, мне представляется интересным проверить на примере СССР хобсбаумовскую модель «примитивного бунта». Бандитизм, и особенно «социальный бандитизм», на протяжении трех первых десятилетий советского периода русской истории (1917/1918 — конец 1940-х годов) оставался возобновляемым явлением, более-менее широкого масштаба. Со своей стороны, государство не оставляло попыток ликвидировать то, что казалось настоящим вызовом «порядку управления». Примечательно, что борьба «со всеми формами бандитизма» возглавляла список приоритетов Министерства внутренних дел в официальном документе, датированном 10 января 1946 года, в котором речь шла о послевоенной реорганизации государственных силовых структур⁷. Из всех отделов МВД самым важным был отдел по борьбе с бандитизмом, численность сотрудников которого в 1946 году составляла 100 000 человек. Действительно, в глазах советской власти галактика бандитизма была поистине бескрайней — от дезертиров до прибалтийских и украинских партизан. Естественно, хобсбаумовской модели «социального бандитизма» и «примитивного бунта» соответствует лишь небольшая часть преступлений, квалифицированных советскими властями как «бандитизм». Определить контуры бандитизма, избежать ловушек терминологии, подразумевающей различные реалии, — необходимое условие исследования этих еще мало изученных тем.

В целом, в документах отделов силовых структур, в обязанности которых входила борьба с различными формами бандитизма, различаются три его основных типа, на которые, в зависимости от периода, накладывались другие, переходные формы.

Уголовный бандитизм, в основном крестьянский, присущий большому числу сельских районов и особенно развитый на Западной Украине, на Нижней и Средней Волге, на Северном Кавказе, в Сибири. Согласно данным силовых структур, этот сельский бандитизм,

направленный против советских учреждений и их сотрудников, изолированных в «крестьянском океане», был наследием крестьянских банд, состоявших из тысяч человек, которые в 1919–1922 годах установили контроль над «глубинкой» и оказывали ожесточенное сопротивление сначала «белым», затем «красным». Этот бандитизм, хотя и квалифицированный как уголовный, был в глазах властей настоящим вызовом «порядку управления». В качестве такового он входил в компетенцию не только милиции и обычных судов, но и органов ОГПУ и НКВД. Как в 1924 году объяснял Георгий Благонравов, глава транспортного отдела ОГПУ⁸, несущий ответственность за безопасность железных дорог, нападая на поезда с целью грабежа, эти бандиты становятся не просто грабителями, а контрреволюционерами, наносящими ущерб железнодорожной сети, путям сообщения и советскому государству в целом⁹. Несмотря на неоспоримую «идеологическую» окраску уголовного бандитизма, в милицейских сводках проводилось четкое разграничение между ним и другой формы бандитизма,

Политбандитизм, якобы связанный с антисоветскими иностранными организациями, представленный более всего в приграничных районах: западных (украинские и белорусские округа, граничащие с Польшей), северных (районы Карелии и Ленинградской области, граничащие с Финляндией) и дальневосточных (Приморье, Забайкалье, Приамурье, граничащее с Маньчжурией). Согласно полицейским источникам, пересекающие границу банды, действовавшие в этих регионах, были напрямую связаны с русскими эмигрантскими группировками, обосновавшимися в Польше, Финляндии или Китае, и даже с секретными службами враждебных государств (Польша, Финляндия, Япония). Каким бы маргинальным он ни был, приграничный бандитизм расценивался как реальная угроза, опасность которой оправдывала самые радикальные меры (в том числе депортацию «подозрительного в национальном отношении населения» и установление «особого режима» в приграничных полосах)¹⁰.

«Бытовой» бандитизм, свирепствовавший на национальных окраинах, которые, по крайней мере, до середины 30-х годов не находились под реальным контролем центральной власти (в первую очередь из-за тесного взаимодействия, в том числе благодаря семейным узам, главарей банд и представителей местной власти). Речь шла об обширной зоне, включавшей Среднюю Азию и часть Закавказья (Дагестан, Чечня, Ингушетия). Эти регионы, входившие в сферу ответственности особого отдела ОГПУ («Восточный отдел» до 1934 года), рассматривались как настоящие «зоны бытового бандитизма». Специальные

отряды ОГПУ, а затем НКВД при поддержке артиллерии и авиации регулярно устраивали там карательные экспедиции, целью которых было «уничтожение бандитских гнезд» (Чечня в августе–сентябре 1925 года, Дагестан и Ингушетия в апреле–мае 1930 года, затем вновь Чечня и Дагестан в апреле 1932 года). Эти регионы во многих отношениях напоминали «разбойничьи районы» в том смысле, который вкладывало в этот термин уголовное законодательство Китайской империи, проводившее четкое разграничение между этими районами и всеми остальными.

Согласно милицейским сводкам, к этим трем основным вариантам можно прибавить другие, специфические формы бандитизма. Так, в 30-х годах власти сообщали о росте «кулацкого бандитизма». Его основными акторами были сотни тысяч «бывших кулаков», которые или жили за колхозными землями, будучи лишенными всего своего имущества, либо покинули место ссылки в Сибири, Казахстане, на Урале и Крайнем Севере. Эти парии в 1937–1938 годах были основной целью массовых репрессивных операций, проводимых НКВД. В годы Великой Отечественной войны отдел по борьбе с бандитизмом зафиксировал еще одну категорию «потенциальных бандитов»: речь шла о сотнях тысяч дезертиров и уклонистов от воинской службы (с июля 1941 по июль 1944 года НКВД было задержано 1 200 000 дезертиров и 450 тысяч уклонистов), настоящем «рассаднике преступности», по мнению руководства силовых ведомств¹¹. В конце 1944 года оккупация Советской армией Западной Украины и Прибалтийских стран натолкнулась на ожесточенное сопротивление различных национальных движений, борющихся с советизацией этих регионов и стран. До конца 40-х годов борьба с партизанскими движениями (УНА на Западной Украине, «Лесные братья» в Прибалтийских странах) расценивалась НКВД как борьба с «антисоветским националистическим бандитизмом».

Такое же расширение понятия «бандитизм» мы находим в уголовной статистике, которую сложно интерпретировать однозначно. Хотя бандитизм входил в компетенцию органов внесудебной расправы, реальность была сложнее: некоторых «бандитов» судили военные трибуналы и даже обычные суды по разным пунктам обвинения (разбой или бандитизм), в которых не всегда проводилось различие между покушением на личное имущество или на государственные интересы. Что касается так называемых оперативных данных, которые мы находим в донесениях «рабоче-крестьянской милиции» и ОГПУ (в 20-е и первой половине 30-х годов) или отдела по борьбе с бандитизмом Министерства внутренних дел (с конца 30-х по начало 50-х годов),

они не отличаются полнотой даже с точки зрения местного руководства. Действительно, эти данные принимали во внимание только банды, находящиеся *на учете*. А последние, разумеется, представляли собой лишь верхушку айсберга. Отрывок из доклада главы информационного отдела ОГПУ «О движении бандитизма в СССР за период с 1 января по 1 октября 1925 года» дает представление о масштабе проблемы: «Общее количество ликвидированных в течение истекших месяцев 1925 г. бандитов (убито, ранено, сдалось добровольно, расстреляно и пр.) достигает 10 352 чел. (...) На 1 октября числилось активно действующих 2435 (194 банды). Несоответствие, наблюдаемое между наличным числом действующих банд и бандитов с количеством ликвидированных банд объясняется тем, что действующими регистрируются банды с определенным составом и поддающиеся учету (“учетные банды”). Большая цифра “захваченных и арестованных” бандитов (8636) относится к бандам “неучетным”»¹².

Разумеется, полицейские и судебные источники указывают, в первую очередь, на масштаб, тенденции и эволюцию того сложного и многообразного явления, контуры которого мы сейчас попытаемся обрисовать, сконцентрировав все внимание на социальном бандитизме и формах «примитивного бунта».

Во время Гражданской войны появлению социального бандитизма благоприятствовало множество факторов:

– бесконечные реквизиции и мобилизации, которым подвергается крестьянское общество, — как со стороны большевистской власти, так и эфемерных белых режимов, причем оба лагеря пытаются мобилизовать все экономические и людские ресурсы и силой навязать контроль над производством;

– нестабильность власти на местном уровне в условиях постоянных изменений линии фронта и оперативной обстановки;

– общая пауперизация, приведшая во многих регионах к голоду, который вызвал милленаристские ожидания.

Социальный бандитизм был составляющей различных противостояний, которые теперь стали лучше известны благодаря публикации оперативных данных войск ЧК, в обязанности которых входила борьба с крестьянскими восстаниями, дезертирством и бандитизмом¹³. Эти военно-полицейские источники освещают различные способы крестьянского сопротивления в ходе гражданской войны. Последнее проявлялось в трех основных формах.

1. *Бунт*, кратковременная вспышка насилия в масштабах деревни или станицы. Чаще всего насилие выражалось в разграблении продовольственных складов, погромах государственных учреждений,

избиении или убийстве советских работников. Голодные бунты, бунты против города (направленные против всех лиц, чуждых деревне, торговцев, чиновников, горожан, обзаведшихся здесь землей), эти акции вписывались в многовековую историю, отмеченную глубоким расколом между Россией городской, промышленной, и Россией сельской, занимающей подчиненное положение и замкнутой в своих общинных структурах.

2. Крупное крестьянское восстание в масштабе нескольких районов и даже губерний. Впервые со времени создания советского режима единичные крестьянские выступления переросли (март 1919 года) в настоящее восстание в Самарской и Симбирской губерниях, в наибольшей степени пострадавших от продразверстки, отнявшей только у них в предыдущие месяцы до 30 % всех реквизируемых зерновых. Армия из восставших крестьян, насчитывавшая 20–30 тысяч человек, руководимая крестьянским штабом, состоявшим из ветеранов Первой мировой, на протяжении нескольких недель удерживала под своим контролем многие округа. Одновременно во многих украинских губерниях вспыхнули крестьянские восстания, получившие известность благодаря харизме их руководителей: достаточно вспомнить два имени — Нестор Махно и Николай Григорьев. В 1920 году два новых фактора внесли вклад в беспрецедентный рост крестьянских восстаний: разгром белых армий, исключавший отныне угрозу возвращения к старому порядку — борьба с красными отныне уже не представлялась столь неразрешимой задачей; и усиление продразверстки. В этот год имели место два крупных восстания. В феврале–марте 1920 года на части Казанской, Уфимской и Самарской губерний, подвергшихся после разгрома адмирала Колчака особенно тяжелым реквизициям, вспыхнуло восстание «Черного орла и пахаря». Одной из особенностей этого восстания, устроенного настоящей крестьянской армией из десятков тысяч человек, вооруженных вилами и пиками, было то, что оно объединило татар, башкир и русских, боровшихся против политики большевиков. На протяжении нескольких недель с повстанцами воевало десяти тысячное войско ЧК при поддержке бронепоездов и артиллерии. С осени 1920 года огромные территории накрыла новая волна крестьянских войн: первый очаг охватывал земли от Тамбовской губернии до Средней Волги; второй — губернии Западной Сибири. И на этот раз размах крестьянских выступлений напрямую зависел от масштабов продразверстки. В Тамбове и Западной Сибири крестьянские повстанческие армии, насчитывавшие десятки тысяч человек, на протяжении многих месяцев контролировали «глубинку» и даже захватывали крупные города (так, например, в февра-

ле–марте 1921 года Народной революционной армией был захвачен крупный сибирский город Тобольск). Эти крестьянские армии, организованные лучше, чем считалось, взяли за образец Красную армию: прибегали к рекрутскому набору, организовывали сложную систему продовольственного снабжения, которая не должна была ущемить интересы местного населения, поддерживавшего повстанцев. Невзирая на огромные расстояния, разделявшие повстанцев Тамбовщины и сибирского Тобольска, они выдвигали одни и те же требования: отмена продразверстки, свобода торговли, прекращение преследования верующих, «советы без коммунистов» и т. д. На борьбу с крестьянскими армиями были брошены карательные отряды (называвшиеся, что примечательно, «истребительные отряды»), которыми зачастую командовали офицеры, обучавшиеся в царских военных училищах и перешедшие на сторону большевиков в момент, когда новый режим начал выглядеть в их глазах, как последний оплот против крестьянских орд. Эти отряды использовали самую современную военную технику, опробованную на полях сражений Первой мировой¹⁴. В феврале 1921 года в шести районах крестьянских восстаний, имевших мощную поддержку местного населения, были мобилизованы войска «защиты Республики»: в Тамбовской губернии (40 000 повстанцев), в Западной Сибири (60 000 повстанцев), на Западной Украине (5000 повстанцев), в Средней Азии, и особенно в Ферганской долине (25–30 тысяч *басмачей* или *джигитов*)¹⁵, в Дагестане (5000 повстанцев) и в Чечне (около 5000 повстанцев). Летом 1921 года были ликвидированы лишь первые три очага крестьянского сопротивления; причем в крах крестьянских восстаний внес вклад и голод. На остальных территориях борьба крестьян против советизации продолжалась с разной степенью интенсивности на протяжении всех 20-х годов.

3. В 1917–1922 годах широкое распространение получил феномен, который в сводках органов безопасности обозначался термином «бандитизм». Последний, разумеется, объединяет в себе различные реалии. Речь может идти об уголовном бандитизме, расцветшем на почве Гражданской войны, всеобщего хаоса, распада социальных связей и брутализации моделей поведения. Бандитизм, ставший заметным явлением с весны 1917 года (амнистия, объявленная Временным правительством, и облегчение условий содержания позволили значительной части преступников обрести свободу), был прерогативой мелких банд, численность которых, как правило, не превышала десятка человек; в них входили маргиналы, ското- и конокрады, другие преступники, не пользующиеся поддержкой в деревнях. Подчеркнем, что эта же категория лиц составляла основу продовольственных от-

рядов, настоящего ополчения на службе режима, и даже особых отрядов ЧК — что объясняет криминализацию этих структур, призванных установить «советский порядок» в деревне.

Впрочем, бандитизм, о котором идет речь в донесениях ЧК, был чаще всего делом рук тех, кто называл себя «*мстители*». Эти банды нападали на представителей советской власти, громили государственные учреждения, символы «городской» власти, уничтожали налоговую документацию, перерезали пути сообщения, грабили ссыльные пункты, в которых хранилось конфискованное зерно, впоследствии перераспределявшееся между крестьянами. Они состояли в основном из дезертиров, уклонистов от воинской службы и крестьян, выступавших против реквизиций; естественно, присутствовали в них и уголовные элементы. В губерниях Центральной России, на Украине (и, конечно, в Средней Азии и на Кавказе, где «бытовой» бандитизм был естественной формой сопротивления русификации) большая часть банд пользовалась поддержкой местного населения. Это покровительство представляло собой несомненный козырь; но оно же могло сослужить дурную службу, когда части, ведущие борьбу с бандитизмом, подвергали жителей коллективным наказаниям или оказывали на них давление, которое чаще всего заключалось в захвате и казни заложников в случае отказа выдать «бандитов», действующих в окрестностях.

В малонаселенных окраинных регионах — степях Дона и Заволжья, лесах Урала и Сибири — действовали так называемые «летучие» банды, гораздо более разнородные, состоявшие из маргиналов, преступников, дезертиров, ссыльных (особенно бывших офицеров белой армии) и людей, лишенных корней, стремившихся вернуться в давно оставленные ими места. Превосходно описанные Борисом Пастернаком («Доктор Живаго») эти банды, часто состоявшие из сотен конных и пеших, перемещались с оружием и обозами на огромные расстояния — до 1000 километров.

Как радикальное отрицание нового режима, так и военный опыт, приобретенный на полях Первой мировой, и последовавшая за ней брутализация, объединяли в этих полувоенных формированиях абсолютно разные людские судьбы. Самые организованные и оказывавшие наиболее упорное сопротивление банды по преимуществу состояли из взбунтовавшихся частей Красной армии. Пользующиеся военной техникой (они применяли в сражениях и артиллерию) под командованием опытных офицеров, они обнаруживали между собой общие черты. Их возглавляли в основном крестьяне, мобилизованные во время Первой мировой. «Вступившие в политику» в солдатских

комитетах в 1917 году, они стали членами эсеровской или большевистской партии, прежде чем стать офицерами Красной армии. Разгромив белых, они, после того как угроза реставрации старого порядка была устранена, порвали с тем, что считали «предательством революционных идеалов» лжебольшевиками. В воззвании Григория Маслакова, руководителя одного из крупных отрядов (900 кавалеристов, действовавших в степях Дона с февраля по сентябрь 1921 года), провозглашалось: «Мы не идем против Соввласти, а боремся за нее. Не идем мы против товарищей коммунистов, которые идут по правильному пути, но против бумажных коммунистов. Вперед, товарищи, против наших кровопийцев! Да здравствуют свободные советы, но только такие советы, которые будут правильно выбраны народом, а не назначены свыше! Долой всех диктаторов!»¹⁶

Крестьянские отряды под руководством бывшего красного командира Андрея Сапожкова называли себя «Первой Армией «Правды»». В своем обращении (13 июля 1920 года) Реввоенсовет «Первой Армии «Правды»» утверждал, что в «Советской России власть трудового крестьянства давно исчезла». Всеми «якобы советскими» учреждениями в действительности заправляют «враги революции — помещики, буржуи и офицеры»¹⁷. В это «смутное время» тема самозванства власти, — всегда бывшая одной из первых причин крестьянских мятежей, сотрясавших Российскую империю на протяжении веков, — начала звучать с новой силой. Представляя себя «мстителями», «настоящими защитниками угнетенных крестьян», «бандиты» с особой жестокостью расправлялись с представителями власти «лжекоммунистов»: попавшие им в руки совпарработники предавались смерти со зверской жестокостью с целью устрашить противника: их зимой замораживали заживо, облив водой, сажали на кол или зарывали по шею в землю, оставляя на съедение животным. Нельзя забывать и об антисемитской составляющей этого насилия: в Белоруссии и на Западной Украине, в регионах с высокой концентрацией еврейского населения, обязанного при царской власти жить в местечках и городках черты оседлости, банды, руководимые Булак-Балаховичем, Орлом-Галичевским, Василием Поповым и другими, при поддержке местного крестьянства осуществляли погромы, жертвы которых исчислялись десятками тысяч. Эти погромы «оправдывались» следующим образом: Пока ваше жидовско-большевистское племя будет сохранять власть и продолжать отнимать урожай у честных православных крестьян, мы будем продолжать вас истреблять!¹⁸ Как отмечалось в отчете комиссии, которой было поручено расследовать погром в местечке Любань Бобруйского уезда 26 мая 1921 года

(28 погибших, 40 раненых, 45 изнасилованных), устроенный бандой из 120 вооруженных человек, единственным лозунгом бандитов было уничтожение всех евреев под предлогом того, что они мешают истинно православным организоваться и скинуть жидо-большевистскую власть, которая грабит крестьян и ведет Россию к гибели¹⁹.

На протяжении 20-х годов сельский бандитизм оставался, согласно одному важному докладу ОГПУ от октября 1925 года, «постоянным явлением»²⁰. Борьба с бандитизмом оставалась одним из основных видов деятельности ОГПУ, в которой участвовали четыре его самых важных отдела: транспортный отдел, оперативный отдел, секретный отдел и Восточный отдел. Железные дороги — главный способ сообщения, перевозки людей и товаров — часто становились основной мишенью бандитских групп. Вот что писал 7 ноября 1924 года сотрудник ОГПУ, ответственный за Московско-Курскую линию: «Части Киевской, Черниговской, Брянской и Харьковской губерний, связанные железнодорожной линией, которую я охраняю, долгое время засорены бандитами [...] В июне 1923 года в связи с ростом бандитских нападений была сформирована специальная резервная часть, которая эффективно защищала поезда от бандитских нападений. В феврале 1924 года эта часть была расформирована. С тех пор бандиты возобновили нападения с новой силой, серьезно нарушая график движения [...]: 13 августа нападение на пассажирский поезд № 4 из Москвы; 24 сентября нападение на пассажирский поезд № 8 из Одессы»²¹. В 1923 году ОГПУ зафиксировало 240 нападений на поезда, в 1924 — 280. В этот год в столкновениях с частями ОГПУ и милиции не менее 16 тысяч бандитов было арестовано, убито или ранено. В 1925 году силами ОГПУ было «ликвидировано» более 10 000 бандитов²². К этому времени уже не существовало — не считая Чечни, Дагестана и некоторых районов Туркестана — банд, состоявших из сотен пехотинцев или кавалеристов, державших под контролем «глубинку» в начале 20-х годов. Большая часть этих формирований была раздроблена в ходе военных операций, проводимыми специальными отрядами ЧК в 1921–1922 годах, на сотни мелких банд, численность которых не превышала 10–20 человек. Устранение «остаточных» банд было, согласно полицейским источникам, особенно сложным, поскольку местное население «не помогало властям, вплоть до того, что укрывало бандитов [...], вышедших на 80 % из крестьянской среды»²³. Популярность этих банд, отмечали власти, росла благодаря тому, что они нападали в основном на чиновников и советские учреждения (совхозы, кооперативы, государственные ссыпные пункты), не связываясь с конокрадами, особенно презируемыми кре-

стьянами. Помимо «бытового бандитизма с политической окраской», который, по мнению самого же милицейского руководства, стимулировался «плохими урожаями, голодом, перенаселенностью деревень и их общей бедностью», и особенно распространенного на Нижней и Средней Волге и в Центральной России, власти выделяли «приграничный политический бандитизм», процветающий на западных (Белоруссия, Западная Украина) и дальневосточных окраинах (Советский Дальний Восток). Согласно источникам ОГПУ, приграничные банды развязали «настоящий политический террор в отношении совпартработников». В 1924–1925 годах, в годы расцвета нэпа, более 150 из них были убиты только в украинских округах, граничащих с Польшей. Среди наиболее ярких акций этих банд в 1925 году фигурировали нападения на военные аэродромы и арсеналы Красной армии, расстрел пароходов на Березине, погромы в десятке приграничных местечек и городков в Белоруссии и на Западной Украине, которые сопровождалась казнями местных коммунистов и комсомольцев²⁴. На другом конце страны, в Приморье, Забайкалье и Приамурье аналогичные акции осуществлял десяток банд, которые, якобы, были связаны с колонией русских эмигрантов в городе Харбин.

Тем не менее, основными очагами бандитизма по-прежнему оставались Туркестан, Дагестан, Чечня и Ингушетия. «В этих районах (...), — отмечалось в отчете Восточного отдела ОГПУ за 1924 год, — мы находимся во вражеском окружении. За пределами городов нет никаких прочных советских структур и ни одного социального слоя нам твердо «вполне искренне сочувствовавшего во всех наших мероприятиях»²⁵. Сюда, в эти «разбойничьи районы» власти время от времени посылали настоящие карательные военные экспедиции. Так, в конце августа 1925 года Красная армия провела масштабную операцию, направленную на «уничтожение бандитских элементов» в Чечне: в «очистке»²⁶ региона были заняты 7000 человек, применялось 25 пушек и 8 самолетов. На протяжении двух недель 117 аулов, считавшихся «бандитскими гнездами», подвергались артобстрелам и бомбардировкам. Успех операции был недолговечным: в 1930, затем в 1932 и 1941 годах Чечня стала ареной многочисленных восстаний. Лишь депортация в феврале 1944 года всего чеченского населения, на которой еще в середине 20-х годов настаивал маршал Тухачевский²⁷, имевший опыт жестокого подавления крестьянского восстания в Тамбовской губернии, смогла на несколько десятилетий урегулировать вопрос «чеченского бандитизма».

Отказ от НЭПа и возобновление в начале 1928 года политики «государственных заготовок», имевших немало общего с настоящими

реквизициями, напомнившими крестьянам времена «военного коммунизма» и тем более начавшиеся два года спустя насильственная коллективизация деревни и раскулачивание, придадо новый импульс сельскому бандитизму.

Критикуя возвращение к принудительным мерам по отношению к крестьянству, писатель Михаил Шолохов в письме Сталину от 20 июня 1929 года напоминал, что для того, чтобы разжечь пожар бандитизма, недостатка в горячем материале нет. Как показывает вся история России, чем больше государство озлобляет крестьянина, тем больше ему грозит ответ бандитизмом²⁸. С 1929 года сельский бандитизм расцвел пышным цветом в Западной Сибири, плохо контролируемом центральной властью обширном регионе, где государственные заготовки у предприимчивого и независимого крестьянства, которое в ходе гражданской войны поднималось против белых, а затем против красных, осуществлялись с помощью военной силы. Согласно полицейским источникам, на конец 1929 года, когда регион был официально объявлен «небезопасным из-за бандитизма» и переведен на военное положение, в Западной Сибири свирепствовало 456 банд. Среди наиболее мощных фигурировала банда, возглавляемая неким Кошкиным, который с 1927 года терроризировал «представителей соввласти» в деревнях Иркутского района. Прозванный крестьянами «черный царь» Кошкин во главе вооруженной банды из нескольких десятков человек нападал также на коллективные хозяйства, которые систематически поджигал²⁹. В 1930 году было зарегистрировано 880 банд, причем признавалось, что «речь идет только об учтенных формированиях»³⁰. К этому времени бандитизм распространился на многие регионы СССР. Это явление представляло собой наиболее серьезную реакцию на насильственную коллективизацию деревни и раскулачивание. С марта 1930 года донесения ОГПУ сообщают о появлении крупных конных банд в несколько сотен сабель на Нижней Волге, Северном Кавказе, в Казахстане, Киргизии, Карабахе, Чечне, Дагестане. В конце апреля многие городки — Микоян Шахар (Карачаевская автономная республика), Нуха, Белоканы (Азербайджан), Иргиз (Казахстан) — были на короткое время заняты бандами вооруженных крестьян, которые вырезали в них всех местных советских и партийных работников. Среди регионов, в которых бандитизм был особенно развит, фигурировали, в том числе, Украина (особенно Западная), Южный Урал и Западная Сибирь. Только в Барабинском районе (Сибирь) в марте 1930 года специальные части ОГПУ уничтожили более 500 бандитов³¹. Подводя итог «контрреволюционным» выступле-

ниям в Западной Сибири за 1930 год, руководитель местного ОГПУ оценивал количество «бандитов», действующих в регионе, в более чем 12 000. Организованные в банды из нескольких десятков человек бандиты во второй половине 1930 года напали на 130 колхозов (захватив сотни лошадей³², главный трофей, который обеспечивал им мобильность, особенно в борьбе с милицией, испытывавшей недостаток в оружии и транспорте), разграбили или сожгли более 200 магазинов и ссыпных пунктов, разгромили 65 сельсоветов. Примечательно, что в лозунгах бандитов («За настоящую советскую власть без коммунистов!», «Да здравствует настоящая власть!») вновь подразумевалось «самозванство власти», так же как и ценности «единого и неделимого крестьянского мира», противостоящего власти города («Да здравствует равенство и братство трудового крестьянства!», «Нет делению крестьян на классы!»).

Согласно источникам органов безопасности, бандиты в основном рекрутировались из «кулаков», успевших спастись бегством до ареста и ссылки. Вводя новую категорию лишенцев, исключенных из сельского сообщества, раскулачивание напрямую способствовало всплеску сельского бандитизма. Как и во времена Гражданской войны, появилось два основных типа банд: оседлые банды, действующие в ограниченном периметре, состояли в основном из раскулаченных крестьян «3-й категории». Считавшиеся «менее опасными», чем «кулаки 2-й категории», которых арестовывали и ссылали в отдаленные районы СССР (Сибирь, Крайний Север, Казахстан, Урал), «кулаки 3-й категории» лишались имущества, им приказывалось «расселяться в пределах района на новых, отводимых им за пределами колхозных хозяйств участках». Большинство из них растворилось в городах или нанялось на стройки первой пятилетки. Меньшинство осталось на отведенных для поселения территориях, влившись в банды, состоявшие в основном не более чем из десятка человек, которые пользовались сочувствием и даже поддержкой определенной части колхозников, особенно когда «бандиты» распределяли между крестьянами зерно, украденное из государственных ссыпных пунктов. Одним из факторов, стимулирующих бандитизм, который никогда не испытывал недостатка в кадрах, было широко разделяемое в первой половине 30-х годов мнение о том, что колхозная система недолговечна: об этом свидетельствуют бесчисленные слухи о грядущем роспуске колхозов, неизбежности войны (вторжение Польши на Западную Украину, японцев в Сибирь), неминуемом падении режима³³. Милленаристские ожидания, как мы знаем, часто сопровождали зарождение и рост сельского бандитизма.

«Летучие банды», более внушительные, чем банды «оседлые», свирепствовали в традиционных районах «бытового бандитизма» — на бескрайних пространствах Урала, Казахстана и Сибири, куда депортировали и зачастую предоставляли собственной судьбе посреди степи или тайги сотни тысяч «раскулаченных» крестьян³⁴. Согласно отчету полномочного представителя ОГПУ по Западной Сибири (15 августа 1931 года), практически все бандиты, арестованные в предыдущем году, были ссыльными крестьянами, которые превратили огромный Нарымский край, населенный почти исключительно «раскулаченными», в настоящее пространство «без советской власти», где не отваживалась появляться милиция. Это, отмечало руководство ОГПУ, было одним из «негативных последствий плохо спланированной и абсолютно непроизводительной с экономической точки зрения» депортации³⁵. С конца 1931 года режим проживания депортированных в «спецпоселениях» был изменен, и отныне они были прикреплены к лесоперерабатывающим, сельскохозяйственным или горнодобывающим предприятиям. Помимо экономических требований, одной из целей этой реорганизации, решение о которой было принято на самом высоком уровне комиссией Политбюро (Комиссия Андреева), было ограничение бегства раскулаченных, ставших питательной средой бандитизма, который рассматривался как растущая угроза общественному порядку. Эти меры лишь частично достигли своей цели: в последовавшие годы количество «раскулаченных», бежавших с места проживания, оставалось очень высоким: около 630 000 в 1932–1938 годах — согласно централизованной статистике органов безопасности³⁶. В одной только Западной Сибири в 1932–1935 годах бежало более 133 000 депортированных. Менее 15 % из них было арестовано³⁷. Естественно, лишь часть этих лишенцев, на которых все чаще ссылались, как на «социально опасные элементы», пополняла весьма специфическое преступное сообщество, в котором желание свести счеты с политической системой представляло собой не меньшую мотивацию, чем поиск хлеба или любовь к приключениям. Эти «мстители» (как они сами себя называли) нападали в первую очередь на местных представителей советской власти, председателей колхозов, советских работников, коммунистов и «активистов» (в 1930 году было убито около 1200 из них, а в 1931 — 800), на почтовые отделения, кооперативные магазины, машинно-тракторные станции, ссыпные пункты. В 1931 году 40 % западносибирских колхозов пострадали от «бандитских нападений» или «терактов». По всей стране весной того года вооруженному нападению подверглись 17 % колхозов³⁸.

До крупных репрессивных операций 1937–1938 годов, направленных в том числе на окончательное устранение «социально опасных элементов» в масштабе страны, бандитизм цвел пышным цветом на советском Дальнем Востоке (Сибирь, Казахстан, Северный Урал) с его плохо контролируемые властью обширными малонаселенными пространствами, куда к тому же высылалось маргинальное население. За волнами депортации «раскулаченных» крестьян (1930–1933) последовали, начиная с 1933 года в рамках операций по паспортизации, направленных на «чистку» крупных городов Европейской части СССР, высылка маргиналов, «социально чуждых элементов» (представители «бывших людей» — буржуа, царские чиновники, «деклассированная» интеллигенция и т. д.), а также преступников-рецидивистов, нищих, цыган и других «нежелательных элементов»³⁹. В 1933–1937 годах сотни тысяч этих нежелательных элементов были выдворены из городов, которые должны были оставаться витринами социализма (Москва, Ленинград, Киев, Харьков, Днепропетровск, Магнитогорск и т. д.), и депортированы на советский Дальний Восток. На протяжении этих лет бандитизм со специфически сельским характером, доминировавший к концу 20-х годов, начал трансформироваться по мере того как видоизменялся состав банд, в которых перемешивались преступники-рецидивисты, выдворенные из крупных городов, молодые бродяги, потерявшие семью в ходе раскулачивания или голода, и «раскулаченные» крестьяне, бежавшие с места жительства и поставившие себя вне закона. К тому же сохранялся бандитизм в среде этнических меньшинств: в Чечне и Дагестане в ходе многочисленных масштабных военных операций весной 1932 года пытались без особого успеха уничтожить сотни банд, по-прежнему сохраняющих контроль над «глубинкой». Одновременно банды казахских кочевников, состоявшие из тысяч человек, бежавших от голода, нападали вдоль Турксиба (строющаяся железная дорога Сибирь–Туркестан) на государственные скотобойни, где содержался экспроприированный скот⁴⁰. В следующем году эти банды были замечены несколькими сотнями километров севернее, на Алтае, где устраивали рейды на животноводческие хозяйства, по пути вырезая «всех коммунистов»⁴¹.

В 1934–1936 годах НКВД, руководимый Генрихом Ягодой, сделал борьбу с общественным беспорядком, бытовой преступностью и особенно с бандитизмом, который рассматривался как «самая опасная форма классовой борьбы, против социалистической собственности и порядка управления»⁴², основным приоритетом. Силы милиции, до тех пор в деревнях и маленьких городах весьма скромные, были значительно укреплены, равно как и ряды органов безопасности

и железнодорожных войск. Были значительно расширены полицейские полномочия в сфере ареста и депортации «социально опасных элементов». Высшая партийная инстанция, Политбюро, несколько раз (июль–август 1933, февраль 1934, март 1935) принимала постановления об усилении борьбы с бандитизмом, предписывая органам безопасности шире использовать смертную казнь в отношении бандитов и публиковать в прессе списки казненных бандитов⁴³. Общей для режимных городов стала практика милицейских облав на рынки и особенно на вокзалы. В борьбе с преступностью и бандитизмом власти добились там неоспоримого успеха⁴⁴. В прочих местах, которые все больше становились мусорным ящиком страны и где вследствие депортаций росло число «социально опасных элементов», бандитизм в различных формах — как в городах, так и в деревнях — продолжал процветать. В многочисленных тревожных донесениях высших политических и полицейских инстанций Западной Сибири в 1935, 1936 и 1937 годах сообщалось о росте бандитизма в Новосибирске, Томске, Омске, Барнауле, Кемерове, Бийске, Каменске. В этих одновременно горнодобывающих и сельских регионах высокая концентрация «опасного» контингента и особенно «спецпереселенцев» и бывших кулаков, бежавших с предписанного им места жительства, была причиной, по мнению властей, особенно высокого уровня преступности⁴⁵. Эта преступность, считало руководство НКВД, была тем более опасной, что она была связана с террористическими сетями эмигрантов и тайными службами враждебных держав (Японии в том числе). «Концентрация бывших кулаков и других преступных элементов», таким образом, представляла собой «настоящий повстанческий резервуар», потенциальную «пятую колонну» перед угрозой военного конфликта, который с конца 1936 года становился все более вероятным. В этой обстановке Сталин и Ежов в июле 1937 года начали самую важную из секретных террористических операций «Большого террора» (инициированную приказом НКВД № 00447 от 30 июля 1937 года). Целью этой операции было «самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов». В эту «банду», против которой был направлен приказ № 00447, входили «бывшие кулаки, бежавшие из лагерей или трудпоселков,.. уголовники (бандиты, грабители, воры-рецидивисты, контрабандисты-профессионалы, аферисты-рецидивисты, скотоконократы), ведущие преступную деятельность и связанные с преступной средой,.. или наиболее активные антисоветские элементы,.. которые содержатся сейчас в тюрьмах, лагерях, трудовых поселках и продолжают вести там (*sic!*) активную антисоветскую подрывную работу»⁴⁶. Среди регионов, где репрессии

были наиболее жестокими, фигурировали все области советского Дальнего Востока, там бандитизм процветал более всего⁴⁷.

Согласно итоговому отчету, составленному отделом по борьбе с бандитизмом в июле 1944 года⁴⁸, в годы, предшествовавшие Великой Отечественной Войне (1939 — лето 1941) в СССР было отмечено снижение уровня бандитизма. Вследствие крупных репрессивных операций 1937–1938 годов количество действовавших банд значительно уменьшилось. В момент вступления в войну СССР в оперативных досье отдела фигурировало менее 200 банд⁴⁹; в 1940 году все суды (военные и общей юрисдикции осудили за бандитизм 2 255 человек), что в 5–10 раз меньше цифры осужденных за те же преступления в первой половине 30-х годов⁵⁰. Передышка была недолгой. Хаос, вызванный отступлением Красной Армии в первый год войны, затем расширение партизанского движения, как и увеличение числа дезертиров и уклонистов от воинской службы, привели к новому всплеску бандитизма. За первые шесть месяцев войны отдел по борьбе с бандитизмом сообщал о ликвидации 218 банд (6684 человек), в 1942 году — 1381 банды (11 220 человек), в 1943 — 4875 банд (30 312 человек). За 3 года (июль 1941 — июнь 1944) была обезврежена 7161 банда общей численностью 54 130 лиц⁵¹. Уточнялось, что речь шла исключительно об уголовных бандах «без политической окраски», поскольку эти последние (особенно отряды украинских националистов, расценивавшиеся НКВД как «политические банды») учитывались отдельно⁵². Согласно милицейским сводкам, дезертиры и уклонисты от воинской службы являлись основным поставщиком бандитов во время войны. С июля 1941 по июнь 1944 годов было задержано более 1 200 000 дезертиров, а также 456 000 уклонистов⁵³. При этом число дезертиров сокращалось по мере того как улучшалось положение Красной армии, в то же время число уклонистов имело тенденцию к увеличению (71 541 во втором полугодии 1941 года, 174 512 в 1943 году)⁵⁴. Оно было особенно высоким в традиционно неспокойных регионах Средней Азии, Чечни, Ингушетии, Дагестана и в автономных Карачаевской и Кабардино-Балкарской республиках. Сообщая о различных формах неподчинения советскому режиму в некоторых автономных республиках Кавказа (от уклонения от призыва до роста бандитизма), отдел по борьбе с бандитизмом — помимо невероятных обвинений в «сотрудничестве с нацистскими оккупантами», выдвинутых режимом по отношению к этому населению, — объяснял мотивацию, которой руководствовались советские власти, депортировавшие в конце 1943 — начале 1944 года всех чеченцев, ингушей, балкарцев и карачаевцев. Эти депортации представляли собой последний этап

«очищения бандитских гнезд», начатого, в случае с Чечней, например, в начале 20-х годов, и продолжавшегося в ходе масштабных военных операций в августе–сентябре 1925 года, апреле 1930 года, апреле 1932 года, октябре–ноябре 1941 года.

Однако всплеск бандитизма в военные годы не ограничивался регионами «бытового бандитизма». В отчетах отдела по борьбе с бандитизмом сообщается о бесчисленных бандах дезертиров, мародеров и других преступных элементов на линии фронта и в тылу, равно как в регионах, более-менее контролируемых партизанами. С 1940 по 1944 годы количество приговоров обвиненным в бандитизме, вынесенных всеми судами (обычными, военными и особыми), увеличилось вчетверо⁵⁵. Этот рост еще более ускорился в 1945–1946 годах. В милицейской статистике за эти два года сообщается об аресте 57 503 бандитов и о гибели в столкновениях с силами правопорядка еще 1329; помимо этого 67 201 член банды из числа дезертиров или уклонистов сдался властям в обмен на обещание амнистии⁵⁶. Эти данные относятся исключительно к «бытовому бандитизму». Масштабы «антисоветского политического бандитизма» (в основном группы украинских и прибалтийских националистов) были еще более внушительными (102 272 арестованных и 72 232 убитых)⁵⁷. Эти цифры красноречиво свидетельствуют о размахе и продолжительности сопротивления советизации на западных окраинах СССР, о чрезвычайной болезненности еще мало изученного процесса выхода из войны, продолжавшегося на Западной Украине и в Прибалтийских странах до начала 50-х годов⁵⁸. Поскольку тема национального сопротивления советизации не является предметом данной работы, здесь вкратце будет рассмотрен лишь вопрос роста социального бандитизма в первые послевоенные годы, подтверждающегося судебной статистикой⁵⁹.

У этого роста, разумеется, было множество причин. Первой, наиболее общей, безусловно, являлась «брутализация» моделей поведения, ставшая следствием четырех лет войны. И если судить по многочисленным донесениям, адресованным Сталину и Молотову в 1945–1946 годах Министерством внутренних дел⁶⁰, преступность в среде действующих или демобилизованных военных достигла тревожно-го уровня: так, в Белоруссии 60 % вооруженных нападений и актов бандитизма во второй половине 1945 года было осуществлено военнослужащими; в Молдавии — 46 %; в областях советского Дальнего Востока — 42 %. Второй, тесно связанной с первой, причиной было значительное количество оружия на руках населения (и, нужно подчеркнуть, значительное число людей, умеющих с ним обращаться).

До конца 1948 года регулярные отчеты Министерства внутренних дел Сталину о росте преступности в СССР упоминали о впечатляющем количестве оружия, попавшего в руки милиции; речь шла в основном о боевом оружии (пулеметы и автоматы), которое незаконно присвоили себе во время войны партизаны и дезертиры, оружием, радикально отличавшемся от двустволок, которые конфисковывали у «кулаков-бандитов» в 30-е годы⁶¹. Третья причина, объясняющая в первую очередь рост сельского бандитизма, — разочарование и даже отчаяние вернувшихся в деревню фронтовиков, убежденных, что после войны «все изменится», что тиски, в которые зажаты колхозы (нереальные планы обязательных поставок государству, драконовские ограничения на индивидуальные участки), немного ослабнут, но столкнувшись по возвращении с крайней жесткостью системы, которая во многих регионах не обеспечивала им даже прожиточного минимума. «Раз государство у нас ворует и обрекает нас на смерть от голода, нам остается только вступить в банду», — эти слова «бандита», бывшего партизана и ветерана Красной армии, арестованного в 1947 году в охваченной голодом Воронежской области⁶², напоминали схожие высказывания, о которых сообщалось в сводках ЧК в 1921–1922 годах и ОГПУ в начале 30-х годов. Похоже, что в действительности многие солдаты и офицеры Красной армии, партизаны и «репатриированные» из Германии крестьяне, которых немецкие оккупационные власти отправили в рейх в качестве рабочей силы, надеялись, что после войны колхозы распустят. В месяцы, последовавшие за победой, во многих областях распространились упорные слухи о неминуемом роспуске колхозов и возвращении к частной торговле, свидетельствуя о настроении и ожиданиях сельского мира. Эти слухи, сильно отличавшиеся от пораженческих и апокалиптических слухов, прокатившихся по деревне во время коллективизации, свидетельствовали о чрезвычайном влиянии, которое на миллионы советских людей оказал их «первый выход» за границы СССР и открытие зарубежья. Какими бы разоренными они ни были, прибалтийские, польские, а тем более немецкие деревни казались им процветающими в сравнении с коллективизированными советскими деревнями. Как отмечало в июле 1945 года внутреннее сообщение Центрального Комитета о политическом настроении в деревнях, среди демобилизованных активно распространяются слухи, касающиеся будущего роспуска колхозов. Они горячо обсуждают преимущества личных ферм, скота и ухоженных домов, которые они видели в Прибалтике или в Восточной Пруссии⁶³. Чем больше было надежд, тем сильнее разочарование. Как показал историк Вениамин Зима, возрождение сельского

бандитизма в 1946–1947 годах было напрямую связано с усилением колхозов после относительного ослабления контроля в ходе войны, когда власти закрывали глаза на «обглаживание» коллективных земель и расширение индивидуальных участков⁶⁴. Урожай 1946 года был катастрофическим вследствие засухи, которая наложилась на ужасные последствия войны; в тот год он не составил и половины последнего предвоенного урожая. Отказываясь видеть истинные причины фиаско, оправдывая неурожай расширением личных участков, правительство решило «ликвидировать» нарушения колхозных уставов и жестоко преследовать «враждебные элементы», которые «рассасывают» колхозное имущество и «незаконно захватывают земли». Отказ снизить масштабы поставок зерна при урожае, который в некоторых регионах, пораженных засухой (Молдавия, Ростовская, Курская, Тамбовская, Воронежская и особенно Орловская области), едва достигал 2,5 центнеров с гектара, во многом был причиной настоящего голода, унесшего по меньшей мере миллион жизней. В этом контексте и развился специфический сельский бандитизм, мишенью которого были государственные элеваторы, кооперативные магазины, а также считавшиеся особенно рьяными советские работники (председатели колхозов или сельсоветов). Представлявшие себя как «мстители», «бандиты» привлекали на свою сторону многочисленных сообщников не только среди колхозников, но и среди бухгалтеров, шоферов и охранников сыпных пунктов, в чьи обязанности входили соответственно пересчет, транспортировка и хранение зерна и другой сельскохозяйственной продукции, предназначенной для «государственных заготовок»⁶⁵. Эти «мстители» рекрутировались не в среде профессиональных преступников, рецидивистов или маргинальных элементов общества. По большей части это были колхозники, пережившие войну и особенно партизанские действия — настоящую школу свободы и неподчинения⁶⁶.

В связи с этим становится понятно, почему география послевоенного сельского бандитизма существенно отличалась от географии 30-х годов. Эта форма бандитизма была особенно развита в наиболее пострадавших от войны регионах (долгое время оккупированных немцами и являвшихся центрами крупных партизанских движений), которые к тому же долгое время находились вне контроля советской власти, где процесс «выхода из войны» был наиболее болезненным и сопровождался нищетой, неурожаем и даже голодом. Речь шла в основном о западных регионах страны: так, на Украину, Белоруссию, Прибалтику, западные и центральные облас-

ти России в 1945–1947 годах приходилось около 90 % случаев сельского и 75 % случаев бытового бандитизма. На Западной Украине и в Прибалтийских странах сельский бандитизм наложился на борьбу крестьян-националистов со специальными отрядами Министерства внутренних дел, расцветая на почве насилия и хаоса, тем самым часто компрометируя политическую борьбу, которую вели партизаны. Последние хорошо осознавали проблему; тем не менее, сами формы гражданской войны, глубоко укоренившиеся в сельской почве, размывали границы между сельским бандитизмом и войной партизан, защищавших политические и национальные интересы⁶⁷. В первые послевоенные годы лишь 3 % случаев бандитизма пришлось на Сибирь, являвшуюся его эпицентром в 30-е годы, около 5 % — на Среднюю Азию, 6 % — на Закавказье — бастионы «бытового бандитизма» в предвоенные годы. Во многих отношениях эта география совпадала с географией периода Гражданской войны. Эта последняя вспышка традиционного сельского бандитизма, которой способствовали крайняя нищета села, ожидание «больших перемен» (конца колхозной системы), временное ослабление в ходе войны государственного контроля, за которым последовал его возврат в еще более жесткой форме, вписывалась в тридцатилетний цикл ожесточения и регресса, оставивший глубокий след в этой части Восточной Европы, на этом «восточном фронте» двух мировых войн, в этой зоне боев и массовых убийств, где насилие никогда не поддавалось контролю.

Широкая репрессивная кампания, отмеченная значительным усилением полномочий борцов с бандитизмом и принятием указов от 4 июня 1947 года, которые по личной инициативе Сталина значительно ужесточали наказание за любую форму хищения (частной, но главное, «общественной» собственности), каравшегося отныне 7–25 годами лагерей (максимальный срок применялся по отношению к любому групповому или вооруженному преступлению), позволили с конца 40-х годов сдержать, а затем достаточно быстро свести на нет и сельский и городской бандитизм⁶⁸. Ужесточение репрессий, общая надежда населения покончить, наконец, с беспрерывным циклом насилия, а также неизбежное «вырождение» банд, которые отныне были вынуждены действовать вне своей территории, сыграли важную роль в постепенном исчезновении сельского бандитизма. В более фундаментальном смысле речь шла об эволюции самой советской деревни, об уходе в города ее наиболее динамичных элементов, об «обнищании» колхозников и о запоздалом возвращении к политике, направленной на снижение грабительских поставок сельскохозяйственной

продукции, которые, в конечном итоге, и были основной причиной «примитивных бунтов» в стране «победившего социализма».

В своем замечательном исследовании сельского бандитизма в царской России⁶⁹ Дениз Экоуте пришла к выводу, что отмена крепостного права, быстрая модернизация, широкое строительство железных дорог и появление слоя крестьян-собственников в западном смысле слова нанесли в конце XIX века удар по традиционному сельскому бандитизму, который долгое время процветал на огромных, плохо контролируемых пространствах Российской империи. Как и многие другие страны, вступившие в процесс экономической модернизации и усиления государства, Россия после Италии, Испании и Балкан была готова покончить с этим одновременно маргинальным и универсальным явлением «примитивного бунта», важного индикатора взаимоотношений государства и крестьянского мира.

По завершении 7 лет войны, революций и гражданских войн новое советское государство оказалось, по выражению Моше Левина, «затоплено крестьянством, которое лишилось всего, что дало ему до этого капиталистическое развитие»⁷⁰. Разумеется, большевики и, в меньшей степени, другие силы, участвовавшие в Гражданской войне, значительно поспособствовали архаизации крестьянского общества в это новое смутное время. Сельский бандитизм возродился в условиях крестьянских войн, ожесточения, неурожая и голода, которые сопровождались миллениарстскими ожиданиями. Этот «примитивный бунт» вписывался в универсальный ряд крестьянских восстаний, сопровождавших распад политического и общественного порядка. Десятью годами позже новая волна «примитивных бунтов», последовавших за насильственной коллективизацией деревни, которая большей частью советского крестьянства воспринималась как введение «второго крепостного права»⁷¹, выявила своего рода «окостенение» этой формы крестьянского сопротивления, выражавшееся в появлении прежнего рефлекса к бегству от растущего контроля государства над всеми аспектами крестьянской жизни. Но сталинское государство начало отрезать выходы к отступлению. 15 лет спустя последние участники «примитивных бунтов» попытались в последний раз воспользоваться хаосом долгого и болезненного выхода из войны. Потребовалось, без сомнения, ждать 50-х годов — три поколения после объявленного конца «бандитизма», — когда Советский Союз, наконец, «избавился» от своих «примитивных бунтов», но по-прежнему стоял перед неразрешимыми проблемами коллективного сельского хозяйства.

Примечания

1. ГА РФ. 9401/2/171/164–169; 372–374; 384–387.
2. *Hobsbawm E. Primitive Rebels: Studies in Archaic Forms of Social Movement in the 19-th and 20th Centuries.* New-York: Norton, 1965.
3. *Hobsbawm E. Bandits.* New-York: The New Press, 2000. Этот труд — исправленный и дополненный вариант центральной части «Primitive Rebels».
4. Модернизация — экономическое развитие, развитие транспортной инфраструктуры и коммуникаций, появление централизованной администрации — объясняет Эрик Хобсбаум, основываясь на многочисленных примерах истории Европы, Китая и Латинской Америки, — подписывает смертный приговор «примитивному бунту» (*Bandits. Op. cit. P. 22*).
5. См.: *Brovkin V. Behind the Front Lines of the Civil War.* Princeton, 1995.
6. См. статью «Переосмысление “Большого террора”» в данном сборнике.
7. Лубянка, 1917–1960. А. И. Кокурин, Н. В. Петров (ред.). М.: «Демократия», 1997. С. 46–47.
8. Этот отдел по численности штатного состава (около 30 % всех сотрудников органов безопасности) был самым важным отделом ОГПУ в годы НЭПа. См.: *Werth N. L'OGPU en 1924. Radoigraphe d'une institution à son niveau d'étiage // Cahiers du monde russe. №42/2–4, avril–décembre 2001. P. 397–422.*
9. РГАНИ. 76/3/306/50.
10. О статусе различных «пограничных зон» см.: *Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939.* Ithaca, London: Cornell University Press, 2001. P. 312–316.
11. ГА РФ. 9478/1/63/3.
12. Доклад Г. Е. Прокофьева, руководителя информационного отдела ОГПУ «Эволюция бандитизма в СССР с 1 января по 1 октября 1925 г.» // *Bulletin de l'ИИТР. № 78, juillet–décembre 2001. P. 142.*
13. См.: *Werth N. Le pouvoir soviétique et la paysannerie dans les rapports de la police politique (1918–1929) // Bulletin de l'ИИТР. № 78, juillet–décembre 2001. P. 12–52.*
14. *Данилов В. П., Шанин Т. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921, «антоновщина».* Тамбов, 1994. С. 179–180.
15. «*Басмачи*», или разбойники, было определением, которое давали большевики; сами бойцы мусульманского сопротивления считали себя *джигитами* («воинами»).
16. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. I (1918–1922). В. П. Данилов, А. Берелович (ред.). М.: РОССПЭН, 1998. С. 796.
17. Там же. С. 803.
18. ГА РФ. 1339/1/449/56.
19. ГА РФ. 1339/1/449/68.
20. Доклад Г. Е. Прокофьева, руководителя информационного отдела ОГПУ «Об эволюции бандитизма в СССР в 1925 г.» (ЦА ФСБ. 2/4/54/41–57,

частичный перевод приводится в «Le pouvoir soviétique et la paysannerie dans les rapports de la police politique (1918–1929)» // Bulletin de l'ИИТР. №.78, juillet–décembre 2001. P. 141–145).

21. РГАСПИ. 17/87/180/29–30.

22. РГАСПИ. 76/3/294 (1924); ЦА ФСБ. 2/4/54/41–57 (1925).

23. «Не более 20 % из них — преступники-рецидивисты» — признавалось в уже цитировавшемся докладе Г. Е. Прокофьева (см. прим. 20).

24. ЦА ФСБ. 2/4/56/1–21.

25. РГАСПИ. 76/3/307/166–170.

26. Этот термин, «очистка», как правило, использовался в инструкциях (Источник. 1995. № 5. С. 149–150).

27. В серии статей о ведении борьбы с «контрреволюционными восстаниями», опубликованных в 1926 году в журнале «Война и революция», маршал Тухачевский писал: «В районах, где укоренился мятеж, речь уже идет о ведении не боев или операций, а тотальной войны на уничтожение [...], цель которой — помешать населению сформировать бандитские отряды. В целом война должна вестись не с бандами, но со всем гражданским населением. [...] Таким образом, поголовная высылка является самым радикальным и самым эффективным решением.» (Тухачевский М. Борьба с контрреволюционными восстаниями // Война и революция. 1926. № 9. С. 15–16).

28. Цит. в: Viola L. Peasant Rebels under Stalin. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 178.

29. Пучкин Н., Ильиных В. Классовая борьба в сибирской деревне, 1920-е — середина 1930-х гг. Новосибирск, 1987. С. 197–198.

30. Viola L. Peasant Rebels... Op. cit. P. 178.

31. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. III, 1930–1931. В. П. Данилов и др. (ред.). М.: РОССПЭН, 2002. С. 185, 212.

32. В сообщении уточнялось, что с тех пор, как скот был коллективизирован, колхозники больше не оказывают никакого сопротивления ското- и конокрадам, полагая, что отныне скот никому не принадлежит.

33. См. статью «Пораженческие и апокалиптические слухи в СССР в 1920–1930 годы» в данном сборнике.

34. О «депортации в никуда» кулаков в 1930–1931 гг. см.: Werth N. Déplacés spéciaux et colons de travail dans la société stalinienne // Vingtième siècle. Revue d'histoire. № 54, avril–juin. 1997. P. 34–50.

35. Нарымская хроника. Трагедия спецпереселенцев, 1930–1945. М., 1997. С. 25.

36. Земсков В. Спецпоселенцы, по документации НКВД–МВД СССР // Социологические исследования. 1990. №.11. С. 6–7.

37. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Т. III. В. П. Данилов, С. А. Крайильников (ред.) Новосибирск, 1994. С. 197.

38. Fitzpatrick S. Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village After Collectivization. Oxford University Press, 1994. P. 234.

39. Примеры «облав-депортаций» приведены в: Werth N., Moullec G. Rapports secrets soviétiques. La société russe dans les documents confidentiels,

1921–1991. Paris: Gallimard, 1995. P. 43–47. О «социально опасных элементах» см.: Werth N. De quelques catégories d'exclusion dans l'URSS des années 1920 et 1930: «gens du passé» et «éléments socialement nuisibles» // Actes du colloque «L'Apogée des régimes totalitaires en Europe, 1935–1953». Paris: Rocher, 2003. P. 51–74.

40. Спецсправка СПО ОГПУ «Об отрицательных моментах и политическом состоянии отдельных районов Союза 1.4.1932, ЦА ФСБ 2/10/169/1–57.

41. Сообщение ОГПУ о положении в Западной Сибири, 25 апреля 1933 года.

42. ГА РФ. 9474/1/91/133–134; Shearer D. Crime and Social Disorder in Stalin's Russia // Cahiers du monde russe. № 38 (1–2), janvier–juin. 1998. P. 119–148.

43. ГА РФ. 17/3/961/59.

44. Hagenloh P. Socially Harmful Elements and the Great Terror // Fitzpatrick S. Stalinism. New Directions. London–New-York, 2000. P. 292.

45. Shearer D. Social Disorder, Mass Repression and the NKVD during the 1930s // Cahiers du monde russe. №.42/2-3–4, avril–décembre 2001. P. 524–525.

46. Об этой операции см. статью «Переосмысление “Большого террора”» в данном сборнике.

47. Binner R., Junge M. Wie des Terror gross wurde: Massenmord und Lagerhaft nach Befehl 00447 // Cahiers du monde russe. № 42/2–3-4, avril–décembre 2001. P. 595–607.

48. ГА РФ. 9478/1/63.

49. Там же. Л. 11. Среди регионов, где бандитизм еще не был «полностью искоренен», фигурировали Чечня, Ингушетия, Дагестан и Карачаевская автономная республика. В отчете подчеркивалось, что количество банд, состоявших «на учете» в этих регионах, по-прежнему соответствовало лишь небольшому количеству действовавших банд.

50. ГА РФ. 7523/89/4408/20–22.

51. Там же. 9478/1/63/1.

52. По данным на 1 июля 1944 года Отдел по борьбе с бандитизмом заявлял о ликвидации 34 878 «украинских бандитов-националистов», из которых 16 338 погибли в вооруженных столкновениях или были казнены, а остальные арестованы (ГА РФ. 9478/78/1/63/5).

53. Там же.

54. ГА РФ. 9478/1/63/10, 9478/1/63/55.

55. Рассчитано по данным ГА РФ. 7523/89/4408 и 9492/6s/14.

56. ГА РФ. 9478/1/710/10 (доклад начальника Главного управления по борьбе с бандитизмом Н. Полякова от 3 января 1947 года).

57. Там же.

58. Об этом «выходе из войны» см. статью «Сопротивление общества в сталинском СССР» в данном сборнике.

59. В 1945 году все советские суды осудили 8387 человек за уголовный бандитизм (или в 4 раза больше, чем в 1940 году). В 1946 — 9 622, в 1947 — 12 332 (или почти в 6 раз больше, чем в 1940 году). Рост количества при-

говоров за «разбой» был менее впечатляющим, но не менее устойчивым: в 1945 — 16 333 (что на 20 % больше, чем в 1940 году), в 1946 — 30 461, в 1947 — 35 983 (ГА РФ. 7523/89/4408/30–32).

60. ГА РФ. 9401/2/98/11–14; 9401/2/98/193–203; 9401/2/100/1–33; 9401/2/104/26–50, 119–120; 9401/2/105/133–139; 9401/2/105/376–382; см. также РГАСПИ. 17/88/904/68–70.

61. См., напр.: ГА РФ 9478/1/710/10 (где подводится количественный баланс оружия, изъятого у «бандитов» в 1945–1946 годах. Упомянуты в том числе два миномета, 890 огнеметов, 8895 пулеметов, 28 682 автомата, 151 688 гранат...) См. также: ГА РФ 9401/2/139/489–494; ГА РФ. 9401/2/169/350–356.

62. ГА РФ. 9478/1/663/45.

63. РГАСПИ. 17/122/122. Об этих слухах см. также *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное советское общество. М.: РОССПЭН, 2000. С. 61–68.

64. *Зима В. Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов. М.: Институт российской истории, 1996.

65. ГА РФ. 9401/2/171; 9478/1/661–668; 8131/37/3600–3604.

66. По «социологии» сельского бандитизма мы располагаем лишь отрывочными данными, которые необходимо дополнять и углублять. Можно найти интересные биографии «бандитов» в особых папках по бандитизму, направлявшихся Министерством внутренних дел руководству страны, (ГА РФ. 9401/2/171, 172), в архивах Прокуратуры, где хранятся сводки самых примечательных дел (ГА РФ. 8131/37/3600–3604) и в частично рассекреченных архивах отдела по борьбе с бандитизмом (ГА РФ. 9478/1/585, 661, 662, 663, 664, 665, 668, 710, 764).

67. Для ознакомления с примером симбиоза сельского бандитизма и партизанской войны см.: *Weiner A.* Making Sense of War. Princeton: University Press, 2001. P. 180–181.

68. Ср. резкое снижение количества приговоров по статьям «бандитизм» и «разбой» в статистике Верховного Суда (ГА РФ. 7523/89/4408) и в докладных записках МВД на имя Сталина и Молотова в 1948, 1949, 1950, 1951 годах о криминогенной обстановке в СССР (ГА РФ. 9401/2).

69. *Eeckoute D.* Les brigands en Russie du XVII-e au XIX-e siècle // *Revue d'histoire moderne et contemporaine.* 1965 (2). P. 161–202.

70. *Lewin M.* La Formation du système soviétique. Paris: Gallinard, 1987. P. 427.

71. См.: *Viola L.* Op. cit. P. 10.

ГЛАВА 9

Сталин и его система в 30-е годы*

Жизнь Иосифа Виссарионовича Сталина, как и Адольфа Гитлера, послужила материалом для огромного множества биографий. Борис Суварин и Дмитрий Волкогонов, Адам Улам, Рой Медведев, Роберт Конквест и Роберт Таккер — огромное количество советологов писало о «своем» Сталине. Психо-исторический «сталино-центристский» подход основан на убеждении, что, как писал Роберт Конквест, «все, что произошло в эти годы, в конечном итоге, следствие особого менталитета Сталина»¹. С этой точки зрения эпизод с устранением в 1937–1938 годах части коммунистических кадров объясняется «параноидальными» настроениями диктатора. «Большой террор» являлся следствием долго вынашиваемого Сталиным плана, реализация которого началась с убийства Кирова 1 декабря 1934 года и поэтапно продолжалась вплоть до кровавых чисток 1937–1938 годов. К похожему заключению приходит в своем классическом труде о Смоленской области американский историк Мерль Файнзод: «В политической сфере сталинизм обозначал расцвет тоталитарного режима, при котором все рычаги контроля в конечном итоге сосредоточились в руках диктатора»².

В качестве реакции на этот «сталино-центристский» подход исследователей, которые пытались воссоздать «намерения» диктатора на основе документов неполных и зачастую полученных из вторых рук, опуская некоторые фундаментальные вопросы, касающиеся способа управления, в 80-е годы развился другой подход, так называемый «ревизионистский». Опираясь в основном на материалы Смоленского областного архива, но делая из них выводы, абсолютно отличающиеся от выводов Мерля Файнзода, историки-ревизионисты выделяли прежде всего разлад в работе конкурирующих администраций, конфликты между Центром и периферией и постоянное несоответствие объявленных целей результатам, отклонения,

* *Staline en son système dans les années 1930* // Н. Rousso (dir.) *Stalinisme et Nazisme. Histoire et mémoire comparées.* Bruxelles: Complexe, 1999. P. 39–79.

злоупотребления и другие аспекты явления, так называемого «*перегиба*», — центрального элемента сталинской политической культуры. Шла ли речь о коллективизации, чистках, «Большом терроре», развитие событий, согласно историку Джону Арчу Гетти, одному из ведущих представителей американского ревизионистского течения, ни в коем случае не шло в соответствии с заранее установленным планом Сталина. Напротив, после объявления Москвой очередной «кампании» — зачастую с неясными целями — местные чиновники «интерпретировали» указания по своему усмотрению, подчинялись им или нет, выказывали «рвение» или пытались «саботировать» инициативу. Процессы развивались неконтролируемо, отражая скрытые социальные конфликты, наличие местных структур власти, кланов и других «клик», над которыми Центр не имел никакого влияния. «Большой террор» был не операцией, спланированной деспотом-параноиком, а бегством наперегонки к хаосу. В конечном итоге, Сталин был слабым диктатором: до конца 30-х годов в его распоряжении не было аппарата, способного выполнять его указания, в результате местные власти сохраняли значительную долю самостоятельности. К тому же, на центральном уровне Сталину постоянно приходилось лавировать между двумя фракциями Политбюро — «умеренной» (которую возглавлял Киров, а после его убийства — Жданов и Орджоникидзе) и «радикальной» (главными лидерами которой были Молотов, Каганович, Ежов)³. Лишь в 1937 году Сталин, опираясь на «радикалов», сделал выбор в пользу исключительно полицейской логики⁴ и обеспечил свое превосходство, пока только относительное.

Доступ к важной части документов руководящих органов партии — Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК, к переписке руководящих элит, так же как и к массе документов советской администрации высшего и среднего звена, позволил, по крайней мере для предвоенных лет — единственного по-настоящему изученного периода, осветить (и в значительной степени выйти за их пределы) дебаты о всемогуществе или «слабости» Сталина. Действия диктатора оценивались в контексте функционирования формирующейся специфической, «административно-командной системы». Эти, ставшие доступными, документы позволяют лучше понять механизмы принятия решений наверху и проведения намеченных мер в жизнь. Несмотря на трудности в воссоздании процессов принятия решений, стало возможным документировать и идентифицировать личный почерк Сталина и проследить за логикой той или иной администрации. Также легче стало определить границу самостоятельности различных политиков,

определить степень продуманности политического проекта, долю в нем импровизации, проследить первые шаги по его реализации, изменения, сбой в политической системе, которая пыталась урегулировать социально-экономические потрясения, вызванные коллективизацией и ускоренной индустриализацией. Как пишут Ален Блюм и Катрин Гусефф, «советское государство начало само восприниматься как объект социальной истории через изучение его действующих лиц, функционирования его администрации, форм переговоров и конфликтов, в которых оно участвовало... Речь идет о понимании всех уровней функционирования государства и об окончательном отказе от использования термина “государство” в качестве простой и деперсонифицированной формы, навязывающей свою волю. Напротив, необходимо рассматривать его как очаг напряжения и противоречий, конфликтов и переговоров»⁵. Этот подход, разумеется, позволяет лучше оценить место и роль диктатора в системе власти.

Российский историк Олег Хлевнюк⁶ в своих работах поставил под сомнение две основные трактовки политической истории «верхов» в 30-е годы: версию долгосрочного плана ликвидации старой ленинской гвардии, разрабатываемого Сталиным с начала 30-х годов, основным пунктом которого было бы убийство Сергея Кирова, лидера «умеренных»; и противоположную версию, согласно которой Сталин, по крайней мере, до 1937–1938 годов играл лишь роль посредника между противоборствующими фракциями. Анализируя систему функционирования Политбюро Олег Хлевнюк показал, как Сталину удалось постепенно добиться трансформации этого коллегиального органа управления в простую палату регистрации сталинских решений, навязать, рискуя нарушить партийные правила, свою полицейско-деспотическую «клановую» логику «бюрократической логике индустриального государства», которую в середине 30-х годов разделяли некоторые из самых приближенных его сотрудников, в особенности Серго Орджоникидзе, всемогущий глава наркомата тяжелой промышленности.

Некоторые историки предложили социальный подход к исследованию сталинской политики — исходя из роли в ней различных ведомств: органов управления народным хозяйством, Госплана, Наркомата путей сообщения, Центрального статистического управления, Наркомюста, НКВД⁷. В то же время они стремились анализировать конфликты между профессиональной логикой «традиционных» административных органов, занятых сохранением своих полномочий, персонала, автономии и места в государственной иерархии, логикой местных органов власти, которые учились защищаться и сопротив-

ляться нередко противоречивым указаниям Центра, и полицейско-деспотической логикой органов безопасности и «сталинского клана». Эти конфликты нашли радикальное разрешение во время чисток «Большого террора» 1937–1938 годов.

Все эти работы сходятся в констатации одного факта⁸: 30-е годы, этап формирования сталинизма как политической системы, были временем серьезных конфликтов между двумя формами организации и двумя логиками власти. С одной стороны, логика «административно-командной системы», государственного аппарата, становящегося все более сложным, разнородным, гипертрофированным, вынужденным контролировать растущую сферу деятельности и общество, сопротивлявшееся изменениям, которые навязывал ему режим. С другой стороны, откровенно деспотическая концепция управления делами страны, разделявшаяся Сталиным и его «ближним кругом». Разумеется, существуют серьезные противоречия между «клановой логикой», подразумевающей разрушение всех профессиональных, личных, политических связей, стоящих у истоков солидарности, не имеющей отношения к принятию политики Сталина и его персоны, и административной логикой современного индустриального государства, основанной на принципе компетентности. Этот конфликт позволяет понять то, что для Моше Левина является «сущностью сталинизма», а именно, «институциональной паранойей», которую он определяет так: «чувство бессилия, которое развивается в узком кругу высшего руководства, а затем у лидера этого руководства. Чем сильнее центральная власть, тем интенсивнее это чувство бессилия»⁹. Эта гипотеза, предполагающая анализ ключевого вопроса — строительства государства и институциональных, экономических и социальных потрясений 30-х годов, разумеется, более плодотворна, чем гипотеза «личной паранойи» диктатора, которой долго объясняли террор, развязанный в конце 30-х годов против значительной части коммунистических кадров. Она позволяет избежать дебатов, к тому же малопродуктивных, о «всемогуществе» или «слабости» диктатора.

Со времени прихода к власти большевики осознавали хрупкость инструментов государственного контроля, находящегося в их распоряжении. Поскольку государство по ленинской теории должно было исчезнуть, большевистское руководство не занималось углубленным анализом бюрократии. Забастовка царских чиновников, первое активное противостояние режиму, укрепила их в мысли о том, что бюрократия есть дело классовое, и что замена *чиновников* старого режима пролетариями окончательно решит вопрос. Отказавшись после

краткого «левацкого» этапа от химер относительно «исчезновения государства», большевики за неимением кадров были вынуждены срочно привлекать в армию и администрацию «специалистов» старого режима, оставшихся, тем не менее, на подозрении.

Одновременно в аппарат нарождающегося государства влилась масса плебейских элементов, которые компенсировали слабость политического образования и профессиональной квалификации активностью, представлявшей собой смесь преданности делу большевистского государства и «традиционного» поведения мелких бюрократов старого режима. Недоверие к ненадежному аппарату, состоявшему из плебейских элементов, только что вступивших в большевистскую партию, бывших чиновников старого режима и «буржуазных специалистов», частично объясняет живучесть того, что можно было бы назвать клановой политической культурой, являющейся продолжением конспиративной культуры революционных организаций. В годы Гражданской войны, как и позднее, большевистские руководители, считая, что для обеспечения быстрого и эффективного исполнения важных инструкций они могут рассчитывать только на узкий круг людей, разработали практику направления на места «уполномоченных», призванных дублировать местные органы власти, зачастую имеющие размытые полномочия, что было обусловлено двойной легитимностью: партии и — более традиционной — государства. Документы высших партийных инстанций показывают, до какой степени, в том числе в «мирные годы» нэпа, была развита «конспиративная культура»: даже члены ЦК (не говоря уж о местных партийных секретарях) были не в курсе большей части решений Политбюро¹⁰. Несмотря на официальный запрет «фракций» в рамках партии¹¹, они сохранялись на самом высоком уровне, о чем свидетельствует частная переписка высшего руководства¹². По ряду хорошо известных причин Сталину, великому знатоку подковерных маневров, удалось на основе военно-большевистских сетей, восходящих к годам Гражданской войны («царицынская группа» и «кавказская группа», объединявшая Орджоникидзе, Микояна, Ворошилова, Буденного, Кирова, Енукидзе, Молотова и др.), создать гораздо более структурированный и эффективный политический клан, что позволило ему во второй половине 20-х годов обойти других претендентов на пост преемника Ленина.

Вопрос формирования политических и экономических кадров режима оставался на протяжении 20-х и 30-х годов одной из основных проблем большевистского руководства. Как отмечал на XI съезде РКП(б) в 1922 году Ленин, разве не несут ответственность кадры ста-

рого режима «буржуазного происхождения» за то, что «машина едет не туда, куда ее направляют»? Эту тему всесторонне развил Сталин в тридцатые годы, чтобы объяснить отклонения от верной политики: «девять десятых наших прорех и прорывов объясняется отсутствием правильно поставленной проверки исполнения решений [...] правильного подбора кадров [...] бюрократизма, обезлички в работе местных органов[...]»¹³.

В реальности, в конце 20-х годов перед руководством страны встали две проблемы, суть которых иллюстрируют два «дела» 1928 года, получившие широкую известность: «Смоленский скандал» и «Шахтинское дело». Первое было призвано продемонстрировать полное «вырождение» областного партийного руководства, скомпрометировавшего себя связями с представителями преследуемых режимом социальных групп (*нэпманы* и кулаки), запутавшегося в грязные дела, организовавшегося в мафиозные клики (объединяющие партийных и советских работников, руководство профсоюзов, органов безопасности), и покрывавшего нарушения советских законов¹⁴. Этот показательный случай, который, разумеется, был лишь верхушкой айсберга, дает основания историку судить о природе советского государства 20-х годов. Отсутствие разграничения сфер ответственности между различными органами (власть партийных секретарей была очень большой и не имела четких границ), отсутствие у кадров специального образования (так, в 1930 году лишь 4 % судей и 10 % прокуроров имели высшее образование), мощь «местных клик», контролировавших суд, силовые органы и администрацию и игнорирующих указания Центра, обрисовывает контуры государства, которое лишь с большой натяжкой можно назвать современным¹⁵.

Второе, хорошо известное «дело» — это Шахтинское дело о масштабном «вредительстве», организованном «буржуазными инженерами» на шахтах Донбасса. Это дело было призвано напомнить, что в момент, когда режим занялся «строительством социализма», он должен был срочно обзавестись новой «красной интеллигенцией и специалистами».

Учиться, «овладеть техникой» — такой была, как много раз напоминал Сталин в 1928–1929 годах, — задача коммунистов. Разумеется, здесь было над чем работать: в 1928 году только 8 000 членов партии (1 % от общего числа) имели диплом о высшем образовании; во всей советской промышленности насчитывалось лишь 138 инженеров-коммунистов¹⁶! В центральном аппарате (Госплан, ВСНХ, Наркомфин, Центральное статистическое управление), в ведомствах, которые должны были отныне заниматься грандиозными проектами

планирования и ускоренной индустриализацией страны, и где до тех пор сохранялась административно-профессиональная логика относительно независимая от политической сферы, большинство сотрудников были беспартийными и почти все — не сталинисты.

В своих «Записках экономиста», опубликованных в «Правде» 30 сентября 1928 года, одном из основных текстов последней оппозиции сталинской линии, Николай Бухарин предсказывал, что устранение рынка, насильственная коллективизация, ускоренная индустриализация и административное управление экономикой неизбежно приведут к созданию бюрократического Молоха, который поглотит партию и породит деспотические формы власти, по его мнению, не имеющие отношения к ленинскому большевизму¹⁷.

Во многом эти прогнозы сбылись. Потрясения «второй революции», этой «революции сверху» (Роберт Таккер), сознательно затеянной сталинской группировкой, чтобы утвердить свое политическое превосходство и построить «индустриальное государство», имели своим следствием широкое распространение бюрократических аппаратов, сфера деятельности которых постоянно расширялась. И, что самое важное, при видимости ускоренной централизации этот процесс в действительности во многом ушел из-под контроля Центра, равно как планирование экономики превратилось в хаотичное и краткосрочное административное управление экономическими ресурсами и приоритетами. Постоянная спешка, постановка нереальных задач, необходимость реорганизовывать все существующие административные структуры, пассивное сопротивление местного аппарата реформам и даже политическому проекту трансформации в целом, мобилизация под лозунгом борьбы с бюрократией некавалифицированного персонала, чтобы обойти имеющиеся административные препоны — все это усиливало напряженность и порождало неопишуемый хаос. В течение нескольких месяцев политико-административная система в том виде, в каком она функционировала в 20-е годы, пережила многочисленные сбои, которые мы упомянули выше, и была серьезно дестабилизирована.

В своей недавней работе американский историк Дэвид Ширер¹⁸ — в продолжение очерков Моше Левина и Шейлы Фитцпатрик об этих годах становления сталинской системы¹⁹ — дает точное описание состояния постоянного кризиса, мобилизации, в котором осуществлялась реорганизация управления советской промышленностью в начале 30-х годов. Грандиозный проект радикального переустройства промышленных структур, разработанный в конце 1929 года, предусматривавший создание — вместо существующих децентрали-

зованных экономических советов — строгой вертикали, в реальности спровоцировал процессы, ставившие в тупик высшее руководство страны²⁰, привел к хаотическому размножению властных структур, одной из особенностей которого было свойство воспроизводиться на всех уровнях экономики. Параллелизм и сложность кадровых структур, полицентризм, «бумажный поток»²¹, *неплановость* делали неэффективной промышленную бюрократию, которая оказалась неспособной контролировать то, что происходит на заводах: текучку, издержки производства, формы организации труда.

На другом большом «фронте» — насильственной коллективизации деревни — проблема, разумеется, была несколько иной. Тем не менее, ошибки, ставшие следствием попыток ввести крестьянский поток в единое русло, напоминали некоторыми аспектами сбой «административно-командной системы», опробованной в промышленности. Поскольку органы власти в сельской местности в конце 20-х годов и не могли, и часто не хотели осуществлять коллективизацию, последнюю проводили «шоковыми методами»: массовыми мобилизациями (типа движения «двадцатипяти тысячников», рабочих и комсомольцев, возглавлявших бригады по коллективизации и или раскулачиванию) при поддержке органов безопасности, дублировавших и дестабилизировавших уже существующие органы власти. Так, массовые аресты и депортации крестьян, сопротивлявшихся коллективизации, проводимые различными комиссиями, созданными при поддержке агентов ОГПУ *ad hoc*, состоявшими из «активистов» с неопределенным статусом, надолго дезорганизовали судебный аппарат, мучительно перестраивавшийся с конца Гражданской войны²². Перегибы достигали таких масштабов, что высшее партийное руководство вынуждено было вмешаться и с помощью широко известных инструкций²³ напомнить, что только лица, уполномоченные на то по закону, имеют право арестовывать подозреваемых. Создание десятков тысяч колхозов и совхозов породило сколь многочисленный, столь и неэффективный аппарат, состоявший из мелких чиновников (председатели колхозов, бригадиры, счетоводы, разного рода контролеры), чаще всего солидарных со своими подчиненными и вследствие этого вызывавших подозрение у властей. Значительное расширение сфер ответственности — особенно экономических — парторганизаций на местном и областном уровнях, привел к тому же к размыванию границ между государством и партией, организацией, трансформировавшейся, как прогнозировали в 20-е годы некоторые оппозиционные Сталину большевики, в бюрократического монстра, сосредоточенного на повседневных

проблемах «административно-командной системы», порожденной «Великим переломом».

В большевистской политической культуре сбой бюрократической машины могли объясняться только в классовых терминах, «не тем» социальным происхождением кадров и руководителей, обязанных проводить партийную линию, или в терминах «отставания» и «бескультурия». С 1929 года режим начал масштабную операцию по воспитанию нового поколения политически лояльных специалистов, к тому же «владеющих техникой», поколения, которое должно было стать костяком нового государства. 30-е годы были отмечены одновременным устранением старых кадров и специалистов-некоммунистов и выдвижением новой «технической интеллигенции»²⁴. Начавшись с чисток «буржуазных» инженеров в 1928–1929 годах, хозяйственных органов в 1929–1930 годах, затем администрации в целом (1930, 1932–1933 годы)²⁵, этот процесс продолжался с различной интенсивностью на протяжении всего десятилетия. Создание новой промышленной и административной элиты должно было растянуться на многие годы: «выдвиженцы» первой волны, коммунисты «правильного» социального происхождения достигли «боеготовности» лишь начиная с 1937–1938 годов. До этого режиму волей-неволей приходилось довольствоваться неоднородными по составу структурами, объединяющими *практиков*, взятых от станка, преданных делу, но зачастую некомпетентных, и квалифицированных администраторов, не разделяющих партийную линию. Уровень образованности политических кадров оставался крайне низким: на начало 1937 года 70 % секретарей областных комитетов партии и 80 % секретарей горкомов имели лишь начальное образование²⁶. «Не думай, что я впал в мизантропию, нет, — писал 26 июля 1932 года К. Ворошилов, народный комиссар обороны, Сталину, — просто болит душа, и я не знаю, что предпринять, чтобы заставить народ по-другому, по-нашему, по-социалистически относиться к делу, к своим обязанностям. Я не могу пожаловаться на тех же командующих и вообще на начсостав, что они мало и нерадиво работают. Наоборот, все работают до поту и одурения, но толку пока мало»²⁷. Эта тема в переписке большевистского руководства всплывает очень часто²⁸. Перед лицом беспорядка, неэффективности и бюрократизации центральные власти прибегали к двум средствам: усиление на всех уровнях принципа *единоначалия* и в критические моменты, которые возникали часто, к отправке «уполномоченных», которым предписывалось «наказывать одних так, чтобы было неповадно другим»²⁹, и строгий «большевистский контроль» над местной администрацией, которая, как считалось,

не только не справлялась с ситуацией, но и не сообщала наверх о реальном положении вещей (и даже оказывала пассивное сопротивление политике Центра).

Функциональную организацию в управлении экономикой, на которую надеялись плановики, сменил принцип *единоначалия*, воплощенный в «начальниках производства», по-военному управлявших предприятием. Одновременно в политической сфере большая свобода действий в начале 30-х годов была предоставлена новым региональным руководителям, которым вменялось в обязанность проведение политики «Великого перелома». Облеченные огромной властью, местные руководители довольно скоро превратились — как это показал Мерль Файнзод на примере первого секретаря Смоленской обкома И. П. Румянцева — в настоящих «маленьких Сталиных», прославлявшихся как «лучшие большевики области»; у каждого из них был свой «семейный кружок», основанный на принципе личной преданности «хозяину», который создавал или губил их карьеры³⁰. Прежние традиции, обличавшиеся в конце двадцатых годов на примере громких дел вроде «Смоленского скандала», оказались прочными и трудно искоренимыми.

Чтобы как-то компенсировать отсутствие надежных политико-административных рычагов, высшие руководители партии — за исключением Сталина — постоянно отправлялись в поездки по стране, чтобы обеспечить проведение в жизнь самых непопулярных, в том числе среди местных коммунистов, мер. Большинство из них проводили в таких турне многие месяцы³¹. Постоянное дублирование нормальных административных рычагов, непрерывная делегитимация местных властей направлением уполномоченных, инструкторов и «ударных отрядов», которые часто опирались на органы безопасности, — мера, вызванная страхом перед «саботажем» правительственных решений аппаратами, которые, как считалось, не способны проводить политическую линию Центра, — все это было проявлением внутреннего конфликта в порядке правления в годы формирования сталинизма. Именно из-за конфликта, вызванного спорам вокруг этих мер — продолжать их или же положить конец, способствуя более регулярному функционированию бюрократической машины, — произошел, ставший хорошо известным сегодня, настоящий политический раскол в окружении Сталина, главными действующими лицами которого были в 1936 — начале 1937 годов Сталин и Орджоникидзе.

Документы руководящих органов партии и ставшая не так давно доступной переписка большевистского руководства освещают, по крайней мере, что касается 30-х годов, функционирование власти

на самом высоком уровне, позволяют увидеть — в общем контексте, упомянутом выше, — как Сталин постепенно навязывал свою политическую линию и полицейско-деспотичную «клановую» логику, понемногу ограничивая самостоятельность местного руководства и центральных *ведомств*, этих бюрократических машин, самые важные из которых (тяжелой промышленности, транспорта, торговли, продовольствия, обороны) возглавляли его коллеги по Политбюро. После разгрома в конце 1930 года так называемой «правой» оппозиции (Бухарин, Рыков, Томский) *ведомства* и их главы, члены высшей партийной инстанции, в действительности представляли собой главный противовес, объективно ограничивающий власть Генерального секретаря. Личная диктатура Сталина, диктатура всеобъемлющая, вникающая в мельчайшие детали, наносящая удары по «семейственности» «маленьких Сталиных», с этой точки зрения очень отличалась от гитлеровской диктатуры, основанной, как показали работы Мартина Бросата о гитлеровском государстве, на «харизматичности» фюрера, на аморфности и отсутствии структур, на «неофеодальном» стиле управления, который оставлял значительное поле для маневра нацистским *гауляйтерам* в их владениях.

Чтобы призвать бюрократию к порядку, Сталин не без поддержки своих самых доверенных сотрудников, власть которых понемногу ограничивалась в пользу того, кого они называли «хозяин», «отец», «лучший друг», обратил исключительно себе на пользу функционирование партийных коллегиальных органов, особенно Политбюро, во имя централизации, ставшей необходимой из-за анархического разрастания бюрократии при «административно-командной системе».

В конце 1930 года сталинская группа взяла в свои руки контроль над правительством (СНК и СТО СССР и Совещание замов), которое до тех пор возглавлял один из лидеров «правой» оппозиции Рыков. Его заменил Молотов — с целью «устранить разрыв между советским и партийным руководством». «При такой комбинации, — писал Сталин Молотову, — мы будем иметь полное единство советской и партийной верхушек, что, несомненно, удвоит наши силы»³². Достигнутое таким образом единство должно было усилить централизацию: координацию работы наркоматов отныне осуществляло Политбюро и созданные Сталиным в 1931–1932 годах узкие комиссии — постоянные или временные, — в которые входили Сталин и его самые доверенные соратники³³; затем, по мере того как снижалась роль Политбюро как органа коллегиального управления — сам Сталин. Естественно, установление вертикальных связей между руководителями каждого ведомства и высшим руководством способст-

вовало развитию конфликтов и межведомственного соперничества и повлекло за собой временное ослабление самостоятельности различных министерств.

Анализ документов Политбюро и его комиссий позволяет также показать, как урезались полномочия отраслевых органов³⁴ одновременно с ростом беспрецедентной «конспиративности» процесса принятия решений³⁵. Отказ от делегирования полномочий мотивировался растущим недоверием Сталина к «бюрократам», проходившим красной строкой в переписке Генерального секретаря и его соратников с 1931–1932 годов³⁶. В противоположность концепции государства, которому угрожали «герои *ведомственности*»³⁷, Сталин развивал свое видение государства, власть в котором должна принадлежать ограниченной группе («нашей руководящей группе, исторически сложившейся в борьбе со всеми видами оппортунизма», — писал он Кагановичу в августе 1931 года³⁸), состоящей из нескольких верных соратников, способных преодолеть «бюрократическую опеку», «окружив себя новыми людьми, которые верят в наше дело и могут успешно заменить бюрократию»³⁹.

Другой примечательный процесс: значительное уменьшение числа пленарных заседаний Политбюро: в 1930 году состоялось 85 заседаний, в 1933 — 32, в 1935 — 20, в 1936 — 9, в 1937 — 6, в 1938 — 3 и в 1939 — 2. Их постепенно заменяли неформальные встречи, на которые собиравшись сам Сталин, его наиболее близкие соратники и руководители, имевшие отношение к обсуждавшимся вопросам. Анализ протоколов Политбюро позволяет сделать вывод, что с 1934 года большая часть постановлений, официально принятых как «решения Политбюро», на самом деле принималась двумя-тремя руководителями, чаще всего Сталиным, Кагановичем и Молотовым и одобрялась другими, менее «активными» членами Политбюро, «опросом»⁴⁰. Недавняя публикация журнала записи лиц, принятых Сталиным, со списком посетителей и продолжительностью их пребывания также очень показательна. Она позволяет составить представление о собеседниках Сталина в тот или иной период, восстановить — сопоставив эту информацию с другими источниками (переписка руководства, решения, зафиксированные в протоколах Политбюро) — механизмы принятия решений в рамках все более узкого круга, в котором Сталин играл решающую роль, вмешиваясь во все сферы государственной жизни. Примечательно, что Сталин проводил все больше времени во встречах в своем служебном кабинете с некоторыми коллегами, находящимися на привилегированном положении: с Молотовым на протяжении всех 30-х годов, Кагановичем, особенно в 1932–1937 го-

дах, Ворошиловым в 1936–1939 годах, Ежовым в 1937–1938 годах, Ждановым с 1935 года, с Орджоникидзе в 1933–1936 годах⁴¹. Когда Сталина не было в Москве (обычно два-три летних месяца, которые он проводил в Сочи), он управлял посредством писем или телеграмм, настоящих программных документов, регулярно посылаемых его сотрудникам и тут же принимавшихся к исполнению. «От хозяина, — писал 2 августа 1933 года Каганович Орджоникидзе, — по-прежнему получаем регулярные и частые директивы, что и дает нам возможность не промаргивать, правда, фактически ему приходится работать, но ничего не сделаешь иначе»⁴². Сталин вмешивался даже во внешне казалось бы второстепенные дела, которые возводились генеральным секретарем в ранг «показательных». Так было с некомплектными комбайнами, поступавшими с запорожского завода «Коммунар» в сентябре 1933 года, и послужившими для Сталина предлогом требовать усиления уголовной ответственности для промышленных кадров и обвинить Кагановича и Орджоникидзе в «антипартийности»⁴³. Тем не менее, в том числе на высшем уровне, сохранялись островки самостоятельности, находившиеся в компетенции «традиционных» ведомств. Последние работы Алена Блюма о статистиках Центрального управления национального хозяйственного учета (ЦУНХУ) и Сабин Дюллен о дипломатах Наркоминдела осветили этот аспект. Так, до 1937 года статистики приводили данные, которые противоречили цифрам, озвучивавшимся политической властью и Сталиным в частности; административная и научная логика продолжала функционировать, даже несмотря на то, что невозможность интерпретировать некоторые данные (в особенности относящиеся к голоду 1932–1933 годов) «вела к искажениям общей картины»⁴⁴. В 1934–1936 годах сталинское руководство позволило развиваться конфликту между полицейским подходом к демографии, представленным НКВД, ответственным за регистрацию актов гражданского состояния, и научным подходом, который защищали статистиками и демографами. Полицейская логика восторжествовала только в 1937 году после аннулирования результатов переписи населения января 1937 года, которые шли вразрез с данными, которые долгое время прогнозировал сам Сталин.

В области внешней политики Наркомат иностранных дел оставался институтом высокого профессионального уровня, очень разнородным в политическом отношении. Ответственные посты в нем занимало большое число дипломатов, принадлежавших к социалистическим меньшевистским партиям, а также члены различных оппозиций сталинскому течению, в особенности троцкисты. Воз-

главляемое Максимом Литвиновым ведомство до конца 1936 года сохраняло не только значительную автономию, но и определенную инициативность. До того как Сталин и его ближайшие соратники по Политбюро взяли Наркоминдел под свою опеку, Максиму Литвинову удалось добиться утверждения многих из его решений сталинским окружением, которое колебалось в отношении вариантов проведения долгосрочной внешней политики в условиях сложной международной обстановки⁴⁵. Литвинов делал выбор в пользу политики коллективной безопасности, осторожности и сдержанности по отношению к нацизму и убежденности в том, что СССР не сможет долго оставаться в стороне от «межимпериалистического» конфликта.

Осень 1936 года ознаменовала собой поворот в плане как внешней, так и внутренней политики: именно с этого момента восторжествовала полицейско-деспотическая логика, усугубленная все более острым восприятием Сталиным угрозы войны. С этой точки зрения основную роль сыграла Гражданская война в Испании. Перспектива масштабного международного конфликта, избежать которого СССР не мог, усилила «институциональную паранойю» Сталина, который не забыл один из главных политических уроков Ленина: глубоко дестабилизирующую роль всякой войны для политических режимов, какими бы они ни были⁴⁶. В сентябре–октябре 1936 года, поставив Ежова во главе НКВД, Сталин затеял широкую антибюрократическую популистскую и полицейскую кампанию против промышленных кадров, подозревавшихся в сокрытии реальных производственных возможностей в условиях серьезных экономических трудностей, вызванных в первую очередь дезорганизацией работы предприятий стахановским движением. Против этой новой делегитимации профессиональной компетенции, этой очередной волны «спецедействия» поднялись даже закоренелые сталинисты, вроде Серго Орджоникидзе (и в меньшей степени Лазаря Кагановича), ставшие на время защитниками стабильности кадровой политики и отдающие предпочтение профессиональной компетентности, которой так недоставало стране, перед чисто политическим сталинским подходом⁴⁷. В конце 1936 — начале 1937 годов между Сталиным и Орджоникидзе, наркомом тяжелой промышленности, разгорелся конфликт по поводу интерпретации экономических трудностей и в особенности многочисленных несчастных случаев на производстве, имевших место в 1936 году, объявленном «годом стахановского движения». В то время как Сталин выступал за чисто полицейскую интерпретацию якобы имевшего место ширококомасштабного саботажа, в котором участвовали промышленные кадры, включая недостаточно «бдительных» ком-

мунистов, Орджоникидзе отвергал этот подход, который открывал путь к широкой чистке промышленных предприятий, за которые он отвечал⁴⁸. Уже много лет Орджоникидзе был ярким защитником интересов своего наркомата, символа мощи индустриального государства и «административно-командной системы», которые худо-бедно строились с начала 30-х годов. Для Сталина, напротив, дать руководству возможность сохранить свои кресла и свои привычки означало реальное ограничение его личной деспотической власти. Конфликт между этими двумя людьми, двумя логиками власти, привел к трагической гибели Орджоникидзе, доведенного до самоубийства 18 февраля 1937 года, за несколько дней до открытия пленума Центрального комитета, к которому нарком тяжелой промышленности подготовил громкий доклад, отрицавший факт существования вредительства в советской экономике.

После гибели Орджоникидзе Сталин, опираясь на «группу, исторически сложившуюся в борьбе со всеми видами оппортунизма» (Каганович, Ворошилов, Молотов, Микоян, Андреев), а также на некоторых новых выдвиженцев (Жданов, Маленков, Ежов, Берия), начал атаку не только против неизбежно подозрительных в его глазах кадров экономической бюрократии, но и на часть военных кадров и руководителей обкомов, часто плодивших «семейственность». Для этой операции Сталин воспользовался стратегией, основанной на одновременно популистском и полицейском подходе к политической акции. Популистская стратегия, особая манера вождя общаться с массами через голову бюрократии, развивалась по сценарию, разработанному в связи с «делом Постышева-Николаенко», которое позволило Сталину выдвинуть на первый план «простых людей, рядовых членов партии... которые иногда оказываются куда ближе к истине, чем некоторые высокие учреждения»⁴⁹. «Семейке близких людей, артели, члены которой стараются жить в мире, не обижать друг друга, не выносить сора из избы, восхвалять друг друга и время от времени посылать в центр пустопорожние и тошнотворные рапорта об успехах», Сталин противопоставил «политическую бдительность простых людей, рядовых членов партии, таких как Николаенко»⁵⁰. Это дело призвано было проиллюстрировать в глазах масс постоянную заботу вождя о защите «простых людей» от произвола «высоких учреждений» и «бюрократов». Поучительная история Николаенко равным образом способствовала созданию мифа, согласно которому вождь, находящийся выше «дел», оправдывавших усиление бдительности, не имел отношения к массовому террору.

Другим решающим аспектом сталинского наступления был «альянс суверена с политической полицией»⁵¹. Сталин больше, чем лю-

бой другой большевистский руководитель, видел в политической полиции абсолютное средство, единственную реальную защиту его личной власти. С 20-х годов Сталин пользовался своими тесными связями с органами безопасности, чтобы фабриковать «дела», компрометирующие его политических оппонентов в самом партийном руководстве⁵². Альянс с органами безопасности, который в первую очередь обеспечивал его Секретариат, возглавлявшийся Поскребышевым, упрочился после нескольких эпизодов, оказавших особое влияние на диктатора: самоубийство его жены в ноябре 1932 года и убийство Кирова в декабре 1934⁵³. В межинституциональных конфликтах, развивавшихся в 30-х годах, Сталин чаще, чем его коллеги, прибегал к исключительно полицейскому подходу. Недавние исследования о «Большом терроре» дают представление, на сегодняшний день получившее достаточно документальных подтверждений, о централизованном процессе, инициированном на самом высоком уровне Сталиным и осуществлявшемся огромным аппаратом (более 370 тысяч сотрудников) НКВД во главе с Ежовым. В течение двух лет, в ходе которых последний по инициативе Сталина занимал пост народного комиссара внутренних дел (конец сентября 1936 — ноябрь 1938 года), он стал привилегированным собеседником генерального секретаря: Сталин принимал Ежова в своем кабинете 306 раз при общей продолжительности их встреч более 900 часов⁵⁴! Сегодня мы знаем, что то, что мы назвали «Большой террор», развивалось в двух направлениях. Он сочетал десяток крупных операций по массовому террору с лимитами на арест и казнь, которые коснулись более миллиона человек (эти операции, по сути, представляли собой последнюю и радикальную попытку социальной чистки в продолжение серии репрессивных действий, начавшихся в 30-е годы с «раскулачивания», чтобы положить конец «социальному беспорядку» и избавить раз и навсегда «новое социалистическое общество» от «социально чуждых элементов»)⁵⁵, и репрессии, направленные против части политических, экономических и военных элит, целью которых было уничтожение всех политических, личных, профессиональных, административных связей, не имевших в качестве своего основания приверженность политике Сталина или его персоне и выдвижение нового слоя руководителей, которые своей головокружительной карьерой были бы обязаны вождю, что обусловило бы их полную преданность ему. Обновление кадров шло семимильными шагами: на начало 1939 года 293 из 333 секретарей обкомов партии и приблизительно 26 000 из 33 000 представителей номенклатуры ЦК находились на своем посту менее года. На начало 1937 года 88 % областных секретарей вступило

в партию до 1923 года; двумя годами позже это соотношение упало до 18 % — причем большинство (65 %) выдвиженцев на эти ключевые посты вступило в партию после сталинского «великого перелома» 1929 года⁵⁶. Глубокое обновление политико-административного персонала «выдвиженцами первой пятилетки», приступившими к выполнению профессиональных обязанностей в 1936–1938 годах, сопровождалось усилением опеки Москвы над регионами, избавившимися от своих руководителей⁵⁷, а на центральном уровне — потерей самостоятельности комиссариатов в пользу узких комиссий, объединивших самых доверенных соратников Сталина. В этом отношении особенно показателен пример внешней политики. Народный комиссариат иностранных дел не только подвергся масштабной чистке, но и потерял с начала 1937 года часть самостоятельности, которую сохранял до тех пор благодаря высокой профессиональной квалификации дипломатов. Постоянная комиссия по внешней политике (Сталин, Ворошилов, Молотов, Каганович, Ежов) свела на нет роль наркомата, возглавлявшегося М. Литвиновым, а советских послов напрямую вызывали в кабинет Сталина, где они получали инструкции⁵⁸. Аналогичный процесс развивался в сферах экономики и обороны после создания Экономического совета на правах постоянной комиссии и Комитета обороны СССР. Формирование двух постоянных комиссий (по внешнеполитическим и экономическим вопросам), к которым надо прибавить различные, уже существующие узкие комиссии (состоявшие из тех же пяти-шести сотрудников сталинского «ближнего круга»), завершило маргинализацию Политбюро, реальное влияние которого на протяжении нескольких лет продолжало уменьшаться⁵⁹, и половина членов которого — все, кто не входил в ближний круг — была в 1937–1938 годах арестована и расстреляна⁶⁰.

Наиболее полное выражение «институциональной паранойи», которая является одним из ключевых моментов для понимания сталинизма — «Большой террор» привел к усилению личной власти Сталина (объединившего в мае 1941 года посты генерального секретаря партии и председателя Совета народных комиссаров⁶¹), к триумфу «клановой логики» и деспотической концепции порядка правления, к новому витку культа личности. Этот культ, как показали Иэн Кершоу и Моше Левин⁶², значительно отличался от того, что характеризовало культ фюрера в национал-социализме. Первое различие заключалась в способе общения вождя с «массами». Сталин настолько осознавал свою непопулярность, так боялся малейшего физического контакта с населением, что стоял у истоков Постановления Политбюро (от 20 октября 1930 года), которое формально запрещало

генеральному секретарю передвигаться по улице пешком, учитывая риск (мнимый) покушения на него. Радостные отклики, собранные агентурой органов госбезопасности после убийства Кирова, и распространение частушек на тему «Убили Кирова, скоро придет черед Сталина!», усилили страх Сталина перед покушением. Этот страх достиг кульминации после войны, к концу жизни диктатора. К тому же культ Сталина был необходим для личной власти генсека, а не для функционирования партии. В то время как «героическая миссия» Гитлера занимала центральное место в нацистской идеологии, культ Сталина был скорее паразитическим наростом, от которого избавились преемники диктатора сразу после прихода к власти. Осознавая отход от первоначальной модели ленинизма, Сталин беспрестанно творил себе историческую легитимность, редактируя собственное житие, переписывая историю большевизма, строя собственное видение системы, в центре которой находился он сам. Он постоянно проверял каждого из своих соратников на преданность, наказывая в первую очередь тех, кто мог его «разоблачить», тех, кто сохранил память о «героических годах» ленинского большевизма и кто мог бы его упрекнуть в предательстве ленинского учения, а также всех тех, кто, по его мнению, превосходил его в той или иной области⁶³. Сталин «держал на коротком поводке» своих самых доверенных лиц, пользуясь их «слабыми местами»: Лазаря Кагановича — из-за связи с генералом Якиром, казненным за участие в так называемом «заговоре военных»; Вячеслава Молотова — за якобы имевшие место растраты, совершенные его женой Полиной Жемчужиной, народным комиссаром рыбной промышленности, освобожденной от должности (ноябрь 1939 года) и сосланной; Анастаса Микояна — за то, что он был единственным из 26 бакинских комиссаров, которого не казнили англичане в 1920 году⁶⁴... Места, оставшиеся вакантными вследствие чисток на высшем партийном уровне, Сталин отдавал новому поколению «выдвиженцев», которые были обязаны диктатору всем и не помнили о ленинских временах: Берия (39 лет, назначенный в ноябре 1938 года народным комиссаром внутренних дел), Маленков (возглавивший в 36 лет кадровое управление ЦК), Вознесенский (назначенный в 36 лет председателем Госплана, а в 38 первым заместителем председателя Совнаркома), Щербаков (ставший в 38 лет первым секретарем московской парторганизации).

Привели ли к лучшему функционированию Государства-партии реорганизации высших эшелонов власти, перетряски администрации, следовавшие за большими чистками 1937–1938 годов, положили ли они конец конфликтам между бюрократической и дес-

потической логикой? Благодаря некоторым недавним исследованиям, основанным на недавно открытых источниках, сегодня мы лучше понимаем процессы и конфликты, имевшие место в ходе строительства сталинского государства в 30-е годы. Но то, что происходило в военные и послевоенные годы, по большей части остается пока в тени. Как функционировали после этапа «Большого террора» обновленные ведомства, возглавлявшиеся *выдвиженцами* первой пятилетки, этой новой элитой, которую сталинское руководство уверило на XVIII съезде партии в марте 1939 года, что ей ничто не угрожает? Какими были формы «Большой сделки» (если воспользоваться ставшим классическим выражением историка Веры Данхэм⁶⁵), заключенной между сталинским государством, стремящимся к стабильности, и новой элитой, чьи функции, привилегии и иерархия фиксировались в новой «табели о рангах», напоминавшей о чинах царского режима. Была ли в действительности — после больших чисток — осуществлена трансформация неэффективных, громоздких ведомств 30-х годов в бюрократию, обеспечивающую правильное исполнение решений Центра? Множество вопросов, на которые не дает ответа ни одно недавнее исследование, основанное на ныне доступных документах.

Потрясения «Большого террора» вместо того, чтобы сократить число бюрократов, еще более увеличили — удивительный парадокс — количество всякого рода административных постов: так, в 1937–1939 годах в то время как численность занятых в промышленности выросла едва на 2 %, рост числа сотрудников различных ведомств⁶⁶ составил приблизительно 26 % (и превысил 50 % для ответственных постов)⁶⁷. Однажды пустив корни, отмечал Макс Вебер, бюрократия принадлежит к такого рода социальной формации, которую трудно искоренить. До войны ущерб, нанесенный «Большим террором», безусловно, перевешивал выгоды, которые руководство надеялось извлечь из обновленного, более образованного, «сто процентно сталинистского» персонала, персонала, который, будучи запуганным, послушно выполнял указания. Об этом, например, свидетельствует кадровый кризис, испытанный в 1940–1941 годах командным составом армии (выдвиженцам катастрофически не хватало опыта)⁶⁸, юстицией и дипломатией⁶⁹. В экономике, похоже, ситуация была более благоприятной, поскольку квалификация новых выдвиженцев была выше квалификации *практиков* предыдущего поколения, прореженного чистками. В эти годы даже управление Гулагом и его роль в экономике серьезно видоизменились из-за различных внутренних реорганизаций, связанных с резким ростом числа заключенных⁷⁰. В некоторых отношениях потрясения 1937–1938 годов воспроизводили

механизмы, аналогичные тем, которые сопутствовали потрясениям «Великого перелома». Но в большой степени и сама система приспособилась к пертурбациям и потрясениям, ставшим неотъемлемой частью ее существования. «Административно-командная система», введенная в 30-е годы (и это показала ее необычайная способность преодолевать военные испытания), научилась функционировать в «экстремальных условиях», в условиях импровизации, постоянных чисток и насилия.

Как подчеркивали многие историки, «революционный» сталинизм 30-х годов значительно отличается от «второго сталинизма» военных и послевоенных лет. Первый характеризуют перегибы, отсутствие чувства меры, отказ от стабилизации, постоянная делигитимация социальных функций, крайняя напряженность, как мы упоминали выше, во взаимоотношениях двух логик власти, стоявших у истоков конфликтов и достигших кульминации в 1937–1938 годах. Второй — консервативный и националистический, отмеченный возрождением «архаических», ретроградных и регрессивных аспектов, таких как ксенофобия, «великорусский шовинизм» и антисемитизм. В период «второго сталинизма» власть стремилась к большей стабильности, он, согласно Моше Левину, даже обеспечивала существование «сил, стоящих на страже стабильности и законности», тех самых, которые позволят режиму после смерти диктатора «эволюционировать к системе спокойной бюрократии, возглавляемой институционализированной олигархией»⁷¹. Немногочисленные исследования, посвященные функционированию различных ведомств в послевоенные годы⁷², действительно показывают наличие элементов стабильности, позволяющей обеспечить менее хаотичное и более предсказуемое функционирование институтов, подтверждают медленные, но тем не менее реальные успехи централизации, освещают этапы появления централизованных инструментов, способных направлять местные кадры, более эффективно бороться с «местничеством», благодаря возросшему контролю Центра над карьерами чиновников. Картина, вырисовывающаяся из до сих пор фрагментарных исследований, остается, однако, контрастной: стабильность кадров и уровень их профессионализма были, разумеется, выше, чем до войны в одних сферах, таких как юстиция, но в других, таких как колхозное руководство, где администрации приходилось регулировать самые серьезные конфликты режима и общества, чистки, аресты, мобилизации, направления уполномоченных, дублирующих местных работников, которым не доверяли центральные власти, сохранялись черты 30-х годов. К тому же очевидная «консервация» послевоенного сталинизма, его стаби-

лизация⁷³, упроченная победой во Второй мировой войне, не ликвидировали конфликты, маневры и контрманевры в высших эшелонах государства и партии: об этом свидетельствуют некоторые еще плохо освещенные «дела» («Ленинградское дело», «Мингрельское дело»), которые возникли в контексте борьбы различных сталинских «кланов» за наследование диктатору. «Второй сталинизм», безусловно, оставляет историку простор для исследований.

Примечания

1. *Conquest R.* Inside Stalin's Secret Police. Stanford: Stanford U.P. 1985. P. 3.

2. *Fainsod M.* Smolensk à l'heure de Staline. Paris: Fayard, 1967. P. 27. Этот безапелляционный вывод во многом противоречит результатам замечательного исследования, проведенного на основе архивов самим Файнзодом, который подчеркивает, что «по архивам создается впечатление хаотического беспорядка, в котором Коммунистическая партия выглядит скорее беззащитной жертвой, нежели повелителем джинна, выпущенного ею из бутылки».

3. Среди работ, развивающих эту версию событий, правда с нюансами в интерпретации «фракций» и «течений» в Политбюро, упомянем: *Getty J. A.* Origins of the Great Purges: the Soviet CP Reconsidered, 1933–1938. Cambridge: Cambridge U.P. 1985; *Rittersporn G. T.* Simplifications staliniennes et complications soviétiques, 1933–1953. Paris: EAC, 1988; *J. A. Getty, R. T. Manning (dir.)*. Stalinist Terror. New Perspectives. Cambridge: Cambridge U.P., 1993.

4. По Габору Риттерспорну (см.: *Rittersporn G. T.* Op. cit. Chap. IV. Staline en 1938: apogée du Verbe et défaite politique. P. 211–260), «Большой террор» не только не завершил оформление диктаторской власти Сталина, а скорее привел к ее относительному ослаблению. Для ознакомления со схожей точкой зрения см.: *J. A. Getty, R. T. Manning (dir.)*. Op. cit.

5. *Blum A., Gousseff C.* La statistique démographique et sociale, élément pour une analyse historique de l'État russe et soviétique // Cahiers du monde russe. Vol. 38. № 4, octobre–décembre 1997. P. 443.

6. См.: *Хлевнюк О. В.* 1937 — Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992; Сталин и Орджоникидзе, конфликты в Политбюро в 30-е годы». М., 1994; *О. В. Хлевнюк, А. В. Квашонкин (ред.)*. «Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов». М., 1995; а также *Khlevniouk O.* Le Cercle du Kremlin. Staline et le Bureau politique dans les années 30. Les jeux du pouvoir. Paris: Éd. du Seuil, 1996.

7. *Shearer D. R.* Industry, State and Society in Stalin's Russia, 1926–1934. Ithaca-London: Cornell U.P., 1996; *Davies R. W.* Crisis and Progress in 1932–1933 Soviet Economy. London: MacMillan, 1996; *Rees D.* Stalinism and Soviet Rail Transport. London–New-York, 1995; *Blum A.* À l'origine des purges de 1937, l'exemple de l'administration de la statistique démographique // Cahiers

du monde russe. Vol. 39. № 1–2, janvier–juin 1998. P. 169–196; *Solomon P. H. Soviet Criminal Justice under Stalin*. Cambridge: Cambridge U.P., 1996; *Dullin S. Diplomates et diplomatie soviétiques en Europe (1930–1939)*. Thèse de doctorat, université de Paris-I, 1998.

8. Этот подход намечал, основываясь на фрагментарных данных, Моше Левин, особенно в статьях «The Social Background of Stalinism», «Grappling with Stalinism», переведенных на французский язык и собранных, наряду с другими статьями Моше Левина в книге «La Formation du système soviétique». Paris: Gallimard, 1987.

9. *Lewin M. Bureaucracy and the Stalinist State // Kershaw I., Lewin M. Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison*. Cambridge: Cambridge U.P., 1997. P. 67.

10. Циркуляр Политбюро ЦК от 5 мая 1927 года ясно сформулировал необходимость абсолютной секретности в политических делах: «Старый проверенный конспиративный принцип требует, чтобы знали только те, кому нужно знать».

11. Этот запрет был одним из важнейших пунктов повестки дня на X съезде партии, на котором в марте 1921 года было принято решение о переходе к НЭПу.

12. А. Квашонкин, О. Хлевнюк, Л. Роговая, Л. Кошелева (ред.). «Большевистское руководство. Переписка, 1912–1927». М., 1996.

13. XVII Съезд ВКП(б), Стенографический отчет, М., 1934. С. 34–35.

14. *Brower D. The Smolensk Scandal and the End of the NEP // Slavic Review*. Vol. 45. № 4. 1986. P. 689–706; *Rigby T. H. Early Provincial Cliques and the Rise of Stalin // Soviet Studies*. Vol. 33. № 1. 1981. P. 3–28.

15. *Getty J. A. Les bureaucrates bolcheviques et l'État stalinien // Review des études slaves*. Vol. LXIV. № 1. 1992. P. 27–52.

16. *Fitzpatrick S. Stalin and the Making of a New Elite // Slavic Review*. Vol. 38, septembre 1979. P. 378.

17. Любопытно отметить, до какой степени развивавшиеся Бухариним положения о «бюрократизации» партии совпадают с теми, которые выдвигал несколькими годами ранее Троцкий в «Новом курсе».

18. *Shearer D. R. Industry, State and Society in Stalin's Russia, 1926–1934*. Ithaca-London: Cornell U.P., 1996.

19. *Lewin M. La Formation...* Op. cit.; *Lewin M. The Disappearance of Planning in the Plan // Slavic Review*. Vol. 32. № 2. 1973. P. 271–287; *Fitzpatrick S. Sergo Ordjonikidze and the Takeover of the VSNKh // Soviet Studies*. № 36–2. 1985. P. 153–172.

20. Серго Орджоникидзе, глава рабоче-крестьянской инспекции, затем нарком тяжелой промышленности, удивлялся тому, что «каждый раз, когда постановляли о сокращении штатов, оно оборачивалось увеличением расходов и ростом штатов» (*Орджоникидзе С. Статьи и речи*. Т. I. М., 1934. С. 228).

21. Популярное в 30-е годы выражение, обозначающее умножение количества официальных документов, наводняющих аппарат, подхваченное Моше Левином: *Lewin M. La Formation...* Op. cit. P. 341.

22. Питер Соломон (*Solomon P. H. Soviet Criminal Justice...* Op. cit. P. 81–110) называл правосудие тех лет «юстицией кампаний» («campaign justice»).

23. Секретные инструкции ЦК ВКП(б) и СНК СССР партийным, советским работникам, органам ОГПУ, судам и прокуратуре от 8 мая 1933 г. В них признавалось, что аресты проводил, «кто угодно» по принципу «начала арестуем, потом разберемся». Выдвигалось требование о том, чтобы число заключенных в местах заключения Наркомата юстиции, ОГПУ и Главного управления милиции (кроме лагерей и колоний) в шестимесячный срок сократилось наполовину и не превышало 400 тысяч человек.

24. По этим хорошо известным аспектам см.: *Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934*. Cambridge: Cambridge U.P., 1979; *The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia*. Ithaca-London: Cornell U.P., 1992; и *Bailes K. F. Technology and Society under Lenin and Stalin: Origins of the Soviet Technical Intelligentsia*. Princeton: Princeton U.P., 1978; *Lampert N. The Technical Intelligentsia and the Soviet State*. Oxford: Oxford U.P., 1979.

25. Некоторые цифры помогут составить представление о масштабах явления: 3000 инженеров арестованы в 1928–1929 годах в Донбассе; 5000–7000 руководящих и рядовых работников центральных органах народного хозяйства арестованы в 1930 году; 4500 сотрудников НКПС арестованы в 1930–31 годах за «вредительство», из них 1300 инженеров (25% их общего числа); 140 тысяч чиновников уволены во время «чисток» в 1930 году, и еще 153 тысячи в — 1932–1933 годах. Одновременно более 140 тысяч рабочих «от станка» были выдвинуты в 1929–1931 годах на административные посты. В 1933 году 233 тысячи коммунистов, в основном, среднего возраста, были приняты на дневные отделения в средние специальные или высшие учебные заведения, причем около двух третей учились на инженера. Это было поколение Брежнева, Косыгина, Устинова, одним словом, Политбюро ЦК КПСС образца 60–70-х годов.

26. Доклад Маленкова Сталину от 14 февраля 1937 г. См.: *Хлевнюк О. В. 1937 — Сталин, НКВД и советское общество*. Цит. соч. С. 78.

27. РГАСПИ. 74/2/37/58.

28. Несколько ярких примеров см. в переписке Сталина и Кагановича в 1931–1933 гг., РГАСПИ. 81/3/99 и 100; Ворошилова и Сталина, РГАСПИ. 74/2/37 и 38; Орджоникидзе и Молотова, РГАСПИ. 85/28/440 сл. По переписке Сталина и Кагановича см.: *Cohen Y. Des lettres comme action: Staline au début des années 1930 vu depuis le fonds Kaganovitch // Cahiers du monde russe*. Vol. 38. № 3, juillet–septembre. 1997. P. 307–346.

29. Именно так член Политбюро Постышев, направленный в Харьков, чтобы навести порядок в местных делах, определял «большевистское искусство управления». Цит. по: *Lewin M. La Formation...* Op. cit. P. 342.

30. Для знакомства с другим примером этих «местных клик» и их влияния на местную политическую жизнь см.: *Kotkin S. Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization*. Berkley University of California Press, 1995, особенно гл. VII. P. 280–354.

31. *Kuromiya H.* The Commander and the Rank and File: Managing the Soviet Coal-Mining Industry, 1928–1933 // W.G. Rosenberg, L.H. Siegelbaum (dir.). Social Dimensions of Soviet Industrialization. Indiana U.P., 1993. P. 146–165.

32. См. письмо Сталина Молотову от 22 сентября 1930 в: Письма И. В. Сталина В. М. Молотову, 1925–1936. М., 1995. С. 222–223.

33. «Комиссия исполнения», заменившая Совещание загов, упраздненное в декабре 1930 года; совместная комиссия Политбюро и СНК по обороне (в которую входили Сталин, Молотов, Ворошилов, Куйбышев, Орджоникидзе), сменившая Совет по труду и обороне, состоявший из нескольких десятков человек; комиссия по валютным вопросам. В тридцатые годы другие узкие комиссии постепенно взяли на себя функции Политбюро, которое было низведено до уровня палаты регистрации решений Сталина.

34. Ежегодно в повестку дня Политбюро вносились 3–4 тысячи вопросов, или, принимая во внимание постоянное уменьшение числа заседаний, от 40 до 200 вопросов на заседание. Большая часть этих вопросов могла бы рассматриваться заинтересованными организациями без участия высших политических органов, если бы в них меньше вмешивался Сталин.

35. Все меньшее число лиц получало, например, для ознакомления протоколы Политбюро. Так, членов ЦК лишь в исключительных случаях ставили в известность о принятых решениях. Один пример: из 163 пунктов, формально стоявших в протоколе № 65 от 22 ноября 1938 года (решения по ним принимались в «ближнем кругу» Сталина) решения лишь по четырем из них были разосланы — для ознакомления — членам ЦК. О «культуре конспирации» см.: *Rittersporn G. T.* The Omnipresent Conspiracy: on Soviet Imagery of Politics and Social Relations in the 1930's // C. Ward (dir.). The Stalinist Dictatorship. Oxford, Arnold, 1998.

36. Прощируем по этому поводу несколько примечательных отрывков из писем Сталина. «Пусть ПБ и Секр[етария]т ЦК возьмут под специальное и систематическое наблюдение и Наркомвод и НКПС и заставят их работать. Оба наркома находятся в плену у своего аппарата, особенно Рухимович, бюрократическое самомнение которого является обратной стороной его отсталости и косности по части большевистской постановки дела в НКПС». (Сталин Кагановичу, 30 августа 1931, РГАСПИ. 81/3/99/13–14). «Очень плохо обстоит дело с артиллерией. Мирзоханов разложил прекрасный завод. Павлуновский запутал и губит дело артиллерии. Серго надо вздуть за то, что он, доверив большое дело двум-трем своим любимчикам — дуракам, готов отдать в жертву этим дуракам интересы государства. Надо прогнать и снизить по “чину” всех Мирзохановых и Павлуновских». (Письмо Сталина Кагановичу, 21 октября 1933, РГАСПИ. 81/3/100/38–39). «Надо высечь НКВД за спячку, слепоту, близорукость». (Сталин Кагановичу, 8 августа 1934, РГАСПИ. 81/3/100/158). Об отношении Сталина к «бюрократам» см.: Cohen Y. Art. cit.

37. Наиболее близкое значение — «бюрократизм».

38. Письмо цит. по: *Хлевнюк О. В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. С. 84.

39. Письмо Сталина Кагановичу от 19 сентября 1931 г., цит. по: Cohen Y. Opt. cit. P. 336.

40. *Khlevniouk O.* Le Cercle du Kremlin... Op. cit. P. 123.

41. В 1931 году члены Политбюро в течение года провели в кабинете Сталина в целом около 650 часов (Каганович беседовал со Сталиным 167 часов, Молотов — 126 часов, Чубарь — 30 минут и т. д.) В 1935 году членов Политбюро принимали около 1400 часов (Молотов беседовал со Сталиным 315 часов, Каганович — 261 час, Орджоникидзе — 218 часов, Ворошилов — 198 часов, и т. д.) В 1937 году встречи членов Политбюро со Сталиным в его кабинете продолжались в общей сложности 2700 часов. Молотов провел там 602 часа, Ежов — 527 часов, Ворошилов — 438 часов, Каганович — 406 часов, а Калинин — всего 32 часа, и т. д. Полные списки посетителей Сталина см. в: *Хлевнюк О. В.* Политбюро. Механизмы политической власти... Цит. соч. С. 290 сл.

42. Сталинское Политбюро... Цит. соч. С. 126.

43. Об этом эпизоде см.: *Khlevniouk O.* Le Cercle du Kremlin... Op. cit. P. 95–97. Можно привести многие другие внешне «технические» вопросы, такие как планы ввоза чугунных труб или планы строительства того или иного завода, за которыми Сталин следил в мельчайших деталях, если считал, что они будут иметь политический резонанс.

44. *Blum A.* À l'origine des purges de 1937, l'exemple de l'administration de la statistique démographique // Cahiers du monde russe. Vol. 39. № 1–2, janvier–juin. 1998. P. 174.

45. *Dullin S.* Diplomates et diplomatie soviétiques en Europe 1930–1939... Цит. соч. Гл. X.

46. По этому вопросу см. телеграммы Сталина советским дипломатам в Испании от октября 1936 года. Поражения испанских республиканцев недвусмысленно объясняются их неспособностью избавиться от «шпионов», внедрившихся в их ряды (*Khlevniouk O.* The Influence of the Foreign Context on the Mechanisms of Terror. Материалы конференции «La Russia nell'eta delle guerre (1914–1945). Verso un nuovo paradigma», Cortona, 24–25 ottobre 1997). Эта интерпретация свидетельствует об одержимости Сталина «пятой колонной», которая потенциально присутствует в самом СССР. Необходимость ее устранения лежит в основе «Большого террора», развязанного с назначением Н. Ежова на пост наркома внутренних дел в конце сентября 1936 года. Речь шла о превентивном устранении всех потенциальных представителей — как в социальной, так и в политической сферах — мифической «пятой колонны».

47. Примечательно, что на 1936 год из 823 представителей номенклатуры Наркомата тяжелой промышленности, возглавлявшегося Серго Орджоникидзе, 169 ранее состояли в небольшевистских политических организациях. 160 оставались беспартийными, 71 служил в Белой армии, 287 — в царской армии (до 1917 года), 334 были дворянского или буржуазного происхождения. Нет нужды говорить, что абсолютное большинство этих руководителей неминуемо попало в разряд подозреваемых, как только восторжествовало полицейское видение политики.

48. Орджоникидзе образца 1929 — 1930 годов, когда он был наркомом Рабоче-крестьянской инспекции, громившим «бюрократов» из ВСНХ, резко отличался от Орджоникидзе 1934–1936 годов, наркома тяжелой промышленности, призывавшего руководителей предприятий «работать спокойно, не поря горячку», и активно противостоявшего постоянным реорганизациям «сверху донизу» промышленного аппарата. О конфликтах Сталина и Орджоникидзе и их интерпретации см.: *Shearer D.* Op. cit. P. 234–242; *Khlevniouk O. B.* Сталин и Орджоникидзе. М., 1995; *Fitzpatrick S.* Sergio Ordjonikidze and the Takeover of the VSNKh. Art. cit.

49. Николаенко П., простая партийная активистка сообщила об «антипартийных поступках» супруги Павла Постышева, руководителя Киевской парторганизации и кандидата в члены Политбюро. За это Николаенко исключили из партии. О деле Николаенко см.: *Conquest R.* La Grande Terreur. Paris: Laffont, 1995. P. 557–558; *Khlevniouk O.* Le Cercle du Kremlin... Op. cit. P. 233–236. О популистских методах Сталина см.: *Werth N.* L'appel au petit peuple selon Staline // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. № 56, octobre–décembre. 1997. P. 132–142 (№ spécial «Les populismes»).

50. «Большевик» № 7. С. 24.

51. Выражение принадлежит Моше Левину. См.: *Lewin M.* La Formation... Op. cit. P. 401.

52. Мы были достаточно хорошо знакомы с политическими маневрами Сталина и ГПУ в их преследовании представителей троцкистской оппозиции в 20–30-е годы. Недавние исследования пролили свет и на другие дела, фабриковавшиеся Сталиным и ГПУ в 1930 году не только против так называемой «правой» оппозиции, но и Калинина, Тухачевского и других «верных сталинцев».

53. После самоубийства Надежды Аллилуевой Сталин полностью перевернул охрану своего жилья службам ОГПУ. Дочь Сталина Светлана Аллилуева вспоминает, что с этого времени органы безопасности играли все возрастающую роль в частной жизни Сталина. См.: *Alliloueva S.* Twenty Letters to a Friend. London, 1979. P. 138–143.

54. Рассчитано по журналу регистрации посещений служебного кабинета Сталина. См.: Исторический архив. № 6. 1994.; №№ 2–6. 1995. В течение этого периода Сталин принимал чаще только Молотова.

55. По этим аспектам см.: *Werth N.* Logiques de violence dans l'URSS stalinienne // H. Rousso (dir.). Stalinisme et Nazisme. Histoire et mémoire comparées. Paris-Bruxelles: Complexe, 1999. P. 99–128.

56. XVIII Съезд ВКП(б). М., 1939. С. 675–676.

57. Мерль Файнзод (*Fainsod M.* Op. cit.) и позже Джон Арч Гетти (*Getty J. A.* Op. cit.) широко освещали этот аспект. В этом отношении особенно показателем пример Смоленской области: после ареста Румянцева, местного «маленького Сталина», и его сотрудников (июль 1937 года) все сменившие их новые руководители были представителями московской парторганизации, молодыми партийцами, получившими образование в высших партий-

ных школах в первой половине 30-х годов. Аналогичные процессы имели место почти во всех обкомах и горкомах страны.

58. *Dullin S.* Diplomates et diplomatie soviétiques en Europe. Cit. соч. P. 592–596.

59. В 1937 году Политбюро собиралось шесть раз, в 1938 — три раза, в 1939 — только два.

60. Речь идет о Рудзутаке, Эйхе, Постышеве, Косиоре, Чубаре и Ежове.

61. О реорганизациях высших партийных и государственных органов после «Большого террора» см.: *Khlevniouk O.* Le Cercle du Kremlin... Op. cit. P. 266–276.

62. *Kershaw I., Lewin M.* Op. cit.; см. также статьи Иэна Кершоу (*Kershaw I.* Working towards the Führer: Reflections on the Nature of the Hitler Dictatorship) и Моше Левина (*Lewin M.* Stalin in the Mirror of the Other).

63. Этот аспект хорошо осветил Николай Бухарин. При встрече с меньшевистским руководителем Федором Даном в Париже в начале 1936 года (это была последняя заграничная поездка Бухарина, арестованного в феврале 1937, осужденного на третьем московском процессе в марте 1938 и казненно-го 14 марта 1938) Бухарин объяснял, что Сталин «даже несчастен от того, что не может уверить всех и даже самого себя, что он больше всех, и это его несчастье, может быть, самая человеческая в нем черта, может быть, единственная человеческая в нем черта, но уже не человеческое, а что-то дьявольское есть в том, что за это самое свое “несчастье” он не может не мстить людям, а особенно тем, кто чем-то выше, лучше его... Если кто лучше его говорит, он — обречен, он уже не оставит его в живых, ибо этот человек — вечное ему напоминание, что он не первый, не самый лучший...». Беседа Николая Бухарина с Федором Даном. Архив Л. О. Дан. Институт социальной истории. Амстердам. Cit. по: Осмыслить культ Сталина. М.: Прогресс, 1989. С. 610.

64. Можно привести множество примеров угроз и унижений, которым подвергались самые близкие соратники Сталина в конце 30-х годов. Жена Калинина, председателя Верховного Совета СССР, была арестована и отправлена в лагерь; В. Молотову пришлось выступить с самокритикой на XVIII Съезде партии (марта 1939 года). Как с предельной ясностью сформулировал в 1936 году Николай Бухарин, Сталин стал для всего коммунистического руководства символом партии, живым воплощением истории. Его поступки не могли подвергаться сомнению «Вы этого не понимаете, это совсем другое, — объяснял Бухарин Федору Дану, который спросил его, почему Сталин имеет такую гипнотическую силу, — не ему доверено, а человеку, которому доверяет партия; вот уж так случилось, что он вроде как символ партии, низы, рабочие, народ верят ему, может, это и наша вина, но так это произошло, вот почему мы все и лезем к нему в хайло... зная наверняка, что он пожрет нас. И он это знает и только выбирает более удобный момент». Беседа Николая Бухарина с Федором Даном. Cit. по: *Иванова Г. М.* Гулаг в системе тоталитарного государства. М.: МОНФ, 1997.

65. *Dunham V.* In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction, Duke University Press, 1990.

66. Вследствие этого не приняты во внимание сотрудники экономического сектора, сферы образования и здравоохранения.

67. *Lewin M.* Bureaucracy and the Stalinist State. Art. cit. P. 64.

68. Недавние исследования о чистках в Красной армии (*Cristiani A., Mixaleva V.* Le Repressioni degli anni trenta nell'armata rossa Napoli: IUO, 1996; J. A. Getty, R.T. Manning (dir.). Stalinist Terror. New Perspectives. Cambridge: Cambridge U.P., 1993. P. 199–201) приводят гораздо меньшую, чем раньше считалось оценку числа офицеров Красной армии, подвергшихся чистке в 1937–1938 годах: около 15 % (а не 40–50 %). К тому же довольно значительная часть уволенных офицеров (около 30 %) вернулась в строй в 1940–1941 годах, в первую очередь из-за нехватки квалифицированных кадров.

69. *Solomon P.* Op. cit. P. 230–266; *Uldricks T.J.* The Impact of the Great Purges on the People's Commissariat of Foreign Affairs // *Slavic Review*. June 1977. P. 187–203.

70. *Иванова Г. М.* Цит. соч. С. 100–108.

71. *Lewin M.* La Formation... Op. cit. P. 406.

72. О функционировании юстиции см.: *Solomon P.* Op. cit. (прим. 7); о сельской администрации см.: *Зима В. Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996; о пенитенциарной системе см.: *Иванова Г. М.* Гулаг в системе тоталитарного государства». Цит. соч.

73. Именно этого не хватило нацизму в совершенно особом историческом контексте военных лет. См.: *Mommsen H.* Cumulative Radicalization and Progressive Self-destruction as Structural Determinants of the Nazi Dictatorship // *Kershaw I., Lewin M.* Op. cit. P. 75–87.

ГЛАВА 10

Феномен советских лагерей XX века*

«Необходимо четко различать три типа лагерей, которые соответствуют трем видениям жизни после смерти на Западе: рай, чистилище и ад, — писала в 1951 году Ханна Арендт в “Истоках тоталитаризма”. — Раю соответствуют относительно мягкие методы избавления от нежелательных элементов любого рода, некогда распространенные даже в нетоталитарных странах... Чистилище представлено трудовыми лагерями Советского Союза, в которых пренебрежение сочетается с хаотичным принудительным трудом. Ад в буквальном смысле слова воплощался в том типе лагерей, который создали нацисты: там вся жизнь была тщательно и систематически организована с целью причинения наибольших мук заключенным»¹.

Ханне Арендт, хотя в ее распоряжении было не так много данных о советских трудовых лагерях, в своем определении сталинских лагерей («лагеря, в которых пренебрежение сочетается с хаотичным принудительным трудом»), удалось привести самые важные характеристики советской системы концлагерей, представление о которой позволяют составить ставшие доступными в последние несколько лет архивы бюрократического аппарата Гулага

Среди наиболее интересных материалов недавно открытых архивов бывшего СССР фигурируют архив аппарата Гулага, Министерств юстиции и внутренних дел, прокуратуры. Анализ этих документов дает историкам возможность детально изучить противоречивые вопросы, касающиеся числа заключенных Гулага (до открытия советских архивов оценки расходились на порядок), об уровне смертности, категорий осужденных («политические», «уголовные», национальный контингент), ротации заключенных (число поступивших и освобожденных по годам), роли Гулага в экономике сталинского СССР².

* Le phénomène concentrationnaire soviétique au XXe siècle // J. Vanwelkenhuyzen (dir.). Les Tumultes d'un siècle. Bruxelles: Complexe, 2000. P. 157–175.

Изучение новых материалов позволило историкам лучше понять различные «круги» Гулага и изучить до этого мало известный мир «спецпереселенцев» и «трудпоселенцев», прикрепленных к постоянному месту жительства в «спецпоселениях» в отдаленных местностях СССР (Крайний Север, Сибирь, Урал, Казахстан). Это чистилище без четких границ, находящееся между свободным миром и миром заключенных, представляет собой примечательную особенность сталинской репрессивной системы, которую характеризуют одновременно и массовая практика депортации различных социальных и этнических групп, и универсализация принудительного труда³.

Другой вектор исследований, открытый благодаря доступу к материалам пенитенциарной системы на ее разных уровнях: ответ на вопрос, какой была доля долгосрочного планирования и какой — импровизации, «забегания вперед», в создании и функционировании сталинской лагерной системы, системы, состоявшей из многих кругов, в которых бесхозяйственность, случайность и неразбериха, похоже, играли более важную роль, чем целенаправленное желание уничтожить заключенных?

Социология Гулага — это еще один малоизученный сюжет. Можно ли вычленил социальные или этнические группы, подвергавшиеся репрессиям в наибольшей степени в течение 30 лет (конец 20 — середина 50-х годов), когда советские трудовые лагеря и «спецпоселения» функционировали активнее всего?

Анализ, пока еще общий, численности и социального и этнического состава заключенных и депортированных и их приговоров показывает, что репрессии основывались как на криминализации традиционного образа действий и незначительных преступлений, так и на политико-идеологических критериях, карающих инакомыслие и «неправильное» социальное происхождение. Со второй половины 30-х годов, после «ликвидации кулачества как класса», за которой последовало уничтожение всех «остатков отмирающих классов» (так называемых «бывших»: «бывших царских чиновников», «бывших помещиков», «бывших кулаков», «бывших коммерсантов», «бывших буржуев», «бывших дворян» и т. д.), классовый критерий перестал быть дискриминирующим. Все те, кто не подчиняется нормам общественной жизни, будь то колхозники или рабочие, все те, кто не уважает новое «общественное имущество» — имущество социалистического государства — все, кто разбазаривает его богатство или покушается на него, все преследуются по всей строгости зако-

на. В «бесклассовом обществе» основная борьба отныне идет между «государственностью» и «стихийностью». Статистические данные о социальном и этническом происхождении заключенных показывают, что гулаговское общество было с социологической точки зрения почти зеркальным отражением общества советского: в нем преобладали представители народа (крестьяне и рабочие, более 85 %) с несколько большим представительством, чем среди оставшихся на свободе, интеллигенции, лиц, имевших высшее образование, и всех тех, кого режим обозначал термином «бывшие» — широкая категория, включавшая в себя экономические и социальные элиты старого режима. Что касается распределения по национальностям, оно в общих чертах, по крайней мере, до середины 40-х годов, соответствовало доли русских, украинцев, белоруссов, народов Кавказа и Средней Азии, казахов, евреев в «большой семье народов Советского Союза». Лишь после войны это соотношение слегка изменилось. Сопrotивление Западной Украины, Молдавии и прибалтийских республик советизации объясняет, почему в послевоенные годы среди заключенных выросло число выходцев из этих регионов и стран, незадолго до того присоединенных к СССР⁴.

Еще один насущный, но до сих пор почти неизученный вопрос, поднятый открытием документов, относящихся к Гулагу, касается того, что можно было бы назвать заражением «гулаговской культурой» общественно-экономической жизни сталинского СССР, общества, в котором примерно 24 миллиона человек (каждый шестой взрослый) на протяжении жизни одного поколения (начало 30 — середина 50-х годов) побывали в лагере или в ссылке.

В своей работе о нацистской системе концлагерей Ольга Вормсер-Миго писала: «Трудно рассматривать этот сюжет статически, не учитывая элемент времени». Эта мысль в еще большей степени относится к советской лагерной системе, которая по продолжительности своего существования в три раза превышала нацистскую, менялась, трансформировалась на протяжении многих десятилетий в зависимости от карательной политики государства, которая в 1918–1920 годах отличалась от той, что была в 1930-х и 1950-х. Прежде чем описать в общих чертах основные этапы создания, эволюции — вплоть до апогея — а затем ликвидации советской лагерной системы, мне показалось необходимым остановиться на запутанном вопросе статистики Гулага, которая сегодня предоставляет нам важные данные, позволяющие определить специфику этой системы по отношению к другим лагерным системам XX века.

Гулаг в цифрах: некоторые исходные данные для сравнительного анализа различных лагерных систем XX века

До открытия архивов Гулага оценки количества заключенных в период апогея (конец 30-х годов после «Большого террора», как тогда считалось) варьировались: от 2,3 миллионов до более 15 миллионов человек⁵. Согласно открытым ныне документам, на конец 30-х годов насчитывалось около 2 миллионов заключенных, а на момент смерти Сталина в марте 1953 года — 2,5 миллиона. К ним необходимо добавить спецпоселенцев и заключенных исправительно-трудовых колоний, прикрепленных к «спецпоселениям», находящимся в ведении Гулага — около 1,2 миллиона в 1939 году и 2,7 миллионов в 1953-м. Статистические данные о количестве заключенных и депортированных на данный момент имеют смысл, лишь будучи дополненными данными о вновь поступивших и освобожденных. Вопреки распространенному мнению и в отличие от происходившего в 1950–1970-х годах в китайских *лаогаи*, этой настоящей черной дыре, откуда лишь немногие выходили на свободу, ротация заключенных Гулага была достаточно интенсивной: каждый год освобождалось 20–40 % заключенных. Отправка в лагерь — несмотря на произвол органов внесудебной расправы, которые в 1947–1948 годах накидывали уже отсидевшим «политическим» «десятку сверху», — как правило, не была билетом в один конец. Эта постоянная ротация лежит в основе многочисленных недоразумений, касающихся оценки населенности Гулага. Цифра в 20 миллионов, на самом деле, представляет собой общее количество пополнивших население Гулага на протяжении чуть более 20 лет (начало 1930 годов — 1953 год), а не количество заключенных в определенный момент.

Вопреки еще одному широко распространенному представлению, большинство заключенных сталинских лагерей составляли не «политические», осужденные за «контрреволюционную деятельность» по одному из 14 пунктов печально известной 58 статьи советского Уголовного кодекса. Доля «политических» колебалась между $\frac{1}{6}$ и $\frac{1}{3}$ заключенных в зависимости от масштабов внутренних конфликтов сталинского режима⁶. Впрочем, были ли остальные заключенные уголовниками в классическом понимании этого термина? Как правило, они попадали в лагерь за нарушение одного из бесчисленных репрессивных законов, каравших почти все мелкие правонарушения, наказывавших за привычное поведение «рядового гражданина»: «растаскивание общественного имущества», нарушение паспортного режима, уход с предприятия, прогулы, невыработку минимального количества трудодней в колхозах, «паразитизм», «спекуляцию» (пе-

репродажа дефицитных товаров) и т. д. В действительности, большинство заключенных Гулага — это простые граждане, ставшие жертвой ужесточения наказаний за незначительные преступления. Так, на начало 50-х годов, на которые пришелся расцвет Гулага, более половины его заключенных составляли лица, подпавшие под действие закона от 4 июня 1947 года, предусматривавшего наказание в 5–10 лет лагерей за мелкие кражи, совершенные людьми, попавшими в крайние обстоятельства, особенно, голодающими колхозниками или вдовами фронтовиков, потерявшими средства к существованию⁷.

Каким был уровень смертности в лагерях Гулага, главный элемент в сравнительном анализе сталинских лагерей и концлагерей нацистов? В последних исследованиях приводится средний ежегодный уровень смертности в 4 % для 1931–1953 годов, периоду по которому мы располагаем централизованными статистическими данными, собранными администрацией Гулага⁸. На протяжении этих двадцати трех лет было зарегистрировано около 1 700 000 смертей. Уровень смертности различался по годам (см. таблицу II в приложении). Самыми ужасными были военные годы: в 1942-м, как и в 1943-м, ежегодно умирал каждый пятый заключенный! 1933 — год великого голода — также пожал в Гулаге скорбный урожай, хотя тогда речь не шла (и не могла идти) о чрезмерной эксплуатации рабочей силы. С 1946 года смертность в Гулаге значительно снизилась: власти осознали факт нехватки рабочей силы в стране, и заключенные эксплуатировались более «рационально»: ежегодный уровень смертности в Гулаге в конце 40 — начале 50-х годов колебался между 0,4 % и 1,2 %, в то время как до войны он составлял 3–7 % в год⁹.

Шанс выжить также часто зависел от лагеря: уровень смертности в Карагандинской области Казахстана был в 20 раз ниже, чем в самых страшных колымских лагерях, в этом «белом аду», живописанном в рассказах Варлама Шаламова. Важно подчеркнуть: нигде и никогда смертность в советских лагерях не достигала того уровня, который был зафиксирован в нацистских концлагерях во время войны, где он составлял порядка 50–60 % в год.

Гулаг до Гулага: есть ли преемственность между первыми лагерями времен гражданской войны и сталинскими лагерями?

Хотя Гулаг (Главное управление лагерей) в качестве административной структуры, объединяющей все пенитенциарные учреждения различных советских республик, был образован в 1934 году, лагеря появились в Советской России уже в первые месяцы большевистско-

го режима. Существует ли преемственность между концлагерями, о которых много раз упоминает Ленин летом 1918 года, и сталинскими лагерями 30-х годов? Хотя в глобальном смысле сталинский период многое унаследовал от ленинского, в том числе чрезвычайно жестокое обращение с населением, отказ от любого компромисса, от любых переговоров, — а годы Гражданской войны во многих отношениях представляли собой «матрицу» сталинизма, — лагеря, упоминавшиеся большевистским руководством с лета 1918 года как *концлагерь* (калька с немецкого), нам кажется, больше напоминают лагеря для перемещенных лиц, беженцев или военнопленных, которые существовали во многих странах-участницах Первой мировой войны. Новшество, введенное большевиками, — произвольное интернирование в качестве «заложников» специфических категорий населения, квалифицированных как «социально-опасные» («буржуазия», «дворянство», «кулаки»). Находящееся в компетенции органов безопасности превентивное интернирование в качестве простой административной меры вписывается в совокупность репрессивных мероприятий новой власти по отношению к «классовым врагам». Параллельно большевистский режим опробовал другой тип лагерей: *исправительно-трудовой лагерь*, призванный заменить преступникам, осужденным по решению суда, традиционную тюрьму. Здесь речь идет о возрождении бурно обсуждавшегося судебными и пенитенциарными учреждениями России в конце XIX века вопроса о достоинствах «искупления трудом», об экономической эксплуатации заключенных, о преимуществах каторги перед тюрьмой. За неимением времени состав заключенных исправительно-трудовых лагерей, созданных постановлением от 15 апреля 1919 года (объявлявшего об открытии в каждой губернии как минимум «одного лагеря не менее чем на 300 человек»), четко не определялся: в хаосе Гражданской войны большая часть лагерей принудительных работ 1918–1921 годов объединяла в своих стенах и «заложников из числа буржуазии», и осужденных преступников, и членов семей восставших крестьян (самые крупные лагеря были созданы в Тамбовской губернии, где летом 1921 года произошло крупное крестьянское восстание, известное как *Антоновщина*). Часто концлагеря и трудовые лагеря отличались между собой только на бумаге. С 1922 года, по окончании Гражданской войны, исправительно-трудовой лагерь начал уступать место традиционной тюрьме. Концлагеря ликвидировались. Остались только несколько «лагерей особого назначения», в которых находились лица, осужденные Судебной коллегией ГПУ (Государственное политическое управление, сменившееся ЧК, Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, спеку-

ляцией и саботажем): «контрреволюционеры», политические оппозиционеры и уголовные преступники, напрямую покушавшиеся на государственные интересы (фальшивомонетчики, бандиты). Итого несколько десятков тысяч человек, отбывавших заключение на Соловках (архипелаг в Белом море вблизи Архангельска). Именно с этого архипелага с конца 1920-х годов начала распространяться система принудительного труда.

Экономическая и репрессивная логика Гулага: от «Великого перелома» 1929 года до «Большого террора» 1937–1938 годов

«Великий перелом» конца 20-х годов — ускоренная индустриализация и насильственная коллективизация деревни — представляет собой также решающий этап в развитии системы принудительного труда в СССР. В июне 1929 года была проведена коренная реформа карательной политики: предусматривалось, что все заключенные, осужденные на сроки свыше 3 лет, находившиеся до тех пор в тюрьме, будут переведены в «трудовые лагеря», управление которыми доверят ОГПУ. Вновь возродилась утопическая риторика о «перевоспитании трудом». Впрочем, реорганизация пенитенциарной системы, ставшей предметом дискуссий большевистского руководства с середины 20-х годов, решала прежде всего задачи экономические. Для выполнения первого пятилетнего плана необходима была вся имеющаяся в наличии рабочая сила. Как уточнялось в постановлении от 27 июня 1929 года, целью лагерей будет обеспечение «колонизации отдаленных районов и эксплуатации их природных богатств путем применения труда лишенных свободы»¹⁰.

В течение нескольких месяцев количество заключенных, находившихся в ведении ОГПУ, резко выросло: до лета 1929 года число осужденных на срок 3 года и выше, а, следовательно, подлежащих переводу в новые трудовые лагеря, составляло около 100 000 человек (не считая 40 000 отбывавших наказание в Соловецких лагерях особого назначения¹¹). А в течение одного лишь 1930 года около 115 000 «кулаков» были приговорены к принудительным работам только *тройками* ОГПУ¹². На 1 января 1931 года трудовые лагеря насчитывали уже 212 000 заключенных (см. таблицу I в приложении).

Первой великой стройкой, на которой было занято от трети до половины заключенных, стало строительство Беломоро-Балтийского канала. Уже этот, первый, фараоновский, план, принятый на самом высоком уровне — Политбюро — в конце 1930 года и начав-

ший осуществляться полгода спустя, выявил все пороки системы: бесчеловечные условия содержания (смертность порядка 10 % в год) и труда (все делалось голыми руками, а единственными инструментами были кирка, лопата, кувалда и тачка); бесплодность проделанной работы (чтобы закончить канал в срок, его сделали менее глубоким, чем предполагалось, причем настолько, что 240 километров канала оказались судоходными лишь для кораблей с малой осадкой); *туфта* — ключевое слово ГУЛАГовского лексикона, означающее одновременно халтуру, обман, растрату, выдуманный объем работ¹³. Впрочем, постройка — в предусмотренные сроки — этого водного пути рассматривалась Сталиным как большой успех. Перед ОГПУ были поставлены новые амбициозные задачи: разрабатывать золотосодержащие жилы Колымы; прорыть второй канал между реками Москва и Волга; построить от озера Байкал до Хабаровска второй Транссиб протяженностью несколько тысяч километров¹⁴. С 1932 по 1935 годы количество заключенных, занятых принудительным трудом, увеличилось втрое. Этот приток был обусловлен различными факторами: продолжавшейся охотой на «кулаков» (в 1931–1933 годах к заключению в лагерях *тройками* было приговорено более 200 000 «кулаков»¹⁵; принятием закона от 7 августа 1932 года, который наказывал 10 годами лагерей (а в некоторых случаях смертной казнью) любое хищение «общественного имущества» — за год к длительным срокам было приговорено более 220 000 человек¹⁶, в основном колхозников; наконец, в октябре 1934 года ГУЛАГ «поглотил» все места заключения (тюрьмы и исправительные колонии), еще находившиеся в ведении наркомюста¹⁷. Впервые все места заключения зависели от НКВД, который несколькими месяцами ранее (июль 1934 года) подвергся глубокой реорганизации. В 1935 году количество заключенных ГУЛАГа превысило миллион. Три четверти из них отбывали наказание в огромных лагерных системах¹⁸, каждая из которых занимала свое, весьма значительное, место в разработке полезных ископаемых в отдаленных районах страны, а также в строительстве путей сообщения (каналы, железные дороги, шоссе).

В середине 30-х годов самыми крупными из этих комплексов являлись:

- Дмитлаг (188 000 заключенных): строительство канала Москва–Волга и Угличской и Рыбинской ГЭС;
- Бамлаг (150 000 заключенных): строительство Байкало-Амурской магистрали;
- ББК (72 000 заключенных): работы по обслуживанию Беломоро-Балтийского канала;

– Дальстрой (60 000 заключенных в 1935 году, 112 000 — двумя годами позже): стратегический комплекс, занимавшийся добычей колымского золота. Поскольку этот регион не имел никакого сухопутного сообщения с «материком», заключенные доставлялись туда морем. Путешествие до Магадана, административного центра и единственного порта на Колыме, продолжалось от 4 до 6 недель. Затем заключенных конвоировали в лагеря, расположенные вдоль единственной в регионе дороги протяженностью 600 километров, проложенной самими заключенными. С 1932 по 1937 год объем золота, добытого заключенными, вырос с 300 килограммов до 52 тонн, составив 35 % советской золотодобычи в 1937 году;

– Кузбасские лагеря (Западная Сибирь, 40 000 заключенных в 1935 году), поставлявшие рабочую силу на крупные угледобывающие комбинаты;

– Свирьлаг (43 000 заключенных), расположенный в 200 километрах от Ленинграда и занимающийся лесозаготовкой для второго по величине советского города;

– Темниковский комплекс лагерей (38 000 заключенных), в 400 километрах от Москвы, обеспечивал столицу древесиной¹⁹.

Каждый год ГУЛАГ занимался все новыми строительными проектами и разработкой все новых месторождений. Так, в июне 1935 года советское правительство дало указание НКВД построить горно-металлургический комбинат в заполярном Норильске; в следующем году НКВД дали поручение построить крупный гидроузел в Куйбышеве; в начале 1937 года годовой план ГУЛАГа предусматривал сооружение 10 целлюлозно-бумажных предприятий в районе Архангельска и Соликамска. Эти проекты были тем более амбициозными, что в 1937–1938 годах в ГУЛАГ поступило беспрецедентное количество заключенных: за два года «Большого террора»²⁰ более 800 000 осужденных только тройками НКВД²¹ были отправлены в ГУЛАГ²². Чтобы принять этот новый контингент, НКВД в срочном порядке создал 13 гигантских пенитенциарных комплексов, занимающихся разработкой лесных богатств Сибири и Урала. Организованные в спешке, испытывающие недостаток снабжения, эти лесные лагеря быстро стали настоящим могильником: смертность там достигала 15 % в год²³. Как ни парадоксально, резкий рост числа заключенных вместо того, чтобы повысить производительность ГУЛАГа, имел обратный эффект: в 1937–1938 годах не было выполнено ни одного производственного плана. Столкнувшись с взрывоподобным увеличением числа заключенных, система принудительного труда испытала свой первый кризис роста²⁴.

В 1939 году новый нарком внутренних дел Лаврентий Берия реорганизовал Гулаг. Масштабная инспекция, проведенная в начале 1939 года, выявила катастрофическое состояние заключенных: более 15 % из них были слишком слабы, чтобы работать; к тому же 10 % заключенных не работали по другим причинам: отсутствие одежды, инструментов, «находились на пересылке», и т. д.²⁵ Чтобы стимулировать падающую производительность труда, руководство НКВД повысило нормы снабжения, но в то же время отменило единственную мотивацию, которая могла побудить заключенных к выполнению норм — возможность досрочного освобождения²⁶. Была перестроена вся внутренняя организация Гулага; огромные лагерные комплексы (некоторые, такие как Бамлаг или Дальстрой, в 1938 году насчитывали соответственно 268 и 156 тысяч заключенных) подверглись децентрализации, были разделены на более мелкие единицы, которыми легче было управлять, и реструктурированы по экономическому признаку. В основу новой структуры Гулага был заложен производственный принцип: центральные управления не были уже ни географическими, ни функциональными, они стали отраслевыми: Управление лагерей гидротехнического строительства, Управление лагерей железнодорожного строительства, Управление лагерей горно-металлургической промышленности, и т. д. С приближением войны правительство ставило перед НКВД все больше стратегических задач: производственный план на 1941 год предусматривал в том числе строительство — или реконструкцию — с помощью принудительного труда более 200 военных аэродромов. Гулаг в этом году должен был обеспечить 75 % общей добычи молибдена, 55 % — никеля, 50 % — золота, 40 % — кобальта и хрома, 12 % — угля и 13 % — леса²⁷.

Гулаг в годы Великой Отечественной войны

Эволюция Гулага в военные годы показывает вскрывшиеся в кризисной ситуации сложные, зачастую противоречивые аспекты советской лагерной системы: хаотическая эвакуация сотен тысяч заключенных во время наступления немецких войск, массовое освобождение «уголовников», ужесточение режима содержания «политических», катастрофическое ухудшение условий жизни и труда — таковы основные вехи истории Гулага в эти годы.

Немецкое наступление в первые месяцы войны вынудило НКВД спешно эвакуировать 210 колоний, 135 тюрем, 27 лагерей, расположенных в западной части СССР. С июля по декабрь 1941 года более 750 000 заключенных было перемещено на Восток. За неиме-

нием транспортных средств, мобилизованных для военных нужд, большая часть заключенных эвакуировалась пешком, преодолевая иногда расстояния свыше 1000 километров²⁸. Эти переходы часто превращались в настоящие «марши смерти» в атмосфере всеобщего хаоса. Когда не хватало времени для организации переброски заключенных, их просто расстреливали. Так было, например, в тюрьмах и колониях Западной Украины: в конце июня-начале июля 1941 года были убиты тысячи заключенных во Львове, Виннице, Житомире, Луцке, Станиславе²⁹.

В первые месяцы войны более 600 000 заключенных, осужденных, по мнению самих же властей, «за незначительные преступления», были досрочно освобождены и тут же направлены в армию. Всего в военные годы более чем миллион заключенных, осужденных по статьям Уголовного кодекса, были отправлены напрямую из лагеря на фронт³⁰. В то же время администрация «заморозила» возможность освобождения для «политических».

Условия содержания в лагерях значительно ухудшились. Эвакуация на Восток сотен тысяч заключенных еще более усилила перенаселенность бараков. Жилая площадь заключенного сократилась с 1,5 до 0,7 квадратных метров; заключенные по очереди спали на полу, поскольку нары отныне отводились «ударникам». «Норма калорий» снизилась в 1942 году на 60 % по сравнению с довоенной. Заключенные были доведены до голода³¹. В 1942 году в некоторых лагерях вновь появились тиф и холера. Резко выросла смертность: в 1941 году администрацией лагерей было зафиксировано 135 000 смертей (5,8 % от общего числа заключенных), в 1942 году 372 000 (18,5 %), в 1943 — 288 000 (17,2 %), в 1944 — 125 000 (9 %). Всего во время войны в Гулаге умерло около миллиона заключенных³². Выжившие находились в жалком состоянии. Согласно данным администрации, на конец 1942 года едва ли 19 % заключенных были «годны к тяжелому физическому труду» и 17 % — к «физическому труду средней тяжести». Большинство заключенных — 64 % — классифицировалось как «инвалиды», то есть как «годные к легкому физическому труду»³³. Это «серьезное ухудшение медико-санитарного состояния» (если употребить эвфемизм, использовавшийся во внутренних отчетах администрации Гулага) сказалось на производительности принудительного труда. Амбициозные планы 1940–1941 годов пришлось пересматривать в сторону снижения. К концу 1941 года было свернуто 60 крупных строительных проектов. Производство, сохранявшееся лишь ценой безжалостной эксплуатации заключенных, продолжалось лишь на угольных шахтах,

никелевых рудниках и золотых приисках. Что касается вклада Гулага в оборону страны, он оставался незначительным. На гулаговских предприятиях производили в основном вспомогательную продукцию (военную форму, рации, противогазы, патроны)³⁴.

Состав заключенных Гулага в ходе войны значительно изменился. Из-за «замораживания» освобождения «политических», доля последних резко выросла (с 27 % в 1941 году до 43 % на начало 1945 года); равным образом значительно увеличилось представительство женщин (с 7 % в 1941 до 24 % в 1944 году) — вследствие массового освобождения подлежащих мобилизации мужчин, осужденных за незначительные преступления. Очень высокая смертность и досрочные освобождения частично «компенсировались» наплывом вновь прибывших, в первую очередь после вступления в силу закона от 26 декабря 1941 года, каравшего 5–8 годами принудительных работ любой «самовольный уход» с оборонных и приравненных к ним предприятий: в военные годы по этому закону под трибунал попали более 900 000 человек. Среди них женщины — в основном, работницы и колхозницы — составляли более 30 %³⁵. Наконец, с 1944 года появились новые категории осужденных: коллаборационисты, реальные или мнимые, и участники прибалтийских и украинских националистических движений.

Упав в годы войны до самого низкого с середины 30-х годов уровня, численность населения Гулага в послевоенные годы значительно возросла. «Расцвет» Гулага сопровождался беспрецедентным кризисом лагерной системы.

Апогей и кризис Гулага

Доступные ныне документы освещают интересное явление: кризис Гулага, даже до его постепенного сворачивания, начавшийся сразу после смерти Сталина, с марта 1953 по конец 1956 года. Кризис, обусловленный прежде всего тем фактом, что Гулаг стал огромной бюрократической машиной, не поддающейся управлению, со все более низкой производительностью рабского труда, ростом издержек на охрану и недовольства среди заключенных.

В начале 50-х годов население Гулага достигло максимума: тогда насчитывалось более 2,5 миллионов заключенных (см. таблицу I в приложении). Удвоение населения лагерей в 1944–1949 годах (несмотря на «победную амнистию» июля 1945 года, по которой было освобождено 600 000 уголовников) объясняется массовым наплывом в Гулаг новых контингентов: советских военнопленных, осужден-

ных за «дезертирство»³⁶, реальных и мнимых коллаборационистов, «националистов» и «социально чуждых элементов» из регионов, подвергшихся насильственной советизации (прибалты, западные украинцы, молдаване), но также массы простых граждан, ставших жертвами репрессивных законов, вроде указов от 4 июня 1947 года, каравших 5–10, а то и 20 годами лагерей за кражу³⁷.

«Политические», поступавшие в Гулаг с 1945 года, представляли собой более решительную категорию, чем «враги народа» 30-х годов, часто убежденные в том, что их арест — следствие какого-то ужасного недоразумения. Осужденным в основном на 25 лет послевоенным «политическим» было нечего терять. В феврале 1948 года руководство пенитенциарных учреждений решило изолировать в лагерях особого режима новые категории политических заключенных³⁸. Эта мера оказалась плохо продуманной. Избавившись от уголовников, которые при поддержке администрации всегда терроризировали «политических», последние превратили некоторые лагеря особого режима в настоящие очаги сопротивления. С 1948 по 1952 год по «особолагам» прокатилось около 30 голодовок, манифестаций, коллективных отказов работать, настоящих бунтов³⁹. Эти волнения, предвосхитившие крупные восстания 1953–1954 годов⁴⁰, показали эффективность прибалтийских и украинских подпольных сетей, состоявших из ветеранов движений национального сопротивления.

В течение этих лет ухудшалась ситуация и в «обычных» лагерях: наблюдался всплеск преступности, росло число коллективных невыходов на работу, участились стычки заключенных с надзирателями, и резко снижалась производительность труда. По мнению администрации, эта ситуация во многом была следствием борьбы за сферы влияния банд уголовников. На совещании руководителей Гулага, состоявшемся в Москве в январе 1952 года, многие из них признавали, что «лагерная администрация, которой до сих пор удавалось умело пользоваться борьбой враждующих между собой групп заключенных, рискует потерять контроль над внутренними процессами»⁴¹.

Столкнувшись с неповиновением заключенных, с растущими кадровыми проблемами, аппарату Гулага было все сложнее обеспечивать экономическую рентабельность. До середины 40-х годов рабочая сила эксплуатировалась без учета человеческих потерь. Демографический кризис, вызванный войной, побудил руководство пенитенциарных учреждений более «экономно» эксплуатировать труд заключенных. Для стимулирования производства ввели премии, выполявшим производственные нормы увеличивали нормы питания. Тем не менее, эта программа столкнулась с реалиями лагерной систе-

мы: устаревала инфраструктура; истощались самые легкие в эксплуатации месторождения⁴²; вязли в бюрократическом болоте проекты, затеянные на самом верху⁴³; раздутые лагерные структуры, как оказалось, с трудом поддавались реформам; смехотворная «зарплата», выдававшаяся заключенным, не являлась достаточным стимулом для работы, и это в тот момент, когда растущее число заключенных организовывалось в конкурирующие банды, что требовало увеличения расходов на охрану (более 300 000 охранников и административного персонала). Инспекции, проведенные в 1951–1952 годах в основных лагерях, выявили хаос, царивший в администрации лагерей на фоне резкого падения рентабельности Гулага. Выяснилось, что расходы на содержание и охрану одного заключенного выше той скромной зарплаты, которую государство платило вольнонаемным рабочим, трудившимся на тех же стройках, что и заключенные, и при этой производившим гораздо больше! По инициативе руководства Гулага начальники лагерей начали широко прибегать к практике досрочного освобождения при условии, что бывшие зэки останутся работать на прежнем месте⁴⁴. Кризис Гулага в начале 50-х годов позволяет понять причины волны амнистий, прокатившихся после смерти Сталина: их нельзя уже считать исключительно политическими; нельзя пренебрегать и экономическим обоснованием.

Сразу же после смерти Сталина Гулаг подвергся коренной реорганизации: он перешел в ведение Министерства юстиции. Что касается его экономической инфраструктуры, она была передана соответствующим гражданским министерствам. 27 марта советское правительство объявило частичную амнистию, по которой за три месяца на свободу было выпущено около половины заключенных (1 200 000 из 2 500 000), в большинстве своем осужденных на срок до 5 лет. «Политических» эта амнистия почти не затронула, что вызвало, начиная с лета 1953, года волну отказов от работы, мятежей и восстаний в некоторых крупных лагерях, кульминацией которых стало массовое Кенгирское восстание (Степлаг) в мае–июне 1954 года. Эти события ускорили создание комиссий, занимавшихся «пересмотром» дел «политических». Гулаг быстро таял. В 1956 году, впервые за 20 лет количество заключенных опустилось ниже отметки в миллион. Серьезной перестройке подверглась структура лагерей. Постепенно сходила на нет роль принудительного труда в эксплуатации природных богатств Крайнего Севера и Сибири. Отныне лагеря, переименованные в «исправительно-трудовые учреждения», в большинстве своем концентрировались в Европейской части СССР. Подавляющее большинство заключенных было уголовниками (в 1960–1970-е годы насчитывает-

ся всего 1–2 тысячи «политических» приговоров в год), а заключение в СССР вновь стало играть ту роль, которую оно играет в каждом обществе, сохранив, тем не менее, специфику, отличающую эту страну от правового государства. К преступникам и правонарушителям, мелким и крупным, действительно прибавились вследствие кампаний, периодически устраиваемых против того или иного отклонения от социальных норм (алкоголизм, туеядство, «спекуляция»), «простые граждане», ставшие жертвой репрессий, зачастую несоизмеренных совершенному ими проступку.

Со времен развала СССР количество заключенных постоянно растет и ныне превышает миллион только в Российской Федерации, которая по численности населения значительно уступает СССР 1970–1980-х годов. Жестокость наказаний, высокий уровень преступности отражают не только глубокие социальные конфликты на постсоветском пространстве, но и наследие не столь давнего прошлого, отмеченного беспрецедентными репрессиями по отношению к обществу, и ролью самой масштабной во времени и пространстве лагерной системы XX века.

Приложение

Таблица I⁴⁵

Численность заключенных Гулага (1930–1960)

Год*	Всего	Из них ИТЛ (исправительно- трудовые лагеря)	ИТК (трудовые колонии)	Тюрьмы
1930	179 000	95 000	84 000	?
1931	326 000	212 000	114 000	?
1932	417 900	268 700	149 200	?
1933	522 400	334 300	188 100	?
1934	735 987	510 307	225 680	?
1935	905 733	725 483	180 250	?
1936	1 102 678	839 406	263 272	?
1937	1 096 860	820 881	275 979	?
1938	1 786 800	996 367	589 433	201 000
1939	1 978 250	1 317 195	427 921	233 134
1940	1 846 270	1 344 408	315 584	186 278
1941	2 400 422	1 500 524	429 205	470 693

Год*	Всего	Из них ИТЛ (исправительно- трудовые лагеря)	ИТК (трудовые колонии)	Тюрьмы
1942	2 045 575	1 415 596	361 447	268 532
1943	1 721 716	983 974	500 208	237 534
1944	1 331 115	663 594	516 225	151 296
1945	1 736 187	715 506	745 171	275 510
1946	1 355 739	600 897	509 696	245 146
1947	1 996 641	808 839	894 667	293 135
1948	2 449 626	1 108 057	1 061 195	280 374
1949	2 587 732	1 216 361	1 140 324	231 047
1950	2 760 095	1 416 300	1 145 051	198 744
1951	2 705 439	1 543 382	997 378	164 679
1952	2 662 402	1 713 614	796 174	152 614
1953	2 624 537	1 731 693	740 554	152 290
1954	1 474 085	884 040	440 963	149 082
1955	1 173 794	748 489	326 791	98 514
1956	925 139	557 877	223 753	143 509
1957	947 433	492 092	315 885	139 456
1958	840 603	409 567	312 332	118 704
1959	1 023 600	388 114	474 593	160 893
1960	653 801	276 279	306 438	71 084

* На 1 января каждого года.

Таблица II⁴⁶

Смертность в Гулаге (1931–1953)

Год	Количество умерших	% от общего числа на 1 января
1931	18 700	5,7%
1932	26 540	6,3%
1933	72 300	13,8%
1934	33 217	4,5%
1935	32 659	3,6%
1936	26 439	2,4%

Год	Количество умерших	% от общего числа на 1 января
1937	33 499	3%
1938	126 585	7%
1939	65 301	3,3%
1940	56 703	3,1%
1941	135 864	5,7%
1942	372 348	18,2%
1943	288 599	16,8%
1944	124 725	9,4%
1945	87 903	5,1%
1946	33 066	2,4%
1947	62 007	3,1%
1948	53 102	2,2%
1949	30 668	1,2%
1950	25 354	0,9%
1951	24 090	0,9%
1952	21 221	0,8%
1953	10 369	0,4%

Примечания

1. *Arendt H.* Le Système totalitaire. Éd. Du Seuil, 1972. P. 182–183.

2. По этим вопросам см. новаторские для своего времени работы Виктора Земскова, который в 1990–1992 годах опубликовал 8 статей в основном по статистике Гулага в журнале «Социологические исследования», а также важную обобщающую статью «Население Гулага. Статистика репрессий, 1934–1953» в журнале «История СССР». 1991. № 5. С. 151–166. Наиболее полное обобщающее исследование на английском языке: *Getty J. A., Rittersporn G. T., Zemskov V. N.* Victims of the Soviet Penal System in the Pre-War Years: a First Approach on the Basis of Archival Evidence // *The American Historical Review*. Vol. 98. № 4. P. 1034–1086.

3. Эта составляющая Гулага здесь рассматриваться не будет. Позволю себе отослать читателя к моей статье «Déplacés spéciaux et colons de travail dans la société stalinienne» // *Vingtième siècle. Revue d'histoire*. № 54 (1997). P. 34–50.

4. О социальном и национальном составе Гулага см.: Население России в XX веке... в 2 т. М.: РОССПЭН, 2000 (том 1) и 2001 (т. 2). Совершенно иначе выглядела ситуация в «спецпоселении», на которое в 1941–1944 годах направлялись народы, «наказанные» за подозрение в «сотрудничестве с немецко-фашистским оккупантом». В 1953 году, после смерти Сталина 90 % «спецпоселенцев» представляли собой этносы, понесшие «коллективное наказание», или нацменьшинства, подвергавшиеся с 1945 года насильственной советизации (прибалты, молдаване, украинцы и белорусы с западных территорий Украины и Белоруссии, принадлежавших до 1939 года Польше). См. статью «Депортации “подозрительного населения” на российском и советском пространстве (1914 — конец 40-х годов): военное насилие, социальная инженерия, этно-историческое “изъятие”» в данном сборнике.

5. К первому полюсу тяготели Н. С. Тимашев (*Timasheff N. S. The Post-War Population of the Soviet Union // American Journal of Sociology. 1948. Vol. 54*) и С. Уиткрофт (*Wheatcroft S. More Light on the Scale of Repression and Excess Mortality in the Soviet Union in the 1930's // Soviet Studies. Vol. XLIII. № 2*). Среди сторонников второй крайности фигурируют в первую очередь Д. Даллин и Б. Николаевский (*Dallin D. J., Nikolaevski B. I. Forced Labour in Soviet Russia. Londres: Hollis & Carter, 1948*) и Р. Конквест (*Conquest R. La Grande Terreur. Paris: Stock, 1968*).

6. За исключением некоторых лет: так, в 1944 году в Гулаге насчитывалось 43 % «политических».

7. *Werth N. Goulag: les vrais chiffres // L'Histoire. № 169, septembre 1993. P. 38–52*. См. также статью «Указы об ответственности за хищение и кражи от 4 июня 1947 года: апогей сталинских «законных репрессий» в данном сборнике.

8. Население России в XX веке... Цит. соч. Т. 1. С. 319 (1930-е годы); т. 2. С. 195 (1940 — начало 1950-х годов).

9. *Getty J. A., Rittersporn G. T., Zemskov V. N. Art. cit. P. 1048–1049*.

10. *Werth N., Moullec G. Rapports secrets soviétiques. La société russe dans les documents confidentiels, 1921–1991». Paris: Gallimard, 1995. P. 346 sq.*

11. Отметим, что в 20-е годы число заключенных — около 180 тысяч — практически не отличалось от их количества при старом режиме. Ситуация радикально изменилась начиная с 1929–1930 гг.

12. ГА РФ. 9401/1/4157/203.

13. См.: *Rossi J. Le Manuel du Goulag. Paris: Le Cherche-Midi, 1997. P. 278*.

14. *Хлевнюк О. В. Экономика ОГПУ–НКВД–МВД СССР в 1930–1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития // Гулаг: Экономика принудительного труда. Л. Бородкин, П. Грегори, О. Хлевнюк (ред.). М.: РОССПЭН, 2005. С. 69.*

15. ГА РФ. 1235/41/1005/69.

16. ГА РФ. 1235/41/1005/67–91.

17. Или около 300 исправительных колоний, в которых содержалось около 260 тысяч заключенных, отбывающих срок до 3 лет.

18. Оставшаяся четверть (сроки до 3 лет) находилась в так называемых «исправительно-трудовых колониях» и тюрьмах.

19. См.: *Хлевнюк О. В. Цит. соч. С. 69–70*.

20. См. статью «Переосмысление “Большого террора”» в данном сборнике.

21. К которым следует добавить около 300 тысяч «уголовников», которых ежегодно приговаривали к отбытию наказания в лагерях обычные суды.

22. ГА РФ. 9401/1/4157/201–205.

23. ГА РФ. 9414/1/1138/59, 63, 66. В 1938 году, согласно статистике Гулага, в лагерях умерли 126 585 заключенных, или около 7 % их общего числа.

24. Об этом кризисе см.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. Н. Охотин, А. Рогинский (ред.). М.: Звенья, 1998. С. 41–43.

25. Экономика Гулага. О. В. Хлевнюк (ред.). М.: РОССПЭН, 2004. С. 160–161.

26. Каждый день, выработанный сверх норм, давал право на вычет из оставшегося срока.

27. ГА РФ. 5446/25a/7181.

28. См. по этому поводу спецсводку начальника Гулага генерала Наседкина, направленную министру внутренних дел, от 17 августа 1944 г. // ГА РФ. 9414/1/66/1–61.

29. Эта резня сыграла ключевую роль в стратегии легитимизации, использовавшейся нацистами на первом этапе уничтожения еврейского населения этих регионов усилиями «айнзацкоманд» (*Einsatzgruppen*). Разве не естественно с их точки зрения, чтобы евреи заплатили за «еврейско-большевистские зверства», совершенные НКВД?

30. ГА РФ. 9414/1/66, 45–48.

31. «Питанием заключенные по установленным нормам не обеспечены. Из-за плохого питания некоторые заключенные собирают отбросы в помойных ямах, едят корни травы белены. 20 сентября с.г. имел место случай, когда бригада з-к Шувакина употребила в пищу убитую ими собаку. Смертность больных з-к в лагере увеличивается с каждым месяцем. В июле с.г. умерло 12 чел., в августе 37 чел., в сентябре 130 человек». (Докладная записка зам. начальника оперативного отдела Гулага Когенмана руководству Гулага о положении дел в Актюбинском лагере от 23 октября 1941 года // ГА РФ. 9414/1/39/76–78). Многочисленные сообщения подобного рода, датируемые концом 1941–1942 гг., см. в ГА РФ. 9414/1/40; 9414/1/52; 9414/66 и т. д.

32. См. таблицу II Приложения.

33. ГА РФ. 9414/1/66/34–35.

34. О вкладе Гулага в войну см. документы, собранные Олегом Хлевнюком: «История сталинского Гулага». М.: РОССПЭН, 2004. Т. 3, особенно С. 188–217, 445–450.

35. ГА РФ. 9492/6/14/10, 14.

36. 150–200 тысяч человек, или 9–13 % общего числа советских военнопленных, репатриированных в СССР.

37. См. статью «Указы об ответственности за хищение и кражи от 4 июня 1947 года: апогей сталинских «законных репрессий» в данном сборнике.

38. На начало 1949 года на шесть таких лагерей приходилось 106 тысяч заключенных; тремя годами позже в двенадцати действующих особлагах находилось уже 257 тысяч заключенных.

39. *Graveri M., Formozov N. La résistance au Goulag: grèves et révoltes dans les camps de travail soviétiques de 1920 à 1956 // Communisme. № 42–43–44. 1995. P. 197–210.*

40. См. статью «Массовые освобождения заключенных Гулага и конец “спецпоселений”: социально-политические ставки “оттепели” (1953–1957)» в данном сборнике.

41. ГА РФ. 9414/1с/513/189.

42. Так, на Колыме в конце 40-х годов заключенные добывали в среднем 7 г золота на кубометр золотосодержащего грунта, или в 3-4 раза меньше, чем в 1935–1938 годах.

43. Наиболее яркий пример — железная дорога «Чум-Игарка», которая должна была связать за Полярным кругом Печору, Обь и Енисей. В реализации этого проекта, решение о котором было принято в апреле 1947 года Советом министров СССР, на протяжении шести лет участвовали 70–80 тысяч заключенных. После смерти Сталина от него отказались, а 900 км проложенных железнодорожных путей так и не были введены в эксплуатацию.

44. Об этих процессах см.: *Хлевнюк О. В. Экономика ОГПУ–НКВД–МВД... Цит. соч. С. 72–77.*

45. ГА РФ. 94/4/1/330/55; 94/4/1/1155/1–3.

46. ГА РФ. 94/4/1/1155/2–3; 94/4/1/1190/1–34.

ГЛАВА 11

Депортации населения на российском и советском пространстве (1914 — конец 40-х годов): военное насилие, социальная инженерия, этно-историческое «изъятие»*

Со времени Первой мировой войны по конец 1940-х годов депортации «подозрительного населения» на территории Российской империи, а затем Советского Союза затронули около 7 миллионов человек. Миллион гражданских лиц был насильственно перемещен или депортирован русскими военными властями в ходе Первой мировой войны. В 30-е годы, отмеченные настоящей войной сталинского режима против целых слоев общества («кулаки», «бывшие люди», «социально вредные элементы», этнические меньшинства, подозреваемые в шпионаже в пользу иностранных государств и т. д.), простым административным решением около 3 миллионов человек было депортировано в отдаленные районы страны. Наконец, в 40-е годы, с началом советизации — после советско-германского пакта — новых территорий, а затем столкновения двух тоталитаризмов, нацистского и сталинского, сопровождавшимся беспрецедентным насилием, за которым последовал долгий и мучительный выход из войны на западных окраинах СССР, еще как минимум 3 миллиона человек, принадлежавших в основном к этническим меньшинствам, были депортированы как «враги советского строя»¹.

Необходимо сразу же констатировать два факта. На советском пространстве разница между мирным и военным временем несуществен-

---

* Les deportations de «populations suspectes» dans les espaces russes et soviétiques (1914 — fin des années 1940): violences de guerre, ingénierie sociale, excision ethno-historique // Communisme. 2004 / 2–3, № 78–79. P. 15–52. Автор пользуется заимствованным у Франсин Хирш (см. прим. 3) выражением «*excision ethno-historique*», где «*excision*» переводится как хирургическое удаление, вырезание для характеристики депортаций по этническому признаку. В данном издании было сочтено целесообразным прибегнуть к термину «изъятие», имеющему тот же смысл и широко использовавшемуся в документах органов госбезопасности той поры (*прим. пер.*).

на, когда речь идет об изучении этой специфической формы насилия, которую представляли собой массовые депортации элементов, считавшихся «чуждыми» обществу и народу. К тому же, можно отметить значительную эволюцию критериев дискриминации: за классовыми критериями, доминировавшими до середины 30-х годов, последовала этническая дискриминация, кульминацией которой стала волна депортаций «наказанных народов» в 1941–1944 годах². За социальной инженерией — «раскулачиванием» или «ликвидацией кулачества как класса» — последовало этно-историческое «изъятие»³. Помимо этой общей тенденции, углубленный анализ десятков операций по депортации, решения о которых принимались на самом высоком государственном и партийном уровне в 1919–1953 годах, показывает сложные процессы этой эволюции, разнообразие целевых групп и целей: «чистка» городов, «обеспечение безопасности» прифронтовых зон, «карательные» депортации крестьян, не выполнивших «планы по заготовкам», и т. д. Со временем депортации стали настоящим способом управления не только населением, но и целыми территориями.

В этом они радикально отличаются от насильственного перемещения населения и профилактических депортаций, осуществлявшихся русскими военными властями во время Первой мировой войны⁴. Предшествование этой практики той, к которой прибегал на протяжении более трех десятилетий советский режим, не может скрыть гигантскую разницу между депортациями Первой мировой войны — насилием против гражданских лиц в рамках тотальной войны и институционализированной практикой депортации, как порядка управления населением и территориями, как социальной инженерии, а затем этно-исторического «изъятия», осуществлявшегося в СССР в 1930–1940-е годы. Таковой будет основная тема этого краткого обзора депортаций «подозрительного населения» на российском и советском пространстве от Первой мировой войны до конца 40-х годов.

Насильственные перемещения и превентивные депортации подданных Российской империи еврейского и немецкого происхождения во время войны (1914–1916 годы)

В ходе Первой мировой войны военными властями, всемогущими на линии фронта и в ближнем тылу, было депортировано около миллиона человек только на основании их национальности или этнического происхождения. Речь шла в основном о выходцах из враждебных держав (немцы, австро-венгры)⁵, но также о подданных

империи немецкого или еврейского происхождения, считавшихся «ненадежными элементами», способными на помощь врагу и измену. Война дала военачальникам возможность на практике осуществить теории о «подозрительном населении», развивавшиеся с начала века военными географами и статистиками⁶. Допускалось, что в случае конфликта некоторые «неблагонадежные народности», среди которых на первом месте фигурировали «туземцы-мусульмане» Средней Азии, на Кавказе — «кавказские племена», а на западных окраинах страны — евреи и российские подданные немецкого происхождения («немецкие колонисты», осевшие в качестве крестьян с XVIII века на западных окраинах империи), должны были не только попасть под жесткий контроль, но и могли быть перемещены.

Тем не менее, не так просто воссоздать точные рамки этих насильственных перемещений, которые вливались в исход гражданского населения с линии фронта, движение частью спонтанное, частью вызванное политикой «выжженной земли», осуществлявшейся русской армией при отступлении⁷. Высылки и насильственные перемещения лишь иногда трансформировались в организованные и систематические депортации. К тому же анализ насильственных перемещений и депортаций приводит к выводу, что ключевую роль в этих операциях играли военные, в то время как правительство не имело единого мнения и не могло контролировать действия командующих армиями, в особенности начальника штаба Верховного Главнокомандующего генерала Н. Н. Янушкевича, основного вдохновителя этой политики. Ответственность царской власти за насильственные перемещения и частичные депортации «заключается прежде всего в заочном контроле над военными властями»⁸. Первые высылки еврейских общин, осуществлявшиеся русской армией, имели место в первые недели войны в Польше. 5 сентября приказали эвакуироваться в 24 часа собственными силами всему еврейскому населению городка Пулавы (3000 жителей). На протяжении следующих недель подобных случаев становилось все больше: в Гродзиске (Варшавская губерния) 14 октября власти дали 3 часа на сборы 4000 евреям, проживавшим в городе⁹. Командование оправдывало эти «профилактические» высылки, которые часто сопровождались насилием, творимым войсками, тем, что евреи, говорившие на идише, языке, «близком немецкому», были потенциальными шпионами и предателями. Еврейская «склонность к предательству», объясняли военные, была также связана с «алчностью, глубоко укorenившейся в самом характере тех, кто продал и распял Христа»¹⁰. Высылки евреев, на которые наложилась еще и практика взятия

заложников среди их наиболее видных представителей, приняли массовый характер с конца 1914 года в австрийской Галиции, временно оккупированной русскими войсками в результате успешной военной кампании¹¹. С отступлением, а затем разгромом русской армии летом 1915 года высылки еврейских общин с линии фронта и ближайшего тыла умножились, превращаясь местами в настоящие депортации целыми эшелонами, предназначенными специально для этих нужд. Так, в течение нескольких недель (май–июнь 1915 года) 98 % из 30 000 курляндских евреев были депортированы в Екатеринославскую губернию¹². Эти массовые депортации часто сопровождались насилием и даже настоящими погромами, что вызывало порицания со стороны премьер-министра Горемыкина. Последний в письме, направленном Николаю II, жаловался на «неприятное впечатление», производимое депортациями еврейских общин на союзников, а еще более на то, что эти насильственные перемещения размывали «черту оседлости» евреев Российской империи, ключевой элемент организации имперского пространства. Обсуждение «еврейского вопроса» высшим гражданским и военным руководством выявило, по сути, две различные формы дискриминации по отношению к еврейскому сообществу: у консервативных бюрократов — традиционный антииудаизм, направленный на удержание евреев в границах определенных регионов; у военных — антисемитизм, вызванный прежде всего желанием выявить и переместить из зоны боевых действий «неблагонадежное» еврейское население.

Поскольку большая часть территории, находящейся за еврейской чертой оседлости, после отступления русской армии стала зоной военных действий, царское правительство сделало выводы из этой ситуации, частично сняв ограничения, навязанные еврейским общинам. Указом от 15 августа 1915 года были определены новые, запрещенные для проживания евреев зоны: Кавказ, Область Войска Донского, Москва и Петроград. Евреи могли селиться во всех остальных местах, но только в городах и без права приобретения недвижимого имущества. Устранение «черты оседлости», ставшее следствием ряда обстоятельств, ни в коей мере не подразумевало окончание дискриминации. Губернаторы губерний, только что «открытых» для евреев, много раз запрещали эшелонам, перевозившим депортированных, высаживать «живой груз» в городах, входивших в их юрисдикцию. Высылки и депортации евреев достигли кульминации в сентябре–октябре 1915 года: в течение этих двух месяцев военные изгнали несколько сотен тысяч евреев из Минской губернии, а также всю Псковскую еврейскую общину¹³.

Среди других насильственно перемещенных «неблагонадежных народностей» были российские подданные немецкого происхождения, в первую очередь немецкие «колонисты», издавна занимавшиеся сельским хозяйством в польских губерниях империи и на Западной Украине (Волынская, Подольская, Херсонская, Екатеринославская губернии). В декабре 1914 года Генеральный штаб разработал план депортации немецких колонистов (около 200 000 человек), проживавших в польских губерниях империи. Эта депортация — в Сибирь под усиленной охраной полиции — должна была сопровождаться экспроприацией около 20 000 земельных участков, обрабатывавшихся колонистами. Последние в качестве награды должны были распределяться между «самыми доблестными солдатами». 5 января 1915 года генерал Янушкевич приказал выслать не только колонистов, но и всех русских подданных немецкого происхождения, проживавших в польских губерниях. Осуществлению этого плана помешало быстрое наступление немецкой армии в Польше в апреле–мае 1915 года. Впрочем, в регионах, остававшихся под контролем русской армии, в течение полутора лет (лето 1915 — начало 1917) было выслано и экспроприровано около 400 000 немецких колонистов из Волынской, Подольской и Киевской губерний¹⁴.

Чтобы оценить масштаб этих репрессивных акций, важно напомнить, что они вписывались в контекст тотальной войны в регионах, находящихся в непосредственной близости от линии фронта, где границы между гражданской и военной сферой были существенно размыты. В контекст, отмеченный массовым бегством гражданского населения, вынужденного покинуть свои дома из-за политики «выжженной земли», проводившейся отступавшей русской армией с лета 1915 года, когда около 5 миллионов гражданских лиц стали беженцами. Высылки и организованные депортации некоторых «подозрительных» этнических групп растворились в этом великом переселении народов, этом новом явлении, оказавшем глубокое дестабилизирующее влияние на политическую, экономическую и социальную жизнь воюющей России¹⁵. Отметим, впрочем, что державы Тройственного союза проводили на окраинах империй такую же политику депортаций народностей, которые были сочтены «подозрительными или враждебными»: так, немецкий «Обер-Ост» распорядился о депортации сотен тысяч славян из оккупированных регионов Польши и Прибалтики; точно так же австро-венгерские военные власти изгнали из отвоеванной Галиции большое количество русинов, которые, как считалось, сочувствовали русским¹⁶.

Карательные депортации в ходе гражданских войн (1920–1921)

Для обьятого революцией русского общества конец «империалистической войны», закрепленный Брест-литовским мирным договором в марте 1918 года, прошел почти незамеченным, поскольку почти сразу же начались вооруженные столкновения на линиях фронтов уже развязанной Гражданской войны. К этому времени границы между фронтом и тылом, гражданской и военной сферами исчезли: одновременно с прогрессирующим с лета 1917 года распадом огромной русской армии насилие из зон военных действий распространилось на тыл, в первую очередь благодаря крестьянам-дезертирам. Одновременно рушились властные структуры, рассыпалось само государство¹⁷. Гражданская война, начавшаяся весной 1918 года как непосредственное продолжение Первой мировой, была не просто военным противостоянием двух лагерей — революционного («красные») и контрреволюционного («белые»). Она в действительности являлась чрезвычайно сложной совокупностью наложившихся друг на друга многообразных конфликтов. Ни у одного из лагерей не было, разумеется, монополии на насилие. Но только большевистский революционный проект, основанный на теоретизации Гражданской войны, на «научном» видении общества и культе сильного государства, предлагал необходимое обоснование заранее спланированных операций в рамках социальной инженерии, таких как «расказначивание» — беспрецедентная попытка устранить путем «массового террора»¹⁸ и депортации целый социальный слой, имеющий специфическую организацию и определенный статус. Здесь речь идет не о рассмотрении истории этого предприятия¹⁹, но о вычленении из него определенных характеристик, которые сделали раскачивание важной вехой в истории депортаций.

Лишенное с декабря 1917 года привилегированного статуса, которым оно пользовалась при старом режиме²⁰, занесенное большевиками в «кулаки» и «классовые враги», казачество (в особенности кубанские казаки) — в значительной своей части — пополнило белые силы, формировавшиеся на юге России весной 1918 года. Во время наступления Красной армии (начало 1919 года) на Украину и юг России карательные отряды особых войск ЧК уничтожили десятки тысяч казаков на Дону. Эти операции не были следствием военных решений, принятых на полях сражений; они проводились во исполнение политического постановления, принятого на самом высоком партийном уровне (Оргбюро Центрального комитета РКП(б))

24 января 1919 года. Этой секретной директивой отдавался приказ осуществлять «массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно. Провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью»²¹. Ответом на насилие стало восстание донских казаков. Действовавшие в тылах Красной армии, которая южнее сражалась с войсками генерала Деникина, восставшие казаки внесли значительный вклад в ошеломительный успех Белой армии летом 1919 года. В донесении, отправленном в июле 1919 года в Центральный комитет председатель Донского ревкома И. Рейнгольд признал провал — пусть и временный — раскачивания. «Бесспорно, принципиальный наш взгляд на казаков как на элемент, чуждый коммунизму и советской идее, правилен. Казаков, по крайней мере, огромную их часть, надо рано или поздно истребить, просто уничтожить физически, но тут нужен огромный такт, величайшая осторожность и заигрывание с казачеством: ни на минуту нельзя забывать, что мы имеем дело с воинственным народом, у которого каждая станица — вооруженный лагерь, каждый хутор — крепость»²². Дабы ослабить сопротивление, Рейнгольд предлагал играть на антагонизме между казаками и их соседями и осуществлять параллельно «красному террору» политику «переустройства» казачьих областей и депортаций. Эта политика была опробована в конце 1920 года, после окончательного разгрома остатков белых армий. В октябре–ноябре 1920 года пять казачьих станиц Терской области (Северный Кавказ) были выселены полностью (9 тысяч семей, или 45 тысяч человек). Все мужчины от 18 до 50 лет были отправлены на Донбасс на принудительные работы на шахтах. Что касается женщин, стариков и детей, они были высланы, с разрешением «им переселиться на хутора или станицы, на север»²³. Весь домашний скот депортированных был конфискован. Дома и земли распределили между неказачьим населением, в первую очередь среди чеченцев, которые «всегда были преданными соввласти», подчеркивал руководитель операции²⁴. Чтобы подчеркнуть необратимый характер этой депортации, меняли топонимику казачьих станиц. Станицу Калиновскую, считавшуюся наиболее враждебной советской власти, вообще стерли с лица земли.

Отметим, впрочем, что эти образцово-показательные депортации оставались ограниченными в масштабах страны и на фоне крайних проявлений насилия Гражданской войны. Несмотря на свои успехи, большевистский режим не решился в конце 1920 года на силовое давление на все казачье сообщество, ослабленное, но готовое защищаться с оружием в руках. К тому же, как свидетельствуют сводки

с мест, отправленные ответственными за депортацию в октябре–ноябре 1920 года, явно не хватало средств для осуществления широкомасштабных операций по депортации: недостаток железнодорожных эшелонов, телег, лошадей, дезорганизация, вызванная отсутствием гарантий безопасности²⁵. «Расказачивание» осталось крупным незавершенным проектом.

Депортации как социальная инженерия: «ликвидация кулачества как класса» (1930–1932)

В 1930–1933 годах около миллиона крестьянских хозяйств были экспроприированы, сотни тысяч человек арестованы, два с половиной миллиона мужчин, женщин и детей депортированы в рамках широкой политической кампании, начатой в конце 1929 года под лозунгом «ликвидации кулачества как класса». Эта кампания преследовала двойную цель: «изъять» (такой термин использовался в секретных инструкциях) элементы, способные оказать сопротивление насильственной коллективизации деревни, и «колонизовать» огромные пространства Сибири, Крайнего Севера, Урала и Казахстана. Первая цель отвечала взглядам, ясно выраженным большевиками сразу после захвата власти, согласно которым крестьянское общество, пораженное классовыми антагонизмами, содержало в себе «элементы», бесповоротно враждебные режиму. Вторая цель вписывалась в широкий план развития — с помощью депортированной рабочей силы — некоторых малонаселенных регионов. Идея витала в воздухе многие годы. Решающий шаг был сделан в июне 1929 года, когда правительство постановило перевести всех заключенных, осужденных на срок от 3 лет и более, в новые трудовые лагеря, создаваемых для эксплуатации «природных богатств отдаленных районов страны»²⁶. Но являлся ли лагерь оптимальным выходом? В политических и силовых структурах разгорелась дискуссия о сравнительных преимуществах трудового лагеря и «колонии-поселения», которое, по мнению руководства ОГПУ, было выгодней во многих отношениях. По этому вопросу стоит процитировать точку зрения заместителя председателя ОГПУ Г. Ягоды²⁷, высказанную им в начале 1930 года: «Вопрос о лагерях надо перевести на другие установки. Сейчас лагерь является только сборищем заключенных, труд которых мы используем на сегодняшний день, не давая перспективы заключенному, не давая ее и себе. Необходимо в условиях заключения сделать труд более добровольным, дав заключенному жить вне работы более свободно. Надо превратить лагеря в колонизационные поселки, не дожидаясь окончания срока заключения [...]»

И вот мой проект: всех заключенных перевести на поселковое поселение до отбытия срока наказания. Надо сделать так: группе (1500 чел.) отборных заключенных в разных районах — дать лес и предложить строить избы (разработать проект, можно взять у Аустрина²⁸) где они и будут жить. Желающие могут выписать семьи. Управляются комендантом. Поселок от 200–300 дворов. В свободное время, когда лесозаготовки закончены, они (заключенные), особенно слабосильные, разводят огороды, разводят свиней, косят траву, ловят рыбу. Первое время живя на пайке, потом за свой счет. К ним присоединить ссыльных, которых также включить в поселок. Поселки по номерам. Зимой все селение идет на лесозаготовки. Там колоссальные естественные богатства, нефть, уголь, и я уверен, что пройдут года, и из этих поселков вырастут пролетарские городки горняков...»²⁹

В действительности, когда заместитель председателя ОГПУ излагал этот утопический проект, «комиссия по раскулачиванию», возглавляемая Молотовым, членом Политбюро и самым близким соратником Сталина, уже решила направить часть «раскулаченных» в трудовой лагерь, а остальных депортировать. Таким образом, обе системы — трудовых лагерей и «колоний-поселений» — должны были развиваться параллельно, представляя собой одну из специфических черт Гулага. Доклад, составленный «комиссией по раскулачиванию», лег в основу секретного постановления Политбюро от 30 января 1930 года «О мерах по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Согласно постановлению каждому району выделялись лимиты на раскулачивание по «1-й» и «2-й категориям»³⁰. «Кулаки 1-й категории», определенные как «контрреволюционный актив», должны были быть арестованы и отправлены в лагерь после осуждения «тройкой» (внесудебный орган ОГПУ с чрезвычайными полномочиями)³¹. Составленные на основании оперативных сведений об «антисоветских элементах», собиравшихся на протяжении многих лет службами ОГПУ, списки «кулаков 1-й категории» находились в исключительном ведении органов безопасности.³² Первоначальные лимиты на арест были быстро превышены: только за один 1930 год арестовали около 300 000 человек³³. Несмотря на очевидный произвол в выборе социальных ярлыков в отчетах секретно-оперативного отдела ОГПУ — основном источнике, позволяющем идентифицировать «врагов», на которых была направлена эта репрессивная кампания, — похоже, что «сознательные» (достаточно условное определение) эксплуататоры составляли лишь половину лиц, осужденных по первой категории. Вторая половина состояла из мелких торговцев и ремесленников, священников, бывших царских

чиновников, представителей «сельской интеллигенции», часто принадлежавших к эсеровским кругам, короче говоря, из широкого круга лиц, сочтенных «подозрительными» в социальном и политическом отношениях³⁴.

Впрочем, абсолютное большинство «раскулаченных» подвергалось репрессиям по «второй категории», определенной секретным постановлением Политбюро от 30 января 1930 года. «Кулаки второй категории» — количеством, по первоначальной оценке на основе местных «лимитов», в 129–154 тысячи семей, — определявшиеся как «остальные элементы кулацкого актива, особенно из наиболее богатых кулаков», должны были подвергнуться аресту, экспропрированы и депортированы с семьями в отдаленные районы страны. Операции, как предполагалось, будут осуществляться в основном «группами по раскулачиванию», составленными из «активистов» — членов партии, комсомола, профсоюзов, но также из безработных и даже преступных элементов из люмпенизированной среды, набранных в городе и отправленных в деревню³⁵. Что касается списков «кулаков второй категории», они составлялись на местном уровне «комиссией по раскулачиванию», состоявшей из местных партийных чиновников и «активистов». Это, естественно, открывало дорогу различным злоупотреблениям. Раскулачивание представляло собой возможность для неограниченного грабежа и часто — для сведения старых счетов между соседями³⁶. Впрочем, раскулачивание из запланированной операции, основанной на «четких целях» и «разнарядках», превратилось в хаотичный неуправляемый процесс, весьма далекий от «колониаторской утопии», которую рисовали в своем воображении Г. Ягода и другие представители высшего политического руководства.

Наши знания о раскулачивании значительно пополнились в последние несколько лет. Публикация недавно открытых источников³⁷ позволяет изучить различные этапы этого процесса, дать более точную количественную оценку затронутого им контингента, оценить масштаб проблем, которые возникали из-за плохой подготовки операций по депортации, проследить за возникновением специфической категории «спецпереселенцев», оставившей глубокий след в советском обществе, понять переход от «депортации в никуда» к более «рациональному», экономическому использованию депортированных. Кратко резюмируем наиболее важные данные последних исследований.

Первая волна депортаций (начало февраля — конец мая 1930 года) затронула около полумиллиона человек (115 000 семей), депортированных в основном из наиболее богатых сельскохозяйственных

регионов (в которых сопротивление коллективизации было самым сильным) — с Украины, Кубани, Нижней и Средней Волги, Центрально-Черноземного района на север России, на Урал и в Западную Сибирь³⁸. Для завершения этих операций была задействована — в масштабах, невиданных в мирное время, — военная инфраструктура: около 300 эшелонов³⁹ и тысячи сопровождающих из ОГПУ. Для первых депортаций было характерно полное отсутствие координации между военными операциями, проводимыми ОГПУ, и обустройством депортированных, переданных в ведение местных властей, которых зачастую лишь в последний момент информировали о прибытии «контингента». Сотни тысяч человек были брошены на произвол судьбы в бараках, наспех сколоченных вдоль железных дорог, без регулярного питания и работы. Лишь небольшая часть депортированных — 2,5 % на Крайнем Севере, 7 % в Западной Сибири, 8 % на Урале — была занята производительным трудом, чаще всего на лесоповале⁴⁰. Эпидемии и недоедание (и даже в некоторых случаях голод) косили людей, в первую очередь — детей и стариков. 10–15 % депортированных погибли в первый год⁴¹. В этом хаосе, по официальным данным, удалось бежать каждому шестому⁴². Лишь спустя много месяцев центральные власти начали бороться с неразберихой, вызванной такой депортацией, абсолютно непроизводительной с точки зрения первоначальных планов «колонизации». В контексте условий лета 1930 года — 8 миллионов крестьянских хозяйств вышли из колхозов после публикации в начале марта знаменитой статьи Сталина, осуждающей «головокружение от успехов» и перекладывающей на местные власти вину за «перегибы» коллективизации — крупные операции по «раскулачиванию» были временно приостановлены. Они возобновились лишь точно в конце сентября — начале октября: около 16 500 семей (приблизительно 60 тысяч человек) были депортированы из приграничных районов Белоруссии и Западной Украины, которые весной 1930 года стали ареной крупных крестьянских восстаний⁴³.

В начале 1931 года при благоприятной экономической конъюнктуре (урожай 1930 года благодаря исключительным погодным условиям был превосходен, кампания по заготовкам принесла в государственные закрома более 21 миллиона тонн зерновых⁴⁴, многие миллионы крестьянских хозяйств под давлением вновь вступили в колхозы в последние месяцы 1930 года) возобновилось масштабное раскулачивание. Для этой новой волны депортации основным «районом приема раскулаченных» избрали Казахстан: их отправили работать на угольные шахты Караганды и медные рудники, а не только на с трудом поддающиеся контролю предприятия лесной промыш-

ленности Севера, Урала и Западной Сибири. Различные планы депортации, затрагивавшей 200–300 тысяч семей, предлагавшиеся и обсуждавшиеся в отделах ОГПУ в январе–феврале 1931 года⁴⁵, демонстрируют одновременно и реальное стремление не повторить опыт депортации 1930 года, и вопиющее незнание положения дел в планируемых «зонах размещения» (так, оценки возможности приема депортированных в Казахстане колебались между 5000 и 100 000 семей!). 11 марта 1931 года Политбюро создало специальную комиссию под руководством А. Андреева, заместителя председателя Совнаркома, обязанную создавать административные структуры для депортированных, определить статус «*спецпереселенцев*»* (официальный термин, которым обозначались депортированные) и условия их экономической эксплуатации. Одной из первых мер, принятых комиссией Андреева, находившейся под жестким контролем Сталина и Молотова⁴⁶, стала передача ОГПУ (которое до тех пор занималось лишь операциями по депортации) всего административного и экономического руководства «спецпереселенцами». Была создана сеть комендатур, настоящая параллельная администрация, позволявшая органам безопасности контролировать огромные территории, где депортированные отныне составляли большинство местного населения. Экономическая эксплуатация спецпереселенцев регламентировалась договорами, заключенными между ОГПУ и определенным количеством крупных комбинатов, занимавшихся разработкой полезных ископаемых и строительством инфраструктуры в северных и восточных регионах страны. Комбинаты в принципе обязывались обеспечивать проживание, питание и обучение детей депортированных. В действительности, как свидетельствуют бесчисленные доклады о ходе депортации кулаков, положение «спецпереселенцев» нисколько не улучшилось. Проживающие в тесных грязных бараках, лишённые регулярного питания (спецпереселенцы буквально умирают от голода, питаются травой, корнями и т. д. отмечалось в записке секретно-политического отдела ОГПУ от 6 августа 1931 года о положении 600 000 депортированных на Урале), подвергающиеся экономической эксплуатации, сходной с подневольным трудом (12-часовой рабочий день, отсутствие зарплаты, поскольку теорети-

* До 1934 года в официальных документах депортированные именовались «*спецпереселенцами*», в 1934–1944 гг. — «*трудпоселенцами*», в марте 1944–1949 гг. вновь «*спецпереселенцами*», и с 1949 года — «*спецпоселенцами*». В данном сборнике, как правило, применительно к этой категории используется первый из перечисленных терминов (*прим. пер.*).

чески заработанные суммы были ниже удерживаемых администрацией за проживание, государственные займы, различные взносы, в том числе в поддержку ОГПУ!) «спецпереселенцы» представляли собой настоящих крепостных, по отношению к которым чинились всякого рода злоупотребления⁴⁷. В этом контексте статус «спецпереселенцев» — работа над ним был одной из важных задач комиссии Андреева — так и остался декларацией о намерениях, оставив неразрешенными многие вопросы. Экспроприированные, лишённые гражданских прав и депортированные сроком на 5 лет «спецпереселенцы» обязаны были регулярно отмечаться в комендатуре ОГПУ, жить и работать согласно дискриминационным правилам. Но какой будет дальнейшая судьба этой категории лишенцев? Будут ли отбывать наказание дети ссыльных, достигшие совершеннолетия? Смогут ли они продолжать учиться вне спецпоселков? Каким будет статус вольной, вышедшей замуж за депортированного? Предусмотрено ли право на возвращение по отбытии 5-летней ссылки? Позиция властей по всем этим вопросам оставалась на протяжении всех 30-х годов противоречивой и постоянно менялась⁴⁸. Вследствие более широкого применения практики депортаций, жертвами которых становилось все возрастающее число «подозрительного» населения, стремительно увеличивалось количество инструкций и положений, касающихся миллионов депортированных.

К концу 1931 года было депортировано около 1 800 000 человек (380 тысяч семей), если считать с начала «раскулачивания» двумя годами ранее⁴⁹. Тем не менее, на 1 января 1932 года, когда ОГПУ осуществило первый общий подсчет «спецпереселенцев», проживающих примерно в 2000 поселениях, насчитали лишь 1 317 000 человек, то есть потеряно было полмиллиона. Сколько бежало? Сколько погибло? Экстраполяция частичных данных, касающихся количества бежавших депортированных, позволяет предположить, что бежать в 1930–1931 годах удалось приблизительно 250 000 депортированных; следовательно, умерло примерно столько же⁵⁰. По следующим годам статистика Отдела спецпоселений приводит такие потери: в 1932 году 207 000 беглецов (38 000 поймано, 90 000 умерших); в 1933 году 216 000 беглецов (54 000 поймано, 151 600 смертей — что дает в этот голодный год уровень смертности 14 %); в 1934 году — 87 600 побегов, 40 000 смертей⁵¹. Эти цифры дают представление о том, что представляла собой эта операция по социальной инженерии, призванная уничтожить целый класс, и помимо этого подвергнуть все крестьянство беспрецедентной экспроприации.

Тотальные депортации крестьянских общин, «внесенных в черный список»: показательный случай кубанских казачьих станиц (конец 1932 — начало 1933 годов)

Депортации крестьян продолжились в 1932–1933 годах, но в меньшем масштабе (в эти два года Отделом спецпоселений было зарегистрировано около 340 000 «вновь поступивших»⁵²) и в других условиях. В контексте напряженной «борьбы на фронте заготовок», начатой в первую очередь в зерновых житницах страны (Украина, Кубань, Нижняя и Средняя Волга), с осени 1932 года депортации отныне били не только по эксплуататорам, заклейменным как «кулаки», но и по целым крестьянским сообществам, обвиненным в «срыве плана по заготовкам». Села и районы, не выполнившие план, сначала «вносились в черный список»; затем в качестве наказания следовала частичная или тотальная депортация. Внесение в «черный список» влекло за собой следующие меры: изъятие всех товаров (промышленных и продовольственных) из магазинов, запрет на любую торговлю, немедленное возвращение всех ссуд, индивидуальных или коллективных, исключительно высокое налогообложение (а точнее полная конфискация крестьянского имущества и последних запасов продовольствия), арест всех «социально чуждых элементов». Таким образом, это была настоящая внутренняя экономическая блокада, сопровождавшаяся репрессивными мерами — от полной конфискации имущества до массовых арестов. Эти меры впервые были приняты в ноябре 1932 года на Кубани по приказу Лазаря Кагановича, полномочного представителя Политбюро, отправленного туда для ускорения заготовок. Одновременно схожие меры были приняты на Украине другой комиссией Политбюро, возглавленной В. Молотовым. Исключительный по важности источник, дневник, который вел Каганович в ходе поездки, освещает процесс эскалации репрессий⁵³. Хотя кулачество ликвидировано как класс, объяснял Каганович на различных собраниях с партийным активом Северного Кавказа, проводившихся в ноябре 1932 года, еще оставались кулаки, избежавшие раскулачивания или незаконно вернувшиеся из ссылки. Но гораздо опаснее кулака была кулацкая идеология, то есть общая враждебность к социалистической собственности, антиколхозная психология, крестьянско-индивидуалистическая психология, распространенная среди многих колхозников... Именно эту психологию должен ломать настоящий сталинец. У нас не должно быть идеалистического отношения к колхозам. Можно вступить в колхоз, иметь партбилет и быть отмеченным кулацкой идеологией. С точки зрения менталитета ка-

зачи отличаются особой отсталостью, почеркивал Каганович, цитируя протокол допроса одного старого казака, который утверждал, что казак без земли уже не казак». «Наша цель, — делал вывод Каганович, — помимо жгучего и неотложного вопроса заготовок сделать казаков советскими колхозниками, а тех, кто будет сопротивляться заготовкам, тех, кто не будет сеять, просто вышлют». И Каганович не преминул вспомнить опыт рассказывания 1919–1920 годов: «Вспомните те годы, когда мы высылали казачьи станицы, выступавшие против власти большевиков. Вы не хотите работать, вы не хотите выполнять обязательства перед государством. Мы вас высылаем. Кто-то возразит: это незаконно. Отнюдь. Совершенно законно. Вы против советской власти, вы не хотите сеять. Что ж, во имя государственных интересов не просто право, но и долг советской власти вас выслать»⁵⁴.

В конце 1932 — начале 1933 годов три казачьи станицы (Медведовская, Уманская, Полтавская), которые, согласно Кагановичу, «объявили войну советской власти»⁵⁵, обезлюдели: 45 600 человек были коллективно депортированы в Сибирь, на Урал и в Казахстан. Чуть позже правительство поселило там демобилизованных солдат Красной армии, положив тем самым начало движению по заселению регионов, затронутых репрессиями и великим голодом 1932–1933 годов⁵⁶. Эти коллективные депортации, пусть носившие и ограниченный характер⁵⁷, — в качестве прецедента которых можно упомянуть лишь депортацию терских казаков в 1920–1921 годах, — знаменовали собой поворотный пункт между операциями по раскулачиванию 1930–1932 годов (когда депортировали лишь часть сельского населения на «классовой основе») и этническими депортациями, начавшимися с 1935 года.

Высылки и депортации «антиобщественных и социально опасных элементов» из городов (с 1933 года)

Глубокий кризис, вызванный насильственной коллективизацией и раскулачиванием, спровоцировал массовый исход в города миллионов крестьян, бежавших от «второго крепостного права». Чтобы ограничить и контролировать этот беспорядочный приток населения, ставивший под угрозу систему снабжения и распределения в крупных городах, разрабатывавшуюся с 1929 года, правительство решило «паспортизовать» городское население, то есть выдать горожанам — и только им — паспорт, который должен был заменить все остальные удостоверения личности, до тех пор выдававшиеся самыми разными инстанциями⁵⁸. У «паспортизации» была и другая цель: очистить Мо-

скую, Ленинград и другие крупные города и промышленные центры СССР от бесполезных элементов, не занятых на производстве или в учреждениях, так же как от кулацких, уголовных и других антиобщественных элементов, скрывающихся в городах⁵⁹. Спустя две недели после публикации Постановления о введении единой паспортной системы в городах СССР (27 декабря 1932 года), секретная инструкция органам милиции (14 января 1933 года) определила семь больших категорий лиц, которым отказывалось в получении паспорта и которые вследствие этого должны были быть немедленно высланы. Нежелательными были сочтены:

– лица, не занятые трудом на производстве или в учреждениях и не участвующие ни в какой другой форме общественно-полезного труда (за исключением инвалидов и пенсионеров);

– кулаки и раскулаченные, совершившие побег из мест ссылки;

– лица, прибывшие из деревни или из другого города после 1 января 1930 года без формального приглашения предприятия или советского учреждения и в настоящее время находящиеся без работы или имеющие работу, но, очевидно, являющиеся тунеядцами;

– лишенцы (лица, лишённые гражданских прав⁶⁰);

– лица, приговоренные к лишению свободы или ссылке⁶¹;

– беженцы из других стран, за исключением политических беженцев;

– члены семей перечисленных выше лиц, проживающие вместе с ними⁶².

Нарушители нового законодательства (определявшиеся на языке милицейских сводок как «нарушители паспортного режима») подвергались штрафу, за которым следовала высылка и, в случае рецидива, уголовная ответственность (перевод на проживание со статусом «спецпереселенца» в отдаленные районы и даже заключение в лагерь). Одним из оперативных методов задержания данных лиц была практика милицейских облав, проводившихся в основном на вокзалах, рынках и других местах, где, как считалось, скрывались «антиобщественные элементы». Задержанные таким образом рисковали подвергнуться депортации без всякого суда, о чем свидетельствует трагический эпизод с двумя эшелонами с «социально вредными элементами», высланными из Москвы и Ленинграда в сибирский Томск. По прибытии к месту назначения эти 6000 человек были отправлены еще дальше, без продовольствия и инструментов, на необитаемый остров у слияния Оби и Назины, где 4000 из них умерли от голода и болезней⁶³. Комиссия, поспешившая расследовать это дело, выявила бесчисленные злоупотребления, совершенные с самого начала столич-

ной милицией, которая арестовала, а затем выслала как «социально вредных» значительное число «социально близких граждан» — рабочих и членов партии, посаженных в один эшелон с «преступниками-рецидивистами, проститутками и бывшими людьми»⁶⁴. Чуть позже (конец июня — начало июля 1933 года) еще одна крупная милицеская облава закончилась арестом в Москве и Подмоскovie 5470 «цыган без определенного места жительства», вывезенных пятью эшелонами в Томск, а затем в спецпоселения⁶⁵. Несколькими неделями позже, в конце июля 1933 года, еще один эшелон с «социально вредными элементами», попавшими в облаву в Москве и Ленинграде, был отправлен в Западную Сибирь. В донесении, направленном ответственным за спецпоселения Г. Ягоде, четко ставился вопрос о дальнейшей судьбе этих людей, депортированных на окраины, откуда многим из них удалось бежать, обманув органы милиции, для которых, в конечном итоге, эти операции сводились к перевозке «социально вредных элементов» из одного конца страны в другой⁶⁶. Вынужденное выполнять противоречивые указания — ограничивать «злоупотребления» одних, обеспечивать «более эффективную изоляцию контингентов ссыльных», на чем настаивали другие — руководство ОГПУ–НКВД в 1933–1935 годах издало целую серию инструкций, касающихся регламентации наказаний, назначенных различным категориям нежелательных элементов специальными комиссиями, состоявшими из двух представителей местного руководства внутренних органов и прокурора, в чьи задачи входило исключительно внесудебное преследование нарушений паспортного режима⁶⁷. Деятельность этих комиссий ясно свидетельствует об ужесточении санкций, которые все чаще сводились к депортации в «спецпоселения» все большего числа лиц, сочтенных «социально вредными»: имеющие судимость; «не занятые общественно полезным трудом; без определенного места жительства; имеющие связи с преступной средой»; «профессиональные» нищие и бродяги; депортированные, ссыльные или высланные; незаконно покинувшие предназначенное им место проживания; «злостные нарушители паспортного режима» и т. д.⁶⁸

Среди операций по «чистке» городов от нежелательных элементов та, что проводилась в феврале–марте 1935 года в Ленинграде, примечательна во многих отношениях. Прежде всего, своим политическим контекстом: 1 декабря 1934 года был убит Сергей Киров, член Политбюро и первый секретарь ленинградского обкома партии; с тех пор в этом городе, где были арестованы тысячи человек, атмосфера стала особенно напряженной. Во-вторых, категориями населения, на которые были направлены репрессии: «бывшие люди» (бывшие цар-

ские чиновники и офицеры, дворяне и все остальные, принадлежавшие к политическим и социальным элитам старого режима, так же как и духовенство) общим числом, по оценкам НКВД, в 5000 семей⁶⁹. В ходе операции, проводившейся с 27 февраля по 22 марта 1935 года, выслано было 4833 семьи, из которых 1434 — «бывших дворян», 1024 — «бывших офицеров», 490 — священников, в общей сложности — 11 200 человек. В отличие от других операций по высылке, державшихся в секрете, эта получила широкое освещение в прессе, которая даже привела статистические данные (правда, крайне скудные) о количестве высланных. Еще одна особенность, входившая в противоречие с контекстом атмосферы репрессий, последовавших за убийством Кирова, состояла в том, что высланным предписали селиться в основном в областных центрах Поволжья (в частности, в Куйбышеве), где условия жизни были относительно терпимыми. Действительно, для большинства депортированных эта ссылка была лишь первым этапом пути, который трагически закончился в 1937–1938 годах отправкой в лагерь или казнь как «социально чуждого» или «социально вредного элемента». Напомним, наконец, что Ленинград был приграничным городом (советско-финская граница проходила всего в 30 километрах от центра Ленинграда) и поэтому считался особо «уязвимым». В ответе на письмо академика Ивана Павлова, который протестовал против депортаций тысяч коренных ленинградцев, Молотов объяснял, что эти меры были продиктованы «особым пограничным положением Ленинграда и напряженностью международной обстановки»⁷⁰. Эти два соображения отныне должны были служить оправданием новых волн депортаций, осуществлявшихся под предлогом «очистки» и обеспечения безопасности приграничных областей СССР.

Депортации в качестве «чистки» и «обеспечения безопасности» приграничных районов СССР (1935–1939 годы)

Начиная с 1935 года возросло количество депортаций, направленных на «очистку» от «сомнительных элементов» приграничных территорий, которые все чаще воспринимались как настоящая линия фронта. С 1923 года 22-х километровые приграничные полосы находились под особым контролем погранвойск, подчинявшихся органам безопасности. С 1934 года этот режим еще более ужесточился, и отныне разрешение НКВД необходимо было не только для проживания, но и для проезда по этим зонам с особым статусом. В феврале–марте

1935 года было проведено множество операций по «очистке» границ, имевших особое стратегическое значение (Ленинградская область, советско-польская граница). В Ленинградской области первая операция закончилась депортацией примерно 3500 семей финского, латышского и эстонского происхождения, высланных в Казахстан, Сибирь и Таджикистан⁷¹. Одновременно 8300 семей (41 650 человек) были депортированы из пограничных районов Киевской и Винницкой областей на Восточную Украину. Граждане польского и немецкого происхождения составляли более половины депортированных, остальные рассматривались как «социально-опасные элементы»⁷². В этих первых операциях, пока еще ограниченных и избирательных, этнический критерий «разнообразился» классовыми соображениями, более привычными коммунистической политической культуре. Так, среди советских граждан финского происхождения, депортированных из Ленинградской области, фигурировали в первую очередь крестьяне-единоличники, не вступившие в колхозы, кустари-одиночки, лица, лишённые избирательных прав и другие представители подобных социальных групп. Операции по «чистке» приграничных полос продолжались и множились в 1936 году. Второй контингент из приблизительно 5000 семей финского происхождения был выслан из Ленинградской области; 15 000 семей польского и немецкого происхождения, проживавших на Западной Украине вдоль советско-польской границы, также были депортированы (в июне и сентябре 1936 года) в Казахстан⁷³. Официально эти «административно-высланные» контингенты — по бюрократической терминологии НКВД — не были в строгом смысле прикреплены к спецпоселениям, экспропрированы и лишены гражданских прав. Для обустройства на новом месте им предоставлялись определенные льготы: «административно-перемещенным» разрешали взять часть скота, сельскохозяйственные орудия и личное имущество; для строительства жилья выдавались кредиты. Впрочем, сам факт того, что они административно зависели от спецпоселений Гулага и прикреплялись к назначенному месту жительства на неопределенный срок, ставил их в положение, близкое к положению спецпереселенцев.

«Чистка» границ для предотвращения внедрения «вражеских шпионов» в различные диаспоры (польскую, немецкую, прибалтийскую, румынскую, корейскую) активизировалась в 1937–1938 годах, в годы «Большого террора». Сотни тысяч советских граждан польского, немецкого, финского, прибалтийского, румынского происхождения, но также многие из тех, кто имел хоть какие-то связи, будь то профессиональные, семейные или просто географические (в этом

отношении были особенно уязвимы жители пограничных областей), со странами, считавшимися враждебными, были арестованы и казнены⁷⁴. В контексте беспрецедентных по масштабам репрессий (напомним, что в 1937–1938 годах НКВД было арестовано более 1,5 миллионов человек, из которых около половины казнена) коллективная депортация приблизительно 200 000 человек, высланных из приграничных районов, выглядела почти безобидным мероприятием. Крупнейшая операция по депортации в сентябре–октябре 1937 года затронула корейскую общину, обосновавшуюся в пограничных районах советского Дальнего Востока (Владивосток, Хабаровск, Биробиджан). В секретном Постановлении Центрального комитета и СНК от 21 августа 1937 года эта массовая депортация оправдывалась тем, что корейцы представляли собой «гнездо шпионов и диверсантов», работавших на секретные службы японцев, «активизировавшиеся после занятия японскими войсками Маньчжурии». Впервые выслали все национальное меньшинство — не менее 172 тысяч человек. Для завершения этой операции в назначенные сроки — два месяца — НКВД задействовал значительные средства: для транспортировки корейцев в Узбекистан и Казахстан были привлечены 124 эшелона⁷⁵. Сосланные оказались в «спецпоселениях» и в специально созданных для них колхозах. Парадоксальный факт, вскрывающий многочисленные противоречия советской национальной политики в эти годы: сам глава НКВД Николай Ежов разрешил «административно-перемещенной» корейской общине сохранить собственные школы, в которых обучение шло на корейском, издательства и газету на корейском языке, издававшуюся в Узбекистане. И это несмотря на то, что все корейцы были зачислены в разряд потенциальных шпионов и предателей.

Депортации населения с территорий, аннексированных по советско-германскому пакту (1940–1941 годы): исторический ракурс

В письмах, направленных в сентябре 1939 года офицерам НКВД, занятым советизацией Западной Украины и Белоруссии, Всеволод Меркулов, возглавлявший госбезопасность, подчеркивал историческое значение операций, которые предстояло предпринять: в течение нескольких месяцев НКВД должен был осуществить в плане чистки врагов задачу, на выполнение которой «органам» в СССР потребовалось 20 лет. Предполагалось задействовать всю гамму репрессивных мер, опробованных с 1917 года. Оперативный и политический опыт,

приобретенный за два десятилетия, позволял, тем не менее, с оптимизмом ждать результатов борьбы с врагом⁷⁶.

Эти инструкции очень поучительны в плане понимания исторического контекста депортаций с территорий, аннексированных СССР по советско-германскому пакту. Впервые на экспорт пошла репрессивная практика, испытанная на советском населении. Ее жестокость глубоко травмировала польское, латышское, литовское, эстонское общества, подвергшиеся советизации; но для оккупационных властей проводимая политика была лишь повторением репрессий, которые осуществлялись в отношении советских граждан, это касалось и уровня насилия.

Задолго до открытия советских архивов Иэн Гросс превосходно проанализировал⁷⁷ процессы советизации в восточной части Польши, вошедшей в состав СССР по условиям секретного протокола. Эта работа основывалась в первую очередь на десятках тысяч свидетельств (хранящихся в Институте Гувера) поляков, депортированных в 1940–1941 годах в Сибирь, а в 1942 году эвакуированных в Иран к армии генерала Андерса. На основе различных источников, исходящих не «снизу» (свидетельства жертв), а «сверху» (постановления Политбюро и советского правительства, секретные инструкции НКВД, донесения различных отделов НКВД, отвечающих за аресты и депортации, отчеты Переселенческого управления и отдела спецпоселений), группа историков общества «Мемориал»⁷⁸ стремилась показать, как в Польше, оккупированной советскими властями, слились различные формы репрессий, опробованные в СССР в предыдущие годы.

В продолжение массовых убийств, совершенных НКВД двумя годами ранее в рамках «тайных операций» «Большого террора» (за 16 месяцев в СССР были казнены 700–800 тысяч человек), около 25 000 польских граждан, принадлежавших к военной, гражданской и экономической элите страны, заключенных в трех «особых лагерях» Козельска, Осташкова и Старобельска, были казнены в апреле 1940 года как «злейшие враги советского строя»⁷⁹. Помимо этого, с сентября 1939 по июнь 1941 года около 110 тысяч человек были арестованы и осуждены тройками НКВД. Детальный анализ этих приговоров позволяет сделать два принципиальных вывода. Социальная и политическая элита Польши была особенно затронута репрессиями в первые месяцы советизации, в ходе которых ключевую роль играл «революционный критерий» («сокрушить правящие классы буржуазного государства»). Но массовым репрессиям подверглись и евреи, попавшие под подозрение будучи «спекулянтами», «бундовцами»

или «сионистами» (вопреки распространенному мнению, что еврейское меньшинство «выиграло» от советской оккупации), так же как и украинцы и белорусы, когда их записывали в «кулаки» или «националисты»⁸⁰. Помимо этого, изучение приговоров, вынесенных в 1939–1941 годах тройками НКВД и военными трибуналами, показывает, что приговоры жителям оккупированных территорий не отличались большей жестокостью по сравнению с теми, которые выносились советским гражданам, арестованным в то же время⁸¹.

Третья форма репрессий в оккупированной Польше — депортации около 320 тысяч поляков (и 80 тысяч прибалтов и молдаван с других территорий, аннексированных СССР с 1940 года) — также осуществлялись по схеме, уже обкатанной в предыдущие годы. С февраля 1940 по июнь 1941 года были организованы четыре крупные операции по депортации, каждая из которых была нацелена на отдельную категорию населения, ставшую подозрительной в глазах властей. Первая операция, решение о которой было принято Политбюро 4 декабря 1939 года, и осуществленная 10 февраля 1940 года, должна была затронуть в первую очередь «осадников и лесников», получивших от польского государства земельные наделы в пограничных районах в качестве награды за их службу в период советско-польской войны 1920 года. В действительности, 27 тысяч семей (около 140 тысяч человек), депортированных в феврале 1940 года, представляли собой гораздо более широкий контингент «социально чуждых элементов» (помещики, предприниматели, чиновники, полицейские). Источники, изученные А. Гурьяновым⁸², в частности, переписка между НКВД и различными предприятиями (лесоперерабатывающей и добывающей промышленности, где использовалась депортированная рабочая сила), НКВД и Отдела спецпоселений Гулага, позволяют проследить за подготовкой к этим депортациям, планированием распределения контингентов по сотням поселений в двадцати четырех областях — от Архангельска до Иркутска, за осуществлением логистических мероприятий (эшелоны, милицейское сопровождение, подготовка списков депортируемых), которые должны были помочь избежать повторения «депортации в никуда» и «более рационально использовать контингенты»⁸³. Эта «рационализация», которой так гордились авторы донесений (если их почитать, все операции проходили «без происшествий, согласно указаниям и в заданные сроки»), не должна заставить нас забыть о страданиях, испытанных депортированными, как в ходе самой депортации, так и по прибытии на место. Напомним, что с 1 марта 1940 года по 1 июля 1941 года Переселенческое управление зарегистрировало 10 864 смерти в рядах контингента,

депортированного в феврале 1940 года, или 7,7 % от общего числа депортированных⁸⁴.

Вторая операция, решение о которой было принято Политбюро 2 марта 1940 года, предусматривала депортацию до 15 апреля трех различных категорий населения, очень разных, но объединенных клеймом, подразумевавшим их «изъятие»: классовым — для семей польских офицеров, попавших в места заключения, арестованных высших государственных чиновников, крупных помещиков и предпринимателей (тех самых, которых должны были казнить в тех трех лагерях, куда их свезли)⁸⁵; клеймом «социального паразита» для проституток; клеймом мигранта для беженцев из Западной Польши, попавших в советскую зону оккупации, изъявивших желание вернуться в немецкую зону, но получивших отказ⁸⁶. Операция была проведена 13 апреля; депортировали около 61 000 человек. В отличие от первого контингента, распределенного по поселениям со статусом «спецпереселенцев», второй контингент, состоявший в основном из женщин, стариков и детей, был рассредоточен по сотням колхозов и рабочих поселков Казахстана, что еще больше усилило изоляцию этих семей, лишенных всего, даже возможности узнать об участи, постигшей их близких. Третья операция, проведенная 28–29 июня 1940 года, была направлена на польских беженцев, большей частью еврейского происхождения, которые, спасаясь от нацистов, нашли убежище в советской зоне. Для советских оккупационных властей эти беженцы были подозрительными по многим причинам: из-за их общественного положения, рода занятий (среди них насчитывалось множество коммерсантов и представителей свободных профессий), политического прошлого (в еврейской интеллигенции было достаточно много бундовцев и сионистов), из-за частого отказа от советского гражданства и соблюдения «советского паспортного законодательства» (запрещавшего им в первую очередь проживание в крупных городах). В рамках этой третьей крупной операции по депортации около 75 000 беженцев (из них 84 % евреи) были депортированы на Крайний Север и в Сибирь и прикреплены к спецпоселениям⁸⁷.

Наконец, 22 мая — 20 июня 1941 года НКВД осуществил четвертую крупную операцию по депортации, самую амбициозную, поскольку она касалась не только территорий Украины и Белоруссии, входивших в состав Польши в 1920–1939 годах, но также и Молдавии (аннексированной в августе 1940 года после того как СССР направил Румынии ультиматум с требованием немедленного «возвращения» этого региона, входившего в царскую империю) и трех прибалтийских государств, включенных в состав СССР в 1940 году. План де-

портации, утвержденный Политбюро 16 мая 1941 года, определял 10 категорий лиц, подлежащих аресту, отправке в лагерь или ссылке. Большая часть этих категорий соответствовала тем, которые подвергались репрессиям в ходе предыдущих депортаций; что касается мест проживания или интернирования, они зависели от категории⁸⁸. Всего с 22 мая по 20 июня 1941 года было арестовано 105–110 тысяч человек, среди них примерно 45 тысяч поляков. Из этого числа около 20 тысяч были отправлены в лагерь, а 85–90 тысяч депортированы в Сибирь (Новосибирск, Алтай, Омск, Красноярск) и Казахстан⁸⁹. Последние эшелоны депортируемых из Западной Белоруссии, ранее принадлежавшей Польше, прошли через Минск 22 июня 1941 года, когда уже началась операция «Барбаросса».

Тотальные этнические депортации «наказанных народов» в ходе Великой Отечественной войны: этно-историческое «изъятие»

Во время Великой Отечественной войны более двух миллионов советских граждан, принадлежавших к этническим меньшинствам, обвиненным либо в том, что являлись потенциальными агентами нацистских оккупантов (советские граждане немецкого происхождения)⁹⁰, либо в том, что «сотрудничали с оккупантами» (чеченцы, ингуши, калмыки, балкарцы, карачаевцы, крымские татары), были депортированы и прикреплены к новому месту жительства в отдаленных районах страны, уже «колонизированных» «спецпереселенцами» и другими категориями ссыльных. По сравнению с депортациями, о которых шла речь выше, депортации 1941–1944 годов отличал целый ряд особенностей, наиболее примечательной из которых являлось то, что они были направлены на этно-историческое «изъятие» целых национальностей, объявленных «врагами советской системы». Все представители «наказанного» этноса подвергались дискриминации — от назначения места проживания до депортации и принудительного труда; все административные структуры, автономные области или республики устранились; одним словом, национальность, окончательно исключенная из «большой семьи советских народов», прекращала существование

С лета 1941 по конец 1944 годов одна за другой прошли три большие волны депортаций. Первая (сентябрь 1941 — март 1942 годов) нанесла удар по советским гражданам немецкого происхождения, из которых были депортированы около 82 % (более миллиона человек). Учитывая, что лица немецкой национальности были рассеяны

по значительной части территории СССР (примерно треть из них проживала в АССР Немцев Поволжья, две трети были рассредоточены по десятку регионов — Саратов, Сталинград, Ленинград, Москва, Ростов, Тула, Северный Кавказ, Запорожье, Ворошиловград, Воронеж, Одесса, Куйбышев, Крым), НКВД по поручению высшего руководства страны⁹¹ приступил к целой серии точечных, регион за регионом, депортаций, готовившихся в течение многих недель и осуществлявшихся на основании списков, полученных из различных источников (переписи населения, списки паспортных столов, ЗАГСов, военкоматов и т. д.). Чтобы обеспечить как можно более полную «чистку», НКВД дошел до того, что подверг аресту десятки тысяч солдат и офицеров, служивших в Красной армии. Часть наиболее трудоспособных депортированных (мужчины от 17 до 50 лет, а с октября 1942 года и женщины от 16 до 45 лет⁹²) направлялась в «трудовую армию», где условия жизни и труда приближались к условиям лагерей Гулага. Приблизительно треть депортированных советских граждан немецкого происхождения, то есть более 300 тысяч человек, была направлена на принудительные работы, в первую очередь на шахты Карагандинской области, Воркуты и Кузбасса⁹³.

Вторая волна депортаций (около 900 000 человек) унесла с ноября 1943 по июнь 1944 года шесть неславянских народов (калмыки, карачаевцы, балкарцы, чеченцы, ингуши, крымские татары), обвиненных в «коллективном сотрудничестве» с врагом в тот краткий промежуток времени, в течение которого немцы частично оккупировали эти регионы. Центральная власть под этим предлогом собиралась «окончательно решить»⁹⁴ проблему этих едва советизированных окраин, плохо поддающихся контролю, несмотря на регулярные карательные операции.

Третья волна депортаций (июль–ноябрь 1944 года), менее масштабная (она затронула около 200 тысяч человек), вписывалась в политику, уже опробованную во второй половине 30-х годов, политику «обеспечения безопасности приграничных районов». Депортации подверглись в первую очередь болгарские, греческие, армянские общины Черноморского побережья, так же как и месхетинское, хемшинское и курдское национальные меньшинства, проживавшие у границ с Турцией и Ираном.

Чтобы понять специфический характер некоторых из этих депортаций, рассмотрим более детально одну из самых масштабных операций — депортацию более чем 500 000 чеченцев и ингушей Чечено-Ингушской автономной республики в конце февраля 1944 года. В отличие от меньшинств, представлявших национальные диас-

поры (советские граждане немецкого, польского, прибалтийского, финского, греческого, румынского происхождения и т. д.), подозревавшихся в контактах с иностранными государствами, чеченцы и ингуши принадлежали к другой категории национальностей, подозрительных в силу того сопротивления, которое они оказывали советизации. С середины 20-х годов центральная власть проводила пять раз: в 1926, 1930, 1932, 1938 и 1940 годах масштабные военные операции, направленные на уничтожение «чеченского бандитизма», и — без успеха. Край, в котором русские представляли собой достаточно крупное меньшинство (около 30 % населения), по-прежнему плохо контролировался, о чем свидетельствовало более высокое, чем в любом другом регионе СССР количество уклонистов от призыва на военную службу⁹⁵.

Подготовка к поголовной депортации чеченцев и ингушей началась в октябре 1943 года. Планы по их переселению менялись много раз, поскольку новосибирские, красноярские, омские и алтайские власти наотрез отказывались принимать новые контингенты депортированных⁹⁶. Наконец, в качестве мест депортации были определены Казахстан и Киргизия. За подготовкой лично следил Лаврентий Берия и два его самых доверенных сотрудника: Иван Серов и Богдан Кобулов. Все трое отправились в Грозный следить за последним этапом подготовки. Сталина каждый день информировали о ходе этой операции, исключительной по масштабам задействованных средств и численности контингента, который предстояло депортировать в рекордно короткие сроки: для ареста и депортации в течение шести дней (23–28 февраля 1944 года) более полумиллиона человек было мобилизовано 194 железнодорожных эшелона и 119 тысяч сотрудников спецвойск НКВД. Эту операцию отличали три черты, характерные для всех крупных операций по этнической чистке, осуществлявшихся в XX веке: «иерархическая структура руководства, географически ограниченный театр действий и культура безнаказанности»⁹⁷. У депортированных был час на то, чтобы собрать личные вещи (весом не более ста килограммов), затем их сажали в грузовики, доставлявшие на ближайший вокзал, и пересаживали в железнодорожные составы. Из-за особенностей рельефа, плохого состояния дорог и чрезвычайно неблагоприятных погодных условий многие грузовики с живым грузом застряли в пути. Признак крайней жестокости этих операций по этнической чистке населения, объявленного «врагами», «сотрудничавшими» с оккупантом: сотни, а возможно, тысячи депортированных, которые не успели добраться в срок к месту погрузки в эшелоны, были ликвидированы, часто с особой жестокостью, запер-

тые в домах и сожженные заживо⁹⁸. Облавы на чеченцев, ингушей и других представителей «наказанных народов» не ограничивались территориями, на которых они составляли большинство населения. В 1944 году около 157 000 солдат, сержантов и офицеров, принадлежавших к одному из «наказанных» национальных меньшинств, были «изъяты» из частей Красной армии и депортированы со статусом «спецпереселенцев» в Казахстан и Среднюю Азию⁹⁹.

После изнурительного трех-четырёхнедельного путешествия в Казахстан или Киргизию депортированных распределяли по колхозам, стройкам, шахтам, предприятиям со статусом «спецпереселенца». Им предстояло столкнуться не только с очень тяжелыми условиями жизни и труда, но и с дискриминацией в сфере образования — обучение велось исключительно на русском языке. В отличие от корейцев, депортированных в 1937 году, которым разрешили сохранить язык и культурные учреждения, «наказанные народы» были обречены на потерю признаков национальной принадлежности. Чечено-ингушская автономная республика была упразднена, топонимика изменена, предметы национальной гордости стерты с лица земли, любое упоминание о самом существовании чеченской национальности (равно как ингушской, балкарской, калмыцкой, карачаевской и др.) исчезло из Большой Советской Энциклопедии. Из-за особенно суровых условий проживания смертность среди депортированных на протяжении многих лет оставалась на очень высоком уровне. В октябре 1948 года, по оценкам, приводившимся в отчете Отдела спецпоселений, из 600 тысяч лиц, депортированных с Кавказа в конце 1943 — начале 1944 годов 147 тысяч (или около 25 %) умерли, в то время как рождений зарегистрировано было всего 28 тысяч¹⁰⁰.

Еще одна особенность «наказанных народов»: 26 ноября 1948 года Указом Президиума Верховного Совета СССР народы, «наказанные» во время Великой Отечественной войны, должны были сохранить свой позорный статус «навечно»¹⁰¹. Это решение подразумевало, что каждый член «наказанного» сообщества передает из поколения в поколение «коллективную вину» за содеянное предками. Можно ли из этого делать вывод, что «в сталинскую этническую чистку незаметно вкрались элементы расовой политики»¹⁰²? Анализ сталинской политики по отношению к национальностям показывает, что режим не наказывал тот или иной народ из-за мнимых «биологических изъянов». Его целью было не уничтожение той или иной расы или этноса, но устранение любой формы или проявления национальной специфики, которая воспрепятствовала бы осуществлению проекта строительства сообщества советских социалистических национальностей

и помешала осуществлению коммунистической утопии. Основанное на убеждении, что национальности, как и социальные классы, являются социо-историческими формациями, а не расовыми или биологическими явлениями, обращение с «наказанными» или «враждебными» народами скорее напоминало форму «этно-исторического изъятия»¹⁰³. Власти скорее стремились устранить национальную, культурную и историческую самоидентификацию народа, чем физически уничтожить его представителей. Это, безусловно, объясняет, почему режим, имевший все возможности осуществлять масштабные операции по геноциду населения, не организовал лагеря смерти по нацистскому образцу.

К моменту смерти Сталина около 2 800 000 советских граждан (из которых 900 000 составляли дети и подростки, не достигшие 16 лет) имели статус «спецпереселенцев» и были приписаны к 2930 комендатурам Министерства внутренних дел. Как показывает доклад, подготовленный в начале 1954 года комиссией Центрального Комитета, ответственной за постепенное сворачивание системы «спецпоселений»¹⁰⁴, 21 категория ссыльных соответствовала всем уровням депортации, которые на протяжении четверти века формировали этот специфический мир, это «чистилище», отделяющее «малую зону» (мир лагерей) от «большой зоны» (весь остальной советский мир).

В 1953–1954 годах представители наказанных народов и этнических меньшинств, депортированных в рамках политики «чистки» приграничных районов СССР (всего около 2 200 000 человек), составляли абсолютное большинство — около 80 % — «спецпереселенцев». Если прибавить к ним контингенты украинских и прибалтийских «националистов» (около 400 000 человек), депортированных с семьями в 1944–1952 годах в ходе долгой «усмирительной войны», которую вели на западных окраинах СССР специальные части МВД, представители национальных меньшинств к моменту смерти Сталина составляли более 92 % «спецпереселенцев». Оставшие 200 000 «спецпереселенцев» представляли оставшихся в живых жертв предыдущих депортаций (около 25 000 «кулаков», депортированных в 1930–1932 годах¹⁰⁵, 35 000 поляков, высланных из западных приграничных районов в 1936 году, 30 000 польских и прибалтийских «буржуев», депортированных в 1940–1941 годах), так же как и другие специфические категории сосланных в послевоенный период («власовцы»¹⁰⁶, лица, депортированные за «паразитический образ жизни»¹⁰⁷, и «особо опасные контрреволюционеры», приговоренные к поселению после отбытия срока принудительных работ¹⁰⁸).

В долгосрочном плане проблему «спецпереселенцев» оказалось решить труднее, чем проблему заключенных Гулага. Полумерами и уступками советское правительство реагировало на требования и сопротивление депортированных. Указом от 7 января 1960 года, официально упразднившим статус «спецпереселенцев», не удалось стереть глубокий след, оставленный политикой социально-этнического «изъятия», практиковавшейся на протяжении четверти века.

Приложение

Записка К. Е. Ворошилова в Президиум ЦК КПСС о категориях и количестве спецпоселенцев в СССР

4 марта 1954 г.

Товарищу Маленкову Г. М., товарищу Хрущеву Н. С.

В дополнение к ранее посланным материалам направляю вам краткую справку о спецпоселенцах.

По данным МВД СССР на спецпоселении в настоящее время всего находится 2 819 776 человек, в том числе детей, не достигших 16-летнего возраста — 884 057 человек.

Основную группу спецпоселенцев — около 2 миллионов человек — составляют немцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, калмыки и крымские татары, высланные во время Отечественной войны.

Немцы из районов Поволжья были высланы на основании Указа от 28 августа 1941 г.; одновременно были высланы немцы из Московской и Ленинградской областей, Украины, Северного Кавказа, Крыма и других районов. Всего было переселено в этот период 856 637 человек. После войны по распоряжению СНК СССР были направлены на спецпоселения 208 462 чел., репатриированных немцами, и в 1948 году МВД СССР были взяты на учет как спецпоселенцы 159 906 чел. немцев — местных жителей Дальнего Востока, Сибири, Урала, Казахстана и других районов.

Всего, таким образом, немцев на поселении находится в настоящее время вместе с детьми 1 225 005 человек.

В соответствии с Указами от 12 октября 1943 г., 7 марта и 8 апреля 1944 г. из районов Северного Кавказа было переселено карачаевцев, чеченцев, ингушей и балкарцев всего 489 118 человек, и по Указу от 27 декабря 1943 г. из бывшей Калмыкской АССР было переселено калмыков 79 376 человек.

Крымские татары были переселены на основании постановления ГОКО от 11 мая 1944 г.; одновременно были выселены из Крыма немецкие пособники из числа греков, болгар и армян. Всего выселенных из Крыма находится на спецпоселении 199 215 человек.

В соответствии с Указами и распоряжениями Правительства СССР выселенные должны наделяться в местах поселения земель и угодьями, и им должна быть оказана государственная помощь по хозяйственному устройству в новых районах.

В местах поселений находятся также лица, выселенные в соответствии с Указами Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля и 2 июня 1948 года по общественным приговорам общих собраний колхозников или крестьян села, как злостно уклоняющиеся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущие антиобщественный, паразитический образ жизни 27 285 человек.

На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г. сосланы на поселение отбывшие наказание шпионы, троцкисты, меньшевики, правые, террористы, националисты и другие особо опасные преступники, всего — 52 468 человек.

В местах поселений находятся также другие категории выселенных по решениям Правительства СССР:

бывшие кулаки, выселенные из районов сплошной коллективизации на основании постановления ЦИК и СНК от 1 февраля 1931 г. и не снятые еще с учета спецпоселения — 24 686 человек;

поляки — граждане СССР, выселенные на основании постановления СНК СССР от 28 апреля 1936 г. из пограничных районов Украинской и Белорусской СССР — 36 045 человек;

«оуновцы», выселенные из западных областей Украины на основании постановления Совета министров СССР от 10 сентября 1947 г. и 4 октября 1948 г. — 175 063 человека;

иноподданные, бывшие иноподданные и лица без гражданства, дашнаки и другие лица, выселенные из Грузии на основании постановления ГОКО от 31 июля 1944 г. и постановлений Совета Министров СССР от 29 мая 1949 г., 21 февраля 1950 г. и 29 ноября 1951 г. — 160 197 человек;

«власовцы», выселенные на основании постановления ГОКО от 18 августа 1945 г.; постановления СНК СССР от 21 декабря 1945 г. и постановления Совета Министров СССР от 29 марта 1946 г. сроком на 6 лет — 56 476 человек;

бывшие помещики, фабриканты, торговцы, кулаки, немецкие пособники и их семьи, выселенные из Молдавской ССР на основании постановления Совета Министров СССР от 6 апреля 1949 г. — 35 838 человек;

члены семей бандитов, пособники бандитов и кулаки с семьями, выселенные из Прибалтики в 1945–1951 гг. — 159 417 человек.

Кроме того в предвоенные годы и после войны по отдельным постановлениям Правительства СССР были выселены бывшие помещики, фабриканты, торговцы, сотрудники карательных органов бывших буржуазных правительств Польши, Латвии, Литвы, Эстонии и Румынии, члены семей осужденных сектантов («истинно-православных христиан», иеговистов и др.), кулаки с семьями из западных областей Украины и Белоруссии, басмачи и другие, всего 85 799 человек.

В Указах и постановлениях Правительства не предусматривалось, что дети спецпоселенцев по достижении совершеннолетия должны браться на учет как спецпоселенцы.

Однако согласно Инструкции МВД СССР от 19 февраля 1949 года дети спецпоселенцев в возрасте от 16 лет и старше берутся на персональный учет как спецпоселенцы.

В совместной директиве Министра внутренних дел СССР и Прокурора СССР от 16 мая 1949 года говорится, что все дети спецпереселенцев по достижении 16-летнего возраста и проживающие в спецпоселении вместе с высланными родителями (родственниками), подлежат зачислению на вечное поселение, и им объявляется Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года, которым устанавливается уголовная ответственность за самовольный выезд (побег) из места обязательного поселения.

К. Ворошилов

АПРФ (Архив Президента Российской Федерации). Ф. 3. Оп. 58. Д. 182. Л. 17–19

Примечания

1. Мы здесь не берем в расчет около 4 миллионов советских мирных граждан, депортированных в Германию в качестве оstarбайтеров нацистскими оккупационными властями в 1942–1944 гг.

2. После пионерской работы Александра Некрича (*Les Peuples punis d'Union soviétique*. Paris: Maspéro, 1979) с начала 90-х годов стали выходить многочисленные труды об этнических депортациях в СССР. Ограничимся тем, что упомянем наиболее значимые из них: *Бугай Н. Ф.* Л. Берия — И. Сталина, «согласно вашему указанию». М., 1995; *Депортации народов СССР, 1930–1950-е гг.* М. Губогло, А. Кузнецов (ред.). М.: РАН, 1992, а главное — обобщающий труд по истории принудительных миграций в СССР, принадле-

жащий перу Павла Поляна: *Полян П.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ-Мемориал, 2001.

3. Использована формулировка, предложенная Франсиной Гирш: *Hirsch F.* Race without the Practice of Racial Politics // *Slavic Review*. Vol. 61/1, spring 2002. P. 40.

4. Утверждение, которое отстаивается в этой статье, идет вразрез с позицией, защищавшейся Питером Хольквистом в статье «Проблема насилия» (*La question de la violence // Le Siècle des communismes*. Paris: Éd. de l'Atelier, 2000), в которой он утверждает (с. 128), что «почти в каждом случае методы, считавшиеся исключительно большевистскими, использовались поначалу в ходе Первой мировой войны. Так, царская империя прибегала к массовым депортациям еще до того, как большевистское государство приняло на вооружение эту процедуру».

5. Этот вопрос здесь подробно рассматриваться не будет. Абсолютное большинство из 400 тысяч подданных Германии и Австро-Венгрии, проживавших в Российской империи в 1914 году (в основном в Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве и Прибалтике) было выслано и прикреплено к месту жительства под полицейским надзором в отдаленных российских губерниях. Первые высылки затронули в сентябре 1914 года подданных центральных держав призывного возраста (18–45 лет), проживавших в польских губерниях империи. В декабре 1914 года эти меры были распространены на всех немецких и австро-венгерских подданных вне зависимости от их возраста и пола, проживавших в десяти губерниях бывшей Польши. Шпиономания и рост германофобии, приведшие к масштабному немецкому погрому в Москве (26–29 мая 1915 г.) заставили власти принять аналогичные меры по отношению ко всем выходцам из Германии и Австро-Венгрии. См.: *Хеленович С. Г.* Немецкую пакость уволить без нежностей... Депортации в России, 1914–1917 // *Военно-исторический журнал*. 1997. № 1. С. 35–49.

6. Эти теории развивались в частности учеными, занимавшимися военной статистикой, такими как А. Макшеев, Н. Обручев и В. Золотарев, составивший подробные карты «географии неблагонадежности», основанной на вычислении отношения славянского населения к неславянскому в каждой губернии и в каждом уезде. См.: *Holquist P.* To Count, to Extract, and to Exterminate. Population Statistic and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // *A State of Nations*. R. G. Suny, T. Martin (eds). Oxford: University Press, 2001. P. 120–124.

7. *Курчев А. Н.* Беженцы Первой мировой войны в России, 1914–1917 // *Вопросы истории*. 1999. № 8. С. 98–112.

8. *Gousseff C.* Les Déplacement forces des populations aux frontières russes occidentales // *S. Audoin-Rouzeau, A. Becker et al.* La Violence de guerre, 1914–1945. Paris: Éd. Complexe/ИНТР, 2002. P. 191.

9. *Gatrell P.* A Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I. Bloomington: Indiana University Press, 1999. P. 18–22.

10. Цит. По: *Lohr E.* Enemy Alien Politics Within the Russian Empire During World War I. PhD. Harvard University, Cambridge, Mass., 1999. P. 123.

11. Новый военный львовский губернатор граф Бобринский, известный антисемит, сыграл ключевую роль в этой политике высылки, сопровождавшихся многочисленными погромами.

12. *Lohr E.* Op. cit. P. 135.

13. *Gatrell P.* Op. cit. P. 21 sq.

14. *Lohr E.* Op. cit. P. 140 sq.

15. См.: *Gatrell P.* Op. cit. P. 145 sq.

16. *Holquist P.* Art. cit. P. 124–126.

17. Об этих процессах см. статью «Дезертиры в России: военное, революционное, крестьянское насилие (1916–1921)» в данном сборнике.

18. Это выражение используется в секретной директиве Оргбюро ЦК ВКП(б) от 24 января 1919 г. См.: *Известия ЦК КПСС*. 1989. № 6. С. 177–178.

19. О расказачивании см.: *Holquist P.* Conduct Merciless Mass Terror: Decosackization on the Don, 1919 // *Cahiers du monde russe*. 1997. Vol. 28. № 1–2. P. 127–162; *Генус В. Л.* Раскулачивание в Советской России // *Вопросы истории*. 1994. № 1. С. 42–56; *Бугай Н. Ф., Гонов А. М.* Кавказ: в эшелонах. М.: Инсан, 1998. С. 81–96; *Werth N.* Un État contre son peuple. Violences, repressions, terreurs en Union soviétique // *Courtois S., Werth N. et al.* Le livre noir du communisme. Paris: Laffont, 1997. P. 112–117.

20. Казаки, «стражи» окраин империи, обладали в том числе привилегией иметь оружие, создавать собственную организацию и получать в личное пользование достаточно крупные земельные участки.

21. Текст директивы см.: *Известия ЦК КПСС*. 1989. № 6. С. 177–178.

22. РГАСПИ. 5/2/106/7.

23. Оставшемуся населению было разрешено «обустроиться» в станицах, находящихся как минимум на пятидесятикилометровом расстоянии.

24. Приказ ответственного за операцию, генерала Медведова от 23 октября 1920 г. (РГАСПИ. 85/11/131/11).

25. Затянутость операции по высылке объясняется нехваткой вагонов. Не получили ни одного эшелона... Реввоенсовет Кавказского фронта только что запретил перевозить выслаемых железной дорогой [...]. Нужно депортировать еще 9000 элементов, из которых 1500 семей настроены явно контрреволюционно и около тысячи — антисоветски. Переместить всех этих лиц пешком порядком или гужевым транспортом займет много времени, поскольку нам не хватает лошадей и телег [...], и к тому же нам не хватает сопровождения, настолько, что рискуем подвергнуться нападению в дороге, а выслаемые могут сбежать. (Из телеграммы И. Косиора Орджоникидзе от 6 ноября 1920 г. // РГАСПИ. 85/11/123/6–7).

26. Постановление Политбюро от 27 июня 1929 г. Предложение комиссии Политбюро о высылке осужденных на срок свыше 3 лет от 29 июня 1929 г. Постановление СНК СССР «Об использовании труда заключенных» от 11 июля 1929 г. в: *Гулаг, 1917–1960*. А. И. Кокурин, Н. В. Петров (ред.). М.: Международный фонд «Демократия», 2000. С. 62–65.

27. Поскольку формальный глава ОГПУ Р. Менжинский уже был тяжело болен, Г. Ягода, номер два в органах госбезопасности, играл там главную роль.

28. Полномочный представитель ОГПУ в Северной области.

29. Цит. по: *Дугин Н.* Неизвестный Гулаг. М., 2001. С. 45–46.

30. В постановлении Политбюро упоминалась также — без уточнения лимитов на высылку — «третья категория» кулаков, которые после конфискации имущества «оставлялись в пределах района... и подлежали расселению на новых отводимых им за пределами колхозных хозяйств участках». Экспроприация и высылка «кулаков третьей категории» (около 164 тысяч человек в 1930 г., 470 тысяч в 1931 г. и еще несколько сотен тысяч в 1932 г.), до сих пор мало изученная, чаще всего ограничивалась конфискацией имущества. Анализ этого процесса здесь проводиться не будет. Включение — или нет — «кулаков третьей категории» в число «раскулаченных» является причиной многочисленных недоразумений, касающихся численности «спецпоселенцев».

31. Уточнялось, что в отношении кулаков первой категории нельзя оставаться «перед применением высшей меры репрессии». Согласно статистике ОГПУ, органы госбезопасности, занимавшиеся делами «кулаков первой категории», приговорили к высшей мере наказания в 1930 г. 20 200 человек и в 1931 — 10 650. (ГА РФ. 9401/1/4157/201–205).

32. Количество занесенных в картотеки «антисоветских элементов» в деревнях, значительно выросло с 1927–1928 гг. Этот учет, свидетельствовавший о прогрессе в деле полицейского контроля над деревней, позволил в том числе развернуть во второй половине 1929 года масштабные операции по превентивным арестам (к концу 1929 г. было арестовано около 100 000 человек). Успех этих операций частично объясняет тот факт, что крестьянам не удалось весной 1930 года организовать более-менее скоординированное сопротивление коллективизации.

33. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Том 3. 1930–1931. В. П. Данилов, А. Берелович (ред.). М.: РОССПЭН, 2003. С. 484.

34. Там же. С. 119–122.

35. «Бригады по раскулачиванию» и по социальному составу, и по методам действий практически не отличались от «продотрядов» времен «военного коммунизма». Но на кону стояло значительно больше, и соответственно ставкам росли масштабы насилия. За реквизициями последовала полная экспроприация большей части крестьянства и массовая депортация самых предримчивых и оказывавших наибольшее сопротивление коллективизации.

36. Эти хорошо известные стороны раскулачивания описывал в том числе Мерль Файнсод: *Fainsod M.* Smolensk à l'heure de Staline. Paris: Fayard, 1967. Chap. XII; *Lewin M.* La Paysannerie et le Pouvoir soviétique. Paris: Mouron, 1968. P. 378 sq.; *Davies R. W.* The Socialist Offensive. The Collectivization of Agriculture, 1929–1930. Londres: Macmillan, 1980. P. 257–275.

37. Особенно сводки различных отделов ОГПУ (секретно-оперативный отдел, транспортный отдел), в обязанности которых входили арест и депортация кулаков, доклады уполномоченных о ходе операций по раскулачиванию. Для знакомства с этими источниками, с богатой подборкой документов,

переведенных на французский язык томов III и IV сборника «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД, 1930–1934...» см.: *Le pouvoir soviétique et la paysannerie dans les rapports de la police politique (1930–1934)* // *Bulletin de l'ИНТР.* № 81–82. 2003. Документы переведены Николая Вертома.

38. О распределении по зонам ссылки депортированных см. в первую очередь справку особого отдела ОГПУ о количестве кулаков, сосланных в 1930–1931 гг.: *Bulletin de l'ИНТР.* № 81–82. 2003. P. 185.

39. Согласно разрядам транспортного отдела ОГПУ, утвержденным 2 февраля 1930 года, каждый эшелон, предназначенный для транспортировки депортируемых, должен был насчитывать 44 товарных вагона (при норме в 40 человек на вагон), 8 вагонов для перевозки вещевого довольствия и провизии (максимум 25 пудов, или 400 кг на семью), 1 вагон для охраны.

40. ГА РФ. 1235/2/776/83–86.

41. Население России в XX веке. Т. 1. 1900–1939. Ю. Поляков (ред.) М.: РОССПЭН, 2000. С. 278 сл.

42. Несмотря на усиление контроля, побегі ссыльных оставались массовым явлением. В 1930–1934 годах в бега ударились 700–800 тысяч депортированных, внесших значительный вклад в расширение мира маргиналов и людей, стоящих вне закона, характерного для советского общества 30-х годов. См. статью «Примитивные бунты» в СССР» в данном сборнике.

43. *Graziosi A.* Collectivisation, révoltes paysannes et politiques gouvernementales à travers les rapports du GPU d'Ukraine de février–mars 1930 // *Cahiers du monde russe.* 1994. № 2–3. P. 437–632.

44. В два раза больше, чем в 1927–1928 гг. и по символическим ценам, поскольку рыночные механизмы уже не функционировали, и крестьяне, будь то колхозники или «единоличники», были отныне вынуждены поставлять свою продукцию в рамках обязательных заготовок или висевших на них тяжелых грузом сельхозналогов.

45. *Bulletin de l'ИНТР.* № 81–82. 2003. P. 144–147.

46. Будучи председателем Совета народных комиссаров, Молотов являлся непосредственным начальником Андреева.

47. *Bulletin de l'ИНТР.* № 81–82. 2003. P. 178–184.

48. Первоначальный вариант закона, принятый в марте 1933 года, признавал для достигших совершеннолетия детей ссыльнопоселенцев возможность восстановления в гражданских правах «при условии сознательного возвращения к общественно-полезному труду». Точно так же могли быть восстановлены в гражданских правах взрослые депортированные, признанные «ударниками». См.: *Werth N.* Déplacés spéciaux et colons de travail dans la société stalinienne // *Vingtième siècle. Revue d'histoire.* № 4, avril–juin 1997. P. 34–51.

49. Около 560 000 в 1930 году и 1 244 000 в 1931 г.

50. Население России в XX веке. Цит. соч. С. 279–280.

51. Там же.

52. *Земсков В.* Кулацкая ссылка в 1930-е годы // Социологические исследования 1991. № 10. С. 4–5.

53. РГАСПИ. 81/3/214. Большие выдержки из этих записок были опубликованы в сборнике под редакцией В. Васильева и И. Шаповала: «Командиры великого голода». Киев, 2001. С. 314–333.
54. РГАСПИ. 81/3/214/9, 11, 13, 98, 110, 114.
55. Выступление Л. Кагановича 6 ноября 1932 года перед сходом станицы Медведовская (В. Васильев, И. Шаповал (ред.). Цит. соч. С. 267.)
56. Об этой «добровольной колонизации» см.: *Полян П.* Цит. соч. С. 80–81.
57. Помимо упомянутых трех станиц, высланных полностью, «частично высланы» были многие другие казачьи станицы. Только на Кубани в конце 1932 — начале 1933 года было выслано около 60 тысяч человек. Одновременно более 16 тысяч человек, обвиненных в «саботаже заготкомпании», были арестованы ОГПУ. (*Martin T.* Op. cit. P. 300).
58. Имевший паспорт гражданин должен был явиться в отделение милиции по месту жительства для регистрации. Только регистрация (прописка) придавала паспорт, тем самым устанавливая двойной контроль — над личностью и местом проживания его обладателя. Новым законодательством, помимо этого, вводилось два типа городов: «режимные» или «закрытые» города, снабжавшиеся лучше остальных и имевшие «стратегическое» значение для режима (Москва, Ленинград, Харьков, Минск, Одесса, Магнитогорск и т. д.), в которых иногородним было особенно трудно получить прописку, и «открытые города», где контроль был не таким строгим.
59. Согласно протоколу заседания Политбюро от 15 ноября 1932 года. См.: *Источник.* 1997. № 6, С. 104.
60. Анализ этой категории населения см. в: *Werth N.* De quelques catégories d'exclusion dans l'URSS des années 1920 et 1930: «Gens du passé» et «éléments socialement nuisibles» // *L'Apogée des régimes totalitaires en Europe, 1935–1953.* Courtois S. (ed.). Paris: Éd. Du Rocher, 2003. P. 51–74.
61. За этим следовал длинный список преступлений, совершение которых отныне каралось «двойным наказанием» — запретом на проживание в городе (статьи 58–59, 60/2, 61/3, 62, 68/2, 69 и т. д.).
62. ГА РФ. 5446/15а/1096/67–75.
63. Об этом эпизоде см.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. Т. 3. 1933–1938 гг. В. П. Данилов, С. А. Красильников (ред.). Новосибирск, 1994. С. 89–99.
64. Там же. С. 99–100.
65. ГА РФ. 9479/1/19/7.
66. Там же. 9479/1/19/9.
67. Директивы от 13 августа 1933 г. и от 9 мая 1935 г. См.: *Werth N.* De quelques categories d'exclusion... Art. cit. P. 66–70.
68. Ibid. P. 65–66.
69. *Иванов В. А.* Операция «Бывшие люди» в Ленинграде, февраль–март 1935 // *Новый Часовой.* Русский военно-политический журнал. 1998. № 6–7. С. 118–130.
70. *Источник.* 1995. № 1. С. 143.

71. *Martin T.* The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001. P. 333.
72. Ibid. P. 330.
73. ГА РФ. 9479/1/36/12–16.
74. См. статью «Переосмысление "Большого террора"» в данном сборнике.
75. *Полян П.* Цит. соч. С. 90–93; *Martin T.* Op. cit. P. 333–335.
76. РГАНИ. 89/18/1/3–6.
77. *Gross I.* Revolution from Abroad. The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Bielorussia. Princeton: Princeton University Press, 1986.
78. *Гурьянов А. Е., Горланов О. А., Рогинский А. Б., Филиппов С. Г., Петров Н. В., Лебедева Н. С.* Репрессии против поляков и польских граждан. М.: «Звенья», 1997.
79. Среди наиболее полных работ по этому событию см.: *Катынь.* Пихоя Р. Г., Козлов В. П. и др. (ред.) М.: Международный фонд «Демократия», 1997.
80. О. А. Горланов и А. Б. Рогинский в своем исследовании, касающемся количества арестов (цит. соч. С. 77–113), показывают, что поляки составляли 46 % среди арестованных и осужденных НКВД, украинцы — 23 %, евреи — 23 %, белорусы — 7 %. Если учесть этнический состав населения, эти процентные отношения не позволяют выделить национальную группу, подвергавшуюся преследованиям за свое этническое происхождение в большей степени, нежели остальные.
81. Из 36 500 польских граждан, осужденных НКВД в 1940 г., около 3 % были приговорены к высшей мере наказания, 30 % — к 5–10 годам лагерей, 66 % — к срокам до 5 лет (см.: *Горланов О. А., Рогинский А. Б.* Цит. соч. С. 105 сл.). В процентном отношении распределение приговоров, выносившихся органами НКВД, совпадает с данными по СССР в целом. Если учесть 25 тысяч польских граждан, арестованных в сентябре 1939 — июне 1941 (то есть около 30 тысяч из 150 тысяч) были казнены. Эта доля в 4 раза меньше доли (80 %) советских граждан польского происхождения, арестованных в 1937–1938 годах в рамках операции № 00485, или так называемой «польской операции». Из 140 тысяч арестованных расстреляны были 111 тысяч (см.: *Верт Н.* Переосмысление «Большого террора»... Цит. соч.).
82. *Гурьянов А.* Польские спецпереселенцы в СССР в 1940–1941 гг. // Репрессии против поляков... Цит. соч. С. 114–136.
83. Постановление Совета народных комиссаров № 2122–617 «Положение о спецпоселении и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР» от 29 декабря 1939 года (ГА РФ. 5446/1/510/163–165).
84. *Гурьянов А.* Цит. соч. С. 124.
85. Письмо Л. Берии Сталину с предложением казнить 25 тысяч офицеров и других представителей политических и экономических элит, содержащихся в Козельском, Осташковском и Старобельском лагерях от 5 марта 1940 года. См.: *Werth N.* Un État contre son people... Art. cit. P. 234–235.

86. Гурьянов А. Цит. соч. С. 116–117.
87. Гурьянов А. Цит. соч. С. 118–119; Бугай Н. Л. Берия — И. Сталину, «согласно вашему указанию». Цит. соч. С. 12–13.
88. Утвержденные 10 категорий были следующими: 1) члены контрреволюционных и националистических партий; 2) бывшие полицейские, государственные чиновники, судьи и прокуроры; 3) помещики, фабриканты, предприниматели, крупные торговцы; 4) бывшие офицеры; 5) преступные элементы; 6) проститутки; 7) члены семей лиц, входящих в категории 2–4; 8) члены семей лиц, входящих в категорию 1; 9) польские беженцы, отказавшиеся от советского гражданства; 10) немецкие беженцы, подлежащие репатриации в Германию, но отказавшиеся от выдачи немецким властям.
89. Гурьянов А. Масштабы депортации населения вглубь СССР, май–июнь 1941 // Репрессии... Цит. соч. С. 149–160.
90. См., напр., текст Указа Президиума Верховного Совета от 28 августа 1941 года о переселении немцев Поволжья (приводится в: *Werth N. Un État contre son peuple...* Art. cit. P. 241).
91. Для каждой региональной операции Государственный Комитет Обороны или СНК издавали отдельное постановление. Относительно советских граждан немецкого происхождения насчитывается не менее 14 постановлений, издававшихся с 28 августа 1941 года по 20 марта 1942 года.
92. За исключением беременных или имеющих детей в возрасте до 3 лет.
93. Полян П. Цит. соч. С. 114–115.
94. Этот термин использовался Богданом Кобуловым, зам. министра внутренних дел, ответственным в том числе за депортацию чеченцев и ингушей в феврале 1944 года.
95. В масштабах страны число уклонистов в военные годы оценивается в 1,5 млн. человек или 4,5 % от общего числа подлежащих мобилизации. Треть их была задержана и направлена в дисциплинарные батальоны. Доля уклонистов, похоже, была более высокой в традиционно неспокойных регионах, плохо контролировавшихся режимом, в числе которых фигурируют в первую очередь Чечня, Кабардино-Балкария, Дагестан и некоторые районы Средней Азии // ГА РФ. 9478/1/63/98–116.
96. Бугай Н. Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 38.
97. *Sémelin J. Analysis of a Mass Crime: Ethnic Cleansing in the Former Yugoslavia, 1991–1999* // R. Gellately, B. Kiernan (eds). *The Specter of Genocide*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 187.
98. Один из наиболее масштабных эпизодов массового убийства мирных жителей имел место в ауле Хайбах Галанчжойского района: не будучи в состоянии обеспечить транспортировку его жителей, внутренние войска под командой генерал-полковника М. Гвишиани согноли несколько сотен человек в колхозную конюшню, заперли их и подожгли (см.: Полян П. Цит. соч. С. 123).
99. Бугай Н. Ф. Цит. соч. С. 42.
100. Земсков В. Н. Спецпоселенцы // Население России в 1920-е–1950-е годы. Сборник научных трудов. М., 1994. С. 168.
101. Этим же Указом «самовольный побег» карался 20 годами каторжных работ в лагере особо строгого режима, вместо 8 лет заключения в лагере общего режима.
102. *Weitz E. Racial Politics without the Concept of Race* // *Slavic Review*. Vol. 61, spring 2002. P. 18.
103. См.: *Hirsch F. Art. cit.* P. 40.
104. Справка К. Ворошилова, председателя Комиссии ЦК по изучению положения спецпоселенцев при Президиуме ЦК КПСС от 4 марта 1954 года в сб.: Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС. М.: Международный фонд «Демократия», 2000. С. 97–102.
105. В ходе войны и в первые послевоенные годы несколько сотен тысяч сосланных «кулаков» были вычеркнуты из списков «спецпоселенцев». Впрочем, им не позволили ни вернуться на историческую родину, ни тем более вернуть себе конфискованное имущество. Помимо этого, несколько сотен тысяч детей «кулаков», достигших совершеннолетия, были вычеркнуты из списков «спецпоселенцев», восстановились в гражданских правах, смогли поступать на военную службу и в вузы. См.: *Земсков В. Н. Спецпереселенцы, 1930–1960*. М.: «Наука», 2003. С. 186 сл.
106. Это определение не ограничивалось советскими военнослужащими, служившими в дивизиях Российской Освободительной армии генерала Власова. В нее входило и большое количество гражданских лиц, тем или иным образом задействованных в сотрудничестве с немцами (будь то административный пост в зоне оккупации или вхождение в состав вспомогательных частей вермахта). В 1945–1946 годах около 360 тысяч «власовцев» были депортированы на 6 лет. Поскольку этот срок истекал в 1951–1952 годах, лишь незначительная часть из них в 1954 году состояла на учете в качестве «спецпоселенцев».
107. По постановлениям Президиума Верховного Совета от 27 февраля и 2 июня 1948 года. Депортированные за «антиобщественный паразитический образ жизни и невыработку обязательного минимума трудодней» высылались на 8 лет. Под действие этих постановлений подпали около 30 тысяч человек.
108. Согласно Указу Президиума Верховного Совета от 21 февраля 1948 года. В 1954 году более 52 тысяч «контрреволюционеров», уже отбывших в лагерях 10-летний, а иногда и более длительный, срок, оставались прикрепленными к месту жительства со статусом «спецпоселенца».

ГЛАВА 12

Переосмысление «Большого террора»*

В последние годы открытие ранее недоступных историкам архивных фондов (в особенности фондов Политбюро) позволило осветить организацию, механизмы, характер и масштаб «Большого террора»¹. Этот ключевой эпизод сталинского террора задолго до рассекретивания архивов бывшего СССР породил большое количество исследований. В конце 60-х годов Роберт Конквест опубликовал первое детальное описание «Большого террора», которому суждено было стать классикой. В своей работе, написанной по преимуществу на основании свидетельств и мемуаров тех, кто выжил или бежал на Запад, а также некоторых советских публикаций времен хрущевской оттепели, Конквест настаивал на «паранойе» Сталина, «архитектора террора», ставил во главу угла московские процессы, систематическое и планомерное уничтожение «старой большевистской гвардии», чистки политических, военных, экономических кадров, а также интеллигенции. Но за неимением источников он почти не упоминал о «простых жертвах», кроме того, что их счет шел на миллионы, а террор расширялся, по мере того как рос «снежный ком» доносов.

Книга Роберта Конквеста положила начало оживленным дебатам, особенно в среде англо-саксонских историков, о степени централизации и планомерности террора, о роли Сталина и Ежова, о процессе распространения насилия вширь и вглубь, о категориях и количестве жертв. В середине 80-х годов представитель американской ревизионистской школы Джон Арч Гетти предложил принципиально иную трактовку «Большого террора»². По его мнению, «Большой террор» был не тщательно запланированным проектом, проводимым в жизнь Сталиным после убийства Сергея Кирова³ и явившимся следствием паранойи всемогущего диктатора, а своего рода «бегством навстречу хаосу». Масштаб репрессий объяснялся тем фактом, что местные коммунистические кадры, на которых было направлено острие

сталинской политики, стремящейся «навести порядок» в партии и покончить с круговой порукой и «семейными кружками» провинциальных номенклатур, пытались продемонстрировать свою лояльность и бдительность, проявляя чрезмерное рвение при проведении репрессий. Таким образом, процесс развивался неконтролируемо и отражал скрытые социальные противоречия, сведение счетов, конфликты между местными кланами и кликами. Во многих отношениях характер «Большого террора» схож с характером китайской «культурной революции».

Помимо этого, Джон Арч Гетти поставил под сомнение оценки Роберта Конквеста, касающиеся количества жертв «Большого террора» (6–7 миллионов арестованных, 2–3 миллиона погибших в лагерях, более миллиона казненных), считая их завышенными⁴. Несмотря на принципиально разные подходы, историки обеих школ, «тоталитарной» и «ревизионистской»⁵, сконцентрировались на политическом аспекте «Большого террора»: «Большой террор» как кульминация чисток, проводимых в первую очередь в среде политических, экономических, военных и культурных элит; как процесс «самоуничтожения большевиков»⁶; как выход на поверхность личных или бюрократических конфликтов центра и периферии.

В реальности «Большой террор» был также, а возможно, в первую очередь, смертоносной кульминацией практики полицейского управления обществом. Начатая в 30-х годах с «раскулачивания» (то есть с массовой депортации в течение трех лет более 2 200 000 крестьян в отдаленные районы страны), эта практика продолжилась в 1933–1936 годах политикой облав и ссылок «социально вредных» элементов (в рамках кампании по «паспортизации» горожан и «чистке» городов). Выражением этой политики были и операции, тогда еще точечные, по очистке приграничных областей, направленные в первую очередь против национальных групп (советские граждане польского, немецкого, финского происхождения), подозревавшихся в контактах с «враждебными» странами. Именно этот аспект «Большого террора», преобладание практики репрессий, являющих собой форму социальной инженерии, целью которой было изъятие из «нового социалистического общества» социально и этнически «вредных» элементов, будет в первую очередь рассматриваться в этой статье.

Наши знания о «Большом терроре» значительно расширились в последние несколько лет. В первую очередь, это касается горячо обсуждавшегося вопроса о количестве жертв — арестованных, осужденных, казненных. Доступ к некоторым, первостепенной важности, источникам органов безопасности позволил достаточно четко подвес-

* Repenser la «Grande Terreur» // Le Debat. № 122, novembre–decembre 2002. P. 118–139.

ти баланс репрессий 1937–1938 годов: НКВД было арестовано около 1 550 000 человек, из которых 1 350 000 были осуждены органами внесудебной расправы. Из этого числа примерно 680 000 приговорены к «высшей мере наказания» были казнены, а остальные приговорены к 8–10 годам лагерей. Эти данные, содержащиеся в совершенно секретном донесении, направленном 5 января 1954 года министром внутренних дел С. Н. Кругловым Георгию Маленкову и Никите Хрущеву, недавно были подтверждены целым рядом других документов⁷. На современном этапе исследований они вызывают два замечания.

Во-первых, эта статистика отражает «бухгалтерию», которую вело руководство органов безопасности, но учтено ли в ней то, что сотрудники этих органов на своем жаргоне называли «перегибами», «нарушениями социалистической законности» или «дополнительными лимитами на аресты» (или казни), которые, как мы знаем, имели место, но о которых так и не сообщили в Москву⁸? К тому же, разница между количеством арестованных и осужденных превышает двести тысяч человек. Да, часть из них могла быть освобождена или передана в ведение обычных судов. Другие арестованные исчезли между моментом ареста и приговором: сколько погибло в тюрьмах в результате пыток? Из этого можно сделать предварительный вывод: для определения количества жертв «Большого террора» следует применять погрешность в 10–25 % к статистике НКВД, что дает нам цифру в 750–850 тысяч казненных и погибших.

Во-вторых, только в годы «Большого террора» тройками, находившимися в ведении органов безопасности, или военными трибуналами, было вынесено 70–75 % всех смертных приговоров от их общего числа с конца Гражданской войны (1921) до смерти Сталина (1953)⁹. Речь идет, таким образом, о некоем пароксизме насилия, о слиянии множества репрессивных логик: одна, политическая, направленная против элит, другая, социальная, — против широкого круга «социально опасных» и подозрительных в национальном отношении «элементов».

Среди недавно открытых наиболее важных источников фигурируют секретные постановления Политбюро о репрессиях в отношении той или иной категории «врагов», а также «оперативные распоряжения» НКВД, в которых тщательно фиксировались детали полицейских операций. Эти документы ясно показывают, что массовые репрессии, проводившиеся в 1937–1938 годах, были в основном результатом крупных террористических операций, спланированных на самом высоком уровне Сталиным и Николаем Ежовым, народным комиссаром внутренних дел¹⁰. Эти операции (их было свыше десятка)

проводились против разнородной группы «врагов», разделенных на две больших категории, две «линии» (на жаргоне сотрудников органов госбезопасности): «кулацкую линию» и «национальную линию». «Кулацкая линия», определенная «Оперативным приказом НКВД № 00447» от 30 июля 1937 года, включала в себя лиц, квалифицированных как «социально вредные»¹¹. «Национальная линия» объединяла советских граждан польского, немецкого латышского, финского, греческого происхождения, а также всех советских граждан, кто имел какие бы то ни было связи — будь то профессиональные, семейные или просто географические (в этом отношении были особенно уязвимы жители пограничных областей) — со странами, считавшимися враждебными, в контексте роста международной напряженности: Польшей, Германией, прибалтийскими странами, Румынией, Японией, политических эмигрантов из этих стран, бежавших в СССР. Репрессии против этой категории населения осуществлялись в ходе так называемых «национальных» операций («польская операция», «немецкая операция», «харбинская операция»¹², «финская операция», «латышская операция», «греческая операция», «эстонская операция», «румынская операция»).

Эти тайные террористические операции, ставшие причиной большинства арестов, приговоров и казней в 1937–1938 годах, как мне кажется, необходимо четко отграничить от проводившихся параллельно чисток политических, экономических, военных и интеллектуальных элит, отличавшихся и характером репрессий, и целями, и функциональной нагрузкой. В ходе этих чисток происходила замена одной элиты (для простоты — несталинской) другой, более молодой, часто более образованной, более послушной в политическом и идеологическом отношении, сформировавшейся «в духе 30-х годов». Репрессии, которым подверглись элиты, представляли собой фасад террора, наиболее ярким проявлением которого были умело срежиссированные политические процессы — знаменитые «московские процессы», а также сотни «мелких процессов» над местным коммунистическим руководством, проведенных с педагогической целью во многих областных центрах. «Мощный механизм, социальной профилактики» (Анни Кригель), эти пародии на правосудие, сопровождавшиеся бесчисленными митингами, широко освещавшимися в прессе и по радио, разоблачали многочисленные заговоры и призывали к общественному обвинению «руководящих товарищей», которые своим бездушным отношением «искусственно порождают большое число недовольных и раздраженных, создавая тем самым резервную армию для троцкистов»¹³. Событие-спектакль, но также событие-ширма, эти

публичные процессы занимали — и занимают до сих пор — не соответствующее их роли место в представлениях ученых и простых людей о «Большом терроре».

Тайная личина «Большого террора» становилась явной лишь в совершенно секретных постановлениях Политбюро и «оперативных приказах» НКВД — в документах, о которых должно было знать лишь ограниченное число руководителей партии и органов безопасности¹⁴: его целью было окончательное устранение (в первую очередь путем физического уничтожения 700–800 тысяч человек) всех элементов, которых сочли «чуждыми» или «вредными» строящемуся «новому обществу». Это массовое преступление, совершенное втайне, было масштабной операцией по социальной инженерии и социальному «очищению» — со своими группами жертв, «лимитами на казнь», своими целями, закамуфлированными терминами «первая или вторая категория», своими «утвержденными» или «неутвержденными» дополнительными списками¹⁵.

Прежде чем анализировать способ, которым осуществлялись крупные секретные террористические операции, я кратко напомним последние достижения историографии «Большого террора» в вопросах, поднимавшихся в 1980–1990-х годах: конфликты Центра и местных бюрократий, инструментализация сталинской правящей группировкой конфликтов в аппаратах и низовых парторганизациях или рискованность сталинской популистской стратегии.

Опираясь на стенограммы (до тех пор недоступные) пленумов Центрального комитета¹⁶, переписку представителей советского руководства¹⁷ и областные партархивы, авторы многих недавних работ¹⁸ выявили растущее, особенно с 1935 года, напряжение в отношениях между центральным партийным руководством и «семейными кружками» местного партруководства, которое, испытывая постоянное давление Москвы, требовавшей выполнения нереальных производственных планов, вынуждено было скрывать истинное положение вещей, лстить, заниматься приписками. Столкнувшись с неэффективностью местной бюрократии, руководители партии и государства во главе со Сталиным пришли к выводу, что «провинциальные клики» вовлечены в широкий заговор, цель которого «саботировать строительство социализма». В течение 1936 года борьба с кумовством и бюрократизмом постепенно превратилась в охоту на «врагов». В конце июля 1936 года, за несколько недель до первого московского процесса, высшее партийное руководство разослало всем коммунистическим организациям секретный циркуляр, в котором потребовало обличения «троцкистов» и «зиновьевцев», проникших

в партийные ряды, в том числе и в руководящие органы. Эта инициатива способствовала обострению вялотекущих конфликтов в местных парторганизациях: множились обвинения и контробвинения коммунистов или бывших коммунистов, подозревавшихся в том, что они не порвали со своим «уклонистским» прошлым. Начиная с октября 1936 года под «огонь критики» попали новые категории, в первую очередь производственники, инженеры и экономисты, подозревавшиеся в «саботаже». Несмотря на обострение ситуации, число осужденных во внесудебном порядке, в 1936 году оставалось сопоставимым с предыдущими годами. В этот год к смерти приговорили и казнили «всего» 1118 человек¹⁹. Кампания по повышению бдительности возобновилась в еще более агрессивной форме во время пленума ЦК в феврале–марте 1937 года, где Сталин определился с аргументацией, которая должна была стать в глазах общественности оправданием уничтожения десятка тысяч политических, экономических и военных кадров. Заявив, что страна является жертвой бесчисленных актов вредительства, шпионажа и диверсий, Сталин принял за «руководящих товарищей..., утративших способность распознать истинное лицо врага», и ограничиваются тем, что «шлют в центр бессмысленные отчеты о якобы достигнутых успехах». Этим работникам Сталин противопоставил «простых людей», «рядовых членов партии», которые «оказываются иногда куда ближе к истине, чем некоторые высокие учреждения»²⁰. Популистский призыв к низовым активистам, которым рекомендовали, по сути, доносить на руководство, оказался, тем не менее, неэффективным оружием. До мая–июня 1937 года местным коммунистическим бюрократиям, возглавлявшимся «маленькими Сталиными» удавалось обуздывать критику снизу, сохранять «семейные кружки» и привилегии, полученные в годы, когда режим еще четко не определил обязанности местного аппарата, которые включали в себя контроль над обществом. На предприятиях «кампании по повышению бдительности» — а фактически, доносительство — приводили лишь к дезорганизации производства. Что касается инициированных центральными властями сотен публичных процессов над руководителями сельских регионов, в ходе которых бедных колхозников призывали рассказывать о злоупотреблениях со стороны местных коммунистических тиранов. Часто обвиняемый и обвинители менялись местами, отказываясь играть роли, навязанные им сверху²¹.

С мая–июня 1937 года, временно отодвинув на второй план популистскую кампанию, Сталин начал масштабную полицейскую чистку, осуществлявшуюся НКВД, в рядах местного партийного

руководства, генерального штаба Красной армии, финансистов, дипломатов. Эти репрессии должны были разрушить все политические, административные, профессиональные и личные связи, являвшиеся источником солидарности, в основании которых не лежала приверженность политике Сталина или его персоне, и создать новый слой руководителей, обязанных своей головокружительной карьерой вождю и полностью ему преданных. Чистка коммунистических кадров, поскольку она была первой — и единственной, — которую публично осудил Никита Хрущев в своем секретном докладе на XX съезде КПСС в феврале 1956 года, является наиболее известным аспектом «Большого террора». Недавно введенные в научный оборот документы Комиссии Пospelова²² дополняют крайне фрагментарную информацию, которую приводит первый секретарь в своем «секретном докладе». В них сообщается о более чем 44 400 приговорах (из которых около 39 000 смертных), вынесенных Военной коллегией Верховного суда в 1937–1938 годах. Этот орган занимался почти исключительно делами политического, военного и милицейского руководства. Все эти приговоры были заранее одобрены лично Сталиным, который поставил свою подпись на трехстах восьмидесяти трех списках, подготовленных НКВД «для направления в Военную коллегию Верховного суда»²³. Какое бы политическое значение ни имели аресты значительного количества представителей (50–100 % в зависимости от региона и сферы деятельности) коммунистической номенклатуры, они, вопреки до сих пор распространенному мнению, составляли лишь ничтожную часть жертв «Большого террора» — несколько десятков тысяч человек из 800 000.

Наиболее многочисленным контингентом жертв «Большого террора» — 767 000 арестованных, из которых 387 000 расстрелянных — являлись те, на кого была направлена массовая репрессивная операция, начавшаяся в августе 1937 года по оперативному приказу НКВД № 00447 (30 июля 1937 года). Организация и осуществление этой акции, названной в органах безопасности «кулацкой операцией», высветили три центральных проблемы: принцип «лимитов на репрессии»; роль центра и местных властей в динамике превышения этих лимитов; связь между этой операцией и полицейской практикой, опробованной в предыдущие годы, или, говоря иначе, «условия реализации» — и технические, и психологические, этого массового преступления.

3 июля 1937 года областным партийным руководителям телеграммой, подписанной Сталиным, было разослано совершенно секретное Постановление Политбюро. В нем содержалось требование в течение

пяти дней «взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки²⁴, а остальные, менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы по указанию НКВД»²⁵. В последовавшие за этим дни местные партийные руководители посылали в Москву свои первые оценки, основанные, судя по всему, на количестве уже зарегистрированных на местном уровне органами безопасности, а в некоторых случаях и милицией, «социально-опасных элементов». На 10 июля по этим, еще очень неполным оценкам, касавшимся лишь 39 краев, областей, автономных и федеративных республик, 65 400 лиц («кулаков» и «уголовных элементов») подлежали смертной казни, 135 300 — ссылке.

За исключением Москвы, где Никита Хрущев, «хозяин» местной парторганизации, предложил отнести к 1-й категории 8500 человек, и ко второй 32 805²⁶, число подлежавших казни было наивысшим в регионах, куда в предыдущие годы было выслано наибольшее количество репрессированных (Сибирь, Урал, советский Дальний Восток)²⁷.

30 июля 1937 года Николай Ежов подписал «Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов». В этом документе перечислялись категории лиц, подлежащих репрессии:

- бывшие кулаки, вернувшиеся после отбытия наказания и продолжающие вести активную антисоветскую подрывную деятельность, или бывшие кулаки, бежавшие из лагерей или трудпоселков, а также кулаки, скрывшиеся от раскулачивания, которые ведут антисоветскую деятельность;

- бывшие кулаки и социально опасные элементы, состоявшие в повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формированиях [...];

- члены антисоветских партий (эсеры, грузмеки, муссаватисты, иттихадисты и дашнаки), бывшие белые, жандармы, чиновники [...];

- избалованные следственными и проверенными агентурными материалами наиболее враждебные и активные участники ликвидируемых сейчас казачье-белогвардейских повстанческих организаций, фашистских, террористических и шпионско-диверсионных контрреволюционных формирований. Репрессированию подлежат также элементы этой категории, содержащиеся в данное время под стражей, следствие по делам которых закончено, но дела еще судебными органами не рассмотрены;

– наиболее активные антисоветские элементы из бывших кулаков, карателей, бандитов, белых, сектантских активистов, церковников и прочих, которые содержатся сейчас в тюрьмах, лагерях, трудовых поселках и колониях, и продолжают вести там активную антисоветскую подрывную работу;

– уголовники (бандиты, грабители, воров-рецидивисты, контрабандисты-профессионалы, аферисты-рецидивисты, скотоконокрады), ведущие преступную деятельность и связанные с преступной средой. Репрессированию подлежат также элементы этой категории, которые содержатся в данное время под стражей, следствие по делам которых закончено, но дела еще судебными органами не рассмотрены, уголовные элементы, находящиеся в лагерях и трудпоселках и ведущие в них преступную деятельность».

Все эти «социально-опасные» элементы должны были быть разбиты на две категории: «наиболее враждебные» входили в первую категорию, «менее активные, но все же враждебные элементы» — во вторую. Лица, включенные в первую категорию, подлежали «немедленному аресту и, по рассмотрении их дел на *тройках* (комиссиях из трех человек), — расстрелу». Лица, относящиеся ко второй категории, подлежали «аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет». Далее, приказом № 00447 утверждались по регионам лимиты на количество лиц, «подлежащих репрессии по первой и второй категориям». Эти цифры более-менее соответствовали данным, присланным в предыдущие недели местным руководством партии и НКВД, хотя были существенно подправлены в сторону увеличения для второй категории. В целом приказом № 00447 были предусмотрены лимиты в 75 950 человек для первой категории и 193 500 — для второй. Для «лиц второй категории» первоначально предусмотренная ссылка была заменена заключением в лагерь. Опыт репрессий, полученный с начала 30-х годов, показывал, что депортация с прикреплением к определенному месту жительства с точки зрения контроля была неэффективным решением: действительно, значительная часть (доходившая до 40 %) ссыльных и «спецпоселенцев» бежала из мест ссылки и растворялась в маргинальных группах беспаспортных, как раз и являвшихся целью операции, начатой в конце июля 1937 года. «Депортация, — писал С. Миронов, глава УНКВД Запсибкрая, Ежову, — устаревшая форма для такого рода публики... Существование крупных скоплений спецпереселенцев, как в Нарымском крае и в Кузбассе, чревато последствиями. Эти скопления представляют собой настоящий резервуар контрреволюционных организаций»²⁸.

Самые большие лимиты были выделены Московской области (35 000, из которых 5000 первой категории)²⁹, Западной Сибири (17 000, из них 5000 первой категории), Южному Уралу (16 000, из них 5500 первой категории), Ленинградской области (14 000, из них 4000 первой категории), Азовско-Черноморскому краю (13 000, из них 5000 первой категории), Белоруссии (12 000, из них 2000 первой категории). Украина имела общую квоту в 28 800 «лиц, подлежащих репрессии» (из них 8000 первой категории).

Все эти операции должны были начаться 5–15 августа 1937 года и закончиться в четырехмесячный срок. В действительности они продолжались 15 месяцев. Первоначальные лимиты «второй категории» были удвоены. Что касается лимитов «на лиц, подлежащих репрессии по первой категории», они были увеличены в пять раз³⁰!

Прежде чем анализировать эту динамику, мы кратко напомним о происхождении практики лимитов на репрессии, а также о развитии и радикализации полицейских методов управления обществом в годы, предшествовавшие «Большому террору».

Длинные списки лимитов (округленные до двух нулей)³¹ оперативного приказа № 00447 — следствие той «культуры цифры», которая господствовала в самых разных областях политической, экономической и общественной жизни 30-х годов и порождала детальные планы по борьбе с малярией, с ликвидацией неграмотности или лимиты на «раскулачивание». В сфере социальной инженерии лимиты на репрессии летом 1937 года имели примечательный прецедент: лимиты на раскулачивание 1930–1932 годов.

30 января 1930 года, действуя согласно секретному постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», заместитель главы ОГПУ Генрих Ягода разослал всем местным руководителям органов ОГПУ приказ № 44/21 «Об организованной ликвидации кулачества»³². Согласно этой директиве каждому региону выделялись лимиты на раскулачивание по «первой» и «второй категории». «Кулаки первой категории» общим количеством в 60 000 человек (квоты для Украины составляли 15 000 человек, для Северного Кавказа и Дагестана 8000, для Средней Волги 4000, для Нижней Волги 6000, для Сибири 6000 и т. д.), квалифицированные как «занятые контрреволюционной деятельностью» или «особенно закоренелые» подлежали аресту и направлению в лагеря после рассмотрения их дел *тройкой*. Помимо этого уточнялось, что «по отношению к наиболее злостным, махровым одиночкам должны быть приняты решительные меры, вплоть до ВМН». Кулаки второй категории — 129–154 тысячи се-

мей³³, — определявшиеся как «остальные элементы кулацкого актива, богатые кулаки и полупомещики», должны были быть арестованы и депортированы с семьями в отдаленные районы страны³⁴. «Раскулачивание» вместо того, чтобы стать спланированной операцией, основанной на «твердых заданиях» и «рассчитанных лимитах», как надеялось руководство ОГПУ, выродилось в хаотический и во многом неуправляемый процесс. В спецсводках руководители органов госбезопасности постоянно жаловались на местные власти, обвиняя их в том, что они не арестовывали «тех, кого надо было арестовать» — что неудивительно, поскольку так никто и не определил, что же такое «кулак»! Спустя две недели после начала операции, когда все мыслимые лимиты уже были превышены, Генрих Ягода написал на одной из сводок, в которой перечислялись категории лиц, арестованных по «первой категории»: «СЗК, ЛВО не поняли наших указаний или не хотят понять — надо заставить понять. Мы не очищаем сейчас край от попов, торговцев и «прочих», прочих — значит, не знают, кого берут. С торговцами и попами мы успеем справиться, надо бить верно, по цели — кулаку и кулаку-контрреволюционеру³⁵».

В 1930 году полнейшая дезорганизация, абсолютное отсутствие координации между операциями по депортации, проводившимися ОГПУ, и обустройством депортированных, входивших в ведение местных властей, превратили раскулачивание в беспрецедентную «депортацию в никуда»: сосланных часто высаживали посреди степи или тайги, не обеспечивая никаких условий. С государственной точки зрения такое положение вещей, считавшееся «контрпродуктивным», не отвечало ни одной из первоначальных целей раскулачивания — колонизации и эксплуатации усилиями депортированных отдаленных, но богатых природными ресурсами регионов. Надо было дожидаться марта 1931 года, чтобы специальная комиссия, подчинявшаяся напрямую Политбюро, занялась судьбой депортированных, которых начали регистрировать, прикреплять к определенному месту жительства и работы на сельскохозяйственных, лесных или промышленных предприятиях. Со специфическим правовым статусом, занимающим промежуточное положение между статусом заключенного трудового лагеря и статусом гражданина, лишенного гражданских прав, но не депортированного³⁶.

К этому времени были значительно превышены первоначальные лимиты на «раскулачивание»: государству необходимо было заниматься приблизительно 1 500 000 «спецпереселенцев» и более чем 200 000 заключенных трудовых лагерей, «раскулаченными по первой категории»³⁷.

Из этого опыта руководство партии и ОГПУ сделало два вывода: было бы более эффективно использовать милицейские досье, а не полагаться на инициативу и доносы «активистов»; депортация или прикрепление к месту жительства «бывших кулаков» — учитывая условия наблюдения за такой массой ссыльных — порождали многочисленные проблемы. Воспользовавшись дезорганизацией и хаосом, сотни тысяч депортированных бежали и рассеялись по стране. Сотни тысяч других, чтобы предупредить удар, «самораскулачились»³⁸, как это называлось на политическом жаргоне начала 30-х годов, и растворились в городах. Рассеянный, обезличенный, ведущий «подрывную работу» враг стал еще опаснее. «Уничтожить класс, — объяснял Николай Крыленко, народный комиссар юстиции, на собрании судей в 1934 году, — не означает уничтожить антисоветское классовое сознание [...] Классовый враг выживает в лице представителей вымирающих классов прошлого»³⁹.

С 1932–1933 годов страх перед «общественными беспорядками», порожденный потрясениями насильственной коллективизации и массовой, неконтролируемой миграцией миллионов крестьян в города, стал навязчивой идеей властей. Кампанией по «паспортизации» городского населения, развернутой с начала 1933 года⁴⁰, руководство внутренних органов воспользовалось, чтобы опробовать более-менее стройную систему регистрации «подозрительных» лиц, которым отказывалось в выдаче паспорта⁴¹. Впрочем, в этих картотеках отсутствовали те, кто так и не обратился за удостоверением личности. Таким образом, каждый человек, не имевший документов в «паспортизированной зоне» (для простоты, в крупных городах), становился подозрительным. Об этом ясно свидетельствует эта служебная записка, датированная августом 1934 года: «Сотрудник милиции никогда не должен упускать из виду, что любое лицо без паспорта, любое лицо без прописки обязательно является подозреваемым, который либо совершил преступление, либо сбежал из тюрьмы, из лагеря или из ссылки и пытается замести следы, либо собирается совершить преступление»⁴². В годы, предшествовавшие «Большому террору», сотни тысяч «нежелательных элементов», попавших в разряд «социально чуждых» или «социально опасных», были арестованы в ходе милицейских облав по общественным местам, а затем, после рассмотрения дел тройкой, высланы из закрытых городов, депортированы, прикреплены к новому месту жительства или отправлены в трудовой лагерь на срок от трех до пяти лет.

В полицейской логике исключения должна была сохраняться граница между «социально опасными» и «социально чуждыми», хотя

и те, и другие входили в один слой маргиналов и лишенцев, в одно контрреволюционное гнездо⁴³. Среди этих парий самой крупной группой — более 600 000 человек, согласно статистике органов — была группа «бывших кулаков», бежавших из мест ссылки. Живя на обочине общества, не имея документов и легального статуса, некоторые нашли работу на шахтах (особенно кузбасских) и на крупных стройках, где постоянная нехватка рабочей силы заставляла вербовщиков смотреть сквозь пальцы на личность тех, кого они нанимали. Другие пополнили специфическую преступную среду 30-х годов, занимаясь чем-то средним между политическим и уголовным бандитизмом. Действуя маленькими вооруженными отрядами, особенно многочисленными в Сибири и на Урале, эти «мстители» (как они сами себя называли) избрали своей мишенью местное руководство, председателей колхозов, чиновников, сельских коммунистов и других «активистов». Несмотря на постоянный рост личного состава милиции, бандитизм сохранял характер настоящей эпидемии на протяжении всех 30-х годов⁴⁴.

В течение месяцев, предшествовавших началу массовых репрессий лета 1937 года, восприятие руководством внутренних органов маргинальных групп населения и «социально опасных» элементов серьезно изменилось. Они все чаще квалифицировались как «резервуар контрреволюции» в контексте растущей международной напряженности, как потенциальные участники «пятой колонны диверсантов и вредителей», действующих в контакте с японскими, немецкими или польскими секретными службами. Как показал Олег Хлевнюк⁴⁵, Гражданская война в Испании или точнее то, как Сталин интерпретировал поражение испанских республиканцев, ставших, по его мнению, жертвами своей неспособности избавиться от «шпионов», затесавшихся в их ряды, сыграло основную роль в распространении темы «пятой колонны» среди высшего руководства политических и силовых структур. С начала 1937 года НКВД все чаще раскрывал «мнимые повстанческие организации» (РОВС, базировавшийся в Сибири и работавший на японские секретные службы, «Польскую организацию войсковую» на Западной Украине и т. д.). Состоявшие по преимуществу из «социально опасных элементов», эти организации, как объясняли в своих спецсводках руководители НКВД, готовили «восстания», которые должны были начаться одновременно со считавшимся неминуемым нападением вражеских держав (Япония, Германия, Польша)⁴⁶. В мае–июне 1937 года проблема угрозы, которую представляли скопление «быв-

ших кулаков» в Сибири, на советском Дальнем Востоке и на Урале, неоднократно обсуждалась на заседаниях Политбюро. 28 июня секретным постановлением Политбюро о «повстанческих организациях бывших кулаков в Западной Сибири» предписывалось немедленно казнить всех лиц, арестованных по этим делам⁴⁷.

«Массовые репрессии», начатые в августе 1937 года, выглядят кульминационным моментом целой серии все более радикальных кампаний, направлявшихся на протяжении многих лет против «социально опасных элементов». Как подчеркивал Ежов в преамбуле к приказу № 00447, пришло время, «наконец, раз и навсегда покончить с этой бандой антисоветских элементов... с их подлой подрывной работой против основ советского государства» (следовал длинный список этих элементов — от «бывших кулаков» до «уголовников и бандитов», — в котором упоминалась широкая гамма «людей прошлого» и «контрреволюционных членов бывших антисоветских партий»). Также окончательно должны были быть уничтожены как «те, кто скрывается в сельской местности», так и те, кому «удалось проникнуть на предприятия промышленности, транспорт и на строительство». Комментируя то, как этот приказ был представлен агентам НКВД, представитель местного руководства впоследствии объяснял, что «основные указания заключались в том, чтобы заводить как можно больше дел, как можно быстрее и оформлять их как можно проще. В лимиты надо было в том числе включать тех, кто был недавно задержан, даже если они не совершили никакого преступления... Речь шла о том, чтобы окончательно очистить город и деревню»⁴⁸. Когда не хватало людей, чтобы выполнить разнарядку, милиция организовывала облавы на вокзалах и рынках, местах, где наблюдалось наибольшее скопление маргинального населения — часто под предлогом нарушения паспортного режима или одного из бесчисленных законов, карающих «спекуляцию», нищенство или «паразитизм». Аварии или стихийные бедствия становились еще одним поводом выполнить или даже превысить планы: так в Туркмении НКВД воспользовался пожаром на заводе, чтобы арестовать всех, кто там находился⁴⁹; в Свердловске под предлогом лесных пожаров в окрестностях города, «устроенных группами террористов и кулаков-вредителей», первый секретарь местной парторганизации Александр Вакулин направил 27 сентября 1937 года телеграмму Сталину, в которой просил «дополнительного лимита в 3000 человек, из них 2000 первой категории»⁵⁰.

Динамика превышения лимитов была, разумеется, одной из наиболее примечательных черт репрессивной операции, развязанной

приказом № 00447. Секретная переписка между Политбюро, центральным руководством НКВД и областным руководством партии и НКВД освещает ее механизмы и позволяет лучше оценить роль указаний из центра и местных инициатив. Первые «дополнительные лимиты» Николай Ежов выделил Западной области — приграничному району, в котором страх перед «диверсантами, состоящими на жаловании у польских секретных служб», был особенно сильным после раскрытия за три месяца до этого «заговора» под руководством командующего Белорусским военным округом генерала Уборевича. 11 августа 1937 года народный комиссар внутренних дел писал Сталину: «Ввиду большой засоренности колхозов, совхозов и промышленных предприятий Западной области беглым кулачеством и другими контрреволюционными элементами, считаю необходимым увеличить число подлежащих репрессированию по Западной области бывших кулаков, уголовников и антисоветских элементов по 1 категории до 3000 человек, по 2 категории до 6000 человек.

Для Западной области было утверждено 1-я категория — 1000 человек и 2-я категория — 5000 человек.

Проект постановления представляю»⁵¹.

Местное руководство партии и НКВД, часто лишь недавно приступившее к работе и стремившееся проявить усердие перед вышестоящим начальством, не осталось в стороне: об этом свидетельствуют десятки телеграмм, которые они посылали Сталину или Ежову с просьбой о «дополнительных лимитах», чтобы «полностью очистить» их область⁵². Ежов и Сталин редко отказывали в дополнительных лимитах; последние могли превышать первоначальные на 700–900 %. Единственная строчка, написанная Сталиным на телеграмме («Согласен, И. Сталин»; «Согласен на повышение лимита до 8000»; «Дать дополнительно Красноярскому краю 6600 чел. лимита по 1-ой категории») санкционировала тысячи казней. Помимо дополнительных лимитов, выделявшихся «по требованию», Сталин и Ежов повышали лимиты и по собственной инициативе: так, 15 октября 1937 года Сталин и Ежов направили в 58 областей и республик новые лимиты для не менее чем 120 320 «лиц, подлежащих репрессии», из которых 63 120 — по первой категории и 57 200 — по второй⁵³. В течение следующих двух месяцев были выделены новые лимиты, как правило, по просьбе местного руководства, общим количеством в 141 000 человек, из которых 73 000 — по первой категории. 31 января 1938 года Политбюро одобрило увеличение лимита в 57 200 человек, из которых 48 000 — по первой категории. Все репрессивные опера-

ции «кулацкой линии», которые первоначально предусматривалось провести в течение четырех месяцев, были продлены до 15 марта 1938 года⁵⁴. Местные руководители, которых поощряли «делать цифру», потребовали новых квот. Спустя две недели Сталин выделил самый большой лимит, когда-либо предоставлявшийся одной республике или области: 30 000 по первой категории для Украины⁵⁵. Эта динамика сохранялась до сентября 1938 года: за семь месяцев (начало марта — конец сентября) высший партийный орган одобрил новые лимиты: более чем 100 000 человек. С начала до конца «кулацкой» операции доля «первой категории» в общей массе репрессированных с четверти выросла до половины всех осужденных. Поскольку тюрьмы были переполнены, а создание новых лагерей (предусмотренных приказом № 00447) наткнулось на привычные бюрократические препоны, самым простым решением было ускорение процедур и получение дополнительных лимитов на казни. Так, в письме, адресованном Сталину, 30 октября 1937 года Лаврентий Берия объяснял, что из 12 000 человек, арестованных в предыдущие месяцы в Грузии, из-за процессуальной волокиты «в тюрьмах НКВД Груз. ССР в данное время содержится свыше 5 тысяч подсудимых»; чтобы «разгрузить места лишения свободы», первый секретарь ЦК КП(б) Грузии (который несколько месяцев спустя будет назначен первым заместителем Николая Ежова) предлагал «применить первую категорию ко всем контрреволюционерам, виновным в террористических, шпионских или диверсионных действиях»⁵⁶. В рамках операции, инициированной приказом № 00447, высшая мера наказания предусматривалась для заключенных лагерей, осужденных в предыдущие годы за «контрреволюционные преступления». Первоначальный лимит составлял 10 000, дополнительное число в 3600 человек было одобрено Ежовым 25 октября 1937 года. Несколько месяцев спустя 1 февраля 1938 года Политбюро постановило «принять предложение НКВД СССР об утверждении дополнительно намеченных к репрессированию по Дальне-Восточным лагерям 12 тыс. заключенных, осужденных за шпионаж, террор, диверсию, измену родине, повстанчество, бандитизм, а также уголовников-профессионалов»⁵⁷. Из великого множества аналогичных документов приведем последний пример — телеграмму, посланную Львом Мехлисом, одним из организаторов чистки Красной армии Сталину 28 октября 1938 года: «27 октября выехал из Читы в Москву. В Улан-Удэ ко мне заходили секретарь обкома ВКП(б) Игнатъев и НКВД Бурят-Монгольской АССР Ткачев. В беседе они сообщили, что лимиты по приказу НКВД 00447 они из-

расходовали, а в тюрьмах находится свыше 2000 арестованных, сроки содержания которых давно истекли. Сидят участники буржуазно-националистической и ламской контр-революции — кулаки, ламы и белогвардейцы. Дела на всех давно оформлены, тюрьмы переполнены до отказа, но тройка не получила разрешение на их рассмотрение. Просят дать лимит на 2500 человек, о чем и докладываю»⁵⁸.

Какими бы ужасающими ни были эти бюрократические шифровки, в которых все вертится вокруг круглых цифр, разве можно за ними разглядеть массовое преступление, совершенное в 1937–1938 годах? На другом полюсе документации, до сих пор еще крайне отрывочной, — некоторые редкие документы, освещающие то, как эти цифры, если воспользоваться выражением, бытовавшим в органах госбезопасности, «выполнялись», невзирая на существующие нормы, одним словом в «альбомах» НКВД⁵⁹: «Расстрелять».

В атмосфере абсолютного произвола принцип превышения лимита иногда пробуждал у сотрудников НКВД, и в особенности, как кажется, у низших чинов местных органов госбезопасности, стремление к насилию, основанное на первобытных инстинктах крестьянского мира. Чтобы проиллюстрировать этот аспект, я процитирую короткий фрагмент одного из редких свидетельств из этой среды, касающийся того, как инструкции по выполнению «лимита на репрессии» могли применяться в «российской глубинке». Это свидетельство было получено в ходе расследования, проводившегося в начале 1939 года, когда «Большой террор» приостановился, Генеральной прокуратурой по поводу фактов «отклонения от партийной линии в области оперативно-чекистской работы», допущенных в 1937–1938 годах на Вологодчине⁶⁰. В своих показаниях сотрудник госбезопасности Иван Анисимов так описывал практику ведения дел в оперсекторе НКВД городка Белозерск, возглавлявшемся неким Власовым.

«В начале операции бывший начальник оперсектора Власов собрал у себя в кабинете совещание и сказал, что наш сектор должен дать больше всех секторов дел на тройку, и в осуществлении этого, он, Власов, организовал группу своих работников, так называемую «Вербовочная комиссия», в которую входили:

1. Бывш. Нач-к опер. сектора Власов,
2. Чекист запаса Елин,
3. Зам. Нач-ка Белозерского РО Овчинников,
4. Воробьев — работник Ленинградского УНКВД,
5. Нач-к Белозерского РО Портного,
6. Сотрудник Ленингр. УНКВД Левашов,
7. Капитан школы им. т. Ворошилова, Антипов и другие (...)

Работа этой «комиссии» была следующим образом:

Вызывали по одному человеку из камеры, совершенно не располагая на последнего компрометирующими материалами и «доктор» Воробьев начинал производить «медицинский осмотр», а Власов, Овчинников, Елин сидели писали протоколы допроса, пользуясь одним ранее составленным еще в Белозерске протоколом и его содержания.

После осмотра Воробьев кричал «годен» подводили к столу и не читая ему протокола говорили — подписывай акт медицинского осмотра и таким образом они в течение 3-х суток арестовали 200 человек, на которых не было совершено материалов о к/р агитации и других.

Вернувшись обратно в Белозерское РО НКВД Власов созвал вторично совещание и поставил вопрос перед работниками, что не соответствует с указаниями ЦК ВКП(б), а именно:

1. Протоколы писать хорошие, а хорошие нужно понимать так, они должны быть крепкие и длинные и больше вписывать фактов к/р. деятельности на обвиняемого и тут же раздал всем работникам стандартный протокол, написанный лично Власовым и Овчинниковым, что и выполняли

2. Увязывать на к/р. организацию, хотя они пусть были и не связаны по к/р. работе.

После этого совещания Власов, Портного, Овчинников и Елин составили списки на лиц подлежащих аресту, а в списки заносили так. Придет от Председателя с/автора заявление, что на территории этого с/с проживает гражданин имеющий в прошлом судимость, или взяли в Райсполкоме списки, кто в прошлом облагался твердым заданием и вот только по этому и производили аресты (...).

Однажды Власов и Портного собрали совещание и сказали, что по указанию ЦК ВКП(б) мы должны убить около 70 человек, причем бить будем их холодным оружием. После всех этих разговоров Воробьев, Овчинников и Елин достали из шкафа топор, железный молот и сказали — Вот чем будем убивать сегодня человек 30. Будем рубить головы и крохи мяса закапывать в могилы подготовленными сторожем кладбища, который очевидец этого дела. Приводили из тюрьмы по 15–20 человек, вязали им в помещении ЗАГСа руки, ложили в сани, а сверху валили одеяла и садились сами. По приезду на могилу Елин, Антипов и другие брали по одному из саней и подносили его туловище на плаху, а Воробьев и Овчинников рубили топором, а после сразу куски этого мяса бросали в могилу и вот таким методом они в течение 3-х суток уничтожили большое количество человек. Нужно сказать, что до отъезда на могилу Власов, Портного поили всех водкой в кабинете у Портного, а когда возвращались с могилы,

пили водку на квартире у Овчинникова (...) Мне хорошо известно, что они пьянствовал на гос. средства в течение всей операции и доходило до массовых скандалов о том, что Овчинников приписывал все эти заслуги себе, а Власов выступая говорил, что мое руководство было, а поэтому, мои заслуги»⁶¹.

Операция № 00447 была одной из самых важных из десятка массовых репрессивных операций, затеянных во второй половине 1937 года.

Спустя десять дней после подписания приказа № 00447 Сталин на заседании Политбюро 20 июля 1937 года написал короткую записку: «Всех немцев на наших военных, полувоенных и химических заводах, на электростанциях и строительствах во всех областях всех арестовать»⁶². Эти инструкции были оформлены в приказе № 00439, разсланном 25 июля Николаем Ежовым областным управлениям НКВД. В пространной преамбуле глава органов госбезопасности объяснял, что «немецкий генштаб и Гестапо раскинули обширную сеть диверсантов и шпионов, действующих в основном в отраслях оборонной промышленности, на железных дорогах и в других ключевых отраслях народного хозяйства». Помимо граждан немецкой национальности, работающих или работавших в «различных отраслях промышленности», немедленному аресту подлежали «все советские граждане, имеющие или имевшие связи с немецкими шпионами, вредителями или террористами, вне зависимости от места работы». Такая формулировка значительно расширяла первоначальные масштабы операции. Действительно, к тому времени в СССР проживало едва ли 4000 немецких граждан⁶³. Как и во всех подобных операциях, арестованные разбивались на две категории — первую (ВМН) и вторую (8–10 лет лагерей). За 15 месяцев в рамках «немецкой операции» было арестовано 56 787 человек. Из этого числа 55 005 были осуждены тройками НКВД: 41 898 (или 76 %) на смертную казнь и 13 107 на 8–10 лет лагерей⁶⁴.

11 августа 1937 года, после появления секретного постановления, принятого за 2 дня до этого Политбюро, Николай Ежов направил местному руководству НКВД новую директиву, приказ № 00485, которым предусматривалось осуществить «полную ликвидацию шпионско-террористических сетей Польской Организации Войсковой, внедрившихся в промышленность, транспорт и сельское хозяйство». В ходе «польской операции», самой масштабной из всех «национальных операций», арестовали в течение 15 месяцев 143 810 человек. Из этого числа 139 885 были осуждены тройками и 111 091 (около 80 %) приговорены к высшей мере наказания⁶⁵.

Целью третьей «национальной операции», начатой во исполнение приказа № 00593 от 20 сентября 1937 года, стала еще одна группа, подозревавшаяся в поддержании контактов с враждебной иностранной державой — Японией. Речь шла о «харбинцах», бывших служащих и рабочих Китайско-восточной железной дороги, чье правление находилось в Харбине, которые после передачи магистральной Японии были — как советские граждане — репатриированы в СССР. «Харбинцев» обвиняли в «террористической и диверсионной деятельности, финансируемой японскими секретными службами». В рамках этой операции были осуждены 33 108 человек, из них 21 200 — казнены⁶⁶.

В октябре–ноябре 1937 года НКВД, следуя указаниям Политбюро, начал еще пять «национальных операций»: латышскую (22 360 осужденных, из них 16 573 казненных), финскую (7023 осужденных, из них 5724 казненных), греческую, румынскую и эстонскую операции, каждая из которых была направлена против «шпионско-террористических групп», состоящих на службе у иностранных держав⁶⁷. Согласно статистике НКВД, в рамках «национальных операций» с июля 1937 по ноябрь 1938 года тройками были осуждены 335 513 человек. Из этого числа 247 157, или 73,6 % (процентное соотношение выше, чем для операции № 00447) были казнены.

Проведение «национальных операций» в большей степени, чем в случае с кулацкой операцией, оправдывалось деятельностью в стране «пятой колонны», якобы вербовавшей своих членов в диаспорах. Если «кулацкая операция» знаменовала собой апогей полицейского управления обществом, направленного на устранение «социально опасных элементов», «национальные операции» означали изменение курса, правильность которого должна была подтвердиться в течение следующих лет. «Врагом» отныне являлись люди определенной этнической принадлежности. В более широком плане этот курс вписывался в политику перестройки межнациональных отношений в СССР и в новое восприятие внешней угрозы⁶⁸. Последняя с 1935 года стала основанием для «чистки» пограничных зон. В 1935–1936 годах власти депортировали в Казахстан более 23 000 семей польского и немецкого происхождения, проживающих в районах Украины, граничащих с Польшей, и 30 000 советских граждан финского происхождения из Ленинградской области⁶⁹. В течение 1937 года более 20 000 советских граждан иранского и курдского происхождения, проживавших у ирано-советской границы, были арестованы, депортированы или казнены. В сентябре–октябре 1937 года развернулась самая масштабная операция по этнической депортации 30-х годов: все корейское насе-

ление Дальневосточного края было депортировано в Казахстан и Узбекистан⁷⁰. Предвосхитившая масштабные депортации «враждебных народов» 40-х годов, эта операция, хотя и отличалась своими формами от «национальных операций», являлась производной той же политики социальной инженерии.

По своей организации, характеру осуществления и целям «национальные операции» во многом отличались от «кулацкой операции». В них фиксировались не лимиты, а категории лиц, подлежащих аресту. В рамках «польской операции» было выделено шесть категорий:

- все подозревавшиеся в участии в «Польской организации войсковой»;

- все бывшие польские военнопленные, оставшиеся в СССР;

- все польские беженцы, обосновавшиеся в СССР;

- все польские политические ссыльные;

- все бывшие члены бывшей Польской социалистической партии;

- все «националистические» элементы областей и районов СССР с крупными польскими общинами.

Категории населения, репрессированного в ходе «немецкой операции», были почти идентичными:

- бывшие немецкие военнопленные;

- оставшиеся в СССР, беженцы;

- экспатриированные рабочие;

- немецкие политические ссыльные, оставшиеся в СССР и принявшие советское гражданство;

- «националистические элементы»;

- все «националистические» элементы областей и районов СССР с крупными немецкими общинами.

Из центра к этим стандартным категориям местное руководство НКВД поощрялось также «добавлять соответствующие контингенты в зависимости от местной оперативной ситуации». И этой возможностью, разумеется, воспользовались сполна. Так, в Харькове Л. Рейхман, недавно назначенный главой местного УНКВД, дополнил категории, перечисленные в приказе № 00485 («польская операция») следующими контингентами:

- все бывшие агенты «иностранного отдела» НКВД и осведомители, занимавшиеся польскими делами, подозревавшиеся в дезинформации;

- все клерикально-националистические элементы;

- все выходцы из районов, граничащих с Польшей, уже занесенные в милицейскую картотеку;

- все лица, входившие в контакт с работником польского консульства или торгпредства;

- все имеющие или имевшие подозрительные семейные или другие связи в Польше, уже внесенные в картотеку⁷¹.

В Горьком глава УНКВД по своей инициативе добавил к стандартным категориям «немецкой операции», которая и без того давала бесконечное множество подозрительных элементов, еще одну категорию: «бывшие русские военнопленные империалистической войны, находившиеся в плену в Германии». Включение в список лиц, подлежащих репрессии, этой категории населения «оправдывало» арест в Горьком 441 человека и позволило местному НКВД достичь считавшегося приемлемым — по сравнению с остальными регионами — уровня в 608 осужденных в рамках операции № 00439⁷². В Свердловске главе местного управления НКВД Д. Дмитриеву удалось арестовать 4379 человек в счет «немецкой линии» — из этого числа лишь 122 были немецкого происхождения! Чтобы «сделать цифру», Дмитриев решил арестовать и несколько тысяч депортированных украинского происхождения, прикрепленных к месту жительства в этой области Урала. Часть их была отнесена к «польской линии», другая — к «немецкой»⁷³.

Дела арестованных быстро рассматривались *тройкой* или *двойкой* (внесудебным органом, состоявшим из главы НКВД и генерального прокурора), которые выносили приговоры по «первой» и «второй категориям». В отсутствие лимитов процент смертных приговоров в рамках «национальных операций» в значительной степени зависел от местной ситуации, то есть, как правило, от личности или усердия местного начальника НКВД. В Армении казнили 31 % осужденных; на Вологодчине — 46 %; в Ленинграде — 87 %; в Новосибирске и Краснодаре — 94 %, но рекорд принадлежит Оренбургской области: 96,4 % приговоров по «первой категории». В отличие от дел, проходивших по «кулацкой линии», которые не требовали никакого утверждения Москвой (поскольку контроль Центра был ограничен системой лимитов — по крайней мере в том, что касается общего количества приговоров), приговоры, выносившиеся «тройками» или «двойками» в рамках «национальных операций», должны были утверждаться в Москве на самом высоком уровне Особым совещанием при НКВД СССР во главе с Николаем Ежовым и Андреем Вышинским. По каждому делу составляли короткую справку — буквально в несколько строк, — содержащую минимальную информацию о гражданском состоянии осужденного, главном пункте обвинения и приговоре. Эти справки печатали на машинке и хранили в особом «альбоме».

После заполнения «альбом» со специальным нарочным НКВД отправляли в Москву, где руководители НКВД расписывались на полях каждого документа, таким образом, — как правило — утверждая приговор. Николай Ежов и Андрей Вышинский в виде исключения сами просматривали «альбомы»: 10 января 1938 года они утвердили 1667 приговоров, 14 января 1938–1569, 21 января — 2164⁷⁴. Несмотря на оперативность процедуры, «альбомы» в большом количестве скапливались в центральных учреждениях НКВД. В августе 1938 года на Лубянке без движения лежали сотни таких «альбомов», в которых содержались данные по 126 000 приговоров. Чтобы ускорить разгрузку тюрем, где сотни тысяч осужденных ожидали утверждения своего приговора, Политбюро 15 сентября 1938 года постановило упразднить «альбомный порядок» (формулировка НКВД) и ввести в каждом регионе новый вариант «троек» — так называемые «особые тройки» (чтобы отличать их от уже действовавших комиссий). Перед этими комиссиями, решения которых не требовали утверждения в Москве, была поставлена задача завершить изучение всех дел, относящихся к «национальным операциям» в двухмесячный срок. В течение этих двух месяцев они осудили 105 000 человек, из которых 72 200 были приговорены к смертной казни⁷⁵.

Благодаря работам группы историков из общества «Мемориал»⁷⁶, имевших доступ к центральному статистическому фонду НКВД, сегодня мы имеем примерное представление о географии репрессий, осуществлявшихся в 1937–1938 годах. Что касается «польской» и «немецкой операций», 40 % арестованных в их рамках проживало на Украине, особенно в западных пограничных областях, где было значительное польское меньшинство (и небольшая немецкая община). Сотни тысяч крестьян, железнодорожников (особенно подозрительных из-за своей мобильности), рабочих и инженеров были арестованы только на том основании, что жили и работали «слишком близко к врагу». По той же причине Белоруссия дала второй по размерам контингент лиц, арестованных в ходе «польской операции» (17 %). Более удивительными на первый взгляд кажутся высокие показатели «поляков» и «немцев», арестованных в Западной Сибири, на Урале, на Северном Кавказе, в Казахстане и на советском Дальнем Востоке. В действительности, на этом «фронтире», куда с начала 30-х годов в массовом порядке депортировались ссыльные, «социально опасные» и другие маргинальные «элементы», местное руководство НКВД, уже получившее самые большие лимиты на «кулацкую операцию», не колеблясь, «работало по национальным линиям» с привычным контингентом. Примечательный

факт: до середины 1938 года руководство НКВД, похоже, несколько не интересовалось этническим происхождением лиц, арестованных во время «национальных операций»⁷⁷. Эту информацию начали систематически собирать только с сентября 1938 года, когда были введены «особые тройки». Точными данными, позволяющими оценить число поляков и советских граждан польского происхождения, осужденных в рамках «польской операции», мы располагаем лишь на последнюю фазу «национальных операций» (середина сентября — середина ноября 1938 года) — едва 55 %⁷⁸. По данным Н. Охотина и А. Рогинского, в ходе всех репрессивных операций осуждено было около 120 000 поляков и советских граждан польского происхождения, или около одной пятой 656 000 советских граждан польского происхождения, проживавших, по данным переписи 1937 года, в СССР, к которым необходимо добавить несколько тысяч выходцев из Польши. Польская диаспора заплатила «Большому террору» самую большую дань среди национальных меньшинств, образующих «советскую семью». Советские граждане немецкого происхождения составляли 69 % из 55 000 осужденных в ходе «немецкой операции». Всего в 1937–1938 годах были арестованы и осуждены 72 000 советских граждан немецкого происхождения, или 5 % от их общего количества.

Вопреки тому, что можно было подумать, Автономная Советская Социалистическая Республика немцев Поволжья не представляла собой идеальный рассадник «немецких террористов и шпионов»⁷⁹. Похоже, тогда руководство силовых структур считало, что это хорошо интегрированное сообщество представляло меньше опасности, чем лица немецкого происхождения, разбросанные по приграничным регионам или промышленным городам стратегического значения. В 1937–1938 годах этнический критерий сам по себе еще не воспринимался в качестве решающего, каковым он станет несколько лет спустя.

«Большой террор» закончился так же, как и начался: секретным постановлением Политбюро от 17 ноября 1938 года. Разосланный ограниченному количеству руководителей партии, органов госбезопасности и прокуратуры, этот документ упразднил все «тройки» и «двойки», остановил все «массовые операции по арестам и выселению» и подверг критике «крупнейшие недостатки» и «извращения» в работе органов НКВД и прокуратуры. Эти «крупнейшие недостатки» объяснялись следующим образом: «враги народа» пробрались в НКВД, чтобы вывести эту организацию из-под бдительного партийного контроля, разложить ее изнутри с целью вести в ней «подрывную

антисоветскую работу». Помимо «потери бдительности» руководству НКВД ставили в вину то, что оно «внесло хаос» и «отвыкло от кропотливой, систематической агентурно-осведомительной работы и ... вошло во вкус упрощенного порядка производства дел, при котором, как правило, следователь ограничивается получением от обвиняемого признания своей вины»⁸⁰.

Несколько дней спустя Николай Ежов лишился всех своих постов. «Правда» лаконично сообщала, что нарком внутренних дел был освобожден от занимаемых должностей по состоянию здоровья. Но враги не разоружились. НКВД, возглавлявшийся новым наркомом Лаврентием Берия, продолжал быть начеку.

Массовые репрессивные операции были тайными, таким же должен был оставаться их конец. Случайные «недостатки» в работе НКВД, согласно основному правилу функционирования системы, *конспирации*, не обсуждались и не выходили за рамки высшего эшелона власти.

«Большой террор» — результат слияния множества репрессивных логик — был, безусловно, уникальным событием в истории насилия советского периода русской истории. Хотя это массовое преступление было значительно превзойдено — по числу жертв — другими формами государственного насилия, прямым и предсказуемым следствием которых стал последний великий европейский голод, голод 1932–1933 годов, с 5–6 миллионами погибших.

«Большой террор» был не просто результатом политической чистки, более жестокой и масштабной, чем предыдущие. Он был, прежде всего, кульминацией масштабного предприятия по социальной инженерии, поэтапно осуществлявшегося в тридцатые годы. Отправной точкой было не убийство Сергея Кирова⁸¹. Началом массовых репрессий стали насильственная коллективизация и последовавшая за нею депортация миллионов крестьян. Как показал Борис Пастернак в своем романе «Доктор Живаго», беспрецедентная жестокость ежовщины вписывалась в жестокость «проклятого десятилетия», десятилетия, отмеченного взрывоопасной смесью модернизации и регресса. С одной стороны, особая форма модернизации, характерная для промышленно-бюрократического полицейского государства; с другой — явления, отражавшие глубокий политический и социальный регресс, общее ожесточение взаимоотношений, отсылавшее к временам гражданской войны: местные тираны, терроризирующие население, тысячи брошенных детей, возрождение бандитизма, расцвет принудительного труда, неуружай и голод.

В продолжение политики коллективизации и раскулачивания сталинское руководство с 1933 года развернуло широкомасштабное наступление, направленное на то, чтобы дисциплинировать, организовать и лучше контролировать общество «зыбучих песков»⁸² после потрясений предыдущих лет. Этот амбициозный проект, основанный на полицейском управлении, решал ключевую проблему: что делать с маргиналами и с не вписывающимися в общественные рамки «людьми прошлого» и «социально опасными элементами»⁸³?

Без сомнения, можно провести параллели между масштабной кампанией по окончательному устранению всех этих социальных групп, начатую в Советском Союзе летом 1937 года, и программой по устранению — с целью оздоровления общества — душевнобольных, организованной чуть позже нацистским режимом. Разумеется, после начала Второй мировой НКВД продвинулся далеко вперед в практике массовых преступлений. Тем не менее, предложенный нами анализ «Большого террора» ни в коей мере не может подтвердить выводы, к которым пришел Эрнст Нольте в своей «Европейской гражданской войне», а именно, о причинно-следственной связи преступной практики сталинского режима с появлением и развитием вширь и вглубь нацистского террора, открывшего дорогу к «Окончательному решению», поскольку все массовые репрессивные операции, проводившиеся в глубочайшем секрете, были абсолютно неизвестны нацистским бонзам, которые, по мнению всех современных наблюдателей за советской действительностью, имели представление лишь о фасаде «Большого террора».

Примечания

1. Этот термин популяризировал Роберт Конквест в своем пионерском труде («The Great Terror», 1968). В СССР данное явление известно как «ежовщина», т. е. время пребывания в должности народного комиссара внутренних дел Ежова (сентябрь 1936 — ноябрь 1938).

2. Getty J. A. *Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

3. Для Роберта Конквеста отправной точкой «Большого террора» явилось организованное Сталиным убийство первого секретаря Ленинградской парторганизации Сергея Кирова (1 декабря 1934 г.).

4. Джон Арч Гетти не без доли провокационности писал во введении к своему труду о том, что в период ежовщины «казнены были тысячи человек» (Op. cit. P. 8).

5. Для получения представления о «тоталитарной» и «ревизионистской» школах см.: *Werth N. De la sovietologie en general et des archives russes en particulier // Le Debat. № 77, septembre 1993. P. 127–144.*

6. См.: J. A. Getty, O. Naumov (eds.). *The Road to Terror. Stalin and the Self-destruction of the Bolsheviks, 1932–1939.* New Haven: Yale University Press, 1999.

7. См. в первую очередь «оперативные приказы НКВД» № 00447 от 30 июля 1937 года, № 00439 от 25 июля 1937 года, № 0485 от 11 августа 1937 года, а также телеграммы, которыми обменивались Политбюро и руководители областных парторганизаций и органов госбезопасности в 1937–1938 годах, хранящиеся в «особых папках» Политбюро (РГАНИ. 89/73). В совершенной секретной справке полковника Павлова, начальника первого спецотдела Министерства внутренних дел, подводился баланс количества лиц, приговоренных и казнённых различными органами внесудебной расправы в 1921–1953 годов: 4 060 000 осужденных, из них 800 000 — к высшей мере наказания. Впервые эти данные были опубликованы В. П. Поповым в статье, вышедшей в «Отечественных архивах» в 1992 году. Для ознакомления с критическим анализом этого источника и статистикой органов госбезопасности, военных трибуналов и обычных судов см. статью «История “проекта секретного доклада”: о чем кричала и о чем молчала комиссия Пospelова, январь–февраль 1956 года» в данном сборнике.

8. Российский историк Олег Хлевнюк привел следующий, во всех отношениях примечательный, пример «дополнительных неутвержденных лимитов на высшую меру наказания». Инспекция, проведенная в Туркмении в начале 1939 года по окончании «Большого террора», специальной комиссией, направленной из Москвы, открыла, что туркменский НКВД превысил «лимиты по первой категории», утвержденные Политбюро, на 25 %, несмотря на то, что центральные власти в июле 1937 — сентябре 1938 годов уже повышали более чем на 200 % первоначальные лимиты на казни и аресты. См.: *Khlevniouk O. Les mecanismes de la Grande Terreur au Turkmenistan // Cahiers du monde russe. Vol. 39 (1–2), 1998. P. 197–208.*

Далеко отстают от 1937–1938-х годы, отмеченные наиболее высоким уровнем «внесудебных» массовых репрессий: 1942 — около 100 тысяч приговоренных к смертной казни, из которых 75 тысяч — военными трибуналами в качестве «паникеров», «дезертиров»; 1941 — 60 тысяч смертных приговоров, из которых 50 тысяч вынесены военными трибуналами; 1930 — более 20 тысяч смертных приговоров, вынесенных в разгар коллективизации и «раскулачивания»; 1931 — более 10 тысяч смертных приговоров. — См.: *Werth N. Art. cit., note 7.*

10. Как показывает журнал регистрации посетителей рабочего кабинета Сталина, в 1937–1938 годах нарком внутренних дел провел там более 900 часов, чаще всего наедине со Сталиным. Ни один из сотрудников главы государства не проводил с ним столько времени в течение этого периода (полный список посетителей, принятых Сталиным, см.: Исторический архив. 1994. № 6; 1995. № 2–6).

11. Оперативный приказ № 00447 впервые был опубликован в российской газете «Труд» 4 июня 1992 года (С. 1–4). Перевод этого документа на французский язык см. в: *Werth N. Goulag, les vrais chiffres // L'Histoire. № 169, septembre 1993. P. 47.*

12. От названия города в Маньчжурии, приютившего у себя крупную колонию «экспатриантов» с советским гражданством, работавших в качестве служащих Китайско-восточной железной дороги. До 1935 года эта кампания находилась под контролем СССР, после ее продажи Японии большая часть железнодорожников и служащих КВЖД вернулись в СССР. В глазах властей они являли собой идеальное гнездо «шпионов и диверсантов, состоящих на жаловании японских секретных служб».

13. Выступление Сталина от 3 марта 1937 года.

14. Совершенно секретные постановления Политбюро о проведении массовых репрессий не отправлялись членам ЦК, а также членам правительства, не входившим в состав Политбюро. О «культуре конспирации» см.: *Rittersporn G. T. The Omnipresent Conspiracy: on Soviet Imagery of Politics and Social Relations in the 1930's // C. Ward (ed). The Stalinist Dictatorship. Oxford: Arnold, 1988.*

15. В лексиконе совершенно секретных постановлений Политбюро и «оперативных приказов» НКВД «первая категория» означала высшую меру наказания; «вторая категория» — приговор к 10 годам лагерей (в крайне редких случаях — к 8 годам). «Утвержденные дополнительные лимиты» были лимитами, согласованными с Политбюро; «неутвержденные дополнительные лимиты» указывали на количество приговоров, вынесенных сверх установленных в вышестоящих инстанциях норм.

16. В особенности пленумов ЦК, состоявшихся в июне 1935 года, июне и декабре 1936 года, феврале–марте 1937 года (выдержки из стенограмм, переведенные на английский язык, см. в: J. A. Getty, O. Naumov (eds). *Op. cit.*).

17. См. переписку советских руководителей, подобранную и прокомментированную Олегом Хлевнюком и Александром Квашонкиным: *Большевистское руководство. Переписка, 1928–1941.* М.: РОССПЭН, 1999.

18. *Kotkin S. Magnetic Mountain.* Berkeley: University of California Press, 1995, особенно гл. VII; *Weinberg R. Purge and Politics in the Periphery: Birobidzhan in 1937 // Slavic Review. 52. № 1. P. 35–57;* *Kuromiya H. Freedom and Terror in the Donbass: A Ukrainian-Russian Borderland, 1870's — 1990's.* Cambridge: Cambridge Press, 1998; *Harris J. The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System.* Ithaca: Cornell University Press, 1999, особенно гл. VI; J. A. Getty, O. Naumov (eds). *Op. cit.*

19. Этот показатель был ниже даже по отношению к предыдущим годам (1229 в 1935 году, 2056 в 1934 г., 2154 в 1933 г., 2728 в 1932 г., согласно статистическим данным органов госбезопасности). См.: *Понов В. П.* Прим. 7.

20. Выступление Сталина 3 марта 1937 года // *Большевик. 1937. № 7.* С. 24. Для большей наглядности Сталин надолго остановился на «деле Николаенко», этой рядовой партийной активистки, сообщившей об «антипар-

тийных действиях» супруги Павла Постышева, первого секретаря киевской парторганизации и кандидата в члены Политбюро, исключенного по этому доносу из партии. Сталин ухватился за этот «показательный случай» и посвятил основную часть своего выступления этой «народной героине». Примечательно, что только эта часть речи Сталина была обнародована и широко тиражировалась сначала в прессе, а затем в брошюре, издававшейся миллионными тиражами. См.: *Werth N. L'appel au petit peuple selon Staline // Vingtieme siecle. Revue d'histoire. № 56, octobre–decembre 1997. P. 132–142.*

21. *Fitzpatrick S. How the Mice Buried the Cat: Scene from the Great Purge of 1937 // Russian Review. № 52 (3), July 1993. P. 229–320.*

22. Созданная 31 декабря 1955 года «Комиссия по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии» во главе с Петром Поспеловым, 9 февраля 1956 года представила объемный — на 70 машинописных страниц — доклад о репрессиях 1937–1938 годов. Этот документ послужил Никите Хрущеву основой для его знаменитого «секретного доклада». См.: *Werth N. Art. cit. Прим. 7.*

23. Многие другие источники различного происхождения (Центральный Комитет, отдел кадров) подтверждают гибель 40–60 тысяч гражданских и военных сотрудников в эти годы. В новейших исследованиях чисток в армии количество арестованных или уволенных офицеров Красной армии оценивается в 35 000 человек. 11 тысяч из них вернулись в строй в 1939–1940 годах. Точное количество казненных офицеров до сих пор не установлено. См.: *Reese R. R. Stalin's Reluctant Soldiers. A Social History of the Red Army, 1925–1941. Kansas: Lawrence 1996; A. Cristiani, V. Michaleva (eds). Le repressioni degli anni trentanell' Armata rossa. Naples: Istituto universitario orientale, 1999.* «Чистка» кадров затронула и органы госбезопасности, хотя с ними, по крайней мере до того, как НКВД возглавил Берия, обошлись довольно милостиво: в октябре 1936 — сентябре 1938 годов около 7,5 % сотрудников органов госбезопасности были арестованы (1862 из 25 000); с сентября 1938 по конец 1939 годов — более 7300 сотрудников органов (или около 23 % состоявших на службе на начало 1939 года) были уволены, и большая часть из них арестована. По вопросу о чистках в органах госбезопасности см.: *Petrov N. Le personnel des organes de securite sovietiques, 1922–1953 // Cahiers du monde russe. № 42 (2–4), avril–decembre 2001. P. 375–396.*

24. Внесудебный орган, состоящий из трех человек (первый секретарь местного парткома, глава Управления ДЖВД и областной или краевой прокурор).

25. Труд. 4 июня 1992 года. № 88. С. 1. Перевод на английский язык этого документа см. в: *J. A. Getty, O. Naumov (eds). Op. cit. P. 470–471.*

26. Телеграмма Н. Хрущева Сталину от 10 июля 1937 года // Труд. 4 июня 1992 года. С. 1).

27. Так, Западно-Сибирское управление НКВД предложило казнить 10 924 «социально-вредных элемента», из которых 6642 «кулака» и 4282 «уго-

ловника» (телеграмма (С. Н.) Миронова Ежову от 8 июля 1937 года). Челябинское областное управление НКВД предложило приговорить к смертной казни 2 552 «социально-вредных» и отправить в ИТЛ на 10 лет 5401 человека, Дальневосточное управление НКВД предлагало ликвидировать 3017 «социально-вредных» и отправить 3681 в лагеря и т. д.

28. С. Н. Миронов — Ежову, 8 июля 1937 года (Труд. 2 августа 1997 года. С. 5).

29. Эти цифры значительно отличались от заявки Никиты Хрущева (8500 по первой категории).

30. Вот несколько примеров по регионам (первая категория). Западная Сибирь: первоначальные лимиты — 5000; количество «утвержденных» казней — 20 000. Восточная Сибирь: первоначальные лимиты — 1000; количество «утвержденных» казней — 14 5000. Красноярский край: первоначальные лимиты — 750; количество «утвержденных» казней — 11 850; Советский Дальний Восток: первоначальные лимиты — 2000; количество «утвержденных» казней — 25 000 и т. д. См.: *Binner R., Junge M. Wie der Terror «gross» wurde: Massenmord und Lagerhaft nach Befehl 00447 // Cahiers du monde russe. № 42/2–3–4, avril–decembre 2001. P. 595–607.*

31. В исключительных случаях четверть или три четверти тысячи.

32. ГА РФ. 9414/1/1944/ 17–25.

33. Для большинства регионов в директиве указывались минимальный и максимальный варианты: 30 000–35 000 семей для Украины, 10 000–15 000 для Урала и т. д.

34. Комиссия Политбюро, ответственная за «раскулачивание», возглавлявшаяся В. Молотовым, дала определение 3-ей категории «кулаков». Это «кулаки», не проявляющие враждебных настроений по отношению к советской власти; после экспроприации их имущества они подлежали расселению «на новых, отводимых им за пределами колхозных хозяйств участках».

35. См.: *Danilov V. P., Berelowitch A. Les Documents de la VCK–OGPU–NKVD sur les campagnes sovietiques, 1918–1937 // Cahiers du monde russe. № 35. 1994. P. 671.*

36. См.: *Werth N. Deplaces speciaux et colons de travail dans la societe staliniene // Vingtieme siecle. Revue d'histoire. № 54, avril–juillet 1997. P. 34–50.*

37. Всего с начала 1930 до весны 1933 годов, когда схлынули волны кампании по раскулачиванию, около 2 200 000 «кулаков» были сосланы, и приблизительно 400 000 приговорены к отбыванию наказания в лагерях.

38. То есть, по сути, продали все, что могли продать и скрылись в городах, дабы избежать высылки.

39. Советская юстиция. 1934. № 9. С. 3.

40. См. статью «Депортации “подозрительного населения” на российском и советском пространстве (1914 — конец 40-х годов): военное насилие, социальная инженерия, этно-историческое “изъятие”» в данном сборнике.

41. См.: *Kessler G. The Passport System and State Control over Population Flows in the Soviet Union, 1932–1940 // Cahiers du monde russe. № 42/2–3–4, avril–decembre 2001. P. 490.*

42. ГА РФ. 9401/12/135/133 // Цит. по: Hagenloh P. *Socially Harmful Elements and the Great Terror* // Sheila Fitzpatrick (ed.). *Stalinism. New Directions*. London & New-York: Routledge, 2000. P. 298.

43. См. выступление Г. Ягоды на собрании представителей регионального милицейского начальства (15 апреля 1935 г.). «Для нас главное дело борьба с контрреволюцией..., но разве сегодня хулиган, бандит, вор не есть ли настоящие контрреволюционеры? В нашей стране — в стране, где построен социализм, ликвидирована безработица, в которой у каждого гражданина есть возможность честно жить и трудиться, любое преступное деяние по самой своей сути является проявлением классовой борьбы» (цит. по: *Hagenloh P. Art. cit.* P. 299).

44. *Shearer D. Crime and Social Disorder in Stalin's Russia* // *Cahiers du monde russe*. № 39 (1–2), janvier–juin 1998. P. 126 sq.

45. *Khlevniouk O. The Influence of the Foreign Context on the Mechanisms of Terror*. Actes du colloque «La Russia nell'eta delle guerre (1914–1945). Verso uno nuovo paradigma». Cortona, 24–25 October, 1997.

46. См., напр. доклад начальника Западносибирского НКВД С. Миронова, направленный первому секретарю Запсибкрайкома Р. Эйхе в июне 1937 г. (*Shearer D. Social disorder...* Art. cit. P. 530–531).

47. РГАНИ. 89/43/48/1.

48. Цитируется в: *Hagenloh P. Art. cit.* P. 301.

49. *Getty J. A., Rittersporn G., Zemskov V. Les victimes de la repression penale dans l'URSS d'avant-guerre* // *Revue des etudes slaves*. № 65. 1993. P. 657.

50. РГАНИ. 89/73/155/1.

51. Письмо № 59 108 от 11 августа 1937 года, процитированное в сообщении Комиссии Поспелова от 9 февраля 1956 года {Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС, март 1953 — февраль 1956. М., 2000. С. 320}.

52. См. документы, опубликованные в сборнике «Трагедия советской деревни». Т. V/1. 1937. М.: РОССПЭН, 2004. С. 340–344, 357–364, 367–368.

53. ЦА ФСБ. 3/5/198/129–131. Выражаю благодарность Арсению Рогинскому за возможность ознакомления с этим документом.

54. Московские новости. № 25, 21 июня 1992. С. 19.

55. АПРФ. 3/58/212/161.

56. РГАНИ. 89/73/108/2.

57. Там же. 89/73/124/1.

58. Там же. 89/73/157.

59. «Альбомы» представляли собой толстые тетради прямоугольной формы, в которых печатались на машинке для каждого осужденного, представшего перед тройкой или двойкой, краткие сведения о гражданском состоянии осужденного, его социальном происхождении, профессии, пункт или пункты статей обвинения, приговор. См. ниже.

60. ГА РФ. 8131/37/140. В архивах Генеральной прокуратуры хранятся дела 1939 года о схожих расследованиях, проведенных в Вологодской, Жито-

мирской, Читинской областях, а также в Туркмении и Дагестане. Другие дела того же типа, хранящиеся в архивах ФСБ, на данный момент недоступны для исследователей.

61. ГА РФ. 8131/37/140/57–59. О «деле вологодского УНКВД» Андрей Вышинский докладывал Сталину и Молотову в письме от 1 февраля 1939 года, в несколько облагороженной версии случившегося, в которой начальство местного НКВД обвинялось в том, что «не имея доказательств, отдало приказ о расстреле более ста человек». Вышинский, тем не менее, предлагал подвергнуть высшей мере наказания трех основных виновников (ГА РФ 8131/ 37/140/24–25).

62. *Охотин Н., Рогинский А. Б.* Из истории немецкой операции НКВД 1937–1938 // *Наказанный народ*. И. Л. Щербакова (ред.). М.: Мемориал, 1999. С. 35. Эта статья, написанная на основе не издававшихся источников из Архива Президента РФ и архивов ФСБ, до сих пор остается самым полным описанием «немецкой операции».

63. Из 4005 немецких граждан, зарегистрированных Народным комиссариатом внутренних дел на начало 1937 года, около 800 были высланы в Германию (Охотин Н., Рогинский А. Б. Цит. соч. С. 49–51).

64. Там же. С. 66.

65. *Петров Н. В., Рогинский А. Б.* Польская операция НКВД 1937–1938 // А. Е. Гурьянов (ред.). *Репрессии против поляков и польских граждан*. М.: Звенья, 1997. С. 22–43. Эта статья, написанная на основе не издававшихся источников из Архива Президента РФ и архивов ФСБ, до сих пор остается самым полным описанием «польской операции».

66. Мемориал-Аспект. 1993. № 1. С. 2.

67. Что касается греческой, румынской и эстонской операций, мы располагаем лишь неполными данными о количестве жертв на 10 сентября 1938 года (эти операции продолжались до середины ноября 1938 года, и многие осужденные были казнены в течение последних двух месяцев их проведения). На 10 сентября 1938 года 11 261 человек был осужден (из них 9450 приговорены к высшей мере наказания) в рамках греческой операции; 6292 (из них 4021 осуждены по «первой категории») в рамках румынской операции; 5680 (из них 4672 — по «первой категории») в рамках эстонской операции (см. сообщения Комиссии Поспелова. Цит. соч. Прим. 7).

68. *Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, London: Cornell University Press, 2001. P. 312–343.

69. *Ibid.* P. 328–343.

70. *Полян П.* Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М.: Мемориал, 2001. С. 90–93.

71. *Охотин Н., Рогинский А. Б.* Цит. соч. С. 53.

72. Там же. С. 55.

73. Там же. С. 65.

74. Сообщение Комиссии Поспелова (АПРФ. 3/24/489/83).

75. Охотин Н., Рогинский А. Б. Цит. соч. С. 62.

76. А. Б. Рогинский, Н. Петров, Н. Охотин, И. Щербакова, А. Гурьянов и другие. См. статьи, цитировавшиеся выше.

77. 16 мая 1938 года Ежов направил местному руководству НКВД директиву, в которой предписывалось указывать в отчетности национальность и этническое происхождение арестованных и осужденных. Эта директива стала следствием важного, но, что примечательно, запоздалого изменения паспортной системы, введенного циркуляром НКВД от 2 апреля 1938. г. Согласно этому документу, национальность, записывавшаяся в паспорт, не могла больше указываться только на основе заявления обладателя — или потенциального обладателя — паспорта о том, что он украинец, русский, поляк, еврей.

ГЛАВА 13

«Провинциальные показательные процессы» в СССР во время «Большого террора» 1937–1938 годов*

Помимо трех получивших наиболее известность «московских процессов» августа 1936, января 1937 и марта 1938, этого грандиозного события-спектакля¹, на котором долгое время концентрировался интерес историков, во многих областных и районных центрах состоялись сотни открытых политических процессов над местным коммунистическим руководством.

Эти «малые процессы», которые сталинское руководство не без снисходительности именовало «процессами в сельском хозяйстве», — поскольку подсудимые в большинстве своем были председателями колхозов или руководителями сельских районов, обвинявшимися преимущественно во «вредительстве в системе Заготзерно и в области животноводства» — совершенно игнорировались до выхода в 1993 году статьи крупного историка сталинизма и лидера американской ревизионистской школы Шейлы Фитцпатрик².

Основная идея Шейлы Фитцпатрик заключается в том, что эти процессы были своего рода карнавальная инверсия (по Бахтину): простые колхозники вызывались в суд, чтобы свидетельствовать о репрессиях над ними, становясь героями дня, в то время как верхи — местное руководство — сбрасывались с пьедестала и покрывались бесчестьем³. К тому же, утверждала Шейла Фитцпатрик, в отличие от московских процессов, эти процессы не были напрямую инициированы Сталиным и партийной верхушкой. После серии статей («политических сигналов»), появившихся в «Правде» и критикующих плохое обращение с колхозниками, областные руководители — в условиях особенно напряженной политической и экономической обстановки, отмеченной с весны 1937 года (после февральско-мартовского пленума ЦК) охотой на «замаскировавшихся врагов с партбилетом в кармане» и серьезными экономическими трудностями, вызванными в

* Les «petits procès exemplaires» en URSS durant la «Grande Terreur», 1937–1938 // Vingtième Siècle. Revue d'Histoire. № 86, avril–juin 2005. P. 5–26.

том числе катастрофическим неурожаем 1936 года, — взяли на себя инициативу проведения этих процессов, чтобы перевести на подчиненных нависшую над ними угрозу и продемонстрировать «большевистскую бдительность», тем самым предвосхитив готовящуюся политическую кампанию, по поводу которой центральный партийный орган «Правда» подал соответствующие «сигналы»⁴.

Эта достаточно сложная интерпретация четко вписывалась в «ревизионистскую» интерпретацию сталинского способа управления: сторонники которой ставили акцент на степени самостоятельности политических действующих лиц на различных уровнях иерархии, на сбоях в работе конкурирующих администраций неупорядоченного государства, на конфликтах между центром и периферией.

Со времени выхода статьи Шейлы Фитцпатрик, которая основывала свой анализ исключительно на опубликованных в местной прессе отчетах об этих процессах, новые источники позволили дополнить, оттенить нюансами и даже дать несколько иную интерпретацию этого эпизода, поместить его в более широкий контекст, контекст «Большого террора», этого апогея насилия сталинской эпохи.

Напомним, что «Большой террор» долгое время воспринимался как прежде всего масштабная политическая чистка, более продолжительная и кровавая, чем остальные, и ударившая в первую очередь по партийным, экономическим, военным кадрам, части интеллигенции и национальных (нерусских) элит. Репрессии элит являли собой фасад террора, наиболее ярким проявлением которого являлись знаменитые «московские процессы». Но у «Большого террора» было и тайное лицо, в первую очередь он был операцией по «очищению» общества, направленной на устранение — на основе «лимитов» на казнь и заключение в трудовые лагеря, распределявшихся верхушкой страны между местными руководителями, — всех «социально опасных элементов», которые «отравляли» советское социалистическое общество.

Какое место занимали и какую роль играли эти «сельскохозяйственные процессы» на пике радикализации репрессивной политики, каковым был «Большой террор»? Должны ли они были проиллюстрировать «популистскую» составляющую сталинизма, сочувствие Сталина к простым людям, притесняемым «плохими местными руководителями»? Замаскировать секретные полицейские операции? Или мобилизовать массы на охоту за «врагами»? Таковы некоторые из тех вопросов, на которые мы попытаемся ответить, ознакомившись с механизмами принятия решений и создания этих пародий на правосудие.

Отправной точкой волны «процессов в сельском хозяйстве» был не какой-то «сигнал» «Правды», «правильно понятый» областным политическим руководством, а директива, подписанная самим Сталиным и направленная 3 августа 1937 года всем секретарям обкомов, крайкомов ВКП(б) и ЦК нацкомпартий. В ней сообщалось о «вредительской работе врагов народа в области сельского хозяйства, направленной на подрыв хозяйства колхозов и на провоцирование колхозников на недовольство против Советской власти, путем целой системы издевок и глумлений над ними». Местное руководство, объяснял Сталин, совершило ошибку, решив, что «ликвидация вредителей проводится лишь закрытым порядком по линии органов НКВД, а колхозники не мобилизуются на борьбу с вредительством и его носителями». «ЦК ВКП(б), — продолжал Сталин, — обязывает обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий организовать в каждой области по районам 2–3 открытых показательных процесса над врагами народа — вредителями сельского хозяйства, пробравшимися в районные партийные, советские и земельные органы», уточнив кто именно имеется в виду: «работники МТС и райзо, предрики, секретари РК и т. п.». Судебные процессы, заключал Сталин, должны широко освещаться в местной печати⁵.

В ходе этой кампании, которая должна была продолжаться много месяцев, Сталин регулярно рассылал директивы не только о «тематике» и «мишенях» этих показательных процессов, но и приговорах, которые следует выносить.

10 сентября 1937 года Сталин от имени ЦК ВКП(б) и Молотов от имени СНК СССР разослали всем секретарям обкомов, крайкомов и нацкомпартий, всем председателям облисполкомов и крайисполкомов, всем председателям совнаркомов, всем наркомвнуделам и УНКВД новую директиву о «вредительстве в деле хранения зерна». «Десятки тысяч тонн зерна лежат под дождем безо всякого укрытия, элементарные условия хранения зерна нарушаются грубейшим образом.

ЦК и СНК обязывают Вас устроить по области, краю от двух до трех показательных судов над вредителями по хранению зерна, приговорить виновных к расстрелу, расстрелять их и опубликовать об этом в местной печати.

Получение и исполнение телеграфировать»⁶.

Третья директива, направленная несколько недель спустя (2 октября 1937 года), также была подписана Сталиным и Молотовым. На этот раз она касалась вредительства в области животноводства.

«На основании следственных материалов НКВД СССР установлено, что ... подрывная работа врагов народа особо злостную форму...

приняла в области развития животноводства. Эта подрывная работа выразилась:

а) В проведении актов биологической диверсии путем заражения крупного рогатого скота, конского поголовья, овечьего и свиного стада чумой, ящуром, сибирской язвой, бруцеллезом, анемией (*sic!*) и др. эпидемическими заболеваниями;

б) в срыве снабжения препаратами и дезинфицирующими средствами... и вредительством при изготовлении сыворотки на биофабриках;

в) во вредительском сокращении посевных площадей кормовых культур с целью снижения кормовой базы.

По вредительству в области животноводства арестовано значительное количество ветеринаров, зоотехников, лаборантов биофабрик, которые, собственно, и являлись организаторами распространения различных болезней, ведущих к массовой гибели скота [...]

СНК СССР и ЦК ВКП(б) обязывают всех секретарей обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, всех председателей совнаркомов республик и председателей исполкомов областей и краев организовать незамедлительно показательные суды по животноводству, имея в виду как избалованных ветеринаров, зоотехников, лаборантов биофабрик, так и работников местных земельных и колхозных органов. В этих целях Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) предлагают организовать по каждой республике, краю и области от 3 до 6 показательных процессов с привлечением крестьянских масс и широким освещением процесс в печати.

Изобличенных во вредительстве приговаривать к расстрелу, об исполнении приговоров публиковать в местной печати»⁷.

Помимо этих общих указаний, Сталин отправил целый ряд телеграмм по поводу того или иного процесса. Так, 27 августа в ответ на две депеши, одну из Красноярска, о «поджоге элеватора», вторую из Смоленска, о проведении открытого показательного процесса в Андреевском районе, Сталин шлет две короткие телеграммы. «Тов. Соболеву, Красноярск. Нет сомнений, что пожар организовали враги. Немедленно найдите виновных. Приговор — расстрел. Об исполнении приговора немедленно сообщить в печати»⁸. «Тов. Коротченкову, Смоленск. Советую приговорить вредителей Андреевского района к расстрелу, а о расстреле опубликовать в местной печати»⁹. В первом случае виновные даже не были еще арестованы, а во втором процесс завершился за несколько часов до того, как Сталин отправил телеграмму. Приговор был вынесен: обвиняемых осудили на 8–10 лет лагерей. Прокуратура в срочном порядке обжаловала приговор.

Новый процесс состоялся 3 сентября, поскольку Сталин во второй телеграмме первому секретарю обкома партии потребовал, чтобы дело было закончено в кратчайшие сроки. После трехдневного слушания дела обвиняемые были приговорены к смертной казни (7 сентября).

Четкие инструкции Сталина идеально вписываются в его метод политического действия, характеризующийся вниманием во все детали, даже в делах, внешне второстепенных, но возведенных в ранг «показательных случаев»¹⁰. Надо сказать, что если политический процесс с педагогическими целями был неотъемлемой частью большевистской политической культуры с первых лет существования режима, то при Сталине организация «показательного процесса» выглядит как настоящий рефлекс. Об этом свидетельствуют данные о процессах, состоявшихся за 10 лет до московских процессов, а также волны «показательных процессов в сельском хозяйстве», инструкции, направленные им 26 июня 1927 года Р. Менжинскому, главе ОГПУ, в момент роста международной напряженности¹¹, которым Сталин воспользовался для организации настоящего военного психоза и подрыва позиций своих политических оппонентов: «хорошо бы, — писал он, — дать один-два показательных процесса по суду по линии английского шпионажа, чтобы располагать официальным материалом, который можно использовать в Англии и в Европе»¹². О непосредственном участии Сталина в организации множества других «показательных процессов» в начале 30-х годов (процессы над так называемыми «Крестьянской трудовой партией» и «Промпартией») свидетельствует содержание недавно опубликованной переписки генерального секретаря и Молотова¹³. Наконец, телеграммы, которыми Сталин обменивался со своими самыми близкими соратниками — Молотовым, Кагановичем, Орджоникидзе, Ежовым — во время первого московского процесса в августе 1936 года, также показывают, какой огромный интерес Сталин испытывал к «политической педагогике» крупного открытого процесса¹⁴. Речь идет о постановке, мельчайшими деталями которой Сталин, подчеркнуто уехавший на дачу перед самым началом слушаний, но постоянно находившийся в курсе происходящего, занимался лично: о чем должны сообщить в прессе, о том, каким иностранным представителям можно присутствовать на процессе, какие ноты следует направлять иностранным правительствам для борьбы с «троцкистской пропагандой», как в иностранных коммунистических изданиях должно интерпретироваться самобичевание бывших троцкистов, которых пока не тронули (таких как Радек, Пятаков или Раковский) и, разумеется, каким должен быть приговор¹⁵. Для Сталина «показательный процесс» играл главную

роль в «мобилизации масс»: так, Шахтинский процесс (1928), писал он, «повысил активность рабочего класса»¹⁶. Помимо этого, требовалось, чтобы политические уроки были правильно поданы. В письме, адресованном Кагановичу и Молотову, спустя две недели после окончания первого московского процесса, Сталин подверг резкой критике отчеты прессы о нем: «“Правда” в своих статьях о процессе зиновьевцев и троцкистов провалилась с треском. Ни одной статьи, марксистски объясняющей процесс падения этих мерзавцев, их социально-политическое лицо, их подлинную платформу — не дала “Правда”. Она все свела к личному моменту, к тому, что есть люди злые, желающие захватить власть, и люди добрые, стоящие у власти, и этой мелкотравчатой мешаниной кормила публику. Надо было сказать в статьях, что борьба против Сталина, Ворошилова, Молотова, Жданова, Косиора и других есть борьба против Советов, борьба против коллективизации, против индустриализации, борьба, стало быть, за восстановление капитализма [...] Ибо Сталин и другие руководители не есть изолированные лица, — а олицетворение всех побед социализма в СССР, олицетворение коллективизации, индустриализации, подъема культуры в СССР, стало быть, олицетворение усилий рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции за разгром капитализма и торжество социализма... Вот в каком духе и в каком направлении надо было вести агитацию в печати. Все это, к сожалению, упущено»¹⁷.

Разумеется, от «процессов в сельском хозяйстве» не ждали такого же резонанса, как от «больших московских процессов». Отдавая распоряжения о проведении сотен «показательных процессов» в провинциальных городках в исключительно короткие сроки и под ответственность областного партийного руководства, Сталин, разумеется, шел на риск перегибов и ошибок, в которых — согласно установившейся политической практике — обвинили бы местных руководителей¹⁸.

Тем временем, местная верхушка готовилась ответить на указания из Москвы так же, как она это сделала за несколько недель до того, когда была дана директива в пятидневный срок «взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки¹⁹, а остальные, менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы»²⁰. Сразу же по получении директивы Сталина от 3 августа бюро Свердловского обкома партии собралось и постановило «принять надлежащие меры, следуя инструкциям Центрального комитета; организовать показательный

процесс над врагами народа — вредителями в сельском хозяйстве Коми-пермяцкого района; попросить тов. Бермана, Алексеева, Дмитриева и Куркина²¹ сделать на следующем заседании бюро обкома конкретные предложения о проведении еще двух показательных процессов в двух других районах, согласно указаниям»²². Некоторые особо ретивые местные руководители просили разрешить провести процессы «сверх рекомендованной нормы». Так, Кудрявцев, секретарь Киевского обкома партии отправил 16 сентября следующую телеграмму Сталину и Молотову:

«Во исполнение указания ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 11 сентября по Киевской обл. проводим следующие показательные суды над вредителями по хранению зерна:

Суд над работниками Ржищевского склада Заготзерно²³. По делу привлекаются 7 чел. Назначен к слушанию 18 сентября.

Суд над работниками Фастовского пункта Заготзерно. По делу привлекаются 3 чел. Назначен к слушанию 20 сентября.

Суд над работниками Белоцерковского элеватора. По делу привлекаются 6 чел. Назначен к слушанию 25 сентября.

Киевский обком просит ВКП(б) разрешить также провести показательный процесс над бывшим уполномоченным Комзаг по Киевской обл. Передрием и работниками Заготзерно Полторацким и Мусатовым, являвшимися организаторами вредительства в системе Заготзерно по Киевской обл. с применением к ним мер, предусмотренных указанием ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 11 сентября»²⁴.

В ходе этой «политической кампании», проводившейся до конца 1937 года, Сталин, Молотов или Ежов регулярно давали добро на требования местного руководства партии или НКВД о проведении новых процессов²⁵. В течение трех месяцев, с 10 сентября по 10 декабря 1937 года, как свидетельствует сводка, посланная Сталину 19 декабря 1937 года генпрокурором СССР Андреем Вышинским, состоялись 626 процессов: 181 «по вредительству в области животноводства» и 445 «по вредительству в системе «Заготзерно». «По зерну: привлечено к уголовной ответственности — 3559 чел. Осуждено к высшей мере наказания — расстрелу. — 1193 чел.

По животноводству:

привлечено к уголовной ответственности — 2053 чел., осуждено к высшей мере наказания — расстрелу — 762 чел.

Итого: Привлечено к уголовной ответственности: 5612 чел.

Осуждено к высшей мере наказания — расстрелу — 1955 чел.

В отношении 1044 чел., осужденных к высшей мере наказания, приговор приведен в исполнение»²⁶. Потрясающее бюрократическое

донесение, напоминающее многие другие подобные записки о проведении репрессивных операций. На 1 января 1938 года, сообщил глава восьмого отдела НКВД Сталину, осуждено в рамках операции № 00447²⁷ 553 362 чел. По 1-ой категории — 239 252, из которых: бывшие кулаки — 105 124; уголовники — 36 063; другой к/р элемент — 78 237; без определения разряда — 19 828. По 2-ой категории: 314 110, их которых: бывшие кулаки — 138 588; уголовники — 75 930; другой к/р элемент — 83 591; без определения разряда — 16 001²⁸.

Что это как не одержимость категорией, «линией», цифрой, директивой, обязательной к исполнению.

На данном этапе нашего исследования запрашивается констатация двух фактов: волна «маленьких процессов», число которых оценивали в несколько десятков (основываясь на отчетах местных газет, доступных исследователям)²⁹ была, в действительности, значительно серьезнее: если принять в расчет несколько десятков процессов, состоявшихся до 10 сентября 1937 года, дня, когда Сталин и Молотов разослали свою директиву о «вредительстве в области хранения зерна», процессы, проведенные после декабря 1937 года³⁰, и 626 процессов, упомянутых в докладе Вышинского от 19 декабря 1937 года, число этих пародий на правосудие можно оценить по меньшей мере в семьсот.

Констатация второго факта: эта политическая кампания была инициирована сверху, серией циркуляров, разосланных Сталиным, и выполнявшихся областными властями. И, тем не менее, можно ли из этого делать вывод, что кампания по проведению процессов проходила в строгом соответствии с инструкциями, согласно схеме, которая была идентичной во всей стране? К тому же, при чтении доклада Вышинского в глаза бросается первая несообразность: треть (всего лишь?) осужденных была приговорена к смертной казни, которую Сталин и Молотов в своих циркулярах требовали для «всех вредителей»...

Если процедуры принятия решений на самом высоком уровне сегодня хорошо документированы, этого, к сожалению, нельзя сказать о механизмах ускоренной «фабрикации» этих процессов. Следственные документы не всегда доступны. Таким образом, не хватает основного звена, чтобы пойти в анализе дальше. При нынешнем состоянии дел с доступом к архивным фондам историк может опираться на различные отчеты, посылавшиеся областными прокурорами в Генеральную прокуратуру, отчеты о подготовке и проведении процессов, устроенных первыми секретарями обкомов, статьи местной прессы, в которых публиковались большие выдержки из выступлений в зале

суда. Взаимодополняя эти источники, можно воссоздать, по крайней мере в общих чертах, способ «фабрикации» некоторых процессов.

Прежде чем анализировать специфику этих провинциальных пародий на правосудие, рассмотрим конкретный случай — процесс, состоявшийся 18–20 сентября 1937 года в поселке Северное, центре одноименного района Западной Сибири³¹.

По получении директивы Сталина от 3 августа для обсуждения вопроса организации публичных процессов собралось бюро Западно-Сибирского крайкома партии, возглавлявшегося Робертом Эйхе. Местному руководителю НКВД и областному прокурору поручили найти среди уже расследуемых дел одно-два «показательных дела», которые отвечали бы критериям (тематика, социально-политический статус обвиняемых), установленным партийным руководством. Первый выбор, утвержденный 15 августа бюро, касался группы политических руководителей и сельских функционеров района Северный. До тех пор только двое из выбранных обвиняемых, Демидов, председатель райисполкома, и Сафронов, отвечавший за сеть автодорог, были арестованы за безобидный — и широко распространенный проступок — растрату. На следующий день около 15 чиновников, работавших в основном в сельском хозяйстве (из них 3 ветфельдшера, завфинтоделом райисполкома, три председателя колхозов, два директора машино-тракторных станций) были арестованы и тут же подверглись непрерывным допросам. 4 сентября, в свою очередь, был арестован тот, кто должен был фигурировать в качестве главного обвиняемого на готовящемся показательном процессе — первый секретарь райкома партии Матросов, в силу своего статуса являвшийся настоящим местным «хозяином».

Много лет район Северный считался областными властями одним из наиболее «отстающих», никогда не выполнявшим планы по заготовке зерна и поставке мяса, районом, в котором процент коллективизированных хозяйств оставался на уровне гораздо более низком, чем в среднем по стране, и население которого все сокращалось, поскольку большое число крестьян, задавленных налогами и поборами, предпочитали бежать на Кузбасс в надежде устроиться на шахты. Впрочем, у назначенного в 1933 году первым секретарем райкома Матросова имелись все социальные и идеологические атрибуты «настоящего сталинца». Рабочий, член партии с 1925 года, поднявшийся из низов, он правил своим районом железной рукой. Но он в какой-то степени дистанцировался от краевого комитета, редко присутствуя на заседаниях в Новосибирске, возможно, просто из-за расстояния (несколько сотен километров проселочных дорог), отделявшего его от краевого

центра. Находясь вдали от «Центра», Матросов, как и многие другие мелкие местные сатрапы, создал свой «семейный кружок», набранный из местной номенклатуры, и все чаще злоупотреблял властью по отношению к местному населению, по сути отработавшему барщину — а эта практика была широко распространена. Чтобы выполнить свои «государственные обязательства» — в первую очередь планы по заготовке сельхозпродукции и мяса — руководители района, столкнувшиеся с пассивным сопротивлением крестьян, действительно прибегали к исключительно жестоким методам. Такой стиль правления, выработанный в годы насильственной коллективизации деревни, раскулачивания, неурожая и голода, стал со временем правилом. В этой системе отношений, характеризующихся крайней жестокостью, установленной в начале 30-х годов, местные руководители часто обращали себе на пользу делегированную им власть: для них «представлять государство» означало также ничем не стеснять свой аппетит к абсолютной власти над подчиненными. Настоящие «удельные князьки», эти местные руководители были в то же время очень уязвимыми, поскольку не только постоянно нарушали закон, но, что еще хуже, не выполняли нереальные планы и задачи, навязанные им сверху, тем самым становясь вдвойне виноватыми перед лицом вышестоящих инстанций.

Следствию не составило никакого труда собрать многотомное досье на «банду Матросова». Оно приняло во внимание в первую очередь многочисленные жалобы и письма, которые на протяжении многих лет колхозники посылали в газеты и руководителям местных парторганизаций. По большей части эти письма оставались без внимания (в условиях политической конъюнктуры, когда не считалось уместным говорить о «злоупотреблениях» руководства, являвшихся неотъемлемой частью функционирования крайне жестокой системы), но их, тем не менее, сохраняли в качестве *компромата*³², которым можно будет когда-нибудь воспользоваться. Точно так же внимательно изучили многочисленные отчеты об экономических ревизиях, результаты которых были особенно удручающими для Северного района.

Обвинение строилось в основном на двух пунктах: злоупотребления служебными полномочиями по отношению к колхозникам, которые, как утверждалось, совершались «по предварительному сговору» и с «контрреволюционными намерениями» с тем, чтобы «восстановить крестьян против колхозной системы и советского строя»; провалы в управлении экономикой колхозов района, страдавших традиционными пороками системы: крайне низкая производитель-

ность труда, невнимательное отношение к обобществленному скоту, который косил падеж, расхищения значительной части урожая — и все это объяснялось «вредительством».

Разнообразие злоупотреблений — в том виде, в каком они были изложены свидетелями, вызванными для участия в процессе — не поддается рациональному объяснению, и они могли бы показаться вымышленными, если бы другие источники (письма колхозников, доклады ревизионных комиссий), не связанные с этим процессом, не подтверждали бы обыденность этих фактов: ежедневные злоупотребления: незаконные реквизиции, вымогательства, шантаж, взятки, физическое насилие; систематический рэкет колхозников путем вымогания «особых налогов», введенных местным руководством. Так Матросов и Демидов придумали «сенналог» (15 % скошенной травы и шедший напрямую в «черную кассу» райкома), «дымналог» (18 рублей на печь — сумма этого незаконно взятого налога, составившая в 1936 году 85 тысяч рублей была разделена между местными руководителями), «налог на собак». Местное руководство ввело также общую систему штрафов (за «непривязанных собак», «антисанитарные условия» в крестьянских избах), которые зачастую приводили — в силу неплатежеспособности крестьян — к изгнанию колхозников из собственного жилища, продаже с молотка их домов в пользу администрации и бегству крестьян из колхоза, что лишь усугубляло тенденцию к исходу из села, что в некоторых случаях приводило к роспуску целых колхозов, лишенных рабочей силы³³.

Вторая мишень обвинения — экономическое положение местных колхозов: было несложно объяснить катастрофическое падение поголовья скота, вызванное не только эпизоотиями, но также экономически необоснованными заботами (осуществлявшимися с единственной целью выполнения ежегодного плана по поставке мяса), катастрофическое положение с хлебозаготовками (в 1936 году более трети и без того жалкого урожая, составившего для ржи менее 6 центнеров с гектара, было потеряно) или быстрый износ тракторного парка, не получавшего должного техобслуживания, «диверсионными актами», совершавшимися «спецнами», работавшими в сельском хозяйстве (руководителями элеваторов и работниками МТС), или ветеринарами, выступавшими в роли исполнителей в глобальном проекте по саботажу, который якобы возглавляло политическое руководство района. Каждому из них отводилась своя роль в сценарии: местные руководители были «главными героями», но они, тем не менее, объединялись с руководителями, сотруddниками и даже работниками среднего звена, несшими непосредственную ответственность за заготовку зерна и уход за скотом.

Разумеется, «фактов» (злоупотребления служебными полномочиями, экономические упущения) хватало, и обвиняемым трудно было их отрицать. Оставалось квалифицировать эти факты в деяния, повторявшиеся изо дня в день, и интерпретировать их как «контрреволюционные» или «бухаринско-троцкистские» акты диверсии.

Можно высказать гипотезу, что обвиняемые осознали всю тяжесть того, что им инкриминировалось только перед появлением в суде. Действительно, 11 сентября 1937 года на следующий день после того, как Сталин и Молотов разослали директиву, предписывающую проведение показательных процессов «над вредителями по хранению зерна», Политбюро приняло Постановление (тут же ратифицированное высшей государственной инстанцией ВЦИК СССР), согласно которому вводились изменения в Уголовно-процессуальный кодекс. В делах о вредительстве и диверсиях (статьи 58-7 и 58-9 Уголовного кодекса) обвиняемые отныне могли ознакомиться с обвинительным заключением не ранее, чем за сутки до судебного заседания; кассационные обжалования отныне были невозможны, а приговор к смертной казни приводился в исполнение сразу же после отклонения ходатайства о помиловании³⁴. Эти фундаментальные изменения стали следствием многочисленных неприятных инцидентов, имевших место в первую очередь в ходе публичного процесса, возобновлявшегося дважды (причем сам Сталин вмешался в него, дабы пересмотреть первоначальный приговор, сочтенный слишком мягким) в Андреевском районе Смоленской области. После вынесения второго приговора все приговоренные к высшей мере наказания подали апелляцию в Верховный суд, в которой сообщали о многочисленных нарушениях судебных процедур и отрицали «контрреволюционный» характер деяний, им вменявшихся³⁵. В ходе слушаний большая часть обвиняемых избрала для себя одну и ту же линию защиты: не отрицая преступлений, в которых их обвиняли (злоупотребление служебными полномочиями, грубость, перегибы, вымогательства, невыполнение государственных планов по заготовкам), они отказывались квалифицировать их в качестве «актов контрреволюционного вредительства», чаще всего уходя в глухую оборону, что можно объяснить — за неимением доступа к материалам следствия — обещанием приговора, гарантирующего им жизнь (или надеждой на него). В процессе, состоявшемся в Северном районе, у обвиняемых, согласно нововведениям в УПК, принятым за 3 дня до начала процесса, было лишь несколько часов на то, чтобы ознакомиться с обвинительным заключением, и каждый избрал для себя свою линию защиты: Матросов, бывший секретарь райкома, признавая вменяемые ему деяния,

отказывался брать на себя ответственность за акты «вредительства» и отрицал свое участие в «контрреволюционной группе», созданной, согласно обвинительному заключению, в 1934 году. В свою очередь другой обвиняемый, Новгородцев, бывший главный районный зоотехник, усердствовал, описывая в деталях, как он, следуя инструкциям «фашистской» иностранной державы, прививал сибирскую язву и чуму скоту в 18 колхозах, что привело только в 1937 году падежу 1740 лошадей, 1925 голов рогатого скота и 1304 свиней³⁶. Разнящиеся показания обвиняемых, очевидная неподготовленность дела, состряпанного в спешке, за несколько недель — все это придавало характер непоследовательности слушаниям, на которые в суд райсовета собрали несколько сотен колхозников, привезенных в качестве «делегатов» из почти всех колхозов района, а также десятки журналистов местной прессы. За два дня до открытия процесса Р. Эйхе разослал инструкции во все редакции местных газет. В них говорилось: «На днях будет проходить судебный процесс над контрреволюционной вредительской группой из числа бывших руководящих работников Северного района. Эта троцкистско-бухаринская диверсионно-вредительская контрреволюционная организация стремилась подорвать благосостояние колхозов и колхозников и вызвать недовольство масс. Широко публикуйте материалы процесса, разоблачайте перед рабочими и колхозниками методы и приемы вредительской деятельности заклятых врагов народа и покажите материальный ущерб, нанесенный ими социалистическому хозяйству. Используйте материалы процесса для подъема революционной бдительности рабочих, колхозников, служащих. Развивайте чувство патриотизма и ненависть к врагам нашей социалистической родины. Мобилизуйте рабочих, колхозников на перевыполнение государственных планов»³⁷.

Чтобы «популяризовать события», на протяжении пяти дней во всех колхозах области организовывались митинги и сеансы «коллективного чтения газет». За три дня процесса (18–20 сентября 1937 года) около 20 свидетелей — все простые колхозники — были вызваны для дачи показаний по злоупотреблениям служебными полномочиями и грубому обращению, жертвами которого они стали. В противоположность тому, что происходило во многих случаях на других «показательных» процессах, в Северном в показаниях колхозников — по крайней мере, в том виде, в каком они появились в прессе — не фигурировали «политически ошибочные» суждения, дающие понять, что эти злоупотребления — лишь способ функционирования системы в целом. Приговор — смертная казнь всех обвиняемых — был вынесен, как и предусматривалось, 20 сентября. После

митингов, состоявшихся в тот же день, в обком партии отправили десятки телеграмм. В них выражалась благодарность партийному руководству и «любимому вождю, другу и учителю, тов. Сталину», который «восстановил справедливость и защитил народ». «Мы, колхозники колхоза им. Крупской, с большим удовлетворением и радостью встречаем этот единственно справедливый приговор о расстреле заядлых врагов народа Демидова, Матросова, Синева, Новгородцева, Коротаева, Воробьева и Промыслова, этих право-троцкистских, японо-немецких вредителей, шпионов и диверсантов. Приговор о расстреле этих смердящих фашистских псов полностью выполнил нашу волю [...] Мы обязуемся в ближайшие дни закончить хлебоуборку и достаточно выполнить государственный план зернопоставок и натуроплату МТС. Мы берем на себя обязательство к 20-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции внести сумму подписки на заем обороны»³⁸.

Несколько дней спустя, закрывая дело, Роберт Эйхе направил Сталину подробный доклад, в котором сообщалось, что в других районах пройдут новые «показательные» процессы. Всего только в одной Новосибирской области с сентября по декабрь 1937 года состоялся 21 процесс³⁹.

«Процессы в сельской глубинке», этот поучительный политический театр, проходили в совершенно ином формате, нежели процессы «большого московского театра». Обвиняемые не были, как в Москве, известными руководителями, историческими фигурами большевизма, обвинявшимися в чудовищных и невероятных преступлениях — шпионаж, государственная измена, заговор против государства — и признавшими свою вину. В большинстве провинциальных публичных процессов подсудимые были местными партийными боссами, которые вели себя как «удельные князьки»⁴⁰. Они обвинялись в совершенно реальных, ординарных, распространенных преступлениях, в основном, в злоупотреблении властью, неоправданной жестокости, разного рода поборах — одним словом, в том, что являлось повседневностью для миллионов колхозников. Эти публичные процессы, торжественно открывавшиеся во дворце правосудия (или в доме советов) райцентра, имели иную педагогическую составляющую, нежели московские процессы: они должны были продемонстрировать заботу Сталина и высшего руководства о «маленьких людях», которых притесняют «плохие бюрократы», превратившиеся во «врагов народа». Популистский сценарий этого политического театра выглядел следующим образом: «враги народа», объединившиеся в «семейных кружках» местных влиятельных лиц — секретаря райкома партии,

главного агронома, районного зоотехника, директора МТС, завфинотделом и их приспешников — проложили путь к ключевым постам, позволяющим взять под контроль местное снабжение и сельское хозяйство. Путем постоянных злоупотреблений они пытались восстановить колхозников против режима. К счастью, активные и сознательные колхозники отреагировали, написав руководству письма. Им долго не давали ход враги народа, внедрившиеся на самый верх. Отсюда и запоздалость этих процессов. К счастью, благодаря бдительности Сталина и его ближайших соратников, враги народа были разоблачены и преданы суду. То был триумф простых людей, советской демократии, закрепленной сталинской конституцией 1936 года, триумф союза народа и Вождя⁴¹.

Этот сценарий, воспроизведенный в местной прессе, иллюстрировал основное измерение сталинского популизма, основанного на архаическом восприятии политики, на эксплуатации мифа о «добром царе». К тому же, если ритуал показательных процессов исполнялся успешно, случалось, что Сталин от имени Центрального комитета партии (а вслед за ним Молотов, председатель Совнаркома, представляющий в таком качестве советское правительство) раздавали награды. Так, после вынесения второго приговора на процессе в Андреевском районе указом за подписью Сталина и Молотова были предоставлены определенные льготы колхозникам области. 40 тысяч гектаров коллективных земель были преобразованы в личные участки; 330 гектаров государственных лесных угодий переданы колхозам; были частично списаны штрафы, наложенные на колхозников; немного снижены обязательные поставки мяса, открыты два училища для трактористов и шоферов, рассчитанные на 400 человек⁴². Тем не менее, такие жесты были скорее исключением из правила; чаще всего процесс завершался торжественными обязательствами колхозных коллективов «выполнить государственный план зернопоставок и натуроплату МТС» и «внести сумму подписки на заем обороны». В какой степени карнавальное измерение (основанное на реальной, какой бы краткой она ни была, смене ролей), описанное Шейлой Фитцпатрик, присутствовало в этих провинциальных публичных процессах? Колхозники, вызванные в суд, играли — без нот, — роль, очень незначительную — которую им поручили. Они не были по-настоящему самостоятельными актерами и не строили никаких иллюзий о соотношении сил: только вмешательство «сверху» могло урезонить местное руководство, сделавшее такой тяжелой их жизнь⁴³. Тем не менее, было бы ошибочно полагать, что сотни публичных процессов, состоявшихся в самых разных районах СССР осенью 1937 года, раз-

вивались по абсолютно одинаковому сценарию и в полном соответствии с указаниями из Москвы. Нередко сценарий, выводивший на сцену местных актеров, хорошо знавших друг друга и проживших бок о бок много лет, буксовал. Так, в Кадые (Ивановская область) обвиняемые не просто отвергли все обвинения, но и местные крестьяне, вызванные давать показания о злоупотреблениях местных коммунистических тиранов, зашли «слишком далеко» в своих обвинениях, обрушившись с критикой «второго крепостного права», введенного вследствие насильственной коллективизации деревни и появления колхозного строя. Поскольку суд стал местом неконтролируемых дебатов, публичный процесс был приостановлен⁴⁴. И если кадынский эпизод, похоже, остался единичным случаем, «политически неправильные» высказывания свидетелей, вызванных в суд, были гораздо более частым явлением. Так, например, в ходе процесса, состоявшегося в райцентре Новгородской области, колхозница, вызванная давать показания, заклеив местное коммунистическое руководство словами «людоеды» и «свиньи», закончила так: «Мы, наконец, вас победили!», тем самым, ясно демонстрируя видение мира, основанное на непримиримом противоборстве двух лагерей: «они» — коммунисты, бюрократы, начальство, новая элита — и «мы» — «простые крестьяне», «новые крепостные»⁴⁵. Видение, похоже, очень распространенное и отображенное во всех сообщениях органов безопасности о настроениях населения⁴⁶.

Еще большей проблемой для властей, чем эти «неправильные» высказывания «политически отсталых» лиц, был отказ некоторых судей выносить приговоры в соответствии с инструкциями, поступившими сверху. Как показывает баланс, подведенный Андреем Вышинским 19 декабря 1937 года, примерно треть обвиняемых по делам о «вредительстве в системе Заготзерно и в области животноводства» была приговорена к смертной казни, две трети — к отбытию наказания в ИТЛ, несмотря на то, что в инструкциях Сталина и Молотова от 10 сентября и 2 октября 1937 года, запустивших эти публичные процессы, ясно указывалось, что «вредителей» должно приговаривать к смертной казни. Прием, к которому чаще всего прибегали судьи, чтобы спасти жизнь обвиняемым, многие из которых входили в их общий по местной номенклатуре круг общения, заключался в том, чтобы квалифицировать вменяемые им деяния как «пособничество вредительству». Эти маневры, очевидно, таили в себе риск. В Угличе (Ярославская область) после того, как публичный процесс «первой волны» (последовавшей за директивой Сталина от 3 августа 1937 года) над девятью местными руководителями

завершился 30 августа осуждением четырех обвиняемых к высшей мере наказания, а пяти остальных к — 10 годам лагерей, судьи были вызваны к секретарю Ярославского обкома партии. Тот обвинил их в том, что они не следовали переданным им инструкциям с «проектом приговора», предусматривавшим как минимум шесть казней. Судьи вынесли «троцкистский» приговор, который мог, объяснял высший партийный руководитель области, привести к увольнению и аресту всего областного партийного руководства за «утрату бдительности»⁴⁷. Судей отстранили от выполнения своих обязанностей, и областной прокурор тут же подал апелляцию о переквалификации обвинения в «пособничестве во вредительстве», выдвинутого против пятерых из обвиняемых. Неделию спустя (8 сентября 1937 года) Верховный суд РСФСР согласился с доводами областного прокурора, но не оспорил приговоры (10 лет лагерей). Дело тянулось еще более полутора лет и было пересмотрено Верховным судом СССР в апреле 1939 года. К тому времени политическая конъюнктура серьезно изменилась; «Большому террору» пришел конец, и в ходе новой политической кампании бичевались «перегибы ежовщины»: приговор, вынесенный в августе 1937 года, был кассирован в связи с «грубыми нарушениями уголовно-процессуального кодекса», а пятеро выживших освобождены.

Угличский случай был далеко не единственным. В процессе, состоявшемся в Алешковском районе (Воронежская область) в начале сентября 1937 года, вынесенные приговоры (два смертных и семь — к отбыванию наказания в ИТЛ на срок от года до десяти) были также опротестованы областной прокуратурой, которая на этот раз добилась кассации; во время второго процесса было вынесено три новых смертных приговора⁴⁸. Одним из непосредственных последствий этих приговоров, сочтенных слишком мягкими, стало принятие решения о закрытом характере некоторых процессов: так, после «скандала», спровоцированного угличским процессом, три следующих процесса, организованных в Ярославской области (в сентябре — в Нерехтинском районе, в ноябре — в Палкинском, и в декабре — в Буйском), прошли при закрытых дверях. Эта мера, естественно, выхолащивала педагогическую суть «показательного процесса». Другим следствием нежелания части судей выполнять инструкции было их отстранение от работы, за которым часто следовали арест и осуждение. Так, только в РСФСР в течение первой половины 1938 года были уволены 769 судей и их помощников; по меньшей мере, столько же потеряли работу в 1937 году. Несколько сотен из них были арестованы и осуждены⁴⁹.

Что касается «форматирования» процессов, то не все они развивались по единому сценарию «плохих бюрократов, ставших врагами народа». Так, в Сычевском районе (Смоленская область)⁵⁰ пять из десяти обвиняемых (в их числе секретарь райкома, председатель райисполкома, местный прокурор и председатель сельсовета) на «показательном процессе», состоявшемся 13–18 октября 1937 года, были арестованы и предстали перед судом за то, что «не мобилизовали местную партиячку на борьбу со вредительством и разгром врагов». «Выкорчевывание врагов» было выражением, использовавшимся руководством партии и НКВД для характеристики крупнейшей из тайных массовых операций «Большого террора», «кулацкой операции». Секретарь райкома Красильников публично высказывал сомнения в необходимости новой кампании против «вредителей» и «кулаков»; Богданов, председатель райисполкома уничтожил несколько списков крестьян, причисленных к «кулакам» во время коллективизации, и граждан, лишенных гражданских прав, тем самым оставив НКВД без документов, облегчающих поиск «врагов»⁵¹. Районный прокурор Кудрявцев отказался квалифицировать в качестве «контрреволюционных» некоторые мелкие правонарушения, несмотря на давление местного НКВД. Четвертый обвиняемый некто Петров, председатель сельсовета, утверждал, что на его территории «не было больше ни одного кулака, ни одного бывшего кулака». Все эти чиновники — в отличие от большинства руководителей, фигурировавших в провинциальных «показательных процессах», — похоже, пользовались определенной популярностью среди местных жителей, не испытывавших и доли тех притеснений, которые, как правило, сопровождали отправление служебных полномочий; помимо этого их твердо поддержали партийные активисты, которые трижды отказывались уступить давлению областных руководителей, требовавших их исключения из партии⁵². В данном конкретном случае процесс вывел на сцену не тех руководителей, которые «притесняли простой народ», а чиновников, не испытывавших особого желания проводить в жизнь новую политическую кампанию, беспрецедентную по масштабам репрессий. Эта пародия на правосудие должна была послужить уроком для всех местных чиновников, пытавшихся «тянуть время» и не принимать активного участия в «разгроме врагов».

Не было ли, как утверждает Роберта Маннинг⁵³, у Сычевского процесса и другой подоплеки? А именно, помочь местному НКВД выполнить лимит на врагов, которые должны были быть арестованы в рамках «кулацкой операции»? Напомним, что Западная область первоначально получила лимит на 1000 человек, подлежащих репрессии по первой категории (смертная казнь), и на 5000 по второй

категории (10 лет лагерей). Операция еще не началась, а шеф областного НКВД Каруцкий уже потребовал у Н. Ежова «прибавки» в «2000 элементов по первой категории» и «1000 элементов по второй». Эта просьба, объяснял глава областного НКВД, мотивировалась тем, что область с начала 30-х годов была исключительно засорена контрреволюционными элементами, особенно многочисленными в хуторских хозяйствах, где традиционно долго сохранялась индивидуальная эксплуатация, чуждая коллективистскому духу деревни»; помимо этого в регион шел мощный поток преступных и социально чуждых элементов, изгнанных из Москвы, Ленинграда, Киева и других крупных «закрытых» городов; наконец, с 1936 года большое число раскулаченных крестьян, высланных в Сибирь, на Крайний Север и на Урал, незаконно возвращалось из ссылки⁵⁴. «В списках» областных служб НКВД, объяснял Каруцкий, отныне числилось 11 000 «бывших кулаков, преступников и иных антисоветских элементов» (3300 человек, согласно руководителю областного НКВД, заслуживали «первой категории» и 7700 — «второй»). «Работа по дополнительному выявлению контрреволюционного элемента показала, что при совершенно незначительном углублении ее вскрывается исключительная засоренность Западной обл. контрреволюционным элементом, и что проведенный учет далеко не полный»⁵⁵.

В данном контексте не служили ли бесконечные собрания, проводившиеся по поводу «показательных публичных процессов», прекрасной возможностью мобилизовать «массы» на поиск «новых врагов» и оказать поддержку местному НКВД, личный состав которого насчитывал всего с десяток человек? В Сычевском районе было организовано две волны митингов. Первая, 16–20 сентября, прошла на уровне сельсоветов и партиячек. Она захватила в основном всех местных функционеров и «активистов» и позволила «разоблачить» несколько сотен «врагов» — как при помощи доносов, так и проверки списков (давностью иногда до 10 лет), хранящихся в сельсоветах, налоговых органах и партиячках. В этих списках, отличавшихся крайним разнообразием и зачастую устаревших, фигурировали также лица, лишенные еще в 20-х годах гражданских прав («кулаки», бывшие царские чиновники, бывшие помещики), крестьяне-«единоличники», отказавшиеся вступать в колхозы и подвергавшиеся особому налогообложению, а также политические активисты, принадлежавшие к оппозиционным организациям (в особенности социалисты-революционеры) или исключенные из партии.

Вторая волна митингов прокатилась на этот раз в колхозах, в дни, предшествующие публичному процессу над «бандой Красильни-

кова». Около двух сотен местных коммунистических «активистов» было привлечено к этой масштабной операции по «политической популяризации» процесса над бывшим руководством: митинги состоялись в 197 из 242 колхозов района. Согласно официальным отчетам об этой операции не менее 9293 колхозников (или более 1 на семью, поскольку в Сычевском районе насчитывалось 8812 дворов!) взяли слово в ходе этих собраний. Ритуальные проклятия в адрес «замаскировавшихся врагов народа, просочившихся в районное руководство партии», тем не менее, вопреки ожиданиям организаторов, не привели к лавине доносов, которая могла бы разоблачить значительное количество новых «врагов». И это несмотря на установку в помещениях, где проходили митинги, урн, в которые участникам предлагали опускать анонимные доносы⁵⁶. Колхозники, похоже, больше интересовались конкретными последствиями мер, обещанных правительством несколькими неделями ранее, после «показательного процесса» в Андреевском районе: насколько будет увеличен их земельный участок, сколько дров получит их колхоз, когда простят недоимки?

На современном этапе исследований провинциальных процессов, разумеется, преждевременно утверждать, как это делает Роберта Маннинг, что «целью номер один показательных процессов было мобилизовать колхозников для участия в операции № 00447»⁵⁷. Во многих отношениях — особенно, что касается фактов, инкриминируемых местным руководителям, — Сычевский процесс выглядит нетипичным и ни в коей мере не отвечает «основному сценарию», который призван был придать смысл этим пародиям на правосудие. Его пример доказывает по крайней мере две вещи: было бы иллюзией представлять себе идеальное «форматирование» сотен «показательных процессов», решение о которых принималось на высшем уровне, но которые при этом проводились в условиях местной специфики в спешке и с известной долей импровизации; такой же иллюзией было бы проводить четкий водораздел между тайной и явной личинами «Большого террора». Чтобы проанализировать взаимодействие этих двух измерений, необходимо пойти еще дальше в изучении центрального вопроса: как выбирались жертвы тайных массовых репрессивных операций — на основании картотек, создававшихся на протяжении многих лет органами внутренних дел и политической полиции, или на основании доносов, собранных ad hoc в ходе бесчисленных собраний и митингов, проводившихся в первую очередь по поводу сотен публично-показательных процессов, большая часть которых проводилась именно в тот момент, когда осуществлялись тайные массовые репрессивные операции? Для

того чтобы ответить на этот вопрос, естественно, необходимо знать степень участия «масс» в «Большом терроре».

В докладе, направленном в июле 1939 года в Политбюро, новый секретарь Компартии Белоруссии П. К. Пономаренко так описывал «показательные процессы», прошедшие двумя годами ранее: Во второй половине 1937 и начале 1938 года согласно указаниям ЦК ВКП(б) состоялись так называемые «показательные процессы» над руководителями района, обвинявшимися наиболее злостными крестьянами-единоличниками⁵⁸ на основе лживых доносов от лиц, не желавших выполнять планы государственных заготовок. [...] В ходе этой кампании только в Белорусской ССР 24 секретаря райкома были исключены из партии и сняты с должности. 33 секретаря были сняты без исключения из партии, 35 секретарей райкомов были арестованы; многие из них на данный момент полностью реабилитированы. Около 50 председателей райисполкомов были сняты с должностей и арестованы; многие из них на данный момент также полностью реабилитированы⁵⁹.

Новый руководитель Компартии Белоруссии не уточнял, сколько обвиняемых, участвовавших в этом политическом театре, были приговорены к смерти и казнены в результате этих пародий на правосудие, уже дезавуированных (исключительно, нужно уточнить, в совершенно секретной переписке партийной верхушки), но так никогда публично не подвергшихся осуждению. Осторожный П. К. Пономаренко позаботился о том, чтобы вменить в вину инструкции, запустившие волну процессов, не генеральному секретарю Сталину, а «Центральному Комитету» — тому самому Центральному Комитету, 98 из 139 членов которого были за это время арестованы и казнены как «враги народа». Из этого естественным образом следовало, что инициаторами псевдоправосудия были «враги народа»...

Среди самых везучих реабилитированных фигурировали двое из главных обвиняемых в Сычевском процессе: секретарь райкома Красильников и председатель райисполкома Богданов. Приведение в исполнение высшей меры наказания в их отношении было отменено благодаря вмешательству высокопоставленных московских коллег, обратившихся напрямую к прокурору СССР Андрею Вышинскому. Сычевское дело дважды рассматривалось Верховным судом СССР, который в феврале 1938 года кассировал приговор. В ноябре 1938 года в Смоленске состоялись повторные слушания, и Красильников и Богданов были приговорены к году тюремного заключения за злоупотребление служебными полномочиями. Они тут же были освобождены⁶⁰. Это освобождение произошло именно в тот момент, когда

Сталин секретным циркуляром (от 17 ноября 1938 года) положил конец «массовым репрессивным операциям» и осудил «крупнейшие недостатки и извращения» в работе органов НКВД и Прокуратуры. Эти «крупнейшие недостатки» объяснялись следующим образом: «враги народа» «пробрались» в НКВД с целью вывести эту организацию из-под бдительного контроля партии, разложить ее изнутри с целью вести там «подрывную антисоветскую работу». Помимо «потери бдительности», руководство НКВД упрекали в том, что оно «совершенно забросило агентурно-осведомительную работу, предпочитая действовать более упрощенным способом путем практики массовых арестов, не заботясь при этом о полноте и высоком качестве расследования»⁶¹. Все эти «преступные упущения» местных представителей НКВД стали в конце 1938 — начале 1939 годов, после завершения «Большого террора» и увольнения, ареста и казни Ежова, одним из предлогов для чистки тех, кто годом ранее не участвовал в постановке. Учиться педагогике, безусловно, было занятием трудным и рискованным.

Примечания

1. Не менее значимым событием, которым долгое время считали «Большой террор» 1936–38 гг., была «политическая чистка», направленная в первую очередь против «старых большевиков», одновременно являвшаяся масштабной операцией по социальной инженерии, целью которой была ликвидация «социально-опасных элементов».

2. *Fitzpatrick S.* How the Mice buried the Cat: Scenes from the Great Purges of 1937 in the Russian Provinces. *The Russian Review*. Vol. 52 (3), 1993. P. 299–320.

3. Отсюда название статьи, напоминающее о популярном в XVIII веке изображении, представлявшем мышей, танцующих вокруг огромного мертвого кота. Эта гравюра на дереве, созданная в жанре *лубка*, символизировала радость простого народа при известии о смерти Петра Великого.

4. *Fitzpatrick S.* Art. cit. P. 300–302.

5. РГАСПИ. 558/11/57/26.

6. Там же. 558/11/57/71.

7. Там же. 558/11/57/124. Призрак «бактериологического вредительства» постоянно бродил по сочинениям Сталина. См. его знаменитое программное выступление 7 января 1933 года, в котором он развивал теорию, согласно которой, по мере того как СССР движется к социализму, растет «сопротивление умирающих классов», принимая все более ожесточенные формы: единственное, что остается им делать — это пакостить и вредить рабочим, колхозникам, Советской власти, партии. И они пакостят, как только могут, действуя тихой сапой. Поджигают склады и ломают машины. Организуют саботаж. Организуют вредительство в колхозах, совхозах, причем некоторые

из них, в числе которых имеются и кое-какие профессора, в своем вредительском порыве доходят до того, что прививают скотине в колхозах и совхозах чуму, сибирскую язву, способствуют распространению менингита среди лошадей и т. д.» // *Сталин И. В.* Собрание сочинений. Т.13. М., 1952. С. 207–208.

8. История отечества в документах. Т. II. Л. Ларина (ред.). М., 1994. С. 155.

9. РГАСПИ. 558/11/57/55.

10. Для знакомства с другими примерами в совершенно разных областях см. статью «Сталин и его система в 30-е годы» в данном сборнике.

11. Убийство в Варшаве советского посла в Польше Петра Войкова, разрыв дипотношений с Великобританией.

12. РГАСПИ. 558/11/71/29. См. также: *Werth N.* Sur les grands procès en Union soviétique // *E. Le Roy Ladurie* (dir.). *Les Grands Procès politiques*. Paris, 2002. P. 81–99.

13. См.: Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936. М., 1996. С. 191–231; см. также: *Khlevniouk O.* Le Cercle du Kremlin, Staline et le Bureau politique dans les années 1930: les jeux du pouvoir. Paris, 1996. P. 40–54.

14. См. подборку документов в переводе и с комментариями Павла Шинского: *Chinsky P.* Staline. Archives inédites, 1926–1936. Paris: Berg International, 2001.

15. См.: *Werth N.* Sur les grands procès... Art. cit. P. 89–93.

16. *Сталин И. В.* Сочинения. Т. XI. М., 1949. С. 47.

17. РГАСПИ. 558/11/94/32–39. Цит. в: *P. Chinsky.* Op. cit. 121–122.

18. Наиболее известные примеры этой практики — обвинение в «перегибах» и «извращениях» коллективизации и «раскулачивания» местного партийного руководства, у которого «закружилась голова» от успехов (см. знаменитую статью Сталина от 2 марта 1930 г. «Головокружение от успехов»); или же критика «перегибов в массовых арестах колхозников» в секретном циркуляре, направленном Сталиным в областные парторганизации 8 мая 1933 года.

19. Внесудебный орган из трех человек, состоявший из первого секретаря местной парторганизации, главы областного или краевого НКВД и прокурора.

20. Протокол заседания Политбюро, 2 июля 1937 года // РГАСПИ. 17/162/21/89. О происхождении и проведении секретной операции по репрессии «бывших кулаков, преступников и других антисоветских элементов» см. статью «Переосмысление “Большого террора”» в данном сборнике.

21. Соответственно, глава областного НКВД, его заместитель, второй секретарь обкома партии, прокурор области.

22. РГАСПИ. 17/42/251/93.

23. Государственная организация по заготовке зерновых.

24. РГАСПИ. 558/11/57/78. На телеграмме стоят визы «Согласен» и подписи Сталина, Молотова, Кагановича, Ежова.

25. См. в первую очередь постановления Политбюро, принятые в ответ на телеграммы из областных парторганизаций. Так, 21 октября 1937 года Свердловский обком партии предложил провести пять процессов «согласно указаниям ЦК от 2 октября». Тремя днями позже Политбюро постановило: «Одобрить постановление Свердловского обкома о проведении 5 процессов в городах Свердловск, Березники, Невьянск, Красноуфимск, Тагил». См. также служебную записку руководителя Управления НКВД по Оренбургской области Ежову; или постановление Политбюро от 10 октября 1937 года, разрешающее Житомирскому обкому (Украина) организовать три новых процесса в: Трагедия советской деревни, 1927–1939. В. П. Данилов и др. (ред.). Т. V/1. М., 2004. С. 490–498, 487–489.

26. АПРФ. 3/58/389/89/93. Цит. по Данилов В. П. и др. Цит. соч. С. 512–517.

27. Речь идет об «операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», начатой 30 июля 1937 года после принятия Оперативного приказа НКВД № 00447». На языке этих совершенно секретных директив, о существовании которых знали только представители верхушки партруководства и органов госбезопасности «первая категория» означала высшую меру наказания, а «вторая категория» — десятилетний срок заключения в лагерях.

28. Сводка № 29 НКВД СССР о ходе проведения операции № 00447 на 1 января 1938 года в: Данилов В. П. и др. ... Цит. соч. С. 387.

29. См.: *Fitzpatrick S.* Art. cit.

30. В 1938 году они, похоже, были значительно менее многочисленными. Впрочем, в некоторых источниках упоминается о проведении процессов и в этот год (см. письмо А. Андреева Сталину от 11 октября 1938 года, в котором предлагалось провести показательные процессы над «сельскохозяйственными кадрами» в Челябинске в сборнике: Советское руководство. Переписка, 1928–1941. М.: РОССПЭН, 1999. С. 396–397.

31. По этим процессам см. источники, опубликованные в: Данилов В. П. и др. Цит. соч., С. 396–399, 454–471, 489–490; см. также: *Павлова И. В.* Показательные процессы в российской глубинке в 1937 году // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. С. 98–103.

32. Компрометирующие материалы.

33. В 1936 году 20 % колхозов района существовали только на бумаге. Как отмечалось в сообщении, сделанном в октябре 1936 года, большинство трудоспособных мужчин выехало в Кузбасс в надежде найти работу и избежать голода. ...колхозники получали на трудодень всего 600 г ржи, что совершенно недостаточно для того, чтобы прокормить семью. Старики, женщины и дети, оставшиеся в колхозе, уже не выходят работать в поле, 40 % урожая ржи потеряно.

34. Постановление Политбюро от 11 сентября 1937 года. РГАСПИ. 17/162/22/2.

35. Апелляции обвиняемых по процессу, состоявшемуся в Андреевском районе, были опубликованы в: Данилов В. П. и др. Цит. соч. С. 417–437.

36. Письмо Р. Эйхе Сталину «О проведении открытых показательных процессов над врагами народа — вредителями в области сельского хозяйства» от 2 октября 1937 года: Данилов В. П. и др. Цит. соч. С. 483–485.

37. Цит. по: *Павлова И. В.* Цит. соч. С. 99.

38. Цит. по: Там же. С. 101.

39. См. письма Р. Эйхе Сталину от 2 октября 1937, от 20 октября 1937 года (Данилов В. П. и др. Цит. соч. С. 483–485, 489–490); *Попков С. А.* Сталинский террор в Сибири, 1928–1941. Новосибирск, 1997 С. 216–217.

40. Этот образ широко использовался Сталиным во многих выступлениях 1937 года, особенно на пленуме ЦК (25 февраля — 5 марта 1937 года), где Сталин приводил аргументацию, которая в течение следующих 20 месяцев должна была послужить основанием беспрецедентного роста масштабов террора. Заявив, что в стране осуществляются бесчисленные вредительские, шпионские и диверсионные акции, Сталин яростно обрушился на «беспечных, благодушных и наивных руководящих товарищей, пребывающих в чрезвычайном самодовольстве», которые своим бездушным отношением «искусственно порождают большое число недовольных и раздраженных, создавая тем самым резервную армию для троцкистов».

41. См.: *Fitzpatrick S.* Art. cit. P. 306.

42. Данилов В. П. и др. Цит. соч. С. 416–417.

43. Критику «карнавальной» интерпретации Ш. Фитцпатрик см. у Майкла Элмана: *Ellman M.* The Soviet 1937 Provincial Show Trials: Carnival or Terror? *Europe-Asia Studies*. Vol. 53. № 6. P. 1221–1234.

44. О «Кадыйском деле» писал в том числе Александр Солженицын, посвятивший ему много страниц своей книги «Архипелаг Гулаг». В качестве источников Солженицын пользовался устными свидетельствами отбывавших вместе с ним наказание в ИТЛ. К сожалению, в Ивановском областном архиве не имеется в наличии ни одного архивного документа об этом эпизоде.

45. Крестьянская правда. 3 сентября 1937. С. 2. Цит. по: *Fitzpatrick S.* Art. cit.

46. См.: *Werth N., Moullec G.* Rapports secrets soviétiques. La société russe dans les documents confidentiels, 1921–1991. Paris: Gallimard, 1995. P. 90–91; *Davies S.* Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 124–133.

47. *Ellman M.* The Soviet 1937–1938 Provincial Show Trials Revisited. *Europe-Asia Studies*. Vol. 55. № 8. P. 1306.

48. Об Алешкинском процессе см.: Данилов В. П. и др. Цит. соч. С. 439–434.

49. *Solomon P.* Soviet Criminal Justice under Stalin. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 246–247.

50. Сычевский процесс стал предметом исследования Роберты Маннинг «Политический террор как политический театр». См.: Данилов В. П. и др. Цит. соч. С. 51–70.

51. В качестве оправдания своих действий председатель райисполкома приводил тот факт, что новая Конституция, принятая в 1936 году, устраняла

все виды дискриминации и давала всем советским гражданам равные права, в том числе право голоса (которого до тех пор были лишены многие категории населения, включая «кулаков»).

52. Дабы сохранить видимость «внутренней демократии» в партийных рядах, вышестоящие инстанции предпочитали, чтобы организации среднего звена (на районном уровне) или низовые партийейки сами исключали руководителей, представших перед судом. В случае с тремя представителями руководства Сычевского района — секретарем парткома Красильниковым, председателем райисполкома Богдановым, районным прокурором Кудрявцевым — коммунисты района, собиравшиеся 27 июня и 23 августа 1937 года, отказались исключать своих руководителей из партии. Лишь по итогам третьего внеочередного заседания, состоявшегося 26 августа в присутствии областного руководства, специально прибывшего из Смоленска, коммунисты района согласились на освобождение своих руководителей от обязанностей, в то же время не доходя до исключения их из партии. Те были исключены — факт совершенно непривычный — обкомом (5 сентября 1937 года), см.: *Маннинг Р.* Цит. соч. С. 62.

53. В своем исследовании, упомянутом в прим. 50.

54. С декабря 1932 года с введением «внутренних паспортов» для горожан, проживавших в некоторых так называемых «закрытых» городах (Москва, Ленинград, Киев, Харьков, Одесса, Минск и т. д.), всем элементам, сочтенным «нежелательными» (от уголовников до социальных групп, принадлежавших к категории «бывших» — духовенства, элиты старого режима, включая бывших членов политических партий, находившихся в оппозиции к большевикам, такие как эсеры или меньшевики, не говоря уже о бывших коммунистах, исключенных из партии), отказали в выдаче паспорта и запретили проживать в закрытых городах. Они могли устроиться в «открытых городах» (там получить паспорт было значительно легче) или в сельской местности, где не было никаких ограничений режиму проживания.

55. Сообщение начальника УНКВД Западной области Каруцкого Н. Ежову от 1 августа 1937 года в: Данилов В. П. и др. Цит. соч. С. 338–339.

56. *Маннинг Р.* Цит. соч. С. 58.

57. *Маннинг Р.* Цит. соч. С. 56.

58. То есть избежавшие коллективизации. В 1937 году оставалось около 6% крестьян, еще не вступивших в колхоз.

59. *Адамушка У.* Палітычныя рэпрэсіі 20–50-ых гадоў на Беларусі. Мінск, 1994. С. 59; *Ellman M.* Op. cit. Прим. 47. С. 1306.

60. *Маннинг Р.* Цит. соч. С. 67–68.

61. РГАСПИ. 17/3/1003/85–87.

ГЛАВА 14

Признание в больших сталинских процессах*

«Один из самых волнующих вопросов для человеческого разума» — так Борис Суварин характеризовал публичные признания большевистских руководителей из старой гвардии — Каменева, Зиновьева, Евдокимова, Пятакова, Радека, Серебрякова, Сокольникова, Бухарина, Рыкова, Крестинского и др — в ходе трех политических процессов, состоявшихся в Москве в августе 1936, январе 1937 и марте 1938 годов.

Установлено, что признания были ритуалом, не имеющим отношения к виновности, но что за ними скрывалось, что они должны были выразить? Со времен московских процессов выдвигались многочисленные гипотезы, на основе которых появилось множество работ по практике признания в коммунистических системах. Этот сюжет широко обсуждался и по-разному интерпретировался писателями, очеркистами, философами, политологами, историками, политиками. Среди них — такие разные как Борис Суварин, Лев Троцкий, Артур Кестлер, Морис Мерло-Понти, Александр Вайсберг, Артур Лондон, Роберт Конквест, Анни Кригель — и это только основные авторы, рассуждавшие о механизмах признания¹. В глобальном смысле, если рассматривать даты появления наиболее примечательных работ, посвященных анализу этой проблемы, очевидно, что она вызвала наибольший интерес в два периода: непосредственно во время московских процессов или сразу после (конец 30-х годов), в конце 60 — начале 70-х годов (с 1968 года, года «Пражской весны» и выхода «Признания» Артура Лондона, по 1974, когда вышел «Архипелаг Гулаг», поколебавший сложившийся образ СССР). Примечательно, что когда в начале 1950-х годов в странах народной демократии, шла вторая волна больших открытых процессов над коммунистической верхушкой вопрос признаний почти не

* L'aveu dans les grands procès staliniens // R. Dulong (dir.). L'aveu. Paris: PUF, 2001, P. 155–175.

вызвал комментариёв. «Эффект Сталинграда», без сомнения, объясняет, как отмечала Анни Кригель в 1972 году, «значительный спад дискуссий и полемики... с точки зрения способности приблизиться к истине, появившейся сегодня». С 1972 года, когда Анни Кригель написала *«Большие процессы в коммунистических системах»*, глубокое эссе, которое не устарело до сих пор, проблема признания не стала предметом новых исследований. Открытие архивных фондов бывшего СССР, особенно личных фондов руководителей страны и стенограмм пленумов ЦК, позволило получить доступ к некоторым важным документам, в первую очередь к выступлениям с самокритикой при закрытых дверях в «первом круге» руководства, а также к переписке Сталина, Бухарина, Молотова, Ворошилова, Кагановича и др. Эти документы проливают свет на жизненный путь части большевистских руководителей, который завершился публичным признанием их мифических преступлений, что стало завершающим, последним этапом долгого политического ритуала, ключевыми моментами которого были анкеты с автобиографией, опросы партийных комиссий во время «чисток» и «проверок», критика и самокритика. Впрочем, в настоящее время не имея полного доступа к делам обвиняемых в больших московских процессах невозможно, опираясь на документы, восстановить все этапы этого бесконечного падения в преисподнюю. Остается еще много белых пятен. Шесть писем, написанных с конца августа 1936 года до 10 декабря 1937 года Николаем Бухариным², главным обвиняемым третьего московского процесса, обогащают многотомное дело того, о ком Ленин писал в своем «Завещании»: «Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии». Эти письма позволяют передать нюансы аргументов историков — исследователей проблемы признания в коммунистической политической практике; в более широком смысле они подчеркивают проницательность авторов лучших работ на эту тему, написанных задолго до открытия советских архивов.

Один из первых, Фридрих Адлер, с 1936 года задавал множество вопросов о природе признаний. Он подчеркивал, в первую очередь, что у этого ведовского процесса имелись известные прецеденты: «в средние века суды инквизиции получали тысячи признаний обвиняемых в том, что они были в связи с дьяволом, заключали с ним договор и на основании этого договора получали колдовскую силу»³. Замечание здравое, но можно ли сравнивать то, что несопоставимо? Признания людей Средневековья после пытки, являвшиеся для них

знаком свыше, и признания марксистов, материалистов, атеистов в 30-е годы в Советском Союзе?

Для Троцкого, посвятившего множество статей вопросу признаний, представлялось важным «не забывать ни на минуту, что эти самые подсудимые уже многократно каялись и делали чистосердечные признания в течение предшествующих лет». Десять лет капитуляции привели к тому, что большая часть обвиняемых не видела другого выхода, кроме «полной и безусловной покорности, кроме окончательной прострации перед мучителями, кроме истерической готовности произносить все слова и проделывать все жесты, какие им диктует палач»⁴. Согласно Троцкому, Радек был наиболее законченным воплощением «деморализованного большевика, опустошенного истерика, который не остановится ни перед какой гнусностью». Во время процесса (он был одним из двух обвиняемых, спасших себе жизнь) он дошел до того, что, заключив сделку со Сталиным, вел следствие против самого себя⁵! На этот троцкистский тезис можно возразить, что далеко не все обвиняемые в московских процессах были «ренегатами». Так, Муралов, близкий друг Троцкого, никогда до своего ареста публично не осуждал троцкизм. Другие троцкисты, Смирнов и Серебряков, также «капитулировали» сдержанно, не отрицая свои прошлые обязательства.

Борис Суварин считал, что признания объясняются не только заявлениями об отречении от своих взглядов, которые навязывались «старым большевикам», но в еще большей степени общей практикой лживости политической жизни. Эта практика уничтожила у обвиняемых моральные принципы и силы, которые могли бы заставить отказаться от признания. «Единственное, что достоверно, — по мнению Суварина, — в этих процессах, полных фальсификаций, это то, что лгут все: и прокурор, и его жертвы. Ложь — их неотъемлемая черта, их привычка, их вторая натура»⁶. Причина этого, опять таки по мнению Суварина, заключалась в революционной аморальности, которую задолго до большевиков проповедовали Нечаев и Бакунин: «Большевики унаследовали это мировоззрение, — писал Суварин, — и приспособили его к своим нуждам и своему времени. Для них мир делится надвое: партия и все остальное. Быть исключенным из партии равносильно быть изгнанным с планеты. Чтобы в ней остаться, они готовы унижаться, публично бить себя в грудь, доносить друг на друга, выражать полную покорность... чтобы начать, как только возможно, снова хитрить»⁷.

Спустя два года, после того как Суварин сделал эти справедливые замечания, Артур Кестлер в своем знаменитом романе *«Ноль»*

и *бесконечность*» популяризовал свое понимание проблемы, ставшее общепринятым вплоть до 1960-х годов. Согласно Кестлеру представитель старой ленинской гвардии (герой книги Рубашев, прототипом которого, несомненно, выступил Николай Бухарин), уязвленный отходом от революционного учения и несовершенством политической практики, полностью изолированный от внешнего мира, но по-прежнему не разочаровавшийся в целях революции, решил, наконец, на признание как на последнюю жертву, которую от него потребовали принести во имя высших партийных интересов. С этой точки зрения признания были лишь высшей формой преданности делу.

В поддержку этого тезиса часто приводили знаменитую цитату из последнего выступления Бухарина на третьем московском процессе: «Я около 3 месяцев заперся. Потом я стал давать показания. Почему? Причина этому заключалась в том, что в тюрьме я переоценил все свое прошлое. Ибо, когда спрашиваешь себя: если ты умрешь, во имя чего ты умрешь? И тогда представляется вдруг с поразительной яркостью абсолютно черная пустота. Нет ничего, во имя чего нужно было бы умирать, если бы захотел умереть, не раскаявшись. И, наоборот, все то положительное, что в Советском Союзе сверкает, все это приобретает другие размеры в сознании человека. Это меня в конце концов разоружило окончательно, побудило склонить свои колени перед партией и страной»⁸.

В «*Гуманизме и терроре*», вышедшем в 1947 году, Мерло-Понти взял на вооружение, дополнив их новыми нюансами, тезисы Кестлера. По его мнению, ключ к признанию необходимо было искать как раз в марксистском восприятии мира, в «исторической диалектике, по Бухарину», в трагическом разрыве между судьбой, выбором революционера и политической целесообразностью: «Трагедия достигает апогея для оппозиционера, убежденного, что революционное руководство ошибается. Таким образом, речь идет не просто о роке — внешней силе, которая ломает волю — но о настоящей трагедии — о человеке, борющемся с внешними силами, чьим тайным сообщником он является — потому что оппозиционер не может сделать ничего ни для, ни против власти. Вывод: речь идет уже не о конфликте человека с миром, а человека с самим собой. Вот и весь секрет московских признаний»⁹.

Этот подход был подвергнут суровой критике с разных сторон. По мнению Пьера Бруэ, даже если «это объяснение выглядит солиднее объяснения Кестлера, ибо капитуляция эта одновременно и желание оказать партии последнюю услугу и настоящая сделка,

поскольку ссылки обвиняемых на свою революционное прошлое рассеяны по всем страницам протокола»¹⁰, Мерло-Понти сам стал жертвой исторической диалектики. «Работая над своей книгой сразу же после Второй мировой, когда СССР купался в лучах славы победителя в Сталинградской битве, он объявил, что предпочитает “тот СССР, который лукавит с историей, сохраняет свое существование и останавливает немцев, тому СССР, который придерживается своей пролетарской линии и гибнет в войне, оставляя будущим поколениям исторический пример и как минимум 50 лет нацистского режима”. Именно эту дилемму ставили полицейские перед старыми революционерами, чтобы добиться их признаний. Как тут не прийти к выводу о том, что Мерло-Понти сам попал в ловушку?»¹¹

Для Анни Кригель тема противоречивости истории «сама по себе противоречива. Применительно к такому конкретному случаю как данные процессы, она 20 лет спустя, — пишет Кригель в 1972 году, — является лишь блестящим стилистическим упражнением, основанным на достаточно правдоподобных рассуждениях, повторение которых могло унять беспокойство западных “попутчиков”»¹².

Именно Анни Кригель (мнение которой в этом вопросе разделяли такие разные историки как Роберт Конквест, Роберт Таккер или Стивен Коэн, биограф Бухарина¹³) мы обязаны самой радикальной критикой тезиса Кестлера о «стихийном революционном самопожертвовании». Слабость этого тезиса, пишет она, двояка: «он связывает признание с силой революционной веры; он приписывает инициативу признания самому обвиняемому»¹⁴. Этот второй пункт, безусловно, самое слабое звено в логической цепочке Кестлера. Что касается первого — связи между признанием и силой веры в революцию, — утверждение Анни Кригель выглядит парадоксальным: на самом деле, одна из сильных сторон ее аргументации — роль вездесущей партии как объекта настоящей фетишизации — исследование структуры личностей, совершавших признание.

Блестящий анализ Анни Кригель развивается в трех аспектах-направлениях. Во-первых, она показывает, что признания демонстрировали эффективность комбинации методов физического и психологического давления, «передававшихся и совершенствовавшихся в ходе долгого практического опыта». Здесь существенно важен фактор времени: в течение нескольких месяцев, а иногда лет, предшествующих аресту, намеченное лицо превращается в подозреваемого, его обсуждают в прессе (если это лицо высокопоставленное), переводят на более низкую должность; он видит, как его

сотрудники понемногу начинают избегать его в повседневной жизни. Постепенно нарастает неуверенность в себе; «в ход пускаются все возможные знаки, доступные пониманию заинтересованного лица и его окружения»¹⁵. «Флюиды подозрения», как пишет Бухарин Молотову, постепенно ослабляют социальные связи жертвы, которая «уже не понимает, на какой планете» она живет, которая чувствует, как постепенно «вязнет в паутине клеветы»¹⁶. Заключение предшествует очень долгий период ожидания и неуверенности, пока жертва, сходящая с ума от страха, находясь в состоянии «полубытия»¹⁷, не примет с облегчением свой арест в надежде получить, наконец, доступ к делу. Будучи в тюрьме, жертва в течение месяцев, а то и больше года подвергается искусно рассчитанному физическому и психологическому давлению. Лишение сна (пытка, на жаргоне органов — «цепочка» или «конвейер»), иногда физические пытки, бесконечные допросы, угрозы в отношении членов семьи, как правило, также арестованных, разрыв отношений с «товарищами», ставшими врагами (подсудимые яростно боролись друг с другом с помощью своих признаний) — масса факторов вносила разлад в душевную организацию обвиняемого. Раздавленные физически и психически люди: так они выглядели, когда, наконец, после бесконечного следствия появлялись в зале суда. Большая часть иностранных наблюдателей, приглашенных на спектакль, обращала внимание на «отсутствующий вид» подсудимых, которые, как писал корреспондент «Матен», носили «маску полного безразличия и почти нечеловеческой отрешенности», настолько, что некоторые не преминули выдвинуть гипотезу, согласно которой обвиняемые находились под воздействием наркотиков¹⁸. Последнее средство давления должно было обеспечить правильное течение процесса: взятие в заложники членов семьи обвиняемых, которым угрожала немедленная ликвидация в случае, если обвиняемый не сыграет свою роль до конца. Возможно, именно угроза, висевшая над молодой женой и новорожденным ребенком Бухарина, на семьях Зиновьева и Каменева, дочери Смирнова и дочери Крестинского, если приводить только самые известные примеры¹⁹, сыграла роль в их полной капитуляции. Наконец, как не прийти к мысли о том, что согласие на сделку «жизнь в обмен на признания» было тем риском, на который стоило пойти, хотя при этом не давалось никаких гарантий?

Исследование причин, приведших к признанию, разумеется, не может ограничиваться только учетом этих технологий физического и психологического давления, общих для всех террористических сис-

тем. Необходимо, как это сделала Анни Кригель, перейти ко второму аспекту: изучению специфического коммунистического контекста. Следователи должны были затронуть три наиболее чувствительные для большевистских руководителей струны: чувство вины, рвение, жажда мести²⁰, играя на особенностях их душевного склада, характеризовавшегося фетишизацией партии и восхищением Сталиным, воплощавшем в себе партию, творившую историю, против которой выступать никто не мог. Даже будучи убежденным в своей невинности, обвиняемый подчинялся «всемирно-историческим задачам», стоящим перед партией²¹. Судебная ошибка, которая бьет по «жалкой персоне» обвиняемого, всего лишь, как писал Бухарин Ворошилову, «*sub speciae historiae* ... литературный сюжет»²².

В письме Бухарина, процитированном в приложении, очевидно стремление обвиняемого признать свою мнимую виновность, которая выходит далеко за пределы конкретных деяний, в которых его обвиняют. Это широко распространенное стремление побудило Анни Кригель воспользоваться методами психоанализа, упомянуть «мощное сверх-я» лиц, «у которых неосознанно растет глубокое чувство вины, как только они вступают в конфликт с партией»²³. Цитируя Родольфа Левенштейна («эти люди, не виновные в поступках, которые им инкриминировали, но, несмотря на это, испытывавшие чувство вины», в действительности считали себя ответственными, «если не в других преступлениях, то, по крайней мере, в предсудительном намерении совершить те деяния, в которых их незаконно обвиняли», причем настолько, что это препятствовало их сопротивлению обвинению»²⁴), Анни Кригель указала на ограниченность средств историка, изучающего выступления обвиняемых на открытых сталинских процессах. Письма Бухарина, в особенности последнее, безусловно, также заслуживают аналитического подхода.

Источник чувства вины, достигшего апогея, — возведение партии в ранг единственной меры всех ценностей. Вина, грех (именно к таким терминам прибегает Бухарин в своих письмах) это отклонение от генеральной линии, потеря бдительности перед лицом «двурушников», проникших в партию, «предательство» по отношению в Сталину. С красноречивыми цитатами из Пятакова и Троцкого по поводу этих хорошо известных реалий²⁵, перекликается объяснение, о причине беспрекословного авторитета Сталина в большевистском руководстве которое Н. Бухарин дал лидеру меньшевиков Ф. Дану во время своего последнего путешествия за границу весной 1936 года. Своему собеседнику, который спросил его, почему

он доверяет тому, о ком говорит со страхом и отвращением, тому, которого сам только что назвал «маленьким злым человеком» и «дьяволом», Бухарин ответил: «Не ему доверено, а человеку, которому доверяет партия; вот уж так случалось, что он вроде как символ партии, низы, рабочие, народ верят ему, может, это и наша вина, но так это произошло, вот почему мы все и лезем к нему в хайло... зная наверняка, что он пожрет нас. И он это знает и только выбирает более удобный момент»²⁶.

«Дух соперничества» и «жажда мести» — другие мотивы обвиняемых во время их долгого пути от отрицания вины к признанию — ярко проявляются в письме Бухарина, процитированном в приложении. «Исключение из партии — конец жизни»: чтобы вернуться в один из кругов власти, пусть даже самый скромный, отвоевать привилегированный статус партийного бойца, обвиняемый готов на ответственные задания, готов «бить морду Троцкому и К°»²⁷. Перечисление своих заслуг, желание разоблачать «двурушников», стремление предвосхитить возможные вопросы следователей, роясь в собственном прошлом, в своем кругу знакомств в поисках того, что может или могло *не соответствовать*, — все это выражает смятение людей, находящихся в абсолютном одиночестве после разрыва всех связей с товарищами: как с теми, кто продолжал придерживаться генеральной линии, так и с теми, кто признал свои злодеяния.

В более глубоком смысле это отношение коренится в политической культуре. Это третий аспект анализа Анни Кригель; этой проблеме была посвящена серия работ о коммунистических ритуалах. Среди последних в первом ряду стоят анкеты с автобиографией, опросы «комиссий по чистке и проверке», самокритика. Эти ритуалы «готовят почву» для признания, поскольку предрасполагают обвиняемого к тому, чтобы он перестроил отношение к самому себе с точки зрения своей виновности, привел свою внутреннюю правду в соответствие с официальной истиной, одним словом, как сказал Бухарин в своем последнем слове, «пересмотрел все свое прошлое»²⁸.

Стенографические отчеты о пленумах ЦК — январского 1933²⁹, декабрьского 1936³⁰ и февральско-мартовского 1937 годов³¹ (по итогам которого было передано на рассмотрение НКВД дело Бухарина и Рыкова, бывших лидеров так называемой «правой» оппозиции) содержат поучительные пассажи, касающиеся ритуала самокритики в правящей верхушке. В отличие от большинства руководителей, которые согласились выступить с самокритикой, Бухарин, так же, как до него Енукидзе, отказался подчиниться ритуалу как в ходе де-

кабрьского пленума 1936 года, так и во время февральско-мартовского пленума 1937 года. Переписка Бухарина с другими членами Политбюро выявляет серьезные различия между юридической и политической виновностью обвиняемого³². Бухарина, отвергавшего обвинения главы НКВД Николая Ежова в участии в троцкистско-зиновьевской террористической организации, коллеги упрекали прежде всего за то, что он не признавал свою виновность в этом деле, отказывался признавать, что на протяжении многих лет доказывал свое политическое лицемерие, что он отказывался от самокритики, не хотел «политически очиститься», как сказал Сталин, от «грязи, в которую упал». Молотов открыто обвинял Бухарина в том, что он ведет себя «как самоадвокат», когда тот пытался доказать, что не имел никаких связей с «троцкистами-зиновьевцами». Юридическая сторона вопроса не интересует верхушку, заседающую при закрытых дверях; этот аспект вторичен; когда Бухарин объясняет, обращаясь к фактам, что не встречался с троцкистами, когда он указывает на противоречивость позиции своих обвинителей, когда он — опять таки при помощи фактов — опровергает предъявленные ему обвинения, коллеги по Политбюро отвечают ему, что «факты ничего не доказывают», ибо Бухарин «политически смердит». «Ты политический лицемер, — говорит ему Молотов, — и мы сейчас юридически докажем это лицемерие»³³.

Когда, наконец, по истечении года Бухарин вынужденно решается не только на самокритику, но и на признание, это совершенно сломленный человек, который унижается перед Сталиным, одобряя «большую и смелую политическую идею генеральной чистки», признавая, что он должен «искупить» свой «первородный грех» — имевшую место оппозицию к Сталину, умоляя палач даровать ему менее мучительную смерть и не поминать лихом... Но, тем не менее, напоминает, что у него еще достаточно разума, чтобы отличить ритуал от правды:

«Чтобы не было никаких недоразумений, я с самого начала говорю тебе, что для мира (общества) я

1) ничего не собираюсь брать назад из того, что я понаписал;

2) я ничего в этом смысле (и по связи с этим) не намерен у тебя ни просить, ни о чем не хочу умолять, что бы сводило дело с тех рельс, по которым оно катится. Но для твоей личной информации я пишу [...]»

«Стоя на краю пропасти, из которой нет возврата, я даю тебе предсмертное честное слово, что я невиновен в тех преступлениях, которые я подтвердил на следствии [...]»

«Мне не было никакого “выхода”, кроме как подтвердить обвинения и показания других и развивать их: либо иначе выходило бы, что я “не разоружаюсь”» [...]»³⁴

Как и некоторые другие обвиняемые, которых вынудили к «признанию» после долгого сопротивления, Бухарин попытался, несмотря ни на что, во время показательного процесса донести до мира свое последнее послание. Часто с трудом поддающееся расшифровке, оно должно было показать сколько-нибудь проницательному уму всю нелепость признаний. При прочтении стенографических отчетов заседания суда замечаешь, что между прокурором и обвиняемым периодически разворачивается любопытный диалог с подтекстом, намекающим на правила тайной игры, на которые покушается одна из сторон. Различные формы сопротивления, использовавшиеся обвиняемыми, были описаны в одной уже достаточно давней работе³⁵. Мы не будем подробно на них останавливаться. Самую блестящую тактику защиты выбрали Рыков и Бухарин: они согласились взять на себя «всю моральную ответственность» за деяния, в которых их обвиняли, но отрицали свое конкретное участие в них, как только прокурор А. Вышинский пытался переходить к фактам. Так, когда Рыкова спросили о переговорах «право-троцкистского блока» с нацистами и о проектах «расчленения» СССР, тот утверждал, что не уточнял в ходе переговоров, какие именно регионы отойдут Германии — а это утверждение делало абсурдным весь инкриминируемый ему эпизод. Бухарин, со своей стороны, охарактеризовал «блок» так, что это практически исключало сам факт его существования: «это была неоформленная организация, она оформилась только в этом контактном центре. Поэтому совершенно естественно, что тут ни мандатов, ни представительства в общей организации не было»³⁶. Пятаков и Серебряков также, хотя и менее систематически, прибегали к этому типу «защиты». Когда Пятакова спросили об инструкциях по вредительству, которые он давал своим коллегам, тот объяснил, что не мог вдаваться в детали и давал их в «общем виде, без конкретики...»³⁷. Когда от Серебрякова потребовали изложить содержание разговора с обвиняемым по поводу подготовки теракта против Сталина, Серебряков ответил, что если этот разговор и имел место, то «только в самом общем виде»³⁸.

На протяжении всего процесса намеки и недоговоренности напоминали об истинной природе признаний, понять которую сегодня мы можем благодаря документам, в первом ряду которых письма Николая Бухарина, написанные до и во время заключения с лета 1936 года по конец 1937 года. Последнее, безусловно, самое примечательное.

Приложение Письмо Бухарина³⁹

Весьма секретно, 10 декабря 1937 г.
Лично

Прошу никого другого без разрешения И. В. Сталина не читать⁴⁰

И. В. Сталину

Иосиф Виссарионович!

Пишу это письмо как, возможно, последнее, предсмертное, свое письмо. Поэтому прошу разрешить мне писать его, несмотря на то, что я арестант, без всякой официальнойщины, тем более что я его пишу только тебе, и самый факт его существования или несуществования целиком лежит в твоих руках...

Сейчас переворачивается последняя страница моей драмы и, возможно, моей физической жизни. Я мучительно думал, браться ли мне за перо или нет, — я весь дрожу сейчас от волнения и тысячи эмоций и едва владею собой. Но именно потому, что речь идет о пределе, я хочу проститься с тобой заранее, пока еще не поздно, и пока пишет еще рука, и пока открыты еще глаза мои, и пока так или иначе функционирует мой мозг.

Чтобы не было никаких недоразумений, я с самого начала говорю тебе, что для мира (общества) я

- 1) ничего не собираюсь брать назад из того, что я понаписал;
- 2) я ничего в этом смысле (и по связи с этим) не намерен у тебя ни просить, ни о чем не хочу умолять, что бы сводило дело с тех рельс, по которым оно катится. Но для твоей личной информации я пишу. Я не могу уйти из жизни, не написав тебе этих последних строк, ибо меня обуревают мучения, о которых ты должен знать:

1. Стоя на краю пропасти, из которой нет возврата, я даю тебе предсмертное честное слово, что я невиновен в тех преступлениях, которые я подтвердил на следствии.

2. Перебирая все в уме, насколько я способен, я могу, в дополнение к тому, что я говорил на пленуме⁴¹, лишь отметить:

а) что когда-то я от кого-то слышал о выкрике, кажется, Кузьмина⁴², но никогда не придавал этому никакого серьезного значения — мне и в голову не приходило;

в) что о конференции, о которой я ничего не знал (как и о рютинской платформе⁴³), мне бегло, на улице, post factum, сказал Айхен-

вальд («ребята собирались, делали доклад»), — или что-то в таком роде, и я тогда это скрыл, пожалев «ребят»;

с) что в 1932 году я двурушничал и по отношению к «ученикам», искренне думая, что я их приведу целиком к партии, а иначе оттолкну. Вот и все. Тем я очищаю свою совесть до мелочей. Все остальное или не было или, если было, то я об этом не имел никакого представления.

Я на пленуме говорил, таким образом, сущую правду, только мне не верили. И тут я говорю абсолютную правду: все последние годы я честно и искренно проводил партийную линию и научился по-умному тебя ценить и любить.

3) Мне не было никакого «выхода», кроме как подтверждать обвинения и показания других и развивать их: либо иначе выходило бы, что я «не разоружаюсь».

4) Кроме внешних моментов и аргумента 3) (выше), я, думая над тем, что происходит, соорудил примерно такую концепцию:

Есть какая-то большая и смелая политическая идея генеральной чистки а) в связи с предвоенным временем, б) в связи с переходом к демократии. Эта чистка захватывает а) виновных, б) подозрительных и с) потенциально подозрительных. Без меня здесь не могли обойтись. Одних обезвреживают так-то, других — по-другому, третьих — по-третьему. Страхочным моментом является и то, что люди неизбежно говорят друг о друге и навсегда поселяют друг к другу недоверие (сужу по себе: как я озлился на Радека, который на меня натрепал! а потом и сам пошел по этому пути...). Таким образом, у руководства создается полная гарантия.

Ради бога, не пойми так, что я здесь скрыто упрекаю, даже в размышлениях с самим собой. Я настолько вырос из детских пеленок, что понимаю, что большие планы, большие идеи и большие интересы перекрывают все, и было бы мелочным ставить вопрос о своей собственной персоне наряду с всемирно-историческими задачами, лежащими прежде всего на твоих плечах⁴⁴.

Но тут-то у меня и главная мука, и главный мучительный парадокс.

5) Если бы я был абсолютно уверен, что ты именно так и думаешь, то у меня на душе было бы много спокойнее. Ну, что же! Нужно, так нужно. Но поверь, у меня сердце обливается горячей струей крови, когда я подумаю, что ты можешь верить в мои преступления и в глубине души сам думаешь, что я во всех ужасах действительно виновен. Тогда что же выходит? Что я сам помогаю лишаться ряда людей (начиная с себя самого!), то есть делаю заведомое зло! Тогда это ни-

чем не оправдано. И все путается у меня в голове, и хочется на крик кричать и биться головой о стенку: ведь я же становлюсь причиной гибели других. Что же делать? Что делать?

6) Я ни на йоту не злобствую и не ожесточен. Я — не христианин. Но у меня есть свои странности. Я считаю, что несу расплату за те годы, когда я действительно вел борьбу⁴⁵. И если хочешь уж знать, то больше всего меня угнетает один факт, который ты, может быть, и позабыл: однажды, вероятно, летом 1928 года, я был у тебя, и ты мне говоришь: знаешь, отчего я с тобой дружу: ты ведь неспособен на интригу? Я говорю: Да. А в это время я бегал к Каменеву («первое свидание»). Хочешь верь, хочешь не верь, но вот этот факт стоит у меня в голове, как какой-то первородный грех для иудея. Боже, какой я был мальчишка и дурак! А теперь плачу за это своей честью и всей жизнью. За это прости меня, Коба. Я пишу и плачу. Мне ничего уже не нужно, да ты и сам знаешь, что я скорее ухудшаю свое положение, что позволяю себе все это писать. Но не могу, не могу просто молчать, не сказав тебе последнего «прости». Вот поэтому я и не злоблюсь ни на кого, начиная с руководства и кончая следователями, и у тебя прошу прощенья, хотя я уже наказан так, что все померкло, и темнота пала на глаза мои.

7) Когда у меня были галлюцинации, я видел несколько раз тебя и один раз Надежду Сергеевну⁴⁶. Она подошла ко мне и говорит: «Что же это такое сделали с Вами, Н. И.? Я Иосифу скажу, чтобы он Вас взял на поруки». Это было так реально, что я чуть было не вскочил и не стал писать тебе, чтоб... ты взял меня на поруки! Так у меня реальность была перетасована с бредом. Я знаю, что Н. С. не поверила бы ни за что, что я злоумышлял против тебя, и даром подсознательное моего несчастного «я» вызвало этот бред. А с тобой я часами разговаривал... Господи, если бы был такой инструмент, чтобы ты видел всю мою расклеванную и истерзанную душу! Если б ты видел, как я внутренне к тебе привязан, совсем по-другому, чем Стецкие и Тали!⁴⁷ Ну, да это «психология» — прости. Теперь нет ангела, который отвел бы меч Авраамов, и роковые судьбы осуществляются!

8) Позволь, наконец, перейти к последним моим небольшим просьбам:

а) мне легче тысячу раз умереть, чем пережить предстоящий процесс: я просто не знаю, как я совладаю сам с собой — ты знаешь мою природу; я не враг ни партии, ни СССР, и я все сделаю, что в моих силах, но силы эти в такой обстановке минимальны, и тяжкие чувства поднимаются в душе; я бы, забыв стыд и гордость, на коленях умолял бы, чтобы не было этого. Но это, вероятно, уже невозможно, я бы

просил, если возможно, дать мне возможность умереть до суда, хотя я знаю, как ты сурово смотришь на такие вопросы;

в) если меня ждет смертный приговор, то я заранее тебя прошу, заклинаю прямо всем, что тебе дорого, заменить расстрел тем, что я сам выпью в камере яд (дать мне морфию, чтоб я заснул и не просыпался). Для меня этот пункт крайне важен, я не знаю, какие слова я должен найти, чтобы умолить об этом, как о милости: ведь политически это ничему не помешает, да никто этого и знать не будет. Но дайте мне провести последние секунды так, как я хочу. Сжальтесь! Ты, зная меня хорошо, поймешь. Я иногда смотрю ясными глазами в лицо смерти, точно так же, как знаю хорошо, что способен на храбрые поступки. А иногда тот же я бываю так смятен, что ничего во мне не остается. Так если мне суждена смерть, прошу о морфийной чаше. *Молю об этом...*

с) прошу дать проститься с женой и сыном. Дочери не нужно: жаль ее слишком будет, тяжело, так же, как Наде и отцу. А Анята. — молодая, переживет, да и мне хочется сказать ей последние слова. Я просил бы дать мне с ней свидание до суда. Аргументы таковы: если мои домашние увидят, в чем я *сознался*, они могут покончить с собой от неожиданности. Я как-то должен подготовить к этому. Мне кажется, что это в интересах дела и в его официальной интерпретации;

д) если мне будет сохранена, паче чаяния, жизнь, то я бы просил (хотя мне нужно было бы поговорить с женой):

*) либо выслать меня в Америку на п лет. Аргументы за: я провел бы кампанию *по процессам*, вел бы смертельную борьбу против Троцкого, перетянул бы большие слои колеблющейся интеллигенции, был бы фактически Анти-Троцким, и вел бы это дело с большим размахом и прямо с энтузиазмом; можно было бы послать со мной квалифицированного чекиста и, в качестве добавочной гарантии, на полгода задержать здесь жену, пока я на деле не докажу, как я бью морду Троцкому и К° и т. д.⁴⁸;

***) но если есть хоть атом сомнения, то выслать меня хоть на 25 лет в *Печору* или *Колыму*, в лагерь: я бы поставил там университет, краеведческий музей, технич. станции и т. д., институты, картинную галерею, этнограф-музей, зоо- и фито-музей, журнал лагерный, газету. Словом, повел бы пионерскую зачинательскую культурную работу, поселившись там до конца дней своих с семьей. Во всяком случае, я заявляю, что работал бы где угодно, как сильная машина.

Однако, по правде сказать, я на это не надеюсь, ибо самый факт изменения директивы февральского пленума говорит за себя (а я ведь вижу, что дело идет к тому, что не сегодня-завтра процесс).

Вот, кажется, все мои последние просьбы (еще: *философская работа*, оставшаяся у меня, — я в ней сделал много полезного).

Иосиф Виссарионович! Ты потерял во мне одного из способнейших своих генералов, тебе действительно преданных. Но это уж прошлое. Мне вспоминается, как Маркс писал о Барклае-де-Толли, обвиненном в измене, что Александр I потерял в нем зря такого помощника. Горько думать обо всем этом. Но я готовлюсь душевно к уходу от земной юдоли, и нет во мне по отношению ко всем вам и к партии, и ко всему делу — ничего, кроме великой, безграничной любви. Я делаю все человечески возможное и невозможное. Обо всем я тебе написал. Поставил все точки над *i*. Сделал это *заранее*, так как совсем не знаю, в каком буду состоянии завтра и послезавтра etc.

Может быть, что у меня, как у неврастеника, будет такая универсальная апатия, что и пальцем не смогу пошевелить.

А сейчас, хоть с головной болью и со слезами на глазах, все же пишу. Моя внутренняя совесть чиста перед тобой теперь, Коба. Прошу у тебя последнего прощенья (душевного, а не другого). Мысленно поэтому тебя обнимаю. Прощай навеки и не поминай лихом своего несчастного.

Н. Бухарин
XII. 37 г.

Примечания

1. *Souvarine B.* Aveux à Moscou, Paris: La Vie intellectuelle. 1937; *Trotsky L.* Les Crimes de Staline. Paris: Grasset, 1937; *Koestler A.* Le Zéro et l'Infini. Paris: Calmann-Lévy, 1940; *Merleau-Ponty M.* Humanisme et Terreur. Essai sur le problème communiste. Paris: Gallimard, 1947; *Weissberg A.* L'Accusé. Paris: Fasquelle, 1953; *Beck F., Godin W.* Russian Purge and the Extraction of Confession. New York: The Viking Press, 1951; *London A.* L'Aveu. Paris, 1968; *Cublier J. M.* La Presse française et les Procès de Moscou. Paris: FNSP, 1970; *Conquest R.* La Grande Terreur. Paris: Stock, 1969; *Kriegel A.* Les Grands Procès dans les systèmes communistes. Paris: Gallimard, 1972; *Labeledz L.* Resurrection and Perdition // Problems of Communism. 1963. № 2. P. 31–54; *Leites N., Bernaut E.* Ritual of Liquidation. Bolsheviks on Trial. Glencoe, Illinois: The Free Press, 1951.

2. Эти письма были переведены и прокомментированы Николая Вертом (Communism. № 6. 2000. P. 5–40).

3. *Adler F.* Le Procès de Moscou, un procès en sorcellerie. Paris: Nouveau Progrès, 1936. P. 9.

4. *Trotsky L.* Les Crimes de Staline. Op. cit. P. 266.

5. *Krivitsky W.* I was Stalin's Agent. New York, 1939. P. 299.
6. *Souvarine B.* Aveux à Moscou. Op. cit. P. 10.
7. Цит. по: *Kriegel A.* Op. cit. P. 98.
8. Процесс антисоветского право-троцкистского блока, 2–13 марта 1938. М.: издательство Народного комиссариата юстиции СССР, 1938. С. 825.
9. *Merleau-Ponty M.* Humanisme et Terreur. Op. cit. P. 71.
10. *Broué P.* Les Procès de Moscou. Paris: Archives-Gallimard, 1964. P. 279.
11. Ibid. P. 280.
12. *Kriegel A.* Op. cit. P. 71.
13. *Conquest R.* Op. cit.; *Tucker R.* Stalin in Power; *Cohen S.* Nicolas Boukharine, la vie d'un bolchevik. Paris: Maspéro, 1979.
14. *Kriegel A.* Op. cit. P. 77.
15. Ibid. 87.
16. Письмо Н. Бухарина В. Молотову от 1 декабря 1936 г. (РГАСПИ. Ф. 329 Оп. 2 Д. 325. Л. 41–44) // *Communisme.* № 61, 2000. P. 23–26.
17. Согласно последним словам черновика письма, которое Бухарин написал Сталину 16 января 1937 года, незадолго до передачи его дела в НКВД по итогам пленума Центрального Комитета (РГАСПИ. 329/2/6/114–117) // *Communisme.* № 61, 2000. P. 27–31.
18. *Le Matin.* 3 mars 1938. Цит. по: *Kriegel A.* Op. cit. P. 110–111.
19. *Conquest R.* Op. cit. P. 142–145.
20. *Kriegel A.* Op. cit. P. 90.
21. Письмо Бухарина Сталину от 10 декабря 1937 г. См. приложение.
22. Письмо Бухарина Ворошилову от 3 сентября 1936 г. (РГАСПИ. 329/2/6/15) // *Communisme.* № 61, 2000. P. 22.
23. *Kriegel A.* Op. cit. P. 94.
24. *Loewenstein R.* Psychanalyse de l'antisémitisme. Paris: PUF, 1952. P. 110. Цит. по: *Kriegel A.* Op. cit. P. 95.
25. *Kriegel A.* Op. cit. P. 97–98.
26. «Он пожрет нас». Запись встречи Ф. И. Дана и Н. И. Бухарина. Из архива Л. О. Дан // Институт социальной истории. Амстердам. Цит. по: Осмыслить культ Сталина. М.: «Прогресс», 1989. С. 610.
27. Письмо Бухарина Сталину от 10 декабря 1937 г. См. приложение.
28. Среди исследований по данным вопросам упомянем: *Werth N.* Être communiste en URSS sous Staline. Paris: Gallimard, 1981; *Lane C.* The Rites of Rulers: Ritual in Industrial Society: the Soviet Case. Cambridge: Cambridge U.P., 1981; *Riegel K.-G.* Konfessionsrituale im Marxismus-Leninismus. Graz, 1985; *Unfried B.* Rituale von Konfession und Selbstkritik: Bilder vom stalinistischen Kader // *Jahrbuch für historische Kommunismusforschung.* 1994. P. 148–168; *Pennetier C., Puddal B.* Écrire son autobiographie (les autobiographies communistes d' institution, 1931–1939) // *Genèses.* №.23, juin 1996. P. 48–78.; *Getty J. A.* Samokritika Rituals in the Stalinist Central Committee, 1933–1938 // *The Russian Review.* № 58, January 1999. P. 49–70.
29. РГАСПИ. 17/2/511.
30. Там же. 17/2/575.

31. РГАСПИ. 17/2/577; большая часть стенограмм этого форума, оказавшего принципиальное влияние на эволюцию внутренней политики накануне «Большого террора», была опубликована в «Вопросах истории», №№ 2–12 (1992), №№ 2–10 (1993).

32. Особенно во время Пленума, состоявшегося в декабре 1936 года // РГАСПИ. 17/2/575/69–74; 82–86; 122–126.

33. РГАСПИ. 17/2/575/126. Цит. по: *Getty J. A.* Op. cit. P. 60.

34. Письмо Бухарина Сталину от 10 декабря 1937 года, приведенное в приложении.

35. *Leites N., Bernaut E.* Ritual of Liquidation. Bolsheviks on Trial. Glencoe, Illinois: The Free Press, 1951.

36. Процесс антисоветского право-троцкистского блока..., Цит. соч. С. 449–452.

37. Процесс параллельного антисоветского троцкистского центра, М.: Издательство Народного комиссариата юстиции СССР, 1937. С. 198–199.

38. Там же. С. 174.

39. АПРФ (Архив Президента Российской Федерации). Ф. 3. Оп. 47. Д. 25. Л. 1–3. Текст опубликован в журнале «Источник», № 0, 1993. С. 23–25.

40. Здесь и далее подчеркнуто автором письма.

41. Речь идет о пленуме ЦК ВКП(б), проходившем 23 февраля – 5 марта 1937 года, решением которого «дело Бухарина и Рыкова» было передано в НКВД.

42. Имеется в виду Владимир Кузьмин, молодой экономист, разделявший идеи Николая Бухарина. Кузьмин, как и Александр Айхенвальд, входил в группу, представители которой в начале 30-х годов периодически собирались у Бухарина. На одном из таких собраний, в 1932 или 1933 году, Кузьмин якобы изъявил желание убить Сталина. В 1933 году большая часть экономистов «бухаринской школы молодых», в том числе, Кузьмин и Айхенвальд, была арестована ОГПУ и в 1937–1938 гг. расстреляна.

43. В марте 1932 года Мартемьян Рютин подготовил проекты двух документов, в которых была подвергнута резкой критике политика, проводимая Сталиным с 1929 года: «политическую платформу» под названием «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» и обращение «Ко всем членам партии». Арестованный ОГПУ, Мартемьян Рютин был приговорен к длительному сроку заключения. Сталин настаивал на смертной казни, но остальные члены Политбюро выступили против высшей меры наказания, никогда до тех пор не применявшейся по отношению к представителю партийной верхушки.

44. Бухарин развивал эту тему – центральную – в других письмах, адресованных в первую очередь К. Ворошилову и В. Молотову. 31 августа 1936 года, спустя несколько дней после того, как Каменев упомянул его во время первого «московского процесса», Бухарин пишет К. Ворошилову: «В истории бывают случаи, когда замечательные люди и превосходные политики делают тоже ошибки частного порядка. Вот я и стал этим коэффициентом ошибки». Отмежевываясь от ереси, Ворошилов реагирует очень резко (письмо Бухарину от 3 сентября 1936 года): «Возвращаю твое письмо,

в котором ты позволил себе гнусные выпады в отношении парт. руководства. Если ты твоим письмом хотел убедить меня в твоей полной невинности, то убедил пока в одном — впредь держаться от тебя подальше, независимо от результатов следствия по твоему делу. А если ты письменно не откажешься от мерзких эпитетов по адресу партруководства, буду считать тебя и него-дям». В ответном письме (3 сентября 1936 года), не уступая по существу, Бухарин долго рассуждает о том, что считает партийное руководство «замечательным» и способным только на «ошибки частного порядка», подобные той, какая допущена по отношению к нему.

45. Эта тема поднимается во многих письмах Бухарина, предшествовавших его аресту. В длинном письме на имя В. Молотова от 1 декабря 1936 года Бухарин заявляет о своей невинности, отрицая связи с бывшими оппозиционерами — Троцким, Радеком, Зиновьевым, Каменевым. Он, тем не менее, признает: «В чем я действительно виновен? 1) В своей позиции в 1928–1929 гг., 2) в отсутствии бдительности и дальновидности, возможно, в бесплодном поиске талантливых людей, в поиске, который не всегда учитывал политическую опасность, которую могли представлять эти люди, 3) в моем излишнем доверии к людям в целом. Но, как показал опыт, такого рода недостатки встречаются часто...»

46. Имеется в виду Надежда Сергеевна Аллилуева, жена Сталина, покончившая с собой в 1932 году.

47. Речь идет об Алексее Стецком, главном редакторе журнала «Большевик», и Борисе Тале, заведующем отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) и заместителе главного редактора «Известий».

48. Этот абзац перекликается с письмом, которое Бухарин написал Сталину 16 января 1937 года, незадолго до передачи его дела в НКВД по итогам февральско-мартовского пленума ЦК. Он среди прочего просит у вождя отправить его в Испанию: «Аргументы за: 1) я знаком с ситуацией, 2) у меня большой опыт борьбы с анархистами и анархо-синдикалистами, 3) я буду сражаться насмерть с троцкистами, 4) я знаю много иностранных языков, могу быстро выучить испанский (потому что немного знаю итальянский) и т. д. В Испании я мог бы быть полезным. Не думаю, что ты скажешь: «А если сбежишь?» Не можешь же ты насколько верить клевете? Ты действительно думаешь, что для меня СССР пустой звук?. Я оставлю здесь любимую жену, сына, отца... Когда вы собственными глазами увидите, как дерусь я, самый верный из ваших людей, разрешите жене выехать ко мне...»

ГЛАВА 15

Советское общество в годы Великой Отечественной войны*

26 миллионов погибших — одна эта цифра дает представление о том катаклизме, которым стала для советского общества Великая Отечественная война. В этой войне, масштаб которой был обнародован лишь во время горбачевской гласности, военные потери составляли чуть более 10 миллионов, прямые гражданские — 11 миллионов, не прямые гражданские (повышенная смертность) — около 5 миллионов¹. Другие данные свидетельствуют о глубоком влиянии войны на советское общество, о сложных и даже противоречивых аспектах этих судьбоносных лет, когда в одночасье прервалось функционирование системы экономических и социальных отношений, созданной в 30-х годах: 65 миллионов советских граждан испытали на себе иго нацистской оккупации; 30 миллионов мужчин и около 600 тысяч женщин были призваны в армию; около 3 миллионов советских граждан были награждены орденами и медалями; 17 миллионов гражданских лиц эвакуированы на восток за тысячи километров от дома, оторваны от корней, вынуждены привыкать к суровым условиям жизни; 3 миллиона советских граждан впервые в своей жизни побывали за границей. Но помимо этого, 2 300 000 советских граждан, принадлежавших в «наказанным меньшинствам», были депортированы НКВД, 2 миллиона осуждены военным трибуналом, из них 200 тысяч приговорены к смертной казни²; наконец, миллион советских граждан во время войны погибли в Гулаге (в эти годы смертность в сталинских лагерях достигла небывало высокого доселе уровня — около 20 % в 1942 году³).

Война на Восточном фронте, которую нацистская Германия вела как войну на уничтожение «иудо-большевизма», стала для советского режима настоящим вызовом, подвергла испытанию всю административно-командную систему, построенную в 30-е годы. В условиях

* La société soviétique dans la Grande Guerre patriotique // D. Barjot (dir.). Les sociétés, la guerre, la paix, 1911–1946. Paris: SEDES, 2003. P. 266–287.

войны не на жизнь, а на смерть, эта система, которой руководили люди, прошедшие через все тяготы насильственной коллективизации, голода и «Большого террора», функционировала достаточно эффективно, правда, за счет большого количества человеческих жертв. Несмотря на военные неудачи первых месяцев войны, хаос, вызванный массовыми перемещениями населения, противоречивость политики, в которой одновременно сочетались репрессии и ослабление контроля, сталинской системе удалось мобилизовать абсолютное большинство населения и почти все ресурсы. Ведению тотальной войны, мобилизации, эвакуации и реконверсии, безусловно, способствовал тот факт, что советская экономика была «военной экономикой *sui generis*» (Оскар Ланге), функционировавшей с начала 30-х годов в экстремальных условиях и способной мобилизовать гражданскую рабочую силу, прибегая к военным методам. Нацистское варварство, которое ставило славянских «недочеловеков» перед выбором «смерть или рабство», очевидно, также сыграло ключевую роль в патриотическом подъеме общества, в котором накануне войны было сильно недовольство режимом.

Опыт войны глубоко изменил советское общество. Война — и победа — были «творцами согласия», и культ Сталина, который идентифицировали со сражавшимся Отечеством, распространился через фронтовиков и в деревнях, где сохранялась ненависть к колхозной системе. Возведенная в ранг «священной войны» Великая Отечественная война также сыграла фундаментальную роль в реструктурировании социальной идентичности. Для многих советских граждан война была поистине шансом на возрождение, которое стирало клеймо «неправильного» социального происхождения и позволяло начать с нуля. Если режим в 1945 году пользовался гораздо более мощной народной поддержкой, чем в 1940–1941 годах, было ли советское общество готово принять после Победы возвращение к довоенному статус-кво? На кону стояло очень многое. Речь шла о таком важном, до сих пор еще мало изученном, факторе как процесс «выхода из войны» в 1945–1947 годах.

Почему 26 миллионов погибших? О специфике «войны на Востоке»

Операция «Барбаросса» изначально задумывалась и осуществлялась как тотальная война, как гигантское противостояние рас, которое должно было привести к «тысячелетнему нацистскому царству»⁴. Речь шла, как ясно свидетельствовали директивы немецкого

главнокомандования, о «войне за существование немецкого народа», в «защиту европейской культуры от московско-азиатского вторжения, в «защиту от иудейского большевизма». Эта битва должна была «вестись железной волей до полного и безжалостного уничтожения врага»⁵. Согласно Омеру Бартову, в основе необычайного ожесточения немецких войск на Восточном фронте лежали три фактора: собственно размах битв, из-за которого «люди чувствовали, что участвуют в апокалиптическом событии, сама природа которого делала недействительными все кодексы поведения и моральные ценности, существовавшие до тех пор»; географические и климатические условия России, которые «равным образом усиливали впечатление, что эта война представляла собой возврат к некоему первобытному конфликту, в котором законы и мораль человеческой цивилизации уже вышли из обращения»; наконец, и прежде всего, разделявшееся солдатами, которых должным образом психологически и идеологически подготовили, убеждение, что они воюют с народом скотских, злых, вырождающихся «недочеловеков» (*Untermenschen*)⁶.

С первых дней операции «Барбаросса» так называемые *Einsatzgruppen* («айнзацкоманды») осуществляли массовую резню еврейского населения оккупированных регионов. За пять месяцев были уничтожены 550 000 евреев. Размах убийств (23 600 человек за 3 дня в Каменец-Подольском, 28–30 августа; 33 370 за 2 дня в Бабыем Яре близ Киева, 29–30 сентября) и тот факт, что казнили мужчин, женщин, стариков и детей, означал, — если соотнести с насилием, осуществлявшимся до тех пор, например, в Польше (где *Einsatzgruppen* уничтожили 10 000 евреев, в основной своей массе трудоспособных мужчин) — переход к решающему этапу на пути Окончательного решения⁷. Евреи Советского Союза заплатили особенно тяжкую дань нацистскому варварству: 2 830 000 из них были убиты *Einsatzgruppen* или погибли в концлагерях и лагерях смерти. Количество советских евреев, которым удалось бежать до прихода войск вермахта или эвакуироваться в ходе крупных операций, осуществлявшихся Советом по эвакуации, оценивается примерно в миллион человек⁸. Из тех, кто остался в зоне нацистской оккупации, выжило менее одного процента⁹.

Нацистское варварство ударило и по другой категории лиц — советским военнопленным. Под предлогом того, что СССР не подписал Женевские конвенции, касающиеся военнопленных, соединения *вермахта* проводили настоящую политику их истребления. В ходе молниеносного продвижения немецкой армии летом 1941 года сотни тысяч военнопленных были расстреляны прямо на поле боя еще до

того, как их собрали и подсчитали¹⁰. Что касается остальных, — а это миллионы — их сгоняли в огромные концлагеря на открытом воздухе без крова, без еды, без медицинской помощи, в настоящие лагеря смерти. В Минском лагере, например, насчитывалось в среднем более 120 тысяч пленных, смертность там достигала 20 % в месяц! Большая часть пленных умирала от голода. Из 3 300 000 солдат и офицеров Красной армии, попавших в плен в ходе первых шести месяцев войны (конец июня — конец декабря 1941 года) более 2 миллионов — 60 % умерли от голода или были казнены до конца 1941 года¹¹. Выживших транспортировали в Германию, где они служили бесплатной рабочей силой. Всего из 5 400 000 советских солдат и офицеров, взятых в плен вермахтом, едва ли 1 600 000 (или менее 30 %) выжили и вернулись в СССР по окончании войны¹².

Бесчеловечное обращение с советскими военнопленными было ярким проявлением общего подхода оккупантов к славянским «недочеловекам». Такой подход как к пленным, так и к гражданским резко отличался от «корректного поведения» немцев по отношению к британским или французским военнопленным (в плену умерло 1–2 % из них) и к гражданским лицам оккупированной Франции, например.

Насилие нацистов по отношению к славянским *Untermenschen* жестоко ударило по всему гражданскому населению оккупированных территорий: 11 миллионов гражданских лиц погибли, будучи убитыми, расстрелянными врагом на оккупированных территориях и в близости от линии фронта, ставшими жертвами бомбардировок или голода вследствие окружения или блокады, изнуренными непосильным трудом на принудительных работах в Германии. Особенно пострадали регионы, где немцы столкнулись с партизанским сопротивлением. Тысячи деревень и поселков систематически сжигались дотла, а их обитатели расстреливались в ходе масштабных карательных операций, которые были не чем иным как операциями на уничтожение¹³. Тем не менее, как показало расследование правительственной комиссии, созданной советским правительством в конце 1942 года, даже оккупированные территории, на которых не наблюдалось никакого серьезного движения сопротивления, стали ареной бесчисленных убийств гражданских лиц и ежедневных грабежей (стрельба вслепую, насилия, грабежи, массовое уничтожение имущества и скота), которые свидетельствовали о том, сколь мало ценили оккупационные силы жизнь советских людей¹⁴. Пример Ленинграда, в котором более 700 тысяч гражданских лиц погибли от голода и холода во время более чем двухлетней блокады, — трагическая иллюстрация специфики смертности этой войны на уничтоже-

ние, которая унесла больше жизней гражданских лиц, чем военных¹⁵. Последняя категория жертв среди гражданских лиц — *остарбайтеры* («работники с Востока»): более 4 миллионов советских граждан, из которых 57 % — женщины, были депортированы в Германию в рамках «программы Заукеля», целью которой было обеспечить Третий рейх неисчислимыми запасами рабочей силы. Загнанные в трудовые лагеря, занимавшиеся непосильным трудом на шахтах, заводах или — те, кому повезло больше всех — в сельском хозяйстве, голодавшие из-за скудного рациона остарбайтеры находились в самом низу иерархии 6 миллионов иностранных рабочих, депортированных в Германию. По крайней мере четверть из них погибла от голода, изнеможения, эпидемий или бомбардировок¹⁶.

Если перейти к военным потерям, они также несопоставимы с понесенными на других фронтах Второй мировой: боевые потери немцев на Восточном фронте составили более 4 миллионов человек; СССР — около 6 800 000, или 5000 в день (это почти вчетверо больше ежедневных потерь, которые несла на этом же фронте царская армия в 1914–1917 годах)¹⁷. Помимо ожесточенности сражений, катастрофические стратегические и тактические ошибки¹⁸ и сохранение тактики наступления, схожей с той, что была в 1914–1917 годах, и отличавшейся крайне неэкономным расходом человеческого материала, во многом объясняют очень высокий уровень советских военных потерь. Усугубляло ситуацию и зачастую неудовлетворительное состояние санитарной службы¹⁹. Отметим, наконец, значительное число «погибших по неосторожности» или расстрелянных — эти две категории дают общую цифру потерь в 550 тысяч человек! Советское политическое и военное руководство издавало приказы, грозившие беспрецедентно суровыми карами сдавшимся в плен или оказывавшим недостаточно упорное сопротивление. В печально известном приказе № 270 от 16 августа 1941 года, подписанном Сталиным, Молотовым и пятью военачальниками Красной армии, указывалось, что любой офицер или политработник, попавшие в плен, будет считаться дезертиром и подлежит немедленной казни. Члены семей этих «дезертиров» подлежали немедленному аресту; что касается родственников солдат, попавших в плен, их вычеркивали из всех списков лиц, имевших право на государственные пособия²⁰. Еще одна знаменитая директива, приказ № 227 от 28 июля 1942 года, предусматривала немедленный расстрел всех «паникеров и трусов» и введение заградительных отрядов НКВД, на которых была возложена задача препятствовать отступлению. В ходе одной только Сталинградской битвы 13 500 советских солдат были казнены за проявленную «трусовость»²¹.

Для руководителей государства, армии, органов безопасности, прошедших школу коллективизации, голода и «Большого террора», эти меры отвечали требованиям эпохи, отмеченной титаническим противостоянием с внешним и внутренним врагом и настоятельной необходимостью привить массам дисциплину в бою.

От потрясения «близкого поражения» летом 1941 года до пробуждения режима и общества

Психологически готовое к войне советское общество было взято полностью врасплох масштабом катастрофы лета 1941 года. Некоторые недавние работы, основанные на сводках НКВД, партийных информотделов, военной цензуры²², позволяют лучше понять реакцию советского общества в первые месяцы войны. Она отличалась крайним разнообразием по регионам. В западных регионах (от Прибалтики до Украины), аннексированных СССР по советско-германскому пакту, вермахт в целом принимали хорошо. В деревнях, находившихся в близости к линии фронта (Белоруссия, Украина) с первых дней вторжения начали циркулировать слухи о неминуемом роспуске колхозов, которые отражали чаяния крестьян и свидетельствовали о копившемся со времен насильственной коллективизации разочаровании. Немцы, говорили они, разрешат крестьянам выйти из коллективных хозяйств и взять по две коровы на семью. В хаосе отступления и эвакуации сотни колхозов в близости от линии фронта объявили о своем «самороспуске». В Москве, Ленинграде и других крупных промышленных городах осведомители НКВД сообщали о критике режима (о «фатальной ошибочности» советско-германского пакта, неготовности и некомпетентности гражданских и военных властей), а также об открыто «пораженческих» настроениях: немецкая армия считалась «непобедимой» перед лицом Красной армии, состоявшей из крестьян, «которым нечего защищать, учитывая, что у них все отняли и загнали в колхоз»; немцы относились плохо только к «начальству, коммунистам и евреям» — простой народ ничего не потеряет от поражения, которое станет, прежде всего, поражением режима. Разумеется, эти «пораженческие настроения», которые сурово карались, не являлись господствующими. «Патриотов» хватало. Между этими двумя полюсами «болото», восприимчивое ко всем слухам, свидетельствовало о том, что большая часть населения еще не до конца осознала драматическое значение этой тотальной войны. Дух патриотического сопротивления в Москве, например, восторжествовал лишь тогда, когда враг появился у ворот

столицы и распространились сообщения о нацистском варварстве²³. Когда наступавшие части вермахта достигли пригородов Москвы (13–15 октября 1941 года), большинство москвичей не поддавалось панике, охватившей часть номенклатуры, которая, в основном, эвакуировалась. Несмотря на сохранение в народе недовольства — особенно в рабочей среде — «начальниками» (недовольства, которое в конце октября 1941 года вылилось в промышленном городе Иваново в волнения во время демонтажа заводов и эвакуации на восток руководящих кадров и местной номенклатуры²⁴), «пораженчество» так и не подняло голову после битвы за Москву (ноябрь–декабрь 1941 года), которая означала крах *блицкрига* и знаменовала собой первый поворотный пункт войны на восточном фронте.

Военный провал первых месяцев войны сразу же поставил фундаментальную проблему: было жизненно важно для продолжения сопротивления спасти промышленный потенциал и эвакуировать на восток до прихода вражеских войск основные промышленные предприятия и часть населения, прежде всего рабочую силу (руководящие кадры, специалисты, рабочие), которой мог воспользоваться оккупант. Одним из самых примечательных аспектов войны на восточном фронте была потрясающая способность СССР в хаосе первых месяцев войны эвакуировать, а затем перевести на производство военной продукции значительное количество предприятий. В течение 6 месяцев (июль 1941 — январь 1942) Совету по эвакуации, учрежденному спустя 2 дня после нападения Германии, удалось в ходе титанических по масштабам и сложности операций перевести на восток 1500 крупных промышленных предприятий. К концу 1942 года 2600 заводов были эвакуированы, в основном на Урал, в Сибирь, Казахстан, где они были смонтированы вновь и переведены на выпуск военной продукции. Одновременно были эвакуированы 17 миллионов человек. За эти гигантские перемещения населения отвечал НКВД, имевший солидный опыт в данной области²⁵. В течение года, предшествовавшего нападению Германии, НКВД депортировал много сотен тысяч поляков и прибалтов с территорий, аннексированных СССР. Спустя несколько недель после начала войны НКВД поручили депортировать всех советских граждан немецкого происхождения: более миллиона человек были арестованы и депортированы в качестве «спецпереселенцев» (то есть с тем же статусом, что и «раскулаченные») в Казахстан и Сибирь²⁶. Разумеется, в операциях по эвакуации гражданского населения в 1941–1942 годах опыт, приобретенный в полицейском управлении обществом

в 30-е годы, сыграл значительную роль, поскольку границы между организованной эвакуацией и депортацией в административном порядке были размыты. Еще одна размытая граница — граница, отделявшая свободного работника от занятого принудительным трудом. Для гражданских лиц (и особенно, для рабочих), не мобилизованных в армию, законодательство, и так очень суровое после 26 июня 1940 года²⁷, было еще более ужесточено законом от 26 декабря 1941 года, который приравнивал любой самовольный переход на другую работу, любой прогул без объяснительной причины к дезертирству, подлежавшему рассмотрению в военном трибунале и каравшемуся 5–10 годами лагерей. Поначалу эти драконовские меры должны были применяться только к сотрудникам оборонных предприятий. В действительности, их быстро распространили на большую часть отраслей промышленности (в том числе, на предприятия текстильной промышленности) и транспорт. В ходе войны более 900 000 человек были осуждены по закону от 26 декабря 1941 года, а 6 миллионов на гораздо менее суровое наказание (исправительно-трудовые работы с удержанием из заработной платы или 2–4 месяца тюремного заключения) по Указу от 26 июня 1940 года²⁸. К криминализации трудовых отношений, которая сохранялась долгое время после войны, прибавились исключительно трудные условия жизни, особенно для эвакуированной рабочей силы, которую разместили в барачных лагерях, установили продолжительность рабочего дня 12–14 часов и обрекли на полуголодное существование. Трудные условия жизни привели к резкому росту (+65 % в 1940–1942 годах) смертности среди гражданского населения, на которое к тому же обрушились эпидемии (тифа, дифтерии, скарлатины), распространявшиеся волнами эвакуированных и беженцев. Что касается детской смертности, которая и в мирное время была очень высокой (120 на 1000 в 1940 году), в 1942 ее кривая резко устремилась вверх, достигнув уровня 500–600 на 1000 в регионах с высокой концентрацией эвакуированного населения²⁹.

Чтобы справиться с острой нехваткой рабочей силы, ставшей следствием мобилизации (в 1941–1945 годах) около 35 миллионов мужчин, правительство ввело «всеобщую трудовую мобилизацию». Только в 1942 году более 3 миллионов человек (из которых 1 миллион подростков — вчерашних школьников) были отправлены на предприятия. Помимо этого, в том же году 1 800 000 женщин и подростков прошли ускоренный курс обучения в фабрично-заводских училищах, чтобы заменить специалистов и рабочих, которые

были на фронте. Эта мобилизация, которая все чаще задействовала женщин (их доля в промышленной рабочей силе выросла в 1941–1945 годах с 37 % до 60 %), глубоко видоизменила рабочий мир³⁰. Она сопровождалась масштабными кампаниями по «социалистическому соревнованию» и «гонкой за рекордами», достойной дней расцвета стахановского движения.

Мобилизация патриотических чувств и ослабление контроля

Рост патриотических настроений был не просто спонтанным порывом. Его корни следует искать и в эволюции режима. Как ни парадоксально, крайнее напряжение, вызванное войной, шло рука об руку с некоторым ослаблением политического, идеологического и экономического контроля. Военные катастрофы первых месяцев войны, попытки немцев дестабилизировать режим, используя политическое, национальное и социальное недовольство населения (особенно на западных окраинах СССР, а также на Кавказе, где остановилось немецкое наступление в 1942 году), настоятельная необходимость подъема национальных чувств, разумеется, оказывали влияние на некоторые аспекты сталинской идеологии.

Русские национально-патриотические ценности, уже вернувшие себе уважение во второй половине 30-х годов, были взяты на вооружение Сталиным в его знаменитой речи, передававшейся по радио 3 июля 1941 года и прервавшей десятидневное молчание, последовавшее за нацистским вторжением. Воспользовавшись обращением, которое спланировало нацию на протяжении веков («Братья и сестры, [...] над нашей Родиной нависла серьезная опасность»), Сталин превозносил русские и патриотические ценности, умело вписав только что начавшуюся войну в длинный ряд «священных» войн, которые Россия вела против захватчика.

Сближение с Православной церковью, неразрывно связанной с национальным прошлым, было вторым особенно примечательным аспектом идеологической эволюции режима во время войны. Православная церковь способствовала этому повороту, призвав 22 июня 1941 года к защите «священных границ Отечества» в пастырском послании патриаршего местоблюстителя Сергия. Реакция властей не заставила себя ждать. С сентября 1941 года были закрыты многочисленные антирелигиозные издания, распущена «Лига безбожников», вновь открыты церкви. Результат этой политики примирения был

потрясающим: количество крещений и браков по церковному обряду с 1941 по 1945 годы увеличилось в 10 раз, что неудивительно, если знать, что во время переписи 1937 года более 57 % советских граждан ответили «да» на вопрос «Верующий ли вы?»³¹

В культурной сфере идеологический контроль также был временно ослаблен. Многим интеллектуалам война дала «второе дыхание». Писатели, поэты, композиторы, молчавшие до войны, такие как Анна Ахматова, Корней Чуковский, Сергей Прокофьев, Дмитрий Шостакович, если упоминать только самых известных, вновь получили разрешение на публикацию своих произведений при условии, что они будут «патриотическими». И все же, самым важным, без сомнения, было не это, как прекрасно объяснил в своих мемуарах Дмитрий Шостакович: «Война принесла невыразимые страдания. Бесконечное горе, бесконечные слезы, но до войны было еще тяжелее, потому что каждый оставался наедине со своим горем. Еще до войны в Ленинграде, несомненно, не было ни одной семьи, которая бы не потеряла близкого во время «Большого террора». Всем приходилось оплакивать близких, но делать это приходилось тайком. Никто не должен был знать. Все боялись. Человек человеку стал волк. [...] Затем пришла война. Боль каждого превратилась во всеобщую боль. Можно было, наконец, говорить о своем горе, можно было плакать, не прячась, оплакивать погибших и пропавших без вести. Больше не надо было страшиться слез. Не одному мне выпала возможность благодаря войне снова выражать свои чувства. Это смогли сделать все»³².

Но ослабление контроля повлияло также на экономическую сферу в ее бытовой составляющей. На время забыли об абсолютном отказе от того, что могло хотя бы напоминать о рыночной экономике. Так, предприятия поощряли к распределению между работниками земельных наделов. В 1945 году у 18 миллионов горожан был огородик, который обеспечивал их гораздо лучше, чем продовольственные карточки. В деревнях местные власти, впрочем, сильно ослабленные (поскольку большая часть 300–400 тысяч сельских коммунистов была мобилизована), должны были решиться на разрешение колхозникам продавать продукты со своего участка. Во время войны свободный рынок развил свою деятельность, обеспечивая горожан более чем половиной продуктов питания (против менее 20 % до войны) и давая колхозникам 95 % их доходов в денежной форме. По отношению к политике, которая проводилась с начала 30-х годов, это, безусловно, было признанием (хоть и временным) слабости и значительной уступкой.

Наконец, относительное ослабление политического и идеологического контроля во время войны выразилось также в массовом приеме

в партию с августа 1941 года «всех, кто отличился на поле боя», невзирая на социальное происхождение кандидата в партию и без обязательного «испытательного срока»³³. Во время войны более 4 миллионов советских граждан, в основной своей массе военные, находившиеся на действительной службе, вступили в партию под лозунгом патриотизма и национального величия. В мае 1945 года из 5 700 000 членов партии 70 % состояли в ней с 1941 года. Помимо глубокого обновления партии, война сыграла фундаментальную роль в перестройке социального самосознания. Для многих советских граждан война стала настоящей возможностью возрождения, стиравшего клеймо «неправильного» социального происхождения³⁴. Так, уже в первые недели войны сотни тысяч молодых людей, дети сосланных кулаков, были освобождены от статуса «трудпоселенцев» и мобилизованы в армию (до тех пор «спецпереселенцы», лишённые всех гражданских прав, не допускались на военную службу). Сотни тысяч заключенных Гулага, осужденных на небольшие сроки, получили досрочное освобождение и прямо из лагеря отправились в армию³⁵. Оставленные за бортом общественной жизни в результате социальной революции 30-х годов молодые колхозники в армии нашли возможность влиться в «воюющую нацию». Таким образом, социально-политический расклад сил в советской послевоенной деревне, несмотря на огромные структурные проблемы колхозной системы, частично изменился³⁶.

Спротивление и коллаборационизм

Среди многочисленных белых пятен истории Великой Отечественной войны фигурируют, по разным причинам, партизанский вопрос и вопрос коллаборационизма. И если второй стал предметом настоящего *damnatio memoriae*, первый превратился в излюбленный сюжет пропагандистской литературы, прославляющей «нерушимое единство партии и народа».

Некоторые последние работы, посвященные сопротивлению нацистской оккупации и партизанскому движению³⁷, показали неоднозначность этого явления. До относительной стабилизации линии фронта после битвы за Москву (конец 1941 года) сопротивление на оккупированных территориях оставалось незначительным; население заняло выжидательную позицию, а бойцы, избежавшие плена, находились в полной изоляции в регионах, по которым прокатились бои. Первые партизанские отряды, сформировавшиеся спонтанно из солдат, отрезанных от своих частей, и членов партии, перешедших в подполье, появились в Тульской и Калининской областях, оккупиро-

ванных врагом в начале 1942 года. Как и в других оккупированных европейских странах, решающим стимулом движения сопротивления стал массовый угон гражданских лиц на работу в Германию. К этому надо добавить все более тяжелые налоги, которыми Берлин обложил сельскохозяйственное производство на оккупированных территориях. Они заставили крестьян забыть о предпринятых оккупантом робких попытках деколлективизации, которые на время породили иллюзии, особенно на Украине и в Белоруссии³⁸.

До осени 1942 года партизанские движения в основном оставались неподконтрольными не только советским военным властям, но и партии. Эти «партизанские края» были своего рода республиками площадью в десятки тысяч километров в недоступных районах — от глухих лесов Брянщины и Орловщины до почти непроходимых болот белорусского Полесья! «Советская власть», временно восстановленная в этих партизанских бастионах, находилась под контролем не партии, а сходок, которые сильно напоминали традиционный крестьянский *мир* (сход глав семейств). Чтобы завоевать поддержку местного населения, партизаны, не колеблясь, объявляли о деколлективизации — по крайней мере частичной — земель, чтобы ввести систему передела, вдохновенную крестьянской общиной, уничтоженной во время насильственной коллективизации: отныне земли должны были коллективно принадлежать деревне, у каждой семьи был собственный участок и возможность забирать себе все, что она собрала. Центральным властям потребовались многие месяцы, а иногда и больше, чтобы установить более-менее эффективный контроль над партизанами, скоординировать их действия и установить советскую власть, более отвечающую оригиналу. С этой целью в конце мая 1942 года был создан Центральный штаб партизанского движения. Первоочередной задачей штаба, возглавлявшегося первым секретарем ЦК компартии Белоруссии Пантелеймоном Пономаренко, была поставка оружия и боеприпасов партизанским соединениям и подготовка кадров для обеспечения связи между подпольной и регулярной армией.

В конце 1942 года растянута немецких коммуникаций выдвинула партизан на первый план, поскольку они могли задержать прибытие немецкого подкрепления на Сталинградский фронт. В течение шести решающих месяцев (октябрь 1942 — март 1943 годов) партизанские отряды, насчитывавшие отныне около 600 тысяч человек, провели тысячи операций по выводу из строя железных дорог, парализовав коммуникации противника. Немцы ответили, особенно в

Белоруссии, карательными экспедициями, отличавшимися крайней жестокостью, настоящими операциями по массовому уничтожению и взятию в заложники, операциями, ударившими в первую очередь по безоружному гражданскому населению, которое подозревали в помощи партизанам. Именно так в 1942–1943 годах погибли около 2 миллионов мирных белорусов.

В этой еще плохо известной истории сопротивления оккупанту остается множество вопросов.

Что делали партизаны, предоставленные сами себе, до осени 1942 года? Командование Красной Армии — так же, как политические и военные власти — по-прежнему не доверяло движению, которое с лета 1941 года было свидетелем настоящей военной катастрофы и вакуума политической власти в целых регионах. Когда регулярная армия восстановила контроль над «партизанскими краями», она не включила сразу же партизан в свои отряды. Многие из них были отправлены в тыл, в резервные части, где их надлежащим образом «преучивали».

Было ли активное сопротивление в оккупированных городах? Партизанское движение, за исключением Крыма и южных окраин России, было по преимуществу сельским явлением, пустившим корни в лесах Белоруссии и Центральной России. Движением, глубоко укоренившимся в «культуре крестьянского мятежа», в целом ряду жакерий времен революции и гражданской войны, а также крестьянских восстаний против захватчика, будь то французы, как в 1812 году, или немцы, как в 1941-м. Примечательно, что в послевоенной деревне многие бывшие партизаны представляли собой контингент, наиболее критично относящийся к режиму. Из этой среды выходили председатели колхозов, отказывавшиеся выполнять план по поставкам сельскохозяйственной продукции в ущерб жизненным интересам своих колхозников. Так вновь появились «сельские бандиты» в 1946–1947 годах, в условиях беспорядка, нищеты, неурожая и голода³⁹.

Какими, наконец, были, особенно в Белоруссии, где они составляли 30 % населения (и до 60 % в некоторых городах), место и роль евреев в партизанском движении? Советская историография молчала об этом, так же как замалчивала и во время, и после войны вопрос Холокоста. Ставить акцент на геноциде евреев, считали военные и *агитпроповцы*, значило взять на себя риск лишить мотивации часть новобранцев, для которых «евреи и коммунисты» шли в одной упряжке. Антисемитизм сталинского государства возник именно в военные, а не в послевоенные годы, как долго считали⁴⁰.

Если в партизанском вопросе еще остается множество белых пятен, то вопрос коллаборационизма до наших дней оставался табу. Коллаборационизм долгое время сводился к наиболее яркому эпизоду, единственному, официально упоминаемому в СССР, — к предательству генерала Власова. Этот советский генерал, взятый немцами в плен в июле 1942 года, согласился возглавить Русский комитет освобождения, который поначалу базировался в Смоленске, оккупированном немцами в первые же недели войны. В воззвании, с которым Русский комитет выступил в этом городе в декабре 1942 года, были определены три цели: свергнуть Сталина и «его клику», заключить с Германией «почетный мир», создать в новой послевоенной Европе «Новую Россию без большевиков и капиталистов». Несмотря на организационную поддержку немцев, которые сбрасывали миллионы экземпляров «Смоленского воззвания» над позициями советских войск, этот документ почти не нашел отклика.

В действительности, «сотрудничество» с оккупантом, чаще всего вынужденное и начавшееся задолго до конца 1942 года, как правило, не подразумевало никаких антисталинских политических обязательств. К этому времени вермахт и немецкие оккупационные власти уже «задействовали» приблизительно 700–900 тысяч советских военных и гражданских лиц. Самым многочисленным контингентом — около полумиллиона человек — были *Hilwi* (сокращение от *Hilfwillige*, «добровольный помощник»). Этот вспомогательный персонал немецких войск набирался, в основном, среди советских военнопленных, преимущественно неславян. Согласие стать *Hilwi* значило избежать почти неминуемой смерти. Платой за это было участие в самой грязной работе, в том числе, в концлагерях или в уничтожении евреев. Полицейские и гражданская администрация на оккупированных территориях представляли собой второй контингент «коллаборационистов» (около 150 тысяч человек на начало 1943 года). Здесь также трудно оценить долю тех, кто пошел на это вынужденно, и тех, кто сделал свой выбор добровольно. Следующей ступенью, на этот раз решающей на пути сотрудничества, было вступление во вспомогательные воинские формирования, направлявшиеся на борьбу с партизанами. Эти части чаще всего формировались из бывших советских военнопленных — выходцев из Центральной Азии, с Кавказа и прежде всего из Прибалтики и Западной Украины, регионов, аннексированных СССР в 1939–1940 годах, где наблюдалось наибольшее недовольство советским режимом. Летом 1943 года на стороне немцев в антипартизан-

ских операциях участвовали более 800 тысяч советских граждан (в большинстве своем прибалтов и украинцев). Стоит, наконец, упомянуть части, сформированные из советских граждан, но находящиеся под командованием немецких офицеров и участвующие в боях против советской армии: около сотни батальонов, набравшихся, в основном, из советских военнопленных — выходцев из Туркестана, с Кавказа и из волго-уральских меньшинств. Казачий кавалерийский корпус пользовался привилегией самостоятельного командования⁴¹.

Поражения Германии с 1944 года заставили немецкое главнокомандование разыграть карту Власова. Тому, наконец, разрешили в ноябре 1944 года собрать в Праге учредительный съезд Комитета освобождения народов России, программа которого воспроизводила основные положения Смоленского воззвания. Были созданы две дивизии «Русской освободительной армии». До капитуляции нацистской Германии «власовцы» ожесточенно сражались на Восточном фронте. Часть из них попала в плен к советской армии; другие сдались американским войскам, которые передали их СССР. В июле 1946 года Власова и его офицеров судили в Москве при закрытых дверях и приговорили к высшей мере наказания. По данным недавно открытых архивов Гулага, в июле 1946 года 340 тысяч «власовцев» находились в ссылке в известных суровостью условий районах Колымы и Крайнего Севера. Уничжительное определение «власовец», на самом деле, применялось не только к советским гражданам, которые действительно служили в армии Власова (она насчитывала не более 40 тысяч человек), но и к большому количеству военных и гражданских лиц, так или иначе сотрудничавших с оккупантом. Кроме того, около 300 тысяч человек в 1945–1946 годах были приговорены к лагерям за «измену Родине». Таким образом, за сотрудничество с врагом после войны было осуждено около 650 тысяч советских граждан. Помимо этого, по официальным данным, в 1944–1946 годах было вынесено 42 тысячи смертных приговоров, число, несомненно, очень высокое, но это не считая расстрелов без суда⁴². Тем не менее, приняв во внимание количество мобилизованных (около 30 миллионов), гражданских (11 миллионов) и военных потерь (10 миллионов), можно констатировать, что сотрудничество с оккупантом оставалось в СССР — в статистическом, гуманитарном и политическом отношении — маргинальным явлением в войне, которую агрессор воспринимал и вел как операцию по уничтожению противника, которому не оставлялось будущего, а, следовательно, и возможности сотрудничать с победителем.

Еще менее был изучен вопрос о дезертирах и уклонистах. С начала 1942 года до конца войны (не считая первые шесть месяцев войны, по которым мы не располагаем достоверными данными) было арестовано около 1 300 000 дезертиров (или 4 % мобилизованных). Какой была их мотивация, при каких обстоятельствах они дезертировали? Редкие, имеющиеся в наличии источники, об этом умалчивают⁴³. Количество уклонистов, возможно, дает более ясное указание на форму социального неподчинения: их число во время войны оценивается приблизительно в 1 500 000 (или 5 % от общего числа мобилизованных). Треть из них была арестована и направлялась чаще всего в штрафные батальоны. Более высокий процент уклонистов, похоже, давали традиционно беспокойные и плохо контролировавшиеся властью регионы: Чечня, Ингушетия, Дагестан, Кабардино-Балкария, некоторые районы Средней Азии, против которых сталинский режим в некоторых случаях вел настоящую «войну в ходе войны», осуществляя массовые депортации гражданского населения.

«Войны в ходе войны»... и после войны

Параллельно конфликту, сопровождавшемуся беспрецедентным насилием, между двумя основными действующими лицами шли еще две «войны в ходе войны».

В первую очередь с советской стороны шла война против «внутреннего врага», в особенности, против национальных меньшинств, обвинявшихся либо в том, что они представляли собой рассадник потенциальных агентов захватчика (советские граждане немецкого происхождения⁴⁴), либо в «сотрудничестве с врагом» (чеченцы, ингуши, калмыки, балкарцы, карачаевцы, крымские татары). Эти тщательно подготовленные операции, решение о проведении которых принималось на самом высоком уровне, напоминали этническую чистку. Весь этнос депортировался в отдаленные районы страны (Сибирь, Казахстан, Крайний Север) в результате масштабных операций, в которых участвовали сотни железнодорожных эшелонов и десятки тысяч сотрудников частей особого назначения НКВД⁴⁵.

Во втором типе «войны в ходе войны» на западных окраинах СССР, оккупированных Германией, противостояли друг другу различные этнические и политические группировки, сотрудничавшие либо оказывавшие сопротивление двум основным действующим лицам — нацистской Германии и сталинскому СССР. Так, в прибалтийских странах, аннексированных СССР в 1940 году, нацио-

налистические движения еще до подхода частей вермахта в конце июня — начале июля 1941 года устроили волну погромов против евреев (особенно в Каунасе, Вильно и Риге), обвинявшихся в «сотрудничестве» с советским оккупантом. Во время немецкой оккупации литовские, латышские, эстонские военизированные формирования оказывали вооруженную поддержку нацистам в их политике истребления евреев⁴⁶. На Украине многочисленные антибольшевистские группы украинской эмиграции вернулись в обоях вермахта⁴⁷. Все эти группы, носители «интегрального национализма»⁴⁸, носившего одновременно антипольский, антирусский и антисемитский характер (поскольку евреи в их глазах были представителями «иудеобольшевистского колониализма», ответственного за ужасный голод 1932–1933 годов), активно участвовали в истреблении еврейского населения либо по собственной инициативе, либо в качестве вспомогательных частей *Einsatzgruppen*. Летом 1943 года УПА (Украинская повстанческая армия) начала на Волыни масштабную операцию по этнической чистке против польского населения. Убиты были сотни тысяч мирных поляков⁴⁹. На этих многонациональных окраинах шла настоящая эпидемия геноцида. Насилие не прекратилось с окончанием войны. В этих регионах, подвергшихся «повторной советизации» с лета 1944 года, долгий и мучительный выход из войны продолжался до конца 40-х годов. На Западной Украине за 8 лет с конца 1944 по конец 1952 годов из всего населения в 10 миллионов человек так или иначе пострадало полмиллиона (арестованы, депортированы, убиты в вооруженных столкновениях⁵⁰ «истребительных отрядов» НКВД и партизанских отрядов ОУН и УПА). В Литве в тот же период этими действиями было затронуто 10 % населения (270 тысяч человек из 2,7 миллиона)⁵¹. В Латвии — 4,5 % (90 тысяч из 2 миллионов); в Эстонии — 5 % (около 50 тысяч на миллионное население). На эту «грязную войну», сопровождавшуюся необычайным насилием, на протяжении многих лет были мобилизованы десятки тысяч сотрудников частей особого назначения НКВД, ведущих борьбу с «политическим бандитизмом». Тысячи советских чиновников были убиты на этих землях при исполнении обязанностей в «глубинке», находившейся под контролем партизан-националистов, по крайней мере до конца 1947 года. В этих столкновениях гражданское население часто брали в заложники: чтобы отрезать партизан от их баз, советские власти осуществляли масштабные операции по депортации⁵². На этих западных окраинах СССР, которые руководство НКВД без обиняков называло «Дикий Запад», 9 мая 1945 года война не закончилась.

В первый год после победы в Великой Отечественной войне более 30 миллионов советских граждан — эвакуированные гражданские лица, демобилизовавшиеся военные, военнопленные и репатриированные *остарбайтеры* — пытались вернуться домой, вновь обрести жизненный ритм мирного времени, вернуть работу, жилье, семью. По целому ряду причин и материально-технических (острая нехватка транспортных средств), и экономических (недостаток рабочей силы), власти часто неохотно отпускали домой эвакуированных, особенно тех, кто работал на шахтах и предприятиях тяжелой промышленности Урала, Сибири и Казахстана. А ведь эти люди по окончании войны мечтали только об одном: вернуться к домашнему очагу, воссоединиться с семьей, вернуть себе менее тяжелые условия жизни и труда. Препятствия, чинимые отъезду эвакуированных работников, сохранение десяти-, а то и двенадцатичасового рабочего дня (вместо законных восьми часов) и военного режима, приравнивавшего самовольный уход с предприятия к «дезертирству», каравшемуся 5–10 годами заключения, вызывали сильное недовольство, которое иногда выливалось на военных предприятиях Челябинска, Омска, Новосибирска или на шахтах Кузбасса в прекращение работы и даже краткосрочные забастовки — первые с 1932 года движения такого масштаба. В этой напряженной атмосфере возвращение эвакуированных осуществлялось достаточно медленно: в конце 1947 года более 3 миллионов человек так и не получили разрешение на возвращение в город, из которого они были эвакуированы в 1941–1942 году⁵³.

Демобилизация 12 миллионов фронтовиков также затянулась надолго — более чем на 2 года. В первую очередь демобилизовали тех, кто был призван летом 1941 года. Их возвращение к гражданской жизни, особенно для самых молодых, не успевших до призыва приобрести опыт работы, было особенно трудным. Им советское правительство облегчило поступление в высшие учебные заведения. Главной заботой властей относительно фронтовиков старшего возраста было то, чтобы они как можно быстрее нашли работу, основной фактор социальной адаптации и обретения своего места в обществе. В действительности, реинтеграция демобилизованных в трудовую жизнь была иногда достаточно долгой: на начало 1946 года около трети фронтовиков, вернувшихся к гражданской жизни, не работало уже более полугода. Многие демобилизованные пытались воспользоваться возвращением, чтобы получить более престижную работу, а главное, не возвращаться в колхоз. Несмотря на разрушения, ко-

торым подверглись города, они все так же притягивали деревенскую демобилизованную молодежь. Среди самых острых проблем, с которыми предстояло столкнуться фронтовикам, была проблема жилья. В конце 1945 года в СССР насчитывалось около 25 миллионов бездомных. До середины 50-х годов большая часть советских горожан жила в крайне плохих условиях: коммунальные квартиры, рабочие общежития, бараки и даже жилища, вырытые в земле, знаменитые *землянки*. Одна цифра может проиллюстрировать эти реалии послевоенных лет: на начало 50-х годов на советского горожанина в среднем приходилось менее 5 квадратных метров жилья⁵⁴.

Особенно трагичной была судьба одной из категорий фронтовиков: инвалидов войны. В СССР острота этой проблемы была связана как с количеством тех, кто был ею затронут, — более 3 миллионов человек, — так и с репрессивным законодательством, направленным против всех форм маргинальности. Инвалиды испытывали лишения буквально во всем; на конец 1945 года средняя продолжительность ожидания протеза достигала года. Несмотря на законы, требовавшие от предприятий принимать на работу определенное число инвалидов Великой Отечественной войны, большинство из них оставалось без работы и пыталось выжить за счет нищенской пенсии. Инвалиды, часто вынужденные нищенствовать, несмотря на свои увечья, попадали под законы о «социальном паразитизме», каравшемся ссылкой или лагерями⁵⁵.

Таким же сложным было возвращение к мирной жизни для бывших советских военнопленных и гражданских лиц, депортированных в Германию. Все эти репатрианты должны были пройти через «проверочно-фильтрационные лагеря». В них сотрудники НКВД и управления контрразведки СМЕРШ должны были рассортировывать дезертиров, военнопленных, гражданских лиц, тем или иным способом сотрудничавших с оккупантом, *остарбайтеров*, вывезенных в Германию, лиц, служивших в армии генерала Власова... С апреля 1945 по февраль 1946 года более 4 200 000 советских граждан прошли через 150 «проверочно-фильтрационных лагерей», созданных НКВД на западных границах СССР. Из этого числа 2 500 000 (или 75 % гражданских лиц, но лишь 18 % бывших военнопленных) было разрешено вернуться домой. 800 000 человек (или 43 % военнопленных и 5% гражданских репатриантов) были направлены в армию на строительные работы сроком на 3 года. 600 тысяч репатриированных (или 23 % бывших военнопленных и 10 % гражданских лиц) были направлены на 5 лет в «строительные батальоны» с исключительно суровым режимом, ничем не отличавшимся от режима принудитель-

ного труда, которым были заняты заключенные лагерей и 2 миллиона немецких, японских, итальянских и румынских военнопленных, оставшихся в СССР (некоторые до 1948–1949 гг.) и вынужденных также заниматься восстановлением страны. Наконец, 360 тысяч репатриированных лиц (из них 110 тысяч гражданских и 250 тысяч бывших военнопленных) были после «филтрации» приговорены к лагерям или ссылке⁵⁶.

Это крайне суровое обхождение с теми, кто и так был жертвой нацизма, объяснялось одновременно и настоящим страхом перед «иностранным заразой», носителями которой были эти несчастные, и соображениями экономического порядка: в обескровленной стране, испытывавшей жестокую нехватку рабочей силы, милитаризованный принудительный труд казался самым эффективным решением, позволяющим дисциплинировать общество, над которым режим, как ни парадоксально, в годы Великой Отечественной войны частично потерял контроль. Вместо того чтобы приступать к «культурной демобилизации»⁵⁷, режим, напротив, начал мощнейшую «идеологическую мобилизацию», позиционируя вчерашних союзников как завтрашних врагов. Не без успеха, ибо советское общество было глубоко травмировано войной, сопровождавшейся неслыханным насилием. Этот навязчивый страх войны, учитывая, какую травму обществу нанесла Великая Отечественная война, должен был умело использоваться, чтобы навязать режим экономии, а также выбор в пользу развития «военно-промышленного комплекса». Эта политика имела еще одно важное преимущество: она позволяла оставить население в таких условиях существования, которые бы навсегда заставили забыть о надеждах на перемены, зародившиеся в годы военных испытаний.

Примечания

1. Долгое время потери среди советских граждан оценивались в 7 миллионов жертв, пока Никита Хрущев не нарушил табу, подняв (в ноябре 1961 года) цифру до «двадцати миллионов погибших». Комиссия историков, учрежденная во время перестройки, в 1987 году, установила баланс потерь на уровне 26,2 млн. или 16 % от населения СССР в 1940 году. См.: Поляков Ю. (ред.). Население России в XX веке. Исторические очерки. Том 2. 1940–1959. М.: РОССПЭН, 2001. С. 128–165.

2. См. статью «История “проекта секретного доклада”». О чем кричала и о чем молчала комиссия Поспелова, январь–февраль 1956» в данном сборнике.

3. Werth N. Un État contre son peuple. Violences, répressions, terreurs en Union soviétique // *Courtois S., Werth N. et al. Le Livre noir du communisme*. Paris: Laffont, 1997. P. 250–252.

4. Broszat M. L'État hitlérien. L'origine et l'évolution des structures du III-ème Reich. Paris: Fayard, 1985. P. 48–49.

5. Приказ генерала армии Гепнера, командующего 4-й танковой группой (цит. по: *Ingrao C. Violence de guerre, violence génocide : les Einsatzgruppen* // S. Audoin-Rouzeau, A. Becker et al. (dir.), *La Violence de guerre, 1914–1945*. Paris-Bruelles: IHTP-Complexe, 2002. P. 225.

6. *Bartov O. Barbarossa et les origines de la Solution finale* // S. Audoin-Rouzeau, A. Becker et al. (dir.), *La Violence de guerre...* Op. cit. P. 193–217; *Ingrao C. Art. cit.* P. 225–227. Смотрите также следующие фундаментальные исследования: *Bartov O. The Eastern Front 1941–1945. German Troops and the Barbarisation of Warfare* Oxford–New York: Macmillan-St-Antony's, 1985–1986; id. *Hitler's Army. Soldiers, Nazis and War in the Third Reich*. New York: Oxford University Press, 1991.

7. См.: *Ingrao C. Art. cit.* P. 220–221.

8. Поляков Ю. (ред.). Население... Цит. соч. С. 52–56.

9. Там же. С. 58–60.

10. См.: *Audoin-Rouzeau S. Au coeur de la guerre: la violence du champ de bataille pendant les deux conflits mondiaux* // S. Audoin-Rouzeau, A. Becker et al., Op. cit. P. 86; *Bartov O. The Eastern Front...* Op. cit. P. 58.

11. *Streit C. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen, 1941–1945*. Berlin: Verlag J. H. W. Dietz Nachf., 1991. P. 130–131; *Polian P. La violence contre les prisonniers de guerre soviétiques dans le III-ème Reich et en URSS* // S. Audoin-Rouzeau, A. Becker et al. Op. cit. P. 117–131.

12. Ibid.

13. Потери среди гражданских лиц были особенно велики на Украине (4 500 000 погибших, из них 1 430 000 евреев), в Белоруссии (2 200 000 погибших, из них 810 000 евреев), в западных областях России (1 800 000 погибших, из них 170 000 евреев), а также в Латвии (670 000 погибших, из них 220 000 евреев), Литве (650 000 погибших, из них 77 000 евреев), Молдавии (165 000 погибших, из них 130 000 евреев). См.: Поляков Ю. Цит. соч. С. 47–60, 128–165.

14. См.: *Bartov O. The Eastern Front...* Op. cit.; *Dallin A. German Rule in Russia, 1941–1945*. London: Macmillan, 1981; *Sella A. The Value of Human Life in Soviet Warfare*. London–New York: Routledge, 1992.

15. О блокаде Ленинграда, помимо классических работ Гаррисона Солсбери и Александра Верта, см. недавние исследования, позволяющие уточнить (и пересмотреть в сторону некоторого понижения) число жертв блокады: Д. Барбер, А. Дзенискевич, Д. Булганин (ред.). *Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде*. СПб, 2001; *Werth N. Petrograd–Leningrad, l'épreuve du XX-e siècle, 1917–1953* // Saint-Petersbourg, Histoire, anthologie et dictionnaire. Paris: Robert Laffont, 2003 P. 101–112.

16. Полян П. Жертвы двух диктатур. М.: РОССПЭН, 2002. С. 125–144.
17. О германских потерях, ставших предметом многочисленных мифов и дискуссий, см. недавнее исследование Рюдигера Оверманса: *Overmans R. Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg*. München: Oldenbourg, 2000. О советских военных потерях см.: Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах в 1939–1945. Статистическое исследование. М., 1993. О сравнении военных потерь в ходе двух мировых конфликтов см.: *Audoin-Rouzeau S. Art. cit.*
18. Они были особенно многочисленными после первого этапа войны. См. например, приказы, отданные советским главнокомандованием вечером 22 июня 1941 года, и призывавшие к наступлению, в то время как немецкие войска проникли далеко вглубь советской территории. Эти директивы обрекали на окружение и уничтожение сотни тысяч человек. О стратегических и тактических ошибках Сталина и советского главнокомандования см.: *Nekritch A. L'Armée rouge assassinée*. Paris, Stock, 1968.
19. В советских потерях отношение раненых к убитым (2 к 1) выглядит особенно низким по сравнению с другими воевавшими армиями (5 к 1). См.: Гриф секретности... Цит. соч. С. 56–57.
20. См.: Полян П. Цит. соч. С. 124–127.
21. *Weiner A. Saving Private Ivan: From What, Why and How?* // *Kritika*. 2002/2. P. 315. 22. *Bordiugov G. The Popular Mood in Unoccupied Soviet Union; Dzeniskevich N. The Social and Political Situation in Leningrad in the first months of the German Invasion; Gorinov N. The Muscovites' Moods in 1941* // В. Bonwetsch & R. Thurston (eds), *The People's War*. Kansas: University Press, 2001.
23. Примечательно, тем не менее, что москвичи продолжали прислушиваться к сообщениям о нацистских зверствах, передававшимся по сарафанному радио, в большей степени, чем официальным сводкам, клеймящим «фашистского зверя». См.: К. Буров, А. Пономарев (ред.). Москва военная. М., 1996 С. 180–184.
24. Об этих инцидентах см.: *Werth, N., Moullec G. Rapports secrets soviétiques. La société russe dans les documents confidentiels* Paris: Gallimard, 1995. P. 230–238.
25. См.: *Manley R. L'évacuation de la population civile en URSS en 1941* // *Communisme*. № 70–71. 2002. P. 120–138.
26. См.: *Werth N. Un État contre son peuple. Violences, répressions, terreurs en Union soviétique*. Art. cit. P. 241–243; *Martin T. The Origins of Soviet Ethnic Cleansing* // *Journal of Modern History*. 70/4, december 1998. P. 833–835.
27. Указы от 26 июня 1940 года карали исправительно-трудовыми работами без заключения, но с удержанием из зарплаты до 25 % любые прогулы или опоздания без уважительной причины. Самовольный уход из предприятий или учреждений карался 2–4 месяцами заключения.
28. *Filtzer D. Soviet Workers and Late Stalinism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 36.
29. Поляков Ю. (ред.). Цит. соч. С. 115–120.

30. Во время войны советский рабочий мир претерпел изменения почти столь же серьезные, как и в 30-е годы. Учитывая массовые наборы в промышленность (3 миллиона в 1942 году) и тот факт, что около 3 миллионов рабочих были призваны на фронт или остались в зонах оккупации, возможно, что на конец 1942 года оставалась лишь треть тех, кто работал в 1940-м. В 1943–1945 годах были набраны еще 3 миллиона рабочих. Таким образом, по нашим оценкам в 1945 году оставалось ни в коей мере не больше $\frac{1}{4}$ тех, кто работал в 1940 году. См.: *Filtzer D. Op. cit.*

31. Это одна из основных причин, по которой не были признаны результаты этой переписи, якобы «изобилующей грубыми ошибками». О размахе — и границах — религиозного возрождения во время войны, см. недавние статьи Даниэля Пери: *Peris D. God in Now on Our Side: The Religious Revival on Unoccupied Soviet Territory during World War II* // *Kritika*. 1/1, winter 2000. P. 97–118; Капела Беркхоффа: *Berkhoff K. Was there a Religious Revival in Soviet Ukraine under the Nazi Regime?* // *Slavonic and East European Review*. 78/3, July 2000. P. 256–280.

32. *Testimony. The Memoirs of Dimitri Shostakovich*. New York, 1979. P. 135.

33. До войны все кандидаты в партию должны были пройти «испытательный срок» продолжительностью от полугода до двух лет в зависимости от социального происхождения (полгода для рабочего, два года для служащего).

34. См., например, письмо, отправленное молодым солдатом «не того социального происхождения» выходцу из России Александру Верту, британскому военному корреспонденту на Восточном фронте: «Да, я знаю, мои родители были буржуями, они поплатились за это. Неважно — я русский и советский на 100 %. Я горжусь тем, что меня приняли в партию, что я воевал, что четыре года был сталинским солдатом среди миллионов других, которые поднимались в бой с кличем: «За родину, за Сталина!» (*Werth A. La Russie en guerre*. Tome 2. Paris, Stock, 1965. P. 370).

35. По указу от 12 июля 1941 года были освобождены 577 000 заключенных, осужденных, по мнению самих властей, за «незначительные правонарушения» (мелкие кражи, хулиганство, прогулы). Всего в ходе войны 1 068 000 заключенных Гулага отправились из лагеря прямо на фронт, тем самым внося вклад в еще малоизученное, но важное явление «гулагизации армии». См.: *Werth N. Un État contre son peuple...* Art. cit. P. 253.

36. См. недавнюю работу Амира Вайнера о Винницкой области на Украине в военные и послевоенные годы (*Weiner A. Making Sense of War*. Princeton, 2000).

37. См., например: *Князьков А. С. Народное сопротивление*. М.: РАН, 1999.

38. Идея поощрить «стихийный» роспуск колхозов, происходивший на некоторых оккупированных территориях, как считали некоторые нацистские идеологи (особенно, генерал Йодль), могла повлечь за собой внутренний крах режима. 26 февраля 1942 года оккупационные власти приняли

аграрный закон, отменявший все советское законодательство в данной области и трансформировавший колхозы в «коммуны», возрождая тем самым традиционные крестьянские общины. Этот закон в зависимости от региона применялся по-разному. На Украине немцы остерегались поощрять процесс деколлективизации из опасений дезорганизовать производство в богатом сельскохозяйственном районе. В Белоруссии, в регионе, важность которого в сельскохозяйственном плане была незначительной, местами была восстановлена частная собственность на землю.

39. См. статью «Примитивные бунты» в СССР» в данном сборнике.

40. См. на эту тему труды Костырченко Г. В., особенно: В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. Документальное исследование. М., 1994.

41. Великая Отечественная война, 1941–1945. Том IV. М.: «Наука», 1999. С. 153–167.

42. См. статью «История “проекта секретного доклада”. О чем кричала и о чем молчала комиссия Поспелова, январь–февраль 1956 г.» в данном сборнике.

43. См.: Великая... Цит. соч. С. 150–154.

44. См., например, текст Постановления Президиума Верховного Совета от 28 августа 1941 года о депортации немцев Поволжья (приведен в: *Werth N. Un État contre son people...* Art. cit. P. 241.

45. *Werth N. Un État contre son people...* Art. cit. P. 245–247.

46. *Rieber A. Civil Wars in the Soviet Union // Kritika. Vol. 4/1, winter 2003. P. 128–162.*

47. Среди основных «Украинский Центральный комитет», настроенный крайне антипольски и пронемецки; ОУН (Организация украинских националистов), созданная в 1929 году, также с ярко выраженной антипольской и антисоветской направленностью. ОУН быстро разделилась на две основные фракции: одна, под руководством Мельника (ОУН-М) — пронемецкая; другая, возглавлявшаяся Бандерой (ОУН-Б), более настороженно и даже враждебно настроенная к немцам, с 1943 года воевала и против советских, и против немецких войск и устраивала погромы польского гражданского населения, считавшегося «исконным врагом» украинцев. И, наконец, УПА (Украинская повстанческая армия), которую возглавлял Тарас Боровец, представлявший более демократическое и антисталинское направление.

48. Выражение Амира Вайнера. См.: *Op. cit.* P. 135.

49. *Snyder T. «To Resolve the Ukrainian Problem Once and for All»: the Ethnic Cleansing of Ukrainians in Poland, 1943–1947 // Journal of Cold War Studies. 1999. 1/2, P. 86–120.*

50. 134 тысячи арестованных, 203 тысячи депортированных, 153 тысячи убитых, согласно записке, процитированной в Постановлении Президиума ЦК КПСС от 26 мая 1953 года «О положении дел в Западных областях Украинской ССР» // Л. Берия. Документы. М.: Фонд «Демократия», 1999. С. 46–49.

51. 70 тысяч арестованных, 150 тысяч депортированных, около 50 тысяч убитых (Постановление Президиума ЦК КПСС «О положении дел в Литовской ССР») // Там же. С. 49–52.

52. См. статью «Сопrotивление общества в сталинском СССР» в данном сборнике.

53. См.: *Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество. М.: РОССПЭН, 1999. С. 41–42.*

54. Там же. С. 55–60.

55. По данным московской милиции инвалиды войны составляли около половины арестованных в столице в 1946–1947 годах за «попрошайничество и тунеядство» // ГА РФ. 8300/1/93/20–24. См.: *Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М.: РАН, 1996. С. 220–221.*

56. По этим вопросам см. пионерскую работу Павла Поляна: *Полян П. Жертвы двух диктатур. М.: РОССПЭН, 2002.*

57. Выражение, относящееся к выходу из войны после первого мирового конфликта, принадлежит Джону Хорну.

ГЛАВА 16

Сопротивление общества в сталинском СССР*

Растущий интерес историков сталинизма к социальной истории, который стимулируется доступом к открытым документами, обусловил появление в последние десять лет многочисленных исследований форм социального неподчинения, оппозиции и пассивного или активного сопротивления режиму, стратегий выживания, роли общественного мнения, проблемы проникновения в официальные идеологию и ценности целого ряда «субкультур»¹. Ученые, работающие над этими вопросами², в основном, взяли на вооружение формы анализа, предложенные историографией нацизма, в частности, разграничение *widerstand* (радикальное и решительное сопротивление режиму) и *resistenz* (любое поведение, в котором проявляется отторжение режима)³. Многие концепции, использовавшиеся историками *Alltagsgeschichte* (история повседневности), также оказались очень плодотворными в плане изучения того, что после Альфа Людтке⁴ немецкие историки общества называют *Eigensinn*, «забронированной областью», «личным пространством»⁵, в котором на уровне повседневной жизни проявляются как многочисленные формы неподчинения, недовольства, ухода, так и восприятия определенных ценностей режима. Изучение с различных точек зрения стратегий «микросопротивления», этого «оружия слабых», описанного, правда, в другом контексте Джеймсом Скоттом⁶, часто выявляло сложную диалектику присоединения к большинству и отказа, согласия и недовольства, приспособления и пассивного сопротивления, а также механизмы интериоризации принуждения.

Этим новаторским исследованиям предстояло столкнуться с многочисленными методологическими трудностями. Первая связана с источниками. Очень мало тех, что относятся непосредственно к действующим лицам. Да, есть многочисленные петиции, жалобы, требова-

ния, направлявшиеся властям («письма во власть»⁷); но эти документы часто говорят не столько о собственно формах недовольства и протеста, сколько о стратегии связи режима с общественностью: выражение гражданами своего недовольства в письменной форме считалось не представляющим опасности «выпуском пара» и поощрялось властями⁸. Историк, таким образом, оказывается в положении «шпиона» за советскими гражданами, следящего за ними через призму бесчисленных сообщений органов безопасности, военной администрации, различных эшелонов партийной и государственной бюрократии, касающихся «общественных настроений», «политической ситуации в стране», «проявлений антисоветских настроений» и т. д.⁹ Характер этих документов требует большой осторожности в работе с ними, критического анализа и сопоставления с другими источниками.

Из многочисленных трудностей интерпретации в первую очередь упомянем «классические» проблемы, возникающие при работе с этого типа документами: при анализе сообщения или сводки необходимо суметь выявлять требования заказчика, объяснительные схемы, категории и типологии, которыми пользуются составители. Если речь идет о фактической информации для внутреннего пользования, эти документы отражают, прежде всего, некое «видение мира», воспринимающегося через политические, социальные и идеологические отклонения, о которых сообщают в зависимости от существующих норм и концепции порядка, которые, к тому же, меняются вслед за эволюцией «политической линии». Историк, естественно, должен остерегаться того, чтобы интерпретировать, как это делали составители сводок, любое социальное поведение в исключительно политических категориях, видеть политические мотивы в любом поступке, в котором проявляется отторжение режима, или же, напротив, на основе внешнего отсутствия оппозиции делать выводы о некоем «консенсусе». «Сопротивление» — это спутник власти. Чем более тотальной она становится, чем сильнее желание осуществлять контроль над самыми разнообразными сферами общественной и экономической жизни, тем упорнее «сопротивление», причем сама власть все чаще квалифицирует «обычное» социальное поведение как отклонение от нормы, проявление оппозиции или «сопротивление». В этом контексте часто трудно проследить, где пролегает водораздел между намерениями индивидов, степенью осознанности, с которой они совершали деяния, считающиеся отклонением от существующих норм, и трактовка их поведения режимом как проявление политической позиции.

Вторая трудность — подвести количественный баланс. По многим выраженным формам «сопротивления», таким как крестьянские

* Les resistances du social dans l'URSS stalinienne // Actes du colloque «Les Resistances, miroirs des regimes d'oppression». Presses Universitaires de Franche-Comte, 2006. P. 61–85.

восстания и массовые выступления, связанные с коллективизацией и раскулачиванием, централизованная статистика ОГПУ дает достаточно надежную информацию. Но данные о количестве приговоров за «антисоветскую агитацию и пропаганду» интерпретировать гораздо труднее. Что именно отражают серьезные колебания в количестве приговоров — степень недовольства или же уровень репрессий, криминализирующих общественное мнение? Равным образом, отражал ли лавинообразный рост числа сообщений о враждебных комментариях в рабочей среде указов от июня 1940 года (по которым сурово карали за прогулы, опоздания на работу, брак, самовольный уход с предприятий и учреждений) только подъем протестных настроений в рабочей массе? Не отвечал ли он также желанию власти ежедневно быть в курсе реакции рабочего мира на эти крайне непопулярные меры, направленные в том числе и на то, чтобы «опробовать» масштабы принуждения по отношению к части трудящихся накануне войны?

Третья трудность: как создать удовлетворительную типологию «сопротивлений»? Сначала необходимо задаться вопросом о значении в данном контексте этих, таких разнообразных, форм оппозиции, социального неподчинения, несогласия; не включать сюда все то, что не относится к искреннему восхищению режимом; не устанавливать непреодолимых барьеров между различными «уровнями» сопротивлений, зная, что границы между ними размыты и непостоянны. Пассивное несогласие может вылиться в протест, но от него до полного отрицания режима, чреватого большим риском, довольно далеко, а «количественный скачок», как правило, готовы сделать немногие.

Таким образом, одна из основных трудностей в определении «сопротивления» в том виде, в каком оно присутствует в историографии нацизма, развивавшейся усилиями таких историков как Мартин Бротт, Детлев Пойкерт, Герхард Ботц, Иэн Кершоу состоит в выявлении его, часто изменчивых, контуров и на их основании разработать типологию, пусть и приблизительную. Взяв на вооружение большие категории, позволяющие принимать в расчет «наложения» друг на друга различных уровней, предложенные Иэном Кершоу¹⁰ на примере нацистской Германии, я выделяю четыре уровня (или круга) «сопротивлений» в сталинском СССР.

1. Активное сопротивление (так и обозначающееся на русском языке — *сопротивление*), которое можно определить как участие в более-менее организованных коллективных действиях, выражающих полное отторжение советской системы или, по крайней мере, основной составляющей политики режима. В зависимости от контекста и

масштаба, крестьянские восстания, мятежи и массовые выступления против коллективизации, сопротивление советизации на Украине и в Прибалтике во второй половине 40-х годов, восстания, организованные подпольными группами украинских или прибалтийских националистов в лагерях Гулага в начале 50-х годов, могут быть квалифицированы как *сопротивление*.

2. Социальное неподчинение (*стихийность*, выражение, обозначающее хаос, вызванный не поддающимися контролю природными или общественными силами), объединяющее широкую палитру действий и моделей поведения, являющихся формой неподчинения или отклонения от официальных законов и ценностей или же отказ от сотрудничества, как правило, индивидуальный или, реже, ограниченной группы лиц. Для властей *стихийность*, представленная плохо управляемым, непокорным обществом, была не просто совокупностью индивидуальных актов социального неподчинения. Она была проявлением если не открытой политической оппозиции, то, по крайней мере, часто неуловимой — что делало ее еще опасней — формы «антисоветского» или «мелкобуржуазного» коллективного сознания. В действительности мотивы этих действий были крайне разнообразны. Они иногда выражались в открытом отрицании системы — в случае «социального бандитизма», специфического примера девиантности, в котором смешивались сопротивление новому социально-экономическому порядку, навязанному коллективизированной деревне, и уголовная преступность¹¹. Тем не менее, чаще всего социальное неподчинение — в различных формах — не подразумевало полного отрицания политической системы и общественного порядка. Оно, скорее, являлось проявлением стратегий ухода от контроля, от ограничений и запретов, установленных режимом в самых разнообразных сферах экономической и общественной жизни. Еще чаще социальное неподчинение свидетельствовало о борьбе за выживание в условиях крайней нужды, неурожая и даже голода. «Растаскивание колхозного имущества», «незаконный захват земель», мелкие кражи и растраты, мелкая спекуляция, вызванная «экономикой дефицита», систематически криминализовавшиеся властью, представляли собой основную причину направления на принудительные работы. «Отказ от сотрудничества» являлся другим важным аспектом социального неподчинения, находившегося на стыке неповиновения и несогласия. В качестве примера наиболее частых форм напомним массовые невыходы на работу в колхозах, отказы сеять, ремонтировать сельскохозяйственную технику, невыполнение плана обязательных поставок, а на предприятиях — массовые прогулы, брак на произ-

водстве, *текучку* (частая смена места работы, несмотря на все более суровые наказания за «самовольный уход» с предприятия). Среди наиболее существенных «отказов от сотрудничества» — и труднее всего поддающихся интерпретации — нежелание и даже отказ, всегда личный, но иногда широко распространенный, некоторых советских работников (председатели колхозов или директора предприятий, судьи, прокуроры) выполнять директивы или подчиняться законам. Что стояло за этим явлением? Некомпетентность, недисциплинированность, незнание того, что от них ждали наверху, или сознательный отказ осуществлять мероприятия, которые эти руководители осуждали из солидарности с «простым народом», выходцами из которого они сами зачастую были?

3. Несогласие или расхождение во взглядах, которое можно определить как любую форму оппозиционных и неконформистских настроений, выражающую в стихийной форме критику по отношению к тому или иному аспекту режима и его политики. Несогласие демонстрирует границы контроля официальной идеологии и пропаганды над обществом, сохранение альтернативных каналов информации, степень самостоятельности общественного мнения. Тем не менее, оно не подразумевает ни отрицания системы, ни даже перехода к актам неподчинения. Несогласие и недовольство, какими бы сильными они ни были, прекрасно могут сосуществовать у одного и того же человека, в других обстоятельствах, с политическим конформизмом. То, как это несогласие или терпят, или подавляют — в зависимости от политической конъюнктуры — дает важную информацию о «пороге терпимости» по отношению к мнениям, не совпадающим с официальной идеологией, принятой сталинским режимом.

4. Четвертый круг общественного сопротивления (в самом широком смысле слова), наконец, включает в себя прежде всего все то, что относится к непроницаемости культур, традиций, образа жизни, моделей социального и демографического поведения, давно укоренившихся и глубоко чуждых нормам, ценностям и идеологии режима. Здесь мы имеем дело с «сопротивлением», которое выражалось скорее в модели ухода или взаимного игнорирования, нежели в модели отрицания или конфликта. Речь может идти о таких разнообразных явлениях как сохранение религиозных праздников в атеистическом государстве, живучесть в деревнях прежней традиции *самосуда*, укоренение раскольничьих общин или сохранение разнообразных и разнородных семейно-демографических моделей, сопротивлявшихся попыткам привести все к единому знаменателю, направленным на создание «нового человека».

Ставшая доступной для исследователей обильная документация по советскому обществу при сталинизме (напомним, в основном исходящая из бюрократических источников, а не от самих действующих лиц) свидетельствует о высоком уровне «социального беспорядка», сохранении многочисленных разнообразных форм общественно-политического сопротивления, существовании на протяжении всего сталинского периода советской истории серьезных трений между режимом, который стремился распространить свой контроль на все большее количество сфер общественной жизни, и обществом, которое противопоставляло этому бесконечную гамму способов «сопротивления», чаще всего пассивных, опробовало различные стратегии ухода или выживания. У столкнувшихся с этим непокорным обществом руководителей, похоже, развился настоящий комплекс беспокойства, усугублявшийся информацией о положении в стране, которую они получали от органов безопасности, всегда готовых сообщить о социальных, политических или идеологических отклонениях. Трудности (реальные или мнимые) режима в установлении контроля над обществом, в свою очередь, подпитывали государственное насилие, обращенное по преимуществу вовнутрь (а не вовне, как в случае с нацистским насилием). Принятие во внимание постоянных конфликтов, порождавшихся цепочкой — сопротивление общества контролю режима, политическое наступление, направленное на восстановление контроля и изменение социально-экономических параметров, реакция общественного сопротивления, репрессии путем криминализации и политизации моделей социального поведения, считавшихся девиантными или неконформистскими — позволяет лучше понять суть внутренней динамики сталинизма и процессов, питающих государственное насилие. Такой подход несколько корректирует статическое представление об обществе, подчиненном тоталитарному порядку «идеократического» режима, преуспевшего в деле контроля и господства.

После этих замечаний общего порядка попытаемся показать на примере послевоенных лет, как сохранялись и проявлялись самые разнообразные формы общественного сопротивления. Выбор послевоенных лет кажется нам уместным по двум причинам: с одной стороны, потому что они гораздо менее изучены, чем 30-е годы¹²; с другой, и в первую очередь, потому что они представляют собой годы, когда контроль сталинского государства над обществом был наиболее всеобъемлющим, наиболее эффективным, наиболее близким, наконец, реализованной тоталитарной модели. Это было время торжества *ждановщины*, крайнего выражения идеологического контроля над

настроениями общества в условиях напряженной международной обстановки периода начала холодной войны. Социальная история послевоенных лет, этого «второго сталинизма»¹³, обнаруживает у советских властей сохранение синдрома беспокойства перед лицом все еще непокорного общества в условиях часто неэффективной кадровой политики и многообразия форм сопротивления.

В эти годы сталинскому режиму приходилось противостоять на западных окраинах СССР активнейшему сопротивлению, с которым он никогда не сталкивался ранее, сопротивлению, подчиненному четкой цели: изгнать советского оккупанта. Эта история, долгое время оставшаяся белым пятном, начала получать известность в последние десятилетия с развитием — после развала СССР — национальных историографий (особенно украинской и прибалтийской). Историографий с тенденцией к апологетизации, прославлению героев антисоветского сопротивления и к замалчиванию в целом других аспектов «интегрального национализма», исповедовавшегося полувоенными соединениями «партизан» и «участников национальных движений» — в особенности двусмысленности взаимоотношений этих формирований с нацистским оккупантом во время Второй мировой войны, не говоря уж об их иногда весьма активном участии в истреблении евреев и в кампаниях по этнической чистке (подобно той, что в конце 1943 года УПА, Украинская Повстанческая Армия, провела против польского мирного населения на Волынской и Подольской земле¹⁴). Героические деяния «борцов за свободу», сражавшихся против советизации Украины и Прибалтики, разумеется, лишь одна сторона сопротивления, о котором свидетельствуют разнообразные бюрократические, военные и иные источники («спецсообщения» министра внутренних дел, направлявшиеся Сталину, Молотову и Берии, фонды отдела по борьбе с бандитизмом и архивы частей особого назначения внутренних войск, архивы «спецпоселений» Гулага, архивы областных парторганизаций Западной Украины и компартий трех прибалтийских республик). Все эти документы указывают на специфику западных окраин СССР, вставших на путь советизации, и особую важность «украино-прибалтийского вопроса» в первые послевоенные годы: так, во второй половине 40-х годов «борьба с политическим бандитизмом на Западной Украине и в Прибалтике» являлась основным предметом донесений, направлявшихся министерствами внутренних дел и госбезопасности трем главным руководителям страны (Сталин, Молотов и Берия)¹⁵.

На этом «Диком Западе» (так иногда в донесениях органов безопасности обозначались территории Западной Украины, Молдавии

и Прибалтики, аннексированные в 1939–1940 годах, утраченные в первые три года войны и вновь завоеванные со второй половины 1944 года) процесс советизации затянулся почти на семь лет (1944–1950) и вызвал вооруженное сопротивление, подавлявшееся масштабными репрессиями. В ходе этого бесконечного выхода из войны около миллиона человек — из общего населения в 15 миллионов — оказались затронутыми карательными операциями: около 220 тысяч были убиты в вооруженных столкновениях (из них 150 тысяч на Западной Украине и около 70 тысяч в Прибалтике); 250 тысяч были арестованы и осуждены в упрощенном порядке за «контрреволюционную деятельность»; около 430 тысяч были депортированы в качестве «буржуазных националистов и членов их семей»¹⁶. Размах движения сопротивления в этих регионах был естественным образом связан с тем, что новый режим там воспринимался большей частью населения как режим оккупационный, который к тому же пытался навязать крайне непопулярные структурные реформы, такие как коллективизация земельных участков. Наиболее сильное вооруженное сопротивление советизации имело место на Западной Украине, где со времен первой советской оккупации (сентябрь 1939 — июнь 1941) существовала мощная подпольная вооруженная организация, ОУН (Организация украинских националистов), ряды которой пополняли крестьяне, враждебно воспринявшие коллективизацию. Во время нацистской оккупации, воспринятой скорее положительно (по крайней мере вначале) в деревнях Западной Украины, руководство ОУН попыталось — и безуспешно — сформировать во Львове независимое правительство. В июле 1944 года, когда Красная армия вошла в Западную Украину, ОУН учредила Украинскую Головную Визвольную Раду. ОУН и ее вооруженное крыло УПА почти десять лет вели партизанскую войну против особых частей МВД (пользовавшихся мрачной репутацией «истребительных» отрядов Отдела по борьбе с бандитизмом)¹⁷. Согласно официальному подсчету, с июля 1944 по март 1953 года украинские «бандиты» осуществили более 14 400 «террористических вылазок», в основном, это были нападения на местных представителей советской власти, поджоги и погромы государственных учреждений, вооруженные нападения на железнодорожные составы¹⁸. В ходе двух самых ожесточенных лет (1945–1946 годы) этой грязной усмирительной войны более 72 тысяч украинских и прибалтийских партизан были убиты, 102 тысячи взяты в плен, 67 тысяч сдались во время «недель амнистии» (сдававшихся амнистировали); кроме того, в ходе вооруженных столкновений или «сведения счетов» были убиты 16 тысяч гражданских лиц,

а также 3500 сотрудников войск МВД и более 7 тысяч коммунистов и комсомольцев, направленных в эти опасные края¹⁹. С 1947 года интенсивность столкновений начала ослабевать; тем не менее, именно в этот год убиты или арестованы были десятки тысяч «бандитов»; только в областях Западной Украины в 1947 году убито более 2400 представителей партсоактива²⁰.

До начала 1947 года отрядам ОУН–УПА, которых поддерживало крестьянство, не принимавшее коллективизацию, удавалось контролировать часть «сельской глубинки» в некоторых приграничных районах Западной Украины. Силы УПА действовали на границах Польши и Чехословакии, переходя из страны в страну, чтобы избежать встречи с советскими внутренними войсками. Чтобы лишить мятеж его польских баз, польское правительство по требованию советских властей переместило все украинское население, проживавшее на юго-востоке Польши (несколько сотен тысяч человек) на северо-запад страны. Одновременно (октябрь 1947 года) особые части МВД начали масштабную операцию по депортации в Сибирь «членов семей бандитов и их пособников»: 22–23 октября в течение 48 часов более 77 тысяч подозрительных элементов были арестованы и депортированы в административном порядке. Села Западной Украины были усмирены лишь в 1950 году ценой масштабных карательных операций, перемещения целых селений и массовых депортаций. По официальным данным Министерства внутренних дел на Западной Украине репрессиям подверглись полмиллиона человек²¹. Несмотря на размах карательных операций, в секретной записке в Президиум ЦК, составленной спустя два месяца после смерти Сталина, признавался «очевидный провал политики, проводимой против националистических подпольных организаций только средствами массовых репрессий и военно-чекистских истребительных операций», признавалось, что «бестолковое применение репрессий лишь вызывает недовольство населения и наносит вред делу борьбы с буржуазными националистами. [...] О явной неудовлетворительности проводимых мер борьбы с буржуазно-националистическим подпольем говорит тот факт, что около 8000 человек из молодежи, подлежащей набору в ремесленные училища и школы ФЗО, перешло на нелегальное положение»²².

В прибалтийских республиках сопротивление советизации не принимало столь организованные формы, как на Западной Украине. Там не было ни одной организации, столь же мощной как ОУН, которой удалось бы надолго объединить многочисленные очаги сопротивления оккупанту, более активные в аграрной, католической Литве, чем в урбанизированных и преимущественно протестантских Латвии

или Эстонии. Тем не менее, согласно источникам МВД, с лета 1944 по конец 1946 годов многие сотни отрядов «бандитов» совершили в трех прибалтийских республиках более 8 тысяч «террористических актов», унесших жизни 13 тысяч сотрудников советских гражданских и военных органов²³. По другим данным, в столкновениях советских правоохранительных органов и литовских партизан в 1947–1948 годах погибли 25 тысяч человек²⁴. Чтобы уничтожить эти отряды, которые, благодаря поддержке местного населения, контролировали «глубинку», особенно в Литве, МВД в мае 1948 и феврале–марте 1949 годов организовало две крупные операции по депортации «семей кулаков, буржуазных националистов и бандитов» (около 50 тысяч депортированных из одной только Литвы в мае 1948 года и более 95 тысяч — из трех прибалтийских республик в феврале–марте 1949 года)²⁵. «Партийное и советское руководство Литвы, — признавалось в мае 1953 года в постановлении президиума ЦК, — перепоручило важное дело ликвидации буржуазно-националистического подполья органам государственной безопасности, а те, в свою очередь, в основном, свели это дело к массовым репрессиям и чекистско-войсковым операциям, задевающим широкие слои населения»²⁶.

Продолжением украинского и прибалтийского сопротивления советизации стали действия подпольных организаций заключенных, создававшихся в основном украинскими и прибалтийскими «националистами», отправленными в Гулаг. В послевоенные годы они составляли значительную часть (около 40 %) из приблизительно 600 тысяч «политических», отбывающих в лагерях сроки от 10 до 25 лет. Создание в 1948 году «особых лагерей» для «особо опасных» политических заключенных избавило «националистов» от присутствия уголовников. Многие заключенные «особлагов», бывшие члены УОН, УПА и других антисоветских партизанских групп воссоздали свои подпольные структуры. По данным инспекции, проведенной по указанию руководства Гулага в начале 50-х годов, «националистическому» подполью удалось до некоторой степени превратить «особые лагеря» в очаги неподчинения, откуда были изгнаны доносчики, где никогда не выполнялись производственные планы и где по воскресеньям украинские заключенные присутствовали на мессе, проводимой униатским священником²⁷. Столкнувшись с такой ситуацией, начальство пенитенциарных учреждений отреагировало организацией массовых перемещений заключенных из лагеря в лагерь, чтобы разорвать контакты подпольщиков; чаще всего они добивались лишь того, что рассредоточивали «зачинщиков», которым зачастую удавалось воссоздать воинственно настроенные организации²⁸.

В 1948–1953 годах по Гулагу прокатились десятки голодовок, коллективных побегов, «беспорядков» и мятежей²⁹. Большая часть была организована комитетами сопротивления, которые чаще всего возглавляли воинствующие «националисты». Украинская и прибалтийские подпольные организации сыграли ключевую роль в забастовках и мятежах, вспыхнувших после смерти Сталина и последовавшей за ней амнистии (из которой были исключены «политические»)³⁰. Требования, выдвигавшиеся этими группами, возглавлявшимися украинцами-членами ОУН и УПА, во время восстаний в Горлаге (май 1953, 14 тысяч участников), Степлаге (май–июнь 1954, 5 тысяч участников) и Речлаге (июль 1954, 12 тысяч участников): ограничение рабочего дня восьмью часами, улучшение условий жизни, пересмотр приговоров, предоставление привилегированного статуса «политзаключенного» — первоначально отвергавшиеся, были частично удовлетворены в ходе реформы лагерной системы в 1954–1955 годах, что красноречиво свидетельствовало об изменениях, произошедших после смерти Сталина.

Сталинскому режиму в его попытках контролировать общество, тем не менее, чаще приходилось сталкиваться с разнообразными формами социального неподчинения, чем с организованным коллективным сопротивлением.

В послевоенные годы³¹ это социальное неподчинение выражалось одновременно и в необычайной изобретательности, позволявшей обходить бесчисленные ограничения и запреты, в первую очередь в экономической сфере, но также и прежде всего — в стратегиях выживания в условиях крайних лишений, ставших следствием частично военных разрушений, частично политики режима, целиком направленной на восстановление военно-промышленной базы страны за счет нужд населения. Здесь мы рассмотрим три формы массового неподчинения, против которого сталинский режим развернул, хоть и без большого успеха, но с большой энергией, масштабные репрессии: «спекуляция», «самовольный уход с предприятий» и «хищение общественной собственности».

В условиях растущей, как снежный ком, нищеты, сосуществования различных систем снабжения, нормирования пайков и ценообразования, властям так и не удалось, несмотря на очень жесткое законодательство, уничтожить нелегальные способы производства и товарооборота: лжеартели, по сути — настоящие частные предприятия на дому, использовавшие сотни наемных работников, занимающихся переработкой сырья; рестораны и другие частные предприятия, замаскированные под столовые или кооперативные ма-

газины, не говоря уж о сотнях тысяч (возможно, миллионах) людей, живущих извозом и перепродажей дефицитных товаров — то есть все то, что обозначалось общим термином «спекуляция». Во время войны режиму пришлось разрешить колхозникам продавать продукцию со своего участка, позволяя, таким образом, развиваться свободному рынку. Закрывая глаза на многочисленные «нарушения социалистической законности», власти обеспечивали участие крестьян в решении военных задач, стоящих перед страной. Временное ослабление экономического контроля способствовало возрождению сословия сельских кустарей (особенно активного в 20-е годы), удовлетворявших потребность в мануфактурной продукции, в то время как армии *мешочников*, символа времен «военного коммунизма», которые, как считалось, давно исчезли, способствовали расцвету черного рынка. С окончанием войны эта параллельная экономика не просто не исчезла, а продолжала процветать, вызывая беспокойство властей³². Расследования, спешно проведенные в 1946–1947 годах Министерством государственного контроля, выявили масштаб явления: десятки тысяч ткачей, работающих на дому на существующие лишь на бумаге кооперативы в Рязанской области; тысячи замаскированных под «кооперативы» частных кафе и ресторанов, ведущих оживленную деятельность в Средней Азии и Грузии, а также в Москве, Ленинграде и Киеве; сельские кустари, изготавливавшие в Курской области разнообразную продукцию (мыло, корзины, валенки, бочки, одежду и т. д.) для местного рынка; областная партноменклатура, покупающая в действующих совершенно незаконно частных подпольных цехах костюмы, спитые из ткани, украденной с государственных текстильных предприятий³³. Столкнувшись с этим, многие ответственные работники Министерства финансов предложили легализовать некоторые виды торговли и кустарной промышленности. После оживленных дебатов правительство сделало выбор в пользу жесткости и репрессий. Вслед за Постановлением Совета министров СССР от 14 апреля 1948 года «О проникновении частника в кооперацию и предприятия местной промышленности» было закрыто около 15 тысяч частных подпольных предприятий, а около 18 500 «предпринимателей» приговорены к ИТЛ³⁴.

Среди других форм социального неподчинения, особенно распространенных в первые послевоенные годы, был «самовольный уход с предприятий». После принятия закона от 26 декабря 1941 года рабочие оборонных предприятий, а также железнодорожники карались заключением на длительные сроки (5–8 лет) за любой самовольный уход с места работы. В ходе войны более 900 тысяч трудящих-

ся были осуждены по этому закону, тем более непопулярному, что он лишал рабочего его последнего козыря — возможности сменить работу в условиях экономики, постоянно испытывавшей нехватку рабочей силы³⁵. Сохранение этих драконовских законов после войны вызвало активное недовольство, особенно среди миллионов рабочих, эвакуированных на восток в 1941–1942 годах и вынужденных мириться с тяжелыми условиями труда (и жилищными условиями) шахт и предприятий тяжелой промышленности Урала, Сибири и Казахстана. Препятствия, которые чинились рабочим, желавшим вернуться домой, стояли у истоков отказов от работы и даже забастовок, вспыхнувших летом 1945 года, первых движений такого масштаба со времен рабочих волнений 1932 года³⁶. Чтобы завершить восстановление страны и избежать текучки рабочих кадров, которые хотели вздохнуть свободно после стольких лет работы для Победы³⁷, правительство до мая 1948 года сохраняло в силе репрессивные положения закона от 26 декабря 1941 года³⁸. Министерство трудовых резервов вновь стало прибегать к *оргнабору*, системе, введенной в 30-х годах: нанятые рабочие, в основном, низкоквалифицированная рабочая сила из сельской местности, обязывались не разрывать договор в течение пяти лет под угрозой подвергнуться наказанию в качестве «дезертиров с трудового фронта» (5–8 лет ИТЛ), даже если их предприятие не являлось оборонным. Другим источником рабочей силы была обязательная мобилизация сельской молодежи в возрасте от 14 до 17 лет в школы фабрично-заводского обучения³⁹. Побег из школы ФЗО карался годом колонии. Несмотря на драконовские законы, «дезертирство с предприятий» держалось на очень высоком уровне на протяжении всех послевоенных лет. Это массовое бегство рабочих было вызвано чрезвычайно тяжелыми, даже для крестьян, которые только что вырвались из нищеты, условиями труда, быта и проживания. В 1947 году, несмотря на грозившие санкции, «дезертировало» 20–25 % рабочей силы шахт и предприятий тяжелой промышленности Кузбасса и Донбасса; еще более высокой (до 40 %) была доля «беглецов» среди молодых рабочих, попавших из школы ФЗО прямо на шахту⁴⁰. Учитывая, что в послевоенные (1946–1953) годы в промышленность и на стройки было набрано более 10 миллионов человек⁴¹, количество «беглецов» можно оценить в несколько миллионов, что красноречиво свидетельствует о масштабах этой формы неподчинения и маргинализации. Еще интереснее то, что лишь небольшая часть таких «дезертиров» подвергалась санкциям⁴². Руководители предприятий не сообщали в органы о самовольных уходах своих рабочих, закрывали глаза на позднее возвращение из отпусков, которое

иногда затягивалось на несколько месяцев, выдавали рабочим (иногда за взятку) «справки об увольнении по техническим причинам»⁴³. Прокуроры, судьи и милиционеры не проявляли никакого усердия в преследовании «беглецов». Вернувшись к себе, последние, особенно если они были родом из деревни, пользовались помощью *землячества*, в которых руководство колхоза, сельсовета, партийной ячейки играло важную роль. Безусловно, сталинскому режиму приходилось нелегко в борьбе с текучкой рабочей силы исключительно репрессивными методами.

Хищение «общественного имущества», в еще большей степени, чем бегство, было распространенной массовой реакцией на условия крайней нищеты, особенно в коллективизированных деревнях, подвергавшихся непрерывному ограблению со стороны государства. Часто, не получая никакого вознаграждения за работу на общественных полях, колхозники были вынуждены утаивать для собственного пользования часть сельскохозяйственной продукции до ее сдачи в государственные заготовительные пункты. Чем выше были планы по заготовкам, тем многочисленнее становились хищения. В условиях экономики хронического дефицита хищения на предприятиях или в системе снабжения «дефицитных» продуктов также были очень распространенным явлением. На некоторых предприятиях процент несунув, пойманных с поличным, был настолько высоким, что руководство закрывало на это глаза и переставало передавать дела в милицию или прокуратуру⁴⁴. Если дело доходило до суда, тот часто выносил приговоры ниже установленного законом предела⁴⁵.

Хищение, индивидуальное или в составе организованной группы, часто совершавшееся в стоворе с руководством на местах — председателями колхозов, завмагами, председателями кооперативов, директорами элеваторов, бригадирами — рассматривалась режимом как самая коварная форма социального неподчинения, с которой необходимо безжалостно бороться с помощью сверхрепрессивного законодательства. Для Сталина «хищение общественной собственности» было наиболее ярким признаком сохранения «индивидуально-рваческих привычек, навыков, традиций, [...] распатывающих основы нового общества»⁴⁶. Сталин сам был инициатором закона от 7 августа 1932 года, который карал десятью годами ИТЛ (а в некоторых случаях расстрелом) «хищение колхозного и кооперативного имущества»⁴⁷. Он принял личное активное участие в написании 15 лет спустя еще двух указов (4 июня 1947 года), по которым за 6 лет около полутора миллионов человек приговорили к срокам от 5 до 25 лет за хищение «государственного имущества»⁴⁸. К моменту смерти

Сталина половина заключенных Гулага (1 240 тысяч из чуть более 2 500 тысяч) отбывало наказание по этим указам⁴⁹. Примечательно, что «злодейские законы» 1932 и 1947 годов принимались в моменты общественно-экономического кризиса. Летом 1932 года режим должен был противостоять сопротивлению на «фронте заготовок», поскольку крестьяне отказывались выполнять нереальные планы поставок сельскохозяйственной продукции государству, обрекавшие их на голод. В 1947 году из-за катастрофического неурожая, которого страна никогда раньше не знала, режиму, отказывавшемуся сокращать «государственные продовольственные резервы» в условиях напряженной международной обстановки, ознаменованной началом «холодной войны», приходилось испытывать схожие трудности в выполнении «плана по заготовкам». В обоих случаях население заплатило очень высокую цену (6 миллионов умерших от голода в 1932–1933 годах и 1 миллион в 1946–1947 годах) за политику советского правительства. В обоих случаях реакция на общественно-экономический кризис принимала одну и ту же форму — форму криминализации моделей поведения населения, вынужденного воровать, чтобы выжить⁵⁰. Эта исключительно репрессивная реакция не могла не привести к перегибам, жертвами которых в первую очередь стали самые уязвимые члены общества (в 1946–1947 годах это были многочисленные солдатские вдовы, вынужденные воровать, чтобы прокормить находившихся у них на попечении детей, молодые маргинальные элементы, беспризорные дети, инвалиды войны). В этой ситуации многие местные руководители, не терявшие контакт с реальностью и часто вышедшие из той же среды, что и их подчиненные, проявляли с ними солидарность. Колхозное руководство, несомненно, было самым слабым звеном сталинской бюрократии. Напомним, что в 1932–1933 годах более трети председателей колхозов были смещены (и часто осуждены) по большей части за «антигосударственную вредительскую деятельность в системе Заготзерно».⁵¹ Идентичный процесс, пусть и меньшего масштаба, но, тем не менее, все еще весьма массовый, шел в первые послевоенные годы, спустя 20 лет после начала коллективизации. В 1946–1948 годах более 21 тысячи председателей колхозов (или около 10 % их общего числа) предстали перед судом за хищение или «растаскивание колхозного имущества», хотя речь шла зачастую о распределении между крестьянами ссуд, причем очень скромных, до выполнения колхозных обязательств перед государством⁵². В то же время некоторые судьи, которых призывали применять указы от 4 июня 1947 года, пытались переqualифицировать мелкие кражи с помощью более мягкой статьи Уголовного кодекса⁵³. Можно

привести много примеров, иллюстрирующих отказы низовых функционеров от сотрудничества. Эти отказы трудно интерпретировать однозначно. Одно точно: репрессии, основанные на криминализации «обычных» моделей поведения, на очевидном несоответствии между проступком, совершенным в стрессовой ситуации, и тяжестью наказания, наталкивались на отказ сотрудничать со стороны именно тех, кому было поручено обуздывать непокорное общество.

Степень самостоятельности общественного мнения, формы несогласия, неконформизма или недовольства тем или иным аспектом политики режима историк сталинизма может сегодня оценить с помощью целого ряда источников⁵⁴: сводки о «настроениях в народе», составлявшиеся информотделами районных и областных парторганизаций и органов безопасности, отчеты почтовой и военной цензуры, анонимные или подписанные письма, расславшиеся в большом количестве в различные бюрократические инстанции и руководству страны.

Многие недавние исследования, посвященные послевоенному советскому обществу⁵⁵, показали высокий протестный потенциал, выразившийся в удивительной свободе высказываний, которую позволяли себе в первые послевоенные годы, в первую очередь, ветераны (около 20 миллионов человек). Военные годы (особенно на фронте) были отмечены новой манерой общаться и получать информацию, отступлением страха перед доносчиками, достигшего апогея к концу 30-х годов⁵⁶. Да, среди *фронтовиков* Сталин пользовался огромным авторитетом. Война, а главное, победа, безусловно, были творцами консенсуса, и культ Сталина, отождествлявшегося с Родиной, захватил даже фронтовиков из деревень, в которых ненависть к колхозной системе и местным коммунистическим бюрократам оставалась неизбывной со времен насильственной коллективизации. В 1945 году режим пользовался гораздо более широкой народной поддержкой, чем до войны. И, тем не менее, было ли готово общество принять возвращение к *status quo ante bellum*? «Прошлое не может повториться... народ пережил слишком много. Что-то должно произойти», — писал в день Победы Илья Эренбург в своем дневнике. Фронтовики, вышедшие из рабочей среды, надеялись, что «злодейские законы» 1940–1941 годов, криминализирующие трудовые отношения, будут отменены, фронтовики-представители интеллигенции — на то, что сохранится тот уровень свободомыслия, который был достигнут во время войны; что касается фронтовиков из крестьянства, они рассчитывали, что, наконец, распустят колхозы. Об этом свидетельствует волна слухов, распространившихся летом 1945 года

во многих областях (Псковская, Пензенская, Воронежская, Курская, Ростовская), отстоящих друг от друга на сотни и даже более чем на тысячу километров, согласно которым колхозы будут ликвидированы: «На конференции в Сан-Франциско тов. Молотову предложили отказаться от большевиков и от колхозов. От колхозов тов. Молотов отказался, а от большевиков не захотел отказаться, поэтому Америка объявила России войну», — говорили в Воронежской области, в то время как в Курской демобилизованные крестьяне утверждали, что Жуков якобы обещал добиться от Сталина роспуска колхозов в качестве «награды» за взятие Берлина⁵⁷. Эти слухи свидетельствовали о живучести травмы, нанесенной введением «второго крепостного права» (именно так многие крестьяне называли насильственную коллективизацию); они говорили и о том, насколько хаотичным было восприятие в самых отдаленных деревнях внешнего мира через рассказы демобилизованных и «услышанное» по радио. Власти были готовы отнести эти слухи на счет «иностранным влияниям», которым была заражена часть из примерно 13 миллионов советских граждан (8 миллионов фронтовиков и 5 миллионов гражданских лиц, угнанных на работу в Германию), впервые в жизни покинувших СССР. Как единодушно писали все авторы воспоминаний о Великой Отечественной войне⁵⁸, и как свидетельствуют перехваченные военной цензурой письма с фронта, открытие солдатами Красной армии «европейской цивилизации», асфальтированных дорог и домов Восточной Пруссии стало для них настоящим потрясением и головной болью — для армейских политотделов. Бесчисленные проблемы, с которыми фронтовики сталкивались в возвращении к гражданской жизни, тем не менее, делали маловероятным явление «неодекабризма»⁵⁹, которого, как кажется, опасалась часть политического руководства. В действительности чаяния, надежды и беспокойства ветеранов выражались по преимуществу в категориях «нравственной экономики признания»⁶⁰ и чаще всего сводились к одному простому вопросу, присутствовавшему в бесчисленных письмах и прошениях, направлявшихся руководителям страны в первые послевоенные годы: «Разве мы не завоевали для нас и для наших детей право жить лучше?» Это чувство, которое два русских историка назвали «синдром украденной победы»⁶¹, чувство разочарования, испытывали в первые послевоенные годы многие советские люди, убежденные в том, что победа, их победа, принесет перемены, но были обмануты в своих ожиданиях; власти хотели распорядиться своей победой, вернуться к довоенной модели экономического развития, ставившей во главу угла военно-промышленный комплекс

за счет потребительских нужд советских граждан, положить конец «либеральным уклонам» (или просто децентрализаторским тенденциям), которые режим был вынужден терпеть во время войны.

«С конца войны мы отмечаем в письмах, прошениях и личных обращениях все более настойчивые требования. Жалующиеся считают, что теперь, когда война закончилась победой, бесчисленные нужды населения могут и должны быть немедленно удовлетворены». Так один из руководителей секретариата Президиума Верховного Совета СССР завершал в начале 1946 года свой годовой отчет⁶². В 1946 году только службы секретариата Президиума Верховного Совета зафиксировали 324 424 просьбы (письменных или устных ходатайств) — в 5 раз больше, чем в 1940 году!⁶³

Без сомнения, моментом истины для властей, в полной мере осознавших масштаб протестного потенциала и непривычного свободомыслия «масс», стали выборы в Верховный Совет в феврале 1946 года. Эти выборы, естественно, не имели никакого самостоятельного политического значения. Они были частью ритуала подтверждения «нерушимого союза партии и народа». Кроме того, сама процедура выборов предоставляла властям возможность оценить — на сотнях тысяч предвыборных собраний — состояние общественного мнения, которое фиксировалось в тысячах сводок. Люди не говорили «всего», но были подняты многие темы, и в сводках систематически приводились задававшиеся вопросы. По сравнению с последним ритуалом такого рода (имевшим место в начале 1937 года) языки у населения явно развязались. Среди поднимаемых вопросов процитируем: «Почему, хотя война закончилась, у нас до сих пор нет права менять работу?», «Когда нам разрешат вернуться домой?», «Советская конституция гарантирует право на образование. Почему в старших классах школы надо платить, если образование считается бесплатным?», «Что дает государство колхознику? Почему не увеличивают размер подсобного хозяйства?»⁶⁴. Некоторые высказывания звучали еще более провокационно: «В избирательный бюллетень включают только одну кандидатуру, это нарушение демократии». «Государство напрасно тратит средства на выборы, все равно оно проведет тех, кого захочет!»⁶⁵ Особенно острые критические стрелы были выпущены в адрес «начальников», «наедавших животы» во время войны. Избиратели уделяли повышенное внимание тому, чем занимались кандидаты, предложенные властями, в военные годы. Сражались ли они на фронте? В каких частях? Эвакуировались ли в тыл? Провели ли войну в «теплом кабинете»? Случалось даже, что участники тех предвыборных собраний, на которых фронтовики особенно активно стремились

заставить принять боевой опыт в качестве нового источника политической и социальной легитимности, предлагали «альтернативные» кандидатуры⁶⁶. Многие вопросы касались международного положения — угрозы новой войны, но также и политических и избирательных систем в странах-союзниках (по антигитлеровской коалиции). Об этом знали немного, но сам факт того, что люди интересовались подобными вопросами, сравнивали и говорили об этом открыто, показывает, насколько война — а главное, то, что многие фронтовики побывали за границей — повлияла на менталитет.

Это удивительная свобода слова чаще всего не доходила до того, чтобы ставить под сомнение политическую систему в целом и тем более фигуры Сталина и Жукова, окруженные ореолом победы. Разочарование от «украденной победы» выражалось в острой критике местных бюрократов, «хозяйчиков» и «новых привилегированных сословий». «Все обжираются, наедают животы, никто ничего не делает, сидят и только Сталина обманывают», — это замечание уральского металлурга, приводящееся в документе «о настроении, рабочих в Челябинской области» (сентябрь 1947)⁶⁷, красноречиво свидетельствует не только о степени поляризации между «ними» (местная номенклатура) и «нами» (простой трудовой народ), которая с 30-х годов определяла социальный расклад⁶⁸, но и об очень специфическом — очень традиционном — отношении к власти.

Среди других признаков того, что власти называли «послевоенное брожение умов», фигурировало возрождение религиозных чувств, которые можно отнести к четвертому из кругов общественного сопротивления, упомянутых выше, а именно к кругу непроницаемости культур, традиций, образа жизни, давно укоренившихся моделей общественного и демографического поведения, глубоко невосприимчивых к ценностям и идеологии режима. Яркий пример неподвластности религиозных верований атеистической пропаганде — очень высокий процент взрослого населения (57 %), ответившего положительно на вопрос: «Верующий ли вы?», заданный во время переписи в январе 1937 года⁶⁹.

Этот результат тем более показателен, что ему предшествовали слухи о том, чем рискует тот, кто устно или письменно признается, что верит в Бога, в момент, когда за несколько месяцев до начала массовых операций «Большого террора», органы безопасности усилили контроль над населением⁷⁰. Ослабление антирелигиозного давления в ходе войны быстро привело к возвращению религиозных обрядов: церковных браков (количество которых в Куйбышеве, например, в 1941–1946 годах увеличилось в десять раз)⁷¹, крещений новорожден-

ных и взрослых, прошений об открытии церквей. Среди наиболее активных просителей было, не без беспокойства отмечалось в докладах Совета по делам Русской Православной Церкви (правительственного органа, занимавшегося отношениями государства и церкви), большое число участников и инвалидов войны, вдов фронтовиков⁷². Некоторые были особенно настойчивыми — вплоть до того, что угрожали властям в случае неисполнения их просьбы «сообщить иностранным посольствам, как уважают свободу вероисповедания в СССР»⁷³. Засуха лета 1946 года, ставшая провозвестницей катастрофического неурожая, послужила в деревнях поводом для многочисленных богослужений, проводившихся на открытом воздухе при большом стечении народа «о ниспослании дождя»⁷⁴. Все попытки местных властей запретить отправление культа вне церкви наталкивались на протесты верующих. Иногда местные чиновники, чтобы не восстанавливать против себя подчиненных, предпочитали использовать влияние священника, которого просили в проповедях призывать колхозников к выполнению обязательств перед государством в обмен на большую веротерпимость!⁷⁵ Призрак голода, как и всегда в таких случаях, вызвал к жизни апокалиптические слухи, появление юродивых, таких как «Иван Железный», не признававший одежду нищих, в веригах из колючей проволоки, который в селах Новгородской области выступал перед крестьянами, возвещая о будущем роспуске колхозов и о грядущей войне с бывшими союзниками⁷⁶. В отчетах Совета по делам Русской православной церкви приводится также масса информации об участии в больших православных праздниках, Пасхе, Троице, Рождестве, Крещении. В Москве в 34 столичных церквях «вместимостью 120 тысяч человек» на пасхальной службе в ночь с 1 на 2 мая 1948 года присутствовали более 300 тысяч верующих⁷⁷. То же в Ленинграде (110 тысяч верующих в 10 открытых церквях города), в Киеве (где посещение пасхальной службы в год апогея ждановщины «выросло на 25–30 % по сравнению с 1947 годом») и во всех других крупных городах страны⁷⁸. В еще одном отчете, от 4 февраля 1949 года, «О праздновании Рождества и Крещения» приводятся особенно интересные детали о массовых скоплениях верующих по случаю праздника Крещения, которое в тот год выпало на рабочий день — среду 19 января. В Воронеже 15 тысяч человек приняли участие в огромной процессии, которая пересекла весь город на пути к чудотворному источнику, находившемуся на берегу реки, где прошел древний обряд водосвятия. В Саратове более 15 тысяч человек из собора отправились крестным ходом на Волгу; несколько сотен верующих окунулись в ледяную воду: во льду, покрывшем реку, была

по случаю праздника сделана иордань — огромная крестообразная купель. Как показало расследование, проведенное по указанию Москвы, саратовское областное руководство не только разрешило это проявление религиозных чувств, но и приняло все меры для его осуществления (помогли в проделывании проруби во льду, обеспечили процессию сопровождением из сотни милиционеров)⁷⁹.

В разгар *ждановщины* «саратовское дело» стало еще одним примером силы «традиций», которые сопротивлялись всем идеологическим кампаниям, периодически проводившихся режимом, свидетельством примирения местных руководителей с реальностью. Примирения, о котором много раз шла речь в этом очерке, примирения, позволившего обществу выдержать внешнее давление, а режиму — избежать постоянной конфронтации. Столкнувшись с богатой палитрой различных моделей поведения — инерции, ухода, нонконформизма, социального неподчинения — сталинский режим научился, безжалостно устраняя самые радикальные формы сопротивления, толерантно относиться к некоторой степени автономии общества. Многие руководители прекрасно осознавали эту ситуацию. Тем не менее, пока Сталин был жив, глубокие преобразования были невозможны, хотя в проектах недостатка не было⁸¹. Как ни парадоксально, потребовался Лаврентий Берия, наиболее информированный — в качестве шефа органов госбезопасности — из всех советских руководителей о реальной ситуации в стране, чтобы провести реформы репрессивной системы, освободить в первые недели после смерти Сталина половину заключенных Гулага и признать «политической ошибкой» полицейско-репрессивные методы управления обществом, использовавшиеся на протяжении четверти века⁸³.

Примечания

1. «Shadow culture» («теневая культура» — англ.), по выражению Т. Г. Ригби.

2. Ограничимся тем, что назовем такие из последних работ: *Fitzpatrick S. Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization.* New York, 1994; Id. *Le Stalinisme au quotidien.* Paris: Flammarion, 2002 (пер. с англ.: *Everyday Stalinism.* Oxford: Oxford University Press, 1999); *Viola L. Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance.* Oxford: Oxford University Press, 1996; *Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia (1934–1941).* Cambridge: Cambridge University Press, 1997; *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999; *Werth N., Moullec G. Rapports secrets soviet-*

iques. La société russe dans les documents confidentiels, 1921–1991. Paris: Gallimard, 1995.

3. Для знакомства с понятиями «widerstand» и «resistenz» см.: *Aycoberry P. La Question nazie. Essai sur les interpretations du national-socialisme, 1922–1975.* Paris: Ed. du Seuil, 1979; *Kershaw I. Qu'est-ce que le nazisme? Problemes et perspectives d'interpretation.* Paris: Gallimard, 1997, особенно С. 284–333,

4. A. Ludtke (dir.), *Histoire du quotidien.* Paris: MSH, 1994.

5. Термин «Eigensinn» сложно перевести на французский. Я использую здесь перевод, предложенный в первой переведенной на французский язык статье Альфа Людтке (см.: *A. Ludtke. Le domaine reserve: affirmation de l'autonomie ouvriere et politique chez les ouvriers d'usine en Allemagne a la fin du XIXe siecle // Le Mouvement social.* 1984, janvier-mars. P. 29–52).

6. *Scott J. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts.* New Haven: Yale University Press, 1990; Id. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance.* New Haven: Yale University Press, 1985.

7. По выражению Александра Лившина, одного из первых российских историков, исследовавших этот тип источников. См. в особенности два сборника писем и прошений: А. Лившин, И. Орлов (ред.). *Письма во власть, 1917–1927.* М.: РОССПЭН, 1998; они же: *Письма во власть, 1928–1939.* М.: РОССПЭН, 2002.

8. См.: *Lenoe M. Letter-writing and the State // Cahiers du monde russe.* Vol. 40/1–2, janvier–juin 1999. P. 139–170.

9. О различных типах сводок, справок, сообщений и т. д. о «настроениях в обществе» см.: *Werth N. Une source inedite: les svodki de la Tcheka–OGPU // Revue des etudes slaves.* 1994. Vol. 66. № 1, P. 17–27.

10. *Kershaw I.* Op. cit. P. 186 sq.

11. Во многих отношениях этот «социальный бандитизм» напоминает модель «примитивного бунта», проанализированного на основе других географических и временных реалий Эриком Хобсбаумом. О социальном бандитизме в СССР см. статью «“Примитивные бунты” в СССР» в данном сборнике.

12. Среди исследований по сопротивлению общества см. труды, перечисленные в примечании 2.

13. В англоязычной историографии применительно к послевоенному периоду пользуются выражением «High Stalinism» («высокий сталинизм» (англ.) — по аналогии с высоким Возрождением, то есть находящийся в кульминационной точке развития — прим. пер.)

14. См.: *Snyder T. To Resolve the Ukrainian Problem Once and for All: the Ethnic Cleansing of Ukrainians in Poland, 1943–1947 // Journal of Cold War Studies.* 1999. 1/2. P. 86–120.

15. См.: *Особые папки» Сталина, Молотова и Берии // ГА РФ. 9401/2.*

16. О репрессиях на Западной Украине и в Литве см. в первую очередь принятые на основании докладных записок Берии Постановления президиума ЦК КПСС от 26 мая 1953 года «Вопросы Западных областей Украинской СССР» и «Вопросы Литовской СССР», недавно опубликованные в сборнике

ке «Лаврентий Берия, 1953. (Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы)», М.: Международный фонд «Демократия». 1999. О положении в Латвии и Эстонии см.: *Strods H.* The Latvian Partisan War between 1944 and 1956 // *A. Anusauskas* (ed.). The Anti-Soviet Resistance in the Baltic States. Vilnius, 1999. P. 149–160; *Laar M.* The Armed Resistance Movement in Estonia from 1944 to 1956. Ibid. P. 209–241.

17. Во второй половине 40-х годов численный состав этих частей сохранялся на уровне 100 000 человек на Западной Украине (не считая 60 000 бойцов погранвойск, подчиняющихся другому отделу МВД) и 60 000 человек в Прибалтике.

18. *Бугай Н. Ф.* Л. Берия — И. Сталину: Согласно Вашему указанию... М.: «АИРО-XX», 1995. С. 208–210.

19. Статистика отдела по борьбе с бандитизмом МВД // ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 710. Л. 10.

20. ГА РФ. 9478/1/710/3.

21. Согласно тексту постановления Президиума ЦК КПСС от 26 мая 1953 года в 1944–1952 годах 134 000 человек были арестованы, 153 000 убиты, более 203 000 — высланы. Текст см. в: Лаврентий Берия, 1953... М.: Международный фонд «Демократия», 1999. С. 46–49.

22. Там же.

23. *Бугай Н. Ф.* Цит. соч. С. 225.

24. Там же. С. 229.

25. Там же. С. 225.

26. Постановление Президиума ЦК КПСС от 26 мая 1953 года «Вопросы Литовской ССР» / Лаврентий Берия, 1953... Цит. соч. С. 49–52.

27. *Shumuk D.* Life Sentence. Memoirs of a Ukrainian Political Prisoner. Edmonton: CIUS, 1984.

28. ГА РФ. 9414/1/513.

29. *Craveri M.* Resistenza nel Gulag. Soveria: Rubbettino Editore, 2003; *Craveri M., Formozov N.* La resistance au Goulag: greves et revoltes dans les camps de travail sovietiques de 1920 a 1956 // *Communisme*. 1995. № 42–43–44. P. 197–210.

30. *Craveri M.* Op. cit. P. 310 sq. О Горларе см.: *Дубицкий Б. П., Пожарский Л. А.* Норильское восстание 1953 года // *Звенья*. 1991. № 1. С. 560–576. О Степларе см.: ГА РФ. 9414/1/228; *Werth N., Moullec G.* Rapports secrets sovietiques. La societe russe dans les documents confidentiels, 1921–1991. Paris: Gallimard, 1995. P. 417–424.

31. В 30-е годы основные формы социального неподчинения ничем не отличались. См.: *Werth N.* Les formes d'autonomie de la societe socialiste // *H. Rouso* (dir.). Stalinisme et nazisme. Histoire et memoire comparees. Bruxelles: Complex-ИНТР, 1999. P. 145–184.

32. Об этом свидетельствуют многочисленные сообщения на имя высшего партийного руководства касательно «хозяйственных преступлений». В сводках МВД, направлявшихся Сталину и Молотову в 1945–1946 годах, эти вопросы фигурируют на втором месте после вопросов, связанных с «Ди-

ким Западом», а в 1947–1948 годах — на первом. См.: *Hessler J.* A Postwar Perestroïka? Toward a History of Private Enterprise in the USSR // *Slavic Review*. Vol. 57. № 3, autumn 1998. P. 530.

33. Донесение министра государственного контроля Льва Мехлиса Сталину (8 февраля 1948 года), РГАСПИ. 17/121/584/1–10. Цит. в: *Hessler J.* Art. cit. P. 534 sq.

34. Ibid. P. 539.

35. *Filtzer D.* Soviet Workers and Late Stalinism. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 163.

36. Самые серьезные акции протеста имели место в августе–сентябре 1945 года на оборонных предприятиях Челябинска, Омска, Новосибирска, Нижнего Тагила, а также шахтах Кузбасса. См.: *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное советское общество... М.: РОССПЭН, 2001. С. 42–45.

37. «Раз война закончилась, мы все сможем вернуться домой, свободно менять работу, больше не прикрепляться к заводу», — такими были наиболее частые высказывания рабочих, отмечалось в июле 1945 года в сводке об «общественных настроениях», составленной информационным отделом Омского обкома партии // РГАСПИ. 17/117/530/20–21.

38. С июля 1945 года по май 1948 года (дата отмены закона) более 230 тысяч человек были приговорены за «самовольный уход с предприятий» к длительным срокам заключения. 111 380 были освобождены до истечения их срока в сентябре–октябре 1948 года // ГА РФ. 9401/2/234/149.

39. Введенная указом от 2 октября 1940 года система государственных трудовых резервов предусматривала, что каждый колхоз должен был выделить двух подростков мужского пола на сто колхозников в возрасте от 14 до 60 лет.

40. *Filtzer D.* Op. cit. P. 168, 175, 192.

41. Или 5,8 млн. путем оргнабора и 4,2 млн. путем обязательной мобилизации (см.: *Filtzer D.* Op. cit. P. 39).

42. Из 333 тысяч самовольно оставивших предприятие в 1947 году, около 54 тысяч (или каждый шестой) были схвачены и подверглись наказанию.

43. Многочисленные примеры см. в: *Filtzer D.* Op. cit. P. 178, sq.

44. Так было, например, в 1946 году на текстильных предприятиях Иваново. Во второй половине 1946 года в Иваново и Вичуге более 9 600 работников были арестованы за вынос с предприятия куска материи или катушки ниток. «Эти аресты», — уточнялось в спецсообщении, направленном 10 февраля 1947 года в Центральный Комитет, — «соответствуют лишь незначительной части совершенных преступлений [...]. Под суд отдается также незначительная доля задержанных. Большинство из них получает наказание значительно ниже предела, установленного законом. Они отделяются условным сроком или штрафом» // РГАСПИ. 17/122/289/8.

45. Многочисленные примеры, касающиеся нежелания судей и прокуроров применять некоторые репрессивные законы, в которых наказание было непропорционально суровым относительно совершенного правонарушения (законодательные акты от 7 августа 1932 года, 26 декабря 1941 года,

4 июня 1947 года, и т. д.), см. в: *Solomon P. Soviet Criminal Justice under Stalin*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

46. Письмо Сталина Кагановичу от 20 июля 1932 года. Цит. в: *Cohen Y. Des lettres comme action: Staline au debut des annees 1930 depuis le fonds Kaganovic // Cahiers du monde russe. Vol. 38. № 3, juillet–septembre 1997. P. 322.*

47. Количество осужденных по этому закону, прозванному в народе «закон о колосках», похоже, было значительно ниже (несколько сотен тысяч человек) принятых долгое время оценок (несколько миллионов). Действительно, с 1935–1936 годов он применялся только к «хищениям в крупном размере», а большая часть мелких краж попадала под действие статьи 162 Уголовного кодекса, предусматривавшей наказание от трех месяцев тюремного заключения (кража без применения насилия, совершенная впервые) до 2 лет ИТЛ (хищение «государственного имущества», совершенное повторно, с заранее обдуманном намерением).

48. Первый указ, «Об уголовной ответственности за хищение государственного имущества» предусматривал 5–8 лет ИТЛ за кражу колхозного и кооперативного имущества (7–10 лет, если речь шла о государственном имуществе). В случае повторно совершаемого, «а равно совершенного организованной группой (шайкой) или в крупных размерах», наказание было еще более суровым — от 10 до 25 лет. Второй указ, «Об усилении охраны личной собственности граждан», предусматривал схожие наказания (5–20 лет, смотря по обстоятельствам).

49. Записка Л. П. Берии в Президиум ЦК КПСС, 26 марта 1953 года // Лаврентий Берия, 1953... Цит. соч. С. 19–21.

50. «Нужно теперь больше воровать, иначе не проживешь», — такие высказывания часто встречались в среде тех, кто был затронут повышением пайковых цен, отмечалось в октябре 1946 года в многочисленных сообщениях обкомов партии. См.: Советская жизнь, 1945–1953. Сост. Зубкова Е. Ю., Кошелева Л. П. и др. М.: РОССПЭН, 2003. С. 145–149.

51. *Ивницкий Н.* Коллективизация и раскулачивание. М.: «Интерпракс», 1994. С. 199–200.

52. *Зима В. Ф.* Голод в СССР, 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М.: РАН, 1996. С. 18–29. Впрочем, иногда «растаскивание имущества», осуществлявшееся колхозным руководством, представляло собой действительно его незаконное присвоение, порой в крупных размерах, выгоду от которого получало исключительно нечистое на руку начальство, а не «самовольную выдачу авансов колхозникам». См., напр., по этому поводу докладную записку министра юстиции СССР Н. Рычкова Берии от 30 декабря 1946 года // ГА РФ. 5446/48а/1614/98–102.

53. Многочисленные примеры см. в: *Solomon P.* Op. cit. P. 428–445.

54. Разработка этих источников ставит перед исследователем ряд методологических проблем, вкратце упомянутых выше. Для более глубокого анализа этих проблем см.: *Werth N.* Les rapports de la police politique sur les campagnes sovietiques. 1918–1929 // Bulletin de VINTP. № 78. 2^e semestre 2001. P. 10 sq.

55. См. в первую очередь работы: *Зубкова Е. Ю.* Общественная атмосфера после войны // Свободная мысль. 1992. № 6. С. 4–14; 1992. № 9. С. 79–88; она же. Общество и реформы. 1945–1964. М., 1993; она же. Послевоенное советское общество... М.: РОССПЭН, 1999; *Зима В.* Цит. соч.; *Filtzer D.* Op. cit.

56. Выдающийся русский историк Михаил Гелфтер пошел еще дальше в статьях, имевших — и не без оснований — широкий резонанс в годы перестройки (Сталин умер вчера / Иного не дано. М.: «Прогресс», 1988. С. 297–323; От анти-Сталина к не-Сталину: непройденный путь. / Осмыслить культ Сталина. Москва, 1989. С. 497–545), выдвинув тезис, согласно которому «1941–1942 годы были началом своего рода стихийной десталинизации, характеризовавшейся возрождением чувства личной ответственности за судьбу отечества, намека на личное мнение о настоящем и будущем этого отечества».

«41-й, 42-й множеством ситуаций и человеческих решений являли собой стихийную десталинизацию (...). В тяжких испытаниях войны возродился — вместе с чувством личной ответственности за судьбу отечества — и личный взгляд, вернее, зародыш личного взгляда на то, каким ему, отечеству, надлежит стать уже сейчас и тем паче в будущем».

57. *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное советское общество... Цит. соч. С. 63–64. Об «обещании Жукова» см. также многочисленные свидетельства, приведенные в работе «Человек в истории. Россия. XX век». М.: «Мемориал»/«Звезда», 2002. С. 351, 387, 402.

58. См. например: *Симонов К. С.* Глазами человека моего поколения. М., 1989.

59. По аналогии с «декабризмом», этой «либеральной заразой», под влиянием которой оказались многие офицеры русской армии после победоносной кампании в Европе в 1813–1815 годах, и которая вылилась в попытку государственного переворота в декабре 1825 года, после сообщения о смерти Александра I. По поводу страха перед «неодекабризмом» см. краткую цитату из речи, произнесенной в феврале 1945 года одним из политработников 2-го Белорусского фронта: «После войны 1812 года наши солдаты, увидевшие французскую жизнь, сопоставляли ее с отсталой жизнью царской России. Тогда это влияние французской жизни было прогрессивным, ибо оно дало возможность русским людям увидеть культурную отсталость России, царский гнет и т. п. Отсюда декабристы сделали свои выводы о необходимости борьбы с царским произволом. Но сейчас иное дело. Может быть, помещичье имение в Восточной Пруссии и богаче какого-то колхоза. И отсюда отсталый человек делает вывод в пользу помещичьего хозяйства против социалистической формы хозяйства. Это влияние уже регрессивно. Поэтому надо беспощадно вести борьбу с этими настроениями». (Цит. по: *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. С. 187).

60. Выражение принадлежит Брюно Кабанесу. См.: *Cabanès B.* La demobilisation des soldats francais // Les Cahiers de la paix. № 7. Presses de l'Université de Nancy, 2000. P. 55–65.

61. Беседа Геннадия Бурдюгова с Юрием Афанасьевым по случаю 45-ой годовщины Победы // «Комсомольская правда», 5 мая 1990. С. 3. Эту тему

впоследствии развивала и углубляла Елена Зубкова в упомянутых статьях и монографиях.

62. ГА РФ. 7523/65/579/98.

63. ГА РФ. 7523/65/583/87–88. О письмах и прошениях, направлявшихся в начале 30-х годов Михаилу Калинину, председателю Верховного Совета СССР (и, следовательно, формальному главе советского государства) см. статью «Дорогой Калинушка...» Письма крестьян Калинину, 1930» в данном сборнике.

64. Советская жизнь... Сост. Зубкова Е. Ю., Кошелева Л. П. и др. Цит. соч. С. 401–408.

65. Там же.

66. РГАНИ. 17/88/692/94.

67. РГАСЛИ. 17/125/5 L8/10.

68. См.: *Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia. 1934–1941. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 124.*

69. *Поляков Ю., Жиромская В., Киселев И.* Полвека молчания: всесоюзная перепись населения 1937 года // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 64–69.

70. См. статью «Переосмысление “Большого террора”» в данном сборнике.

71. *Зубкова Е. Ю.* «Послевоенное...» Цит. соч. С. 103.

72. «Женщины свою потребность в церкви, в большинстве своем, объясняют еще и тем, что потеряли на фронте своих детей, не знают, где и как они похоронены, и что в связи с этим негде, кроме как в церкви, облегчить свое горе». Цит. в: Советская жизнь... Сост. Зубкова Е. Ю., Кошелева Л. П. и др. Цит. соч. С. 648.

73. Там же. С. 647.

74. РГАНИ. 17/122/188/4–5.

75. Там же. 17/125/407/20.

76. РГАСПИ. 17/88/693/2, см.: *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное... Цит. соч. С. 105.

77. ГА РФ. 6991/1/289/166–168.

78. Там же.

79. ГА РФ. 6991/1/451/79–83; 113–135; 172–175.

80. Это дело стало предметом докладной записки министра госбезопасности В. С. Абакумова секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову (проект постановления Центрального Комитета «О массовом совершении религиозного обряда в день церковного праздника «крещение» в городе Саратове») и многочисленных передовиц в «Правде» («Саратовская купель»). Епископ Саратовский Борис был переведен в далекий уральский город, но местное партийное руководство отделалось только «выговором с занесением в карточку» // ГА РФ. 6991/1/451/303–305; *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное... Цит. соч. С. 100.

81. Об этих проектах см. в первую очередь мемуары Анастаса Микояна (Так было. М.: «Вагриус», 1999).

82. См.: *Werth N.* L'amnistie du 27 mars 1953. La premiere grande sortie du Goulag // Communisme. № 42/43/44. 1995. P. 211–223.

ГЛАВА 17

Указы об ответственности за хищение и кражи от 4 июня 1947 года: апогей сталинских «законных репрессий»*

5 июня 1947 года «Правда» опубликовала на первой полосе текст двух Указов, принятых накануне Президиумом Верховного Совета СССР. Первый — об «уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», второй — об «усилении охраны личной собственности граждан». Согласно первому указу кража или иное хищение колхозного или кооперативного имущества каралась 5–8 годами ИТЛ (7–10 годами, если речь шла о государственном имуществе). В случае повторного совершения преступления, группового хищения или хищения «в крупных размерах», приговор был еще более суровым — от 10 до 25 лет. Вторым указом предусматривалось наказание в виде 5–6 лет лагерей за кражу личной собственности. В случае повторного преступления или его совершения организованной группой наказание могло достигать 10 лет, 15 лет — в случае разбойного нападения, 20 лет — в случае повторного преступления или разбойного нападения организованной группы.

Приложение к этим указам не было опубликовано, а ведь оно касалось серьезного изменения законодательства о «мелких кражах на производстве». До тех пор, согласно закону от 10 августа 1940 года, эти хищения, особенно частые в условиях экономики хронического дефицита и низких зарплат, карались заключением на один год. Отныне вводилось наказание в 7–10 лет ИТЛ, как и за любую кражу «государственного имущества».

Указы от 4 июня 1947 года знаменовали собой резкий поворот в советской судебной практике. До тех пор большие сроки назначались почти исключительно «политическим», осуждавшимся на 10 лет ИТЛ — или больше — в ускоренном порядке внесудебными органами

* Les lois sur le vol du 4 juin 1947: l'apogée de la «répression légale» stalinienne // B. Studer, H. Haumann (dir.). Sujets staliniens. Zürich: Chronos Verlag, 2006. P. 153–174.

или военными трибуналами. Количество приговоров на срок выше 10 лет, выносившихся обычными судами, в 40-х годах составляло порядка 100 в год. Что касается сроков от 6 до 10 лет, они в те же годы составляли 4–8 % всех приговоров¹. С лета 1947 года наблюдался резкий скачок количества осуждений на длительные сроки: в 1946–1948 годах количество приговоров на срок более 10 лет, вынесенных обычными судами, возросло в 330 раз — со 161 в 1946 году до 51 111 двумя годами позже²; что касается числа приговоров на срок от 6 до 10 лет, оно увеличилось в 6 раз — с 44 391 до 260 403³. Эти радикальные изменения в уголовной практике стали прямым следствием применения указов от 4 июня 1947 года. За 6 лет (1947–1952) более полутора миллиона человек были осуждены за хищение «общественного имущества»⁴. Кроме того, около 700 тысяч человек были осуждены за кражу личной собственности⁵. Для первых средний срок составлял 8,7 лет, для вторых — 6 лет⁶. К моменту смерти Сталина только заключенные, осужденные по этим указам, составляли половину населения Гулага (1 241 919 человек из 2 526 402)⁷.

По каким причинам сталинский режим принял такие «злодейские законы» летом 1947 года? Почему «хищение и растрата государственного и общественного имущества» стали предметом столь активного преследования, что приговоры, выносимые по этим делам, зачастую были более суровыми, чем за изнасилование или убийство?

Сразу же отметим, что указы июня 1947 года имели известный прецедент: принятый пятнадцатью годами ранее закон от 7 августа 1932 года, по которому любая кража «общественного имущества» каралась 10 годами ИТЛ или смертной казнью. Этот закон был написан под диктовку самого Сталина⁸ в период экономической и социальной напряженности, ставшей следствием потрясений, вызванных насильственной коллективизацией деревни и ускоренной индустриализацией: летом 1932 года режим столкнулся с серьезным кризисом на «фронте заготовок», поскольку крестьяне, зачастую поддерживаемые колхозным руководством, активно сопротивлялись обрекавшим их на голод «нереальным заданиям» по поставкам сельхозпродукции государству. В 1946–1947 годах после катастрофического неурожая, не имевшего аналога в советской истории, режим столкнулся с еще одним кризисом, отличным от кризиса 1932 года, но сравнимым с ним по масштабам. В обоих случаях решающую роль в ужесточении политики режима сыграл социально-экономический контекст. Примечательно, что в 1932, как и в 1946–1947 годах реакция на кризис приняла ту же форму — криминализации модели поведения населения, вынужденного воровать, чтобы выжить. Сталин, действительно, всегда считал

воровство самой коварной формой общественного сопротивления. «Социализм, — писал он Лазарю Кагановичу 24 июля 1932 года, — не сможет добить и похоронить капиталистические элементы и индивидуально-рваческие привычки, навыки, традиции (служащие основой воровства), расшатывающие основы нового общества, если он не объявит общественную собственность (кооперативную, колхозную, государственную) священной и неприкосновенной»⁹. Известно, что он сам предложил закон 1932 года и лично ужесточил проекты указов 1947 года. Последние, очевидно, знаменовали возвращение, уже явно выраженное в других областях (методы восстановления народного хозяйства, усиление идеологического нажима в период *ждановщины* после относительного ослабления контроля в годы войны) к модели полицейского управления обществом, опробованной в 30-е годы.

Как показал Питер Соломон в своем фундаментальном труде о юстиции при сталинском режиме¹⁰, применение указов от 4 июня 1947 года, которые несоразмерно проступку карали мелкие хищения в колхозах, на предприятиях, железных дорогах и в торговой сети, вызвало определенное отторжение со стороны части высшего политического руководства и даже отказ сотрудничать у части судебного аппарата, проводившего в жизнь данные законы¹¹. Исключительно репрессивная реакция на общественно-экономический кризис привела к очевидным перегибам, жертвами которых в первую очередь стали наименее защищенные слои населения — вдовы фронтовиков, вынужденные воровать, чтобы кормить оставшихся на их попечении детей, молодые маргиналы, инвалиды войны. Бесконечные письма и прошения свидетельствовали о непонимании и ощущении несправедливости, которое испытывал «простой народ», столкнувшись с этими указами. Как и все сталинские репрессивные кампании, та, что последовала за принятием указов от 4 июня 1947 года, проводилась хаотично, чередуя массовые осуждения с избирательными амнистиями, которые держались в секрете, чтобы закон не потерял своей «эффективности». Абсолютному большинству жертв этого ультра-репрессивного законодательства, внесшего значительный вклад в резкий рост числа заключенных Гулага, начиная с 1947 года (на 39 % с 1947 по 1950¹²), пришлось ждать смерти Сталина, чтобы получить освобождение по амнистии от 27 марта 1953 года.

Летом 1946 года стало очевидно, что взятое Сталиным обязательство отменить карточную систему, введенную в 1940 году, невыполнимо. Страшная засуха поразившая центральные области России, Нижнюю и Среднюю Волгу, Украину и Молдавию, проливные дожди в Сибири и Казахстане еще более ухудшили и без того сложную об-

становку в советском сельском хозяйстве; ему не хватало ни рабочей силы вследствие военных потерь (трудоспособное население сельских районов уменьшилось на 15 миллионов человек), ни техники (по сравнению с 1940 годом промышленность, полностью переведенная на военные рельсы, дала колхозам в 1945–1946 годах в 10 раз меньше тракторов и в 50 раз меньше комбайнов)¹³. Все предвещало очень плохой урожай, еще хуже того, что был в 1945-м, а он составлял лишь 60 % от уровня 1940 года. Несмотря на эти далеко не радужные перспективы, правительство отказалось сокращать объем государственных резервов и обязательных поставок. Оно предпочло повысить цены на выдававшиеся по карточкам товары, сократить контингент тех, кто имел на них право, и любой ценой выполнить план заготовок, невзирая на неурожай.

6 сентября 1946 года правительство приняло решение повысить на 100–200 % пайковые цены на основные товары. Эффект от такого повышения цен должен был психологически компенсироваться небольшим снижением (порядка 10–20 %) «коммерческих цен» на товары, находящиеся в свободной продаже, и символическим повышением пенсий и самых низких зарплат. В совместном постановлении Совета министров и ЦК эти меры оправдывались ростом трудностей снабжения, вызванных неурожаем, и признавалось, что «здесь потребуются жертвы со стороны рабочих, служащих и крестьян ради общего дела. Нужно иметь в виду, что без серьезных жертв невозможно ликвидировать тяжелое наследие войны»¹⁴. Осознавая, какое влияние эти меры окажут на примерно 80 миллионов советских граждан, охваченных карточной системой, введенной в 1940 году, правительство, поначалу сообщило о них только партийным активистам. Реакция и вопросы последних должным образом анализировали на самом высоком уровне, поскольку Сталин лично составлял те ответы, которые активисты должны были давать на вопросы «простых» граждан после 16 сентября, когда новость о повышении цен, наконец, будет обнародована¹⁵. В кратком официальном сообщении, опубликованном в прессе, не упоминались ни «жертвы» населения, ни неурожай; «временное» повышение пайковых цен представлялось как подготовительная мера, возвещавшая будущую отмену карточной системы и конец лишений.

В действительности готовилась другая мера, с драматическими последствиями. 23 сентября министр заготовок СССР Б. А. Двинский отправил Сталину тревожную записку, в которой объяснял, что из-за неурожая в 15 областях РСФСР, в Молдавии, на Украине и в Казахстане «нет возможности жить с тем же размахом, как мы

живем в данное время. [...] Мы быстро проедаем наши хлебные запасы. [...] Прошу, тов. Сталин, дать указание немедленно сократить расход по всем статьям. Нельзя иметь такие огромные контингенты снабжения (чуть не полстраны), и такие высокие нормы в в исключительно неурожайный год»¹⁶. Спустя четыре дня Политбюро приняло постановление «Об экономии в расходовании хлеба», которым предусматривалось снижение норм снабжения для иждивенцев и детей, а главное, уменьшение количества имеющих право на пайковое снабжение с 87 до 60 миллионов человек¹⁷. Из 27 миллионов человек, которых с октября должны были вычеркнуть из списков, 23 миллиона проживало в малых городах и сельской местности: сельхозработники и служащие совхозов и машинно-тракторных станций, сотрудники малых и средних предприятий второстепенного значения, железнодорожники, преподаватели, почтальоны и другие лица, занятые в кооперативном и государственном секторах.

Как отреагировало на эти меры население? С растерянностью, если судить по многочисленным сводкам, касающимся «настроения населения в связи с мерами по экономии в расходовании хлеба»¹⁸. То, как освещались эти меры, поэтапно и с многочисленными недомолвками, способствовало росту недоверия по отношению к истинным намерениям руководителей страны и распространению бесчисленных слухов: об эпидемии самоубийств среди отчаявшихся работников, которые были уже не в состоянии обеспечить своих детей; о неизбежности новой войны; о неведении Сталина (Сталин не знает обо всех тех безобразиях, которые творятся у нас стране); о существовании заговора, направленного, на то, чтобы заткнуть глотку простым рабочим¹⁹. К растерянности прибавлялось чувство глубокого разочарования, особенно остро выраженное у фронтовиков: «За что я воевал? На фронте не убили, так здесь хотят уморить голодом не только меня, но и семью» — эти горькие слова фронтовика, подслушанные в вологодском магазине № 18 (и переданные в компетентные органы), безусловно, отражали общее настроение: «Нужно теперь больше воровать, иначе не проживешь» — таков был общий глас «простых граждан», подслушанный осведомителями в бесконечных очередях из сотен, а то и тысяч человек, которые в эти беспокойные дни сентября 1946 года выстраивались перед продуктовыми магазинами. Глас, считавшийся властями проявлением «мятежных» настроений²⁰.

Одновременно росло напряжение на «фронте заготовок». Каждый год, начиная с июля, первого месяца государственной заготовительной кампании, на реализацию плана мобилизовалась вся энергия местных партийных руководителей. 27 июля 1946 года Сталин от

имени Совета министров СССР и Жданов от имени Центрального Комитета разослали в обкомы длинный циркуляр с красноречивым названием «О мерах по обеспечению сохранности хлеба, недопущению его разбазаривания, хищения и порчи».

В тексте указывалось, что разбазаривание и хищение зерновых приняло угрожающие масштабы. Далее следовало описание бесчисленных приемов (поддельные квитанции, обвес, массовые хищения во время перевозки зерновых и т. д.), которыми по цепочке пользовался целый ряд лиц: ответственные за хранение зерна, шоферы, железнодорожники, председатели колхозов, местные партийные руководители. Для борьбы с «массовыми хищениями» циркуляр предлагал целую серию мероприятий, направленных против фальсификаций — от проверки весов, используемых для взвешивания, и усиления охраны элеваторов до набора тысяч новых сторожей, надежных в профессиональном и социальном плане. Один из пунктов текста касался ускорения расследования — в срок, не превышающий 10 дней — дел по хищению и разбазариванию; по отношению к расхитителям и расточителям должны были быть приняты самые жесткие меры, в том числе те, которые были предусмотрены законом от 7 августа 1932 года, уже практически не применявшимся²¹.

В последние месяцы 1946 года положение на «фронте заготовок» только ухудшалось. В районах, пораженных засухой, задания по сдаче хлеба, хотя и были пересмотрены в сторону понижения, оставались нереальными, несмотря на растущее давление Центра, увольнения местных руководителей, массовые аресты председателей колхозов, обвиненных в «срыве плана». К началу ноября план в масштабах страны был выполнен лишь на 52 %, хотя до конца года оставалось всего два месяца. Тогда правительство решило прибегнуть, как и в 1932 году, к отправке в некоторые ключевые регионы «уполномоченных» самого высокого уровня: Анастаса Микояна в Казахстан, Георгия Маленкова в Сибирь, Лаврентия Берия и Льва Мехлиса в Краснодарский край, Лазаря Кагановича в Курганскую область, а затем на Украину. Каждый из «уполномоченных» должен был «обеспечить давление» на ход хлебозаготовок. Указания, которые 25 ноября 1946 года Г. М. Маленков давал руководителям Новосибирского обкома ВКП(б), проливают свет на настроения сподвижников Сталина и на их методы. «Во многих районах области под прикрытием рассуждений о необходимости устанавливать колхозам на пятидневку так называемые реальные задания о сдаче хлеба государству фактически проводится гнилая, антигосударственная линия на свертывание хлебозаготовок. [...]

Вы обязаны были во время вскрыть эту гнилую линию ряда секретарей райкомов партии и председателей райисполкомов. Однако этого не сделали. [...]

За последние дни мы специально проверили, как на деле осуществляется повседневное оперативное руководство хлебозаготовками со стороны райкомов партии и райисполкомов. Должен сказать, что в результате этой проверки установлены крупные недостатки. Многие секретари райкомов партии и председатели райисполкомов весьма неумело руководят хлебозаготовками и не хотят вложить должного труда в дело руководства заготовками. Нет оперативности в руководстве хлебозаготовками, отсутствуют ежедневные задания для колхозов по сдаче хлеба государству, а следовательно нет и проверки выполнения ежедневных заданий. [...]

Установите такой порядок, чтобы уполномоченные райкома партии и председатели колхозов обязательно доносили секретарю райкома партии или председателю райисполкома, сколько хлеба вывезено колхозом на заготовительный пункт. [...] Обком партии со, своей стороны, должен установить порядок ежедневного личного доклада по телефону секретарю райкома партии о ходе хлебозаготовок. Сейчас особенно важно на деле обеспечить ежедневное оперативное давление на ход хлебозаготовок²².

Всего через несколько недель «давление» принесло ощутимый результат: к середине декабря 1946 года в государственные элеваторы поступило более 16 миллионов тонн зерновых, или 77 % от установленного плана. Окончательный итог, подведенный в конце января 1947 года, составлял 17,5 миллионов тонн, или 44 % от урожая — невиданный доселе процент²³. После удовлетворения минимальных нужд 60 миллионов советских граждан, охваченных карточной системой, около 5 миллионов тонн отправили в государственные закрома и более 1 миллиона тонн — на экспорт²⁴. За этот успех на «фронте заготовок» дорого заплатили десятки миллионов крестьян. В ноябре–декабре 1946 года некоторые области Центральной России (Калужская, Рязанская, Воронежская, Пензенская), Нижней и Средней Волги, южной Украины и Молдавии начали испытывать дефицит продовольствия, люди недоедали. В следующие месяцы это явление, распространявшееся вширь (оно затронуло более половины советского населения, или 90–100 миллионов человек²⁵), переросло в перечисленных выше регионах в массовый голод, унесший по меньшей мере миллион жизней. Наиболее уязвимой была сельская местность, особенно в районах, пораженных засухой и неурожаем 1946 года; впрочем, не обошел голод и города, в которых по-прежнему дейст-

вовала пайковая система снабжения, обеспечивавшая удовлетворение минимальных потребностей: с заводов и строек Сталинграда, Ростова-на-Дону, Красноярска, Ярославля, Новосибирска и даже Ленинграда сообщали о многочисленных случаях «алиментарной дистрофии»²⁶.

Именно в таких драматических обстоятельствах правительство развернуло кампанию по борьбе с хищениями, которые считались главным бедствием и основной причиной потерь государства в ходе заготовок (в деревнях) и признаком глубокого социального хаоса (в городах). Инициатива шла с самого верха. 17 декабря 1946 года все областные комитеты партии получили телеграмму Сталина. В ней бичевались антигосударственные элементы, которые умышленно организуют неправильную молотьбу зерна, чтобы оставлять большое количество зерна с соломой, прячут зерно в стогах, все это в сговоре с местными партийными и советскими организациями, с судьями и прокурорами, которые не замечают этих преступных действий. Необходимо заставить партийные советские организации вести борьбу с этими антигосударственными действиями, разоблачать и судить расхитителей и расточителей зерновых, искать укрытые запасы и возвращать их государству»²⁷. В ходе чрезвычайно напряженной заготовительной кампании 1946 года беспрецедентно высокое число председателей колхозов, работников сельсоветов, сторожей элеваторов было арестовано и осуждено за кражу или хищение. Тысячи председателей колхозов осудили за выдачу натуроплаты колхозникам до того, как колхоз выполнил план обязательных поставок государству. В течение одного только 1946 года более 12 500 председателей колхозов и 6900 работников сельсоветов предстали перед судом, абсолютное большинство — за хищения или растаскивание колхозного имущества. В некоторых областях наказанию подверглись до четверти председателей колхозов²⁸.

Многостраничный отчет, присланный Берии 30 декабря 1946 года министром юстиции Рычковым, показывает, тем не менее, что многие ответственные работники были наказаны за реальные хищения, от которых не выигрывали рядовые колхозники. В этом тексте приводятся интересные детали о крайнем разнообразии краж, совершавшихся зачастую в особо крупных размерах колхозным руководством в сговоре с работниками государственных элеваторов и даже некоторыми инспекторами министерства заготовок. Большое количество зерна, которое должно было поступать на государственные заготпункты, продавалось местными функционерами на рынке с целью наживы. Эти нарушения были, вероятно, не менее частыми, чем «са-

мовольная выдача ссуд» колхозникам. В отчете министра юстиции критиковалась медлительность при расследовании дел (1–2 года) перегруженными ими органами, а главное, то, что лишь 2 % приговоров было вынесено по закону от 7 августа 1932 года. Таким образом, из 53 359 человек, осужденных за хищение или разбазаривание зерновых в июле–ноябре 1946 года, только 1146 приговорили к 10 годам лагерей. Такое отношение, заключал Рычков, могло лишь поощрять хищения, волна которых, по утверждению министра юстиции, постоянно нарастает и захватывает все сферы общественной жизни²⁹.

Как обстояло дело в реальности? В 1946 году число осужденных за кражу достигло самого высокого уровня с 1932 года: более 527 тысяч (что на 23 % превысило итоги 1945 года)³⁰. В этот год резко выросли показатели по всем видам хищений — и «общественного имущества», и личной собственности. Крайняя нехватка потребительских товаров и резкое снижение уровня жизни рабочих, последовавшее за повышением цен на товары первой необходимости, повлекли за собой увеличение числа несунув на некоторых предприятиях, особенно текстильных. Так, в одной только Ивановской области во второй половине 1946 года было арестовано более 9600 рабочих за «кражу ткани или ниток с предприятия». «Эти аресты, — уточнялось в спецсообщении, отправленном 10 февраля 1947 года в Центральный Комитет, — соответствуют лишь малой части совершенных преступлений»³¹. На некоторых предприятиях рабочих, пойманных с поличным, было так много (до 40 %, например, на ташкентском текстильном комбинате)³², что руководство завода опустило руки и перестало передавать дела в милицию или прокуратуру. Когда дело доходило до суда, их часто осуждали условно или приговаривали к исправительным работам без тюремного заключения (что на практике сводилось к удержанию 25 % заработка). Что касается краж личной собственности, они также значительно выросли — как кражи без применения насилия, так и разбойные нападения³³. Так, в Ивановской и Владимирской областях, хотя их обошли разрушения войны и послевоенные националистические движения, то есть те явления, которые долго сказывались на уровне социального насилия в таких регионах как Белоруссия или Западная Украина, количество краж и разбоев в 1946 году резко выросло (на 75 % по сравнению в 1945 годом). «В результате большого количества случаев хулиганства, грабежей и разбоя в области и распространения провокационных слухов население городов и райцентров настолько напугано, что после 8 часов вечера боятся выходить из квартир. [...] Многие граждане в вечернее время не пускают в квартиры агитаторов, выделенных для проведения агитационной работы в связи

с выборами в Верховный Совет Союза СССР»³⁴, — отмечалось в марте 1946 года в сообщении руководителя Комиссии партийного контроля Владимирской области. Не только высокопоставленные чиновники информировали о росте преступности, частично связанном со значительным количеством оружия, находящегося на руках у населения³⁵. Проверенные цензурой письма простых граждан, свидетельствуют о растущем беспокойстве горожан перед лицом разбойных нападений и краж, а также о бездействии коррумпированной и неэффективной милиции, о мягкотелости судей³⁶. Будучи прекрасно осведомленными об этих настроениях, власти на самом высоком уровне весной 1947 года решили серьезно ужесточить уголовную ответственность за все кражи и хищения, в условиях социально-экономической напряженности сведя воедино разнородные преступления и правонарушения.

До тех пор большая часть краж подпадала под действие статьи 162 Уголовного кодекса, которая предусматривала сроки от 3 месяцев тюрьмы (кража без применения насилия, совершенная впервые) до 2 лет ИТЛ (предумышленная кража государственного имущества, совершенная повторно). В январе 1947 года министерство юстиции и прокуратура СССР подготовили записку, с предложением ужесточить санкции, оставив, тем не менее, судьям большую свободу маневра: кража без применения насилия, совершенная впервые, будь то хищение «общественного имущества» или личной собственности, должна была караться сроком от 3 месяцев до 3 лет; что касается умышленной кражи, повторной или совершенной группой лиц, за нее отныне грозил срок от 2 до 7 лет ИТЛ. Примечательное новшество по сравнению с действовавшим законодательством: хищение «общественного имущества» и кража личной собственности по этому проекту карались с одинаковой суровостью³⁷. 5 марта Политбюро предложило создать комиссию по разработке нового закона о хищении³⁸. В апреле эта комиссия представила результаты своей работы: предложенные ею санкции были еще более суровыми, чем предусмотренные январской запиской, в особенности, что касалось наказания за «хищения общественного имущества», каравшегося более строго, чем кража личной собственности (до 4 лет ИТЛ в случае кражи без применения насилия и совершенной впервые и до 10 лет в случае повторного преступления или преступления, совершенного группой лиц)³⁹. Переданные Сталину, эти предложения были еще более ужесточены, причем дважды в мае и начале июня (накануне обнародования указов) лично генсеком, который взял дело в свои руки, как и 15 лет назад во время составления и утверждения закона от 7 августа 1932 года⁴⁰.

В течение следующих месяцев министр внутренних дел Круглов регулярно (раз в месяц) информировал Сталина о действии закона⁴¹. Если верить донесениям обкомов, которые у них стали требовать сразу же после утверждения закона, он немедленно возымел эффект, настолько сильным было впечатление населения от строгости санкций. «На рыбном заводе г. Азова Ростовской области до опубликования Указа об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества ежедневно в проходной отбирали у рабочих 450–500 кг рыбы, после ознакомления рабочих с Указом хищение рыбы значительно сократилось. В г. Владимире на комбинатах “5-ый октябрь” и “Комавангард” за время, прошедшее после опубликования Указа, не зарегистрировано ни одного случая хищения, тогда как раньше ежедневно задерживалось по 100 и более человек с тканью и другими материалами», — можно прочесть в отчете об «откликах населения на указы от 4 июня 1947 года» от 12 июня 1947 года⁴². Впрочем, к этому времени население еще не было информировано об ужесточении (предусмотренном секретным дополнением к закону) санкций за вынос продукции с предприятия (7 лет ИТЛ вместо 1 года)⁴³. Но слухи о наказаниях, казавшихся тем более суровыми, что о них ничего не было известно, уже широко распространились в народе. В записке Круглова от адресованной 12 июля 1947 года, адресованной Сталину, министр внутренних дел, не колеблясь, утверждал, что кражи на предприятиях уменьшились за месяц на 60–75 %, и что «преступный мир в шоке», о чем свидетельствует тот факт, что «профессиональные воры» сами являлись в милицию в надежде воспользоваться шансом на «перевоспитание»!⁴⁴ Тем не менее, по крайней мере, в первое время количество вынесенных приговоров не только не уменьшилось, а резко возросло, поскольку власти оказывали сильное давление на милицию, судей и прокуроров, призывая «нанести решительный удар по воровству». В 1947 году было осуждено около 750 тысяч человек, из них две трети — за хищение «общественного имущества»⁴⁵. По отношению к 1946 году рост числа приговоров составил порядка 45 % (и более 70 % по сравнению с 1945). А главное, выносимые приговоры были по суровости несопоставимы с теми, что имели место ранее.

Проведение в жизнь указов от 4 июня 1947 года осуществлялось по тому же принципу, что и все крупные политико-репрессивные кампании, проводившиеся с начала 30-х годов: первый этап (несколько месяцев), отличавшийся особой агрессивностью, мобилизацией милицейского и судебного аппарата, значительным ростом числа приговоров, поскольку судей, прокуроров и милицию призывали

«делать цифру»; затем, с начала 1948 года, ослабление «репрессивного рвення». В 1948 году 275 тысяч человек было осуждено за хищение «государственного имущества» (на 45 % меньше, чем в 1947) и 117 тысяч — за кражу «личной собственности»⁴⁶. Количество выносимых приговоров в следующие годы стабилизировалось (на уровне 250 тысяч в год), но наказания оставались очень суровыми⁴⁷. Наряду с этим произошли значительные изменения в социальном составе жертв этого репрессивного законодательства. Первый этап кампании ударил прежде всего по наиболее уязвимым элементам общества, особенно колхозникам (преимущественно вдовам фронтовиков), вынужденным воровать, чтобы выжить, составившим более половины осужденных в 1947 году⁴⁸. Рабочие, на которых пришлось более трети приговоров, также заплатили высокую цену⁴⁹. Начиная с 1948 года, когда была отменена карточная система и возобновилась активная торговая деятельность, в первом ряду осужденных оказались работники кооперативной торговли и государственных магазинов, в то время как количество приговоров за незначительные кражи сельскохозяйственной продукции уменьшилось⁵⁰. В уже цитированном отчете, представленном генеральным прокурором СССР Сталину в июне 1950 года, это явление рассматривалось с положительной точки зрения: оно свидетельствовало о стремлении судей и прокуроров положить конец «перегибам», жертвами которых в первые месяцы после принятия закона стали наиболее уязвимые элементы общества, а также малолетние правонарушители⁵¹.

Всплеск репрессий во второй половине 1947 года немедленно привел к массовому притоку новых заключенных в Гулаг: пришлось спешно открывать 27 новых лагерей, чтобы принять еще 400 тысяч вновь прибывших⁵². В течение одного только 1947 года население Гулага увеличилось на 470 тысяч человек; этот рост на 27 % был связан с притоком заключенных, осужденных по закону от 4 июня 1947 года⁵³. Среди них женщины составляли значительную часть (32,7 %). Примечательно, что лишь 8 % осужденных за кражу были рецидивистами⁵⁴. 12 % осужденных за кражу (около 90 тысяч человек) не достигли 18 лет (из этого числа четверти было меньше 16 лет)⁵⁵. Большая часть из них помещалась в исправительные колонии для несовершеннолетних. На осуждение десятков тысяч молодых людей на срок, абсолютно непропорциональный тяжести правонарушения⁵⁶, очень быстро отреагировало политическое руководство. 17 сентября 1947 года Н. М. Михайлов, секретарь Центрального Комитета ВЛКСМ, отправил А. Жданову записку, в которой обращал внимание последнего на осуждение детей и под-

ростков (12–15 лет) на длительные сроки (свыше 5 лет!). Так, по указам от 4 июня 1947 года только в июне–июле того же года в Москве было осуждено 410 детей и подростков. В том числе, Мареев Б. И., 13 лет, 6 лет колонии за кражу у своей сверстницы, некоей Булановой, 600 граммов хлеба; Худяков А. Ф., 14 лет, 5 лет колонии за кражу одной пары детских ботинок и 134 рублей; Баранов Б. К., 15 лет, семь лет колонии за кражу на ткацкой фабрике «Вождь пролетариата» 500 граммов крахмальной муки стоимостью 1 рубль 65 копеек. Прочитав длинный список примеров такого же порядка, секретарь ЦК комсомола предложил применять закон от 4 июня 1947 года к несовершеннолетним 12–16 лет «только в исключительных случаях»⁵⁷. Вскоре два высокопоставленных сотрудника Управления кадров ЦК отправили новую записку секретарям ЦК, касающуюся «серьезных недостатков в практике применения Указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года в отношении несовершеннолетних», в которой воспроизводилась в основном точка зрения Н. М. Михайлова⁵⁸. 27 октября секретариат ЦК создал специальную комиссию, которой было поручено изучить «серьезные недостатки в практике применения Указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года в отношении несовершеннолетних»⁵⁹. 18 ноября министр юстиции Рычков разослал судьям и прокурорам секретный циркуляр, в котором предлагалось широко использовать 51-ю статью Уголовного кодекса (разрешающую выносить наказания ниже минимального предела, установленного законом) по отношению к лицам, не достигшим 16 лет⁶⁰. Напомним, что с 1935 года уголовная ответственность в СССР начиналась с 12 лет; в 1947 году 23 800 детей от 12 до 16 лет были осуждены за кражу⁶¹! Вмешательство министра юстиции было подкреплено в феврале 1948 года постановлением пленума Верховного суда, который напомнил, что указы от 4 июня 1947 года были направлены против преступных элементов, которые отказываются «честно работать», а не против несовершеннолетних, совершивших преступление «по неосторожности». В результате произошло значительное снижение количества приговоров, вынесенных несовершеннолетним⁶². Чуть позже, в мае 1948 года смелое выступление журналистки «Правды» А. Абрамовой также позволило ознакомить власти с «перегибами» закона по отношению к другой особенно уязвимой категории населения — вдовам фронтовиков и женщинам, воспитывающим маленьких детей. В длинном письме, направленном 18 мая 1948 года Андрею Жданову, А. Абрамова приводила результаты расследования, которое она провела в судах Московской

и Ивановской областей. Оно выявило жуткую картину условий жизни работников и крестьянок, вынужденных воровать, чтобы выжить и приговаривавшихся к длительному заключению в лагерях судами, натасканными на бездушное применение нового закона: 7 лет лагерей за кражу 170 граммов масла в молочном магазине, 400 граммов сахара на заводе, буханки хлеба в магазине, метра ткани и т. д. Абрамова описывала образцовых работниц или колхозниц, которые почти все были вдовами фронтовиков, и на попечении которых находились малолетние дети и престарелые родители. Прежде чем пойти на кражу, многие из них безуспешно просили о материальной помощи, в которой им отказывали. Журналистка подчеркивала, что после вынесения приговора у матерей-одиночек зачастую не было другого выбора, кроме как взять своего ребенка с собой в лагерь, где его помещали в «дом малютки» при женском лагере⁶³. А ведь минимальная стоимость содержания ребенка в Гулаге составляла по данным Абрамовой 6000 рублей в год, а заключенной — 5000 рублей. Эти расходы намного превосходили ту выгоду, которую государство надеялось извлечь из принудительного труда заключенной. Помимо этого такие приговоры «очень плохо воспринимались» рабочим миром, который видел в несоразмерно суровом наказании «воровок» вопиющую несправедливость. Наконец, писала Абрамова, «столь суровые и несправедливые меры никак не могут способствовать развитию положительного отношения к социалистической собственности; они только усиливают общее чувство страха среди населения, наносят неизлечимую травму и разрушают тысячи семей». В заключение журналистка предложила создать комиссию по пересмотру приговоров такого типа, внести в закон дополнение, смягчающее наказание для женщин, имеющих малолетних детей и беременных, и ввести на предприятиях «товарищеские суды», которые будут рассматривать дела по хищению и предлагать административные взыскания и денежные штрафы без заключения⁶⁴. Письмо Абрамовой, переданное председателю Президиума Верховного Совета Н. Швернику, а также генеральному прокурору СССР, министру юстиции и председателю Верховного суда, очевидно, не осталось незамеченным. 16 июня 1948 года высокопоставленный сотрудник Президиума Верховного Совета направил Н. Швернику проект, предусматривавший отмену уголовного наказания за мелкие кражи на сумму менее 50 рублей, повторное введение в силу закона от 10 августа 1940 года для мелких краж, совершенных вторично, и объявление амнистии для беременных женщин и матерей с малолетними детьми, осужденных по закону

от 4 июня 1947 года⁶⁵. 29 июня председатель Президиума Верховного Совета передал Андрею Жданову свое заключение. Ссылаясь на многочисленные жалобы и ходатайства о помиловании, поступившие в Верховный Совет, и некоторые особо суровые приговоры, кассированные генеральной прокуратурой СССР, Шверник признал «ошибочным» принятое 22 августа 1947 года Пленумом Верховного суда СССР решение, предписывающее судам более не прибегать к закону от 10 августа 1940 года при рассмотрении дел о мелких кражах. Тем не менее, Шверник не рискнул выступить в поддержку отмены уголовного наказания за мелкие кражи на сумму менее 50 рублей, ограничившись предложением судам перекалфицировать на «мелкое хищение», карающееся одним годом лишения свободы, кражи, совершенные беременными женщинами или женщинами с малолетними детьми, и провести в отношении последних амнистию. Наконец, он отверг предложение Абрамовой о товарищеских судах⁶⁶. В Политбюро отказались дать ход этой инициативе. Примечательно, что в апреле 1951 года министр юстиции К. Горшенин, генеральный прокурор Г. Сафонов и председатель Верховного суда А. Волин в совместном письме, адресованном Сталину, выступили с той же просьбой, что и Шверник двумя с половиной годами ранее: для мелких краж, совершенных впервые, восстановить закон от 10 августа 1940 года (считавшийся, напомним, в момент его принятия исключительно суровой мерой «военного времени»)⁶⁷. Безрезультатно. Единственным способом избежать тягот заключения оставалась амнистия. По инициативе прокуратуры и министерства юстиции было проведено множество амнистий, оставшихся в секрете: 22 апреля 1949 года амнистия в отношении беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей⁶⁸; 26 сентября 1950 года — в отношении несовершеннолетних, осужденных впервые и уже отбывших как минимум год заключения⁶⁹. Воспользовавшиеся амнистией — около сотни тысяч человек — в то же время представляли собой незначительное число по отношению к общему количеству жертв сверхрепрессивного законодательства, введенного указами от 4 июня 1947 года.

В действительности, наиболее эффективную социальную защиту от суровости закона мог гарантировать только судебный корпус, а также — в более общем смысле — сотрудники органов, председатели колхозов, директора предприятий и работники кадровых служб, от которых зависело, сообщить или обойти молчанием совершенную кражу. По данным Питера Соломона, в 1951–1952 годах судьи первой инстанции вынесли приговоры более мягкие, чем это было пре-

дусмотрено законом (или приговорили к условному наказанию) по 18–21 % дел о кражах — число, значительно превышающее показатели (3–7 %) первых месяцев действия указов от 4 июня 1947 года⁷⁰ после их обнародования. Снисходительное отношение колхозного руководства и руководства предприятий и к кражам, и к прогулам без уважительной причины (подпадающих под законы от 26 июня 1940 года и даже 26 декабря 1941 года⁷¹) подтверждается массой документов. Оно является лейтмотивом многочисленных донесений обкомов партии. Приведем всего один пример. «На Керченском заводе № 532, — читаем в донесении от 27 апреля 1951 года, — в прошлом году было задержано более 2 тысяч рабочих с продукцией, украденной в мастерских. А контролеры не составили ни одного протокола, руководство ни об одном случае не сообщило в милицию и не дало хода ни одному делу»⁷². Такие ситуации были довольно частыми; нечто похожее мы наблюдаем и в случаях с «трудовым дезертирством». Несмотря на драконовское законодательство, действовавшее до 1948 года на многих оборонных предприятиях и на всей железной дороге, сотни тысяч рабочих шахт и предприятий тяжелой промышленности (особенно в Кузбассе и Донбассе) «дезертировали» в послевоенные годы. Но задерживали и наказывали лишь небольшую их часть⁷³. Понятно, репрессивная машина действовала со сбоями, и миллионам «воров» и «беглецов» удавалось скрыться. Тем не менее, указы от 4 июня 1947 года, благодаря которым в основном пополнялось население Гулага в послевоенные годы, воспринимались «простым народом» как ужасная несправедливость. Об этом свидетельствуют бесконечные просьбы о милосердии, адресованные руководству страны близкими заключенных, письма простых граждан, которые указывали на несправедливость закона и требовали если не отмены, то, по крайней мере, внесения поправок. Просьбы направляли по случаю семидесятилетнего юбилея Сталина, который, как надеялись, будет сопровождаться амнистией.

Статистические данные канцелярии председателя Верховного Совета, номинального главы советского государства, показывают резкий прирост в послевоенные годы количества писем и прошений, направлявшихся М. Калинину (до его смерти в 1946 году) и его преемнику Н. Швернику, а также личных обращений: с 283 тысяч в 1945 году их число выросло до 456 тысяч в 1949 году, затем стабилизировалось на уровне 320–330 тысяч в год⁷⁴. Среди них просьбы о помиловании и пересмотре приговоров стоят на первом месте. В 1948 году, например, 36 200 человек лично обратились с просьбой такого рода в канцелярию председателя Верховного Со-

вета, в то время как более 23 000 направили Н. Швернику просьбу о помиловании в письменной форме⁷⁵. К тому же десятки — если не сотни — тысяч писем ежегодно направлялись другим партийным руководителям: Сталину, Ворошилову, Андрееву, Молотову, Жданову⁷⁶. Анализ этой формы прямого и личного обращения к власти здесь рассматриваться не будет, он уведет нас в сторону⁷⁷. В рамках этой статьи мы ограничимся цитированием двух писем «во власть», посланных председателю совета по делам колхозов А. Андрееву и К. Ворошилову, заместителю председателя Совета министров. Они, каждое по-своему, свидетельствуют о том, как «простые граждане» воспринимали тяжесть и несправедливость «злодейских законов» от 4 июня 1947 года.

Жалоба тов. Андрееву А. А.

от многолетней матери Беличенко Евгении Васильевны

12 января 1949 года

Уважаемый тов. Андреев, я вас прошу разобрать мою жалобу по поводу моей дочери Иванковой Марии Никитичны. Уважаемый тов. Андреев, моя дочь, Иванкова Мария Никитична осуждена сроком на 7 лет. Тов. Андреев, Иванкова Мария совершила кражу в колхозном саду 47 г. 4 июля сорвала яблок в пазуху 4 кг 400 гр, за что получила 7 лет. Уважаемый тов. Андреев, что заставило Иванкову совершить кражу в колхозном саду: сего время был год очень трудный, а у меня семья 9 душ детей, из них была трудоспособная дочь Иванкова М. Н. и сын Беличенко В. Н., из них 3 инвалида, двое явные калеки, а один сын отрезало ногу поездом, сама я многодетная, имею 57 лет, а остальные дети несовершеннолетние. В этот год мои дети были пухлые от голода, и сама Иванкова М. Н. была пухлая, голодная смерть очень страшная ей казалась, и Иванкова М. Н. решила пойти на преступления — совершить кражу яблок, чтобы было возможность сварить с травы борща и закислить этими яблоками сваренную для детей траву. Тов. Андреев, прошу чем-либо смилуйте дочь Иванкову М. Н., так как она виновная, но такое строгое наказание прошу вас помиловать. Иванкова работает в Сталинграде на восстановлении Сталинграда. Адрес п.о. 6/п/я/ЛК 152.

Уважаемый тов. Андреев, прошу не отказывать.

Беличенко Е. В., Ростовская область, Красногвардейский район, пос. Сулино, хутор Пролетарка⁷⁸.

5 декабря 1949 года

Многоуважаемый Клементий Ефремович!

Мы, группа рабочих и работниц, обращаемся к Вам с большой просьбой. 21 декабря исполняется 70 лет со дня рождения нашего любимого, родного Иосифа Виссарионовича Сталина. Эта большая дата для нас и для трудового народа всего мира. Мы вас просим, Клементий Ефремович, по случаю этой великой даты поговорить от имени рабочих и работниц с Иосифом Виссарионовичем. Если не с ним, то с председателем Президиума Верховного Совета СССР тов. Шверником, насчет амнистии заключенным, т. е. находящимся людям в лагерях и колониях. Так находятся наши советские люди. Всем известно, что война подействовала на нашу советскую жизнь и на наших людей. Сама жизнь заставляла делать преступления. Продуктов питания не хватало, и люди вынуждены были продолжать жить за счет другого, т. е. воровать. Сейчас томятся в тюрьмах больше половины людей исключительно за мелкую кражу, есть люди, которые получили по 7 лет тюремного заключения за хищение 2-х кг мерзлой картошки, и большинство этих людей молодежь. Среди которых находятся и наши дети.

Безусловно, эти люди занимались хищением не из-за хорошей жизни. В настоящее время на наших глазах с каждым днем наша жизнь улучшается, жизнь становится радостнее, и совершенно прекратились преступления по хищению, и пройдет немного времени, совсем исчезнет из нашей среды это позорное явление. Мы получаем письма от наших детей и родственников из лагерей и колоний, которые пишут, что они согласились бы работать по 10–12 часов, только бы находиться на воле и на производстве около нас. Мы просим освободить только людей, которые находятся в колониях за хищение, за мелкую кражу, т. е. по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 1947 г.

Правда, этот слух о том, что будет амнистия, уже давно ходит среди народа. Может быть, она и действительно будет. Но мы бы хотели, чтобы она совпала с такой великой датой, как день рождения вождя пролетариата, наша радость увеличилась бы вдвое.

Клементий Ефремович! Думаем, что вы нас поймете, что эти слова сказаны от всего сердца великому человеку, как вы. Иосиф Виссарионович тоже нас поймет, он всегда был за нас и сейчас не откажет в нашей просьбе. Клементий Ефремович! Удовлетворите нашу просьбу,

поговорите по этому делу с тов. Хрущевым или еще с кем-нибудь. Мы к вам так откровенно обращаемся, так как мы вас считаем близким любимым человеком, как вы есть наш депутат, как нашему избраннику. Это мероприятие безусловно кроме пользы вреда не принесет и для государства, и для нас, и для них.

Просим не отказать в нашей просьбе.

Группа рабочих Уралмашзавода⁷⁹.

Долгожданная амнистия была проведена не по случаю 70-й годовщины Сталина, а три недели спустя после его смерти. Из 1 200 000 заключенных, освобожденных из Гулага по амнистии 27 марта 1953 года, абсолютное большинство составляли осужденные по указам от 4 июня 1947 года⁸⁰. Месяцем позже специальная комиссия при Верховном Совете СССР и Совете Национальностей⁸¹ предложила серию поправок к Уголовному кодексу, среди которых были такие как повышение возраста, с которого начинается уголовная ответственность, до 16 лет, отмена уголовного наказания за прогулы и «нарушение паспортного законодательства». Что касается указов от 4 июня 1947 года, комиссия заняла сдержанную позицию, ограничившись констатацией того факта, что судьи часто выносили непомерно суровые приговоры за мелкие кражи, совершенные впервые. Никакого конкретного предложения внесено не было, если не считать снижение максимальной планки наказания с 25 лет до 10–15⁸². 22 августа 1953 года министр юстиции, генеральный прокурор, председатель Верховного Совета и министр внутренних дел направили, наконец, совместную просьбу Хрущеву и Маленкову об отмене уголовной ответственности за мелкое хищение⁸³. Эта мера была введена Указом Президиума Верховного Совета от 10 января 1955 года⁸⁴. Отмены указов от 4 июня 1947 года, потребовалось ждать до принятия нового Уголовного кодекса в 1960 году. Тем временем судьям рекомендовали прибегать к статьям 51 и 53 уголовного кодекса, позволявшим выносить наказания ниже предусмотренных законом или условные приговоры.

В январе 1956 года накануне XX съезда министерство юстиции, Верховный суд и президиум Верховного Совета подготовили массу докладов о политике в области уголовного права, проводившейся с конца 30-х годов⁸⁵. В них без обиняков признавался «слишком высокий уровень» наказаний, особенно по указам от 4 июня 1947 года. «Ужесточение наказаний и высокий уровень репрессий не повлекли за собой ни малейшего уменьшения преступности», — приходили

к выводу в одном из докладов Верховного Совета. Знаменательное признание! Из этих докладов следовал важный вывод: основным источником, пополнявшим население Гулага в сталинский период, была именно криминализация мелких правонарушений: хищений с предприятий, «хулиганство», «спекуляции»⁸⁶ и нарушений бесчисленных административных положений, а не репрессии, проводимые органами безопасности против «оппозиционеров», реальных или воображаемых. Этот вывод особенно справедлив для послевоенных лет⁸⁷. В своем «секретном докладе» на XX съезде Н. Хрущев не вспоминал об этом аспекте сталинских репрессий, сделав акцент лишь на политических репрессиях по отношению к партийным элитам, полностью обходя молчанием массовые террористические операции, направленные в первую очередь против «социально-опасных элементов», упомянутые в контексте ежовщины 1937–1938 годов, хотя эти последние составляли абсолютное большинство жертв «Большого террора»⁸⁸. При ставшем ныне возможным воссоздании картины репрессивной политики сталинизма необходимо подчеркнуть центральное место самого сурового в Европе с начала XIX века законодательстве о хищениях и кражах.

Примечания

1. ГА РФ. 7523/89/4408/20–30.
2. Там же. 7523/89/4408/20–21.
3. Там же. 7523/89/4408/30.
4. Из них около 1 400 000 человек обычными судами и 100 000 — особыми, т. н. «линейными судами» на транспорте, выносящими приговор за кражи, совершенные железнодорожниками (ГА РФ. 9492/6/14/14–15; 7523/89/4408/29).
5. ГА РФ. 9492/6/14/20.
6. Там же. 9492/6/14/30.
7. Записка Л. Берия в Президиум ЦК о проекте амнистии (26 марта 1953 года) в: Лаврентий Берия. 1953. Документы. М.: «Международный фонд «Демократия», 1999. С. 19–21.
8. См.: письма Сталина Кагановичу, отправленные летом 1932 года и приведенные в: *Cohen Y. Des lettres comme action: Staline au début des années 1930 vu depuis le fonds Kaganovic // Cahiers du monde russe. Vol. 38. № 3, juillet–septembre 1997. P. 307–346.*
9. Сталин и Каганович, Переписка, 1931–1936. М.: РОССПЭН, 2001. С. 241.
10. *Solomon P. Soviet Criminal Justice under Stalin. Cambridge: Cambridge University Press, 1996, особенно глава XII. P. 405–445.*

11. Ibid. P. 430–432.

12. На 1 января 1947 года в ИТЛ, колониях и тюрьмах было зарегистрировано 1 996 641 заключенных; на 1 января 1948 года — 2 449 626; на 1 января 1949 года — 2 587 732; на 1 января 1950 года — 2 760 095. См.: Население России в XX веке. М.: РОССПЭН, 2001. С. 183.

13. *Зима В. Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. С. 12–18.

14. РГАСПИ. 17/3/1061/12–16.

15. Записка Сталина Жданову, Берия, Патолічеву и Косыгину от 15 сентября 1946 года. Сталин в ней рассматривает 9 вопросов, которые чаще всего задают «активисты» и приводит ответы, которые надлежит давать. Вопрос 2: Повысятся ли цены на картофель и овощи? Ответ: повышение цен на картофель и овощи не предусмотрено. [...] Вопрос 7: Повысятся ли цены на сельскохозяйственную продукцию, поставляемую колхозами государству? Ответ: цены на сельскохозяйственную продукцию, поставляемую колхозами государству в рамках обязательных поставок, повышаться не будут // ГА РФ. 5446/59/25/127–129.

16. РГАСПИ. 558/11/765/116–118. Государственные запасы с 10 млн тонн в январе 1946 года сократились до 6 млн. тонн в июле 1946 года. Отметим, тем не менее, что в 1940 году, в условиях гораздо более драматичной международной обстановки резервы, считавшиеся «удовлетворительными», не превышали 4,3 млн. тонн. См.: *Попов В. П.* Экономическая политика советского государства, 1946–1953. М.–Тамбов, 2000. С. 170.

17. Пайковые нормы для «иждивенцев», остававшихся в списках, были снижены до 250 г хлеба в день; для детей — до 300 г (РГАСПИ. 17/163/1490/204–209).

18. См., например, доклад КПК при ЦК ВКП(б), «О настроениях и высказываниях населения в связи с Постановлением СМ СССР и ЦК ВКП(б) «Об экономии в расходовании хлеба» от 2 октября 1946 года в: Советская жизнь, 1945–1953, Е. Ю. Зубкова, Л. П. Кошелева и др. (ред.). Цит. соч. С. 145–149.

19. Там же. С. 146.

20. Там же. С. 147.

21. ГА РФ. 5446/1/281/290–294; *Зима В. Ф.* Цит. соч. С. 99.

22. РГАСПИ. 83/1/13/89–99.

23. *Попов В. П.*, Цит. соч. С. 166.

24. *Зима В. Ф.* Цит. соч. С. 29.

25. Там же. С. 65–75.

26. Там же. С. 75–79.

27. ГА РФ. 9401/2/139/507–508.

28. *Зима В. Ф.* Цит. соч. С. 104.

29. ГА РФ. 5446/48a/1614/98–102.

30. Там же. 7523/89/4408/134.

31. РГАСПИ. 171/122/289/8. Согласно этому докладу, масштаб краж на текстильных предприятиях Ивановской области достигал 180 тысяч метров ткани, стоимостью 753 тысячи рублей.

32. РГАСПИ. 17/122/289/9.
33. Там же. 17/122/289/3.
34. Советская жизнь, 1945–1953, цит. соч., с. 194–201.
35. О количестве оружия, находящегося в обращении, см., например, доклад министра внутренних дел С. Круглова от 4 февраля 1948 года. Только в 1947 году милицией были конфискованы сотни тысяч единиц огнестрельного оружия (в том числе тысячи автоматов и пулеметов) // ГА РФ. 9401/2/199/184–189.
36. *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное советское общество. Политика и повседневность, 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2000. С. 89–92.
37. *Solomon P.* Op. cit. P. 140.
38. *Зима В. Ф.* Цит. соч. С. 100.
39. *Solomon P.* Op. cit. P. 411.
40. Ibid. P. 412–413.
41. ГА РФ. 9401/2/170; 9401/2/171; 9401/2/199.
42. РГАСПИ. 17/122/289/22.
43. В письме, отправленном в день опубликования указа, генеральный прокурор СССР Горшенин предлагал секретарю ЦК Кузнецову информировать население об ужесточении санкций за хищения с предприятий, публикуя в прессе сообщения о приговорах, вынесенных несунам. С 9 июня газеты (центральные и областные) начали публиковать специальную рубрику, которая должна была служить «предупреждением всем любителям легкой наживы».
44. ГА РФ. 9401/2/170/185–188.
45. Судебную статистику интерпретировать особенно сложно. Действительно, к имеющимся данным необходимо прибавить «неучтенные», соответствующие делам, переносившимся с одного года на другой. Статистику министерства юстиции и прокуратуры должна дополнить статистика многочисленных особых судебных органов (т. н. «линейные суды» на транспорте, военные трибуналы), действительная для одной часть 1947 года, для других до весны 1948 года. Согласно Питеру Соломону (op. cit. P. 435) в 1947 году 387 697 человек были осуждены за хищение «государственного имущества», и 246 512 — за кражу «личной собственности». Эти данные не включают в себя ни коэффициент «неучтенных» дел (около 10 %), ни десятки тысяч осужденных за кражу судами особой юрисдикции. В отчете о применении указов от 4 июня 1947 года, отправленном 5 июня 1950 года Сталину министром юстиции Горшениным, сообщается о 508 600 приговорах за хищение «государственного имущества» в 1947 году и о 254 000 приговорах по делам о кражах «личной собственности» // ГА РФ. 5446/86а/8073/12–13.
46. Там же.
47. В 1949 году 234 тысячи приговоров за хищение «государственного имущества»; 89 тысяч за кражу «личной собственности»; в 1950 году 202 тысячи приговоров за хищение «государственного имущества», 68 тысяч за кражу «личной собственности».

48. Помимо этого, в уже упомянутом докладе (примечание 44) Горшенин показал, что во втором полугодии 1947 года менее 41 тысячи человек — около 10 % всех осужденных за кражу в этот период — были осуждены по параграфам 2 и 4 этого закона (повторная кража, совершенная группой лиц или в крупных размерах). 90 % осужденным вменялись в вину параграфы 1 и 3 (первое нарушение закона, кража, совершенная одним лицом и мелкая кража).
49. *Filtzer D.* Soviet Workers and Late Stalinism. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 29.
50. Доля служащих в общем количестве осужденных за хищения выросла с 17 % (второе полугодие 1947 года) до 31 % (1948) и 36 % в 1950 году // ГА РФ. 9492/6/14/14,24.
51. ГА РФ. 5446/86а/8073/12–13.
52. *Дугин Л.* Неизвестный Гулаг. М., 1999. С. 37. По данным администрации пенитенциарных органов в 1947 году в Гулаге было зафиксировано 1 490 959 поступивших и 1 012 967 выбывших.
53. ГА РФ. 9414/330/55; 9414/1/1155/1–3; 9414/1/1190/1–34.
54. Там же. 9492/6/14/20.
55. Там же. 9492/6/14/26.
56. См. например, выдержку из приговора народного суда Суздальского района (Владимирская область) от 10 октября 1947 года: «Н. А. и Б. С., несовершеннолетние в возрасте 15 и 16 лет, охранявшие ночью колхозных лошадей, были пойманы с поличным при воровстве трех огурцов в колхозном огороде [...] Приговорить Н. А. и Б. С. к восьми годам лишения свободы в трудовой колонии общего режима» (цит. по: *Полов В. П.* Государственный террор в СССР // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 27).
57. Советская жизнь, 1945–1953. Цит. соч. С. 444–445.
58. Там же. С. 446–448.
59. РГАСПИ. 17/116/325/2.
60. *Solomon P.* Op. cit. P. 443.
61. ГА РФ. 9492/6/14/26.
62. 37 500 приговоров в 1948 году против 90 000 в 1947 году // ГА РФ. 9492/6/14/26.
63. К концу 1948 года 22 815 детей младше четырех лет содержались в детдомах Гулага, в котором находилось в заключении около 503 тысяч женщин.
64. ГА РФ. 7523s/65/346/1–7.
65. Там же. 7523s/65/346/9–11а.
66. Там же. 7523s/65/346/14–17. Питер Соломон (op. cit. P. 440–444) цитирует другое письмо по тому же поводу, отправленное 5 августа 1948 года Швернику Сталину и Политбюро.
67. ГА РФ. 9474/16/368/91–93. Питер Соломон (op. cit. P. 441) сообщает об еще одном, написанном в том же ключе, обращении этих трех руководителей к Маленкову в октябре 1950 года.
68. К 20 января 1950 года, согласно докладу, составленному замминистра внутренних дел Чернышевым, этой мерой воспользовались 55 657 женщин

(11 107 беременных, 15 990 имеющих в лагере малолетних детей и 28 560, оставших на свободе детей младше 10 лет) // ГА РФ. 7523/65/366/2.

69. *Solomon P.* Op. cit. P. 442.

70. *Ibid.* P. 439, 430.

71. Указом от 26 июня 1940 года прогул (опоздание свыше двадцати минут приравнялось к прогулу) карался «исправительными работами без лишения свободы» с удержанием 25 % из зарплаты. За самовольное оставление рабочего места карали 2–4 месяцами тюрьмы. Закон от 26 декабря 1941 года, принятый в условиях войны, был гораздо более суровым. Он предусматривал 5–8 лет лагерей за любой самовольный уход с оборонного предприятия. Такой уход приравнялся к «дезертирству», дела о котором рассматривали военные трибуналы. Этот закон действовал до мая 1948 года.

72. РГАСПИ. 17/88/996/16–17.

73. Из 333 тысяч покинувших предприятие в 1947 году около 54 тысяч (или каждый шестой) были пойманы и наказаны (см.: *Filtzer D.* Op. cit. P. 167).

74. *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное советское... Цит. соч. С. 174–176.

75. ГА РФ. 7523/65/592/12,26. Для 1949 года эти показатели составляют соответственно 42 100 и 21 300 человек; для 1950 года — 36 300 и 20 700.

76. Эти массивы писем (точный учет которых, насколько я знаю, не велся), в том, что касается послевоенных лет, практически не исследованные, хранятся и в личных фондах руководителей (К. Ворошилов, РГАСПИ. фонд 74, А. Андреев, РГАСПИ. фонд 73, А. Жданов, РГАСПИ. фонд 77, И. Сталин, РГАСПИ. фонд 558), а также в фондах руководимых ими организаций. В этом отношении особенно богат фонд Совета министров (ГА РФ. 5546).

77. В России в последние годы было опубликовано множество сборников «писем во власть». Особый интерес представляют публикации: Письма во власть, 1917–1927. А. Лившин, Б. Орлов (ред.). М.: РОССПЭН, 1998. Они же: Письма во власть, 1928–1939. М., РОССПЭН, 2001. См. также замечательное исследование *Nérard F.-X.* 5 % de vérité. La dénonciation dans l'URSS de Staline. Paris: Tallandier, 2004.

78. ГА РФ. 5446/52/5/90–91.

79. Там же. 5446/54/73/77–78. Цит. по: Советская жизнь 1945–1953. Цит. соч. С. 448–449.

80. Об этой амнистии см.: *Werth N.* L'amnistie du 27 mars 1953: la première grande sorite du Goulag // Communisme. Op. cit. P. 448–449.

81. Эта комиссия, учрежденная 28 марта 1953 года, состояла из высших должностных лиц министерства юстиции, прокуратуры, военной прокуратуры. См.: Реабилитация: как это было. М.: Фонд Демократия, 2000. С. 27–35.

82. Там же. С. 32 (Доклад специальной комиссии..., 28 апреля 1953).

83. *Solomon P.* Op. cit. P. 443.

84. Этим указом предусматривались за «мелкие хищения государственной собственности» от шести месяцев до года исправительных работ с удержанием из зарплаты или лишение свободы на срок не свыше трех месяцев.

85. ГА РФ. 7523/89/4408. Для ознакомления с этими докладами см.: *Верт Н.* История «проекта секретного доклада». Цит. соч.

86. То есть незаконная продажа или перепродажа товаров, в основном, дефицитных, в системе, которая за редкими исключениями, запрещала частную торговлю.

87. В 1946–1947 годах около полумиллиона человек были осуждены органами внесудебной расправы. В эти же годы более двух миллионов человек, большая часть которых совершила мелкие кражи, подпало под действие указов от 4 июня 1947 года.

88. См. статью «Переосмысление “Большого террора”» в данном сборнике.

ГЛАВА 18

Массовые освобождения заключенных Гулага и конец «спецпоселений»: социально-политические ставки «оттепели» (1953–1957)*

Массовые освобождения заключенных Гулага и ссыльных являлись одним из наиболее ярких — и чреватых последствиями для миллионов людей — аспектов того, что называли «оттепелью», явления, которое долго анализировали, в основном под идеологическим и культурным углом. А ведь годы «оттепели» были также — и прежде всего — годами возвращения амнистированных зеков и устранения разного рода ограничений для миллионов ссыльных, прикрепленных к месту жительства со статусом спецпоселенцев.

За несколько лет (1953–1956) Гулаг сократился на две трети. Что касается системы «спецпоселений», ее хоть и не упразднили полностью (это произойдет только в 1960 году), она утратила свое прежнее значение, начиная с того момента, когда 90 % «спецпоселенцев» вновь обрели свои права, если не имущество.

Этот процесс, начавшийся со смертью Сталина, не был прямолинейным и вписывался в сложную политическую динамику борьбы за власть, демонстрируя всю противоречивость этого этапа выхода из сталинизма. Особые условия освобождения миллионов заключенных и ссыльных, когда спешка переплеталась с произволом, вызвали противоречивую реакцию общества: «Большой страх» лета 1953 года, массовые восстания в некоторых лагерях, обойденных амнистией, лавина просьб о пересмотре дела. Эта, очевидно, неожиданная, реакция часто заставляла врасплох судебные власти и бюрократический аппарат, перегруженный такого рода делами. Наконец, массовое возвращение заключенных и ссыльных привело к выходу на поверхность глубоко скрытых во время сталинского «ледникового периода» про-

* Les liberations massives des détenus du Goulag et la fin des «peuplements spéciaux»: «les enjeux politiques et sociaux du «Dégel» (1953–1957) // Actes du colloque «L'Héritage du totalitarisme en Europe, 1953–2005». Paris: Le Rocher, 2006. P. 121–245.

тиворечий. В этом смысле оно было настоящим индикатором социально-политического состояния страны, в которой за одно поколение каждый шестой взрослый отсидел или был сослан.

Если массовые освобождения заключенных начались только после смерти Сталина, то вопрос становящегося все более сложным управления разросшимся Гулагом, который на начало 1953 года насчитывал около 2 500 000 заключенных и 2 800 000 «спецпоселенцев», регулярно поднимался руководством МВД и МГБ с начала 50-х годов. К этому времени Гулаг переживал двойной кризис: система больше не могла ни навести порядка в лагерях, ни обеспечить их экономическую рентабельность. К такому выводу пришли в конце 1951 — начале 1952 годов комиссии, направлявшиеся в основные лагеря министром внутренних дел генералом Кругловым¹. «Особые лагеря», куда с 1948 года переводились наиболее опасные, «контрреволюционные», элементы, под влиянием украинского и прибалтийского националистического подполья стали настоящими очагами неподчинения и даже сопротивления². В обычных лагерях дисциплину подрывали другие проблемы, связанные, в первую очередь, с противостоянием враждующих группировок заключенных: «воры в законе» — те, кто отказывался работать, чтобы не идти против «понятий» — конфликтовали с «суками» — теми, кто подчинялся лагерному режиму. В 1951–1952 годах многие миллионы трудодней были по официальным данным потеряны из-за «отказа заключенных от выхода на работу». Все большие стройки конца сталинской эпохи, широко использовавшие труд заключенных (строительство Куйбышевской и Сталинградской ГЭС, канала в Туркменистане, Волго-Донского канала), шли с отставанием от графика. В этой ситуации начальству крупных лагерей рекомендовали ускорять досрочные освобождения³ при условии, что освобожденные заключенные до истечения их срока (оставаясь прикрепленными к месту жительства) будут работать на стройках и месторождениях Сибири и Крайнего Севера, испытывавших постоянную нехватку рабочих рук. Для государства расходы на содержание и надзор над заключенным (напомним, что на начало 50-х годов в Гулаге насчитывалось около 300 000 сотрудников, или один на девять заключенных) были выше, чем смехотворная зарплата «вольного» работника. В 1951 году С. Мамулов, один из заместителей министра внутренних дел, близкий Л. Берии, предложил радикальную реформу системы концлагерей, которая должна была осуществляться следующим образом: 75 % заключенных (или 1 800 000 человек) освобождались, прикреплялись к месту жительства со статусом «спецпоселенца» и набирались на государственные

комбинаты, занимающиеся разработкой природных ископаемых в отдаленных районах страны, комбинаты, которые до тех пор использовали принудительный труд заключенных. Эта мера, считал С. Мамулов, позволит сэкономить государству более 8 миллиардов рублей расходов на содержание заключенных и позволит «лучше контролировать тех, кто действительно представляет опасность». Освободить должны были по-преимуществу заключенных, осужденных на длительные сроки за хищения и кражи⁴ по самому суровому в Европе с начала XIX века закону об охране собственности. Только эти заключенные — в основном «простой народ» из деревень и городов, вынужденный воровать, чтобы выжить — составляли более половины заключенных Гулага⁵. В Гулаге оставались лишь осужденные за насильственные преступления и «политические».

После долгих дискуссий в министерстве внутренних дел и в администрации Гулага план С. Мамулова был отвергнут под предлогом того, что его осуществление вызовет многочисленные проблемы как в экономическом плане (необходимость менять всю организацию труда на предприятиях, использующих бесплатную рабочую силу), так и в правовом (необходимость менять Уголовный кодекс), хотя последнее возражение было по меньшей мере неожиданным в тоталитарном государстве, в котором никогда не уважались правовые нормы⁶!

Кризис Гулага и неудачные попытки «разгрузить» систему лагерей проливают новый свет на амнистию, проведенную 27 марта 1953 года спустя три недели после смерти Сталина. Для Берии, инициатора этого мероприятия, в результате которого в течение нескольких месяцев был освобожден миллион двести тысяч человек, амнистия была необходимым этапом на пути перестройки Гулага, Гулага перенаселенного, раздутого и все менее и менее «рентабельного». Эта мера, ставшая возможной благодаря смерти диктатора, вписывалась в многолетние попытки осуществления необходимых изменений в лагерной системе.

26 марта 1953 года Л. Берия направил в президиум ЦК объемную записку, в которой он приводил аргументы в пользу масштабной амнистии, назначенной на следующий день. По данным Берии, из 2 526 402 лиц, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях, колониях и тюрьмах, только 221 435 человек являлись «особо опасными государственными преступниками⁷». Гулаг был переполнен «осужденными за преступления, не представляющие серьезной опасности для общества». Основную массу составляли осужденные на срок до пяти лет за «преступления, в большинстве своем совершенные впервые и не повлекшие за собой тяжких последствий (самовольный

уход с работы, должностные и хозяйственные преступления, мелкие кражи, хулиганство, мелкая спекуляция и др.)»; 238 000 заключенных были старше 50 лет, 31 181 — несовершеннолетних в возрасте до 18 лет, «подавляющее большинство которых отбывает наказание за мелкие кражи и хулиганство», 198 000 заключенных — «страдающих тяжелым неизлечимым недугом и совершенно нетрудоспособных», 35 505 — женщин, имеющих при себе детей в возрасте до 2 лет и т. д. Чтобы избавить лагерь от «лишних ртов», Берия предложил амнистировать как минимум миллион человек, а именно: всех осужденных на срок до 5 лет; всех беременных женщин, а также женщин, имеющих детей до 10 лет; всех несовершеннолетних, пожилых мужчин и женщин, равно как и больных, страдающих тяжелым неизлечимым недугом; осужденных — независимо от срока наказания — за должностные, хозяйственные некоторые воинские преступления⁸. Также предлагалось сократить наполовину наказание для всех оставшихся в заключении, кроме исключением тех, кто был осужден за контрреволюционные преступления, бандитизм, умышленное убийство, крупные хищения социалистической собственности. Эта амнистия, утверждал Берия, должна была сопровождаться коренным пересмотром всего уголовного законодательства. «Если этого не сделать, через 1–2 года общее количество заключенных опять достигнет 2,5–3 млн человек»⁹.

Вопреки интерпретации, предложенной Эми Найт в ее биографии Берии¹⁰, эта большая амнистия, являвшаяся частью целого ряда мер, принятых министром госбезопасности в первые месяцы после смерти Сталина, ни в коей мере не являлась отражением «поворота к либерализму всемогущего шефа органов безопасности». С помощью этой меры Берия просто хотел «разгрузить» Гулаг, не свернуть его, но сделать его более управляемым и более «производительным».

Примечательно, что эта массовая амнистия проводилась, как и все масштабные сталинские кампании: плохо подготовленная, поспешная, она, как и многие другие мероприятия, осуществлявшиеся «административно-командной системой» с 30-х годов, стала источником беспорядков, «перегибов», насилия и непредвиденных реакций, которые лишь усугубили волнения среди населения, уже травмированного смертью вождя и глубоко дезориентированного политическими выражениями его преемников, особенно в «деле о заговоре врачей-убийц»¹¹.

Мы уже описывали¹² бесчисленные инциденты (нападения, грабежи, групповые изнасилования, убийства) и столкновения с силами правопорядка, сопровождавшие «большое возвращение» более

миллиона амнистированных, выпущенных на волю без выходного пособия, без пайка, измученных ожиданием, длившимся иногда несколько недель, зафрахтованного администрацией эшелона или баржи, которые должны были отправить их на «континент». Разумеется, условия освобождения зависели от места. Так, 20 апреля большая часть из 65 000 амнистированных заключенных исправительных колоний Московской области была освобождена без серьезных происшествий. Пятью днями позже исправительные колонии Украины освободили большую часть из 70 000 амнистированных¹³. Напротив, гораздо сложнее была ситуация в лагерях Крайнего Севера, Сибири и Колымы, где особенно остро стояла проблема транспортировки освобожденных заключенных¹⁴. В отсутствие железных дорог, речной или морской путь был единственным способом эвакуировать амнистированных. Последним приходилось ждать до конца мая, иногда даже до конца июня, пока не закончится ледоход. На Крайнем Севере и в районе Колымы власти пытались удержать амнистированных, предлагая им трудовые договоры. Административные препоны на пути получения документов, необходимых для возвращения на родину, давление администрации, заинтересованной в обеспечении местных предприятий рабочей силой, материальные препятствия к отъезду побуждали многих амнистированных устраиваться вольнонаемными работниками на предприятия, где они трудились до освобождения. К концу июля лишь 5400 из 51 000 бывших заключенных Дальстроя (Колыма) были «направлены в центральные районы страны». К середине августа около 22 000 амнистированных (43 % от общего числа) заключили на месте трудовые договоры¹⁵. То же мы видим в Норильске, где 37 % из 25 000 амнистированных остались на месте или в Архангельске, где около 9000 из 20 000 амнистированных были наняты различными промышленными предприятиями города, по-прежнему испытывавшими нехватку рабочих рук¹⁶. Эта ситуация не могла не вызвать реакцию «трудовых коллективов», как об этом свидетельствует среди сотен других эта петиция рабочих Архангельского керамического комбината от 2 июня 1953 года: На наш завод нанялась группа амнистированных, и с первого же дня часть из них начала вновь грабить квартиры и запугивать население. Люди молчат, потому что воры и бандиты, которые говорят, что уже ничего не боятся, угрожают избить или убить, если они что-нибудь скажут. 17 мая в нашем доме поселились девять лиц, приехавших в город по амнистии. В тот же день они начали грабить квартиры... Подобные факты имели место и в других домах. Некоторые из этих преступников больше не ходят на работу и продолжают воровать. Сейчас ра-

бочий идет на работу с тревогой в сердце: что у него еще украдут, в каком виде он застанет свою квартиру? Раньше, до смерти товарища Сталина, на нашем комбинате ничего подобного не наблюдалось. Мы поделились нашей тревогой с начальством, которое не нашло ничего лучше, как сказать нам, что мы должны сами охранять наши квартиры. Это значит, что кто-то должен оставаться там постоянно... Мы обратились в милицию, где нам ответили, что новый лозунг — перевоспитывать этих людей, чтобы сделать их честными советскими гражданами. Мы же считаем, что только могила может исправить воров и рецидивистов¹⁷.

Амнистия «друзей народа, милых сердцу Берия», по выражению Евгении Гинзбург, вызвала среди «честных советских граждан» настоящую панику. Лето 1953 года стало летом «Большого страха». Об этом свидетельствует поток писем на имя руководства и в газеты, в которых пересказывались слухи и явно чувствовалось беспокойство сбитого с толку народа за свою безопасность¹⁸. Человек с улицы жаловался, что «больше нет порядка!» и требовал, кто — положить конец либеральничанью с преступниками, которые убивают целые семьи, кто — создать в каждом участке бригады по борьбе с карманниками, кто — отрезать пальцы и даже руку самым отпетым ворам¹⁹. В некоторых городах «трудовые коллективы» обращались с просьбой о восстановлении смертной казни за вооруженные нападения и убийства²⁰.

В какой степени реакция на амнистию 27 марта 1953 года была адекватна реальности? Статистика министерства юстиции и прокуратуры позволяет прояснить этот вопрос. Она, прежде всего, показывает значительное (–43 %) снижение числа приговоров, вынесенных судами в 1953 году по отношению к предыдущим годам. Особенно значительным (–54 %) это снижение было в «беловоротничковой преступности» (халатность, злоупотребление служебным положением, «спекуляция»). В свою очередь резко возросло количество приговоров за преступления против личности: убийства, разбойные нападения, бандитизм (соответственно, +21 %; +30 %; +45 %), так же как и приговоров за ограбления и кражи личного имущества (+25 %)²¹. В действительности, рост преступности был еще выше, поскольку перегруженная милиция, дезориентированная «новым курсом», часто отказывалась регистрировать заявления о кражах, хулиганских нападениях, нанесении телесных повреждений и других видах агрессии, тем самым усиливая чувство незащищенности населения, убежденного — как об этом свидетельствуют многочисленные письма — что силы правопорядка и суды получили инструкцию больше не аресто-

вывать и не сажать уголовников, отпущенных по амнистии²². Тем не менее, вопреки широко распространенному среди «честных граждан» мнению, амнистия лишь в очень малой степени способствовала росту преступности: на 1 апреля 1954 года новые дела были возбуждены в отношении не более 7 % амнистированных²³. Хотя, безусловно, этот контингент являлся источником социальной напряженности. Если те, кто вернулся в деревню, довольно легко нашли себе работу в колхозах, в городах ситуация была гораздо более сложной. В июле 1953 года около полумиллиона амнистированных по-прежнему оставались без работы²⁴.

Между тем, власти больше всего беспокоили «беспорядки», охватившие лагеря с лета 1953 года, в особенности «особлаги», заключенных которых амнистия обошла. С лета 1953 года по лето 1954 произошло около 40 непродолжительных бунтов, а также 3 крупных восстания: в Горлаге (Норильск) в мае 1953 года (14 000 участников), Речлаге (Воркута) в июле 1953 года (12 000 участников) и Степлаге (Карагандинская область Казахстана) в мае–июне 1954 года (8000 участников). Что касается этих восстаний, подробно описанных в 70-е годы А. Солженицыным и ныне хорошо документированных благодаря многочисленным работам²⁵, мы ограничимся выделением трех основных моментов:

1. Ключевая роль «ядра» сопротивления режиму — прибалтийско-го и украинского националистического подполья в организации этих восстаний, а также в разработке программных требований, включавших в том числе сокращение рабочего дня до 9 часов, отмену номеров на одежде, отмену ограничений, касающихся переписки с семьей; изгнание всех осведомителей; расширение амнистии на «политических».

2. Отношение властей — как на центральном, так и на местном уровне, несомненно, обеспокоенных тем, что волнения охватывают все новые лагеря, и в связи с этим вынужденных временно (40 дней Кенгира в мае–июне 1954 года), до подавления мятежа силой, удовлетворять большую часть требований восставших.

3. Влияние этих событий на принятое на самом высоком уровне решение создать многочисленные комиссии по «разгрузке» «особлагов», а затем и по пересмотру всех дел «политических», открывших дорогу к их освобождению.

После ареста Берии (26 июня 1953 года) разгрузка Гулага, начатая с амнистии 27 марта 1953 года — к концу июля было освобождено более 1 200 000 человек — замедлилась. Новая команда, пришедшая к власти (в которой Хрущев, Маленков и Молотов занимали ведущие

посты), должна была одновременно заниматься «Большим страхом» и растущей лавиной просьб о пересмотре дел и даже о реабилитации, исходящих от граждан, готовых воспользоваться официальной версией падения «империалистического наймита» Берии.

«Сейчас, когда Вы раскрыли истинное лицо Берия», — можно прочитать в заявлении группы ингушей-спецпоселенцев, адресованном 18 июля 1953 года Г. М. Маленкову и К. Е. Ворошилову²⁶, — «к нам снова вернулась надежда, что Вы займетесь вопросом спецпереселенцев [...]».

Мы не сомневаемся в том, что Вы, члены правительства, до сего времени не знаете, что с нами творили под руководством Берия, что Берия, благодаря своим враждебным отношениям к нам, Вас информировал о нас о том, чего не было в самом деле [...].

При всех этих ужасах мы понимали, что это дар нам от Берия, и говорили об этом тихо между собой, но были уверены, что сотни душ невинно погибших детей, стариков с голода и холода предстанут рано или поздно перед глазами Берия и спросят: “за что? почему ты нас уничтожил?” Эта уверенность нас не покидала, и мы ждали, когда великий русский народ, народ справедливый и объективный, займется вплотную нашим вопросом [...].

Мы обращаемся к Вам, дорогие товарищи Маленков и Ворошилов, и убедительно просим не допустить дальнейшего замирание нашей национальной культуры, образования, печати, самоуправления по Конституции СССР, вернуть нас в братскую семью народов СССР с равными правами, снять с нас всякое ограничение, избавить нас от угнетения бериевских приказов, угнетения органами МВД за переход с улицы в улицу без пропуска [...]»²⁷.

Тот же аргумент — «зараженность органов госбезопасности» — приводился в десятках тысяч просьб о пересмотре дела²⁸, направлявшихся в Прокуратуру СССР после сообщения об аресте Берии.

Столкнувшись с этим «смятением умов» (именно так чаще всего характеризовалось в бюрократических и милицейских сводках состояние общественного мнения после объявления об аресте Берия), «наследники Сталина» пытались выиграть время, прежде всего, чтобы избежать, по образным словам Никиты Хрущева, наводнения, которое поглотит нас всех²⁹.

Приоритет был отдан реабилитации некоторых представителей руководства компартии и красных командиров, ставших жертвами сталинских чисток. При Генеральной прокуратуре СССР был создан отдел, для принятия решения о пересмотре такого рода «резонансных» дел, выносившихся на рассмотрение нового коллегиального

руководства Президиума Центрального комитета. Около сотни генералов и адмиралов, осужденных в 1941–1942 годах, первыми воспользовались этой избирательной реабилитацией³⁰, ставшей своего рода выражением признательности новой команды военачальникам, в особенности маршалу Жукову, который оказал вооруженную поддержку во время достаточно рискованного ареста Берии 26 июня 1953 года³¹. Чуть позже были реабилитированы 69 партийных руководителей, осужденных в 1949–1951 годах по «ленинградскому делу», сфабрикованному органами госбезопасности³². Эта реабилитация, осуществленная Хрущевым, позволила первому секретарю партии обойти в борьбе за руководящую роль Маленкова, напрямую участвовавшего в фабрикации «ленинградского дела».

До начала 1954 года новая команда решала самые насущные проблемы: волнения в «особлагах», фактическое разрушение системы «спецпоселений», беспокойство, которое выражала часть населения перед лицом роста «беспорядков» и преступности. Используя общественные настроения, новые руководители выступали за восстановление смертной казни за преднамеренное убийство, в то же время отложив в долгий ящик коренную реформу уголовного законодательства в целом³³. Чтобы ослабить напряжение в «особлагах», половину из приблизительно двухсот тысяч заключенных, отбывавших там большие сроки, перевели в обычные лагеря³⁴. Наконец, попытались стабилизировать положение в «спецпоселениях», смягчив режим проживания: «спецпоселенцам» отныне разрешили свободно перемещаться в границах региона, куда их депортировали; отмечаться в *комендатуре* не раз в месяц, а раз в три месяца; отменены были драконовские меры, применявшиеся до тех пор по отношению к «спецпоселенцам»: 8 лет лагерей за «отказ от общественно полезного труда», 20 лет за «попытку побега». Эти полумеры, сохранившие для «спецпоселенцев» их статус «граждан второго сорта», не могли удовлетворить ни депортированных, ни местные власти, лишённые средств контроля, до тех пор широко использовавшихся по отношению к этой категории ссыльных. Разложение системы, введенной в начале 30-х годов в ходе «раскулачивания», ускорило: проведенный в конце 1954 года учет показал, что более трети «спецпоселенцев», или около 1 миллиона человек, «испарилось»³⁵.

В апреле–мае 1954 года начался новый этап процесса освобождения заключенных и возвращения «спецпоселенцев». Этот этап напрямую связан с борьбой за власть и все более частыми столкновениями между Хрущевым и Маленковым по многим вопросам, особенно по экономической реформе, участию общества в происходящих переме-

нах, а также по продолжению процесса десталинизации³⁶. В этом отношении выступление Хрущева 7 мая 1954 года перед руководством Ленинградской парторганизации знаменовало собой поворот к новому этапу критики — за закрытыми дверями — Сталина. «В поведении товарища Сталина», — объяснял Хрущев, — «в последнее время, вследствие высокого кровяного давления, появлялось немало странностей, чрезмерная подозрительность и раздражительность. Этим пользовались авантюристы типа Берия и Абакумова [...]».

Тут товарищи многие скажут, а как же товарищ Сталин? Видите ли, последние годы очень сильно сказались на Сталине. У него очень часто менялось настроение, поэтому были моменты, когда Сталину трудно было что-либо докладывать. Власть большая, а силы слабые. Человек он стал нервный, вспыльчивый. Не каждый хотел идти к нему и вызвать на себя гнев. Видите ли, если бы были равные условия, как, например, сейчас у нас в Президиуме ЦК КПСС. Пусть кто-либо из членов Президиума что-нибудь сморозит. Ему скажут: слушай, ты не прав. Сталину так сказать никто не мог, хотя не раз выслушивали такие вещи, на которые могли бы сказать: товарищ Сталин, ведь это неправильно. Вот такая была обстановка. Нельзя сейчас этого допускать. Я говорю это к тому, чтобы у нас в партии всегда была коллективность руководства, а не создавался культ личности».³⁷

За три дня до этой речи, основные идеи которой были «обкатаны» перед партийным руководством города, где коммунистическая номенклатура подвергалась особенно плохому обращению со стороны Сталина, Президиум Центрального Комитета принял, наконец, проект о создании центральной комиссии под председательством Генерального прокурора СССР Руденко, которой поручался «пересмотр дел лиц, осужденных за контрреволюционные преступления и отбывающих наказание в исправительно-трудовых лагерях, тюрьмах или в ссылке». В помощь центральной комиссии в каждой республике, области и крае должны были быть созданы такие же комиссии под председательством республиканского или областного прокурора³⁸. К этому решению коллегиальное руководство шло долго. 1 февраля 1954 года генеральный прокурор Руденко, министр юстиции Горшеннин и министр внутренних дел Круглов направили Хрущеву первоначальный проект создания центральной комиссии по пересмотру приговоров за «контрреволюционные преступления», вынесенных одним из многочисленных органов внесудебной расправы («Особое Сопровождение», «тройки» НКВД). Этот документ, как уточнялось, был ответом на запрос первого секретаря ЦК. В нем подводился первый итог приговоров, вынесенных с 1921 года внесудебными инстан-

циями: 3 777 380 приговоров, из них 742 980 смертных. Учитывая «многочисленные нарушения социалистической законности», допущенные внесудебными органами НКВД–МГБ при Ежове и Берия, предлагалось создать на многих уровнях комиссии по пересмотру, состоящие из представителей прокуратуры, министерства юстиции и министерства внутренних дел³⁹.

Предложенные в проекте меры были предметом острых дебатов заинтересованных сторон на протяжении трех месяцев (февраль–май 1954 года). Одним из главных камней преткновения являлся вопрос открытия и передачи следственных дел из министерства внутренних дел в прокуратуру. Не скомпрометируют ли эти дела еще более органы безопасности и их действующих сотрудников? Договорились о том, что сразу после рассмотрения дела трехсторонней комиссией все бумаги будут немедленно возвращены в архивы Министерства внутренних дел.

Отчеты позволяют проследить за деятельностью комиссий с июня 1954 года. К 1 апреля 1955 года центральная комиссия и 15 республиканских комиссий (подразделявшихся на областные) изучили 237 432 дела, или около 45 % общего числа дел, касающихся 467 946 заключенных и 62 462 ссыльных (отбывших срок в лагере), осужденных за «контрреволюционные преступления» по одному из 14 пунктов статьи 58 Уголовного кодекса и живых до сих пор. Незначительное число (3,8 %) приговоров было кассировано. 10 % осужденных их «преступления» переквалифицировали таким образом, чтобы оно подпало под амнистию 27 марта 1953 года. Трети заключенных (большая часть которых в 1948–1949 годах получила «повторный» срок в дополнение к 10-летнему, который они уже отбыли) скостили срок, что позволило им, наконец, выйти из лагеря. Наконец, 53 % приговоров были оставлены в силе⁴⁰. Эти решения, позволившие освободить большое число заключенных, в то же время, не ставили под сомнение методы действия внесудебных органов и таким образом демонстрировали границы возможностей комиссий, в которых сильные позиции сохраняли представители МВД, и в которых на судей и прокуроров давил груз прежних сделок с совестью.

Наряду с процедурами, применявшимися комиссиями по пересмотру дел, была, как мы видели, и другая процедура, касавшаяся жертв репрессий, принадлежавших к политическим или военным элитам. Из записки в Генеральную прокуратуру СССР от 14 марта 1955 года мы знаем, что в июле 1954 — феврале 1955 года было рассмотрено 13 084 дела, более 10 000 дел еще ждали своей очереди. 30 000 жалоб лежали без движения. Генеральная прокуратура кассиро-

вала 7 727 приговоров, вынесенных внесудебными органами, и объявила о реабилитации осужденных. Потрясает контраст между крайне низким процентом (3–4 %) приговоров, кассированных комиссиями по пересмотру дел «простых граждан», и несравнимо более высокой пропорцией (60 %) кассированных приговоров, за которыми сразу же последовала реабилитация политических или военных элит⁴¹.

Всего за 2 года (начало 1954 — начало 1956) количество «политических» в Гулаге уменьшилось на 75 % — с 467 тысяч до 114 тысяч⁴². В 1954 году было освобождено около 150 тысяч «политических». В 1955 году темпы освобождения ускорились: было освобождено около 200 000 осужденных по статье 58 Уголовного кодекса в результате решений, принятых комиссиями по пересмотру дел⁴³, а также по амнистиям, самая массовая из которых была объявлена 17 сентября 1955 года и касалась «советских граждан, сотрудничавших с оккупантом во время Великой Отечественной войны» (59 610 амнистированных, почти все по «58-ой»)⁴⁴.

Процесс массового освобождения «политических», естественно, сопровождался наплывом писем, посылавшихся в первую очередь в генеральную прокуратуру членами семей тех, кто не вернулся — и не без причины: их казнили, но близкие об этом не знали. Действительно, с 1938 года службы Министерств внутренних дел и госбезопасности больше не сообщали членам семей лиц, приговоренных к высшей мере наказания, о приговоре. Семье выдавали справку, согласно которой человек был «приговорен к 10 годам ИТЛ без права переписки».

«Подобные ответы», — признавали министры внутренних дел и юстиции в письме председателю Верховного Совета СССР от 18 ноября 1954 года, — «заявителей не удовлетворяют, в связи с тем, что со времен осуждения указанных лиц прошло более 10 лет. Сообщать же заявителям о действительной мере наказания их родственникам в данное время нецелесообразно, т. к. ранее им выдавались справки об осуждении последних к 10 годам лишения свободы»⁴⁵. Какой же ответ давать сотням тысяч людей, пытавшимся узнать правду о судьбе близких? Этот вопрос несколько раз (26 февраля, 30 апреля, 18 августа 1955 года) обсуждался в Президиуме Центрального Комитета. Наконец, 24 августа 1955 года председатель КГБ И. Серов, в секретной директиве, адресованной всем краевым и областным управлениям Комитета госбезопасности, дал следующие инструкции:

«1. На запросы граждан о судьбе осужденных за контрреволюционную деятельность к ВМН быв. Коллегией ОГПУ, тройками ПП ОГПУ и НКВД–УНКВД и Особым Совещанием при НКВД–

МГБ СССР, органы КГБ сообщают устно, что осужденные были приговорены к 10 годам ИТЛ и умерли в местах заключения [...].

2. При необходимости разрешения родственниками осужденных имущественно-правовых вопросов (оформление наследства, раздел имущества, оформление пенсии, регистрация брака) и в других случаях по требованиям родственников производится регистрация смерти осужденных к ВМН в ЗАГСах по месту их жительства до ареста, после чего родственникам выдается установленного образца свидетельство о смерти осужденного [...].

4. Указания ЗАГСам о регистрации смерти осужденных даются органами КГБ через управления милиции. В них сообщаются: фамилия, имя, отчество, год рождения, дата смерти осужденного (определяется в пределах десяти лет со дня ареста), причина смерти (приблизительная) и место жительства осужденного до ареста»⁴⁶.

Лишь в начале 90-х годов родственникам жертв репрессий, наконец, разрешили ознакомиться с делами и узнать правду: дату вынесения смертного приговора и приведения его в исполнение.

Вернемся к годам «оттепели». «Разгрузка» Гулага продолжалась путем целого ряда частичных амнистий, в ходе которых освобождались больные, престарелые заключенные, женщины с детьми и несовершеннолетние⁴⁷. Освобождение тех же категорий заключенных, что и подлежавших большой амнистии от 27 марта 1953 года, по сути, свидетельствовало об отсутствии коренной реформы системы, которая продолжала осуждать на совершенно непропорциональные сроки массу мелких правонарушителей, считавшихся отныне «лишними ртами». Действительно, ни одна из мер, предлагавшихся с апреля 1953 года Комиссией законодательных предположений при Верховном Совете СССР, среди которых фигурировали в том числе повышение возраста уголовной ответственности до 16 лет, отмена уголовного преследования за «нарушения паспортного законодательства» и «мелкую спекуляцию» (перепродажа дефицитных продуктов), а главное, снижение сроков за мелкие кражи, каравшиеся 5–7 годами лагерей по «злодейскому закону» от 4 июня 1947 года, не была принята⁴⁸. Лишь в январе 1955 года Президиум Верховного Совета СССР принял новый Указ о «мелком хищении государственного и общественного имущества», которым значительно смягчалось наказание за этот тип преступлений⁴⁹.

К концу 1955 года впервые за 20 лет количество заключенных Гулага составило меньше миллиона. Накануне XX съезда КПСС (февраль 1956 года) насчитывалось лишь 925 тысяч заключенных (против 2 625 000 тремя годами ранее), из которых около 110 000 «политиче-

ских»⁵⁰. Одним из последствий этой «разгрузки» лагерной системы стало резкое снижение числа сотрудников Гулага — с 263 000 человек до 141 000 (–47 %) ⁵¹. Вопрос социальной адаптации этих сотрудников и еще более важная проблема социальной и профессиональной адаптации освобожденных заключенных практически не изучены и выходят за рамки этой статьи. Здесь они рассматриваться не будут⁵².

Одновременно с массовым освобождением из Гулага «спецпоселенцы», прикрепленные к определенному месту жительства, также получили право на освобождение, предоставлявшееся им по категориям. Отдел спецпоселений Гулага не делал различий между 21 категорией «спецпоселенцев», соответствовавшей всем волнам депортаций, на протяжении четверти века формировавшим этот уникальный мир, этот «тамбур», отделяющий «малую зону» (мир лагерей) от «большой зоны» («обычный» советский мир)⁵³. Как мы видели, система начала распадаться со второй половины 1953 года. Главной заботой властей отныне стало не столько поддержание прежнего административного статуса «спецпоселенцев» (прикрепленных к месту жительства и подвергавшихся целому ряду дискриминационных мер, особенно в сфере культуры, когда речь шла об этнических меньшинствах, принадлежавших к одному из многочисленных «наказанных народов», таких как чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары и другие, депортированные «навечно»), сколько удержание их, насколько возможно, в отдаленных районах страны, куда они были сосланы и где составляли существенную часть местной рабочей силы. В июне 1955 года постановление Президиума Центрального Комитета напомнило властям регионов, где концентрировались «спецпоселенцы» (Казахстан, Средняя Азия, Сибирь, Урал), что они должны «осудить и отрешиться от неправильного и вредного взгляда, что спецпоселенцы являются людьми “второго сорта”». В данной ситуации единственным следствием такого подхода был «большой уход» спецпоселенцев, необходимых для развития экономики в регионах, испытывающих постоянную нехватку рабочих рук. Высшее партийное руководство предлагало целый ряд мер, направленных на «разворачивание массово-политической и культурно-просветительской работы» с этой категорией населения: обеспечивать спецпоселенцам прием в члены профсоюза, в комсомольские и партийные организации, способствовать их выдвижению на руководящую хозяйственную работу, облегчить обучение детей депортированных в школах и т. д.⁵⁴

В результате переговоров на самом высоком уровне между ФРГ и СССР, советские граждане немецкого происхождения, составлявшие более 40 % «спецпоселенцев», были в числе первых, кто восполь-

зовался снятием административных ограничений для ссыльных⁵⁵. Эти меры, постепенно распространявшиеся в течение 1956 года на большую часть категорий «спецпоселенцев», тем не менее, не предусматривали ни возвращения конфискованного имущества, ни права возврата в места, откуда эти лица были депортированы. Подобные полумеры вызвали гнев «спецпоселенцев», часто отказывавшихся подписывать обязательство, которое требовала от них администрация, не настаивать на возврате имущества и не возвращаться на родину, что свидетельствовало о серьезном изменении политического климата и менталитета.

Вопреки общепринятому мнению, XX съезд не являлся важной вехой в процессе освобождения заключенных Гулага и сворачивания системы «спецпоселений». Как мы видели, большинство «политических» освободили до февраля 1956 года. После XX съезда новым комиссиям, созданным под эгидой Президиума Верховного Совета СССР, было поручено пересматривать дела осужденных за «политические, хозяйственные преступления и злоупотребления служебными полномочиями», еще содержащихся в лагерях. В отличие от комиссий, созданных в мае 1954 года, новые комиссии — общим числом 97 — должны были отправляться на место, лично встречаться с заключенными и немедленно давать свое заключение. На 1 октября 1956 года эти комиссии рассмотрели 176 325 дел, 100 139 человек (56 %) были освобождены, 42 016 (24 %) сократили срок. Впрочем, дела «политических» не составляли большинство среди рассмотренных дел (81 027 из 176 325). 63 % «политических» были освобождены; 22 % сократили срок отбывания наказания. Только 4 % (или 3271 человек) были реабилитированы⁵⁶.

Всего в течение 1956 года Гулаг покинула сотня тысяч «политических». Таким образом, в лагерях на начало 1957 года оставалось лишь 15 тысяч человек, осужденных по 58-ой статье.

Что касается сворачивания системы «спецпоселений», которое в 1955 году уже шло полным ходом, оно продолжилось в 1956 году с отменой всех административных ограничений для «спецпоселенцев». Это относилось как к тем, кто был отправлен в ссылку после отбывания срока в лагере, так и к тем, кого депортировали в рамках «чистки границ» (поляки и немцы, депортированные с Украины в 1936 году, греки, армяне, болгары, депортированные в 1944–1945 годах с черноморского побережья, турки-месхетинцы и курды, депортированные из кавказских приграничных регионов) или в рамках репрессивных операций, проводившихся в 40-х годах на Западной Украине и в Прибалтике, против «членов семей буржуазных националистов» и

«членов семей бандитов». Наиболее многочисленные контингенты, на которых распространялись меры по освобождению, принятые в марте–июле 1956 года, относились к «наказанным народам», депортированным под предлогом «коллективного сотрудничества с немецко-фашистскими оккупантами», это были: калмыки, крымские татары, балкарцы, карачаевцы, чеченцы и ингуши⁵⁷. Впрочем, отмена административных ограничений не подразумевала, как и для других категорий «спецпоселенцев», ни права на компенсацию, ни права на возвращение на родину.

Именно за право на возвращение, если не на компенсацию, некоторые спецпоселенцы, наиболее активно сопротивлявшиеся ассимиляции в местах, откуда они были депортированы, повели во второй половине 1956 года борьбу, которая, в конечном итоге, окупилась. Среди наиболее решительно настроенных на возвращение были крымские татары и депортированные с Кавказа, особенно чеченцы и ингуши, пример которых мы рассмотрим отдельно.

В ежегодном донесении о положении «спецпоселенцев», составленном за несколько месяцев до смерти Сталина, 9-й отдел МГБ (отвечавший за «спецпоселения») подчеркивал, что чеченцы и ингуши представляют собой «наиболее озлобленный контингент». «Вместо трудовой деятельности они устраивают массовые беспорядки, драки с местным населением, занимаются бандитизмом и хищением коллективного имущества [...]. В борьбе с уголовными проявлениями среди чеченцев и ингушей встречаются серьезные трудности, обуславливаемые пережитками родового и тейпового характера и религиозным панисламистским фанатизмом, что создало между ними сильную круговую поруку, подкуп и провокацию...» По всем этим причинам руководство органов госбезопасности государства считало «нецелесообразным» предложение министра внутренних дел Казахстана в июне 1952 года о «вторичном переселении в пределах Казахстана, в более отдаленные местности» чеченцев и ингушей. «Вторичное переселение» не решит проблемы, — сочли в МГБ⁵⁸. Ни органы госбезопасности, ни партийное и государственное руководство не имели рецепта «решения проблемы». Она не была решена и спустя четыре года. Что делать с чеченцами и ингушами? В июне 1956 года новый министр внутренних дел Дудоров направил Н. Хрущеву записку, в которой указывал: «Учитывая, что территория, где проживали до выселения чеченцы и ингуши, в настоящее время, в основном, заселена, возможность восстановления автономии для чеченцев и ингушей в пределах прежней территории является делом трудным и вряд ли осуществимым, так как возвращение чеченцев

и ингушей в прежние места жительства неизбежно вызовет целый ряд крайне нежелательных последствий»⁵⁹. Министр внутренних дел предлагал создать чечено-ингушскую автономию в Казахстане или Киргизии, где была наивысшая концентрация депортированных. Предложение Дудорова было отвергнуто. Как и от всех «спецпоселенцев», с которых были сняты все административные ограничения, от чеченцев и ингушей потребовали подписать обязательство, согласно которому они не могли ни возвращаться на родину, ни требовать компенсации. Более трети чечено-ингушских «спецпоселенцев» отказалось подписывать соответствующие заявления⁶⁰. Напряжение росло, особенно в Казахстане, где в 1954 году Хрущев запустил программу по «поднятию целины», которая должна была решить серьезные проблемы советского сельского хозяйства. «Освоение целины» (за 3 года экстенсивной обработке подверглись 37 миллионов гектаров) приводило к серьезным инцидентам на железных дорогах, стройках и совхозах между «отрядами» добровольцев, состоявшими в основном из безработных, маргиналов и мелких уголовников (а не комсомольцев и студентов, как утверждала официальная пропаганда) и чечено-ингушскими «спецпоселенцами»⁶¹. Именно при таких обстоятельствах Президиум Верховного Совета СССР постановил (указом от 7 января 1957 года) восстановить Чечено-Ингушскую автономную республику в границах 1944 года⁶². Бывшим «спецпоселенцам», наконец, разрешили вернуться домой. Впрочем, возвращение должно было осуществляться «постепенно» и «организованно» под эгидой специальной организации, созданной для того, чтобы у местных властей в Чечне было время организовать переброску домой десятков тысяч колонистов — выходцев из Дагестана, Осетии, а также из Украины и России, обосновавшихся в чеченских и ингушских селениях, обезлюдивших в 1944 году. Если большая часть дагестанцев и осетин, поселившаяся здесь против своей воли, желала вернуться домой⁶³, русские и украинские колонисты в большинстве своем были полны решимости сопротивляться возвращению чеченцев. Об этом свидетельствует одна из многочисленных петиций, отправленных «от имени русского народа» Хрущеву, Булганину и Ворошилову колхозниками села Буковка в апреле 1957 года. Последние просили «помощи и вмешательства от» Москвы, дабы получить защиту от чеченцев и ингушей, вернувшихся из ссылки.

«Они надругаются над нашими колхозами, над нашими достижениями [...]. Они говорят: надо вернуть частную собственность. Они говорят: “Мы вернулись, теперь мы сами сможем управлять своей

республикой и теперь будем держать свой старый закон кавказский. Земля наша, русским делать нечего, русские нам мешают жить”. Мы просим, русские, проживающие на данной территории, Советское правительство оказать нам государственную Вашу помощь, вмешательство в эти контрреволюционные настроения людей в этой республике и разрядить эту атомную бомбу (*sic!*), в которой смертоносный яд заряжен против русских и против государства нашего»⁶⁴.

Чтобы приостановить стихийное возвращение покидавших Казахстан десятков тысяч чеченцев и ингушей, то есть без санкции органов, занимавшихся репатриацией⁶⁵, министр внутренних дел Дудоров приказал милиции задерживать на вокзалах, в поездах и на дорогах всех чеченцев и ингушей, возвращавшихся домой без разрешения. Десятки тысяч мигрантов по несколько месяцев сидели на вокзалах или в маленьких городках по пути следования. Эта ситуация повлекла за собой многочисленные инциденты⁶⁶. «Стихийный» исход ненадолго замедлился, но вновь возобновился, как только власти ослабили давление. К концу 1958 года абсолютному большинству бывших спецпоселенцев, мечтавших вернуться домой, удалось добиться своей цели. Их массовое возвращение вызвало множество столкновений, которые мы здесь рассматривать не будем, но которые, являются одним из до сих пор малоизученных аспектов наследия «оттепели» конца 50-х годов⁶⁷.

Остановимся вкратце на другом случае, когда возвращение ссыльных вызвало серьезные конфликты: речь идет о возвращении украинских «националистов» в свои западные «бастионы» у польской границы. Заключенные «националисты» были среди последних «политических», начавших покидать Гулаг с лета 1956 года. По данным Министерства внутренних дел Украинской ССР на октябрь 1956 года, в течение 1956 года домой вернулись около 45 тысяч «националистов», бывших членов ОУН (Организация украинских националистов) и УПА (Украинская повстанческая армия)⁶⁸. Это возвращение повергло в шок местных представителей советской власти и посеяло среди них панику. Память об усмирительной войне, которой сопровождалась долгая и трудная советизация этих западных окраин, была еще свежа. Массовые депортации «членов семей бандитов» происходили в 1948–1949 годах. Последние бои датируются началом 50-х годов. Не начнут ли «националисты» по возвращении в родное село⁶⁹ мстить советским работникам, милиционерам, осведомителям, соседям, помогавшим в их поимке за несколько лет до того? Переписка центральных, киевских и местных властей в 1956 году показывает,

что проблема освобождения и возвращения людей, оппозиционно настроенных к советскому режиму, виделась по-разному. В то время как местные и областные власти не видели никакой возможности возвращения украинских националистов в «советское общество», партийное руководство в Москве исповедовало прямо противоположный подход, который можно резюмировать следующим образом: сила советской системы огромна; новое общество после десталинизации в состоянии вернуть в свое лоно оппозиционеров, создать своего рода «новый порядок», который заменит «порядок, основанный на страхе». Этот утопический проект, отражавший новый «хрущевский оптимизм» после XX съезда, разбился о события в Польше и Венгрии. Отныне разговоры об интеграции «националистов» прекратились. Москва отреагировала на панику областных и местных властей. Аресты «националистов», все более изолировавшихся от населения, стремящегося к гражданскому миру, возобновились с новой силой. Местные власти умело пользовались противоречиями между «националистами» и «коллораборационистами» вплоть до организации эксгумации жертв «националистов», направленной на то, чтобы разбедить еще незажившие раны. После этих чудовищных ритуалов колхозным собраниям предлагалось подписать коллективные петиции с требованием изгнания «националистов»⁷⁰. Было важно показать, что инициатива отныне исходит от «масс».

Анализ процесса освобождения заключенных Гулага и демонтажа системы «спецпоселений» демонстрирует все успехи, противоречия и всю ограниченность «оттепели». Более полутора миллионов заключенных были освобождены, два с половиной миллиона депортированных вновь стали полноправными гражданами. Тем не менее, лишь малая толика несправедливо обвиненных добилась реабилитации. Родные и близкие более миллиона казненных в 1937–1953 годах не получили никакой информации. Депортированные не получили никакой моральной и материальной компенсации, только их борьба за право на возвращение заставила советское правительство с опозданием пойти на удовлетворение этого фундаментального требования.

Начатый в спешке, перед лицом кризиса сталинской лагерной системы процесс, который мы описали, следовал извилистым курсом, во многом обусловленным перипетиями политической борьбы за власть. На этом пути не было никакой коренной реформы уголовного законодательства (она началась лишь в конце 50-х годов). Перед властями стояла основная задача: не дестабилизировать политическую систему, не допустить выхода на поверхность социальных или

этнических противоречий, похороненных в сталинскую эпоху. Борьба с этими противоречиями в 1956–1957 годах в Казахстане, на Кавказе, на Западной Украине и в Прибалтике, безусловно, является наиболее примечательным, но до сих пор плохо изученным продолжением процесса, начатого «большой амнистией» 27 марта 1953 года.

Примечания

1. См.: *Werth N.* L'ensemble concentrationnaire de Norilsk au début des années 1950 // *Vingtième siècle. Revue d'histoire.* № 56. 1994. P. 88–99.

2. Только в 1950–1952 годах зафиксировано 16 серьезных волнений и восстаний, в каждом из которых участвовали сотни заключенных. См.: *Craveri M., Formozov N.* La résistance au Goulag. Grèves, révoltes, évasions dans les camps de travail soviétiques de 1920 à 1956 // *Comminisme.* № 42/43/44. 1995. P. 197–209.

3. За исключением «политических», осужденных по 58-ой статье Уголовного кодекса.

4. Во исполнение Указов от 4 июня 1947 года, предусматривавших 7–10 лет ИТЛ за хищение «государственного имущества» (5–8 лет за хищение «колхозного или кооперативного имущества»). В случае рецидива, хищения в составе организованной группы или в крупных размерах наказание было еще более суровым: от 10 до 25 лет. Кражи личной собственности карались 5–6 годами лагерей; при повторной краже или краже, совершенной группой лиц, срок мог достигать 15 лет. В проекте реформы Гулага, представленном С. Мамуловым, осужденные за кражи и хищения должны были составлять около 65 % «подлежащих освобождению», а оставшаяся треть распределялась между осужденными за «спекуляцию» (8 %), «хозяйственные преступления» (7 %), хулиганство (5 %), «нарушения паспортного законодательства» (3 %). О проекте С. Мамулова см.: *Tikhonov A.* The End of Goulag // *P. Gregory, V. Lazarev (eds).* The Economics of Forced Labor. Hoover Institution Press, 2003. P. 67–73.

5. Или, на начало 1953 года 1 242 000 человек из 2 526 000 заключенных Гулага.

6. *Tikhonov A.* Art. cit. P. 70–71.

7. Среди них Берия перечислял пять «категорий»: «шпионы, террористы, троцкисты, эсеры и националисты».

8. В данном случае целью амнистии было освободить десятки тысяч военных и хозяйственных кадров, ставших жертвой развязанной осенью 1952 года одной из последних политических кампаний против «разбазаривания государственного имущества» и «вредительства в промышленности».

9. Записка Л. Берии в Президиум ЦК от 26 марта 1953 года в: Лаврентий Берия, 1953. Документы. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. С. 19–21.

10. Knight A. Beria. Paris: Aubier, 1994.
11. Речь идет о так называемом «заговоре» кремлевских врачей (все — еврейского происхождения), организованном с целью устранить правящую верхушку СССР. О его «раскрытии» сообщила «Правда» 13 января 1953 года. Этот «заговор» означал одновременно и апогей «антикосмополитической» кампании, разязанной в начале 1949 года, и намек на начало новой генеральной чистки, предупредить которую позволила только смерть Сталина несколько недель спустя. 4 апреля 1953 года «Правда» сообщила, что «убийцы в белых халатах» стали жертвами провокации, а их признания вырваны органами госбезопасности «незаконными методами» ведения следствия. Этот поворот в свою очередь вызвал бесчисленные слухи.
12. Werth N. L'amnistie du 27 mars 1953. La première grande sortie du Goulag // Communisme. № 42–43–44. 1995. P. 211–223.
13. ГА РФ. 9414/1/1392/84–85.
14. Среди многочисленных сообщений Генеральной прокуратуры, Военной прокуратуры, Министерства внутренних дел, Министерства путей сообщения и других ведомств, осуществлявших амнистию 27 марта 1953 года, вот несколько выдержек из документа, составленного главным военным прокурором Дальстроя, одного из основных лагерных комплексов Гулага: Выходные пособия вовремя выданы не были. Полевые кухни не развернули [...]. Во второй половине апреля многие амнистированные в ожидании ледохода ютились в бараках на берегу Ванинской бухты без отопления и топчанов [...]. С 17 мая амнистированные прибывали в Магадан, где их временное проживание было организовано так, чтобы разделить враждующие банды, сформировавшиеся в лагерях [...]. 17 мая на вокзале Токи был сформирован железнодорожный эшелон для возвращения амнистированных на родину. На всем пути следования состава, к сожалению, фиксировались многочисленные волнения [...]. Самый серьезный инцидент имел место на Михайло-Чесноковском вокзале, где эшелон встречали более пятидесяти сотрудников МВД. Группа амнистированных, вооруженных ножами, пиками, камнями и металлическими прутьями, набросилась на милиционеров. Последним пришлось открыть огонь из табельного оружия. Двенадцать преступников ранены, из них четыре вскоре скончались от ран // РГНИ. 5/21/556/84–88.
15. ГА РФ. 9414/1s/1392/78.
16. Там же. 9492/5/204/81–83.
17. РГНИ. 5/21/539/126–128.
18. См. например, сводку писем, присланных в «Правду», отправленную 19 июня 1953 года Н. С. Хрущеву: В последнее время письма свидетельствуют о резком росте преступности, росте квартирных краж и убийств во многих городах и поселках страны... Авторы некоторых писем связывают разгул преступности с освобождением по амнистии лиц, которые, не желая трудиться, вновь встают на преступный путь // Werth N., Moulic G. Rapports secrets soviétiques. La société russe dans les documents confidentiels, 1921–1991. Paris: Gallimard, 1995. P. 50–52.

19. Сводка писем, присланных в «Правду», от 10 июня 1953 года // РГНИ. 5/21/539.

20. Одна из петиций, от «трудовых коллективов» города Молотов (ныне Пермь) обсуждалась на Президиуме ЦК в начале 1954 года. Правительство воспользовалось такими просьбами как предлогом для восстановления 30 апреля 1954 года смертной казни за предумышленное убийство.

21. РГАСПИ. 5/47/88/87–90; Werth N., Moulic G. Op. cit. P. 52–54.

22. См. например, докладную записку Генеральной прокуратуры СССР от 3 ноября 1953 года, критикующую «пассивность» милиции (Вологда: 199 незарегистрированных заявлений о нанесении телесных повреждений в апреле–сентябре 1953 года; в Киеве 60 % дел об убийстве закрыто, оставшись нераскрытыми; в целом по стране закрыто 18 % дел об убийствах, 19 % — о разбойных нападениях; 35 % — о кражах личного имущества) // ГА РФ. 8131/32/2386/39–47.

23. Докладная записка министра внутренних дел С. Круглова ЦК КПСС от 26 мая 1954 года / Реабилитация. Как это было. Документы Президиума ЦК КПСС, 1953–1956. М.: Международный фонд «Демократия», 2000. С. 144–152.

24. Пыжиков А. Хрущевская оттепель. М.: «Олма-пресс», 2002. С. 218. В некоторых городах доля амнистированных, вновь нашедших работу, не превышала 20–30 % (Тамбов, Ташкент, Чкалов, Курск, Тбилиси, Ульяновск) // Козлов В. Массовые беспорядки при Хрущеве и Брежнев. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1999. С. 189.

25. См. в особенности Craveri M. Resistenza nel Gulag/ Rubbettino Editore, 2003.

26. Соответственно председатель Совета министров и председатель Верховного Совета СССР.

27. Реабилитация... Цит. соч. P. 61–62.

28. А именно 78 982, полученных Генеральной прокуратурой СССР с 1-ого августа 1953 по 1-е марта 1954 года, согласно документу, подписанному генеральным прокурором, министром внутренних дел и министром юстиции, и направленному в Президиум ЦК 19-го марта 1954 года // Реабилитация... Цит. соч. С. 104.

29. Хрущев Н. С. Воспоминания. М., 1997. С. 314

30. См.: Постановление Президиума ЦК о реабилитации генералов и адмиралов Советской Армии от 13 июля 1953 года // Реабилитация... Цит. соч. С. 58–59.

31. Многие реабилитированные генералы (Телегин, Крюков, Варенников) были близкими соратниками Жукова.

32. См. записку министра внутренних дел С. Круглова Н. Хрущеву о реабилитации членов семей лиц, осужденных по «Ленинградскому делу» от 10 декабря 1953 года, в: Реабилитация... Цит. соч. С. 74–75. Это «дело» завершилось тайной казнью руководства второй по важности организации КПСС, обвиненного в организации «антипартийной группы, связанной с британской «Интеллидженс сервис». Среди руководителей, казненных по итогам

процесса, состоявшегося за закрытыми дверями (сентябрь 1950 года), фигурировали в первую очередь председатель Госплана Вознесенский и три руководителя ленинградской парторганизации — Кузнецов, Родионов, Попков.

33. Постановление Президиума Верховного Совета от 30 апреля 1954 года.

34. См. докладную записку Р. Руденко, К. Горшенина, С. Круглова в Президиум ЦК от 5 января 1954 года в: Реабилитация... Цит. соч. С. 83–85. Комиссия по пересмотру дел «особо опасных государственных преступников», созданная после бунтов в особлагах летом 1953 года, посчитала «желательным» перевести 109 981 осужденного за преступления, не представляющие серьезной общественной опасности, в основном, за «пособничество» украинским националистам, в лагеря общего режима. Число «особо опасных государственных преступников» оценивалось в 94 668 человек, среди которых: 35 999 «активных участников банд украинских националистов» (ОУН, УПА), 20 095 лиц, сотрудничавших с немецко-фашистским оккупантом и «принимавших личное участие в уничтожении советских граждан» или «осужденных за измену Родине», 28 095 «шпионов», 1337 «диверсантов», 4962 «террориста», 1854 «троцкистов, правых, меньшевиков и эсеров», 2326 активных участников других «антисоветских формирований».

35. ГА РФ. 9414/1s/1456/10.

36. Об этих дебатах см.: *Werth N. Histoire de l'Union soviétique*. Paris: PUF, 5e édition, 2001. P. 419–242.

37. Неправленная стенограмма выступления Н. С. Хрущева на собрании актива ленинградской парторганизации от 7 мая 1954 года // Реабилитация... Цит. соч. С. 129–142.

38. Текст постановления Президиума ЦК от 4 мая 1954 года // Реабилитация... Цит. соч. С. 116–117.

39. Письмо Р. Руденко, С. Круглова, К. Горшенина Н. Хрущеву от 1 февраля 1954 года / Гулаг, 1917–1960. М.: Международный фонд «Демократия», 2000. С. 147–151.

40. Доклад Р. Руденко ЦК КПСС о результатах на 1-е апреля 1955 года работы Центральной комиссии по пересмотру дел лиц, осужденных за «контрреволюционные преступления» и отбывающих наказание в лагерях и ссылке от 29 апреля 1955 года / Реабилитация... Цит. соч. С. 213.

41. Докладная записка заместителя прокурора СССР Д. Е. Салина, начальника Отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности Прокуратуры СССР, в ЦК о работе отдела во второй половине 1954 — начале 1955 года // Реабилитация... Цит. соч. С. 196–203.

42. Население России в XX веке. Исторические очерки, Т. II. 1940–1959. М.: РОССПЭН, 2001. С. 192–193.

43. Тем не менее, процент «политических», освобожденных вследствие кассации приговора, оставался по-прежнему незначительным (3–4 %), а подавляющее большинство освобождаемых пользовалось сокращением срока, переквалификацией преступления или амнистией.

44. См.: Население России в XX веке... Цит. соч. С. 192–193.

45. ГА РФ. 8/31/32/3286/264–265.

46. Директивы председателя КГБ о порядке рассмотрения запросов граждан о судьбах репрессированных, приговоренных к высшей мере наказания, от 24 августа 1955 // Реабилитация... Цит. соч. С. 254–255.

47. Амнистия несовершеннолетним заключенным (24 апреля 1954 года), 28 996 амнистированных; амнистия больным, престарелым, инвалидам, беременным женщинам и матерям с малолетними детьми (3 сентября 1955 года), 77 333 амнистированных / Население... Цит. соч. С. 193.

48. Доклад Комиссии законодательных предположений при Верховном Совете СССР от 28 апреля 1953 года / Реабилитация... Цит. соч. С. 27–35.

49. Шесть месяцев исправительных работ с удержанием 25 % из зарплаты или лишение свободы на срок не более трех месяцев. Действие указов от 4 июня 1947 года прекратилось только с принятием нового Уголовного кодекса в 1960 году. Впрочем, уже с 1955 года инструкции Генеральной прокуратуры рекомендовали судьям прибегать, чтобы обойти эти суровые указы, к статьям 51 и 53 Уголовного кодекса, позволявшим осуждать на сроки ниже низшего предела или прибегать к условному наказанию.

50. Население... Цит. соч. С. 153.

51. ГА РФ. 9492/5/240/1–6.

52. По многочисленным проблемам профессиональной и социальной адаптации, с которыми приходилось сталкиваться бывшим заключенным, см. сводки писем, направленных в Центральный Комитет «реабилитированными гражданами» // Реабилитация. Как это было. Т. II, 1956–1980, М., Международный фонд «Демократия», 2003, сс. 59–63.

53. Для получения подробного анализа этих депортаций и характеристики 21 категории, отсылаю читателя к моему исследованию «Депортации “подозрительного населения” на российском и советском пространстве (1914 — конец 40-х годов): военное насилие, социальная инженерия, этно-историческое “изъятие”» в данном сборнике.

54. Постановление Президиума ЦК КПСС «О мерах по усилению массово-политической работы среди спецпоселенцев» от 29 июня 1955 года // Реабилитация... Цит. соч. С. 224–226.

55. Постановление Президиума Верховного Совета от 13 декабря 1955 года. На некоторые другие малочисленные категории «спецпоселенцев» («бывшие кулаки», прикрепленные к месту жительства и спустя 20 лет после «раскулачивания»; «спецпоселенцы», вступившие в партию, общим числом около 13 500 человек; «спецпоселенцы»-инвалиды или имеющие награды Великой Отечественной войны — около 45 тысяч человек) схожие меры были распространены в 1955 году.

56. Докладная записка А. Б. Аристова ЦК об итогах работы комиссий Президиума Верховного Совета СССР на 1 октября 1956 года от 17 октября 1956 года / Реабилитация... Цит. соч. Т. II. С. 192–194.

57. См. список постановлений Президиума ВС СССР, принятых в 1955–1956 гг. и касающихся снятия ограничений в правовом положении «спецпоселенцев» // Население России... Цит. соч. С. 180–181.

58. Козлов В. А., Козлова М. Е. Патерналистская утопия и этническая реальность. Чеченцы и ингуши в сталинской ссылке, 1944–1953 // Вестник архивиста. 2003. №3–4. С. 259–261.

59. Там же. С. 280.

60. Земсков В. Н. Спецпоселенцы. М.: «Наука», 2003. С. 254.

61. В 80 % наиболее серьезных инцидентов, о которых министр внутренних дел сообщал Хрущеву в 1954–1958 гг. участвовали чеченцы и ингуши // Козлов В. А. Цит. соч., прим. 21. С. 100–104.

62. 15 % территории бывшей автономной республики стали предметом раздела соседних республик Дагестан, Северная Осетия и Грузия. Наиболее серьезные территориальные конфликты, в которых друг другу противостояли чеченцы и осетины, возникали по поводу Пригородного района, до 1944 года принадлежавшего Чечено-Ингушской автономной республике, но в 1957 году уступленного Северной Осетии. Стычки осетин и ингушей здесь продолжались на протяжении 60–70-х годов.

63. Среди дагестанцев кандидатов на выезд (60 000) было в 3 раза больше, чем предполагали власти в Чечне // Козлов В. А. Цит. соч. С. 130.

64. Цит. по: Козлов В. А. Цит. соч. С. 120–121.

65. В течение первого квартала 1957 года, то есть в первые три месяца после выхода постановления Президиума Верховного Совета СССР от 7 января 1957 года, 34 600 депортированных чеченских и ингушских семей (около 152 тысяч человек) отправились в обратный путь. Центральные власти рассчитывали на «организованное возвращение» в течение 1957 года 17 тысяч семей.

66. Козлов В. А. Цит. соч. С. 107–110.

67. Среди наиболее серьезных инцидентов отметим те, что имели место в Грозном в июле 1958 года / Козлов В. А. Цит. соч. С. 240–260.

68. О возвращении украинских и прибалтийских националистов см.: Weiner A. The Empires Pay a Visit. Reform, Revolt and Rebirth in the Soviet Western Frontier. 1956–1957. Сообщение, сделанное 14 октября 2003 года.

69. Согласно докладу министра внутренних дел Украинской ССР от 10 октября 1956 года, подавляющее большинство из 45 тысяч украинских «националистов» вернулось в родные деревни, не пытаясь устроиться в городах, что означало бы, что они хотят порвать со своей средой и корнями.

70. См.: Weiner A. Цит. сообщ.

ГЛАВА 19

История «проекта секретного доклада». О чем кричала и о чем молчала Комиссия Поспелова, январь–февраль 1956 года*

31 декабря 1955 года, за шесть недель до открытия XX съезда КПСС, Президиум Центрального Комитета постановил создать «Комиссию по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии».

Эта Комиссия, состоявшая из четырех представителей партийного руководства (секретари ЦК КПСС П. Н. Поспелов и А. Б. Аристов, председатель ВЦСПС Н. М. Шверник, заместитель председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС П. Т. Комаров)¹, должна была подготовить свой доклад к 9 февраля 1956 года. Этот текст объемом в 70 машинописных страниц послужил Никите Хрущеву «основой» для его знаменитого «секретного доклада», по крайней мере для центральной его части, посвященной годам «Большого террора»².

Недавно опубликованное сообщение Комиссии³ интересно во многих отношениях. Оно вскрывает, прежде всего, внутреннее противоречие, заложенное в самой цели этой Комиссии: установить причины *массовых репрессий* против нескольких десятков партийных руководителей!

Проект «секретного доклада» XX съезда

Из 70 страниц текста около двух третей посвящены репрессиям против членов Центрального Комитета, избранных на XVII съезде партии в 1934 году (98 из 139 были арестованы и расстреляны), а также некоторых «старых большевиков»⁴ и высокопоставленных членов сталинского руководства, таких как Павел Постышев, Роберт Эйхе, Ян Рудзутак, Влас Чубарь, Моисей Рухимович⁵. Все эти «честные, преданные делу коммунизма деятели партии» были

* Histoire d'un «pré-Rapport secret». Audaces et silences de la Commission Pospelov, janvier-février 1956 // Communisme. 2001. № 67–68. P. 9–38.

вынуждены, объясняла Комиссия, под пытками признаваться в мифических преступлениях. Эти «грубейшие нарушения социалистической законности» были делом рук сотрудников «выродившегося» и «преступного» НКВД, возглавлявшегося Николаем Ежовым (до ноября 1938 года), затем другим «врагом народа» Лаврентием Берия. Естественно, такого рода «позорные дела» могли иметь место не только с санкции, но и «по прямым указаниям» Сталина.

Всю эту аргументацию — не говоря уж о целых параграфах из текста Комиссии — Никита Хрущев широко воспроизводил в своем «секретном докладе»⁶.

Впрочем, на двадцати страницах материалов, подготовленных Комиссией, были приведены и другие крайне важные факты, которые Хрущев опустил. На этот раз речь шла не только о репрессиях, направленных против коммунистического руководства, но и о массовых репрессиях, которые в 1937–1938 годах привели к аресту 1 548 366 человек, из которых 681 692 были расстреляны. Данные Комиссии основаны в первую очередь на докладной записке, направленной 5 января 1954 года министром внутренних дел С. Н. Кругловым Георгию Маленкову и Никите Хрущеву. В этом совершенно секретном донесении, составленном начальником первого спецотдела Министерства внутренних дел, полковником Павловым, содержалась информация по количеству арестованных, приговоренных и казненных различными внесудебными инстанциями, находившимися в ведении органов госбезопасности в 1921–1953 годах: более 4 миллионов репрессированных, из которых 800 тысяч казнены. Примечательно, что комиссия Поспелова ограничилась лишь данными за 1935–1940 годы, соответствовавшим единственному периоду массовых репрессий, о котором можно было говорить («естественно», не упоминались самые ужасные и самые преступные периоды насильственной коллективизации, раскулачивания и великого голода 1932–1933 годов). Таблица, приводившаяся Комиссией для иллюстрации эпизода 1937–1938 годов, должна была служить основой главного тезиса доклада первого секретаря: об «исключительности» лет «Большого террора». Тем не менее, Хрущев не решился привести эти данные в своем «секретном докладе».

Таблица 1

Число арестованных органами безопасности в 1935–1940 годах

Год	1935	1936	1937	1938	1939	1940
Арестовано	114 456	88 873	918671	629 695	41627	127 313
Из них казнено	1 229	1 118	353 074	328 618	2 601	1 863

Затем комиссия Поспелова посвятила с десяток страниц различным «репрессивным операциям» 1937–1938 годов. Она детально описала разработку и осуществление самой важной из этих операций, операции № 00447, так называемой «кулацкой операции», проведенной против целого ряда считавшихся «социально-опасными» элементов («бывшие кулаки, бежавшие из лагерей или трудпоселков», духовенство, бывшие члены небольшевистских партий, бывшие царские чиновники, а также «уголовники-рецидивисты» и «бандиты» и члены их семей, «способные на ведение антисоветской деятельности»). В материалах Комиссии был упомянут и принцип «лимитов» на арест и расстрел, выделявшихся Ежовым каждому региону (35 тысяч, например, Московской области, из которых 5 тысяч по «первой категории» — смертная казнь; 29 тысяч — Украине, из которых 8 тысяч по «первой категории»; 17 тысяч — Западной Сибири, из которых 5 тысяч — по «первой категории» и т. д.). Кроме того, было приведено множество ярких примеров того, как лимиты, установленные в начале операции, 30 июля 1937 года (258 950 лиц, «подлежащих репрессии», из которых 72 500 — казни), были значительно превышены вследствие общего соревнования, целью которого было превзойти первоначальный план: «те, кто первыми “выполняли лимит”, считались “самыми бдительными”». Комиссия подчеркивала, что эти «дополнительные лимиты» должны были получать одобрение Николая Ежова — по согласованию со Сталиным. Среди других многочисленных документов того же рода, в материалы Комиссии было включено письмо наркома внутренних дел Сталину от 11 августа 1937 года, спустя 10 дней после начала «операции 00447»:

«Ввиду большой засоренности колхозов, совхозов и промышленных предприятий Западной области беглым кулачеством и другими контрреволюционными элементами, проявляющими большую антисоветскую активность, считаю необходимым увеличить число подлежащих репрессированию по Западной области бывших кулаков, уголовников и антисоветских элементов по 1 категории до 3000 человек, по 2 категории до 6000 человек.

Для Западной области было утверждено 1-я категория — 1000 человек и 2-я категория — 5000 человек.

Проект постановления представляю»⁷.

В сообщении Комиссии Поспелова приводились также детали других основных репрессивных операций 1937–1938 годов: № 00439, или «немецкая операция», № 00485, или «польская операция», № 00593, или «харбинская операция», а также «латышская операция», «финская операция», «румынская операция», «греческая

операция»⁸. В таблице подводился баланс этих «национальных операций» на 10 сентября 1938 года⁹.

Таблица 2

Итоги «национальных операций» на 10 сентября 1938 года

«Национальные операции»	Осуждено	Приговорено к ВМН	Приговорено к 10 годам ИТЛ	Дела переданы в другие инстанции
Поляки	106 726	84 471	19 078	3 177
Немцы	31 853	24 858	5 750	1 245
«Харбинцы»	30 938	19 312	10 669	957
Латыши	17 581	13 944	2 741	896
Греки	11 253	9 450	1 553	250
Румыны	6 290	4 021	2 077	192
Финны	5 880	5 224	423	233
Эстонцы	5 590	4 672	625	293
Иранцы	2 180	908	1 154	118
Афганцы	691	99	400	192
Другие	9064	5 781	2 494	789
Всего	228 046	172 740	46 964	8 342

Эти национальные операции были направлены не только против советских граждан польской, немецкой, латышской, финской, греческой и других национальностей, но также против всех советских граждан, кто имел какие бы то ни было связи, будь то профессиональные, семейные или просто географические (в этом отношении были особенно уязвимы жители пограничных областей), со странами, считавшимися враждебными: с Польшей, Германией, прибалтийскими странами, Румынией, Японией.

Так, в докладе Комиссии Поспелова приводились категории населения, на которые была направлена «польская операция». Аресту подлежали:

- все бывшие польские военнопленные, оставшиеся в СССР;
- все оставшиеся в СССР польские беженцы;
- все польские политэмигранты;
- все бывшие члены бывшей Польской социалистической партии и в целом любой другой польской партии;
- все «наиболее активные» «националистические» элементы областей и районов СССР с преобладанием польского населения;
- все лица, входившие в контакт с работниками польского консульства или диппредставительства.

Помимо «массовых нарушений социалистической законности» в ходе операций, проводимых НКВД, Комиссия на нескольких страницах осуждала «произвол Военной Коллегии Верховного суда СССР», выносившей приговоры по самым важным делам (именно в этом суде проходили знаменитые «Московские процессы»).

Были приведены точные данные по количеству осужденных в 1937–1938 годах Военной Коллегией: 44 465 человек, в основном работников партаппарата, экономического сектора, военных и сотрудников органов. Все эти приговоры (по 85 % из них — смертная казнь), уточняла Комиссия, были санкционированы лично Сталиным, который поставил свою подпись на 383 списках осужденных. Впрочем, Комиссия предпочла не уточнять личность тех, кто еще подписывал эти списки и в 1956 году оставался наряду с Никитой Хрущевым у кормила власти: Вячеслав Молотов (подпись которого стояла на 373 списках), Клемент Ворошилов (его подпись была на 195 списках), Лазарь Каганович (подписал 191 список) и Анастас Микоян (подписал 62 списка).

В своем «секретном докладе» Никита Хрущев не упомянул о количестве осужденных Военной коллегией Верховного суда, ограничившись упоминанием «тысяч... несправедливо репрессированных партийных и советских работников»¹⁰.

В этом отношении, как и во многих других, первый секретарь явно смягчил выводы Комиссии Поспелова (впрочем, и без того, следуя основному большевистскому принципу *конспирации*, озвучил факты лишь перед теми, кто «имел право знать»). Он, например, опустил в своем докладе ключевую фразу из выводов Комиссии о «массовом терроре против многих честных советских людей»¹¹.

Итоговый документ комиссии Поспелова интересен как точными данными о «Большом терроре», так и тем, о чем он умолчал, а также тем, какое влияние он оказал на текст «секретного доклада», Действительно, хотя сам Хрущев сортировал информацию, которую ему предоставила Комиссия, последняя также заботливо отбирала для своего сообщения минимум информации, полученной из Верховного суда, Министерства юстиции, Президиума Верховного Совета, Министерства внутренних дел и КГБ. Все эти учреждения настоятельно попросили помочь, и в течение января 1956 года руководство судебной системы и органов безопасности занималось составлением сводок, направлявшихся Комиссии. Некоторые из этих сводок, хранящиеся в фондах Министерства юстиции и Президиума Верховного Совета, ныне стали доступными. Они позволяют нам воссоздать точную и полную картину репрессивной и пенитенциарной политики сталинского режима.

Система внесудебного разбирательства: органы госбезопасности и военные трибуналы

Первый комплекс информации касается приговоров, вынесенных в 1921–1953 годах внесудебными органами, подведомственными органам госбезопасности. В этом смысле данные, переданные в январе 1956 года Комиссии, совпадали с теми, что были представлены в уже упомянутой выше справке, подготовленной в декабре 1953 года полковником Павловым¹². Эти данные отображали статистику, которую вели органы внесудебной расправы. Последние были весьма многочисленны и прошли через множество административных реорганизаций, ограничений или расширений своей компетенции. Если взять только пример *троек* (комиссий из трех человек), органов внесудебной расправы, находившихся в ведении ОГПУ–НКВД, только в 30-х годах друг друга сменили четыре типа *троек*.

Первые *тройки* были созданы 3 февраля 1930 года при местных полномочных представительствах ОГПУ во время раскулачивания. Состоявшие из представителя органов безопасности, прокурора и представителя местного руководства компартии, эти *тройки*, осудившие за два года (1930–1931) более 330 000 человек, из которых 30 000 были приговорены к смертной казни, с самого начала взяли на себя функции основного репрессивного инструмента режима в ходе насильственной коллективизации и раскулачивания. С реорганизацией органов безопасности в июле 1934 года и — крайне непродолжительной — «оттепели» после XVII съезда партии (январь 1934 года), *тройки* были упразднены.

Второй тип *троек* появился чуть позже, в мае 1935 года. Компетенция этих *троек*, называвшихся «милицейские *тройки*», была гораздо более ограниченной. Они были уполномочены «выдворять из городов, высылать и осуждать к лишению свободы на срок до 5 лет [...] любой социально-опасный, криминальный или деклассированный элемент, а также всех злостных нарушителей паспортного режима». За три года существования «милицейские *тройки*» выслали или приговорили к лагерям около 300 тысяч человек.

Третий тип *троек* был введен в конце июля 1937 года для проведения репрессивной операции № 00447. Эти тройки, состоявшие из главы УНКВД, первого секретаря обкома партии и областного прокурора, выносили приговоры (смертная казнь или 10 лет лагерей), подлежащие немедленному приведению в исполнение, за закрытыми дверями, без права на адвоката и апелляцию. В ходе одного заседания «рассматривалось» несколько сотен дел. За 15 месяцев

существования (начало августа 1937 года — 16 ноября 1938 года) эти *тройки* осудили более 767 000 человек, из которых 386 800 приговорили к смертной казни.

15 сентября 1938 года Политбюро создало еще один вариант *троек*, названных, чтобы их отличать от созданных ранее подобных органов, «особые *тройки*». Они должны были ускорить рассмотрение дел в рамках национальных операций, «до сих пор находившихся в ведении Особого Совещания при НКВД и Прокуратуре». За два месяца существования «особые *тройки*» осудили более 93 тысяч человек, из которых 64 тысячи приговорили к высшей мере наказания.

Таким образом, только в годы «Большого террора» существовал целый ряд внесудебных органов: к различным *тройкам* прибавились *двойки* (состоявшие из руководителя местного управления НКВД и областного прокурора), занимавшиеся исключительно «национальными операциями». *Двойки* находились в ведении комиссии при НКВД и генпрокуроре СССР (возглавлявшейся лично Николаем Ежовым и Андреем Вышинским)¹³. Действовали также Особое совещание, орган при НКВД, созданный в марте 1924 года (и упраздненный лишь в сентябре 1953 года),¹⁴ а также Военная коллегия Верховного Суда СССР¹⁵.

Подводя итог приговоров, вынесенным этими различными инстанциями, полковник Павлов приводил следующую таблицу¹⁶:

Таблица 3

Приговоры, вынесенные органами госбезопасности во внесудебном порядке с 1921 по 1953 годы

Год	Осуждено	Осуждено к ВМН	Осуждено к ИТЛ	К ссылке	К другому виду наказания (исправительно-трудовые работы)
1921	35 829	9 701	21 724	1817	2 587
1922	6 003	1 962	2 656	166	1 219
1923	4 794	414	2 336	2 044	—
1924	12 425	2 550	4 151	5 724	—
1925	15 995	2 433	6 851	6 274	437
1926	17 804	990	7 547	8 571	696
1927	26 036	2 363	12 267	11 235	171
1928	33 757	869	16 211	15 640	1 037
1929	56 220	2 109	25 853	24 517	3 741
1930	208 069	20 201	114 443	58 816	14 609
1931	180 696	10 651	105 683	63 269	1 093

Год	Осуждено	Осуждено к ВМН	Осуждено к ИТЛ	К ссылке	К другому виду наказания (исправительно-трудовые работы)
1932	141 919	2 728	73 946	36 017	29 228
1933	239 664	2 154	138 903	54 262	44 345
1934	78 999	2 056	59 451	5 994	11 498
1935	267 076	1 229	185 846	33 601	46 400
1936	274 760	1 118	219 418	23 719	30 415
1937	790 665	353 074	429 311	1 366	6 914
1938	554 258	328 618	205 509	16 842	3 289
1939	63 889	2 552	54 666	3 783	2 888
1940	71 806	1 649	65 727	2 142	2 288
1941	75 411	8 001	65 000	1 200	1 210
1942	124 406	23 278	88 809	7 070	5 249
1943	78 441	3 579	68 887	4 787	1 188
1944	75 109	3 029	70 610	649	821
1945	123 248	4 252	116 681	1 647	668
1946	123 294	2 896	117 943	1 498	957
1947	78 810	1 105	76 581	666	458
1948	73 269	—	72 552	419	298
1949	75 125	—	64 509	10 316	300
1950	60 641	475	54 466	5 225	475
1951	54 775	1 609	49 142	3 425	599
1952	28 800	1 612	25 824	773	591
1953	8 403	198	7 894	38	273
Всего	4 060 306	799 455	2 631 397*	413 512	215 942

*Для приговоров об отбывании наказания в ИТЛ, вынесенных внесудебными органами, данные по срокам приводятся лишь по 1937–1938 годам и 1939–1953 годам.

В 1937–1938 годах 98,5 % вынесенных приговоров (или 626 534 из 634 820) были 10 лет ИТЛ.

Для 1939–1953 годов распределение наказаний выглядит следующим образом: из общего числа в 999 291 приговор 10 171 (1 %) на срок до двух лет; 176 813 (17,7 %) на срок от 3 до 5 лет; 553 771 (55,4 %) на срок от 6 до 10 лет; 24 627 (2,5 %) на срок от 11 до 24 лет; 233 909 (23,4 %) на срок 25 лет. Наказание в виде лишения свободы сроком на 25 лет начало широко применяться с 1944 года, в первую очередь по отношению ко всем коллаборационистам, реальным или мнимым, «националистам» (особенно украинским и прибалтийским) и другим «партизанам» и «бандитам», противостоящим режиму.

Данные, представленные в таблице полковника Павлова, ясно показывают исключительное место «Большого террора» 1937–1938 годов: 85 % смертных приговоров, вынесенных внесудебными органами, приходится на эти два года. Значительно отстают от 1937–1938 годов еще три года, на каждый из которых пришлось свыше 10 тысяч казней. Речь идет о 1930 и 1931 годах, годах раскулачивания, когда около 30 тысяч «кулаков первой категории» (определявшихся как «кулаки, занятые контрреволюционной деятельностью») ¹⁷, было приговорено к ВМН и казнено, и 1942 года, когда масштаб репрессий вырос ввиду военных условий.

На данной стадии исследования появляется множество замечаний. Кажется очевидным, что приведенные данные обходят молчанием некоторые эпизоды. Можно констатировать для 1940 года очевидный пропуск контингента из 25 700 поляков — офицеров, чиновников, полицейских и других «классовых врагов», казненных по совершенно секретному приказу народного комиссара внутренних дел Лаврентия Берии от 5 марта 1940 года. Стоит ли объяснять этот «пропуск» тем, что это, особо деликатное дело, касающееся к тому же иностранцев, было предметом «особого рассмотрения» и не включалось в статистику органов госбезопасности?

Другое замечание: данные, приведенные полковником Павловым, отражают «бухгалтерию», которую вело руководство органов госбезопасности, но принимают ли они в расчет то, что сотрудники органов называли на своем жаргоне «перегибами», «нарушениями социалистической законности» или «неутвержденными лимитами на казнь», которые, как мы знаем, имели место, и о которых так и не сообщали в Москву, особенно в годы «Большого террора»? Два примера иллюстрируют эту проблему. В конце августа 1924 года в Грузии вспыхнуло антибольшевистское восстание. Оно было подавлено за несколько дней. Первый секретарь партии Серго Орджоникидзе и глава Закавказского ГПУ Лаврентий Берия воспользовались этим восстанием как предлогом для того, чтобы «раз и навсегда» покончить с «грузмеками» и грузинской знатью. Репрессии по количеству осужденных (по последним оценкам, речь шла, по меньшей мере, о 5000 казненных) значительно превзошли инструкции Москвы ¹⁸. В действительности, как показывает переписка Политбюро и местных властей, последние скрывали масштаб репрессий ¹⁹; статистические данные ОГПУ за этот год (2550 казней в 1924 году) были далеки от реальности.

Второй пример: в 1937–1938 годах помимо «дополнительных лимитов на бывших кулаков, уголовных преступников, социально

опасных элементов», подлежащих репрессиям, должным образом утвержденных Политбюро и занесенных в централизованную статистику, имели место «неутвержденные дополнительные лимиты», о чем свидетельствует одна из редких инспекций, проведенных по окончании «Большого террора» в маленькой Туркменской ССР. Лимиты на ВМН, выделенные для этой маленькой республики в рамках операции № 00447 в количестве 500 человек, «расширились» 4 раза и достигли к лету 1938 года «утвержденного Политбюро» количества в 3225 человек, «подлежащих репрессии по 1-ой категории». А инспекция, проведенная в начале 1939 года сотрудниками НКВД, приехавшими из Москвы, выявила, что туркменским НКВД было казнено как минимум 4037 человек, или на 812 (25 %) сверх установленных лимитов²⁰. Помимо этого много сотен арестованных погибло в тюрьме от пыток еще до «осуждения» и вынесения приговора.

Только для 1937–1938 годов разница — в масштабах страны — между количеством арестованных (1 548 356) и осужденных (1 344 923) превысила 200 000 человек. Разумеется, часть арестованных либо освободили, либо передали их дела в обычный суд. Тем не менее, часть этого контингента погибла в период между арестом и судом — сколько из них умерло в тюрьме от пыток?

Для 1937–1938 годов статистическая погрешность могла составлять 10–25 %. Взяв за основу минимальное значение для лет «внесудебных репрессий», получаем для периода 1921–1953 годов цифру, близкую к миллиону жертв, а не к 800 тысячам, фигурирующим в централизованной статистике органов безопасности.

Таблица полковника Павлова заводит в тупик в еще одном вопросе: удивительно малое количество казней во время войны и в первые послевоенные годы, отмеченные жестокими репрессиями по отношению не только к реальным и мнимым предателям и коллаборационистам, но и к украинским, молдавским и прибалтийским «националистам», которые с оружием в руках сопротивлялись советизации Западной Украины (до войны являвшейся неотъемлемой частью Польши), Молдавии (до войны входившей в состав Румынии) и независимых прибалтийских государств.

В действительности, данные органов госбезопасности не принимают во внимание приговоры, вынесенные военными трибуналами²¹, особенно активными с 1940 года. Данные по этим приговорам — за 1940–1954 годы — были представлены в сводке министра юстиции К. Горшенина, составленной в конце 1955 года.

Тип приговоров не уточняется, кроме одного примечания²², которое учитывает количество приговоров, вынесенных в 1940–1954 го-

дах не только военными трибуналами, но и всеми внесудебными репрессивными органами (военными и политическими), за исключением Особого совещания и Военной коллегии Верховного суда. Из этой таблицы следует, что из 3 595 554 приговоров, вынесенных этими инстанциями, 235 893 (6,7 %) были приговорами к смертной казни, 3 043 118 (84,5 %) — к лагерям и 316 543 (8,8 %) — к ссылке, исправительным работам или условными приговорами. Эти данные, совпадающие с цифрами в приведенных выше таблицах, показывают, что абсолютное большинство приговоров, вынесенных военными трибуналами (за исключением приговоров к высшей мере наказания), было приговорами к лишению свободы.

Таблица 4

Число осужденных военными трибуналами в СССР (1940–1954)²³

Год	Осужденные	Из них к высшей мере наказания
1940	43 601	1 492
1941	168 691	50 016
1942	639 826	75 871
1943	673 990	22 163
1944	479 370	16 481
1945	260 613	10 400
1946	192 836	5 165
1947	144 475	1 201
1948	81 370	—
1949	68 884	—
1950	34 273	549
1951	12 125	442
1952	19 774	—
1953	22 792	—
Всего	2 842 620	183 780

Хотя военные трибуналы в большинстве своем выносили приговоры по преступлениям, совершенным военными, в первую очередь по делам о дезертирстве и даже «трусости» или «паникерстве», особенно частым в первые месяцы войны, а также летом 1942 года (в июле 1942 года за линией фронта было развернуто большое количество заградительных отрядов НКВД, получивших приказ «в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии, расстреливать на месте паникеров и трусов»)²⁴, они также выносили приговоры (по примеру судов органов госбезопасности) по некоторым «контрреволюцион-

ным» преступлениям, совершенным как гражданскими лицами, так и военными: «измена Родине», «терроризм», «антисоветская агитация» (более 20 000 гражданских лиц были в 1941–1942 годах приговорены к лагерям за «распространение пораженческих слухов»). В 1944–1945 годах реальные и мнимые коллаборационисты и украинские и прибалтийские «националисты» составляли основной контингент лиц, приговоренных к смертной казни или к ИТЛ военными трибуналами (78 %). В компетенцию военных трибуналов, наконец, входили все нарушения трудового законодательства, каравшиеся со всей суровостью в результате принятия в 1940–1941 годах так называемых «законов военного времени». Закон от 26 декабря 1941 года, который приравнивал любой «самовольный уход» с оборонного предприятия к дезертирству, каравшемуся заключением на срок 5–8 лет²⁵, лежал в основе более трети всех приговоров, вынесенных военными трибуналами (983 000 из приблизительно 2 842 000). Впрочем, из-за масштабов «дезертирства с работы» и очевидного несоответствия санкций, предусмотренных законом, совершенному правонарушению, военные трибуналы часто приговаривали «дезертиров» с предприятий к сроку до 3 лет. Закон от 26 декабря 1941 года оставался в силе до конца 1948 года: в послевоенные годы более 140 000 человек были осуждены военным трибуналом за самовольный уход с предприятия, которое так и оставалось на военном положении²⁶.

Всего гражданские и военные органы внесудебной расправы²⁷ за срок чуть более 30 лет (1921–1953) вынесли приговоры в отношении около 7 миллионов человек, из которых 1 200 000 были казнены, и пять миллионов отправлены в исправительно-трудовые лагеря (оставшие 800 000 человек были приговорены либо к ссылке, либо к исправительно-трудовым работам без лишения свободы).

Обычные суды

В январе 1956 года Министерство юстиции, Верховный суд и Президиум Верховного Совета подготовили весьма красноречивые сводки о политике, которая велась с 1940 года и о количестве советских граждан, осужденных обычными судами с 1937 по 1954 годы. В этих отчетах без обиняков признавался «слишком высокий уровень» наказаний, в особенности тех, что выносились после принятия Указов от 4 июня 1947 года, позволявших приговаривать к 5–25 годам лагерей за хищение и кражи государственного и общественного имущества или личной собственности. «Ужесточение наказаний и рост репрессий так и не повлекли за собой ни малейшего снижения преступно-

сти», — констатировалось в одной из сводок Верховного Совета²⁸. Замечательное признание! Еще более удивительным было исследование, посвященное репрессивной и пенитенциарной политике в царской России в 1900–1913 годах, проведенное Институтом Права Академии наук СССР и приложенное к одной из сводок.

Сотрудник отдела судебной статистики Верховного Суда СССР Борис Хлебников представил следующую таблицу количества приговоров, вынесенных обычными судами в 1937–1954 годах²⁹.

Таблица 5

Приговоры, вынесенные обычными судами
в 1937–1954 годах

Год	Осуждено	Из них к ВМН	К тюремному заключению или отбытию наказания в ИТЛ	К другому наказанию (исправительно-трудовые работы, условный приговор, штрафы)
1937	927 979	469	399 259	528 251
1938	915 553	252	332 014	583 287
1939	977 100	192	350 555	626 353
1940	3 330 515	525	930 637	2 399 353
1941	2 882 096	2 894	1 028 783	1 850 419
1942	2 639 454	5 143	867 584	1 766 727
1943	2 073 338	800	587 801	1 484 737
1944	2 199 699	554	629 597	1 569 548
1945	2 059 869	389	549 672	1 509 808
1946	2 294 772	611	786 154	1 508 007
1947	2 439 390	442	1 209 098	1 229 850
1948	2 001 943	—	931 230	1 070 713
1949	1 925 525	—	874 901	1 050 624
1950	1 747 422	—	714 248	1 033 174
1951	1 420 802	—	587 689	833 113
1952	1 447 435	—	594 661	852 774
1953	1 066 931	—	481 756	585 175
1954	1 025 083	762	405 973	618 348
Всего	33 374 906	13 033	12 261 612	21 100 261

Что касается приговоров к лишению свободы, средняя продолжительность сроков эволюционировала следующим образом:

Таблица 6

**Средняя продолжительность срока лишения свободы
в 1937–1954 годах**

Год	Общее количество приговоров	Менее года	От года до пяти лет	От пяти до десяти лет	Более десяти лет
1937	399 259	90 563	232 914	75 782	—
1938	332 014	178 193	130 136	23 165	520
1939	350 555	216 945	80 038	53 159	413
1940	930 637	774 252	129 875	26 403	107
1941	1 028 783	588 533	384 005	56 123	122
1942	867 584	481 723	314 457	71 355	49
1943	587 801	290 493	246 123	51 084	101
1944	629 597	341 417	250 294	37 801	85
1945	549 672	274 462	246 099	29 000	111
1946	786 154	394 372	347 230	44 391	161
1947	1 209 108	471 235	485 469	236 144	16 260
1948	931 230	367 962	251 754	260 403	51 111
1949	874 901	378 017	212 833	222 132	61 919
1950	714 248	287 936	184 858	184 483	56 971
1951	587 689	194 139	189 394	156 326	47 830
1952	594 661	156 354	217 583	169 690	51 034
1953	481 756	82 619	220 296	139 442	39 399
1954	405 973	98 583	193 025	87 328	27 037
Всего	12 261 622	5 667 798	4 316 383	1 924 211	353 230
	100 %	46,2 %	35,2 %	15,7 %	2,9 %

В другой справке, подписанной начальником отдела ходатайств о помиловании при Президиуме Верховного Совета Иваном Бабухиным, подчеркивалось два важных момента (очевидных, как следует из данных, представленных в вышеприведенных двух таблицах) в развитии «обычной» уголовной политики.

Первый момент: 1940–1941 годы, отмеченные резким ростом вследствие принятия указа от 26 июня 1940 года, количества приговоров как к тюремному заключению, так и к исправительно-трудовым работам без лишения свободы. Этим законом карался — вплоть до лишения свободы на срок до 1 года — любой «самовольной уход с предприятий или из учреждений». В первые шесть месяцев действия этого указа по нему были осуждены более 2 миллионов человек, из которых 321 тысяча приговорена к тюремному заключению³⁰. Всего в 1940–1954 го-

дах около 4 миллионов человек было приговорено обычными судами к лишению свободы по упрощенной процедуре, предусмотренной так называемыми «законами военного времени»³¹, сохранявшими силу и после окончания Второй мировой войны. Остальные 8 миллионов человек, приговоренные обычными судами к лагерям в 1937–1954 годах, были осуждены после предварительного расследования согласно действовавшему Уголовно-процессуальному кодексу.

Второй важный момент в эволюции «обычной» уголовной политики это 1947 год, отмеченный после принятия указов от 4 июня значительным ростом числа приговоров по делам о «хищениях государственного и общественного имущества» и увеличением доли приговоров на срок 10 лет и более (в 1946–1948 годах их количество увеличилось в 32 раза!). За 6 лет (1947–1953 годы) более 1 300 000 человек, в большинстве своем голодавшие колхозники, стянувшие несколько колосков с колхозных полей или несколько килограммов картошки, были осуждены по указам от 4 июня 1947 года на большие сроки (в основном 5–10 лет). Средняя продолжительность сроков за «хищение общественного имущества» выросла с 3 (в 1945–1946 годах) до 8 лет (начиная с 1947 года)³². В сводке резкой критике подвергалась «чрезмерная и совершенно не соответствующая преступлению суровость» многих приговоров и приводились некоторые показательные случаи: фронтовик, награжденный тремя медалями, осужден на 15 лет лагерей за кражу «шестиметровой доски». Вдова фронтовика, многодетная мать, осуждена на 10 лет лагерей за кражу «килограмма картофеля и полкило огурцов» и т. д.³³ В целом средняя продолжительность сроков резко выросла: если в начале 40-х годов сроки свыше 5 лет составляли 5–7 % от общего числа приговоров, вынесенных обычными судами, к концу десятилетия их количество превысило 30 %³⁴. Суровость, с которой каралось любое покушение на священное и неприкосновенное «государственное имущество», доходила до абсурда: так, за кражу карали более жестоко, чем за предумышленное убийство: за это преступление в среднем приговаривали к 7 годам лагерей (за кражу к 8 годам!)³⁵. В сводке подчеркивалось, что число «настоящих уголовных преступников» в Гулаге в действительности было незначительным. Приговоры за предумышленное убийство составляли порядка нескольких тысяч в год³⁶, так же как за изнасилование или бандитизм³⁷; что касается приговоров за разбойные нападения, их количество колебалось в пределах 10–20 тысяч в год³⁸. Крайне незначительная доля рецидивистов среди лиц, осужденных обычными судами (11,6 % в 1940–1953 годах), и очень высокая доля

(31,9 %) осужденных женщин (речь часто шла о вдовах фронтовиков и крестьянках, находившихся в бедственном положении) ярко иллюстрирует «перегибы» «обычной» уголовной практики этих лет³⁹.

Из сводки следовал вывод: основным источником пополнения населения Гулага в сталинский период была криминализация мелких преступлений: краж, чаще всего незначительных, «уходов с предприятий», хулиганства, «спекуляции» (то есть продажи или перепродажи товаров, считавшейся незаконной в системе, запрещавшей за редкими исключениями любую частную торговлю), нарушения паспортного законодательства (жестко регламентирующего доступ сельских жителей в лучше снабжавшиеся города).

Царские репрессии, советские репрессии

«Наряду с данными о числе осужденных в Советском Союзе нами при содействии Института Права Академии наук СССР собраны материалы о числе осужденных мировыми, окружными судами и судебными палатами быв. царской России за период с 1900 по 1913 год. Из этих данных видно, что за период с 1900 по 1913 год, т. е. за 14 лет в России было осуждено 1 985 422 человека»⁴⁰. Так начинается вторая часть уже обильно цитировавшегося доклада Министерства юстиции. Три таблицы, приведенные в приложении, иллюстрировали эти данные.

Таблица 7

Число осужденных мировыми, окружными судами и судебными палатами быв. царской России за период с 1900 по 1913 год⁴¹

Год	Осуждено	Из них мировыми судами	Окружными судами и судебными палатами
1900	109 452	66 108	43 344
1901	119 764	64 975	54 789
1902	119 902	66 303	53 599
1903	120 195	66 726	53 469
1904	111 389	61 873	49 516
1905	101 663	54 820	46 843
1906	114 265	71 245	72 898
1907	144 143	55 035	59 230
1908	162 605	81 478	81 127
1909	175 040	92 203	82 837

Год	Осуждено	Из них мировыми судами	Окружными судами и судебными палатами
1910	174 725	86 247	88 478
1911	176 343	83 362	92 981
1912	176 898	82 817	94 081
1913	179 038	91 245	87 793

Таблица 8

Основные преступления, которые рассматривались мировыми, окружными судами и судебными палатами быв. царской России за период с 1900 по 1913 год⁴²

Год	«Преступления против государя», мятежи, восстания, забастовки	Кражи	Убийства	Разбой, бандитизм	Другие
1900	1 232	68 615	2 820	1 482	39 161
1901	2 146	73 684	3 080	1 674	39 177
1902	2 867	73 296	3 204	1 873	38 662
1903	2 167	74 187	3 196	1 962	38 683
1904	2 283	72 247	2 765	2 046	32 048
1905	2 795	66 689	2 729	2 160	27 110
1906	18 020	64 416	3 670	3 146	25 013
1907	21 086	83 215	5 147	5 136	29 559
1908	14 913	96 139	6 251	6 313	38 989
1909	9 652	105 829	6 823	5 444	47 292
1910	6 426	102 116	6 858	5 092	54 233
1911	5 680	102 465	7 576	4 519	56 103
1912	22 764	103 611	8 065	4 437	38 021
1913	3 810	115 749	7 313	4 783	47 383
Всего	115 841	1 202 258	69 497	50 067	551 434

Таблица 9

**Приговоры, выносившиеся окружными судами и судебными палатами
быв. царской России за период с 1900 по 1913 год⁴³**

Год	Осуждено	Из них к каторжным работам	К тюремному заключению	К ссылке	Другие нака- зания*
1901	54 789	2 332	25 266	46	27 145
1902	53 599	2 521	26 709	47	24 322
1903	53 469	2 705	26 709	8	24 047
1904	49 516	2 405	27 177	26	19 908
1905	46 681	2 409	26 434	84	17 754
1906	59 303**	***	***	***	***
1907	72 898	5 489	47 370	256	19 783
1908	81 127	7 344	49 193	592	23 998
1909	82 837	7 344	48 064	549	26 880
1910	88 478	7 113	54 043	435	26 887
1911	92 981	7 047	56 613	393	28 928
1912	94 081	6 929	58 370	289	28 493
1913	87 793	7 102	60 098	154	20 439
1914	111 759	***	***	***	***
Итого	1 029 311	60 740	506 046	2 879	288 584

* Условные наказания, исправительные работы без лишения свободы, штрафы.

** Неполные данные.

*** Данные отсутствуют.

Эти цифры говорят сами за себя: в 1940–1953 годах число приговоренных «обычными» судами к лишению свободы по сравнению с периодом 1900–1913 гг. выросло в 20 раз. Если принять во внимание прирост населения между этими периодами⁴⁴ и тот факт, что при анализе судебной политики царской России сельские суды не учитывались⁴⁵, эту цифру надо пересмотреть в сторону понижения: тем не менее, она составляет около 1546!

Чтобы сравнение было как можно более полным, эксперты Министерства юстиции и Президиума Верховного Совета провели в Центральном государственном военном архиве исследования по поводу числа осужденных военно-окружными и военно-полевыми судами царской России в 1901–1914 годах⁴⁷.

Таблица 10

**Количество лиц (гражданских и военных), осужденных военными судами
(армейскими и флотскими) быв. царской России за период с 1901 по 1914 год⁴⁸**

Год	Осуждено	Из них к смертной казни
1901	14 715	9
1902	17 153	28
1903	17 580	11
1904	15 997	19
1905	24 923	31
1906	33 267	257
1907	42 714	1 376
1908	45 198	647
1909	38 281	629
1910	33 784	167
1911	33 871	113
1912	36 817	176
1913	41 951	47
1914	6 124*	46*
Всего	402 375	3 556

* В таблице у этой цифры стоит знак вопроса.

По количеству смертных приговоров сводка Министерства юстиции приводила — помимо данных, найденных в царских военных архивах — некоторые другие оценки, в первую очередь опубликованные в книге, вышедшей в 1913 году, «Смертная казнь» профессора Гернета, одного из лучших юристов не только дореволюционной, но и советской эпохи, лауреата Сталинской премии. Согласно профессору Гернету, количество лиц, осужденных на смертную казнь в 1900–1913 годах военным судом, достигало 4191 человека, что чуть больше данных, приведенных в таблице, но все равно сопоставимо по масштабам...

Советское руководство и сообщение «Комиссии Пospelова»

После рассмотрения того, о чем умолчала Комиссия Пospelова, которую, очевидно, интересовал лишь один сегмент «массовых репрессий», вернемся в 9 февраля 1956 года, когда партийному руководству был представлен доклад Комиссии по «установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии».

«Факты были настолько ужасающими, — писал Анастас Микоян в своих мемуарах, — что в особенно тяжелых местах текста Пospelову было трудно читать, один раз он даже разрыдался»⁴⁹.

После прочтения доклада между членами Президиума завязалась долгая дискуссия. Возникло огромное количество вопросов: следует ли информировать о фактах, сообщенных Комиссией, делегатов XX съезда, который вот-вот должен был открыться? И если да, то каким образом — на пленарном заседании или при закрытых дверях? И что именно говорить? Кому доверить чтение доклада, если его решат составить? Как отреагируют на эту информацию делегаты? Не будут ли они задавать неудобные вопросы тем, кто руководил партией вместе со Сталиным и по-прежнему оставался у руля? Как представить роль Сталина? Как объяснить, что произошло? С какого момента Сталин «отклонился» от марксизма-ленинизма? С 1922–1923 годов (когда Ленин предупреждал партию об опасности Сталина) или позже?

От этого судьбоносного собрания в Архиве Президента осталась «рабочая протокольная запись», гораздо более короткая, чем стенограмма, но гораздо более полная, чем простой протокол, ограниченный перечислением пунктов повестки дня⁵⁰. В отличие от пленумов Центрального Комитета и съездов партии, которые стенографировались, на собраниях партийного руководства стенограммы не велись. Несколько листовочек рабочей записи заседания Президиума Центрального Комитета КПСС, цитирующиеся *in extenso* ниже, позволяют составить представление о настроениях партийных иерархов. Легкое смятение (быстро сменяющееся у самых опытных призывом к «хладнокровию»). Расчет (сказать, но «чтобы нам не развязать стихию»). Молчать, но тогда «будут говорить, что мы струсили»). Никаких урызаний совести («Все мы работали со Сталиным, но это нас не связывает... Нам не стыдно»).

Естественно, в зависимости от степени участия того или иного руководителя в преступлениях сталинской системы, различалась их

реакция. С одной стороны, ближайшие соратники Сталина, самые доверенные лица (Молотов, Каганович, Ворошилов), которые «знали» (и даже сами подписывали расстрельные списки, представлявшиеся Военной коллегией Верховного Суда в 1937–1938 годах) и которые вследствие этого призывали к максимальной осторожности («всякая промашка влечь будет последствия»). С другой — «молодые» нового поколения (Первухин, Сабуров, Аристов, Суслов), выдвинутые Сталиным на самые высокие посты в 1952 году, никогда не входившие в «ближний круг» диктатора и, разумеется, «не знавшие», представляли самыми «смелыми», готовыми «рассказать всю правду». Между этими двумя крайностями самая многочисленная группа (Микоян, Маленков, Булганин — члены сталинского руководства с наибольшим стажем и Беляев, Кириченко, Пономаренко, Шепилов — самые «осторожные» из молодых выдвиженцев) пыталась найти «золотую середину» и пойти навстречу инициативе Никиты Хрущева, но при этом достичь компромисса с остальными.

Рабочая протокольная запись заседания Президиума ЦК КПСС о докладе Комиссии ЦК КПСС по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии.

9 февраля 1956 г.

Сообщение Комиссии т. Пospelова.

Хрущев, Первухин⁵¹, Микоян⁵².

Несостоятельность Сталина раскрывается как вождя. Что за вождь, если всех уничтожил? Надо проявить мужество сказать правду.

Мнение: съезду сказать, продумать, как сказать. Кому сказать. Если не сказать, тогда проявим нечестность по отношению к съезду. М[ожет] б[ыть], т. Пospelову составить доклад и рассказать — причины, культ личности, концентрация власти в одних руках. В нечестных руках. Где сказать: на заключительном заседании съезда.

Завещание [Ленина] напечатать и раздать делегатам⁵³.

Письмо по национальному вопросу напечатать и раздать делегатам съезда⁵⁴.

Т. Молотов — На съезде надо сказать. Но при этом сказать не только это. Но по национальному вопросу Сталин — продолжатель дела

Ленина. Но 30 лет мы жили под руководством Сталина — индустриализацию провели. После Сталина вышли великой партией.

Култ личности, но мы о Ленине говорим, о Марксе говорим.

Т. Каганович — Историю обманывать нельзя. Факты не выкинешь. Правильное предложение т. Хрущева доклад заслушать. Завещание, письмо по н[ациональному] вопросу раздать.

Завещание, письмо разослать членам Президиума ЦК КП[СС].

Мы несем ответственность. Но обстановка была такой, что мы не могли возражать. (О брате говорит⁵⁵). Но мы были бы нечестны, если бы мы сказали, что вся борьба с троцкистами была не оправдана. Наряду с борьбой идейной шло истребление кадров.

Но я согласен с т. Молотовым, чтобы провести с холодным умом (как сказал т. Хрущев).

Мы (я) переживаем, но чтобы нам не развязать стихию. Редакцию доклада предподнести политически, чтобы 30-летний период не смазат, хладнокровно подойти.

Т. Булганин⁵⁶ — Считаю предложение т. Хрущева правильным. Члены партии видят, что мы изменили отношение к Сталину. Если съезду не сказать, будут говорить, что мы струсил. То, что вскрылось — мы не знали. Списки на 44 тыс[ячи] — невероятный факт. Ближе к правде. На два этапа роль Сталина разделить. Во втором этапе Сталин перестал быть марксистом. (О деле Сванидзе говорит⁵⁷). Как сказать? На базе культа личности. Сталин и партия. Нельзя приписывать Сталину.

Т. Ворошилов: Более основательно подготовить. Мы не в отпуску. Всякая промашка влечь будет последствия. Согласен довести до партии (до съезда).

Осторожным нужно быть.

(Т. Хрущев говорит, что т. Ворошилов возбуждал дело о Ярошенко перед Сталиным).

Т. Ворошилов продолжает: вот два случая: X съезд 1921 г., поехали в Петроград. XIV съезд — были враги, были⁵⁸. Сталин осатанел (в борьбе) с врагами. Тем не менее у него много было человеческого. Но были и звериные замашки.

Микоян: Мы не можем не сказать съезду. Впервые самостоятельно обсуждать можем.

Как относиться к прошлому? До 34 г. вел себя героически. После 34 г. показал ужасные вещи. Узурпировал власть. Захват власти одним лицом. В коренных вопросах теоретических (расходился Сталин с Лениным) быстро поправлял.

Не осуждаю Сталина, когда вели идейную борьбу с троцкистам.

За провал в с[ельском] х[озьяйств]е разве можно простить?

Если бы люди были живы — успехи были бы огромны.

Сказать спокойно съезду (в докладе).

Почему Вячеслав⁵⁹ не хотел опубликовать по нац[иональному] вопросу?

Т. Микоян — Опубликовать «Завещание» и по нац[иональному] в[опросу]. Сочинения Ленина (4 изд[ание]) урезанное, дополнительный том издания Ленина выпустить.

Т. Первухин — На съезде надо доложить. В этом докладе о положительной стороне не требуется говорить. Култ Сталина вреден. Сказать как есть. Узурпировал власть, ликвидировал ЦК, ПБ. Кадры истреблял — мы по тяжелой пр[омышленнос]ти темпы потеряли.

Т. Суслов⁶⁰ — Надо делегатам съезда рассказать все. О коллективности руководства говорим, а со съездом будем хитрить?

Характер доклада: Комиссии поручено проверить, что стало с членами ЦК XVII съезда.

Неуместно давать в целом характеристику Сталина.

[В] 36–37 гг. сколько перебито кадров.

Кривая 36–39 гг. — минимальные темпы.

Т. Суслов — Два этапа [в деятельности] Сталина — в основном правильно. До 1934 года Сталин во многом не прав. Решение XV съезда не выполнено о опубликовании «Завещания».

Авансировать нельзя.

Т. Маленков — Считаю правильным предложение сказать съезду.

Испытываем чувство радости — оправдываем товарищей.

Нельзя дать объяснение о оправдании товарищей, не объясняя роли Сталина. Никакой борьбой с врагами не объяснить, что перебили кадры.

«Вождь» действительно был «дорогой».

На два этапа не делить, связать с культом личности. Мы этим восстанавливаем Ленина по-настоящему.

У Сталина к Ленину проскальзывали нехорошие настроения.

Не делать доклада о Сталине вообще.

Т. Аристов: Не согласен с одним общим, что есть в выступлениях Молотова, Кагановича, Ворошилова, — не надо говорить, [мол] делегаты — люди острые, мы этого не знали (это недостойно членов ПБ).

Годы страшные, годы обмана народа.

Эйхе и тогда был честный.

Хотели сделать бога, а получился черт.

Т. Аристов: Но как так всех — в угоду Сталина.

Партия авторитет не теряет.

Т. Беляев⁶¹: Рук[оводящие] кадры не знают этих документов. Как странно, что эти документы не известны рук[оводящим] кадрам. Съезду нужно документы доложить. Как же скрывать ленинские документы? Правильно т. Хрущев предлагает опубликовать съезду документы.

Правда сказать — делаются оговорки — как бы не потерять величие Сталина. Но в нем надо разобраться. Политически объяснить, конечно, кто [несет] ответственность.

Очищается, что мучает коммунистов.

Иначе — не верить в силу партии.

В этом смысле с оговоркой говорить нельзя.

Т. Шверник: Сейчас ЦК не может молчать, иначе предоставить улице говорить. Съезду надо правду сказать, культ личности разоблачить. Доклад сделать. Кошмар — три раза косили людей.

Т. Сабуров⁶²: Молотов, Каганович, Ворошилов неправильную позицию занимают, фальшивят. Один Сталин (а не два). Сущность его раскрыта за последние 15 лет. Это не недостатки (как говорит т. Каганович), а преступления. Т. Молотов говорит: «Он с нами был 30 лет». Но известна его роль в войне. Но в послевоенный период испортили отношения со всемирными народами (выступления о проливах). Мы потеряли многих из-за глупой политики (финская война, Корея, Берлин).

Сказать правду о роли Сталина до конца.

Т. Шепилов⁶³: Писали о Сталине от сердца. Шевелились глубокие сомнения по событиям 1937 года.

Надо сказать партии — иначе нам не простят.

Говорить правду — сказать, что партия не такая, что нужно было миллионы заточить, что государство наше не такое, что надо было сотни тысяч послать на плаху.

Идеологически — вопрос о воспитании кадров.

Т. Шепилов: Продумать о формах, чтобы не было вреда.

Т. Кириченко⁶⁴: Не может быть вреда. Невозможно не сказать. Сказать разумно. Надо бы сказать, кто реабилитированы.

Решение от съезда вынести.

Т. Пономаренко⁶⁵ — На съезде ЦК должен высказаться. Гибель миллионов людей неизгладимый след оставляет. Трезво об этом периоде и роли Сталина надо сказать.

Т. Хрущев — Нет расхождения, что съезду надо сказать.

Оттенки были, учитывать.

Все мы работали со Сталиным, но это нас не связывает. Когда выявились факты, сказать о нем, или мы оправдываем действия.

Не сбрасывать со счетов, что через 3 [месяца] после смерти Сталина арестовали Берия. И этим мы расчистили [путь] к действию. Мы можем полным голосом, можем сказать.

Нам не стыдно.

Не бояться, не быть обывателями, не смаковать.

Развенчать до конца роль личности.

На съезде доклад поставить. Секретарей ЦК всех подключить. Кто будет делать доклад — обдумать.

М[ожет] б[ыть] и на пленуме ЦК старого состава сказать, что хотим поставить такой-то вопрос.

По итогам этой дискуссии было принято несколько важных решений:

1. Разослать членам Президиума ЦК КПСС, кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС и секретарям ЦК КПСС следующие неопубликованные документы В. И. Ленина — «Завещание» и письмо по национальному вопросу.

2. Считать необходимым ознакомить делегатов XX съезда партии с указанными документами В. И. Ленина.

3. Внести на пленум ЦК предложение о том, что Президиум ЦК считает необходимым на закрытом заседании съезда сделать доклад о культе личности. Утвердить докладчиком т. Хрущева Н. С.⁶⁶

В дни, последовавшие за этим заседанием 9 февраля первый секретарь, основываясь на сообщении Комиссии Поспелова, на темах и «оттенках», всплывавших во время дискуссии членов Президиума, начал составлять текст секретного доклада⁶⁷. В свете этих документов мы сегодня можем лучше понять, о чем кричал и о чем молчал Никита Хрущев.

Примечания

1. *Петр Поспелов* (1898–1979), главный редактор газеты «Правда» (1940–1949), секретарь Центрального комитета (1953–1960), директор Института Маркса-Энгельса-Ленина при Центральном комитете КПСС (1949–1952, 1961–1967), один из авторов «Краткой биографии» Сталина, как раз той, которую Хрущев обличал в своем «Секретном докладе» как типичный пример «культы личности»! В январе–феврале 1956 года Поспелов возглавлял «Комиссию по установлению причин массовых репрессий», которая в правящих кругах была известна, как «Комиссия Поспелова». *Аверкий Аристов* (1903–1973) в 40-е годы занимал руководящие должности в обкомах партии в Сибири и на Урале. В 1955 году был назначен секретарем Центрального комитета и занимал этот пост до 1960 года. В 1961–1973 годах — посол СССР в Польше и Австрии. *Николай Шверник* (1888–1970) был в том числе 1-м секретарем ВЦСПС (1930–1944), председателем Президиума Верховного Совета СССР (1946–1953), в 1957–1966 — член Президиума ЦК КПСС. *Павел Комаров* (1898–1983) руководил Вологодским и Саратовским обкомами партии, в 1952–1959 годах — заместитель председателя Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС.

2. В своих мемуарах Никита Хрущев упоминает эту Комиссию вскользь, разумеется, не вдаваясь в детали, касающиеся собранной ею информации. См.: *Хрущев Н. С.* Воспоминания. М., 1997. С. 328. Идею ее создания он приписывает себе (там же. С. 327), что оспаривается Анастасом Микояном. В недавно вышедшей автобиографии Микояна говорится, что он первым потребовал создать комиссию по расследованию (*Микоян А.* Так было. М.: «Вагриус», 1999. С. 590–592).

3. Недавно рассекреченный текст сообщения Комиссии Поспелова, хранящийся в Архиве Президента Российской Федерации (АПРФ. 3/24/489/23–91), был опубликован в сборнике документов «Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС, 1953–1956» М.: Международный фонд «Демократия», 2000. С. 317–348.

4. В их числе Андрей Розенблюм, член партии с 1906 года, в 30-е годы — секретарь райкома в Ленинграде, арестован в 1937 году (на свидетельстве Розенблюма, цитировавшийся Комиссией, Н. Хрущев часто ссылался в «секретном докладе»); Николай Комаров (1886–1937); Карл Бауман (1892–1937), в 1931–1934 годах — первый секретарь московской городской парт-

организации, первый секретарь Среднеазиатского парткома; Иван Носов (1888–1937), в начале 30-х годов первый секретарь Ивановского обкома партии и другие.

5. Павел Постышев (1888–1938), большевик с 1904 года, член ЦК с 1927 года, «брошенный» Сталиным на Украину в 1933 году, когда он был назначен 2-ым секретарем ЦК КП(б) Украины. Впал в немилость в начале 1937 года, был отправлен на несколько месяцев руководить Куйбышевским обкомом и горкомом ВКП(б). Арестован и казнен в 1938 году; Роберт Эйхе (1890–1940), большевик с 1905 года, член ЦК с 1930 года, с 1929 года, 1-й секретарь Сибирского и Западно-Сибирского крайкомов ВКП(б). Арестован в 1938, казнен в 1940 году; Ян Рудзутак (1887–1940), большевик с 1905 года, был секретарем ЦК в 1923–1927 годах и членом Политбюро в 1926–1937 годах. Арестован в 1938, казнен в 1940 году; Влас Чубарь (1891–1938), большевик с 1907 года, председатель Совнаркома Украины в 1923–1932 годах, член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1935–1938 годах. Арестован и казнен в 1938 году; Моисей Рухимович (1889–1938), член Бунда с 1905 по 1913 год, когда вступил в партию большевиков. Член ЦК с 1924 года. В начале тридцатых годов нарком путей сообщения РСФСР. Арестован в 1937, казнен в 1938 году.

6. Автор пользовался текстом секретного доклада на французском языке, снабженным примечаниями Бранко Лазича (*Le Rapport Khrouchtchev et son histoire*. Paris: Éd. du Seuil, coll. «Points-Histoire», 1976. P. 76–100).

7. В конечном итоге, операция № 00447, первоначально рассчитанная на четыре месяца, продолжалась до ноября 1938 года и завершилась арестом более 767 тысяч человек, из которых 386 800 (50,4 %) были казнены.

8. «Немецкая операция», начатая 25 июля 1937 года под кодовым номером 00439 привела к концу ноября 1938 года — когда Сталин положил конец «Большому террору» — к аресту 56 787 человек. Из этого числа 55 005 были осуждены тройками НКВД: 41 898 (или 76 %) на смертную казнь и 13 107 на 8–10 лет ИТЛ. «Польская операция», начатая 11 августа 1937 года под кодовым номером 00485, привела к аресту 143 810 человек. Из этого числа 139 885 были осуждены тройками и 111 091 (около 80 %) приговорены к высшей мере наказания. «Харбинская» операция (№ 00593), названная так по одноименному городу в Маньчжурии и направленная против бывших служащих и рабочих Китайско-восточной железной дороги, репатриированных в СССР, начатая 9 сентября 1937 года, закончилась арестом 33 108 человек, из них 21 200 были казнены. «Латышская операция», начатая 30 ноября 1937 года: 22 360 человек арестовано, 16 573 казнено. «Финская операция», начатая 2 ноября 1937 года: 7023 человека арестовано, 5724 казнено. На данный момент по «румынской», «греческой», «эстонской», «иранской» и «афганской» операциям мы располагаем только цифрами, приводящимися в сообщении Комиссии Поспелова. О «польской операции» см.: *Петров Н. В., Рогинский А. Б.* «Польская операция» НКВД. 1937–1938 // Репрессии против поляков и польских граждан. М.: «Мемориал», 1997. С. 22–43. О «немецкой операции» см.: *Охотин Н. Г., Рогинский А. Б.* Из истории «немецкой операции» НКВД. 1937–1938 // Наказанный народ. Репрессии против российских нем-

цев. М.: «Мемориал», 1999. С. 35–75. О латышской операции см.: *Охотин Н. Г., Рогинский А. Б.* «Латышская операция» 1937–1938: архивный комментарий // 30 октября. 2000. № 4. С. 5.

9. Эта таблица, какой бы полной она ни была, не дает окончательного представления о «национальных операциях», продолжавшихся до конца ноября 1938 года. В действительности количество приговоров и казней резко возросло со второй половины сентября 1938 года, когда перегруженное руководство НКВД ввело новые органы внесудебной расправы, которым было поручено в течение двух месяцев «закрывать» все находящиеся на рассмотрении дела. В итоге «национальные операции» привели в июле 1937 – ноябре 1938 годов к осуждению 335 513 человек, из которых 247 157 (или 73,6 %) были казнены (*Охотин Н. Г., Рогинский А. Б.* Из истории «немецкой операции»... Цит. соч. С. 69).

10. Le Rapport Khrouchtchev. Op.cit. P.95.

11. Сообщение Комиссии Поспелова // АП РФ. 3/24/489/91.

12. ГА РФ. 9401/1/4157/201–205.

13. Эта Комиссия одобряла списки, направлявшиеся «двойками». С августа 1937 по сентябрь 1938 годов были утверждены 235 122 приговора, из них 172 830 смертных. В ходе заседания, длившегося несколько часов, Н. Ежов и А. Вышинский «рассматривали» в среднем 1–2 тысячи дел (см. примеры, упомянутые Комиссией Поспелова: 10 января 1938: утверждено 1667 приговоров; 14 января 1938: 1569; 15 января: 1884; 21 января: 2164 // АП РФ. 3/24/489/83).

14. С 28 марта 1924 года Особое Совещание (первоначально Коллегия ОГПУ) могло простым административным решением ссылать или приговаривать к тюремному заключению сроком до 3 лет любой «социально опасный элемент» или лиц, уличенных в связях с криминальной средой. В июле 1934 года длительность срока была увеличена до 5 лет, в сентябре 1937 года – до 10 лет. В ноябре 1941 года права и полномочия Особого Совещания при НКВД были значительно расширены, особенно это касалось дел о шпионаже, измене Родине и терроризме. С 1946 года Особое Совещание было передано в ведение министерства госбезопасности. За 30 лет существования ОСО вынесло приговоры в отношении 442 581 человека, из которых 10 101 был казнен.

15. Военная Коллегия Верховного Суда СССР, созданная в августе 1926 года, особенно активно участвовала в репрессиях против высшего партийного руководства, военных и хозяйственных кадров в годы «Большого террора», когда она осудила 44 тысячи человек, из которых около 85 % были приговорены к высшей мере наказания. В гораздо меньшей степени этот орган был задействован в 1940–1953 годах, когда Военной Коллегией Верховного Суда был вынесен приговор в отношении 4089 лиц // ГА РФ. 7423/89/4408/9.

16. Мы приводим здесь ключевые элементы, не уточняя продолжительность сроков (25 лет ИТЛ, 20 лет, 15 лет, 10–15 лет, 5–10 лет, 3–5 лет, менее 3 лет) и то, какими инстанциями выносились приговоры.

17. Комиссия по раскулачиванию, возглавлявшаяся В. Молотовым, разделила кулаков на три категории: кулаки 1-ой категории, «контрреволюционный кулацкий актив» подлежали либо расстрелу, либо отбыванию в ИТЛ на срок 5–10 лет. Кулаки второй категории, «остальные элементы кулацкого актива, особенно из наиболее богатых кулаков и полупомещиков», подлежали высылке в отдаленные местности, а их имущество – конфискации. Что касается, кулаков 3-ой категории, в которую входили все остальные, их оставляли «в пределах района», на «новых, отводимых им за пределами колхозных хозяйств, участках».

18. См.: *Wehner M.* Le soulèvement géorgien en 1924 et la réaction des bolcheviks // Communisme. 1995. № 42–44. P. 155–170.

19. Выдержки из переписки Политбюро с партруководством Закавказской федерации, 30 августа – 5 сентября 1924 см. в: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2000. С. 237–242.

20. *Khlevniouk O.* Les mécanismes de la Grande Terreur des années 1937–1938 au Turkménistan // Cahiers du monde russe. Vol. 39 (1–2), janvier–juin 1998. P. 197–208.

21. Было множество военных судебных органов: военные трибуналы Красной Армии и Военно-морского флота, флотские трибуналы, военные трибуналы железнодорожного и водного транспорта, военные трибуналы НКВД. Сравнение статистических данных органов безопасности и военных трибуналов часто выявляет наложение друг на друга различных категорий учтенных приговоров. Так, в таблицу полковника Павлова включена часть приговоров, вынесенных военными трибуналами, а именно те, что были вынесены за «контрреволюционную» деятельность военными трибуналами НКВД–МВД (см. следующее примечание).

22. ГА РФ. 7523/89/4408/26.

23. В этой таблице объединены данные трех справок, приведенных в докладе министра юстиции: две справки начальника Управления военных трибуналов полковника С. Максимова от 28 ноября и 7 декабря 1955 года (ГА РФ. 7523/89/4408/26–27, 42–43) и справка главы отдела ходатайств о помиловании при Президиуме Верховного Совета И. Бабухина от 29 декабря 1955 года (ГА РФ. 7523/89/4408/8–9). В ней исправлен двойной учет данных, касающихся некоторых категорий приговоров, уже принятых во внимание в справке полковника Павлова (см. предыдущее примечание).

24. Дезертиры и «паникеры» составляли большинство (64 %) из примерно 150 тысяч приговоренных к высшей мере наказания военными трибуналами в 1941–1943 годах.

25. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР, М., 1945. С. 247.

26. ГА РФ. 9492/6s/14/9.

27. Была еще одна разновидность внесудебного карательного органа, которую мы здесь детально рассматривать не будем. Речь о так называемых «лагерных особых трибуналах», которыми карались преступления, совершенные заключенными. Эти органы, созданные в 1947 году, в период с 1947

по 1954 годы осудили более 158 тысяч человек. Из них 440 были приговорены к смертной казни // ГА РФ. 7523/89/4408/47.

28. ГА РФ. 7523/89/4408/2–7. Эта справка от 29 декабря 1955 года, подписанная главой отдела ходатайств о помиловании при Президиуме Верховного Совета И. Бабухиным, представляет наибольший интерес. В ней в том числе проводится параллель между сталинскими и царскими репрессиями, причем сравнение оказывается не в пользу первых.

29. ГА РФ. 7523/89/4408/20–21.

30. Там же. 9492/6с/14/10. Точные цифры таковы: 2 091 438 осужденных в 1940 году по указу от 26 июня 1940 года, из которых 1 769 790 приговорены к исправительно-трудовым работам или к условному сроку и 321 648 — к лишению свободы.

31. В качестве примеров такого законодательства приведем, помимо указа от 26 июня 1940 года, закон от 26 декабря 1941 года, уже упоминавшийся выше, приравнивавший к дезертирству уход с оборонного предприятия (подлежавший рассмотрению в военном трибунале), закон от 13 февраля 1942 года, каравший любой отказ от трудовой мобилизации; закон от 15 апреля 1942 года, наказывавший за невыработку минимального количества трудодней в колхозах. В 1940–1953 годах по этим «законам военного времени» были осуждены 15 713 000 человек, из которых 3 941 000 (25 %) приговорены к лишению свободы.

32. ГА РФ. 7523/89/4408/30.

33. Там же. 7523/89/4408/135–136.

34. Там же. 9492/89/4408/29.

35. Там же. 7523/89/4408/31. Что касается изнасилования, это преступление (до принятия в 1947 году нового закона, усилившего ответственность за его совершение) каралось заключением на срок, в среднем не превышавший 4 лет.

36. ГА РФ. 9492/6с/14/15, 7523/89/4408/17.

37. Там же. 9492/6с/14/14, 7523/89/4408/15.

38. Там же. В справке приводились данные о резком росте количества приговоров за уголовные преступления (разбойные нападения, убийства, бандитизм) в 1946–1947 годах. Нужно ли видеть в этом отражение всплеска преступлений, являющихся следствием «брутализации» послевоенного общества, или рост эффективности силовых и судебных структур, в обязанности которых входила борьба с преступностью?

39. ГА РФ. 9492/6с/14/19. Примечательно, что доля «рецидивистов» достигла минимума (9,2 %) в 1947–48 годах, именно тогда, когда в массовом порядке начали применяться «злодейские законы» от 4 июня 1947 года. Одновременно в 1947–48 гг. максимума (40,1 %) достигла доля осужденных женщин.

40. ГА РФ. 7523/89/4408/5.

41. Там же. 7523/89/4408/11.

42. Там же. 7523/89/4408/12.

43. Там же. 7523/89/4408/53–54.

44. Население Российской империи в 1900 году составляло примерно 125 миллионов человек. Население СССР в 1946 году равнялось приблизительно 170 миллионам.

45. Речь идет о так называемых «волостных судах». Эти суды, отмечалось в справке Министерства юстиции, рассматривали только преступления, совершенные крестьянами в отношении других крестьян в пределах их волости. Среди этих преступлений фигурировали в том числе мелкие кражи, оскорбления общественного порядка и церкви и любые отклонения от моральных норм, такие как попрошайничество, продажа алкоголя в кредит, отказ от отбывания барщины или участия в коллективных работах общины. Абсолютное большинство такого рода деяний каралось наказаниями, не предусматривавшими лишения свободы.

46. Примечательно, что уровень преступности, если брать во внимание ее наиболее универсальные общепринятые «объективные» проявления, такие как убийство или изнасилование, оставался устойчивым.

47. В отличие от статистики «обычных» судов, публиковавшейся в «Статистическом ежегоднике Министерства юстиции», издававшемся в Санкт-Петербурге, данные органов внесудебной расправы оставались в секрете.

48. ГА РФ. 7523/89/4408/67 (армия) и 51 (флот). Две таблицы здесь сведены в одну.

49. Микоян А. Так было. М.: Вагриус, 1999. С. 592.

50. РГАНИ. 3/8/389/58–62. Этот текст включен в сборник документов «Реабилитация...». Цит. соч. С. 349–351.

51. Михаил Первухин (1904–1978) занимал посты министра химической промышленности (1942–1950), затем заместителя председателя Совета министров СССР (1950–1955). В 1952 году был избран в Президиум Центрального Комитета, где оставался до 1957 года.

52. Первые строки этого документа остаются покрытыми тайной. В них упоминаются три человека, и не ясно, кто из них произносил нижеследующие фразы.

53. Речь идет о трех письмах, продиктованных Лениным 23 и 31 декабря 1922 года и 4 января 1923 года, в которых тот весьма нелицеприятно высказывался о Сталине («Он ...сосредоточил в своих руках необъятную власть»; «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности Генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места...»). Сталину удалось добиться того, чтобы эти указания Ленина, о которых знали многие большевистские руководители, так и не были обнародованы.

54. Речь идет о документе, написанном Лениным в январе 1923 года («К вопросу о национальностях и автономизации»), в котором тот подверг жесткой критике политику Сталина, Орджоникидзе и Дзержинского в Грузии. Эти записки были переданы Лениным в том числе Троцкому, но тот не

упомянул о них на XIII съезде партии, когда там обсуждался национальный вопрос. Ленинские записки так и не были впоследствии опубликованы.

55. Речь о Михаиле Кагановиче (1888–1941), в 1932–1936 годах заместителе наркома тяжелой промышленности, в 1937–1939 годах наркомом оборонной промышленности, в 1939–1940-годах наркомом авиапромышленности СССР. В 1940 году уволен с поста министра и переведен на должность директора авиационного завода. Под угрозой ареста в июне 1941 года покончил с собой. Реабилитирован в октябре 1953 года.

56. *Николай Булганин* (1895–1975) был заместителем председателя Совета министров в 1947–1953 гг., министром Вооруженных Сил в 1947–1949 годах министром обороны в 1953–1955 годах. Член Политбюро, затем Президиума ЦК в 1948–1958 годах.

57. Речь об Александре Сванидзе (1884–1941), занимавшем в 1923–1926 годах пост наркома финансов Грузинской ССР, в 1930–1935 годах — председателя Внешнеторгового банка СССР, в 1935–1937 годах — заместителя председателя Госбанка СССР. Александр Сванидзе был женат на Марии Сванидзе, свояченице Сталина. Супруги Сванидзе были арестованы в 1937 году, приговорены к высшей мере наказания и расстреляны (Александр Сванидзе в августе 1941 года, Мария Сванидзе — в марте 1942-го). Реабилитированы в 1956-ом.

58. К. Ворошилов упоминает Кронштадтский мятеж, вспыхнувший как раз в дни проведения X Съезда партии, в марте 1921 года. На XIV Съезде, состоявшемся в декабре 1925 года, «врагами» были объявлены «зиновьевцы», которых возглавлял Г. Зиновьев, руководитель ленинградской парторганизации. После смещения (по итогам XIV Съезда) Зиновьева с поста первого секретаря ленинградской парторганизации, К. Ворошилов и С. Киров, новый «хозяин» ленинградской парторганизации, отправились в город на Неве, чтобы очистить его от «зиновьевцев».

59. Вячеслав Молотов.

60. *Михаил Сулов* (1902–1982) занимал пост первого секретаря орджоникидзевского обкома партии (1939–1944), затем был избран секретарем ЦК, где пребывал с 1947 по 1982 годы. В 1949–1951 годах — главный редактор газеты «Правда», член Президиума (затем Политбюро) ЦК КПСС, в 1952–1953 годах и в 1955–1982 годах. Главный партийный идеолог в брежневскую эпоху.

61. *Николай Беляев* (1903–1966) занимал пост первого секретаря алтайского обкома партии в 1943–1955 годах. В 1955–1958 — секретарь ЦК КПСС. В 1957–1960 годах — член Президиума ЦК КПСС.

62. *Михаил Сабуров* (1900–1977) в 1944–1946 годах. являлся заместителем председателя Совета министров, в 1949–1955 годах — председателем Совета министров, член Президиума ЦК КПСС с 1952 по 1957 годы.

63. *Дмитрий Шетилов* (1905–1995) занимал различные посты в аппарате ЦК в 1947–1952 годах. В 1952–1956 годах — главный редактор «Правды». В 1955–1956 годах — секретарь ЦК КПСС. В 1956–1957 — кандидат в члены Президиума ЦК.

64. *Андрей Кириченко* (1908–1975) возглавлял одесский обком партии в 1945–1953 годах. Член Президиума ЦК в 1952–1960 годах.

65. *Павел Пономаренко* (1902–1984) занимал различные должности в секретариате ЦК с 1945 года. В 1953–1954 — министр культуры СССР, член Президиума ЦК в 1952–1953 годах.

66. Протокол заседания Президиума ЦК КПСС от 9 февраля 1956 года (РГАНИ. 3/10/223/25; там же: 3/10/225/2).

67. По этапам редактирования и различным предварительным вариантам секретного доклада мы ныне располагаем рядом достоверных документов и свидетельств очевидцев: воспоминания Д. Шепилова (Вопросы истории. 1998. №.11–12), проект доклада, направленный Хрущеву Пospelовым и Аристовым (Реабилитация... Цит. соч. С. 353–364), замечания, продиктованные Хрущевым 19 февраля 1956 года в ходе редактирования секретного доклада (Реабилитация... Цит. соч. С. 365–379).

Список архивов

АП РФ	Архив Президента Российской Федерации
ГА РФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАНИСО	Государственный архив новейшей истории Смоленской области («Смоленский архив»)
РГАНИ	Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
РГВА	Российский государственный военный архив
ЦА ФСБ	Центральный архив Федеральной службы безопасности
ЦГВИА	Центральный государственный военно-исторический архив

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
ГЛАВА 1. Насилие сверху, насилие снизу в русских революциях 1917 года	19
ГЛАВА 2. Дезертиры в России: военное, революционное, крестьянское насилие (1916–1921)	31
ГЛАВА 3. Большевики и реставрация «государственности» (1917–1922)	46
ГЛАВА 4. Сопротивление крестьян насильственной коллективизации в СССР	66
ГЛАВА 5. «Дорогой Калинушка...» Письма крестьян Калинину, 1930 год	77
ГЛАВА 6. Пораженческие слухи и настроения в СССР в 1920–1930 годы	89
ГЛАВА 7. Великий голод 1932–1933 гг. на Украине	103
ГЛАВА 8. «Примитивные бунты» в СССР	119
ГЛАВА 9. Сталин и его система в 30-е годы	147
ГЛАВА 10. Феномен советских лагерей XX века	175
ГЛАВА 11. Депортации населения на российском и советском пространстве (1914 – конец 40-х годов): военное насилие, социальная инженерия, этно-историческое «изъятие»	195
ГЛАВА 12. Переосмысление «Большого террора»	234
ГЛАВА 13. «Провинциальные показательные процессы» в СССР во время «Большого террора» 1937–1938 годов	267
ГЛАВА 14. Признание в больших сталинских процессах	293
ГЛАВА 15. Советское общество в годы Великой Отечественной войны	311
ГЛАВА 16. Сопротивление общества в сталинском СССР	336
ГЛАВА 17. Указы об ответственности за хищение и кражи от 4 июня 1947 года: апогей сталинских «законных репрессий»	363
ГЛАВА 18. Массовые освобождения заключенных Гулага и конец «спецпоселений»: социально-политические ставки «оттепели» (1953–1957)	388
ГЛАВА 19. История «проекта секретного доклада». О чем кричала и о чем молчала Комиссия Пospelова, январь–февраль 1956 года	413

Научное издание

История сталинизма

Верт Никола

**ТЕРРОР И БЕСПОРЯДОК.
СТАЛИНИЗМ КАК СИСТЕМА**

Перевод А. И. Пигалева

Редактор *В. Т. Веденеева*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *П. П. Ефремов*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *И. В. Киселева*
Компьютерная верстка *Е. Н. Мартемьянова*
Корректор *Р. И. Кочнева*

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 05.10.2009.
Формат 60x90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 28. Тираж 2000. (1-й завод 1000) экз. Заказ № 8483

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393 Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция);
Тел./факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14